

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 6 2023

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 6 2023

Главный редактор:

академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *Р.Р. Саттаров*, канд. ист. наук *Е.Е. Воробьева*

Редакционная коллегия номера:

Галимова М.Ш., к.и.н. (Казань); **Хузин Ф.Ш.**, д.и.н., чл.-корр. АН РТ (Казань); **Матвеева Н.П.**, д.и.н. (Тюмень); **Воробьева Е.Е.** к.и.н. (Казань); **Голубева Е.Н.** (Казань); **Никитина Т.Б.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Губайдуллин А.М.**, д.и.н. (Казань); **Саггаров Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Руденко К.А.**, д.и.н. (Казань); **Нарожный Е.И.**, д.и.н. (Краснодар); **Бочаров С.Г.**, к.и.н. (Севастополь); **Шайхутдинова Е.Ф.**, к.т.н. (Казань); **Тулуш Д.К.**, к.и.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2023

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2023

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 6 2023

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Ruzil R. Sattarov**,
Candidate of Historical Sciences **Elena E. Vorobeva**

Editorial board:

Galimova Madina Sh., Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khuzin Fayaz Sh.**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); Matveeva Natalya P., Doctor of Historical Sciences (Tyumen); **Vorobeva Elena E.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Golubeva Ekaterina N.** (Kazan); **Nikitina Tatyana B.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Gubaidullin Airat M.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Sattarov Ruzil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Narozhnyi Evgenii I.**, Doctor of Historical Sciences (Krasnodar); **Bocharov Sergei G.**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Shaykhutdinova Eugenia F.** Candidate of Technical Sciences (Kazan); Tulush Demir K. Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrzstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Засечные черты России*

Аношко О.М. (<i>Тюмень, Россия</i>) Городские и посадские деревянные укрепления первого губернского города Сибири	8
Бородовский А.П. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Результаты археологических исследований фортификации петровского времени в Новосибирском Приобье по материала Умревинского острога	21
Дубман Э.Л. (<i>Самара, Россия</i>) К вопросу об изучении, сохранении и популяризации памятников фортификации пограничья Южного Средневолжья конца XVI - начала XVIII вв.	37
Данилов П.С., Соколов А.В. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Оборонительные сооружения Царевококшайска	52
Голотвин А.Н. (<i>Арзамач, Россия</i>), Бессуднов А.Н. (<i>Липецк, Россия</i>) Некоторые итоги археологического изучения Белгородской черты	63
Пигарёв Е.М. (<i>Казань, Россия</i>) Сведения о засечной линии Астраханского понизовья (из архивных источников и материалов археологических исследований)	94
Вихляев В.И. (<i>Саранск, Россия</i>), Зеленева Ал.Ю., Зеленева Ю.А. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Закамская и Пензенская оборонительные линии Русского государства второй половины XVII века	103
Забияко А.П. (<i>Благовещенск, Россия</i>) Русские остроги на Амуре в XVII в.: место в истории и исторической памяти	111
Дегтярев К.А., Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. (<i>Омск, Россия</i>) Тарская дистанция Ново-Ишимской оборонительной линии: итоги комплексного исследования в 2021 г.	129
Корчагин П.А. (<i>Пермь, Россия</i>) Деревянные кремли и остроги Прикамья XVI–XVIII вв.....	142
Рафикова Т.Н., Николаев А.И. (<i>Тюмень, Россия</i>) Культурный слой города Тюмени (Гостиный двор) (по результатам археологических работ 2022 г.).....	158
Ставицкий В.В. (<i>Пенза, Россия</i>) Керенская и Ломовская засечные черты: история и перспективы изучения	171

Поволжье в эпоху средневековья**

Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Социальная топография золотоордынского Болгара в работах А. П. Смирнова и по результатам новых исследований.....	178
Бадеев Д.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Финно-угорские древности с центральной части Болгарского городища (по материалам раскопов на месте исследований городского базара).....	191
Бугарчев А.И. (<i>Казань, Россия</i>), Ушакова С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Средневековые монеты из Болгарского городища по результатам работ 1970 г. (из фондов Государственного Исторического музея)	201
Валиев Р.Р., Степанов Р.А. (<i>Казань, Россия</i>) Результаты разведочных исследований на периферии Болгарского городища в 2018–2019 гг.	208
Губайдуллин А.М. (<i>Казань, Россия</i>) Исследования А.П. Смирнова оборонительных сооружений болгарских городищ	221

* Материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы историко-археологического изучения засечных линий России»

** Материалы Научного семинара «Поволжье в эпоху средневековья» (к 125-летию А.П. Смирнова)

Зиливинкая Э.Д. (<i>Москва, Россия</i>) Элементы интерьера золотоордынских жилых домов Нижнего Поволжья	231
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Материальная культура Волжских булгар в трудах А.П. Смирнова	249
Ситдииков А.Г., Пигарёв Е.М. (<i>Казань, Россия</i>), Сарыбаев М.К. (<i>Нукус, Узбекистан</i>) Комплекс мавзолеев у с. Лапас: к вопросу об атрибуции памятника	259

Историко-археологические исследования памятников регионов Евразии

Шапулатов У.Х. (<i>Термез, Узбекистан</i>) К вопросу изучения истории ирригации на территории Средней Азии в эпоху бронзы	271
Березина Н.Я. (<i>Москва, Россия</i>), Абрамова А.Н. (<i>Краснодар, Россия</i>), Зиганшин Р.Х. (<i>Москва, Россия</i>), Иванова А.В. (<i>Краснодар, Россия</i>) Новые случаи скальпирования из могильников Предкавказья и Северного Кавказа в эпоху раннего железного века	283
Китов Е.П. (<i>Москва, Россия</i>) Антропологические особенности населения пазырыкской культуры (по материалам могильника Берел)	297
Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Стоянки кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. (по данным озерной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты)	311
Акжасарова А.К. (<i>Астана, Казахстан</i>) Проблемы сохранности органических археологических материалов в Национальном музее Республики Казахстан	327
Абрамова А.Н. (<i>Краснодар, Россия</i>), Дружинина И.А. (<i>Москва, Россия</i>) Результаты палеоантропологического анализа останков воина из элитарного погребения XIV в. близ города Крымск	334
Байтанаев Е.Б. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Памятники археологии Тараза в исследованиях Г.И. Пацевича	347
Масловский А.Н. (<i>Азов, Россия</i>), Бочаров С.Г. (<i>Севастополь, Россия</i>) К вопросу о клеймах на византийских амфорах (на основании находок на территории Золотой Орды)	358
Осо Р.Н., Хуснуллина А.А. (<i>Казань, Россия</i>) Исламские хаммамы Леванта	366

Хроника

Мухетдинов Д.В. (<i>Москва, Россия</i>) Три Сабачайских надмогильных памятника	377
Валиев Р.Р., Воробьева Е.Е. (<i>Казань, Россия</i>), Сарыбаев М.К. (<i>Нукус, Узбекистан</i>), Саттаров Р.Р., Ситдииков А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Опыт международного сотрудничества Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с научными организациями Узбекистана в 2022–2023 г.	390
Список сокращений	401
Правила для авторов	402

CONTENT

Defensive lines of Russia

Anoshko O.M. (<i>Tyumen, Russian Federation</i>) Urban and Posad Wooden Fortifications of the First Province City of Siberia	8
Borodovskiy A.P. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>) Results of Archaeological Studies of Peter the Great Time Fortification in the Novosibirsk Ob Region Based on Materials Umreva Ostrog	21
Dubman E.L. (<i>Samara, Russian Federation</i>) On the Question of Studying, Preservation and Popularization of Fortification Sites of the Southern Middle Volga Region Borderland of the Late XVI – Early XVIII Centuries	37
Danilov P.S., Sokolov A.V. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Tsaryovokokokshaysk Defensive Structures	52
Golotvin A.N. (<i>Argamach, Russian Federation</i>), Bessudnov A.N. (<i>Lipetsk, Russian Federation</i>) Some Results of the Archaeological Study of the Belgorod Defense Line	63
Pigarev E.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Information about the Zasechnaya Line in the Lower Part of the Volga in the Astrakhan Region (from archival sources and materials of archaeological studies)	94
Vikhlyaev V.I. (<i>Saransk, Russian Federation</i>), Zeleneev Al.Yu., Zeleneev Yu.A. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Trans-Kama and Penza Defensive Lines of the Russian State i n the Second Half of the XVII Century	103
Zabiyako A.P. (<i>Blagoveshchensk, Russian Federation</i>) Russian Wooden Forts on the Amur River Region in the XVII Century: place in history and historical memory	111
Degtyarev K.A., Korusenko M.A., Gerasimov Yu.V. (<i>Omsk, Russian Federation</i>) Tara Distance of the Novo-Ishim Defensive Line: results of the comprehensive study in 2021	129
Korchagin P.A. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Wooden Kremlins and Fortresses of the XVI-XVIII Centuries in the Kama Region.....	142
Rafikova T.N., Nikolaev A.I. (<i>Tyumen, Russian Federation</i>) Cultural Layer Of Tyumen (Merchant Court) (based on the results of archaeological excavations in 2022).....	158
Stavitsky V.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Kerensk and Lomov Frontier Lines: history and prospects of study	171

Volga region in the Middle Ages

Badeev D.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Social Topography of the Golden Horde Bolgar in the Works by A.P. Smirnov and according to the Results of New Studies	178
Badeev D.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Finno-Ugric Antiquities from the Central Part of the Bolgar Fortified Settlement (based on the materials of excavations at the site of the city bazaar) ...	191
Bugarchev A.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Ushakova S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Medieval Coins from the Bolgar Settlement based on the Works in 1970 (from the collections of the State Historical Museum)	201
Valiev R.R., Stepanov R.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Results of Survey Works on the Periphery of the Bolgar Fortified Settlement in 2018-2019	208
Gubaidullin A.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Studies of bolgar Fortified Settlements Defensive Structures by A.P. Smirnov	221
Zilivinskaya E.D. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Interior Elements Of The Golden Horde Residential Buildings In The Lower Volga Region	231

Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Material Culture of the Volga Bolgars in the Scientific Works by A.P. Smirnov.....	249
Sitdikov A.G, Pigarev E.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Sarybaev M.K. (<i>Nukus, Uzbekistan</i>) The Complex of Mausoleums at the Village of Lapas: on the question of site attribution.....	259

Historical and Archaeological Research of the Monuments of Eurasian Regions

Shapulatov U.Kh. (<i>Termez, Uzbekistan</i>) To the Question of Studying the History of Irrigation on the Territory of Central Asia in the Bronze Age	271
Berezina N.Ya. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Abramova A.N. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>), Ziganshin R.Kh. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Ivanov A.V. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>) New Cases of Scalping from the Burial Grounds of the Pre-Caucasus and the North Caucasus in the Early Iron Age.....	283
Kitov E.P. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Anthropological Features of the Population of the Pazyryk Culture (based on materials from the Berel burial mound)	297
Savelev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Campsites of the Southern Urals Nomads in the Middle of the I Millennium BC (according to data from the Bannoye – Sabakty – Karabalykty Lake System)	311
Akzhasarova A.K. (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Problems of Preservation of Archaeological Organic Materials in the National Museum of the Republic Of Kazakhstan	327
Abramova A.N. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>), Druzhinina I.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The Results of Paleoanthropological Analysis of the Remains of a Warrior from an Elite Burial of the XIV Century near the City of Krymsk	334
Baitanayev E.B. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Taraz Archaeological Sites in G.I. Patsevich’s Studies	347
Maslovskiy A.N. (<i>Azov, Russian Federation</i>), Bocharov S.G. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) On the Issue of Stamps on Byzantine Amphoras (on the basis of materials from the territory of the Golden Horde)	358
Oso R.N., Khusnullina A.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Islamic Hammams of the Levant.....	366

Chronical

Mukhetdinov D.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Three Sabachay Gravestones.....	377
Valiev R.R., Vorobeva E.E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Sarybaev M.K. (<i>Nukus, Uzbekistan</i>), Sattarov R.R., Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Experience Of The International Cooperation of the Archaeological Institute named after A.Kh. Khalikov TAS with Scientific Organizations of Uzbekistan in 2022-2023.	390
List of Abbreviations	401
Instructions for Authors	402

Засечные черты России

УДК 902: 94

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.8.20>

ГОРОДСКИЕ И ПОСАДСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПЕРВОГО ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА СИБИРИ¹

©2023 г. О.М. Аношко

В статье представлена характеристика городских и посадских укреплений Тобольска XVII в. на основе компаративного исследования исторических, картографических и археологических источников. По имеющимся данным установлено, что этапы и характер застройки первого губернского города Сибири на ранних этапах его истории зависели от локализации и особенностей строительства оборонительных линий. Анализ сибирских летописей, поздних исторических текстов, планов города и материалов археологических исследований позволили определить в каком направлении шло развитие Тобольска и как менялись его границы с течением времени, а также уточнить локализацию фортификаций, выявить их истинные размеры и устройство деревянных конструкций. Дана детальная характеристика всех обнаруженных на площади раскопов, заложенных в исторической части города, оборонительных сооружений, представленных разных размеров канавами от частоколов, с дополнительными конструкциями.

Ключевые слова: археологические, исторические и картографические источники, Тобольск, XVII в., городские укрепления, посадский острог.

URBAN AND POSAD WOODEN FORTIFICATIONS OF THE FIRST PROVINCE CITY OF SIBERIA²

О.М. Anoshko

The article presents the characteristics of the urban and posad fortifications of Tobolsk of the XVII century on the basis of a comparative study of historical, cartographic and archaeological sources. According to the available data, it has been established that the stages and nature of the development of the first province city of Siberia in the early stages of its history depended on the localization and features of the defensive lines construction. The analysis of Siberian chronicles, late historical texts, urban plans and archaeological research materials allowed to determine the development direction of Tobolsk and change of its borders over time, as well as to clarify the localization of fortifications, to reveal their true size and the construction of wooden structures. A detailed description is given of all revealed excavations, laid in the historical part of the city, fortifications, represented by ditches of different sizes from palings, with additional structures.

Keywords: archaeological, historical and cartographic sources, Tobolsk, XVII century, urban fortifications, posad fort (ostrog).

В XVII в. Тобольск не только выполнял функцию военно-управленческой крепости, но и был организующим центром российской колонизации Сибири. Динамика и характер застройки этого первого сибирского губернского города на ранних этапах его истории зависели от локализации и особенностей строительства оборонительных линий. Трас-

сировка улиц и кварталов, взаиморасположение значимых, в том числе кремлевских, построек исторически сложились под влиянием конфигурации деревянных городских и посадских укреплений, возведенных в разные периоды XVII в. Данная тема обзорно освещалась в трудах В.И. Кочедамова (1963), В.В. Кириллова (1984), С.П. Заварихина (1987).

1 Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум», № 121041600045-8.

2 The research was undertaken as a part of the State Task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the project "Western Siberia in the context of Eurasian relations : human, nature, society", No. 121041600045-8.

Комплексный анализ сибирских летописей, поздних исторических источников, картографических и археологических материалов, их перекрестная критика позволят не только определить в каком направлении шло развитие Тобольска и как менялись его границы с течением времени, но и уточнить локализацию оборонительных линий, выявить их истинные размеры и устройство деревянных конструкций. Каждый из этих видов источни-

ков имеет свою специфику и преимущества в изучении оборонительных сооружений.

Исторические источники свидетельствуют об основных этапах развития тобольских укреплений. Сведения о них во многих случаях довольно скупы и могут касаться лишь фактов их строительства, перестройки и гибели при пожарах, каждый из которых был настоящим бедствием для деревянного города на протяжении XVII в. Хронологическая

Таблица 1. Хронологический перечень событий в истории тобольских деревянных укреплений

Table 1. Chronological list of events in the history of Tobolsk wooden fortifications

Дата	Событие	Описания в исторических источниках, литературе
1587	Строительство «ладейного города»	Из «судового» леса построен первый острог письменной головой Данилой Чулковым на краю стрелки Троицкого мыса (Кочедамов, 1963, с. 7). В одном из списков Академической редакции Сибирского летописного свода сохранилась такая фраза, касающаяся «ладейного города»: «острогом по местам забиран» (1987, с. 386), которую, может быть, следует понимать так: стена этого города не была сплошной, замкнутой.
1593/1594	Перестройка «ладейного города», строительство посадских укреплений	Из того же материала - «судового леса». Тогда же укреплениями защитили и часть посада (Сибирский летописный свод. Книга записная, 1987, с. 139; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 368).
1599/1600	Перенос «ладейного города»	Из восточной в западную часть Троицкого мыса, ближе к берегу Иртыша (Сибирский летописный свод. Книга записная, 1987, с. 140; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 369).
1605/1606	Строительство нового «из бревен рубленого города»	Возведена крепость с семью башнями, из которых три были воротными, а четыре — глухими (Кочедамов, 1963, с. 8, 11, 12; Сибирский летописный свод. Книга записная, 1987, с. 142—143; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 370).
1620-е	Строительство Софийского двора	В восточной части Троицкого мыса на месте заброшенного старого острога возведение Софийского двора (архиерейского подворья), с деревянной оградой (Кириллов, 1984, с. 34).
1627 г.	Обветшание посадских укреплений	По сообщению воеводы Михаила Трубецкого, острожные стены, опоясывавшие посад в виде частокола с Пермской и Казачьей башнями на взвозах, почти полностью сгнили (Кочедамов, 1963, с. 10—12).
14 августа 1643 г.	Пожар, гибель городских и посадских укреплений	«... в Тобольске бысть пожар большой, сгорел город и соборная, и приходская церкви, святой двор и воеводские, и гостиные дворы, и тюремный двор, и посад на горе весь по девич монастырь» (Кузнецов, 1999, с. 82).
1645/1646	Строительство новых городских и посадских укреплений	Из-за угрозы нападения джунгар, вокруг посада возведен новый острог, отнесенный в напольную сторону почти на 500 м (Кочедамов, 1963, с. 12, 13). Город окружала стена с десятью «четвероугольными» и «круглыми» башнями. Стены состояли из срубов, имевших нижний и верхний бои. По веру срубов проходила крытая боевая галерея с выступом-обламом. Острожные стены вокруг посада укрепили десятью «быками» (Сибирский летописный свод. Книга записная, 1987, с. 154; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 372).

1660/1661	Строительство новых посадских укреплений	Посад к этому времени существенно разросся. Все редакции Сибирского летописного свода упоминают о сооружении острожной стены «кругом всего посаду» (Сибирский летописный свод. Головинская редакция, 1987, с. 205; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 373).
1665/1666	Перестройка городских укреплений	Книга записная из Сибирского летописного свода (1987, с. 161) упоминает о сооружении одного из участков острога «от Красной башни до Быкасовской».
25 марта 1672	Пожар, гибель восточной городской стены с башнями	«... в Тобольске в городе, сгорела церковь Вознесения Господня и городовые стены, в восточную сторону стена, да башня четверугольная сгорела» (Кузнецов, 1999, с. 86—87). После пожара на месте угловой восьмиугольной башни возведена новая Вознесенская церковь, оказавшаяся теперь в системе городской стены (Кочедамов, 1963, с. 16).
29 мая 1677	Пожар, гибель городских и посадских укреплений	«И выгорело всякое деревянное здание без остатку и пояде огонь» (Сибирский летописный свод. Головинская редакция, 1987, с. 212). Среди этих сооружений упоминается не только «град рубленый», несколько церквей, гостиный и тюремные дворы и много чего еще, но и «острог, что от собору подле Софийского двора, да две башни острожные, что на Базарном звозе».
1677/1678	Строительство новых городских и посадских укреплений	Сразу же после пожара, в июне 1677 г. они «начали острог ставить по городской стене, где стоял рубленой город и поставил[и] в 5 дней». За восстановление самого города взялись позже, ровно через год, и в июне-октябре 1678 г. на прежнем месте был сооружен «новый деревянный рубленой город с башнями перед прежним с прибылью» (Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция, 1987, с. 275). Тобольский кремль имел девять башен и встроенную в стену Вознесенскую церковь. Все угловые башни были шестигранными, стеновые башни - четырёхугольными, а главная воротная башня - восьмигранной. Прясла состояли из срубов. В каждом срубе было по два боя - нижний и верхний. Бойницы были устроены и в крытой галерее, проходившей поверх срубов. Высота стен до кровли достигала 7 м, башни были намного выше (Кочедамов, 1963, с. 18).
7 августа 1680	Пожар, гибель городских и посадских укреплений	«...згорел город на горе со всем строением» (Сибирский летописный свод, Нарышкинская редакция, 1987, с. 276).
1680/1681?	Строительство новых городских и посадских(?) укреплений	Отстроенный после пожара город имел ограждение из вертикально вкопанных в землю и заостренных наверху бревен. Его площадь, видимо, соответствовала только что сгоревшему городу. Взамен девяти были построены три башни, все на северной стороне. Восточная и западная стены вовсе не имели башен, а на юго-западном углу острога была вновь построена Вознесенская церковь. Кроме нее, в южную стену была встроена Приказная палата (Сибирский летописный свод. Книга записная, 1987, с. 172; Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция, 1987, с. 276; Сибирский летописный свод. Академическая редакция, 1987, с. 375; и др.). Когда именно и в каком виде был воссоздан посадский острог, не ясно.
1680-е	Строительство каменных построек, ограды Софийского двора	В восточной части Троицкого мыса Софийский двор, охвативший значительно большую территорию по сравнению с предшествующей деревянной, приобрёл вид крепости. Вдоль каменных стен расположились семь круглых, две квадратные и одна многогранная («Грановитая») башни (Кочедамов, 1963, с. 28, 30).

26 апреля 1686	Пожар, обветшание? городских и посадских укреплений	«... загорелась на горе церковь Вознесения Господня и Приказная палата, и ту церковь и Приказную палату, и город едва отстояли московские стрельцы полка окольного Федора Алексеевича Головина...» (Сибирский летописный свод. Головинская редакция, 1987, с. 222). Сам город удалось отстоять, но точно не известно - пострадали ли при этом оборонительные сооружения, защищавшие верхний посад. Впрочем, можно почти не сомневаться в том, что если они и не сгорели, то находились в плачевном состоянии.
29 апреля 1688	Строительство новых, самых мощных посадских укреплений	Сообщения об этом сохранились фактически во всех редакциях, видах и списках Сибирского летописного свода, а наиболее полные — в Головинской редакции (1987, с. 226, 227). К этому времени город разросся, в наполную сторону укрепления были отнесены примерно на 300 м. На самом сложном для обороны участке — «по полю» от Иртыша до Курдюмки — решено было возвести земляной вал со рвом. По этой же линии были построены четыре башни – Наугольная, Воскресенская, Троицкая и Петропавловская. Со стороны иртышского крутояра ни город, ни посад не были ничем защищены, а со стороны Курдюмки поставлен бревенчатый частокол, общая протяженность которого, по подсчетам В.И. Кочедамова (1963, с. 23), превысила 1,2 км. Эта острожная стена продолжалась до стен Софийского двора, в самом начале имела две калитки, затем — ворота на Малом Казачьем взвозе и всего две проезжие башни — на Большом Казачьем и Прямском взвозах.
4 июня 1701	Пожар, повреждение городских и посадских укреплений	«... загорелось под горою... и от того пламени кинуло на гору на Софийский двор, и загорелась старая Соборная и ветхая церковь, и от той церкви в ограде церкви и кельи деревянные, и у башен верхи, и гостинный двор, и лавки, и церкви Воскресения Христова и Всемилоостивого Спаса, и Верховных апостол Петра и Павла, и Успенский девичий монастырь, и в нем церкви и кельи, и на горе всяких чинов жителей дворы, и воеводский, и девичий дворы выгорели до земляного вала, и Воскресенская башня. Только на горе осталось от того пожара город, Приказная палата, Вознесенская церковь, боярский двор да церковь Николая Чудотворца, что на Прямском взвозе, да около той церкви осталось дворов 40 и больше» (Кузнецов, 1999, с. 102; Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция, 1987, с. 292). Не все участки посадских укреплений были повреждены огнем.

последовательность этих событий представлена в таблице. О конструктивных особенностях оборонительных сооружений по летописным текстам судить практически невозможно, в них сохранились лишь намеки на существование городских и посадских стен.

Следовательно, письменные источники указывают как минимум на семь этапов строительства новых деревянных городских и посадских укреплений в Тобольске в течение XVII в. Необходимость в этом возникала в основном из-за пожаров, уничтожавших полностью либо сильно повреждавших оборонительные линии, а также из-за разрастания территории верхнего посада в северном направлении, в наполную сторону. Сибирские летописи свидетельствуют о том, что посадская стена была острожной, но насколько

частокол в тот или иной период был заглублен в грунт и какой высоты достигал, они, естественно, умалчивают. Кроме того, оборонительные сооружения, построенные на территории верхнего посада в 1688 г., были не только самыми мощными в истории этой части города, но и самыми последними по времени.

Описания городских укреплений, локализованных на стрелке Троицкого мыса, в некоторых сохранившихся текстах более подробные. Так, первый «ладейный» город и возведенная после пожара 1680 г. крепость были защищены тыном, а отстроенные заново в 1605/1606, 1645/1646 и 1677/1678 гг. городские стены имели срубную конструкцию, с башнями по их периметру. В научной литературе часто приводят описание Тобольска неизвестным

иностранцем, приехавшим в город в 1666 г. Им отмечено, что «город на горе представляет собой крепость, укрепленную против набегов только стакетой из еловых деревьев, без травы и земляного вала; но на верхушке горы, прямо над рекою, ...он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы...» (Кочедамов, 1963, с. 14). Получается, что в один и тот же период в городе могла использоваться комбинированная техника сооружения укреплений – тыновая стена и выполненная в виде городен или тарасов. Видимо, это зависело от разных обстоятельств: от степени военной угрозы, от особенностей ландшафта и от символически-декоративного характера построек. Важно отметить, что с начала XVIII в. в Тобольске началось строительство городских укреплений в камне не только в пределах Софийского двора, но и в западной части стрелки Троицкого мыса. Так появился каменный Тобольский кремль. Подавляющая часть этих построек до нашего времени дошла в перестроенном виде, изменился зачастую не только их внешний облик, но и месторасположение, а некоторые навсегда исчезли с поверхности земли (Балюнов, Данилов, 2017, с. 10).

Картографические источники, представленные разновременными планами города, позволяют прежде всего определить хронологическую локализацию оборонительных сооружений. На современном ландшафте Тобольска четко прослеживаются границы каменного Тобольского кремля и контуры земляного вала 1688 г., значительные фрагменты которого сохранились до наших дней. Острожные стены, построенные на территории верхнего посада в разные периоды XVII в., визуально не фиксируются и, видимо, скрыты современной застройкой, которая является следствием регулярных преобразований планировочной структуры исторической части Тобольска в конце XVIII – начале XIX вв.

На первом из известных планов Тобольска, обнаруженном в сибирской летописи Ивана Черепанова и датированном, по мнению В.И. Кочедамова, началом 70-х гг. XVII в. (1963, с. 16), деревянная оборонительная линия 60–70-х гг. XVII в. из вертикально вкопанных в землю и заостренных наверху бревен проходила как по иртышскому берегу, так и по берегу р. Курдюмки.

Фортификационные сооружения легли в основу ремезовских планов Тобольска. Первый из них был составлен в 1688 г. и вошел в «Хорографическую чертежную книгу» (2011, л. 161, 163 об.); второй – не позднее 1701 г. в «Чертежной книге Сибири» (2003, л. 3 об. – 4), и третий, относящийся к 1714 г., в «Служебной чертежной книге» (2006, л. 18 об. – 19). На каждом из них показан длинный частокол, прикрывающий посад с восточной стороны и соединяющий земляной вал со стенами Софийского двора. На участке, наиболее удобном для штурма, – от крутого иртышского яра до высокого берега р. Курдюмки – был возведен не только частокол, а земляной вал со рвом и четырьмя башнями. Со стороны иртышской кручи высотой около 50 м ни посад, ни город не были защищены, а со стороны р. Курдюмки, срез которой был не таким глубоким, поставлен бревенчатый частокол, который не представлял собой идеально прямой линии, а изгибался вдоль неровного края террасы, то опускаясь, то поднимаясь вверх, пересекал несколько глубоких логов, которые в Тобольске с тех пор именуют взвозами: Большой, Малый, Казачий и Никольский. В конце концов, этот тын соединялся с ограждениями Софийского двора.

С 1714 г. В.И. Кочедамов соотнес также другой чертеж города, сохранившийся в копии ученика инженерной палаты В. Исакова и восходящий по времени к последнему из ремезовских, но существенно отличающийся от него (1963, с. 70, рис. 40). На плане В. Исакова частокол над р. Курдюмкой не показан. Из этого может следовать, что так называемый ремезовский план 1714 г. на самом деле старше, но эта гипотеза нуждается в серьезной проверке. Если это не ошибка копииста, то данный факт может указывать на то, что в середине второго десятилетия XVIII в. деревянные укрепления верхнего посада Тобольска были уже разобраны за ненадобностью. На более поздних планах города XVIII и XIX вв. посадские острожные стены, кроме земляного вала, также отсутствуют, а городские укрепления представлены в камне и ограничивают территорию Тобольского кремля. Так, на плане 1748 г. показан ров, берма и сам вал без острожной стены (Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 59).

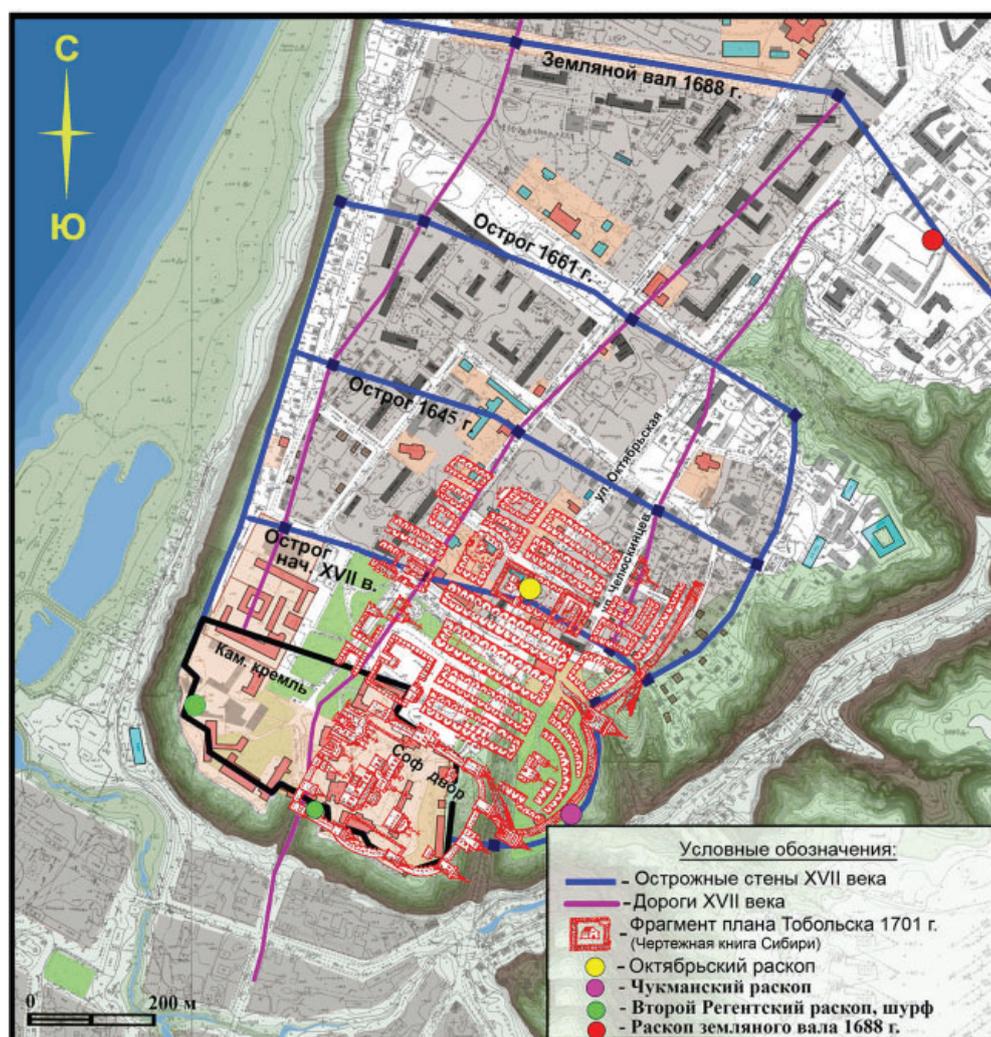

Рис. 1. Схема оборонительных укреплений Тобольска XVII в. и места расположения раскопов на историко-архитектурном опорном плане нагорной части (Топографическая съемка 2006 г.).

Fig. 1. The sketch-map of the defensive fortifications of Tobolsk of the XVII century and location of the excavations on the historical and architectural basic plan of the hill part (Topographic survey 2006).

Для трассировки оборонительных линий нами рассмотрен дорегулярный геодезический план города 1763 г., демонстрирующий особенности его застройки до кардинальных планировочных изменений (Аношко, Клименко, 2019, с. 10). По начертанию поперечных улиц между кромкой оврагов р. Курдюмки и крутым берегом Иртыша нами определены основные этапы роста города в сторону «поля» и соответственно границы сменявшихся друг друга линий обороны, при пересечении которых с главными улицами четко фиксируются места расположения проезжих башен острога. План 1763 г. был адаптирован к топографии города, ландшафтные особенности нагорной части которого являются достаточно стабильным элементом город-

ской подосновы. В результате на современную топографическую съемку города нами нанесена наиболее вероятная схема развития укреплений Тобольска, уточнено местонахождение его острожных стен и башен XVII в., а также установлено, что некоторые фрагменты современной застройки, особенно на участках вблизи оврагов поймы р. Курдюмки, сохранили начертание улиц XVII в. (рис. 1).

Археологические источники, полученные в ходе исследования разных участков культурного слоя в исторической части Тобольска, дали возможность уточнить локализацию и реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских и городских укреплений XVII в.

Восточную оборонительную линию, проходившую по берегу реки Курдюмки, нам удалось изучить на мысу Чукман, образованном глубокими логами – Никольским и Казачьим взвозами. Он являлся частью верхнепосадской территории и был обжит тоболяками практически с момента основания города. В юго-восточной части мыса, у самой его бровки и прямо над рекой Курдюмкой был исследован участок площадью 352 м² (рис. 1). В Чукманском раскопе выявлены остатки частоколов, проходивших примерно параллельно один другому на расстоянии 5–9 м от края террасы и являвшихся частью посадского острога в разные периоды его функционирования на протяжении XVII в. (Аношко, Клименко, 2019, с. 11–12). Выборка заполнения узких канав показала, что их ширина составляла около 0,4 м, а глубина – около 0,3 м от уровня материка и, соответственно, примерно 0,5–0,6 м от уровня погребенной почвы. В каждой из них обнаружены остатки вертикально стоявших столбов, которые почти истлели, но неплохо фиксировались, причем обычно не поодиночке, а в виде цепочек разной длины. В некоторых случаях отмечены сдвоенные ряды сгнивших бревен или их аморфные скопления. На отдельных участках раскопа остатки вертикальных столбов выявлены и за пределами канав. Диаметр сохранившихся столбиков древесного тлена варьировал от 5 до 10 см, а друг от друга в рядах они находились на расстоянии 5–20 см. На этом основании можно предполагать, что диаметр основной части бревен изначально не превышал 20–25 см. По историческим данным, начиная с XVII в. существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени – около 5 м, диаметром 5 вершков – 22,5 см (Бородовский, Бородовская, 2003). Кое-где на дне канав отмечены неглубокие ямки конической формы, которые тоже образовывали цепочки, а иногда группировались попарно или бессистемно. Поскольку таких канавок здесь было выявлено не менее шести, а некоторые из них разделялись на отдельные «рукава», нетрудно догадаться, что острожная посадская стена пережила несколько серьезных перестроек и более мелких ремонтов, вызванных либо пожарами, либо в результате обветшания острожных деревянных конструкций.

По самому краю мыса Чукман, на расстоянии 1–3 м от него, проходила еще одна кана-

ва, более поздняя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, которая отличалась от описанных выше объектов не только размерами и глубиной котлована, но и структурой и цветом его заполнения (Аношко, Клименко, 2019, с. 13–14). В ходе исследования этого углубления местами были расчищены фрагменты бревен и их отпечатки на его дне в виде ямок диаметром 0,2–0,3 м. Эта канава является остатками тына, впоследствии разобранного либо сгоревшего, так как в верхней части заполнение котлована было насыщено вкраплениями угля. Раскопки показали, что для котлована характерны ступенчатые стенки, его ширина варьировала от 1 до 1,7 м, глубина от уровня материка – от 0,7 до 1 м, а с учетом мощности погребенной почвы – до 1,5 м. Эта оборонительная линия состояла не только из частокола. С внутренней стороны канавы, на расстоянии 0,8–1,2 м от нее, зафиксирована четко выраженная цепочка подпрямоугольных и подквадратных ям глубиной преимущественно 0,55–0,65 м от материковой поверхности и 0,7–0,85 м от уровня материка с остатками вертикально установленных столбов диаметром 0,25–0,3 м. В некоторые из этих углублений было установлено по одному бревну, в другие – по два, а в некоторые – даже по три. Надо полагать, что они являлись опорами пристроенного к тыну помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. Обнаружение в цепочке углублений сдвоенных столбовых ям с материковыми перемычками посередине позволяет предполагать, что стоявшие в них пары бревен могли поддерживать срубные стенки, которые, возможно, имелись под «боевым ходом» и одним концом примыкали к тыну. Заключение о наличии помоста у тобольской острожной стены дает возможность предполагать, что в ней могли быть проделаны бойницы, существенно расширявшие возможности для обстрела противника из пушек и пищалей.

Еще одной особенностью исследованной линии укреплений являлось наличие у канавы прямоугольного наружного выступа размерами 3,4×2,3 м. Он представлял собой П-образную канавку шириной 0,6–0,95 м, глубиной от уровня материка 0,5–0,75 м, в которую вплотную друг к другу были установлены отрезки бревен диаметром от 0,15 до 0,25 м и высотой около 0,8 м. Пространство

между столбиками и стенками канавки было заполнено грязно-желтым (материковым по происхождению) суглинком. Данный объект интерпретирован как остатки фундамента совсем небольшой башенки, пристроенной к наружной части острожной стены уже после ее возведения. Этот столбчатый фундамент, судя по всему, поддерживал срубную конструкцию башни – караульной постройки, а потребность в нем была связана с необходимостью усилить и выровнять основание данного сооружения, возводившегося фактически на самом краю мыса. Остатки такого же фундамента башни обнаружены А.П. Бородовским при исследовании Умревинского острога (Бородовский, Горохов, 2008).

Возникает вопрос о хронологии исследованных остатков восточной оборонительной линии посада (Матвеев, Аношко, Клименко, 2012, с. 77). Его решение возможно на основе синтеза археологических и исторических данных. Первые свидетельствуют о том, что линия частокола, которая некогда проходила по берегу реки Курдюмки, несколько раз перестраивалась, незначительно меняя при этом свое местоположение, и, значит, существовала более или менее продолжительный отрезок времени, минимум несколько десятилетий. Второе заключение, которое можно сделать по материалам раскопок, сводится к тому, что на ранних этапах существования этой стены она проходила хоть и недалеко от края мыса, но все же на некотором от него удалении, тогда как самый поздний тын вместе с пристроенным к нему помостом и башенкой были выдвинуты к самому склону, что называется, дальше некуда. При этом важно подчеркнуть, что остатков каких бы то ни было более поздних фортификационных сооружений на площади раскопа не зафиксировано. Стоит напомнить, наконец, и то, что, судя по размерам обнаруженных канав, позднейшая стена представляла собой значительно более мощное укрепление, чем любая из ранних. Ее характер, местоположение и конструкция допускают соотнесение с ней восточной оборонительной линии, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство не только самых грандиозных, но и последних в его истории посадских укреплений.

Западная оборонительная линия, проходившая на территории посада по краю берега Иртыша, археологически не исследовалась.

Но ее тыновая конструкция, скорее всего, была аналогична самым ранним укреплениям, обнаруженным на мысу Чукман. Тем более что, по историческим и картографическим данным, она уже не входила в состав самых поздних посадских фортификаций. Есть также сообщения путешественников, например И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, посетивших Тобольск в первой половине XVIII в., о постоянном обрушении крутого и высокого берега Иртыша, о том, что «...часто приходилось стоящие близко к берегу дома сносить и переносить подальше...» (Зиннер, 1968, с. 157-158; Элерт, 1990, с. 234). Данное обстоятельство приводит к сомнению, что остатки западных оборонительных сооружений могли сохраниться под современной застройкой.

Южная оборонительная линия была обнаружена нами на территории Тобольского кремля, на площади 167 м² Второго Регентского раскопа, заложенного в юго-западной части Троицкого мыса (Аношко, 2020, с. 55) (рис. 1). Она представлена канавой, ориентированной вдоль берега Иртыша. Ее котлован перерезал самый нижний пласт культурных отложений, погребенную почву и был впущен в материк. Несмотря на то, что в ходе его вскрытия лишь местами фиксировались фрагменты бревен, он, несомненно, являлся остатками тына, сооруженного для защиты города. Практически на всех участках канава имела ступенчатые стенки, ее ширина на уровне материка от 0,65 до 1,3 м, а глубина, замеренная от этого же уровня, от 0,2 до 0,5 м. Учитывая мощность погребенной почвы, можно сделать вывод о том, что частокол был вкопан в грунт примерно на 1 м. С восточной стороны от него выявлены подпрямоугольные выступы, впущенные в них бревна и плахи, которые служили горизонтальными подпорками бревенчатой стены, а также серия ям, располагавшихся параллельно канаве с определенной периодичностью. Ямы имели подквадратную, округлую или овальную формы, их длина не превышала 0,8 м, ширина – 0,6 м, а глубина – 0,55 м от материковой поверхности. При их вскрытии расчищен древесный тлен либо зафиксированы фрагменты вертикально стоявших бревен диаметром до 0,2 м. Эти столбы служили опорами для помоста, возведенного вдоль тыновой стены и усиливавшего ее устойчивость и существенно расширявшего возможности для обстрела противника.

В шурфе на бровке Троицкого мыса, где расположена смотровая площадка Тобольского кремля, возле одной из его каменных башен также найден участок тыновой стены городских укреплений, состоящий из 15 столбов, поставленных вплотную друг к другу (рис. 1). Столбы частокола сохранились в виде древесной трухи на высоту от 40 до 70 см. Диаметр бревен не превышал 20 см. Сам частокол был установлен в небольшую канавку, вырытую в материковом суглинке на глубину 30–40 см, шириной 35 см (Балюнов, Данилов, 2017, с. 9).

Оборонительные линии с напольной стороны, которые двигались в северном направлении по мере того, как росли город и посад, также были зафиксированы в ходе археологических исследований. Судя по раскопкам на территории Тюремного замка, самая ранняя из них могла иметь земляные укрепления. Городская деревянная стена была дополнительно защищена рвом, предварительно датированным 20-ми годами XVII в. Глубина рва от уровня материка составляла 1,5 м, ширина 3,5 м. Когда город был расширен за пределы рва, он был засыпан навозом (Адамов и др., 2008, с. 59).

В историческом центре верхнепосадской территории, где, по письменным источникам, должен был проходить острог 20–30-х гг. XVII в., нами заложен Октябрьский раскоп, на площади 204 м² которого был обнаружен мощный и глубоко врытый в землю бревенчатый частокол (рис. 1). Поэтому не удивительно, что первоначально он был охарактеризован нами как остатки острожной стены, некогда защищавшей верхний посад Тобольска. Впрочем, аргументация данного вывода оказалась несостоятельной в результате сравнительного анализа археологических, исторических, картографических и других данных.

Деревянная стена, которая пересекала Октябрьский раскоп по диагонали, была расчищена на протяжении более 25 м (Матвеев, Аношко, 2019, с. 71). Основная часть бревен имела вертикальное положение и фиксировалась в виде цепочки столбов, установленных на дно специально вырытой канавы. Все бревна были ошкурены, их диаметр варьировал от 20 до 40 см. Каждый столб имел паз, который позволял его стыковать с соседним фактически без всякого зазора между ними. Нижние торцы большинства столбов представляли собой горизонтальные

спилы и только у некоторых были обработаны топором и заострены в виде клина. О высоте частокола можно судить по бревну, лежавшему вдоль стены, длина которого составляла 4,8 м. Поэтому можно предположить, что высота тына над погребенной почвой не превышала трех метров. Рваные края их верхних торцов свидетельствуют о том, что в ходе последующей застройки посада торчавшие над землей столбы тына были просто подрублены. Под частоколом был вскрыт еще более уникальный археологический объект – подземный ход, начинавшийся с одной стороны стены и заканчивавшийся с другой. Он оказался совсем небольшим по протяженности: его длина составила всего около 7 м, по нему можно было только проползти. Из нижней части шахты можно было попасть в подземную галерею, потолок и стены которой были забраны досками, поддерживавшимися невысокими опорами в виде вертикально установленных плах, толстых досок и бревнышек высотой 50–60 см.

В ходе идентификации данного бревенчатого частокола с одним из тех, что упоминаются в летописных источниках, нами установлено, что изученную раскопками стену по ее местоположению и ориентировке правильнее соотносить не с посадскими укреплениями, как предполагалось ранее, а с показанным на чертежах С.У. Ремезова сооружением, которое находилось в центральной части Троицкого мыса и было обнесено замкнутой прямоугольной оградой из частокола (Матвеев, Аношко, 2019, с. 75–77). По чертежу 1701 г., этот объект находился напротив Большого и Малого Казачьих взвозов, к востоку от церкви Успенского девичьего монастыря и западнее приказа конных казаков. На плане 1714 г., который показывает расположение только самых важных построек, он изображен просто рядом с Успенским монастырем. К сожалению, планы 1701 и 1714 гг. не позволяют ответить на вопрос, что это за сооружение, так как под одним и тем же номером С.У. Ремезов обозначил не только данную постройку, но и Воскресенскую башню северной оборонительной линии (Чертежная книга Сибири..., 2003, с. 46). Лишь на плане 1687 г. рядом с интересующим нас объектом помещена надпись «тюрма», на плане 1688 г. – «тюрем двор» (The Atlas of Siberia..., 1958, л. 161, 164).

В целом исследованный нами тобольский тюремный двор конца XVII – начала XVIII вв. был обнесен значительно более мощной стеной, чем посад во времена существования описанных выше укреплений. Тем не менее хорошо сохранившаяся бревенчатая стена с Октябрьского раскопа наглядно показывает, что бревна тына вплотную примыкали друг к другу, без зазоров, с помощью продольного паза, а его высота над поверхностью была не менее 3 м. Особенности устройства вырытого под ним лаза проливают свет на возможную организацию под острожными стенами так называемых слуховых галерей, сооружавшихся с целью противодействия подкопам со стороны противника, либо «тайником», имевшимся в любой крепости, в том числе для выхода к источникам воды.

Особенности строительства самых поздних укреплений с напольной стороны тобольского посада также были установлены с помощью археологических исследований (Беляев, 1986) (рис. 1). Исторические данные свидетельствуют, что они состояли из земляной насыпи и рва, укрепленных четырьмя деревянными башнями с частоколом. Раскопками был изучен северо-восточный участок земляного вала 1688 г. Средняя высота насыпи составляла 3,6 м, ширина – 7,8 м. С ее внешней стороны находился ров глубиной до 4,3 м и такой же ширины (Беляев, 1986, с. 4). Основу конструкции вала составлял плотный утрамбованный суглинок светло-желтого цвета, уложенный на дерн – погребенную почву. В верхней части насыпи обнаружены остатки того самого «гребня», о котором сообщал летописец: части вертикальных столбов, вкопанных в грунт

тремя рядами. Первый из них представлял собой частокол, который проходил по внешнему краю вала и был собран из бревен диаметром около 20 см, а второй и третий, видимо, являлись опорами настила для верхнего боя.

Подводя итоги, можно сказать, что объем накопленных археологических материалов, их анализ и экстраполяция на данные истории и картографии служит надежным основанием для периодизации истории строительства деревянных фортификационных сооружений в Тобольске в XVII в. Сравнение тобольских оборонительных линий с материалами других опорных пунктов Сибири в данный исторический период свидетельствует об использовании разных строительных приемов при сооружении русских крепостей. Тыновое устройство укреплений, по археологическим данным, было характерно для Албазинского (Артемьев, 1999), Братского (Никитин, 1961), Верхотурского (Корчагин, 2001), Умревинского (Бородовский, Горохов, 2008) острогов и Тарской крепости (Татауров, 2018). Ярким примером реконструкции срубных укреплений в ходе археологических исследований являются раскопки Мангазеи (Белов и др., 1980), Томска (Черная, 2002), Саянского (Скобелев, 2013) и Чаусского (Молодин и др., 1996, с. 45, 46) острогов. Изучение археологических, письменных и картографических материалов в комплексе, сравнении позволяет воссоздать планировку не только отдельных объектов, но и в целом русских крепостей Сибири, а также по-новому взглянуть на многие исторические реконструкции, созданные историками для периода российской колонизации этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
- Аношко О.М. Первый и Второй Регентские раскопы в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 53–62.
- Аношко О.М., Клименко А.И. Тобольский посадский острог в XVII в. // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 7–19.
- Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. 335 с.
- Балюнов И.В., Данилов П.Г. Оборонительные сооружения Тобольского кремля по материалам археологических исследований // Баландинские чтения. Т. 12. № 1 / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: НГУАДИ, 2017. С. 8–13.
- Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях земляного вала г. Тобольска летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11504.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области: учебное пособие. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. 42 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 70–82.

Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987. 192 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Кириллов В. Тобольск. Архитектурные и художественные памятники XVI — начала XX века. М.: Искусство, 1984. 239 с.

Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 177 с.

Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень: Тюмен. кн. изд-во, 1963. 155 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Октябрьский раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 68–80.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Вып. 4 / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 76–91.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области / Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 2. Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.

Никитин А.В. Братский острог // СА. 1961. № 2. С. 213–226.

Сибирский летописец: летопись конца XVII и начала XVIII столетия, веденная в Тобольске / Гл. ред. Е.В. Кузнецов. Тюмень: Ю. Мандрики, 1999. 368 с.

Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Полное собрание русских летописей. Т. 36 / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 138–177

Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Полное собрание русских летописей. Т. 36 / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 177–231.

Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Полное собрание русских летописей. Т. 36 / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 231–293.

Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Полное собрание русских летописей. Т. 36 / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 356–379.

Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 13. С. 224–235.

Служебная чертежная книга. В 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006. 334 с.

Татауров С.Ф. Город Тара как исторический и археологический феномен среди русских городов Сибири // Вагановские чтения: материалы IX региональной научно-практической конференции, посвященной 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 г.) / Ред. Л.К. Анцигина и др. Омск: Амфора, 2018. С. 142–148.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. В 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. Тобольск, 2011. 350 с.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Томск. гос. ун-т, 2002. 187 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. В 2-х т. Т.1. Факсимильное издание / Ред. Дрожнюк А.А., сост. Л.Н. Зинчук. М.: ФГУП «ПКО «Картография», 2003. 102 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 246 с.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov. s-Gravenhage, 1958.

Информация об авторе:

Аношко Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН (г. Тюмень, Россия); oKanoShko@yandex.ru

REFERENCES

Adamov, A. A., Balyunov, I. V., Danilov, P. G. 2008. *Gorod Tobol'sk. Arheologicheskiy ocherk (City of Tobolsk. Archaeological essay)*. Tobolsk (in Russian).

Anoshko, O. M. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 51 (4), 53–62 (in Russian).

Anoshko, O. M., Klimenko, A. I. 2019. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 3 (27), 7–19 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 1999. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv. (Cities and forts of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII – XVIII centuries)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnology Far- Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Balyunov, I. V., Danilov, P. G. 2017. In Garkusha, D. D. (ed.). *Balandinskie chteniya (Balandinsky readings)* 12 (1). Novosibirsk: Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 8–13 (in Russian).

Belayaev, L. A. 1986. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh zemlyanogo vala g. Tobol'ska letom 1986 g. (Report on the archaeological studies of the earth rampart of Tobolsk in the summer of 1986)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 11504 (in Russian).

Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starikov, V. F. 1980. *Mangazeia. Mangazeyevskiy morskoy khod (Mangazeya. Mangazeya Seaway)* Part 1. Leningrad: “Gidrometeoizdat” Publ. (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Borodovskaya, E. L. 2003. *Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoy oblasti (Russian forts of the XVIII century on the territory of the Novosibirsk region)*. Novosibirsk: Research and Production Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Gorokhov, S. V. 2008. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 70–82 (in Russian).

Zavarikhin, S. P. 1987. *V drevnem tsentre Sibiri (In the ancient center of Siberia)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Zinner, E. P. 1968. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka (Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the XVIII century)*. Irkutsk: “Vost.-Sib. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Kirillov, V. 1984. *Tobol'sk. Arkhitekturnye i khudozhestvennye pamyatniki XVI – nachala XX veka (Tobolsk. Architectural and art sites of the XVI – beginning of the XX century)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Korchagin, P. A. (2001). *Istoriya Verkhotur'ya (1598–1926). Zakonomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arkhitekturno-istoricheskoy sredy goroda (The History of Verkhotur'ya (1598–1926). Patterns of social and economic development and forming of the architectural and historical environment of the town)*. Ekaterinburg: “Bank kul'turnoy informatsii “ Publ. (in Russian).

Kochedamov, V. I. 1963. *Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod) (Tobolsk (how the city grew and was built)*. Tyumen: “Tyumenskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Matveev, A. V., Anoshko, O. M. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 47 (4), 68–80 (in Russian).

Matveev, A. V., Anoshko, O. M., Klimenko, A. I. 2012. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE* (4). Tiumen: Tiumen State University Publ., 76–91 (in Russian).

Molodin, V. I., Borodovskiy, A. P., Troitskaya, T. N. 1996. *Arkheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo rayona Novosibirskoy oblasti (Archaeological sites in the Kolyvan district of the Novosibirsk region)*. Series: Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii» (Materials of the “Collection of monuments of history and culture of the peoples of Russia”) 2. Novosibirsk: “Nauka” (in Russian).

Nikitin, A. V. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 213–226 (in Russian).

Kuznetsov, E. V. (ed. in chief). 1999. *Sibirskiy letopisets: letopis' kontsa XVII i nachala XVIII stoletiya, vedennaya v Tobol'ske (Siberian chronicler: chronicle of the late XVII and early XVIII centuries, conducted in Tobolsk)*. Tyumen: “Mandriki” Publ. (in Russian).

Okladnikov, A. P., Rybakov, B. A. (ed.) (1987). *The Siberian chronicle: Golovinskiy edition. In: Sibirskie letopisi. Chast' I: Gruppy Esipovskoi letopisi (pp. 177–231)*. Moscow: Nauka (in Russian).

In Okladnikov, A. P., Rybakov, B. A. (eds.). 1987. *Sibirskie letopisi. (Siberian Chronicles)*. Part 1. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Compendium of Russian Chronicles) 36. Moscow: “Nauka” Publ., 177–231 (in Russian).

In Okladnikov, A. P., Rybakov, B. A. (eds.). 1987. *Sibirskie letopisi. (Siberian Chronicles)* Part 1. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Compendium of Russian Chronicles) 36. Moscow: “Nauka” Publ., 231–293 (in Russian).

In Okladnikov, A. P., Rybakov, B. A. (eds.). 1987. *Sibirskie letopisi. (Siberian Chronicles)* Part 1. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Compendium of Russian Chronicles) 36. Moscow: “Nauka” Publ., 356–379 (in Russian).

Skobelev, S. G. 2013. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 12 (13), 224–235 (in Russian).

Remezov, S. U. 2006. *Sluzhebnyaya chertezhnaya kniga (Service drawing book. In 2 vols. Vol. 1. Facsimile edition of the manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)*. Vol. 1. Tobolsk (in Russian).

Tataurov, S. F. 2018. In Antsigina, L. K. et al. (ed.). *Vaganovskie chteniya (Vaganov's Readings)*. Omsk: “Amfora” Publ., 142–148 (in Russian).

Remezov, S. U. 2011. *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri (Chorographic drawing book of Siberia. In 2 vols. Vol. 1. Facsimile edition of the manuscript Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University)*. Tobolsk (in Russian).

Chernaya, M. P. 2002. *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii (Tomsk Kremlin in the middle of the XVII–XVIII centuries: issues of reconstruction and historical interpretation)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Drazhnyuk, A. A., Zinchuk, L. N. (eds.). 2003. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennoy tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g. (Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701. In 2 vols. Vol. 1. Tobolsk: “Kartografiya” Publ. (in Russian)*.

Elert, A. Kh. 1990. *Ekspeditsionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri (G.F. Müller's expedition materials as a source on the history of Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Remezov, Semyon U. 1958. *The Atlas of Siberia*. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov. s-Gravenhage (in English).

About the Author:

Anoshko Oksana M., Candidate of Historical Sciences, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Centre SB RAS). Malygina st., 86, Tyuman, 625026, Russian Federation; oKanoshko@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.21.36>

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФОРТИФИКАЦИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА¹

© 2023 г. А.П. Бородовский

Статья посвящена характеристике деревянных оборонительных сооружений (тына и трех башен) Умревинского острога начала – первой трети XVIII века, по результатам археологических исследований. На основании этих данных удалось проследить последовательное развитие этого пограничного оборонительного пункта на протяжении тридцати лет. В петровское время Умревинский острог представлял собой регулярное подпрямоугольное укрепление, ограждённое тыновой стеной из круглых бревен с одной проездной башней на севере. Неглубокий ров острога имел подтрапецевидный профиль, соответствующий европейской фортификационной традиции. Такая первоначальная конструкция Умревинского острога имеет определенное сходство с полевым редутом или воротами засечных черт. Спустя несколько десятилетий, на углах тыновых стен южной стороны Умревинского острога возводятся две угловые башни на свайно-столбчатом фундаменте. Одна из башен была в плане подквадратной, а другая имела подпрямоугольные очертания. Размещение этих башен на углах тыновых укреплений позволило приобрести Умревинскому острогу фортификацию бастионного типа.

Ключевые слова: археология, Новосибирское Приобье, Петровское время, фортификация, Умревинский острог, башни, тыновые стены, рвы.

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF PETER THE GREAT TIME FORTIFICATION IN THE NOVOSIBIRSK OB REGION BASED ON MATERIALS UMREVA OSTROG²

A.P. Borodovskiy

The author considers the characteristics of the wooden defensive structures (tyn (paling), and three towers) of the Umreva ostrog (wooden fortress, fort) of the first third of the XVIII century, based on the results of the archaeological studies. On the basis of this data, it was possible to trace the progressive development of this border defensive point over the course of thirty years. In the time of Peter the Great, the Umreva ostrog was a regular sub-rectangular fortification, enclosed by a paling wall, made of round logs, with a gate tower in the north. The shallow fosse of the ostrog had a subtrapezoidal profile, corresponding to the European fortification tradition. Such an initial design of the Umreva ostrog bears a certain resemblance to a field redoubt or gates of the “Zasechnaya cherta”. A few decades later, on the corners of the paling walls of the southern side of the Umreva ostrog, two corner towers were built on a pile-columnar foundation. One of the towers was sub-square in plan, while the other had a sub-rectangular outlines. The placement of these towers at the corners of the fortifications allowed the Umreva ostrog to acquire a bastion-type fortification.

Keywords: archaeology, Novosibirsk Ob region, Peter the Great time, fortification, Umreva ostrog, towers, paling walls, fosses

Введение

Для территории России Петровское время (1686–1725 гг.) характеризовалось крайне неравномерным распространением европейских принципов фортификации. В широком смысле «петровское время» продолжалось в

рамках исторической преемственности вплоть до первой четверти XVIII столетия. В это время на территории юга Западной Сибири, включая Верхнее Приобье, при сооружении земляных укреплений деревянных оборонительных сооружений – острогов еще домини-

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005.

² The research was carried out within the State Task of the IAET SB RAS FWZG-2022-0005.

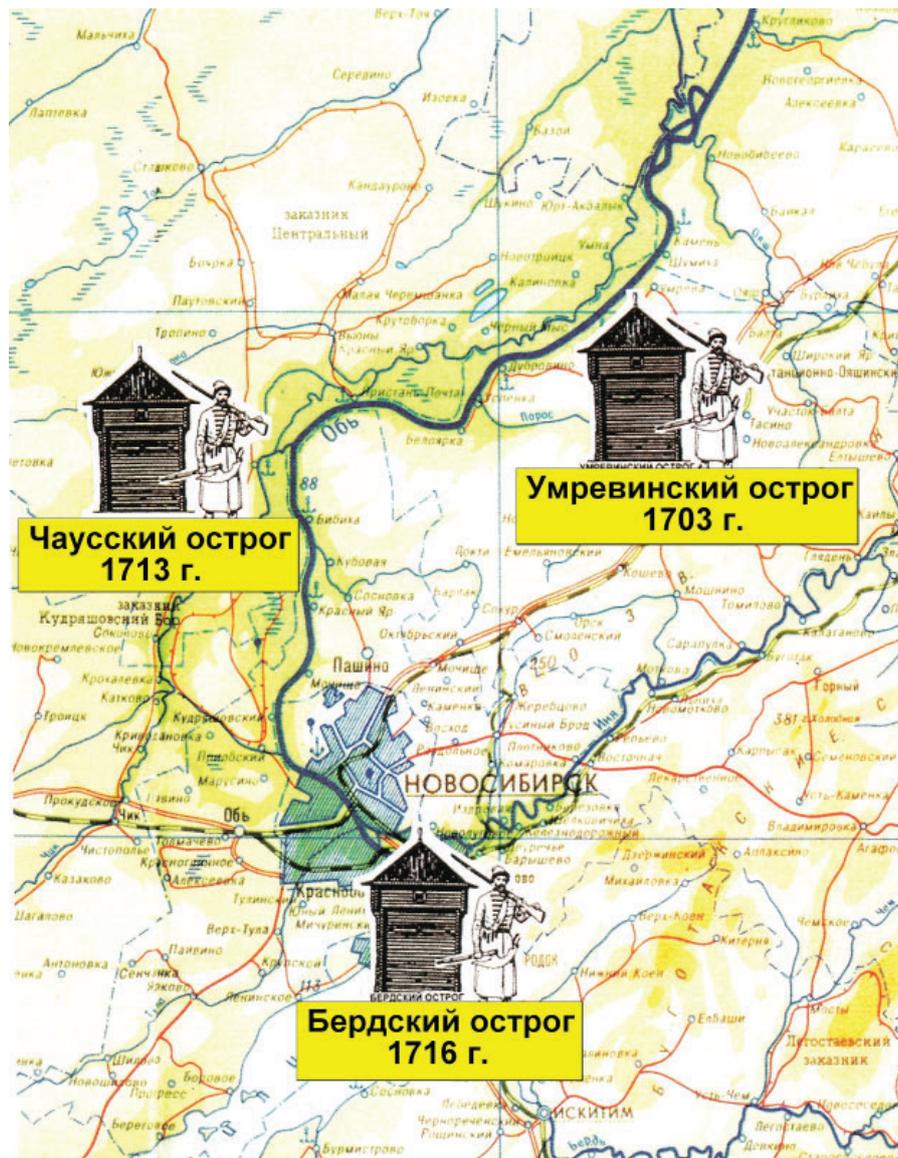

Рис. 1 Карта русских острогов начала XVIII столетия на севере Верхней Оби (Новосибирское Приобье).
Fig. 1. Map of Russian ostrogs of the beginning of the XVIII century in the north of the Upper Ob (Novosibirsk Ob region).

нировали принципы фортификации Московского царства. Одним из таких укрепленных пограничных пунктов являлся Умревинский острог. Он был возведен выходцами из Уртамского острога на правом берегу р. Оби чуть выше по течению от устья ее притока – р. Умревы в 1703 г. (Шунков, 1956, с. 66, 67; 2 Емельянов, 1981, с. 131). Несколько позднее выше по течению р. Оби были возведены Чаусский (1713 г.) и Бердский (1716 г.) остроги, составившие один из оборонительных районов Петровского времени в Новосибирском Приобье (рис. 1). После этого времени все эти остроги потеряли свое стратегическое и тактическое значение.

По данным письменных источников начала и первой четверти XVIII столетия известны крайне скудные, противоречивые и отрывочные сведения (Эллерт, 1988) об оборонительных сооружениях (рвах, тыне и башне) Умревинского острога. В них представлено три варианта сведений о наличии количества башен в Умревинском остроге. В частности, если в путевом дневнике Д.Г. Мессершмидта от 1721 г. о башнях нет вообще никаких упоминаний (Messerschmidt, 1962, s. 79), то в «Историко-географическом описании Томского уезда» 1734 г. говорится о двух башнях; в анкете Г.Ф. Миллера от 1740 г. отмечена только одна башня, а в описании И.Г. Гмелина в

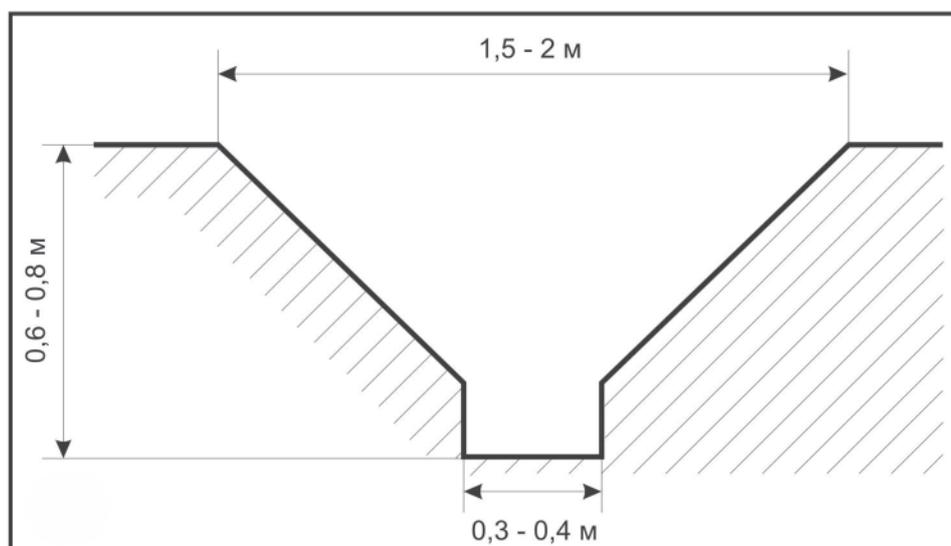

Рис. 2. Профиль рва Умревинского острога начала XVIII в. на юго-западном угловом участке.
Fig. 2. Profile of the Umreva ostrog of the beginning of the XVIII century in the south-western corner site.

1741 г. свидетельств о башнях вообще нет, за исключением упоминания о разрушенном караульном помещении (Gmelin, 1752, s. 77, 78). Описание тыновых стен лишь фиксировало степень их сохранности (Messerschmidt, 1962, s. 79; Gmelin, 1752, s. 78) или подчеркивало конструктивные особенности таких стен (Gmelin, 1752, s. 77). О рве вокруг острога в письменных источниках упоминаний вообще нет.

Материалы и методы

В ходе многолетних археологических исследований автора с 2002 по 2023 гг. Умревинского острога было выявлено несколько строительных периодов возведения его оборонительных сооружений. Они различаются на основе целого ряда признаков. Среди них: стратиграфические данные; последовательность планиграфии существования основных деревянных оборонительных сооружений острога; отличия конструктивных деревянных элементов тына и фундамента башни, присущих различным строительным периодам; привлечение нумизматических материалов для более узкого датирования этих сооружений.

Рвы Умревинского острога

Юго-западный угол рва Умревинского острога, раскопанный в 2002–2003 гг., позволил выявить не только его размеры, но и специфический подтрапецевидный профиль

с приступкой на дне (рис. 2). Ширина рва в верхней части составляла 1,5–2 м, постепенно сужаясь к его основанию до 0,35–0,4 м. Общая глубина рва составляла 0,6–0,8 м. Археологическое изучение противоположного юго-восточного угла земляных укреплений Умревинского острога в 2019 гг. позволило выявить два стратиграфических разреза рва. Они относились к различным периодам его сооружения и последующего подновления (рис. 3: 5–8). Южный разрез угла юго-восточного рва был полностью аналогичен по размерам и профилю ранее исследованному противоположному юго-западному углу рва. Это соответствовало первому строительному периоду, относящемуся к началу XVIII столетия. Следует отметить, что в Московском царстве значение сооружений рвов для полевых и долговременных фортификационных сооружений отмечалось уже в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся воинской науки», составленном Анисимом Михайловичем Радышевским (Онисим Михайлов) в 1606–1621 гг. (Шор, 1958, с. 26; Носов, 2009, с. 168). Фортификационные рвы XVII–XVIII столетий в рамках европейской «вобановской» традиции сооружались по заранее избранным профилям (Ремезов, 1744, с. 13). На планах 1722, 1745 гг. Омской крепости рвы изображены подтрапецевидных очертаний с достаточно широким дном (Коче-

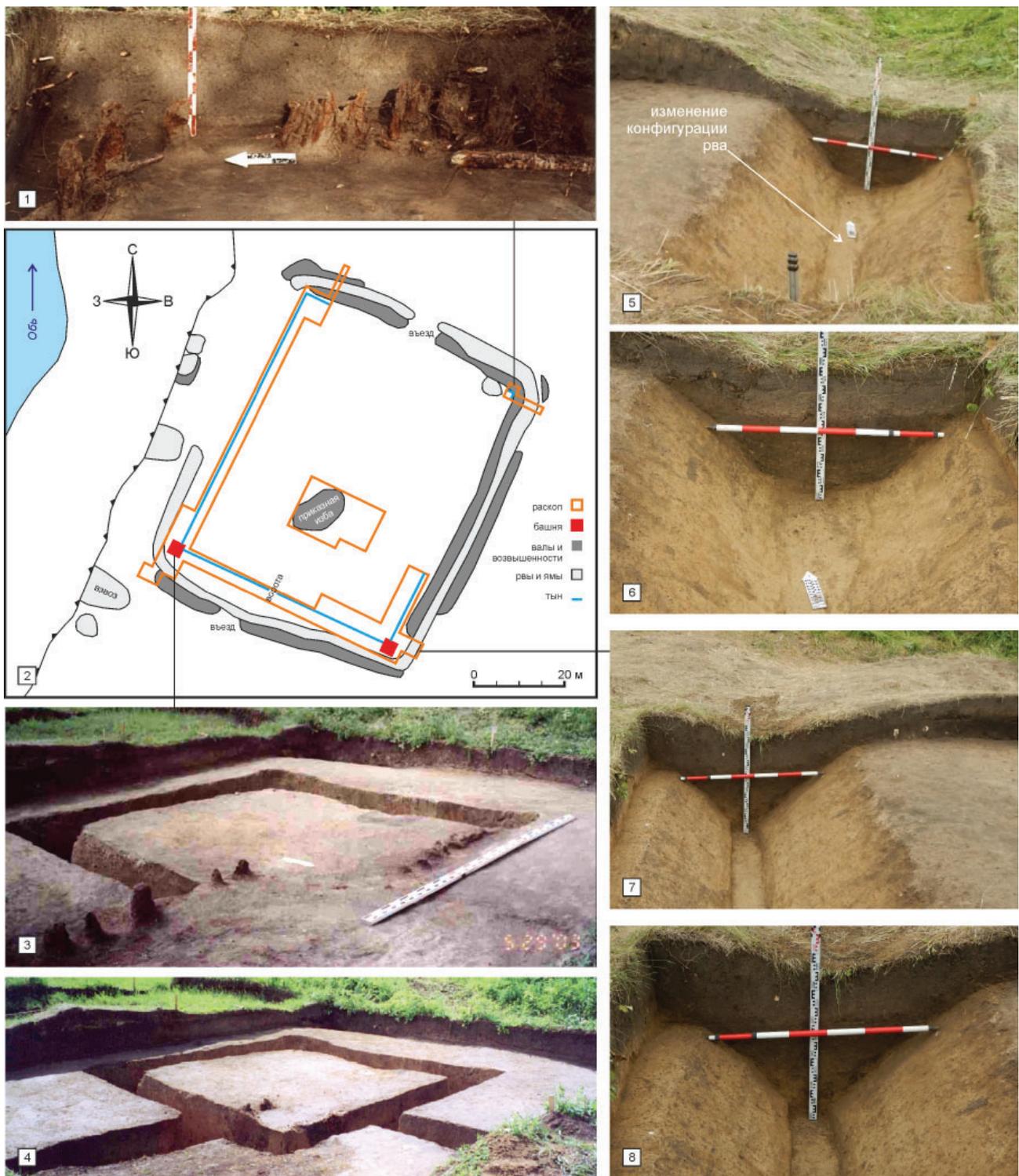

Рис. 3. Исследование углов оборонительных сооружений Умревинского острога. 1 – северо-восточный угол тына острога; 2 – планиграфия Умревинского острога; 3 – юго-западный угол тына острога под ленточно-столбчатым фундаментом более поздней башни; 4 – ленточно-столбчатый фундамент юго-восточной угловой башни острога; 5 – участок изменения конфигурации рва; 6 – профиль рва кладбища на внутренней площадке Умревинского острога; 7 – сохранившийся угловой участок рва острога начала XVIII в.; 8 – профиль рва острога начала XVIII в. на его юго-восточном угловом участке.

Fig. 3. The study of the defensive structures corners of the Umreva ostrog. 1 – the north-eastern corner of the ostrog paling wall; 2 – the planography of the Umreva ostrog; 3 – the south-western corner of the ostrog paling wall under the ribbon-columnar foundation of a later tower; 4 – the strip-columnar foundation of the south-eastern corner tower of the ostrog; 5 – the site of the fosse configuration change; 6 – the profile of the cemetery moat on the Umreva ostrog inner site; 7 – the preserved corner site of the ostrog fosse of the beginning of the XVIII century; 8 – the profile of the ostrog fosse of the beginning of the XVIII century on the site south-eastern corner .

дамов, 1960, с. 4, рис. 1, с. 9, рис. 6). Несмотря на то, что подтрапецевидный профиль рва на углах Умревинского острога имеет определенное сходство с европейскими образцами, он существенно отличается от них. Прежде всего он имеет симметричность наклонов своих стенок. Тогда как для европейской фортификации начала XVIII в., судя по плану 1722 г. Омской крепости, углы стенок рва имели различные углы склонения (Бородаев, Контев, 2015, с. 170).

Не менее показательным является наличие незначительной приступки у основания рва Умревинского острога. Размеры такого элемента позволяют предполагать его появление в связи с использованием определенного типа землеройного орудия. Среди шанцевых инструментов XVIII в., предписанных для сооружения земляных фортификационных сооружений, особое значение имели небольшие железные лопатки. Они назывались «обрезы». Такие инструменты имели на своих железных лотках трубки-втулки, в которые вколачивались деревянные черенки. В фортификационной литературе особо оговаривался вес этих землеройных орудий. Он составлял 4–5 фунтов (Ремезов, 1744, с. 18, 19). Учитывая, что фунт в России XVIII соответствовал 409,5 г (Шостьин, 1975, с. 258), вес этих железных лопаток мог быть от 1638 г до 2047,5 г. Следует отметить, что в окрестностях Умревинского острога известна случайно обнаруженная рабочая часть небольшой железной лопатки – «обреза». Конструктивные и весовые параметры этого землеройного орудия близки к указанным выше инженерных орудий XVIII в. На основании такого сходства можно вполне выдвинуть предположение о возможности использования таких шанцевых инструментов при сооружении рвов начала XVIII века на Умревинском остроге.

Небольшая глубина рва начала XVIII века на Умревинском остроге может быть объяснена целым рядом причин (эпохальных и сезонных). В частности, по мнению некоторых исследователей, незначительные размеры

земляных оборонительных сооружений связаны с тем, что в XVIII веке они постепенно теряют былое значение для обороны острогов (Шаповалов, 1997, с. 12–15) и пограничных крепостей. Например, Старый город на р. Оми, 1717 г., изображенный на карте 1722 г., был укреплен только простым палисадом и окружен очень маленьким рвом (Бородаев, Контев, 2015, с. 172). Не менее показательным и то, что значительно позднее у Змеиногорской крепости на Алтае в 1747 г. внешний ров вообще не сооружался, а в 1757 г. был сделан только небольшой ров (Сергеев, 1975, с. 29). Во-вторых, глубина рва могла быть связана с сезонностью его сооружения. Например, в одной из «отписок» конца XVII в. о завершенности фортификационных работ на Албазинском остроге прямо указывалось, что «время опоздало, земля замерзла» (Албазинский..., 2019, с. 189). Указанный сезонный фактор вполне актуален и для Умревинского острога. Работы по возведению этого оборонительного пункта могли проводиться поздней осенью порой в начале XVIII столетия.

Именно по причине вышеизложенных фактов рвы Умревинского острога начала XVIII века следует рассматривать как результат предшествующего развития отечественного оборонительного зодчества допетровского времени. В своей основе земляные и деревянные укрепления Умревинского острога отражают заключительный этап бытования «древнерусской» фортификационной традиции в Сибири, сложившейся на южных рубежах Руси еще X–XIII вв. (Моргунов, 2009, с. 241–250). Такая традиция возведения земляных оборонительных сооружений, очевидно, испытала определенное влияние зарубежного фортификационного опыта еще в допетровскую эпоху. Историческим прецедентом такого процесса является использование отечественного и европейского фортификационного опыта в 1722 г. при сооружении Царицынской оборонительной линии (Огурцов, 1999, с. 23). Для юга Западной Сибири такой «симбиоз» в фортификации представлен на

Рис. 4. Тыновая канавка восточной стены
Умревинского острога

Fig. 4. Paling ditch of the east wall of the Umreva ostrog.

примере Омской крепости в сочетании деревянных рубленых башен с земляными рвами европейского типа (Кочадамов, 1960, с. 9, рис. 6).

Тыновая канавка

Археологические исследования на Умревинском остроге позволили выявить такое земляное сооружение (рис. 4), заполненное тленом от тыновин. Глубина его тыновой канавки составляла 0,87 м, ширина 0,5 м (Бородовский, Горохов, 2008, с. 74). Размеры этой земляной конструкции по метрической системе XVII–XVIII вв. соответствовали от одного до полутора аршинов (Шостьин, 1975, с. 256, 259). С учетом традиционной пропорции при установке тыновых стен подземной и наземной части бревен как 1:3 на Умревинском остроге экспериментально были воспроизведены фрагменты тына высотой до 2,5 м.

Тыновины и строительные периоды острога

Первый строительный период (начало XVIII в.) Умревинского острога соответствовал появлению подпрямоугольного оборо-

нительного деревянного оборонительного сооружения в виде стен из круглых тыновин (рис. 5: 1, 2). Подчеркнутые геометрические очертания тыновых стен Умревинского острога достаточно хорошо согласуются с рекомендациями по устройству и планировке оборонительных сооружений, изложенными А. Радышевским еще в XVII столетии (Носов, 2009, с. 168).

Второй строительный период на Умревинском остроге был представлен уже тыновинами, изготовленными из колотых пополам бревен (рис. 5: 3), хорошо пригнанных друг к другу (рис. 6: 1). Такие бревна использовались как для стен, так и для свайных фундаментов южных башен. Эти археологические данные неплохо коррелируют с письменными данными. Речь идет прежде всего о замечании И.Г. Гмелина о наличии у Умревинского острога тыновых стен из «выровненных» бревен в 1741 г. (Gmelin, 1752, s. 78). Археологические исследования позволили выявить на участке западного тына очень хорошо сохранившийся фрагмент основания деревянной стены из плотно подогнанных друг к другу семи бревен, которые были предварительно расколоты пополам (Горохов, Бородовский, 2008, с. 75, рис. 7). Кроме того, закладная монета на свайно-столбчатом фундаменте угловой юго-западной башни (денга 1730 г.) является весомым аргументом для синхронизации всех деревянных конструкций из колотых пополам бревен, относящихся к одному строительному периоду. При этом следует еще учесть тот факт, что именно в 1730 г. на территории Тобольской губернии начинается масштабное

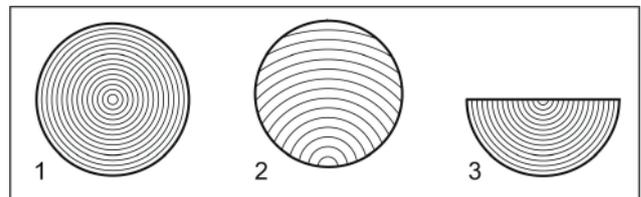

Рис. 5. Сечение бревен тыновых стен первого и второго строительных периодов. 1, 2 – тыновины начала XVIII в. 3 – тыновины первой трети XVIII в.

Fig. 5. Section of the paling walls logs of the first and second construction periods. 1, 2 – the tynovins (stakes) of the beginning of the XVIII century; 3 – the tynovins of the first third of the XVIII century.

Рис. 6. Основания тыновин восточной и западной стен Умревинского острога.

1 – округлые тыновины;
2 – тыновины из колотых пополам бревен.

Fig. 6. Basements of the tynovins of the Umreva ostrog eastern and western walls. 1 – rounded tynovins; 2 – tynovins of logs chopped in half.

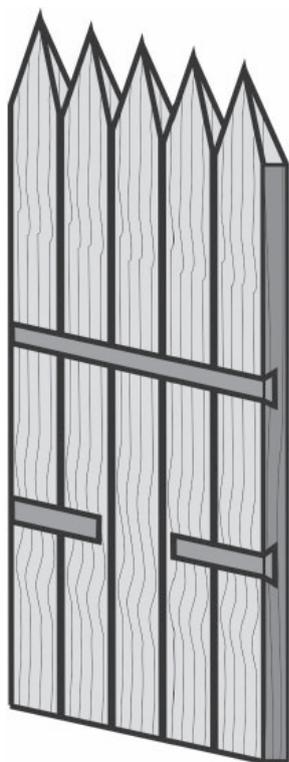

Рис. 7. Реконструкция выровненного тына первой трети XVIII в.

Fig. 7. Reconstruction of the paling wall of the first third of the XVIII century.

финансирование фортификационных работ (Словцов, 2006, с. 231, 17).

Северная проездная башня

В северной тыновой стене Умревинского острога центральной части тыновая канав-

ка вплотную примыкала к тлену основания срубной деревянной конструкции, размеры которой составляли 6×6 м (рис. 8, 9). Подквадратная срубная конструкция, встроенная в центральную часть северной тыновой стены

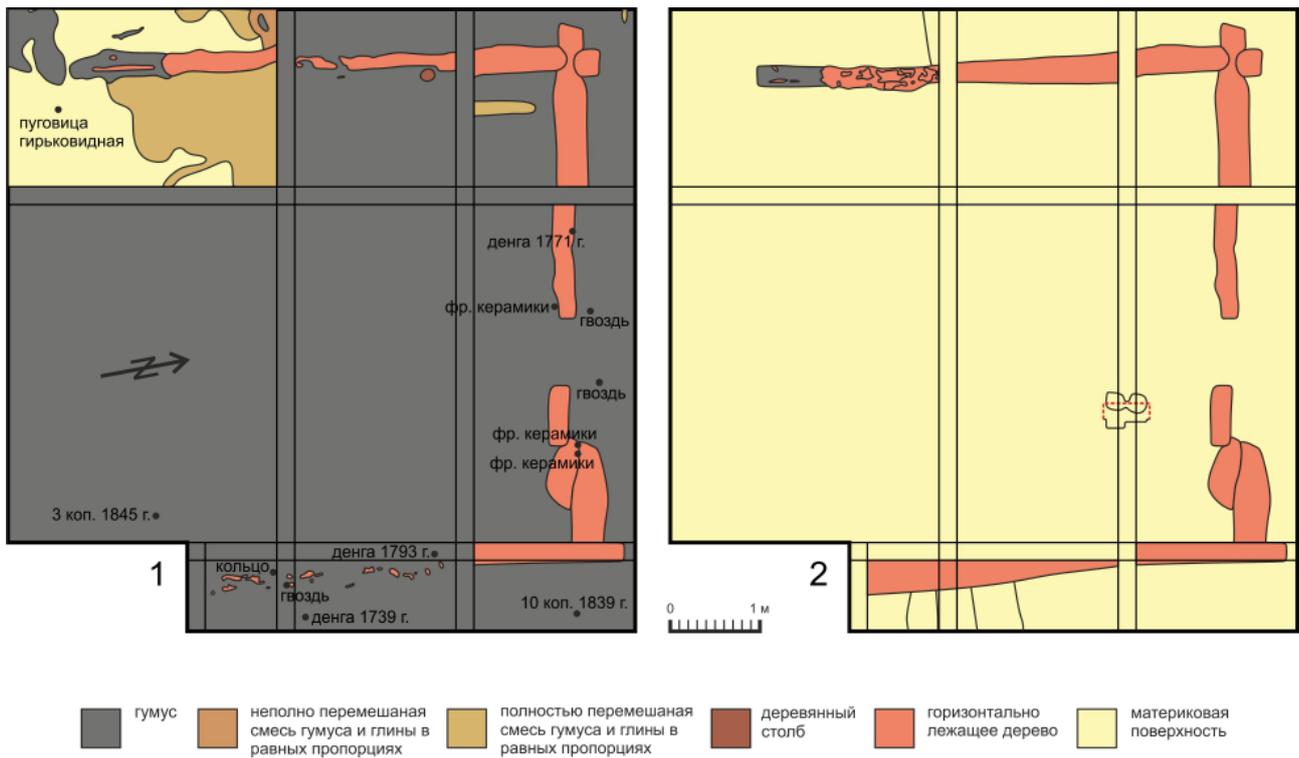

Рис. 8. План основания проездной северной башни Умревинского острога.

Fig. 8. Plan of the northern gate tower basement of the Umreva ostrog.

Умревинского острога, была сооружена из бревен диаметром до 40 см, уложенных на грунтовую поверхность. Такой строительный прием характерен для деревянной фортификации XVIII столетия в Западной Сибири. В частности, нижние венцы башен Казымского острога были уложены на песчаный грунт (Крадин, 1988, с. 93, илл. 150). Эта традиция сохранялась и при строительстве срубных жилых сооружений в Сибири в XVIII столетии (Этнография..., 1981, с. 112).

Размеры срубного сооружения в центральной части северного тына Умревинского острога соответствовали средним стандартам срубных конструкций, формировавшихся в русской культуре с X по XIV вв. (Древняя Русь..., 1985, с. 147).

Конструированию нижней части срубного сооружения всегда придавалось особое значение, поскольку от этого зависит долговечность деревянной постройки. Основу такого сооружения составлял окладной венец, который определял план и пропорции всего сооружения. Он находился в наиболее неблагоприятных условиях, соприкасаясь с землей, и поэтому разрушался быстрее, чем другие части деревянной конструкции. По этой

причине для окладного венца выбирались и использовались достаточно толстые бревна (Древняя Русь..., 1985, с. 148).

Интерпретация срубной конструкции на северном тыне Умревинского острога может иметь несколько вариантов. Особое внимание при этом следует обратить на место расположения этой конструкции и ее форму и размеры. Прежде всего следует отметить, что среди встроженных в стену срубных конструкций известны проездные и глухие башни, избы, часовни, церкви и амбары (ГАТО, Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.; Баландин, 1974 с. 30; Березиков, 2016). Расположение такого сооружения в центре тыновой стены (рис. 10) также соответствует одной из наиболее распространенных планировок сибирских острогов (Баландин, 1974 с. 32, рис. 6, с. 35, рис. 10). Следует заметить, что сквозной проезд через подпрямоугольные оборонительные сооружения был характерен как для большинства сибирских острогов, так и для таких укреплений, возведенных в начале XVIII столетия на территории Приобья. Например, в Чаусском остроге в северной и южной острожных стенах были установлены две проездные башни (Миненко, 1990, с. 25; Горохов, 2018, с. 136, илл.

Рис. 9. Основание сруба проездной башни на северной тыновой стене Умревинского острога.

Fig. 9. Basement of the log house of the gate tower on the Umreva ostrog northern paling wall.

2). В свою очередь, наличие у острожного укрепления одной проездной башни очень близко к конструкции ворот засечных черт Московского царства рубежа XVII–XVIII вв. в европейской части Российского государства. Однако для Западной Сибири нехарактерно существование таких протяженных оборонительных сооружений вплоть до первой четверти XVIII в., но уже в виде Сибирских пограничных линий (Огурцов, 1999). Для начала XVIII столетия в западносибирском регионе преобладала система достаточно дисперсного размещения острогов, которые на территории Верхнего Приобья возводились последовательно с интервалом в несколько лет на различных берегах р. Оби. В частности, в 1703 г. на обском правобережье сооружается Умревинский острог, спустя десять лет, в 1713 г., на левобережье возводится Чаусский острог, а через три года, в 1716 г., на правобережье снова возводится Бердский острог (Русские остроги..., 2003).

Обсуждение результатов

Для Умревинского острога следует еще рассмотреть вопрос об использовании сруб-

ного сооружения в северной тыновой стене как караульного помещения. Поскольку при посещении этого оборонительного пункта в 1741 г. И.Г Гмелин отметил кроме тына из

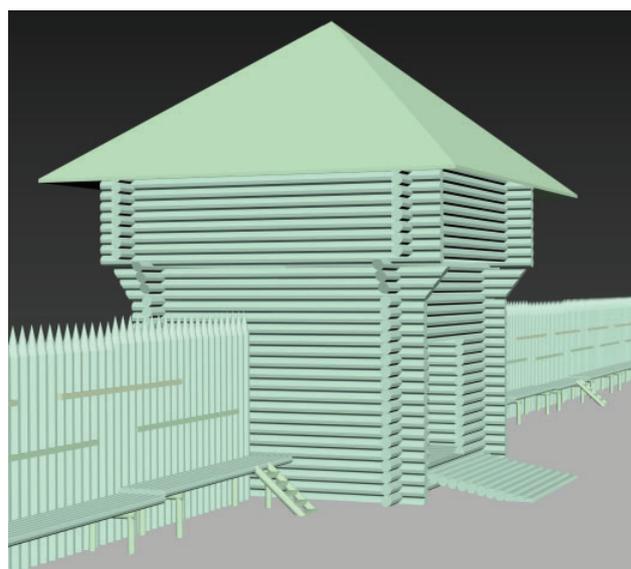

Рис. 10. Реконструкция проездной северной башни Умревинского острога начала XVIII в.

Fig. 10. Reconstruction of the Umreva ostrog northern gate tower of the beginning of the XVIII century.

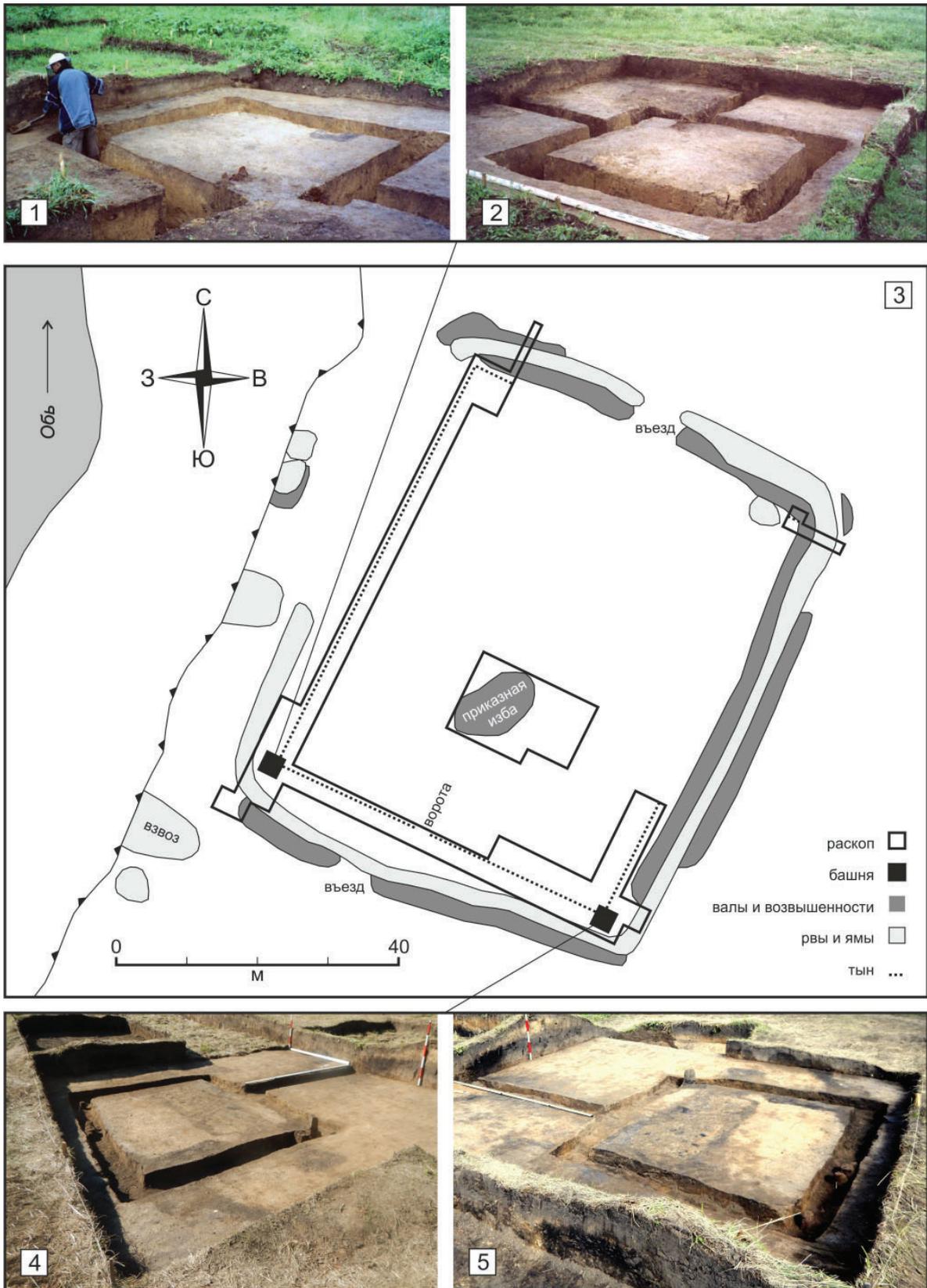

Рис. 11. Археологические исследования южных угловых башен Умревинского острога. 1,2 – фундамент угловой юго-западной башни; 3 – раскопы деревянных оборонительных сооружений на остроге; 4,5 – фундамент угловой юго-восточной башни.

Fig. 11. Archaeological studies of the Umreva ostrog south corner towers. 1, 2 – foundation of the corner south-west tower; 3 – excavations of wooden defensive structures on the ostrog; 4, 5 – foundation of the corner south-east tower.

колотых бревен еще наличие разрушенного караульного помещения (Gmelin, 1752, s. 77). Проездные башни часто выполняли именно такую функцию (Баландин, 1974, с. 28). Такое письменное свидетельство коррелируется с археологическими данными, позволяющими относить срубную конструкцию в центральной части северного тына Умревинского острога к его первому строительному периоду, относящемуся к началу XVIII столетия. Размеры срубного сооружения в центральной части северного тына Умревинского острога (6×6 м) соответствовали как стандартам амбаров, так и башен острогов. В частности, среди деревянных башен сибирских острогов конца XVII – начала XVIII века достаточно часто встречаются оборонительные сооружения размером 6×6 м (Баландин, 1974, с. 26, 27 табл. 2; Алексеев, 1996, с. 25, 99, табл. 16).

Необходимо подчеркнуть, что башни сибирских острогов XVII–XVIII столетий всегда являлись достаточно универсальными сооружениями. Они часто совмещали функции оборонительного, караульного сооружения, а также культового, жилого и хозяйственного пространства (ГАТО, Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.; Баландин, 1974, с. 29). Такая тенденция была характерна для форпостов Сибирских укрепленных линий, окончательно сложившихся уже после первой четверти XVIII в. (Малолетко, Малолетко, 2001, с. 82, 84; Муратова, 2007). В качестве одного из примеров можно привести Змеиногорскую крепость, возведенную в 1745 г., у которой бастионы были сооружены в виде амбарных башен (Сергеев, 1975, с. 29).

Следует также учесть, что на первом строительном этапе (начала XVIII века) в составе деревянных оборонительных укреплений (тына) Умревинского острога была одна многофункциональная башня, которая являлась наиболее сложным конструктивным объектом (Моргунов, 2009, с. 43) этого пограничного пункта петровского времени. Основанием для такого вывода является не только совершенно иное качество древесины, необходимое для быстровозводимого тына, но и более высокий уровень плотницкой техники для возведения такой конструкции в качестве долговременного укрепления.

Конструктивное соотношение северного тына и срубного сооружения в его централь-

ной части, выявленное в ходе археологических исследований, позволяет с полным основанием полагать, что в начале XVIII столетия Умревинский острог представлял собой прямоугольник с тыновыми стенами с одной проездной башней на северной стороне. В 1706 г. аналогичными оборонительными сооружениями, судя по письменным документам, были Верхтомский и Мелесский остроги (Из отчета..., 1978, с. 30, 31).

Следует также заметить, что ранее, на основании археологических данных, автор придерживался точки зрения, что в первом строительном периоде (начало XVIII в.) Умревинский острог вообще не имел башен, а представлял собой прямоугольник из тыновых стен. Тогда как во второй строительный период (после первой четверти XVIII в.) были сооружены на южной тыновой стене две угловые башни «бастейного» типа (Бородовский, 2021а, с. 100; Бородовский, 2021б, с. 98) (рис. 11: 1, 2, 4, 5).

Заключение

В целом сооружение Умревинского острога на правом берегу северной части Верхней Оби является частью грандиозного процесса фортификационных работ, проведенных на обширных сибирских территориях Московского царства на рубеже XVII–XVIII вв. (Очерки..., 1979, с. 284). Локальным своеобразием этого периода продолжала оставаться неравномерность распространения европейских принципов фортификации. Однако необходимо отметить, что на территории юга Западной Сибири к моменту появления Умревинского острога в 1703 г. бастионный принцип устройства земляных оборонительных сооружений уже был успешно апробирован на примере Каштацкого острога (1697 г.). Тогда как на Умревинском остроге (рис. 12) бастионный принцип фортификации был реализован только после возведения ленточно-столбчатых фундаментов угловых башен на его южной стороне в 30-е годы XVIII столетия. Такое усовершенствование укреплений острога уже соответствовало основному периоду отчетливого проявления традиций фортификации европейского типа на территории юга Западной Сибири (Носов, 2009, с. 99, рис. 21).

После сооружения двух башен на южной стороне Умревинского острога тыновая стена между ними по своему назначению станови-

Рис. 12. Натурная реконструкция угловой юго-западной башни Умревинского острога.

Fig. 12. Full-size reconstruction of the corner south-west tower of the Umreva ostrog.

лась куртиной. Особая укрепленность южной стороны этого острога была обусловлена целым рядом причин: наличием ворот в тыновой стене между башнями; близостью к транспортным магистралям (сухопутным, водным) и соответствием ориентации этих укреплений расположению пограничной линии.

Выявленные в ходе археологических исследований фортификационные изменения на Умревинском остроге, как и на других таких оборонительных пунктах Новосибирского Приобья, в 30-е годы XVIII века были связаны с целым рядом факторов. Среди

них: особенности распространения европейских принципов фортификации в Сибири, а также связь реконструкции деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога с внешней политической ситуацией на юге Западной Сибири и периодом начала масштабных военно-инженерных работ в этом регионе. Не менее важно и то, что в правление императрицы Анны Иоанновны многие европейские принципы, привнесенные в Россию Петром Великим, получили новый импульс для своего укоренения и развития.

ЛИТЕРАТУРА

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А.П. Забязко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII-XVIII вв. на северо-востоке Якутии. История и культура Востока и Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири XVII в. // Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.

Березиков Н.А. Крепостное зодчество в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. // Баландинские чтения. Т. XI / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: НГУАДИ, 2016. С. 12–17.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.

Бородовский А.П. Изменения деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога (по данным археологических и письменных источников). // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021а. Т. 49. № 2. С. 94–101. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.2.094-101.

Бородовский А.П. Участки рва начала XVIII столетия на территории Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии 2021б. Т. 49. № 1. С. 94–100. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.1.094-100.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36) С. 70–82.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 242 с.

ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.

Горохов С.В. Сведения в путевом дневнике И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баландинские чтения Т. XIII / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: НГУАДИ, 2018. С. 132–136.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Археология СССР / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 426 с.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Том. ун-т, 1981. 181 с.

Из доклада в сибирском приказе томского сына боярского Юрия Соболевского о строительстве им Урамского острога // Из истории земли Томской 1604-1917. Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Разгон. Томск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978. С. 60.

Из отчета томских воевод об укреплениях количестве вооружения, огненных припасах в Томске и подведомственных ему острогах // Из истории земли Томской 1604-1917. Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Разгон. Томск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978. С. 30–32.

Кочедамов В.И. Омск, как рос и строился город. Омск: Омское кн. изд-во, 1960. 122 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 192 с.

Малолетко А.А., Малолетко А.М. Воинство Алтайского горного округа. Томск: Томск. гос. ун-тет, 2001. 232 с.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1990. 184 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 304 с.

Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона. Вып. XVI / Гл. ред. В.П. Южаков. Тюмень: Строитель, 2007. С. 32–46

Носов К. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII веков. СПб: Полигон, 2002. 176 с.

Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3 / Ред. Ю.В. Ширин. Томск: Кузнецкая крепость, 1999. С. 19–35.

Отчёт Томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах Из истории земли Томской 1604-1917. Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Разгон. Томск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978. С. 60–61.

Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура / Отв. ред. А.М. Сахаров. М: МГУ, 1979. 352 с.

Ремезов И. Книга о атакъ и оборонъ крѣпостей изданная черезъ господина де Вобана СПб., 1744. 233 с.

Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / сост. А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2003. 44 с.

Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 80 с.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.

Шаповалов А.В. Пограничные крепости Южной Сибири XVIII в. особенности архитектуры // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития: Тезисы региональной научно-практической конференции (Куйбышев, 5–6 декабря, 1997 г.) / Отв. ред. В.И. Баяндин. Куйбышев: Бараба, 1997. С. 12–15.

Шор Д.И. Русское военное инженерное искусство XVI - XVII вв. в свете «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии / Сост. В.П. Андреев, Д.С. Борисов. М.: Воениздат, 1958. С. 18–35.

Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии XI – XIX вв. М.: Изд-во стандартов, 1975. 272 с.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. 432 с.

Эллерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1988. С. 59–101.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XVIII в. / Отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1981. 270 с.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. T. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721-1722. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 380 s.

Информация об авторе:

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, Россия); altaicenter2011@gmail.com

REFERENCES

Zabiyako, A. P., Cherkasov, A. N. (eds.). 2019. *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya (Albazino ostrog: History, archaeology, anthropology of the peoples of the Amur region)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseev, A. N. 1996. *Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii. Istoriya i kul'tura Vostoka i Azii (The first Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the northeast of Yakutia)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Balandin, S. N. 1974. In Vavilov, O. N. (ed.). *Goroda Sibiri. Ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period (Cities of Siberia. Economics, management and culture of Siberian cities in the pre-Soviet period)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 7–37 (in Russian).

Berezikov, N. A. 2016. In Garkosha, D. D. (ed.). *Balandinskie chteniya (Balandin's Readings)*. Vol. XI. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 11–17 (in Russian).

Borodaev, V. B., Kontev, A. V. 2015. *Formirovanie rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. (Formation of the Russian border in the Irtysh–Yenisei interfluve in 1620–1720)*. Barnaul: Altai State Pedagogical University (in Russian).

Borodovskiy, A. P. 2021. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (2), 94–100 doi:10.17746/1563-0102.2021.49.2.094-101 (in Russian).

Borodovskiy, A. P. 2021. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 49 (1), 94–100 doi:10.17746/1563-0102.2021.49.1.094-100 (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Gorokhov, S. V. 2008. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4 (36), 70–82 (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Gorokhov, S. V. 2009. *Umrevinskiy ostrog (arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg.) (Umreva ostrog (archaeological studies in 2002–2009))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

GATO, Fund. 521. Inv. 1. dossier. 1, 2–2ob. (in Russian).

Gorokhov, S. V. 2018. In Garkosha, D. D. (ed.). *Balandinskie chteniya (Balandin's Readings)* XIII. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 132–136 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1985 (ed.). *Drevniaya Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: *Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Emel'yanov, N. F. 1981. *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu (Settling the Middle Ob region by Russians in the feudal period)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

From the report in the Siberian order of the Tomsk son of the boyar Yuri Sobolevsky on the construction of the Urtamsky ostrog. In Razgon, I. M. (ed. in chief). 1978. *Iz istorii zemli Tomskoy 1604–1917 (From the history of the Tomsk land 1604–1917)* 1. Tomsk: “Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo” Publ., 60 (in Russian).

From the report of the Tomsk voivodes on the fortifications, the number of weapons, fire supplies in Tomsk and its subordinate ostrogs. In Razgon, I. M. (ed. in chief). 1978. *Iz istorii zemli Tomskoy 1604–1917 (From the history of the Tomsk land 1604–1917)* 1. Tomsk: “Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo” Publ., 30–32 (in Russian).

Kochedamov, V. I. 1960. *Omsk, kak ros i stroilsya gorod (Omsk, how the city grew and was built)*. Omsk: “Omskoe knizhnoe izd-vo” Publ. (in Russian).

Kradin, N. P. 1988. *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo (Russian wooden defensive architecture)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Maloletko, A. A., Maloletko, A. M. 2001. *Voinstvo Altayskogo gornogo okruga (The warrior host of the Altai mining district)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Minenko, N. A. 1990. *Po staromu Moskovskomu traktu (Along the old Moscow main road)*. Novosibirsk: “Novosibirsk knizh. izd-vo” Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wooden-Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Muratova, S. R. 2007. In Yuzhakov, V. P. (ed. in chief.). *Natsional'nye kul'tury regiona (National cultures of the region)* XVI. Tyumen: “stroitel” Publ., 32–46 (in Russian).

Nosov, K. 2002. *Russkie kreposti i osadnaya tekhnika VIII–XVII vekov (Russian fortresses and siege engine of the VIII–XVII centuries)*. Saint Petersburg: “Poligon” Publ. (in Russian).

Ogurtsov, A. Yu. 1999. In Shirin, Yu. V. (ed.). *Kuznetskaya starina (Kuznetsk antiquity)*. 3. Tomsk: “Kuznetskaya krepost” Publ., 19–35 (in Russian).

Report of the Tomsk voivodes on the fortifications, the number of weapons, fire supplies in Tomsk and its subordinate ostrogs. In Razgon, I. M. (ed. in chief). 1978. *Iz istorii zemli Tomskoy 1604–1917 (From the history of the Tomsk land 1604–1917)* 1. Tomsk: “Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo” Publ., 60–61 (in Russian).

Sakharov, A. M. (ed.). 1979. *Ocherki russkoi kul'tury XVII v.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 17th century: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Remezov, I. 1744. *Kniga o atak" i oboron" kr"postey izdannaya cherez" gospodina de Vobana (The book about attacks and defense of the Crimea is published through the Lord de Vauban)*. Saint Petersburg (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Borodovskaya, E. L. (comp.). 2003. *Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoy oblasti (Russian ostrogs of the XVIII century on the territory of the Novosibirsk region)*. Novosibirsk: Research and Production Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Novosibirsk region (in Russian).

Sergeev, A. D. 1975. *Tayny altayskikh krepostey (Secrets of Altai fortresses)*. Barnaul: “Altai kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Slovtsov, P. A. 2006. *Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II. (The history of Siberia from Yermak to Catherine II)*. Moscow: “Veche” Publ. (in Russian).

Shapovalov, A. V. 1997. In Bayandin, V. I. (ed.). *Kuybyshev (Kainsk): istoricheskiy opyt sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya (Kuibyshev (Kainsk): historical experience of social, economic and cultural development)*. Kuybyshev: “Baraba” Publ., 12–15 (in Russian).

Shor, D. I. 1958. In Andreev, V. P., Borisov, D. S. (comp). *Voенно-инженерное искусство и инженерные войска russkoy armii (Military engineering and engineering troops of the Russian Army)*. Moscow: “Voenizdat” Publ., 18–35 (in Russian).

Shost'in, N. A. 1975. *Ocherki istorii russkoy metrologii XI–XIX vv. (Essays on the history of Russian metrology of the XI–XIX centuries)* Moscow: “Izd-vo standartov” Publ. (in Russian).

Shunkov, V. I. 1956. *Ocherki po istorii zemledeliya v Sibiri (XVII vek) (Essays on agriculture in Siberia (in the XVII century))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ellert, A. Kh. 1988. In Pokrovsky, N. N. (ed.). *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda (Sources on the history of Siberia of the pre-Soviet period)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 59–101 (in Russian).

Aleksandrov, V. A. (ed.). 1981. *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XVIII v. (Ethnography of the Russian peasantry of Siberia of the XVII- mid XVIII century)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gmelin, J. G. 1752. *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe (in Germany).

Messerschmidt, D. G. 1962. *Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727*. Т. 1: *Tagebuchaufzeichnungen, 1721-1722*. Berlin: Akademie-Verlag (in Germany).

About the Author:

Borodovskiy Andrei P., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Professor, Novosibirsk State Pedagogical University. Velyuiskaya, str., 28, Novosibirsk, 630126, Russian Federation; altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 94 (47).04-06

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.37.51>

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ФОРТИФИКАЦИИ ПОГРАНИЧЬЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВВ.

© 2023 г. Э.Л. Дубман

В статье подведены итоги изучения формирования полевой фортификации Южного Среднеvolжья и прилегающих к нему территорий Нижнего Поволжья в конце XVI – 30-х гг. XVIII в. В этот период в регионе была создана целостная система оборонительных сооружений, обеспечившая условия для его земледельческо-промыслового освоения. В последние годы значительно вырос интерес историков к изучению данной проблематики, расширилась ее источниковая база. Это позволило существенно изменить представления о военно-фортификационной системе Южного Среднеvolжья. Появилась возможность выделить основные этапы ее складывания, рассмотреть особенности каждого из них, начиная от создания засечных черт в конце XVI – начале XVII вв. и заканчивая возведением протяженных укрепленных линий в Заволжье в 1730 г. Сделан вывод, что на каждом из таких этапов региональная полевая фортификация формировалась в тесной связи с аналогичными процессами, происходившими в целом в Европейской части России. В статье на протяжении длительного лонгитюдного периода показана эволюция отечественной модели полевого военного зодчества. Особо отмечено сильное западноевропейское влияние на нее, проявившееся при возведении Украинской и Новой Закамской линий. Конкретное изучение данной темы позволяет утверждать, что сохранившиеся в Южном Среднеvolжье объекты фортификационного искусства имеют особую значимость для сохранения исторической памяти современного населения региона, формирования его историко - культурной идентичности.

Ключевые слова: археология, Южное Среднеvolжье, фортификация, засечные черты и линии, западноевропейское влияние, форпосты, гарнизоны, Петр I, Г.С. Кропотов, Заволжье.

ON THE QUESTION OF STUDYING, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF FORTIFICATION SITES OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION BORDERLAND OF THE LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES

E.L. Dubman

This paper presents the results of the study of the field fortification formation in the Southern Middle Volga and adjacent territories of the Lower Volga region at the end of the XVI – 30s of the XVIII century. In this area an integral system of defensive structures was created during this period, which provided conditions for its agricultural and commercial development. In recent years, the interest of historians in the study of this issue has grown significantly, its source base has expanded. It has allowed to change significantly the ideas about the military fortification system of the Southern Middle Volga region. It became possible to identify the main stages of its formation, to consider the peculiarities of each of them, starting from the creation of Zasechnaya lines in the late XVI – early XVII centuries and ending with the construction of extended fortified lines in the Volga region in 1730. It is concluded that at each of these stages, the regional field fortification was formed in close connection with similar processes taking place in the European part of Russia as a whole. The author presents the evolution of the Russian model of field military architecture over a longitudinal period. The strong Western European influence on it, manifested during the construction of the Ukrainian and New Zakamskaya lines, was particularly noted. A concrete study of this topic allows us to assert that the fortification art sites, preserved in the Southern Middle Volga region, are of particular importance for preserving the historical memory of the population of the region, the formation of its historical and cultural identity.

Keywords: archaeology, Southern Middle Volga region, fortification, Zasechnaya lines, Western European influence, outposts, garrisons, Peter I, G.S. Kropotov, Trans-Volga region.

Проведенные в последнее время масштабные исследования памятников полевой фортификации, возведенных в конце XVI – начале XVIII вв. в Южном Средневожье, позволили существенно расширить и пересмотреть ранее бытовавшие представления об основных направлениях государственной политики освоения этого региона. Появилась возможность лучше понять и представить своеобразие сложившейся здесь совокупности засечных черт и линий, локальных укреплений (Линии роста..., с. 64–73, 288–307, 356–377). Среди современных историков, занимавшихся этой проблематикой, следует особо отметить работы Т.И. Лавриновой, С.А. Иванюка, В.А. Тихонова, Е.В. Пашиной и ряда других (Лавринова, 2012; Иванюк, 2021, с. 41–52; Тихонов, 2016, с. 312–347; Пашина, 2014, с. 146–175).

Изучение отдельных составляющих указанной фортификационной системы позволяет считать, что она являлась своеобразным каркасом, скрепляющим региональное пространство в единое целое. В каждый исторический период строительства укреплений их технологические и конструктивные особенности, специфика сочетания традиционализма русского военного зодчества и новых западных влияний существенно различались. Но в целом они явственно сочетались с последовательностью военно-государственного и хозяйственного освоения края.

В развитии Южного Средневожья можно выделить ряд существенно отличающихся друг от друга этапов. Но совершенно очевидно, что данный регион и лежащие ниже по Волге степные пространства после вхождения их в состав России длительное время являлись зоной фронта, пограничья. Их освоение оседлым земледельческим, промышленным населением и близкими к ним служилыми людьми «по прибору» было сопряжено с постоянно существовавшей угрозой нападения кочевых народов. Масштабная колонизация «Поля» могла осуществляться только при наличии ведущей роли государства в создании так называемых «всеобщих условий производства» (Милов, 1998, с. 561). Она базировалась прежде всего на использовании военно-административных методов, закреплявших новые территории с помощью городов-крепостей, засечных черт и линий, размещения по ним военных гарнизонов.

Об этом свидетельствует последовательное складывание в рассматриваемом пространстве различных полевых систем укреплений. Первую из них составляли «города», остроги и засечные черты волжского Правобережья по линии Тетюши – Алатырь и далее на запад; а также Левобережья по нижнему и среднему течению Камы конца XVI – начала XVII вв. В середине XVII в. строятся Саранская, Карсунская, Симбирская и Закамская засечные черты, продолжившие укрепления условно называемой Белгородско-Симбирской системы. Затем, в последней четверти XVII в., их должны были завершить Пензенская и запланированная, но так и не возведенная Сызранская засечные черты; а также совокупность «городов-крепостей», острогов и т. д. Наконец, в первой трети XVIII в. строятся Царицынская линия и в Заволжье «Черемшанские форпосты», Новая Закамская и Самарская линии. Такое «обилие» полевых фортификационных систем и локальных укреплений свидетельствует об особой значимости изучаемого региона для защиты юго-восточных рубежей европейской России и интенсивном процессе его военно-хозяйственного освоения.

Рассмотрим подробнее процесс формирования указанных выше объектов фортификации и их особенности. О каких-либо значимых укреплениях, существовавших на южных и юго-восточных границах Казанского ханства ко времени так называемого «Казанского взятия», мало что известно. Об этом свидетельствуют как исследования историков (Губайдуллин, 2019, с. 100–119, 188), так и описание проходившего с войском по этой территории А.М. Курбского, а также других внимательных наблюдателей того времени (Курбский, с. 33). Только во второй половине XVI в. здесь началось масштабное возведение русских городов-крепостей и засечных черт. Они составили относительно единую систему обороны от Волги под Тетюшами к Алатырю и далее на запад. Однако письменные источники о ней выявлены лишь фрагментарно. Земляные рвы и валы ее почти не сохранились, поэтому судить об их исходных размерах, геометрии, технологии сооружения крайне сложно. К тому же основную часть протяженности этих укреплений составляли засеки.

Но несомненно, что именно они, постоянно возобновляемые и достраиваемые, достаточно

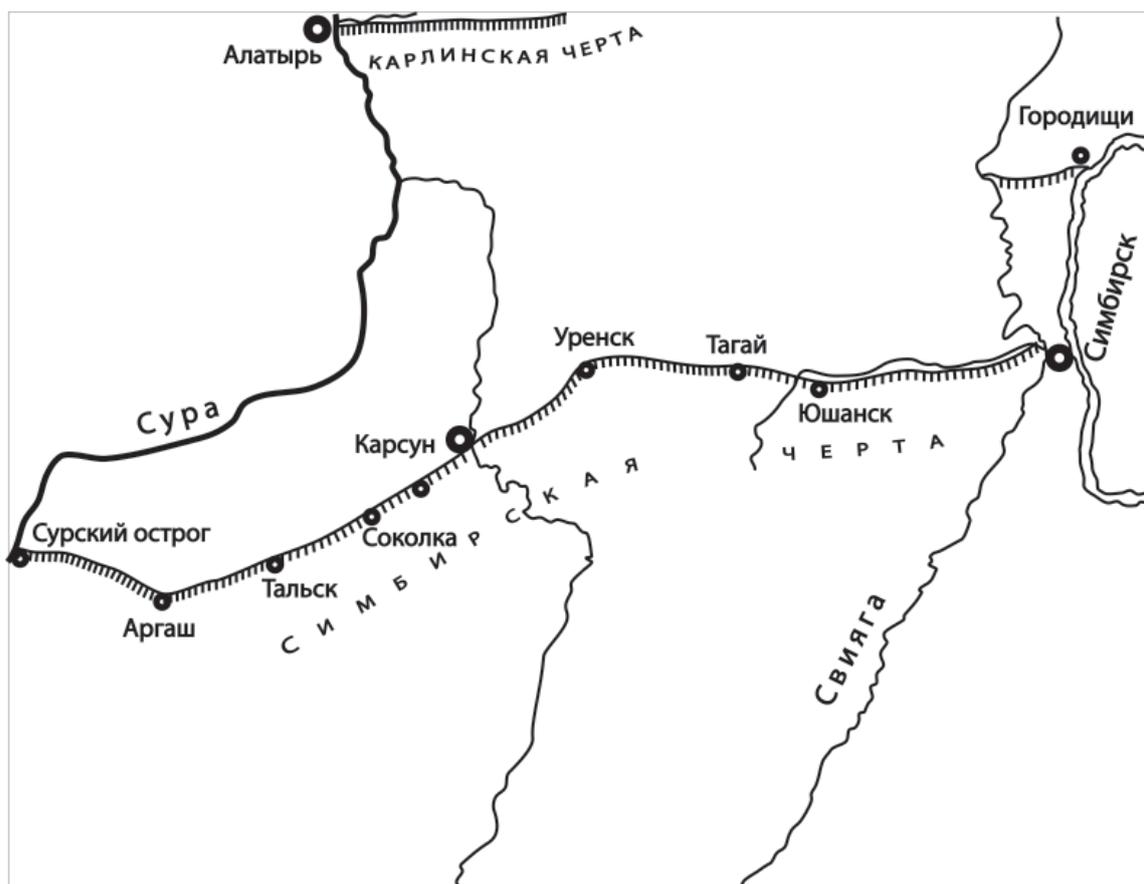

Рис. 1. Засечные черты Симбирского Правобережья (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48, л. 11).

Fig. 1. Zasechnaya fortification system of the Simbirsk area, adjoining the right bank of the Volga river (Materials from the study of the history and state of the Simbirsk abatis line (descriptions, schemes, information) (GAUO. F. R-3632. Inv. 1. D. 48, l. 11))

эффективно вплоть до середины XVII в. защищали новые юго-восточные рубежи. Однако в силу указанных выше причины попытки их реконструкции современными исследователями как единой системы обеспечения безопасности не дают положительных результатов. Можно сделать вывод, что данные полевые земляные укрепления имели меньшие размеры и более простое устройство, чем аналогичные сооружения, строившиеся позднее (Лебедев, 2006, с. 14–17, 58–64; Пашина, 2014, с. 146–176).

Новый этап сооружения засечных черт и локальных укреплений начался после неудачного завершения Смоленской войны. В конце 1630-х гг. государство приступило к реализации уникального проекта по созданию единой непрерывной системы фортификационных сооружений, защищавших весь юг и отчасти юго-восток европейской России. В Южном Средневолжье, находившемся под управлением приказа Казанского дворца, работы по

его осуществлению начались только в 1646 г. при Алексее Михайловиче. Новые засечные черты должны были продолжить далее на восток возведенные ранее Белгородскую, Тамбовскую и другие системы укреплений. Их создание закрепило за Россией лесостепь Предсурья и Волго-Сурского междуречья. Письменных источников о реализации данного проекта выявлено крайне мало. Однако сами земляные укрепления сохранились достаточно хорошо и позволяют исследователям выявить, картировать и реконструировать основные сооружения Саранской, Карсунской и Симбирской засечных черт (ГАУО. Ф. Р-3632, оп. 1, д. 74, л. 6–7, 37, 45; ГАУО. Ф. Р-3632, оп. 1, д. 48, л. 3–5). Важно то, что указанные засечные черты возводились по разработанному в начале правления Алексея Михайловича новым проектам полевой фортификации (Дубман, 2013, с. 301–304).

Следует согласиться с мнением В.П. Загоровского, что «с 1646 г. начинается второй

период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. ... Сравнительно быстро заполняются пробелы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646–1647 гг. в общем определяются географические контуры будущей черты» (Загорский, 1969, с. 73). Характерно, что историк не включил в ее состав, как идентичную в фортификационном отношении, Закамскую черту, строившуюся в 1650-х гг.

Указанное выше утверждение Загорского необходимо дополнить и уточнить. Процессы, происходившие во «втором периоде» развития фортификации в России, имели более глубокий характер. Руководство страны посчитало необходимым соединить в единое целое укрепления Белгородской черты и других, продолживших ее на восток (Тамбовская и засечные черты в Мордовии). Одновременно было решено продлить систему укреплений далее за р. Суру вплоть до Волги, где ранее было «Поле». При этом по всей системе укреплений, возведенных ранее на юге и предполагаемых к сооружению на юго-востоке, было указано значительно усилить мощность древо-земляных укреплений и засек, а также увеличить численность гарнизонов.

Об этом свидетельствует составленная в 1680/81 г. «Выписка в Разряд о построении новых городов и черты». Она содержит краткий обзор истории фортификационного строительства в России в XVII в. В силу особой значимости данного документа приведем его основную часть без купюр: «И со 153 (1645 – Э.Д.) году... царь и великий князь Алексей Михайлович... указал, для покою христианскаго, черту строить по-прежнему указу отца своего... и по черте устроить прибавочные города и населить большим многолудством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3 сажень, в вышину 2 сажень с четвертью и 2 сажень в своде, и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажень, на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется». Особая значимость этой части источника очевидна. В ней приведен, видимо с небольшими сокращениями, царский указ. Второй раздел, свидетельствующий о его выполнении, вполне традиционен

и не содержит какой-либо значимой информации (Голомбиевский, 1892, с. 54–56).

Тем самым в начале правления Алексея Михайловича правительство признало неудовлетворительное качество предшествующей системы укреплений. Дополнительно, к стратегически верному решению завершить возведение единой целостной системы укреплений от границ с Речью Посполитой до Волги, были приняты важные поправки к проекту конца 1630-х – первой половины 1640-х гг. Они касались количества городов, пригородов и острогов, численности их гарнизонов, а также размеров полевых укреплений – валов, рвов, засек, крепостных и острожных сооружений и т. д. Несомненно, что все это привело к резкому удорожанию строительных работ. Работы возлагались на три приказа: Разрядный (Белгородская черта), Большого Дворца (Тамбовская черта) и Казанский приказ (отвечавший за прочие укрепления к востоку). Очевидно, что данное решение нельзя было принять без Б.И. Морозова, игравшего в это время ведущую роль в правительстве.

Еще одним свидетельством пересмотра требований к фортификации засечных черт были действия посланного для руководства строительными работами на территориях, подведомственных Казанскому приказу, стольника Б.М. Хитрово (с 1647 г. – окольничего). Под его руководством были перестроены ранее возведенные Керенская и частично Атемарская (Атемаро-Саранская, или Саранская) черты, а также возведены Карсунская и Симбирская. Характерно, что за три года пребывания в регионе (1646 – осень 1648) Хитрово успел принять участие в сооружении всех указанных систем укреплений. Видимо, он начинал их строительство по новым, принятым в центре параметрам, а затем передавал частично возведенные сооружения для продолжения другим «горододельцам». Скорее всего, именно Хитрово являлся доверенным человеком Б.И. Морозова (Селезнева, 1987, с. 78–87), лучше других понимавшего необходимость возведения мощной, единой для всего европейского юга и юго-востока страны системы укреплений.

Ее сооружения, вплоть до наших дней, являются уникальным памятником русского фортификационного зодчества эпохи позднего Средневековья. Их создание и расселение по ним служивых приборных людей

обеспечили защиту и интенсивное освоение новых плодородных земель (Лебедев, 2006, с. 34–41; Буканова, 1999). При этом отметим две характерные особенности. Практически все приборные люди получили наделы земли. Они составили значительную, а в начальный период освоения новых территорий преобладающую группу сельского земледельческого населения. При этом многие из них, особенно расселенные по Карсунской черте, представляли коренное население Среднего Поволжья (Региональные..., 2017, с. 30–33). Обследование новых засечных черт показывает хорошую их сохранность на участках сооружения земляных укреплений системы «ров – вал», а также «городов» и острогов.

Несколько позднее, в 1650-х гг., в Закамье, от устья Б. Черемшана к Каме, строится Закамская засечная черта, положившая начало массовому сельскому освоению лесостепного Заволжья. Исследователи считают, что ее фортификация во многом была близка укреплениям Симбирской, Карсунской, Белгородской и других засечных черт (Загоровский, 1969, с. 85; Буканова, 1981, с. 41–50). Однако при возведении этой черты не соблюдались требования, принятые в середине 1640-х гг. На Закамской черте более значительную роль играли засеки, строившиеся по старым образцам с гораздо меньшей глубиной защиты. На участках открытой, безлесной местности преимущественно устраивались «тарасные», а не земляные валы. При большей протяженности по сравнению с засечными чертами Правобережья Закамская имела меньшую численность гарнизонов. Видимо, она возводилась особо и не входила в указанную выше правительственную программу.

Более сложная ситуация с защитой Волго-Сурского междуречья сложилась в конце XVII – начале XVIII вв., когда возникла необходимость приступить к новому, третьему этапу колонизации южной лесостепи. Доведенную до Налуевской слободы, при резком развороте р. Суры на северо-восток, Пензенскую черту в 1680-х гг. должна была продолжить к Волге Сызранская система укреплений. Но она так и не была построена (Дубман, 2011, с. 326–332), а знакомство с основными элементами проекта ее возведения вызывает вопросы.

Сам проект черты, подготовленный под руководством симбирского воеводы М.А. Головина не сохранился. В общем виде он

получил отражение в указе от 23 декабря 1685 г., по которому следовало строить укрепления «...от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на дву сажнях. И по той новой черте сделать четыре городка...» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол, столбцы, д., 674, л. 488).

Протяженность черты достигала около 152 км. Отметим, что ни Пенза, ни Сызрань не являлись конечными ее пунктами. Она должна была начинаться у «Казачьих гор» и идти до впадения в Суру р. Труев под Т(у)руевым городищем. Именно там Сура, резко развернувшись на восток, подходила ближе всего к Волге.

Обеспечить безопасность полутора сотен километров с помощью всего четырех городков было крайне сложно. Так, для защиты Симбирской черты протяженностью около 100 км были построены один «город» и три острога, а Карсунской – протяженностью до 110 км – два «города» и четыре острога (Крепости..., с. 36–39, 58–66). Следовательно, проектируемая Сызранская черта должна была опираться не менее чем на 6–8 городков и острогов. Чем была обусловлена такая экономия на количестве базовых пунктов обороны, неясно.

После отказа правительства от строительства черты местные власти пытались прикрыть междуречье Волги и Суры гарнизонами Сызрани (1683 г.), Кашпира (1687 г.) и ряда селений служилых людей. Но их явно не хватало для создания глубокой эшелонированной обороны от нападений кочевников.

В сохранившихся делах конца XVII в. служилые люди так описывали свои обязанности по защите этого водораздела: в «...той Сенигилеевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовая и объездная служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжая, подзорная станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...» (Красовский, 1902, с. 2–3). О том же сообщали «старожила» Дмитриевска в своей челобитной середины XVIII в.: «по строении города, за неимением в то время

Царицынской линии, от набегов Кубанских имели неусыпные в службе труды и всеусердное по присяжной, своей должности старание» (Перетяткович, 1882, с. 250).

Позднее, характеризуя построенные в конце XVII в. в междуречье Волги и Дона Петровск, Павловск и Дмитриевск (ныне Камышин), отдельные исследователи допускают, что, возможно, правительство хотело создать, опираясь на них, новую засечную черту. Наиболее обоснованно, к сожалению, не приводя конкретных данных, об этом пишет Г.И. Перетяткович (Перетяткович, 1882, с. 246–247). Все указанные «городки-крепости» строились в одно время с работами на Волго-Донском канале. Очевидно, что для обеспечения безопасного судоходства по каналу рядом с ним следовало создать укрепленный район. Его основой могли стать указанные «городки» с военными гарнизонами и селениями работающих людей, обслуживающих прохождение судов.

Какое-то время относительно спокойную ситуацию в междуречье Волги и Дона позволяло сохранять поражение Турции под Азовом, строительство Таганрога и других военных объектов. Начавшееся сразу после «Азовского взятия» сооружение Волго-Донского канала в 1697–1701 гг., сборы на его строительство большого количества рабочих и служилых людей также сыграли важную роль в предотвращении набегов в пространстве между Волгой, Доном и Сурой (Перри, 1871, с. 3, 58–59). Но обострение отношений между Россией и Турцией, поражение в Прутском походе 1711 г. резко изменили баланс сил в регионе. Османская империя перешла к активным военным действиям, вылившимся в турецко-русскую войну (1710–1713 г.) (Артамонов, 2019).

Петр I осознавал всю опасность ситуации, складывающейся на юге. В начале 1712 г. был принят ряд указов под общим названием «Разположении о Украине в будущую компанию». Царь требовал срочно укрепить гарнизоны в малороссийских городах за счет военных сил, размещенных в Казанской и Азовской губерниях: «Для охранения Украины быть губернатору казанскому (П.М. Апраксину – Э.Д.), а с ним полкам Азовской губернии всем, оставя только гарнизоны...» (кроме того, в помощь к ним было указано перевести 15000 калмыков и 5000

донских казаков) (Письма..., т. 12, ч. 1, с. 19–20).

Однако эти и другие действия дали всего лишь временный эффект. Даже завершение русско-турецкой войны 1710–1713 гг. и последовавшее в 1714 г. межевание границы между двумя государствами окончательно не стабилизировали обстановку (Артамонов, 2019, с. 393–399). Апогеем тяжелейшей ситуации в междуречье Волги и Дона стал Кубанский поход 1717 г., нанесший огромный ущерб населению волжского Правобережья вплоть до Пензы, Сызрани и Симбирска (Лавринова, 2012, с. 33).

Это «разорение» вынудило разместить в октябре – ноябре 1717 г. между Пензой и Саратовом четыре драгунских полка под командованием бригадира Г.С. Кропотова. Указом Петра I ему было поручено решить две задачи:

– «...быть им тамо для бережения от приходов татарских, ...и стоять ему меж Саратова и Пензы...»;

– «Сделать черту от Дмитровскаго к Илавле и к Дону, или от Царицына до Паншина по рассмотрению посланнаго, где работы будет меньше, а на Дону крепость в Паншине» (Полное..., т. 5, с. 518).

Размещение полков Кропотова «меж Саратова и Пензы» объяснялось тем, что именно там проходила граница оседлого расселения на Правобережье в начале XVIII в. Царь предполагал, что бригадир, построив Царицынскую линию, станет фактически наместником всей территории Южного Средневожья. Т.И. Лавриновой удалось выявить еще один именной указ Петра I от 31 января 1718 г. Основное содержание его было изложено в «сенатской справке» и более подробно отразило подход самодержца к строительству данной системы укреплений. Ее Петр сначала традиционно назвал «чертой», но далее по тексту указа перешел на именование «линия», которое затем стало общепринятым в официальной документации. Указ предписывал Кропотову строить «вал и ров немалый... укладывая дерном» и содержит указание «...по той линии в пристойных местах зделать небольшие крепости». Возведение новой системы укреплений находилось под постоянным контролем царя. Посланный к их «строению» инженер «из артиллерии» не обладал необходимыми навыками. Вскоре

Рис. 2. Царицынская линия (Лавринова, 2012, с. 89).
 Fig. 2. Tsaritsyn line (Lavrinova, 2012, p. 89).

его заменил более опытный в фортификации капитан А. де Кофенант. Под его началом и были осуществлены все проектные и инженерные работы на линии (Лавринова, 2012, с. 92).

История сооружения Царицынской линии в 1718–1720 гг. подробно рассмотрена Т.И. Лавриновой, С.А. Иванюком и другими исследователями (Лавринова, 2012, с. 25–40; Иванюк, 2021, с. 41–52). Поэтому, специально не останавливаясь на этой теме, приведем только особо значимое мнение известного специалиста по русской фортификации XVIII в. Ф.Ф. Ласковского. Характеризуя совокупность укреплений, возведенных при Петре I на южных и юго-восточных границах европейской России, тот приходит к выводу, что «ни одна из начатых Петром Великим крепостей не была надлежащим образом окончена в его царствование, хотя многие из них имели простое расположение и небольшой объем. Причиной того было тревожное положение России в продолжение всего царствования Петра, недостаток денежных средств, рабочих сил и искусных инженеров, наконец самые успехи Русских в войне, позволившие им заранее рассчитывать на счастливый исход этой борьбы». И далее историк пишет,

что в начале XVIII в. при введении новых европейских практик «русские не отказались от употребления и прежних средств – укрепленных линий и засек» (Ласковский, 1861, с. 219). С этими мнениями нельзя не согласиться. Именно такая эклектика наблюдалась при фортификационном обустройстве рассматриваемого региона, в том числе и Царицынской системы укреплений.

Построенная линия и размещение гарнизонов по ней позволили Кропотову заняться обеспечением безопасности Южного Средневожья. В 1720 г. он подал в Сенат проект о необходимости создания крупных войсковых групп на волжском Правобережье (между Пензой и Саранском, а также Керенском и Н. Ломовым) и в Заволжье (между Соком и Б. Черемшаном). Проект поддержал и утвердил сам Петр, еще раз подтвердивший генерал-майору задачу курировать указанный регион (Ласковский, 1861, ч. 2, с. 51–54).

Кропотов был хорошо знаком с этой местностью. Он не однажды бывал там и знал проблемы пограничья, ситуацию с постоянными столкновениями с кочевниками и волнениями башкир. Особую озабоченность у центральных и местных властей вызывал район формирования войсковой групп-

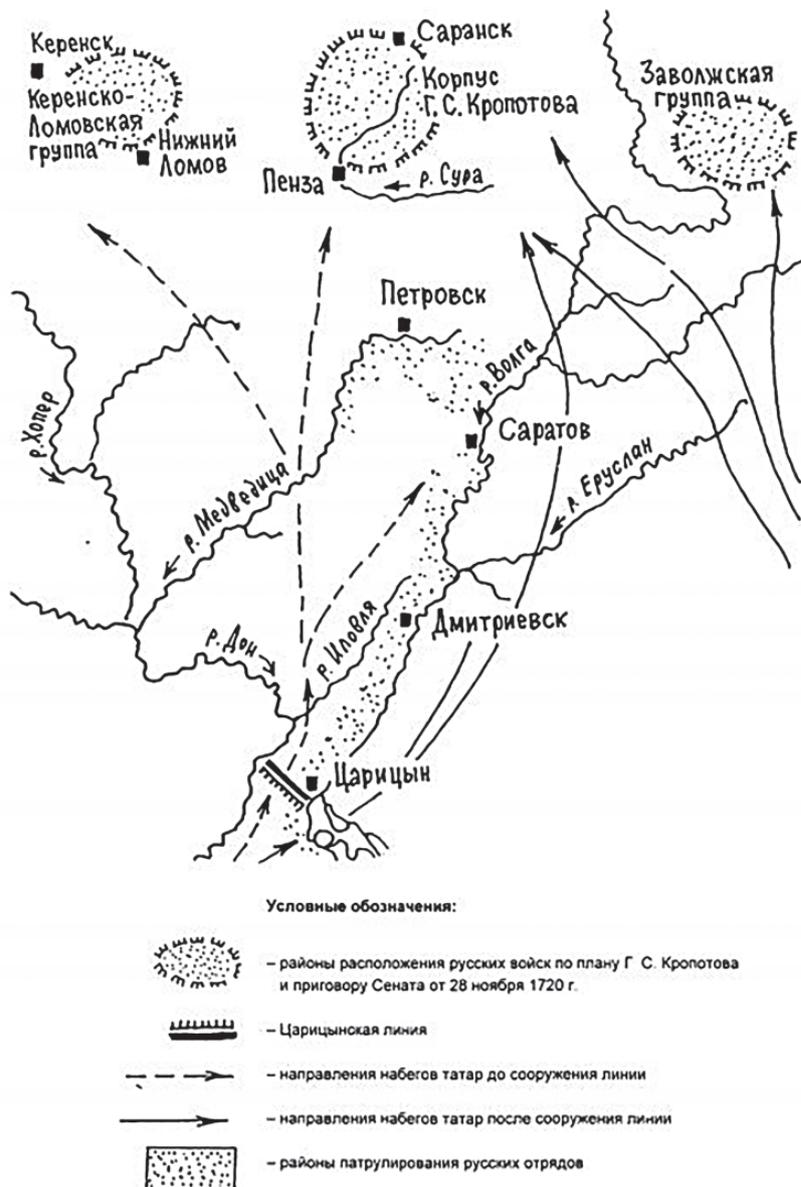

Рис. 3. Проект Г.С. Кропотова защиты юго-восточной окраины европейской России 1720 г. (Лавринова, 2012, с. 86).

Fig. 3. G.S. Kropotov's project for the defense of the southeastern outlying of European Russia in 1720 (Lavrinova, 2012, p. 86).

пы, защищавшей от нападений частично освоенную территорию Левобережья, включая и т. н. «Черемшанские форпосты». Под ними первоначально подразумевалась совокупность временных сезонных укреплений, располагавшихся по правому берегу Б. Черемшана (ниже Закамской черты), на которых несли сторожевую службу спускавшиеся каждую весну из Казани драгунские полки. Позднее под «форпостами» стали понимать более обширное пространство междуречья Б. Черемшана и Сока (Дубман, 2005, с. 17–20). Это была зона противостояния нападением

калмыков и киргизов-кайсаков, столкновений с башкирами.

События русско-турецкой войны, постоянные нападения кочевников и в конечном итоге реализация «царицынского» проекта Кропотовым способствовали изменению основного вектора направленности государственной политики в изучаемом регионе. Теперь инициатива по обеспечению его безопасности исходила от командования южной группировки войск, размещенной в Малороссии. Его влияние на процессы, происходившие в Нижнем Поволжье и Южном Средневожье, резко

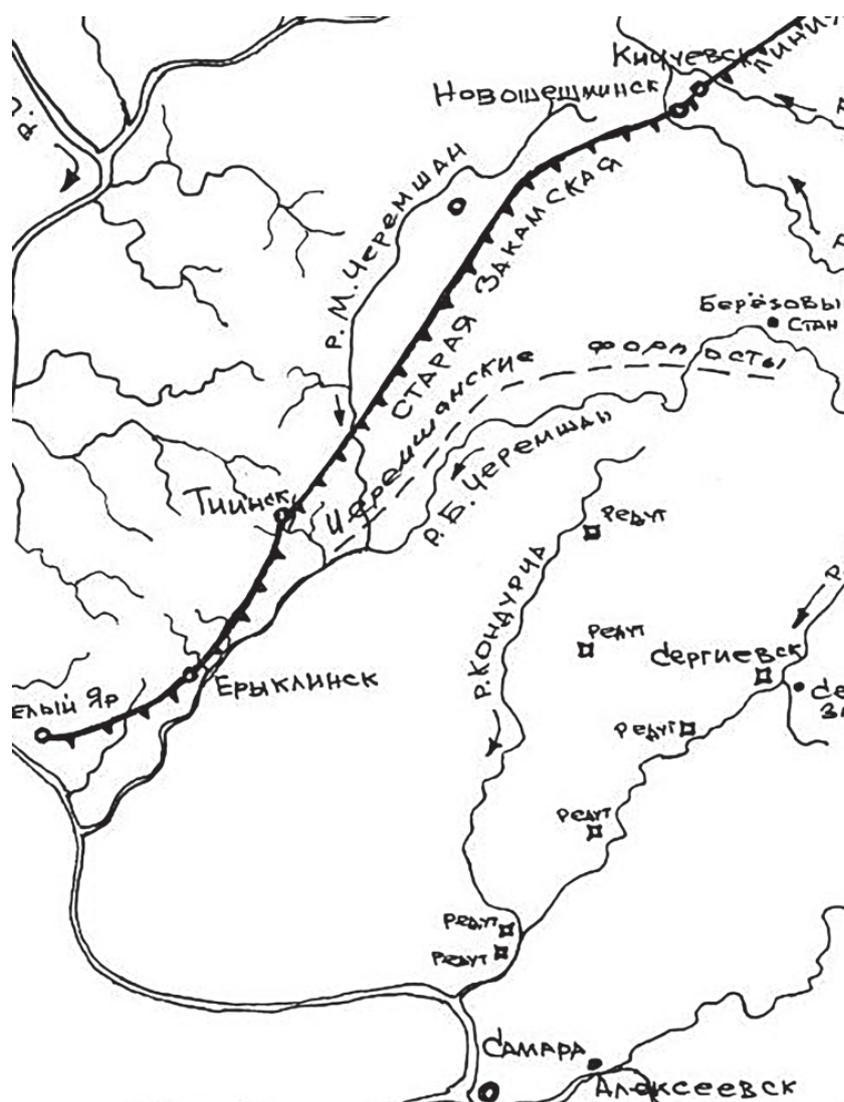

Рис. 4. «Старая» Закамская черта и Черемшанские форпосты в Заволжье (Дубман, 2005, с.19)
Fig. 4. “Staraya” Zakamskaya zasechnaya fortification system and Cheremshan outposts in the Trans-Volga region (Dubman, 2005, p. 19).

усиливается. Об этом свидетельствуют рапорты М.М. Голицына. Под его началом состояли Украинский корпус и полки ландмилиции в пространстве от Стародуба и Чернигова на Украине до «Черемшанских форпостов» и «старой» Закамской черты (Сборник..., 1891, вып. 79, с. 304–309).

На всей этой территории особая роль в разработке и осуществлении новых проектов принадлежала М.М. Голицыну, И.Б. Вейсбаху, Г.С. Кропотову и другим военачальникам. Именно они сыграли важнейшую роль в создании Царицынской линии, размещении войск на «Черемшанских форпостах», формировании ландмилиции и выдвигании идеи возведения Новой Закамской линии. По

мнению ряда историков, проект М.М. Голицына и И.Б. Вейсбаха конца 1720-х гг. включал в себя создание единой системы укрепленных линий. Они должны были защитить Украину (самая мощная из них – Украинская), более эффективно прикрыть междуречье Дона и Волги (ремонт и реконструкция Царицынской) и, наконец, выйти от восточных притоков Дона к Волге, а затем уже на Левобережье обезопасить все пространство до Камы (Новая Закамская). Проект последней линии оказался самым «неопределенным» и будущим руководителям Закамской экспедиции вместе с Военной коллегией пришлось долго его уточнять и дорабатывать. Последнее свидетельствует о

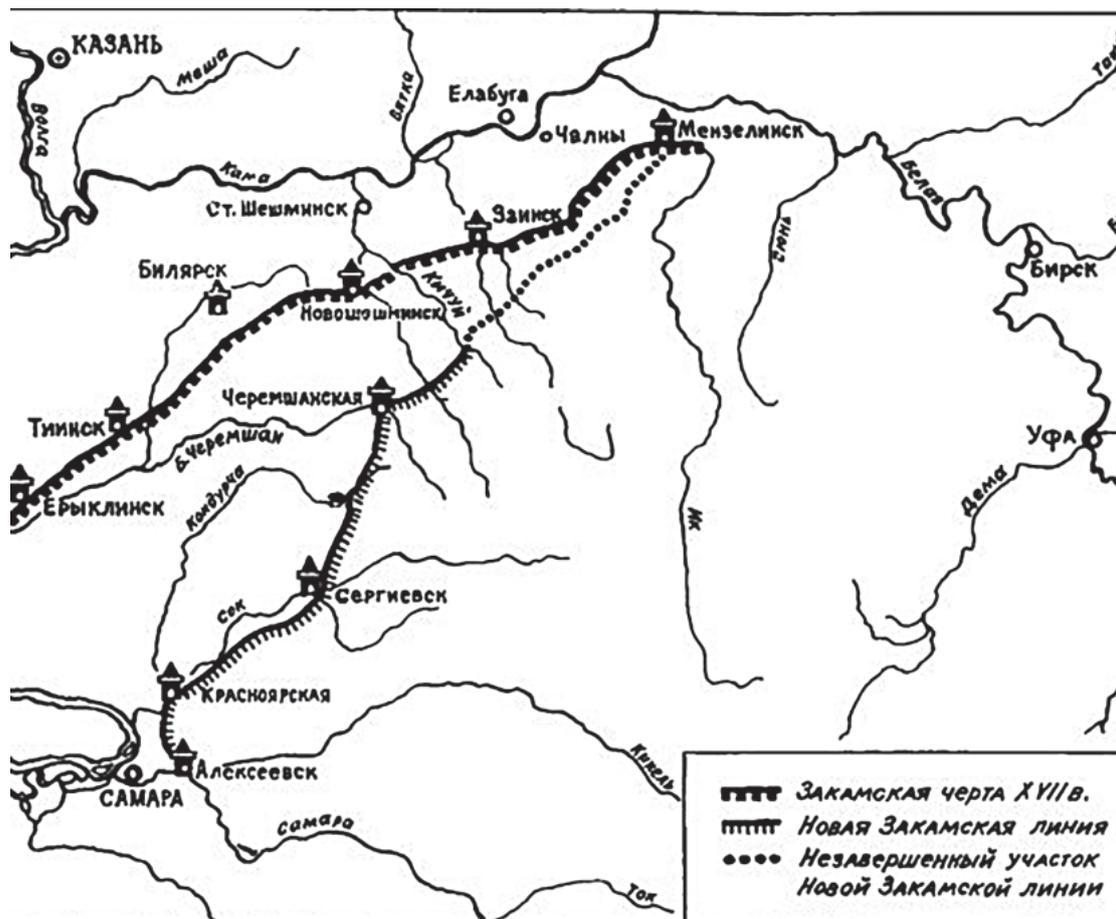

Рис. 5. Новая Закамская линия и Закамская черта (Буканова, 1997, с. 95)

Fig. 5. Novaya Zakamskaya line and Zakamskaya zasechnaya fortification system (Bukanova, 1997, p. 95).

слабом знакомстве «малороссийского» генералитета с Заволжьем.

В пользу данного вывода свидетельствует и то, что на протяжении 1720-х гг. военные части на «Черемшанских форпостах» возглавляли представители генералитета, присылаемые с юга, из «малороссийской» группировки войск (Г.С. Кропотов, позднее в 1728 г. А.Б. Шаховской, а затем в 1729–1731 гг. В.П. Шереметев (Дубман, 2005, с. 17–18, 31–34, 48–49).

Не будем специально останавливаться на истории возведения в Заволжье в 1730-х гг. Новой Закамской и Самарской линий. Эта тема уже рассматривалась в трудах ряда исследователей (Дубман, 2005; Смирнов, 1997).

Но, на наш взгляд, следует особо отметить сложившуюся ко времени их строительства последовательность эволюции фортификационного комплекса засечных черт и линий на территории изучаемого региона в конце XVI в. – 1730-х гг. Так, засечные черты Южного Средневожья середины XVII в., входившие в состав Белгородско-Симбирской системы

укреплений, представляли собой классический вариант русского фортификационного зодчества эпохи позднего Средневековья. Они вполне логично завершили эволюцию начальных полевых укреплений конца XVI – первой половины XVII вв. Царицынскую линию 1718–1720 гг. в этом отношении можно назвать переходной. Отечественные приемы оборонительного зодчества при ее возведении эклектично сочетались с образцами западноевропейской фортификации. Украинская и Новая Закамская линии стали своеобразным примером западноевропейского влияния в строительстве полевых оборонительных сооружений.

Но уже при сооружении Самарской линии в середине 1730-х гг. российские инженеры, возведя так называемую «живую линию», во многом отказались от прямого следования принципам западной фортификации.

Рассмотренные засечные черты и линии оставили свой знаковый след в облике изучаемого региона и в исторической памяти его

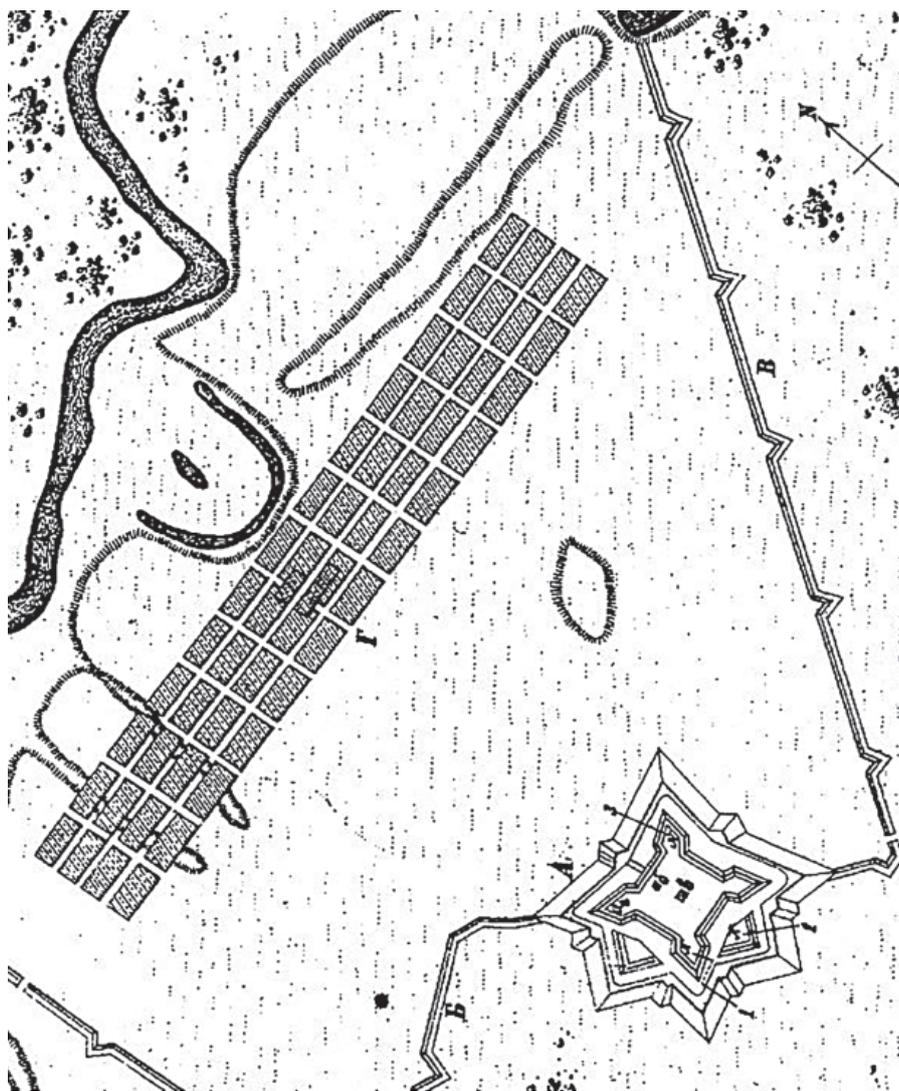

Рис. 6. План крепости Красноярской и ландмилиционной слободы на Новой Закамской линии. (Ласковский, 1865, л. 8)

Fig. 6. Plan of the Krasnoyarsk fortress and land militia settlement on the Novaya Zakamskaya line (Laskovsky, 1865, l. 8)

населения. В настоящее время в нашей стране все в большей степени осознается значимость дальнейшего изучения, сохранения, музеефикации и популяризации памятников фортификационного зодчества как важной составляющей отечественной истории и культуры, самоидентификации российского социума.

В связи с этим кратко отметим степень сохранности и презентабельности указанных выше памятников фортификации. Результаты полевых исследований свидетельствуют о том, что для Южного Средневолжья сравнительно хорошо сохранились земляные укрепления Новой Закамской линии, а также Симбирской, Карсунской и отчасти «старой» Закамской засечных черт. Об этом позволяют

судить также итоги проведенных на современном техническом уровне топографических работ. В частности, отметим выполненную самарскими исследователями в течение полевых сезонов 2012 и 2020 гг. топосъемку сооружений Новой Закамской линии, охватившую более 150 км ее протяженности. Полученные результаты позволили уточнить размеры и конфигурацию укреплений, выявить масштабы разрушений от хозяйственной деятельности, водной и ветровой эрозии (Дубман, 2021, с. 744–748).

Большой интерес представляют проведенные архитекторами реконструкции деревянных крепостей и острогов Закамской и Симбирской засечных черт (Назарова, 2008,

с. 39–44; Назарова, 2009, с. 1–24). В их основу легли данные делопроизводства середины XVII – начала XVIII вв. Намного сложнее судить о фортификационных сооружениях из дерева линий, построенных в 1730-х гг. На них почти полностью преобладали земляные укрепления, деревянные играли только вспомогательную роль. В данном случае следует отметить работу Т.В. Вавилонской, в 2021 г. создавшей графическую реконструкцию земляной Красноярской крепости Новой Закамской линии.

Несмотря на немногочисленность таких примеров, можно все же считать, что уже

сейчас появляется возможность начать работу над проектами создания музейного комплекса рассмотренных выше уникальных объектов.

Подводя итоги рассмотрению данной темы, можно сделать вывод, что анализ сохранившихся фортификационных комплексов региона позволяет получить новые важные результаты о состоянии и развитии системы его укреплений. Тем самым появилась возможность выработать более определенное представление о проходивших в его пространстве процессах начального периода военно-государственного и хозяйственного освоения т. н. эпохи «фронта».

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.

Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: сравнение ее укреплений с укреплениями Белгородской черты в Воронежском крае // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) / Ред. В.П. Загоровский и др. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1981. С. 41–50.

Буканова Р.Г. Города-крепости Юго-Востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.

Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа: Башк. ун-т, 1999. 148 с.

Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (1719–1761 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII, Тамбов, 1892. С. 54–56.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 322 с.

Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Самарский университет, 2005. 196 с.

Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2), С. 326–332.

Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции (г. Москва, 21–23 ноября 2013) / Ред. Л.В. Янин. М.: МГУ, 2013. С. 300–305.

Дубман Э.Л. Использование современных технологий в изучении и популяризации уникальных фортификационных сооружений Юго-Востока европейской России // Человек в информационном обществе. Сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апреля 2021 г.) / Ред. А.Ю. Нестеров и др. Самара: Самарский университет, 2021. С. 744–748.

Загоровский В.П. Белгородская линия. Воронеж: Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.

Иванюк С.А. Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1 (26). С. 41–52.

Красовский В.Э. Столетие города Сенгилея (Краткий исторический очерк). Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1, 1902. 26 с.

Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII – начале XVIII века / Отв. ред. В.Д. Кочетков. Чебоксары: Новое Время, 2022. 204 с.

Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М.: Наука, 2015. 942 с.

Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 95 с.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 972 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных черт. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.

Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI-XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

Материалы исследования истории и состояния Симбирской засечной черты / ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48. 29 л.

Материалы исследования и состояния Карсунской засечной черты (описания, схемы, карты, справки). / ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74. 60 л.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Назарова И.В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Н.-Новгород, 2009. 24 с.

Назарова И.В. Опыт реконструкции архитектурно-пространственной структуры крепости Белый Яр середины XVII века // Известия КГАСУ. 2008. №1 (9). С. 39–44.

Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ЯЗ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 146–175.

Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. [2], IV, 400, III с., 1 л.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. VIII, 196 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, ч. 1. (январь-июнь. 1712 г.) / Ред. Л.Г. Бескровный, Б.Б. Кафенгауз, Л.А. Никифоров. М.: Наука, 1975. 590 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. 5: 1713-1719. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. 780 с.

РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Оп. 11 Д. 674.

Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья) / Отв. ред. О.В. Ягов, О.В. Сухова. Пенза: ПГУ, 2017. 520 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 79 / Ред. Н.Ф. Дубровин. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. 656 с.

Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // ВИ. 1987. № 1. С. 78–87.

Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский университет, 1997. 190 с.

Тихонов В.Н. Военная коллегия России при Петре Великом в первые годы своего существования: 1719–1720 гг. М., 2016. 403 с.

Информация об авторах:

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (г. Самара, Россия); dubmane@mail.ru

REFERENCES

Artamonov, V. A. 2019. *Turetsko-russkaya voyna 1710–1713 gg. (The Russo-Ottoman War of 1710–1713)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Bukanova, R. G. 1981. In Zagorovsky, V. P. et. (eds.). *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII–XVIII vv.) (Voronezh region on the southern borders of Russia (XVII–XVIII centuries))*. Voronezh: Voronezh State University, 41–50 (in Russian).

Bukanova, R. G. 1997. *Goroda-kreposti Yugo-Vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii (Fortress-towns of South-East Russia in the 18th century. History of the formation of towns on the territory of Bashkiria)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).

Bukanova, R. G. 1998. *Zakamskaya cherta XVII veka (Zakamskaya Zasechnaya fortification system of the XVII century)*. Ufa: Baskir State University (in Russian).

Golombievsky, A. 1892. In *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Bulletin of the Tambov Scientific Archival Commission)*. XXXIII, 54–56 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)*. Series Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 3 (in Russian).

Dubman, E. L. 2005. *Novaya Zakamskaya liniya: sud'ba, proekt, stroitel'stvo (Novaya Zakamskaya line: fate, project, construction)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Dubman, E. L. 2011. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* vol. 13, no. 3 (2), 326–332 (in Russian)

Dubman, E. L. 2013. In Yanin, L. V. (ed.). *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya (Rus, Russia: The Middle Ages and Modern Times)* 3. Moscow: Moscow State University, 300–305 (in Russian).

Dubman, E. L. 2021. In Nesterov, A. Yu. et. al. (eds.). *Chelovek v informatsionnom obshchestve (Man in the information society)*. Samara: Samara State University, 744–748 (in Russian).

Zagorovsky, V. P. 1969. *Belgorodskaya liniya (Belgorod line)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Ivanyuk, S. A. 2021. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 1 (26), 41–52 (in Russian).

Krasovsky, V. E. 1902. *Stoletie goroda Sengileya (Kratkii istoricheskii ocherk) (Centenary of Sengiley town (A brief historical outline))*. Simbirsk: Printing house of A. and M. Dmitriev (in Russian).

Kochetkov, V. D. 2022. (ed.) *Kreposti gorodov Povolzh'ya i Priural'ya v kontse XVII – nachale XVIII veka (Castles of the cities of the Volga region and the Urals at the end of the XVII – beginning of the XVIII century)*. Cheboksary: “Novoye Vremya” Publ. (in Russian).

Kurbsky Andrey. 2015. *Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo (The story of the deeds of the Grand Duke of Moscow)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Lavrinova, T. I. 2012. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 i pervye gody sushchestvovaniya (Tsaritsyn line: the history of construction in 1718-1720 and the first years of existence)*. Volgograd: “Publisher” Publ. (in Russian).

Laskovsky, F. 1861. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials on the History of Engineering in Russia)*. Part 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Lebedev, V. I. 2006. *Legenda ili byl'. Po sledam zasechnykh chert (Legend or true story. On the traces of the Zasechnaya lines)*. Penza: “GUMNITS” Publ. (in Russian).

Mogilevsky, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pograniich'ya Rossii XVI-XVIII vv. (Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th-18th Centuries)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Materialy issledovaniya istorii i sostoyaniya Simbirskoy zasechnoy cherty (Materials of the study of the history and state of the Simbirsk Zasechnaya fortification system). State Archive of the Ulyanovsk region. F. R-3632. Inv. 1, dossier 48 (in Russian).

Materialy issledovaniya i sostoyaniya Karsunskoy zasechnoy cherty (opisaniya, skhemy, karty, spravki) (Materials of the study and conditions of the Karsun Zasechnaya fortification system (descriptions, schemes, maps, information)). State Archive of the Ulyanovsk region. F. R-3632. Inv. 1, dossier. 74 (in Russian).

Milov, L. V. 1998. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa (Great Russian Plowman and Features of Russian Historical Process)*. Moscow: “ROSSPEN” Publ. (in Russian).

Nazarova, I. V. 2009. *Arkhitekturno-prostranstvennaia organizatsiia oboronitel'no-krepostnykh kompleksov Volgo-Kam'ia serediny XVI–XVII vv. (Architectural and Spatial Organization of the Defensive and Fortification Complexes of the Volga-Kama Region in the mid-16th – 17th cc.)*. Thesis of Diss. of Candidate of Architecture. Nizhniy Novgorod (in Russian).

Nazarova, I. V. 2008. In *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Proceedings of the Kazan State University of Architecture and Engineering)* 9 (1), 39–44 (in Russian).

Pashina, E. V. 2014. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya (From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region)* 4. Kazan: "Yaz" Publ.; Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 146–175 (in Russian).

Peretyatkovich, G. 1882. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: (Ocherki iz istorii kolonizatsii kraja) (Volga region in the XVII and at the beginning of the XVIII centuries: (Essays from the history of colonization of the region))*. Odessa: typ. P.A. Zelenogo (former G. Ulrich) (in Russian).

Perry, J. 1871. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare (The state of Russia under the present tsar)* VIII. Moscow: Society of history and antiquities of Russia at Moscow university (in Russian).

Beskrovny, L. G., Kafengauz, B. B., Nikiforov, L. A. (eds.). 1975. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (Letters and papers of Emperor Peter the Great). Vol. 12, part 1*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

1830. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* V. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (The Russian State Archive of the Ancient Documents). Fund 210. Moskovskiy stol. Stolbtsy (Moscow Stol. Columns), Inv. 11, dossier 674 (in Russian).

Yagov, O. V., Sukhova, O. V. (eds.) 2017. *Regional'nye aspekty formirovaniya rossiyskoy natsii v XVII – nachale XXI v. (po materialam Povolzh'ya) (Regional aspects of the formation of Russian nation in the XVII – early XXI century (based on the Volga region materials))*. Penza: Penza State University (in Russian).

Dubrovin, N. F. 1891 (ed.). *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of Papers of the Imperial Russian Historical Society)* 79. Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).

Selezneva, A. I. 1987. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 1, 78–87 (in Russian).

Smirnov, Yu. N. 1997. *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30-40-e gg. XVIII veka (Orenburg expedition (commission) and the annexation of the Trans-Volga region to Russia in the 30–40s of the XVIII century)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Tikhonov, V. N. 2016. *Voennaya kollegiya Rossii pri Petre Velikom v pervye gody svoego sushchestvovaniya: 1719–1720 gg. (The Military Collegium of Russia under Peter the Great in the first years of its existence: 1719–1720)*. Moscow (in Russian).

About the Author:

Dubman Eduard L., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, str., 34 Samara, 443086, Russian Federation; dubmane@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.52.62>**ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА**

© 2023 г. П.С. Данилов, А.В. Соколов

В статье представлены данные археологических исследований оборонительных сооружений Царевококшайска. На территории исторического центра Йошкар-Олы в ходе археологических изысканий удалось выявить остатки укреплений городского посада – острога. Ров и основание тыновой стены острога были разрезаны при археологических раскопках на территории строительства культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль» в 2008 и 2009 гг. Затем участок рва, расположенный к югу от ранее исследованных участков, был обнаружен при археологической разведке 2013 г. Далее в 2019 г. ров и тын острога исследованы при археологических раскопках на территории строительства ЖК «Кремлевский» к югу от «Царевококшайского кремля». Результаты археологических исследований оборонительных сооружений Царевококшайска позволяют значительно уточнить и дополнить архивные источники и воссоздать исторический ландшафт города.

Ключевые слова: археология Нового времени, Царевококшайск, оборонительные сооружения, острог, тын, ров.

TSARYOVOKOKOKSHAYSK DEFENSIVE STRUCTURES**P.S. Danilov, A.V. Sokolov**

The article deals with the data of archaeological studies of Tsaryovokokokokshaysk defensive structures. During archaeological studies the remains of posad fortifications – ostrog (wooden tortress), were found in the historical center of Yoshkar-Ola. The moat and the base of the poling wall were cut during archaeological excavations in 2008 and 2009 on the construction area of the cultural and historical complex "Tsaryovokokokshaysk Kremlin". Then a part of the moat, located to the south of the previously studied areas, was discovered during archaeological reconnaissance in 2013. Later in 2019, the moat and the ostrog's paling were investigated during archaeological excavations in the Kremlyovsky Housing Estate construction area south of the Tsaryovokokokokshaysky Kremlin. The results of archaeological studies of Tsaryovokokokokshaysk defensive structures allow the authors to clarify and supplement significantly archival sources and recreate the historical landscape of the city.

Keywords: Modern Times archaeology, Tsaryovokokshaysk, defensive structures, ostrog, paling, moat.

Наиболее ранними археологическими объектами периода существования Царевококшайска, достаточно хорошо исследованными на территории исторического центра Йошкар-Олы, являются оборонительные сооружения посада - острог.

По всей вероятности, острог был сооружен после того, как в январе 1609 года Царевококшайск подвергся захвату одного из отрядов повстанцев, не признавших власти царя Василия Шуйского. В показаниях вестовщика А. Бердова пишется о взятии Царевококшайска: «...И того же дня приезжал из Царева в Яранской черемисин, из воровских людей и сказал: Царев де взятием взяли и ко кресту оне его, за своего вора, привели» (Йошкар-Ола, 1994, с.28, № 3).

Первое упоминание о царевококшайском остроге можно увидеть в «Наказе царя Михаила Федоровича царевококшайскому воево-

ду В.Я. Воронову об управлении городом и уездом» от 29 марта 1628 г.: «...И Василью, приехав в Царев Кокшайской, взяти у воеводы у Василья Зиновьева город и острог, и городовые и острожные ключи и на городе, и на остроге наряд...» (Димитриев, 1992, с.62-71). По всей вероятности, здесь говорится уже об обеих линиях укреплений (город и острог). Можно сделать вывод, что линия укреплений посада была построена в промежуток между 1609 и 1628 годами. Планировка и устройство оборонительных сооружений Царева города на Кокшаге знакомы нам лишь по описаниям, относящимся к тому периоду, когда крепостные укрепления уже исчезли. В связи с этим большое значение имеют археологические источники.

Из описания Царевококшайска, составленного П. Кафтаниковым следует: «Город же острог был рублен в тарасы. Мерою оног

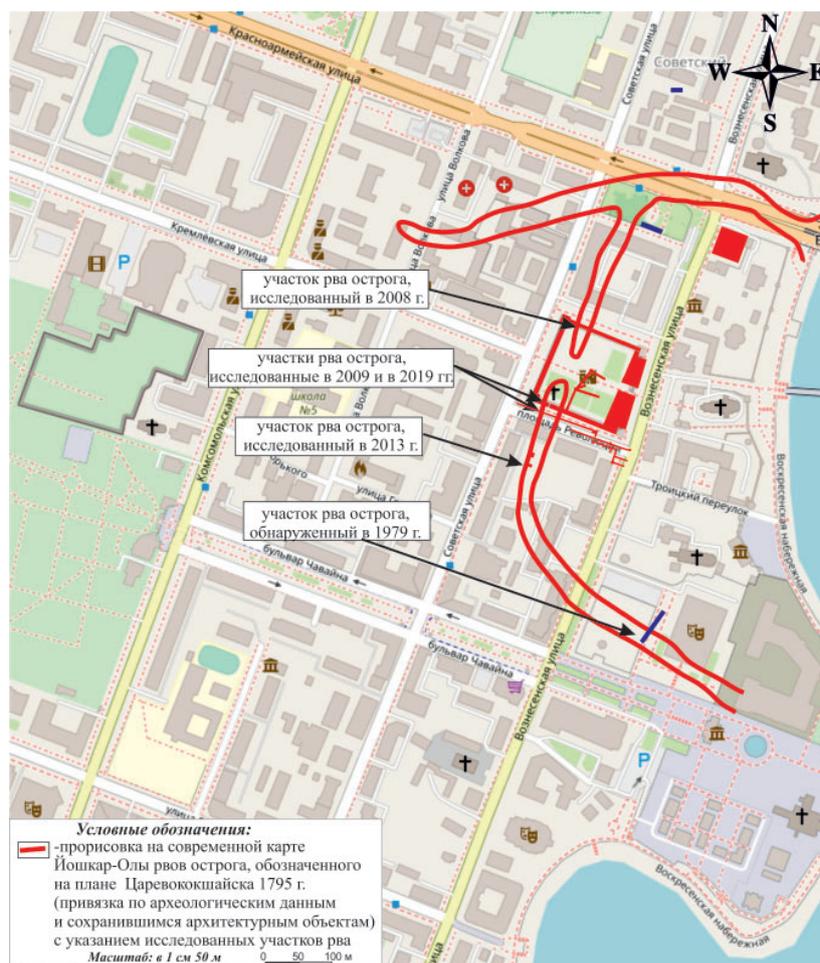

Рис. 1. План исторического центра Йошкар-Олы с прорисовкой рва острога, обозначенного на плане Царевококшайска 1795 г. с указанием исследованных участков рва.

Fig. 1. Plan of the historical center of Yoshkar-Ola with a drawing of the ostrog's moat, marked on the 1795 Tsaryovokshaysk plan, indicating the studied moat sectors.

города, где была городовая стена от кремля от Галицкой проезжей башни кругом до Тайницкой башни 252 сажени. По оной стене было башен проезжих – 1, глухих – 3» (Йошкар-Ола, 1994, с.36, 37). После пожара 1696 года на месте сгоревших сооружений появились различные хозяйственные объекты горожан, а городские укрепления уже не восстанавливались. Вал был сnivelирован, а ров постепенно оплывал, однако его остатки можно было наблюдать еще в XX веке.

Наиболее детально ров острога можно проследить на плане Царевококшайска 1795 года, на котором обозначены очертания «старинных земляных крепостей», под которыми имеются в виду остатки земляных рвов, сохранившиеся на момент составления карты (рис. 1).

Впервые оборонительные сооружения острога были выявлены В.С. Патрушевым

в 1979 году при наблюдении за прокладкой коммуникаций при строительстве Русского театра драмы, к северу от бульвара Чавайна (рис. 1). К сооружениям линии укреплений посада автор раскопок отнес остатки рва и сnivelированного вала (Патрушев, 2009, с. 36).

В результате археологических исследований, проведенных в 2008 г. Л.П. Коноваловой и в 2009 г. Ю.А. Зеленевым оборонительные сооружения посада были обнаружены и разрезаны узкими, ориентированными по линии запад-восток, раскопами шириной 3 метра на двух участках, отстоящих друг от друга в 100 метрах (рис. 1). Раскопы пересекли часть линии укреплений, ориентированную по направлению С-Ю, вдоль нынешней улицы Советская (бывшая Ново-Покровская). Участки разреза линии укреплений располагались в месте примыкания северной стены культурно-исторического комплекса «Царе-

Рис. 2. Участок рва острога с деревянной конструкцией (исследования Л.П. Коноваловой 2008 г.).

Fig. 2. Ostrog's moat part with a wooden structure (studied by L.P. Konovalova in 2008).

вококшайский кремль» к его северо-западной башне и на участке примыкания южной стены комплекса к юго-западной башне.

Автор раскопок 2008 г. Л.П. Коновалова причисляет к объектам, относящимся к выявленной в 2008 году системе укреплений посада, ров с деревянными конструкциями-креплениями и остатки сnivelированного вала с тыном (Археологическое изучение царевкокшайского посада, 2008, с. 4). Ширина рва составила до 600 см, глубина его 160 см от уровня материка. Заполнение рва представляло темно-серую супесь с прослойками древесного тлена и угля. С внутренней стороны к западной его стенке примыкала траншея с деревянными креплениями стенок. Ширина ее 120 см, глубина 110 см. Деревянная конструкция представляла собой два ряда из плах, установленных враспор друг другу под углом около 60° (рис. 2, 3).

Между плашками было уложено бревно с необрубленными сучьями. После снятия этого бревна и плашек на дне рва было выявлено бревно-основание. Вдоль всей длины бревна были устроены два прямоугольных в

разрезе паза, в которые и упирались плашки, крепившие стенки рва.

При раскопках восточнее края рва была исследована частокольная траншея глубиной до 45 см ниже уровня материка, в дне которой зафиксированы столбовые ямы с древесным тленом, которые представляют собой остатки тыновой стены.

Во время археологических исследований 2009 года Ю.А. Зеленевым было обнаружено продолжение линии укреплений, обнаруженной при раскопках 2008 года – рва и основания тыновой стены (рис. 1, 4, 7). На дне рва была выявлена деревянная конструкция, состоящая из бревна, лежащего по направлению С-Ю. В бревне через 25-35 см были выдолблены вертикальные пазы шириной 5-10 см, вплотную к нему (между бревном и стенкой раскопа) в ряд были выставлены короткие тесаные доски, выступающие над верхом бревна на 10-20 см (рис. 5).

На уровне материка под бревном было обнаружено еще одно бревно, углубленное в материк. В верхней части бревна прослежен продольный паз, предназначенный для крепе-

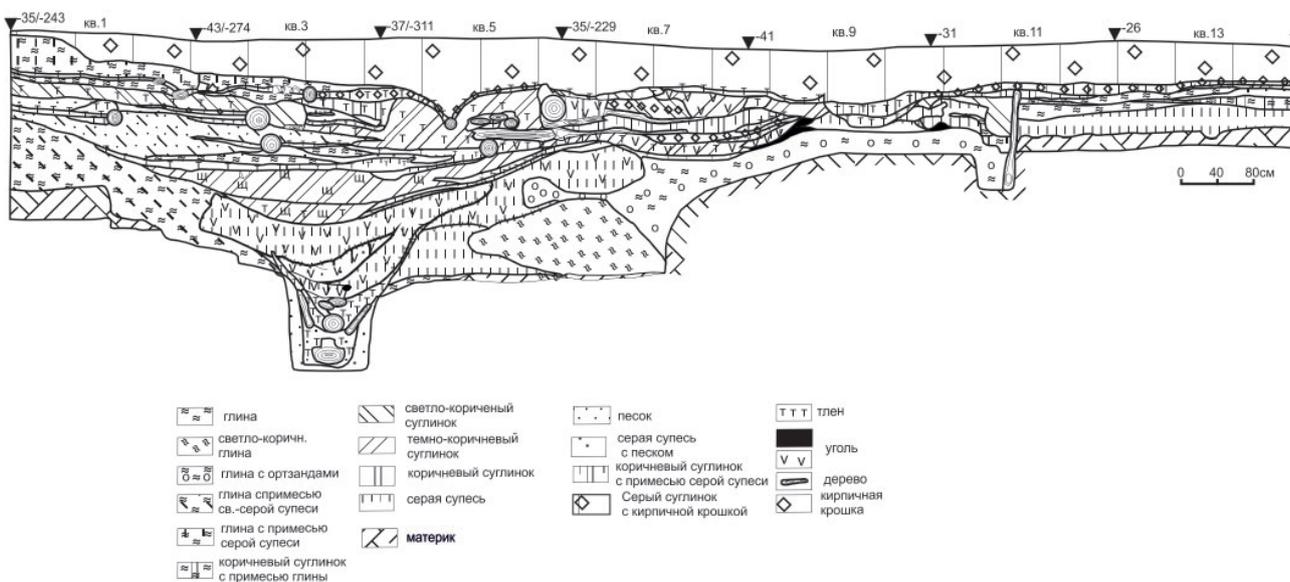

Рис. 3. Чертеж разреза оборонительных сооружений (исследования Л.П. Коноваловой 2008 г.).
 Fig. 3. Drawing of the section of defensive structures (studied by L.P. Konovalova in 2008).

Рис. 4. Участок рва острога, исследованный в 2009 г. (исследования Ю.А. Зеленева 2009 г.).
 Fig. 4. Ostrog's moat part, investigated in 2009 (studied by Yu.A. Zelenyev in 2009).

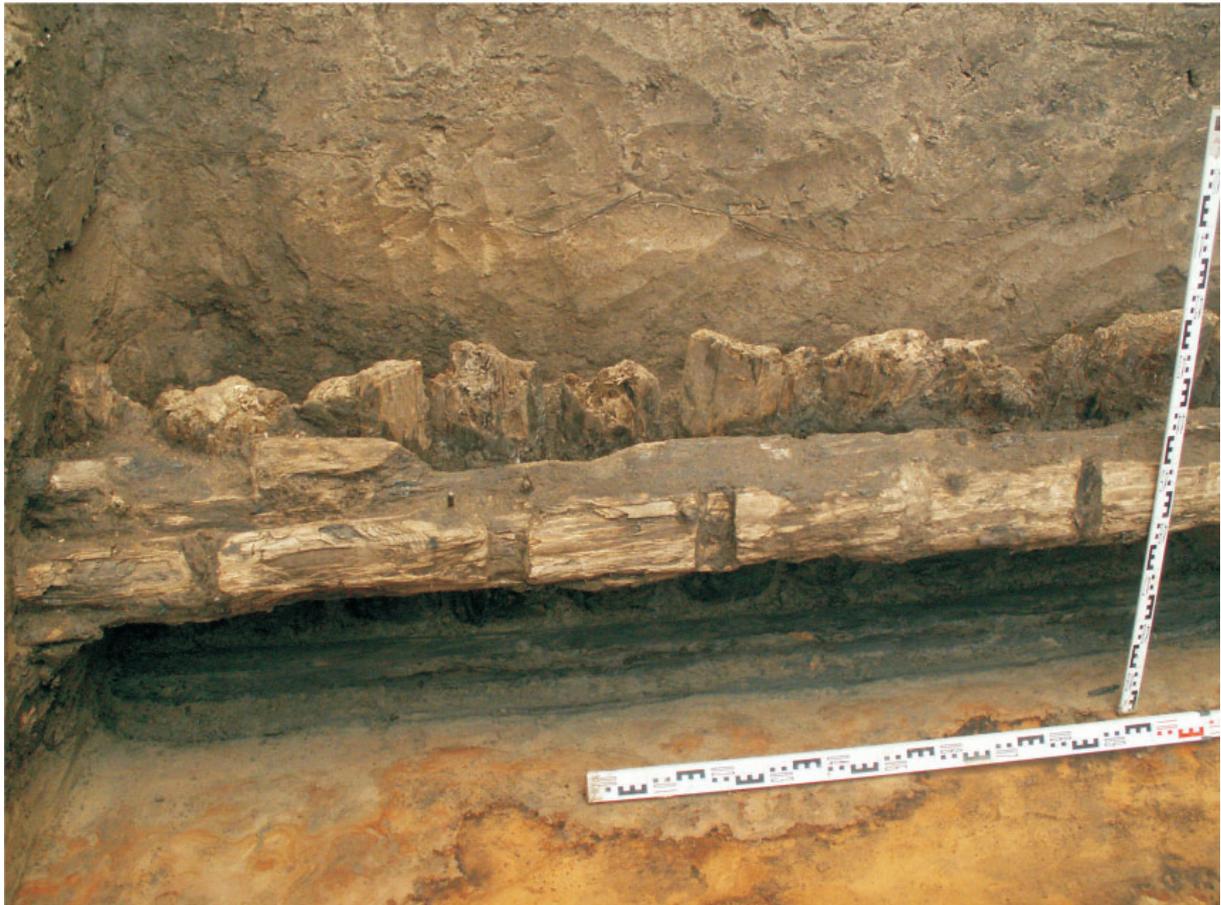

Рис. 5. Деревянные конструкции на дне рва острога (исследования Ю.А. Зеленева 2009 г.).
Fig. 5. Wooden structures at the bottom of the ostrog's moat (studied by Yu.A. Zelenyev in 2009).

ния досок, подобных тем, которые прослежены за верхним бревном, у стенки раскопа. Подобные конструкции предназначались для защиты стенок рва от разрушения (рис. 5).

Весьма похожий тип конструкции был выявлен П.В. Сорокиным при раскопках шведской крепости Ниеншанц при впадении р.Охты в Неву. Стенки рва были укреплены от оплывания плахами, которые были уложены по склону рва вплотную друг к другу и забиты в материк. Своими концами они упирались в сплошной ряд кольев, забитых в начале склона рва, причем место соединения плах и кольев было прикрыто горизонтально лежащей плахой (Сорокин, 2011, с.41). В нашем случае вместо этой конструкции плахи внизу упирались в горизонтальное бревно, в котором был вырублен паз для крепления плах.

Остатки основания крепостной тыновой стены обнаружены в виде траншеи, заглубленной в материк (рис. 6, 7). Ширина траншеи колеблется от 120 до 130 см. Траншея пересекает участок поперек по направле-

нию С-Ю и располагается параллельно рву. Заполнение траншеи - светло-коричневый суглинок с включением темно-серой гуммированной супеси, пачины и древесного тлена. На глубине 45-55 см в заполнении траншеи выявлены остатки столбов, которые были вертикально вкопаны в грунт. Истлевшие основания столбов сохранились на глубину 5-10 см. Столбы располагаются в два ряда, пространство между ними забутовано глиной.

Такая конструкция частокольного тына была распространена еще с древности. Двурядный частокол с внутренней забутовкой встречается еще со скифского времени, а в эпоху средневековья получает распространение в южнорусских городах и в фортификации Московского государства (Моргунов, 2009, с. 42).

В целом южный участок оборонительной системы посада, исследованный в 2009 году, значительно отличается от северного участка, исследованного в 2008 году (рис. 3, 7). Шири-

Рис. 6. Основание тыновой стены острога (исследования Ю.А. Зеленева 2009 г.).

Fig. 6. Base of the ostrog's poling wall (studied by Yu.A. Zelenyev in 2009).

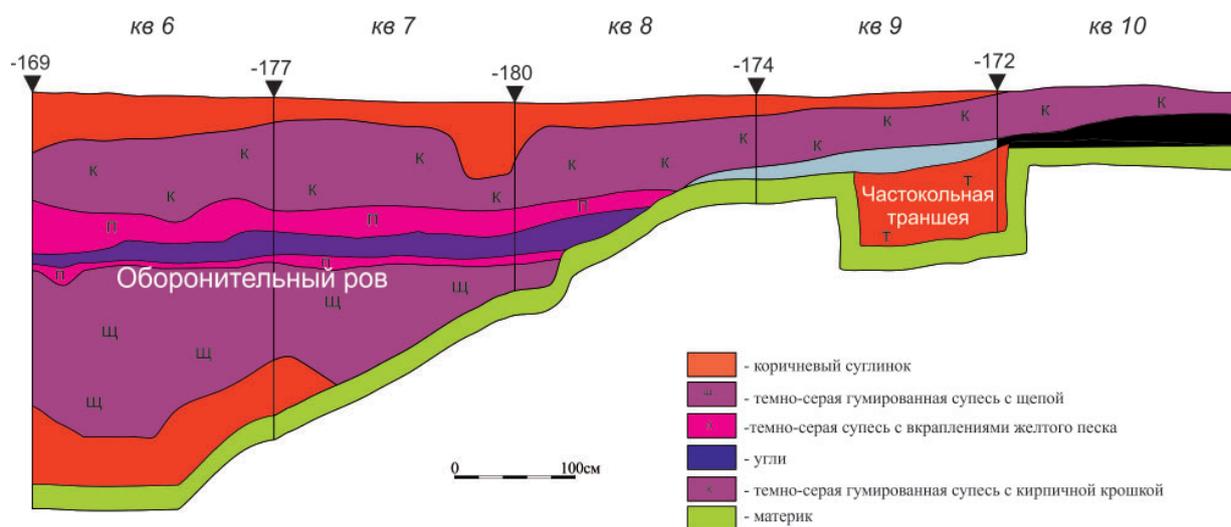

Рис. 7. Чертеж разреза оборонительных сооружений острога (исследования Ю.А. Зеленева 2009 г.).

Fig. 7. Drawing of the section of the ostrog's defensive structures (studied by Yu.A. Zelenyev in 2009).

на исследованной части рва составляет до 5 метров от начала его склона, глубина около 2,5 метров от уровня материка. Если учесть, что исследована была лишь половина рва,

так как западная стенка раскопа пришлась на деревянную конструкцию, которая была расположена в его середине, то можно предположить, что ров доходил до 10 метров в шири-

ну. Исходя из этого, можно сделать вывод, что южный участок рва значительно шире и глубже северного участка. Это же касается и основания тына южного участка укреплений, в котором удалось проследить два ряда частокоча в отличие от северного участка с одним рядом (Воробьева, Данилов, Зеленева..., 2014, с. 49).

Если на южном участке рва в целом не прослеживаются остатки земляной насыпи, которая могла бы говорить о том, что тыновая стена могла быть лишь каркасом для земляного вала, то на северном участке хорошо прослеживается слой насыпной глины, который связан с частокочной траншеей основания тына. Это может говорить о разной конструкции линии укреплений на разных её участках.

Разная конструкция и размеры рва, по всей вероятности, объясняется тем, что он вписан в естественные углубления – овраги, которые могли несколько подправляться и укрепляться деревянными конструкциями. Соответственно, участки оборонительных линий, строившиеся полностью заново, отличались меньшей шириной и глубиной рва. В связи с этим можно предположить, что остатки насыпи вала, которые фиксируются в разрезе тыновой стены северного участка вала, по всей вероятности, насыпались из материковой глины, которая была добыта при выкапывании рва. Этот участок рва был небольшим, и, по всей вероятности, имел искусственное происхождение. Южный же участок рва, имеющий значительно большую глубину и размеры, был снабжен двурядным тыном без насыпного вала. Это еще раз подтверждает естественное происхождение южного участка рва, который, по всей вероятности, представлял собой овраг, связанный с водоемом, который прослеживается на исторических планах города. Это подтверждает принцип «разумной достаточности», который использовали строители оборонительных укреплений Царевококшайска. Как пишет А.М. Губайдулин в своей работе, посвященной фортификации Волжской Болгарии: «Максимальное использование в оборонительных сооружениях защитных свойств естественного рельефа местности не требовало больших земляных работ, и, в то же время создавал максимально эффективную оборону» (Губайдулин, 2003, с. 17).

Следует упомянуть об определенных расхождениях в археологических данных и данных письменных источников. В описании Царевококшайска, оставленном городничим П. Кафтанниковым, пишется, что острог «рублен был в тарасы». Главное отличие крепостных оград «тарасами» заключалось в том, что их наружные и внутренние продольные стены были цельными конструкциями. Две продольные стены через некоторые промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками-перерубами. В узлах пересечения продольных и поперечных стен осуществлялась стыковка торцов брёвен продольных стен. Пустые ячейки стен в дальнейшем заполнялись камнями и землей (Крадин, 1988, с.10). В нашем случае о такой сложной конструкции речь не идет и крепостная стена линии укреплений посада, судя по сохранившейся части основания, представляет собой простейший тын, двурядный в южном исследованном участке и однорядный в северном исследованном участке. В этом вопросе археологические данные представляют собой более надежный источник информации. С другой стороны, если были зафиксированы столь различные конструкции вала и тына на участках, которые находятся на расстоянии 100 метров друг от друга, то вполне вероятно, что на каких-либо участках оборонительных укреплений могли использоваться и более сложные приемы возведения крепостной стены, к примеру, тарасами либо городнями.

Достаточно близкой аналогией царевококшайской линии укреплений является исследованная в 2016 году часть оборонительных укреплений Свяжска. Была обнаружена линия крепостной стены середины XVI века, которая представляла собой тыновую ограду, которая состояла из «вертикальных плотно примкнутых бревен диаметром 20-25 см, заглубленных в котлован глубиной около 1 м». Как считают авторы раскопок, существовавшее ранее представление о том, что сооружения Свяжска представляли собой стены из городней, является ошибочной и такого рода укрепления устраивались лишь на тех участках, на которых были проезды на территорию поселения, то есть наиболее сложных для обороны участках (Археологические исследования..., 2017, с.32, 33). Как и в случае Царевококшайска, основная часть

Рис. 8. Разрез восточного склона рва, выявленный при шурфовке во дворе дома № 121 по ул. Советской (исследования Е.Е. Филипповой 2013 г.).

Fig. 8. Section of the eastern slope of the moat, revealed during the excavation in the court of the house No. 121 on Sovetskaya str. (studied by E.E. Filippova in 2013).

крепостных сооружений представляла собой тыновые стены, как наименее трудоемкие и быстрые в возведении.

В 2013 году в ходе шурфовки с целью определения границ археологических объектов на территории Йошкар-Олы Е.Е. Филипповой был выявлен еще один участок рва второй линии укреплений посада Царевококшайска во дворе дома № 121 по ул. Советской (рис. 1, 8). Стратиграфическая ситуация в целом повторяет ситуацию, прослеженную на участке рва, исследованном на месте строительства Царевококшайского кремля. Данные исследования позволили выявить восточный склон рва, который был прослежен в двух шурфах (шурфы 7, 8). Судя по вещевому материалу, обнаруженному в заполнении рва, ров прекращает свое существование в XVIII веке, что подтверждается и письменными источниками.

В дальнейшем оборонительный ров и тын были разрезаны при археологических исследованиях 2019 г., проведенных Б.С. Соло-

вьевым на территории строительства ЖК «Кремлевский» к югу от «Царевококшайского кремля». На данном участке конструкция оборонительных сооружений в целом повторяет ситуацию, выявленную при исследованиях Ю.А. Зеленева 2009 г., так как участок исследований 2019 г. находится в 5 метрах к югу от него (рис. 1).

При археологических исследованиях оборонительных укреплений посада не удалось проследить крепостные башни, которые упоминаются во всех источниках, описывающих оборонительные сооружения Царевококшайска. Согласно описанию П. Кафтанникова, острожная стена имела одну проезжую башню и 3 глухих. По всей вероятности, проезжая башня располагалась примерно посередине исследованных нами участков оборонительных укреплений посада и через нее в западном направлении выходила дорога, идущая на Козьмодемьянск и Санчурск.

Укрепленный разросшийся посад свидетельствует о том, что функция Царевококшайска как военной крепости сменяется функцией торгово-ремесленного центра окрестных земель. Ремесленное и торговое население посада стало обслуживать как военный гарнизон, так и работать на торговый обмен с окрестным населением, в первую очередь с жителями пригородных деревень, в числе которых были и марийцы-новокрещены. Во второй половине XVII в. линия укреплений пришла в упадок и после пожара 1696 года была окончательно ликвидирована за ненадобностью.

В описании города П. Кафтанникова 1728 года указывается, что место, где проходила городская стена, «занята строением, а именно: дворцовых крестьян въезжей управительский двор на 27 саженьях, отставных солдат Лукояна Кафтанникова сенница на 4 саженьях, Петра Андреева анбар да сенница на 7 саженьях» (Йошкар-Ола, 1994, с. 36, № 12).

Подобная ситуация с изменением военного предназначения города на административно-экономическое была характерна и для других городов Среднего Поволжья. В городах соседнего Чувашского края, в частности, крепостные сооружения, восстановленные после событий Смутного времени, приходили в упадок в течение всего XVII века. Как пишут В.Д. Кочетков и А.А. Чибис «...в конце XVII-начале XVIII веков города Чувашского края либо в полной мере, либо в значительной мере утратили свой военный статус, в котором они были основаны. Правительство же, в отличие от более ранних времен, более не пыталось этот статус восстановить» (Кочетков, Чибис, 2009, с.129). Таким образом, упадок крепостных сооружений и их разрушение может служить определенным маркером смены военно-административных функций торгово-экономическими для городов, основанных в ходе русской экспансии на территорию Поволжья.

Царевококшайск, основанный как форпост Русского государства на немирных марийских землях, к концу XVII века превращается в город в глубине Русского государства. Марийское население по большей части замирено, идет христианизация марийцев в ходе которой формируется группа марийцев-новокре-

щеников, которые по большей части селились в деревнях, окружающих Царевококшайск. Уже во второй половине XVII века городские укрепления посада стали приходить в упадок. Ров заплывал, тыновая стена разрушалась. Судя по находкам, которые были обнаружены в заполнении рва, он превратился в место для сбрасывания бытового мусора.

В описании Царевококшайска, которое было составлено городничим П. Кафтанниковым в 1728 году, помимо сведений о крепостных укреплениях, которые ранее были в городе, идет речь о необходимости восстановления «городового строения»: «А строением оной город содержать надлежит для опасностей от иноверцев, обретающихся между вышеупомянутых городов, татар и черемисы, которые жительство имеют многими волостями и деревнями» (Йошкар-Ола, 1994, с. 37). Планы по восстановлению линии укреплений так и не были реализованы, так как опасность окрестных марийцев была сильно преувеличена.

Наибольший урон оборонительным укреплениям нанес пожар 1696 года, и после него деревянные конструкции не восстанавливались и потом были снесены. Остатки рва частично были засыпаны, частично остались и могли прослеживаться на местности вплоть до второй половины XX века (рис. 9). В дальнейшем участок оборонительной линии, прилегающий к историческому ядру города – Воскресенской церкви, кремлю и воеводской избе, стал частью базарной площади.

Таким образом, исследованные оборонительные сооружения Царевококшайского острога подтверждают тот факт, что город изначально основывался как военная крепость и укрепления имели для него первостепенное значение. Город был основан и первоначально развивался в пределах первой крепости - кремля, а затем, когда был построен острог, разросся в пределах его крепостных стен и рвов и лишь потом вышел за пределы острожной территории. Затем оборонительные сооружения пришли в упадок, так как необходимости в них больше не было, и Царевококшайск стал развиваться как типичный уездный город Казанской губернии, торгово-ремесленный и административный центр окрестных земель.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическое изучение Царевококшайского посада в 2008 году / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола. МарГУ. 2009. 58 с.

Воробьева Е.Е., Данилов П.С., Зеленева Ал.Ю., Зеленева Ю.А. и др. Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). Йошкар-Ола: МарГУ. 2014. 180 с.

Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 40 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ. 2003. 104 с.

Димитриев В.Д. «Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводу В.Я. Воронову об управлении городом и уездом» // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.

Йошкар-Ола. 1584-1991. Документы и материалы по истории города / Отв. ред. В.П. Шомина. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994. 352 с.

Кочетков В.Д., Чибис А.А. Города Чувашского края // Марийский археографический вестник. 2009. № 1. С. 127–136.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Патрушев В.С. Древности Йошкар-Олы: итоги и перспективы археологических исследований // Города Среднего Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 36–44.

Смагулов Е.А. Археологические исследования в г. Туркестане // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 579–580.

Сорокин П.В., Попов С.Г., Семенов С.А., Михайлов К.В. Изучение шведской крепости Ниеншанц XVII века в Санкт-Петербурге // Археологические открытия 2007 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 55–56.

Информация об авторах:

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pavel.s.danilov@mail.ru

Соколов Александр Владимирович, заведующий археологическим музеем. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); alexander-falke@yandex.ru

REFERENCES

Zeleneva, Yu. A. 2008 (ed.). *Arheologicheskoe izuchenie carevokokshajskogo posada v 2008 godu (Archaeological study of Tsaryovokokshaysk posad in 2008)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Vorob'eva, E. E., Danilov, P. S., Zeleneva, Al. Yu., Zeleneva, Yu. A. et al. 2014. *Arheologicheskoe izuchenie Joshkar-Oly – Carevokokshajsk (k 430-letiju goroda) (Archaeological studies of Yoshkar-Ola – Tsaryovokokshaysk (to the 430th anniversary of the city))*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). 2017. *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimmost” Publ. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Dimitriev, V. D. 1992. In *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik (Mari Archaeographic Bulletin) 2*, 62–71 (in Russian).

Shomina, V. P. (ed.). 2004. *Ioshkar-Ola. 1584-1991. Dokumenty i materialy po istorii goroda (Yoshkar-Ola (1584–1994). Documents and materials on the history of the city)*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ. (in Russian).

Kochetkov, V. D., Chibis, A. A. 2009. In *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik (Mari Archaeographic Bulletin) 1*, 127–136 (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wooden–Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th–13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 2009. In Ivanov, A. G. (ed.). *Goroda Srednego Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' (Towns of the Middle Volga Region: History and Contemporaneity)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 36–44 (in Russian).

Smagulov, E. A. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 g. (Archaeological discoveries 1985)*. Moscow: "Nauka" Publ., 579–580 (in Russian).

Sorokin, P. V., Popov, S. G., Semenov, S. A., Mikhailov, K. V. 2011. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2007 g. (Archaeological discoveries 2007)*. Moscow: "Iazyki slavjanskoj kul'tury" Publ., 55–56 (in Russian).

About the Authors:

Danilov Pavel S. Deputy Head. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; pavel.s.danilov@mail.ru

Sokolov Alexander V. Head of the Archaeological Museum. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; alexander-falke@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.63.93>

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

© 2023 А.Н. Голотвин, А.Н. Бессуднов

Статья посвящена изучению Белгородской черты как памятника археологии. Рассматриваются первые попытки археологического исследования этой оборонительной линии, обобщены итоги изысканий последних лет, когда актуальность данной тематики была обозначена на государственном уровне. Анализируются результаты разведочных научных работ, среди которых, масштабные разведочные исследования, раскопки городов-крепостей, земляных валов и других полевых укреплений. Затронуты некоторые теоретико-методологические проблемы, в том числе вопросы систематизации и выхода на реконструкцию. По мнению авторов, археологическое изучение оборонительных линий может быть выделено в отдельный раздел археологии позднего средневековья, так как получаемые в ходе исследований результаты обладают большим научным и социальным потенциалом.

Ключевые слова: археология, Белгородская черта, Московское государство, история изучения, оборонительные линии, город-крепость, земляной вал, фортификация, Козловский вал, Усманский участок, башня, тынная ограда, острог, стоялый городок, надолбы.

SOME RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE BELGOROD DEFENSE LINE

A.N. Golotvin, A.N. Bessudnov

The article deals with study of the Belgorod line as an archaeological monument. The first attempts at archaeological research of this defense line are considered, the results of research in recent years, when the relevance of this topic was identified at the state level, are summarized. The results of exploration scientific work are analyzed, including large-scale exploration studies, excavations of fortified cities, earthworks and other field fortifications. Some theoretical and methodological problems are touched upon, including issues of systematization and access to reconstruction. According to the authors, the archaeological study of defensive lines can be separated into a separate section of the archeology of the late Middle Ages, since the results obtained during the research have great scientific and social potential.

Keywords: archaeology, Belgorod defense line, Moscow state, history of study, defensive lines, fortress city, earthen rampart, fortification, Kozlov shaft, Usman site, tower, backyard fence, fort, stagnant town, gouges

Введение. Защитные Черты, которые возводились на границах Московского государства со степью в XVI–XVII вв. в последнее время все чаще становятся предметом изучения историков и археологов (Воротникова, Неделин, 2016; Мизис, 2018; Бурцев, Дедук, Столяров, 2020; Папков, Петрухинцев, Хитров, 2020; Жигалов и др., 2021; Линии роста..., 2022). Причиной этого является бурное развитие археологии Позднего Средневековья и Нового времени, выделение ее в отдельный раздел археологической науки (Беляев, 2016). Стоит отметить и большой образовательный, воспитательный и туристический потенциал этих объектов, что привлекло внимание Президента Российской Федерации, нашло отражение

в специальной программе по сохранению, изучению и формированию туристической привлекательности памятников Белгородской черты, способствовало активизации полевых исследований (Перечень поручений Президента РФ от 2 апреля 2020...).

«Белгородская черта» – сложившееся историографическое понятие. В широком плане, это явление социально-экономической и политической истории Московского царства XVII века (Загоровский, 1969). Наименование «Белгородская» черта получила по названию города Белгорода, ставшего во второй половине XVII века центром управления всей территорией, по которой проходил комплекс оборонительных сооружений. Термин «Белго-

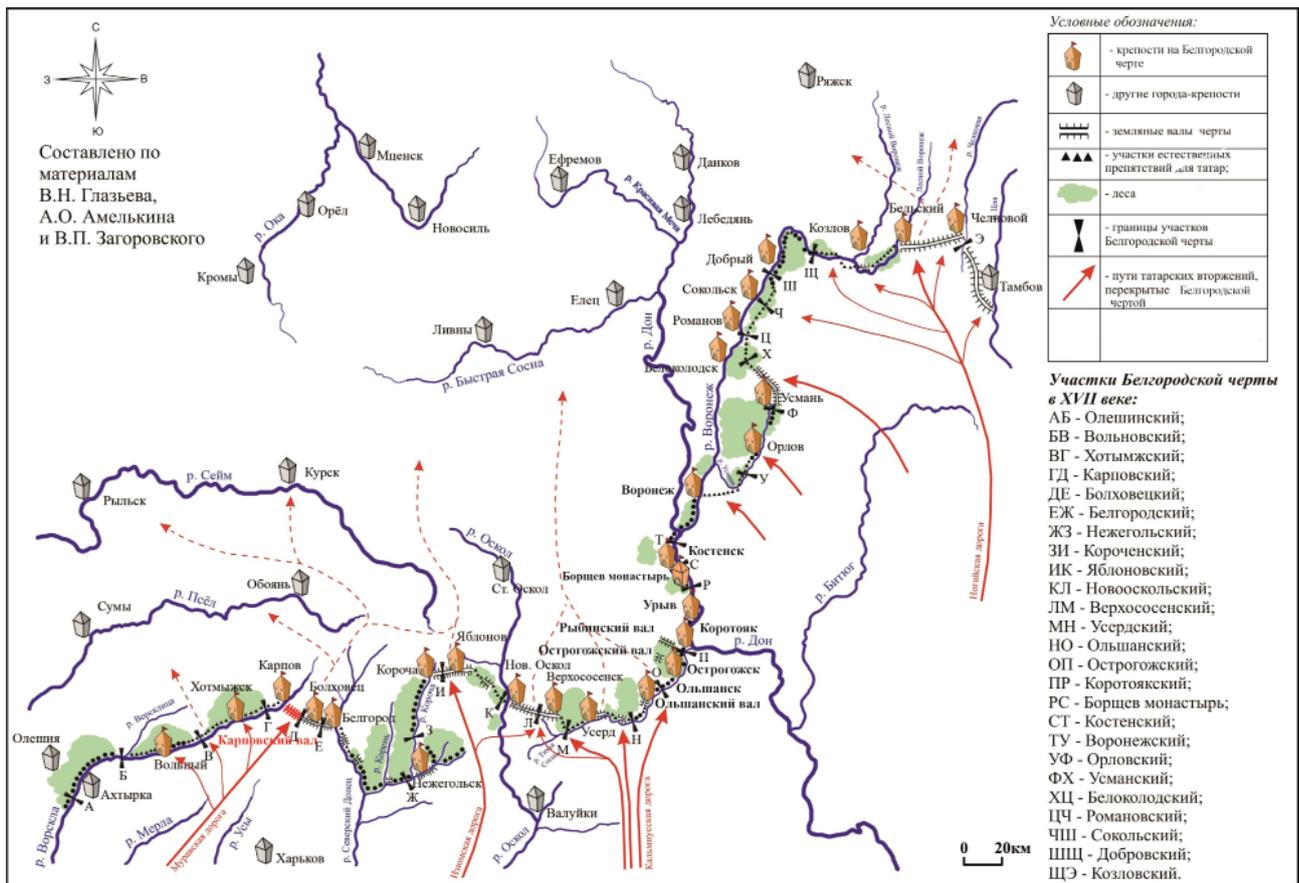

Рис. 1. Карта-схема Белгородской черты
 Fig. 1 Sketch-map of the Belgorod line

родская черта» устойчиво прослеживается в документах с конца 60-х годов XVII века (Жигалов, 2018. С. 24–25).

С Белгородской чертой в XVII веке связано появление и Белгородского полка как особого военного подразделения российской армии XVII века, и Белгородского разряда, как военно-административного округа, на территории которого размещались части Белгородского полка, существовавшего с 1658 по 1707 г., и занимавшего значительную часть современного Центрального Черноземья. На территории Белгородского разряда в период его наибольшего расширения находилось порядка 90 населенных пунктов. По мере строительства городов Белгородской черты по принятой в практике XVII века классификации делились на: города в черте, города по черте, города за чертой (Курбатов, 2017, с. 3–15).

Географически Белгородскую черту мы рассматриваем в узком смысле, включая в это понятие только объекты «на черте», в соответствии с классической работой В.П. Загоровского. По количеству городов-крепостей он выделял 25 участков (Загоровский, 1969. с.

160–239). В.И. Кошелев использовал термин «военная зона» (Кошелев, 1958а). Однако даже при таком подходе мы имеем дело с глубоко эшелонированной укрепленной линией, общей протяженностью около 800 км, которая начиналась у р. Челновая (приток Цны) и заканчивалась на р. Ворскла (приток Днепра), русско-польской границе того времени.

Размещение объектов было подчинено предотвращению набегов кочевников. Они совершались преимущественно по Ногайской, Кальмиусской и Изюмской дорогам, реже – по Муравскому шляху. Все татарские дороги проходили по сухим водоразделам рек, по степным возвышенным местам (Новосельский, 1948. с. 294–295) (рис. 1).

История сооружения Белгородской черты охватывала почти двадцать лет. С 1635 по 1653 г. были построены основные укрепления, оформившиеся к 1658 г. в единую оборонительную линию с общим военным, административным и хозяйственным центром, сложившимися географическими границами (Загоровский, 1969. с. 70–76).

Обозначенные *хронологические рамки* отражают историю строительства черты. При рассмотрении ее как комплекса объектов археологического наследия принципиальное значение имеет не только время их возникновения, но и период функционирования. По данным письменных источников мы знаем о многочисленных перестройках, в том числе и довольно масштабных, практически ежегодных ремонтных работах и после 1653 г. В частности, глобальная реконструкция проводилась в начале 1680-х гг. в связи с русско-турецкой войной. В данном аспекте следует раздвигать хронологические рамки нашего исследования до середины, или даже второй половины XVIII в. Конечно своё военно-стратегическое значение многие объекты потеряли после строительства новых линий укреплений – Изюмской, Царицынской и других, а также азовских походов Петра I. Вместе с тем, ряд укреплений продолжал играть если не военную роль, то оказывал влияние на планировку населенных пунктов, получал вторичное использование. Таким образом, если за нижнюю границу мы можем принять начало строительства Черты – 1635–1636 гг., то верхнюю границу обозначим довольно широко – второй половиной XVIII в., когда началась перестройка городов по регулярному плану, перевод многих городов-крепостей «за штат» или потеря ими этого статуса.

История археологического изучения. По истории Белгородской черты сохранился большой корпус письменных и картографических источников, который лег в основу работ историков (Кошелев, 1958а; Загоровский, 1969; Папков, Петрухинцев, Хитров, 2020; Жигалов и др., 2021) и архитекторов (Каримов, 1977; Крадин, 1988; Воротникова, Неделин, 2016).

При таком количестве подробных описаний и изображений, наличии обобщающих исследований, возможности археологии в изучении Белгородской черты долгое время недооценивались, или же, в лучшем случае, воспринимались как дополнительные иллюстрации к описываемым событиям.

Вместе с тем, такой большой и выразительный комплекс памятников не мог не привлекать внимание уже первых исследователей региона. Валы и городища, относящиеся к этой системе, упоминаются в многочисленных «научных описаниях», «научных путешествиях» и «археологических картах» (Захарова,

2015. С. 26, 31, 67, 84). Наиболее значительные из них – исследования В.Н. Майнова укреплений на участке от г. Усмань до слободы Уразовой в южной части Валуйского уезда в 1869–1870 гг., Е.Л. Маркова – валов по р. Тихая Сосна в 1900 г., А.Н. Норцова и А.А. Рора – Козловского участка в 1900 г., Усманского вала Б.П. Княжинским в 1913–1914 гг. и П.С. Ткачевским в 1936 г. (Марков., 2007; Голотвин, 2015, 2019).

Долгое время памятники Белгородской черты привлекали внимания профессиональных археологов эпизодически. Как правило, они фиксировались при сплошных археологических разведках или подвергались изучению как часть многослойного памятника, когда основной целью были более ранние слои – Ольшанское городище (Скинкайтене, 2020), Архангельское (Гольшовское) городище (Москаленко, 1956. с. 94–94), Хотмыжское (Дьяченко, 1985), Романовские городища (Андреев, 2001. с. 208–224) и др. Некоторые объекты исследовались при проведении спасательных археологических работ. Здесь можно назвать небольшие раскопки (50 кв. м.) на одном из Романовских городищ («Романов в степи») (Ивашова, 2010), раскопки (1200 кв.м.) на территории Третьей Белгородской крепости (Свистун и др., 2012), исследования в исторической части г. Воронеж (Крючков, 2018) и Острогожска (Федюнин, 2019).

Первые целенаправленные археологические исследования Белгородской черты датируются серединой XX в. В 1951 г. более 1000 кв. м. было раскопано А.В. Никитиным на Белгородской крепости (Никитин, 1962. С. 260–278). Обследование Козловского вала и валов в окрестностях г. Острогожска проводил В.И. Кошелев (Кошелев, 1958б). В 1990 г. под руководством И.Т. Шатохина и А.Г. Дьяченко осуществлено выявление укреплений Черты в границах Белгородской области (Шатохин, 1998). В 2005 г. при определении границ культурного слоя г. Усмань, предложен вариант локализации крепости (Чивилёв, Бирюков, 2005). В 2011 г. первые раскопки на территории города-крепости Воронеж проведены В.Н. Ковалевским (Ковалевский и др., 2015).

В 2010-е гг. систематическая работа по археологическому изучению Белгородской черты начата белгородскими археологами. Осуществлен мониторинг выявленных И.Т.

Рис. 2. Схема-реконструкция Усманского участка
 Fig. 2. Reconstruction scheme of the Usman section

Шатохиным объектов, на государственную охрану поставлены такие памятники, как «Хотмыжск городище-1», «Карпов городище-1», «Яблоново городище-1», «Белгородская оборонительная черта»: «Карповский участок у с. Большие Кульбаки», «Карповский участок у с. Пушкарное-1», «Карповский участок у с. Пушкарное-2», «Карповский участок у х. Домнино-1», «Карповский участок у х. Домнино-2», Болховецкий участок у с. Большие Кульбаки», «Болховецкий участок у с. Драгунское-2», «Болховец городище-1», «Нежеголь городище-1», «Нежегольский участок у с. Нежеголь-1», «Нежегольский участок у с. Нежеголь-2», «Коро-

ча городище-1», «Корочанский участок у с. Казанка-1», «Корочанский участок у с. Бехтевевка-1», «Яблоновский участок у с. Великомихайловка-1», «Яблоновский участок у с. Спорное-1», «Яблоновский участок у с. Яблоново-1», «Яблоновский участок у с. Яблоново-2», «Яблоновский участок у с. Лозное-1», «Новооскольский участок у с. Яковлевка-1», «Верхососенский участок у с. Красное-1», «Верхососенский участок у с. Красное-2», «Верхососенский участок у с. Верхососна-1» (Сарапулкина, 2018; Алиев, 2019; Черных, 2022).

С 2012 г. ведется разработка научной темы «Археологическое изучение северо-восточ-

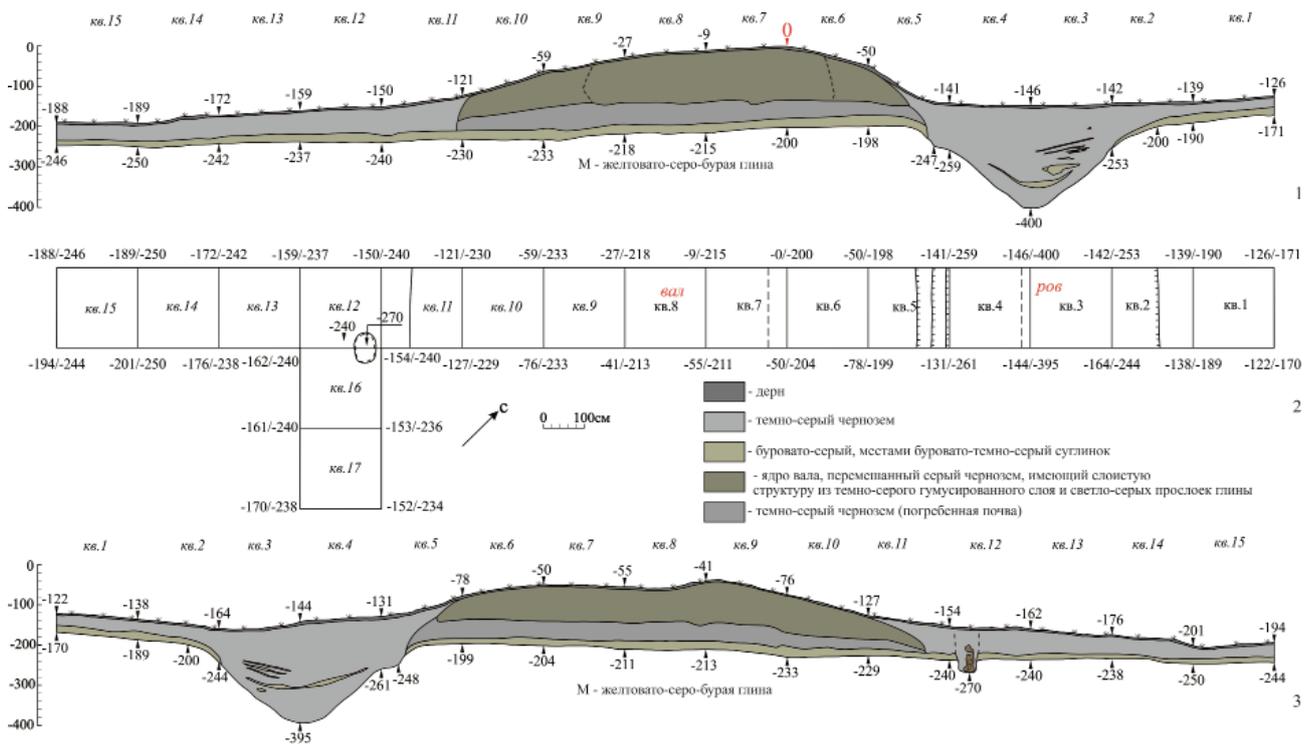

Рис. 3. Усманский земляной вал. «Новая линия». Раскоп 1. План и профили бортов
 Fig. 3. Usman earth rampart. "New line". Excavation 1. Plan and side profiles

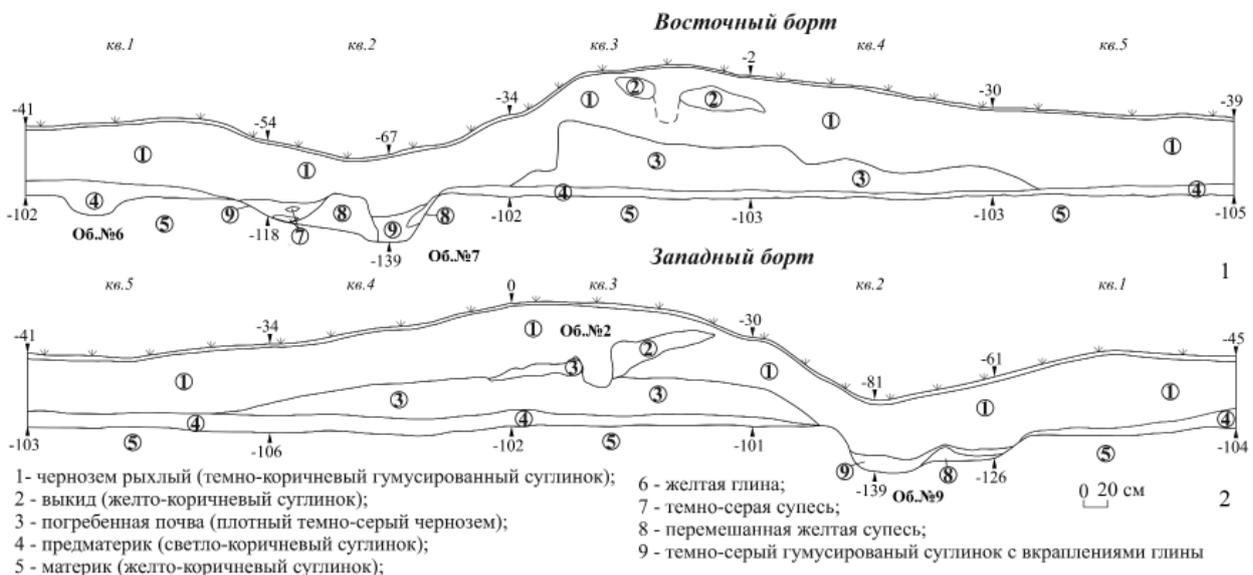

Рис. 4. Усманский земляной вал. «Старая линия». Раскоп 1. План.
 Fig. 4. Usman earth rampart. "Old line" Excavation 1. Plan.

ного фаса Белгородской черты» (Голотвин, 2017). В ее рамках проведена серия полевых исследований.

В 2012 и 2016 гг. установлены границы сохранившихся участков Усманского «земляного вала» (рис. 2), изучены расположенные в его системе стоялые «городки». В 2014 г. осуществлены небольшие археологиче-

ские раскопки Демшинского жилого городка Усманского участка. В 2015 г. проведены раскопки «новой линии» (рис. 3), в 2019 г. – «старой линии» (рис. 4–5) Усманского вала (Голотвин, 2017, 2018; Иншакова, Голотвин, 2020).

Из городов-крепостей северо-восточного фаса целенаправленные археологиче-

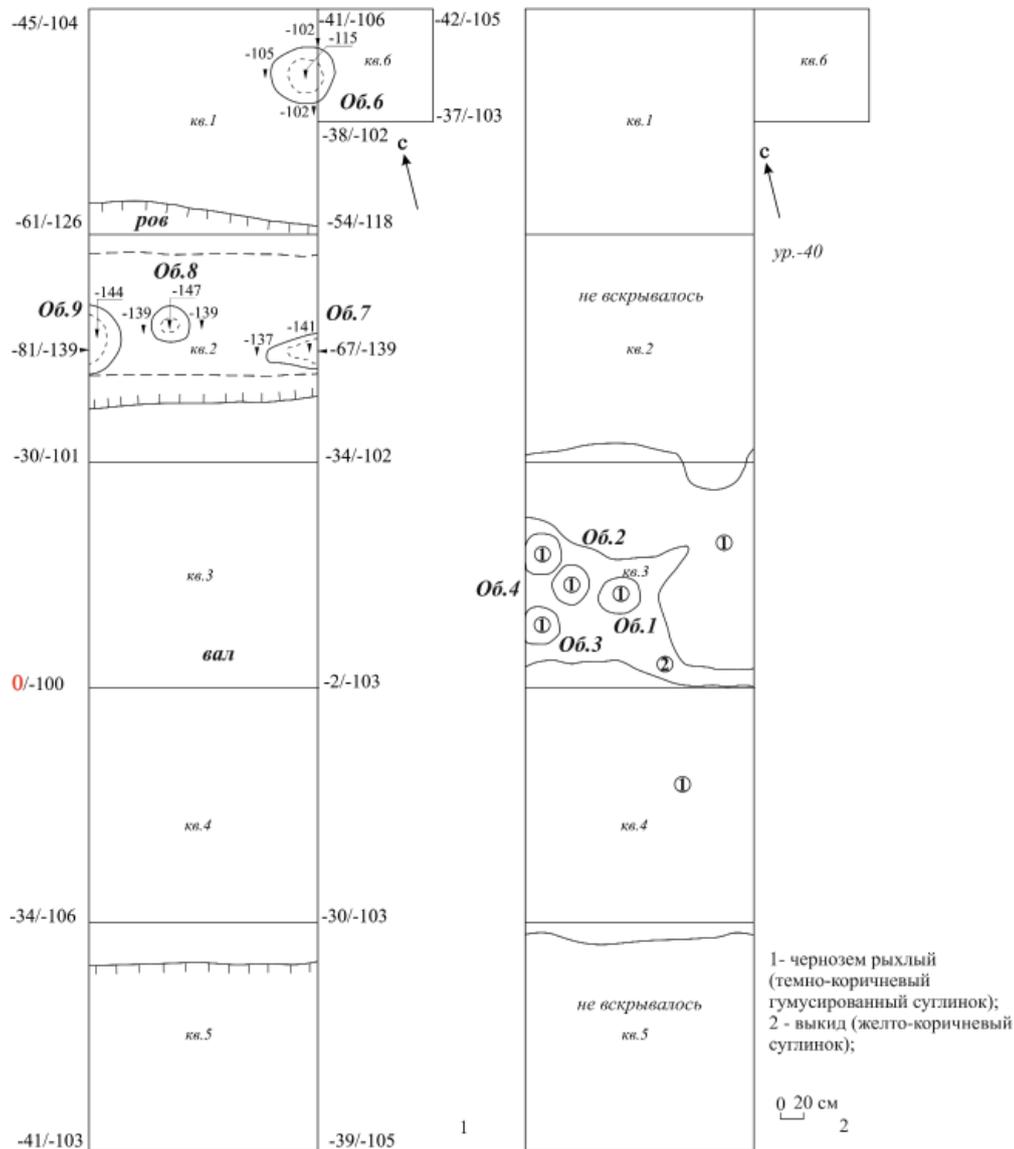

Рис. 5. Усманский земляной вал. «Старая линия». Раскоп 1. Профиля бортов.

Fig. 5. Usman earth rampart. "Old line" Excavation 1. Side profiles.

ские исследования проведены на Сокольске (Гончаров и др., 2017) и Белоколодске (рис. 6) (Голотвин, Чалых, 2018).

В 2018 и 2020 гг. усилия были сосредоточены на изучении Козловского участка. В результате работ были установлены границы ВОАН «Козловский вал оборонительной черты», ВОАН «Урляпов вал» и ВОАН «Городище у с. Яблонец» («Матырский городок») (рис. 7–8, 13–20) (Рязанцев и др., 2018; Тамбовский, Голотвин, 2019; Тамбовский и др., 2021). В 2021 г. работы по определению границ территории города-крепости Козлов осуществляла А.А. Шарандина. Также отдельные участки укреплений вдоль р. Польной Воронеж обследовала Е.М. Косых. Выявлены

ВОАН «Земляной вал у с. Западная Старинка», ВОАН «Земляной вал у с. Мановицы», ВОАН «Земляной вал у п. Дубки», которые предварительно интерпретируются как остатки оборонительных укреплений на переправах и бродах, в том числе и линий «надолбов» (Голотвин и др., 2023г).

Стоит отметить обследование орловского участка Г.В. Ворониным (Воронин, 2022) и работы Д.С. Вуколова по изучению ОКН «Архангельское (Гольшовское) городище», ОКН «Сторожевский комплекс памятников, VIII–III вв. до н.э.: Городище «Большое Сторожевское», ОКН «Сторожевский комплекс памятников, VIII–III вв. до н.э.: Городище «Малое Сторожевское», ОКН «Городище «Титчиха».

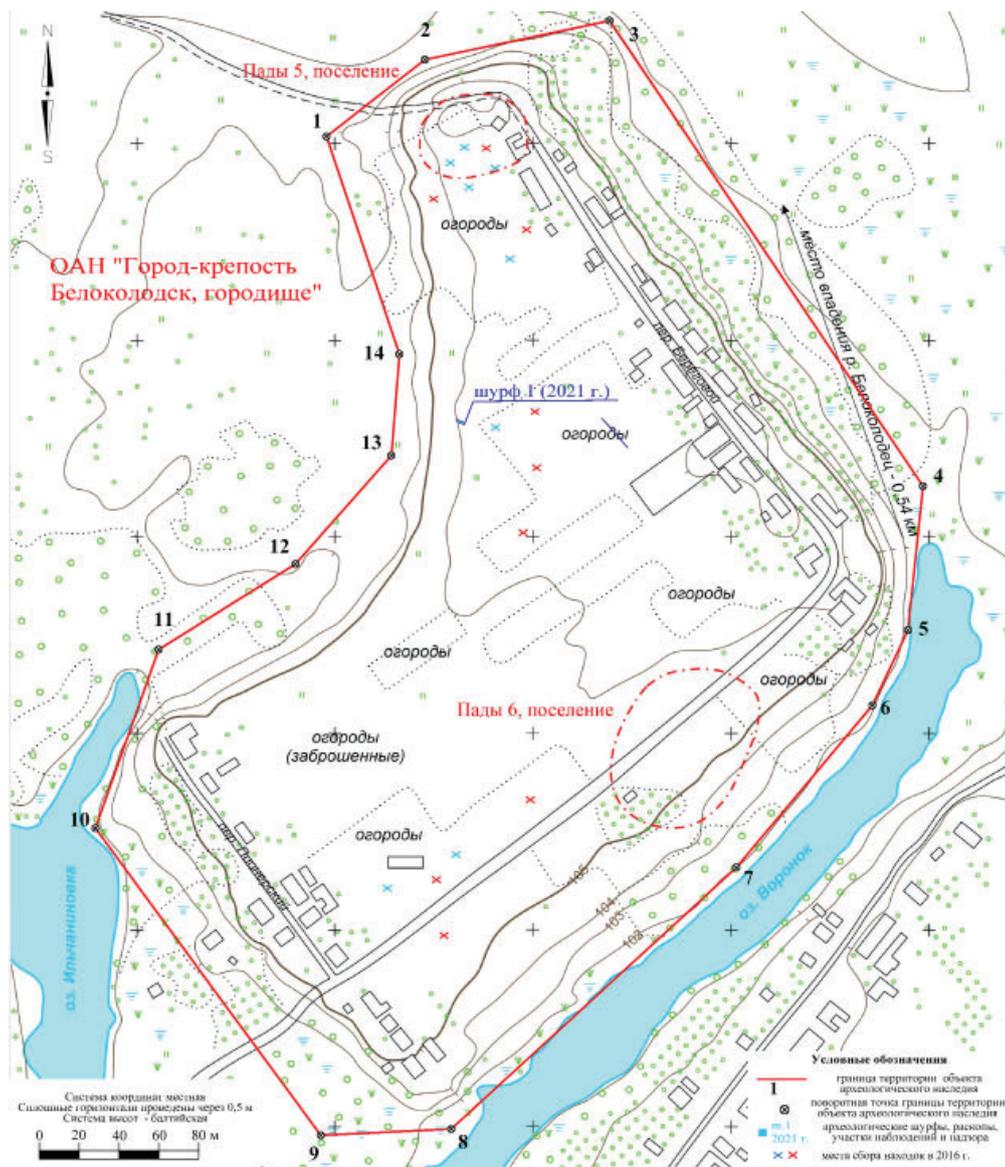

Рис. 6. Город-крепость Белоколодск. Топографический план.

Fig. 6. Fortress city of Belokolodsk. Topographic plan.

Эти объекты соотносятся с местом расположения соответственно «Голышовского стоялого городка», стоялых городков «Сторожевская поляна» и «Черкасская поляна» (Голотвин и др., 2023б).

В 2021 г. экспедицией под руководством А.Н. Голотвина проведены исследования памятников Белгородской черты на территории Липецкой, Воронежской и Белгородской областей, задачей которых было выявление и определение границ всех археологических объектов, связанных с этой оборонительной линией.

В результате работ в Липецкой области установлены границы территории ВОАН «Город-крепость Добрый, городище»,

ОАН «Город-крепость Усмань, городище», «Город-крепость Белоколодск, городище», «Город-крепость Сокольск, городище», уточнены границы ВОАН «Городище 1 у с. Ленино (Северное) и «Городище 2 у с. Ленино (Южное) «Романово», ВОАН «Культурный слой г. Усмань» (Голотвин и др., 2023в).

В ходе работ на территории Белгородской области скорректированы границы ВОАН «Белгородская оборонительная черта: Карповский участок у с. Большие Кульбаки», выявлен ВОАН «Белгородская оборонительная черта: Карповский участок у с. Большие Кульбаки - 2» (Голотвин и др., 2022а).

В результате проведенных научно-исследовательских археологических работ на терри-

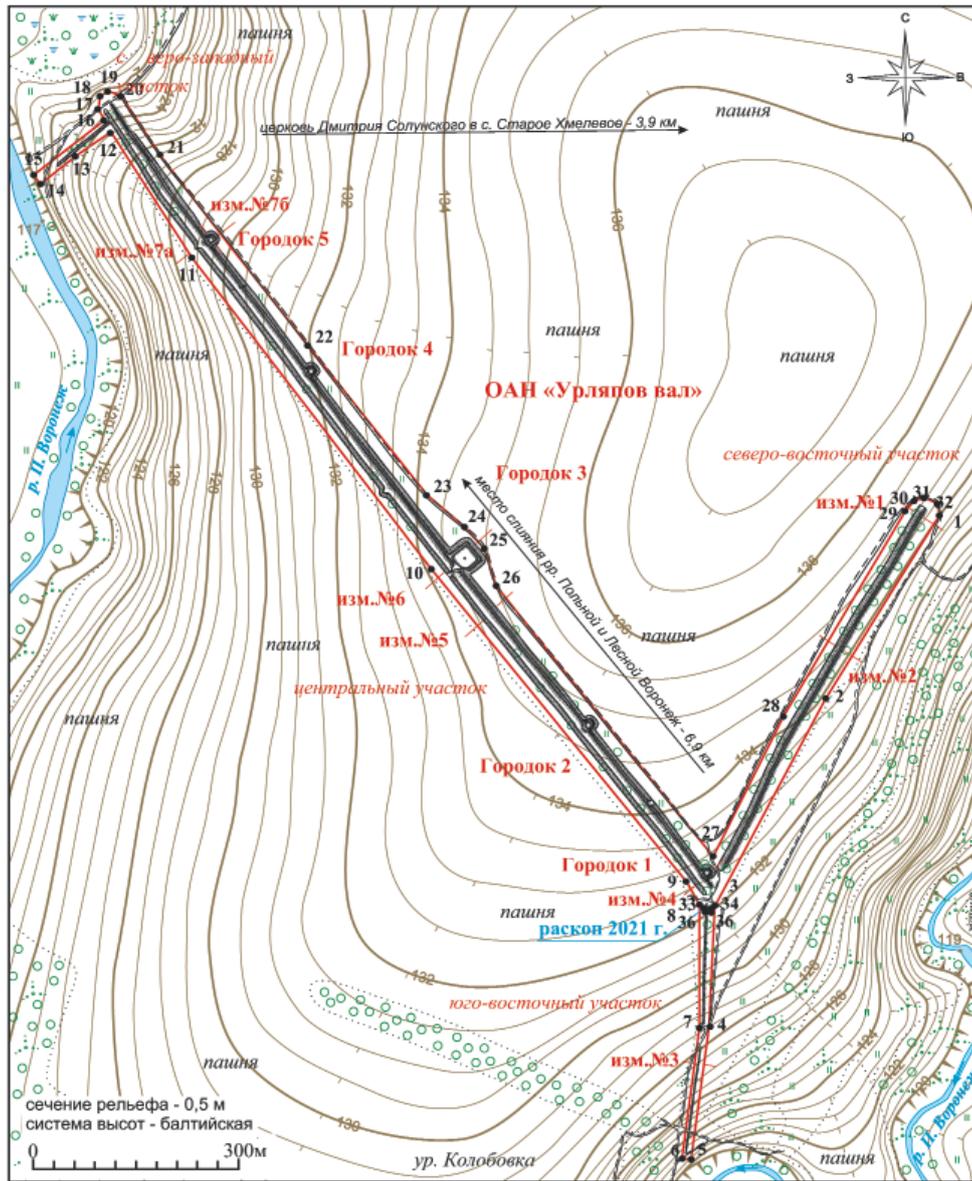

Рис. 7. ВОАН «Урляпов вал Козловского участка Белгородской черты». Топографический план.

Fig. 7. Cultural heritage identified object “Uryapov rampart of the Kozlovsky section of the Belgorod line.” Topographic plan.

тории городского округа г. Воронеж, Острогожского и Хохольского районов Воронежской области установлены границы территории ВОАН «Город-крепость Воронеж, городище», ВОАН «Город-крепость Костёнск, городище», ВОАН «Городище 1 у с. Костёнки», ВОАН «Борщёвский монастырь», ВОАН «Жилой городок Урыв», ВОАН «Город-крепость Коротояк, городище», ВОАН «Город-крепость Острогожск, городище», ВОАН «Ольшанский земляной вал», ВОАН «Острогожский земляной вал», ВОАН «Рыбинский земляной вал», проведен мониторинг ОКН «Ольшанское городище», ВОАН «Курганная группа у

с. Рыбное», получена информация о характере культурного слоя, изучены конструктивные и топографические особенности памятников (Голотвин и др., 2023б).

В 2022 г. в рамках разработки научной темы «Создание геоинформационной системы комплекса военно-оборонительных сооружений и поселений Белгородской черты в контексте социоестественной истории юга Центральной России в XVII – первой половине XIX вв.» методом археологических раскопок изучен участок города-крепости Усмань, где обнаружен восьмиугольный деревянный объект, предварительно интерпретируемый

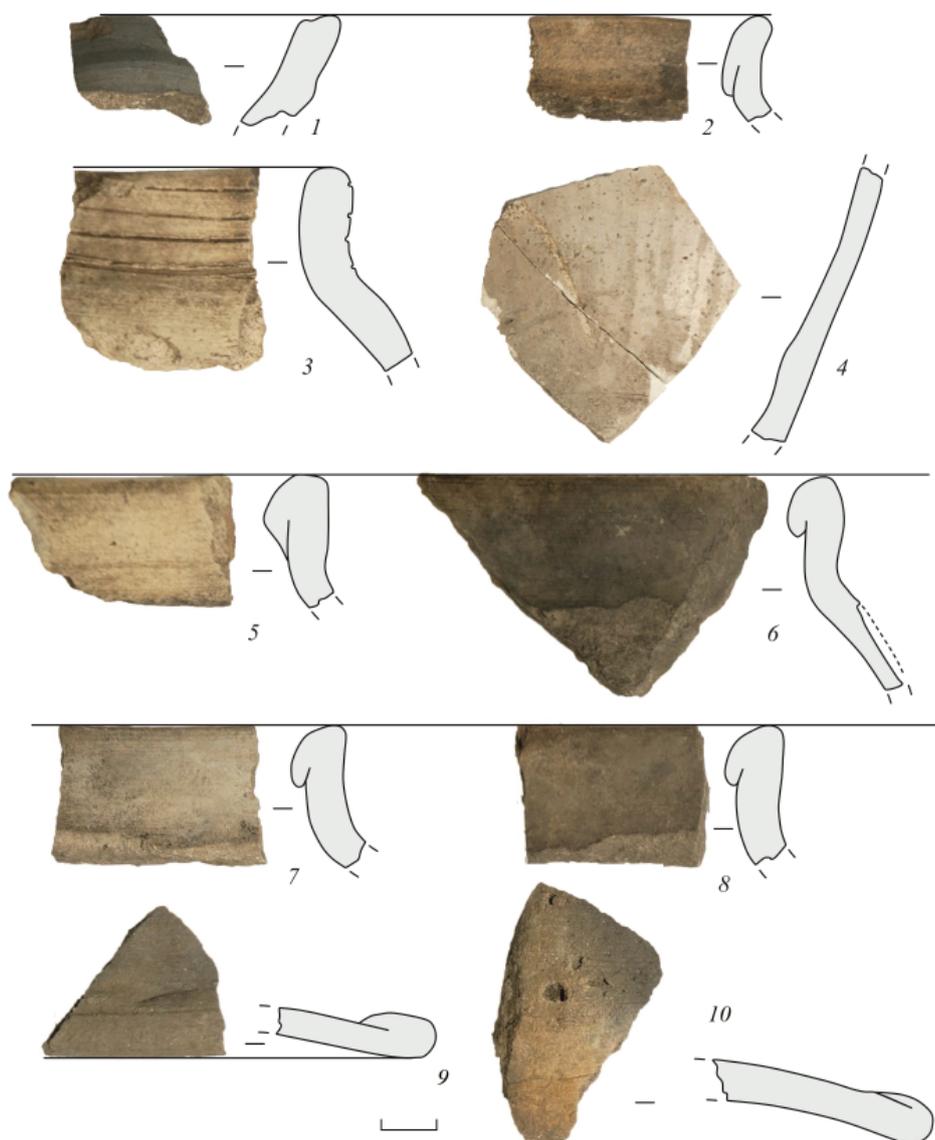

Рис. 8. Керамика середины XVII в. с «Матырского городка»
Fig.8. Ceramics of the mid-XVII century from "Matyry town"

как угловая глухая башня, и остатки крепостной стены. Конструкция представляет из себя бревенчатый сруб со стенами в виде каркаса, состоящего из двух восьмигранников наружных и внутренних стен и столбамистойками между ними. Внутреннее пространство между стенами (~ 0,5/0,6 м) заполнено грунтом. Зафиксировано от 8 до 11 венцов. Стены рубленые из дубового полубревна «в лапу» формируют внутренний (длина ~10 м, площадь ~ 7,7 кв.м.) и внешний (длина ~14 м, площадь ~ 14,8 кв.м.) периметр стен башни. Дубовые сваи (диаметром 0,15–0,2 м), забитые в грунт с внешней стороны стен и между ними, совместно с венцами из полубрёвен

стен образуют надёжную конструктивную схему в условиях заболоченности почвы и высокого уровня грунтовых вод (Голотвин и др., 2023в).

Есть основания предполагать, что нижний ярус объекта мог использоваться как колодец, в пользу чего говорит наличие водоотвода и глубина основания конструкции (рис. 10–11). Применённая при строительстве технология эффективна против огнестрельного оружия, что осторожно позволяет связывать ее появление с реконструкцией конца XVII в.

В ходе работ 2022 г. впервые проведены археологические раскопки такого вида памят-

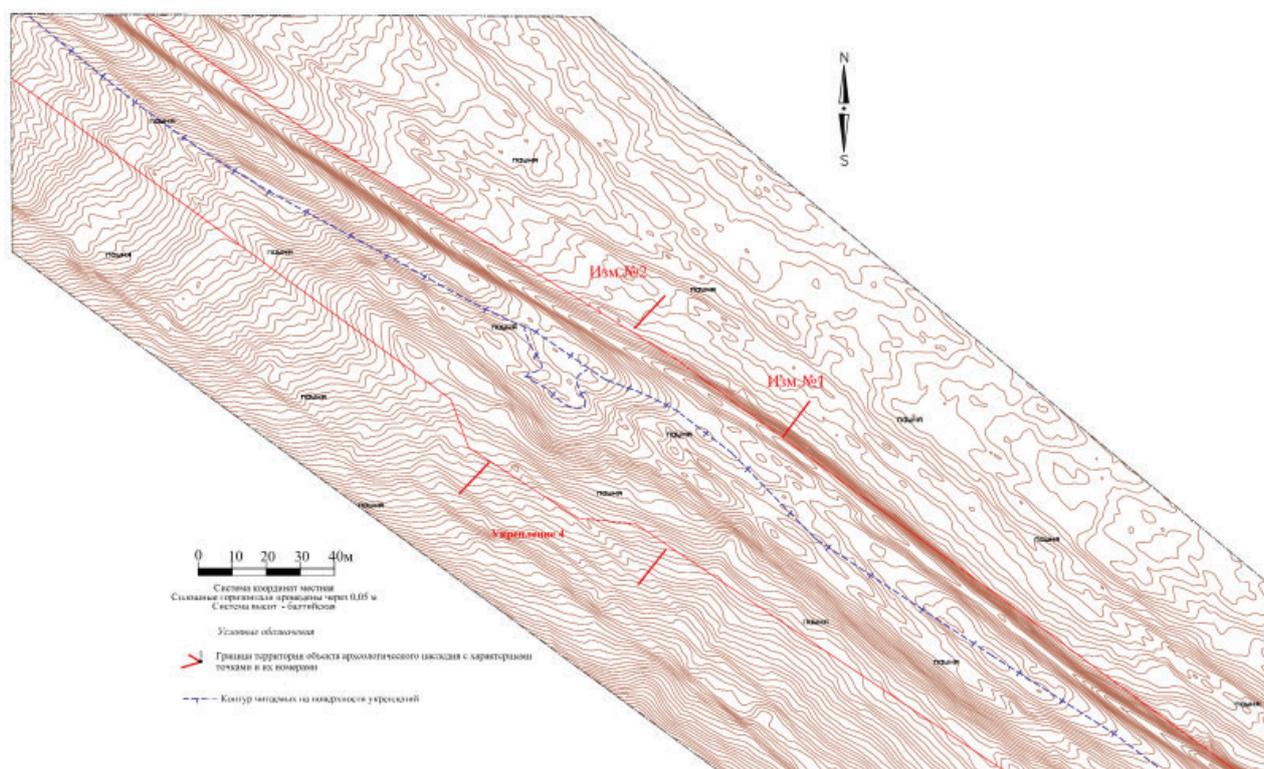

Рис. 9. ВОАН «Белгородская оборонительная черта: Карповский участок у с. Большие Кульбаки-2». Топографический план с дополнительными горизонталями.

Fig. 9. Cultural heritage identified object "Belgorod defensive line: Karpovskiy site near the village Bolshiye Kulbaki-2". Topographic plan with additional contours.

ников, как стоялый городок. При исследовании городка №5 ВОАН «Козловский вал оборонительной черты» (рис. 25–27) получены данные о параметрах фортификации (4 вала, 4 рва, остатки башни срубной конструкции, следы деревянных стен городка и др.), характере почвенных напластований, выявлены находки, свидетельствующие о наличии слабовыраженного культурного слоя, образовавшегося в результате кратковременного пребывания сменной стражи (Голотвин и др., 2023г).

В 2023 г. проведены раскопки Острогужского земляного вала (рис. 12) и жилого городка Урыв (Отчет., 2023).

Увеличение объема полевых исследований, накопление источниковой базы позволяют обозначить некоторые теоретико-методологические и методические проблемы изучения археологических памятников Белгородской черты.

Прежде всего, необходимо определиться с объектом и предметом археологического исследования. На наш взгляд, основной объект – это культурные слои городов-крепостей, жилых городков и их посадов, земляные валы

и рвы, связанные с ними элементы фортификации, «сторожи», линии «надолбов» и т.п.). Можно говорить об определенной специфике намеченных групп. Первые, чаще всего, входят в состав многослойных памятников, вторые – не содержат выраженного культурного слоя. К предмету есть основания отнести границы и параметры археологических объектов, их трансформации в результате перестроек и ремонта, эволюция фортификационного искусства, планировочная структура, характер культурных напластований, материальная культура населения.

Методика археологического исследования. Накопленный к настоящему времени опыт археологического изучения, специфика этих объектов, делают возможность обратиться к методическим нюансам.

Среди ранее проведенных работ представляют интерес исследования И.Т. Шатохина. Выполненный им отчет содержит подробные топографические и ситуационные планы, а также архитектурные обмеры сохранившихся сооружений и валов, их сечения и аксонометрические проекции. Вместе с тем, не фикси-

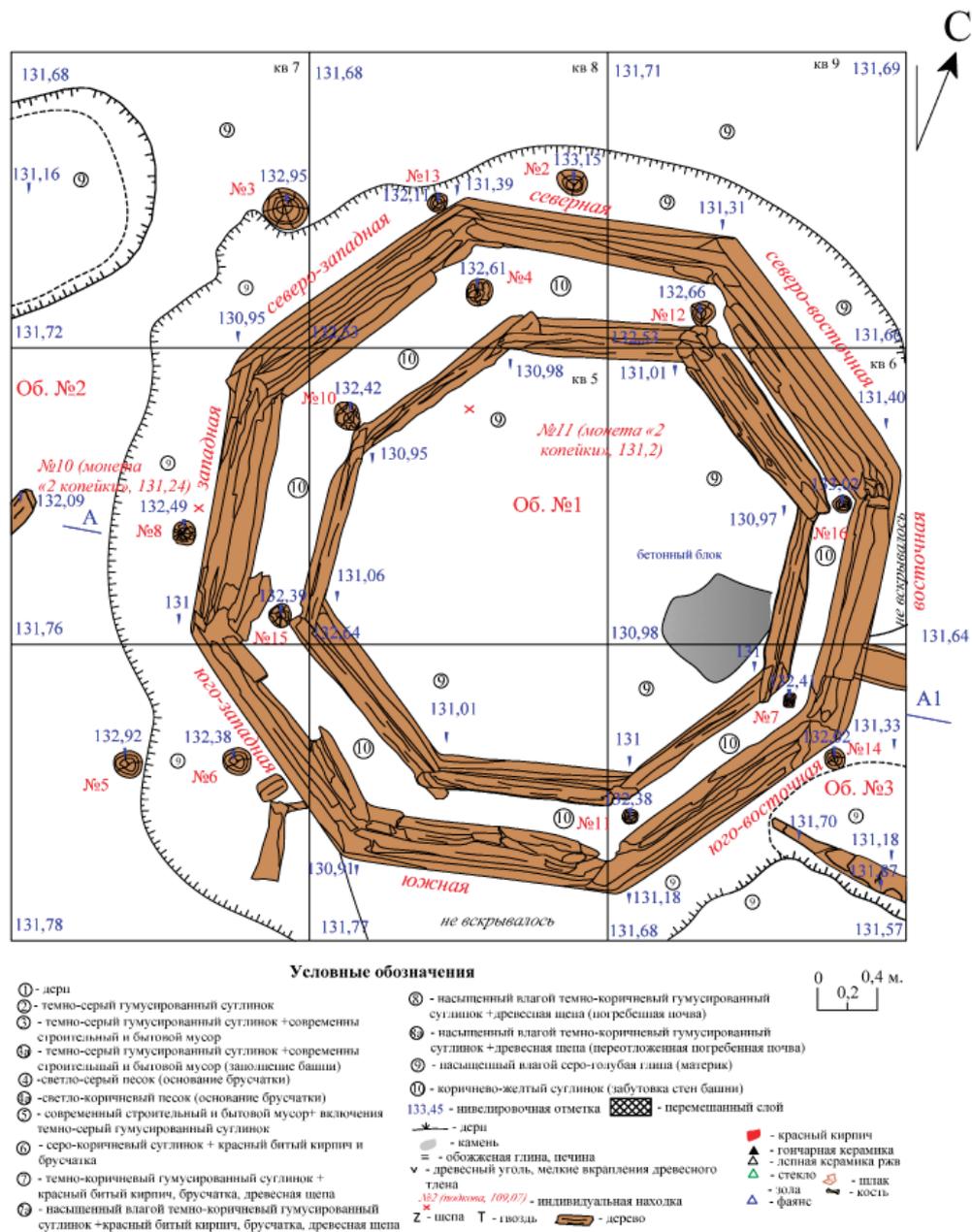

Рис. 10. ВОАН «Город-крепость Усмань, городище». Раскоп 1. После зачистки по матерiku и выборки объектов. План.

Fig. 10. Cultural heritage identified object “Fortress city of Usman, ancient settlement.” Excavation 1. After clearing the virgin soil and sampling items. Plan.

ровались многочисленные обнажения, не анализировался подъемный материал, практически не закладывались шурфы (Шатохин, 1998). Была опубликована и статья по методике полевого изучения укрепленных линий позднего средневековья, в которой, помимо необходимости анализа письменных источников и топографической съёмки, декларируется важность анализа крупномасштабных карт и аэрофотосъёмки, а также точной простран-

ственной фиксации объектов. Подчеркивается нецелесообразность шурфовки укреплений (Шатохин, 1992).

Полученные при разработке научной темы «Археологическое изучение северо-восточного фаса Белгородской черты» методические наработки подтвердили важность проработки письменных источников и литературы, анализ космических снимков и картографического материала разных периодов.

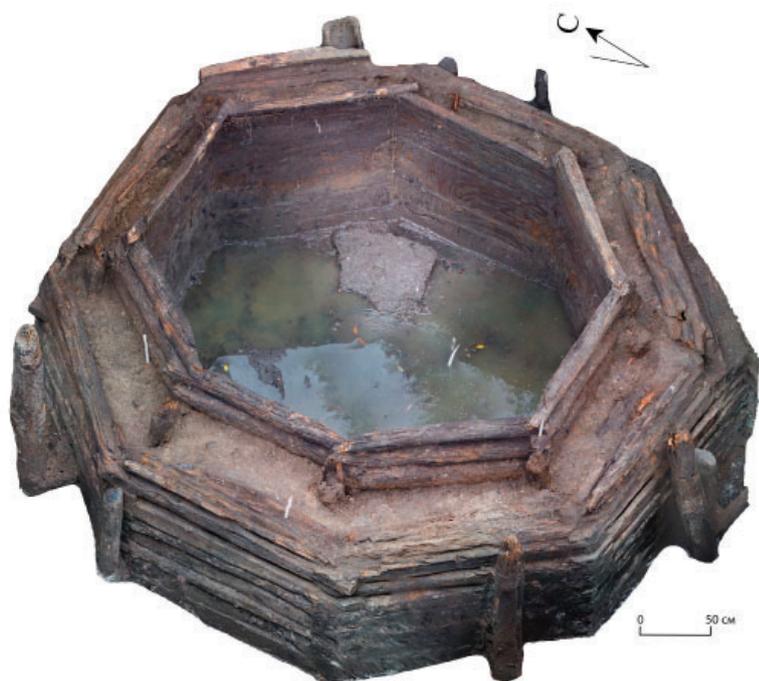

Рис. 11. ВОАН «Город-крепость Усмань, городище». Раскоп 1. 3-Д модель изученного объекта.

Fig. 11. Cultural heritage identified object “Fortress city of Usman, ancient settlement.” Excavation 1. 3D model of the studied site.

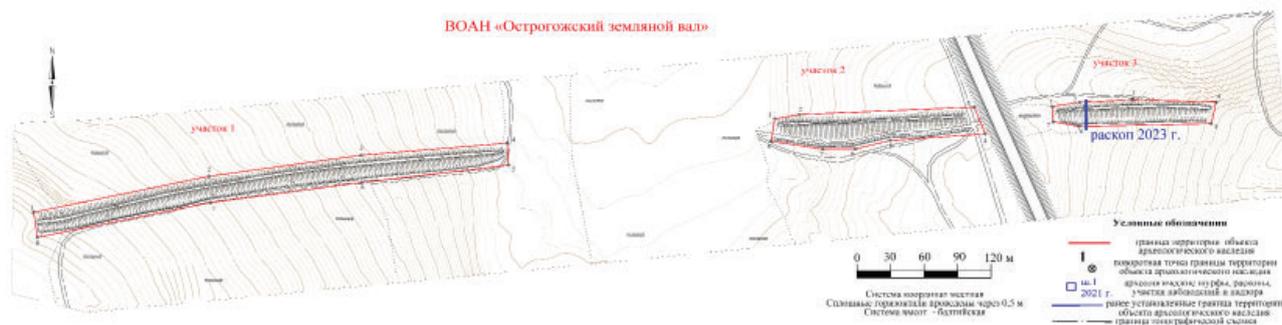

Рис. 12. ВОАН «Острогжский земляной вал». Топографический план.

Fig. 12. Cultural heritage identified object “Ostrogozhsk earth rampart”. Topographic plan.

Как правило, до нас дошло подробные описания крепостей, их контуры, в большинстве своём, обозначены на планах XVIII в. и часто соотносятся с современной структурой населенных пунктов, поскольку факт наличия укреплений оказывал влияние на их регулярную планировку. При этом, нередко приходится констатировать расхождения установленных границ объекта археологического наследия с указанными в письменных источниках размерами, что говорит об уязвимости локализаций памятников, основанных только на данных письменных источников и картографии.

При изучении городов-крепостей и жилых городков важное значение имеют фиксация подъёмного материала и шурфовочные работы. Однако отметим очевидные трудности исследований в условиях плотной застрой-

ки, в пределах которой весьма ограничены возможности как по закладке шурфов, так и в связи с наличием в культурном слое свидетельств активной хозяйственной деятельности большого количества находок XVIII – начала XX веков. Поэтому закономерно, что в такой ситуации шурфовочные работы по периметру предполагаемых границ крепости необходимый результат дают редко. Уникальным случаем везения являются зафиксированные в шурфах остатки угловой башни города-крепости Усмань и укрепления города-крепости Козлов. В ряде случаев работы затрудняются наличием кладбищ, в то же время нередко они могут выступать и достаточно надёжным маркером при определении границы территории оборонительного сооружения. Очевидна при этом некоторая закономерность: в тех городах-крепостях, где

Рис. 13. Схема Козловского участка Белгородской черты с указанием изученных объектов.
 Fig. 13. Scheme of the Kozlovsky section of the Belgorod line indicating the sites studied.

Измерение №1. Козловский вал.

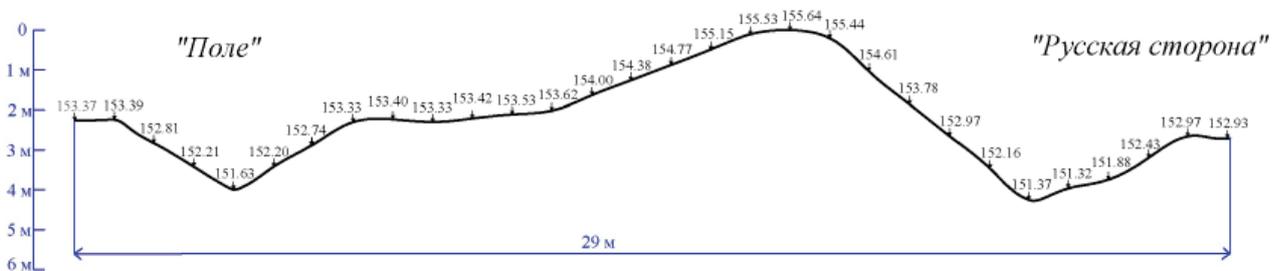

Рис. 14. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Профиль укреплений.
 Fig. 14. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Profile of fortifications.

кладбища, сформированные вокруг крепостной церкви и продолжая действовать в более позднее время, разрастались настолько, что стали занимать большую часть площадки, как правило, ограниченными остатками крепостных сооружений. Такая ситуация наблюдается в Романове-в-Степи, Болховце, Нежеголи, Костёнске, Борщёвском монастыре и других.

Большое значение в таких условиях приобретает вычленение напластований XVII – начала XVIII вв. от более поздних эпох, определение археологических маркеров этого периода. Для северо-восточного фаса Черты

по материалам Сокольска, Матырского городка, городка №5 Козловского вала выделены характерные для середины XVII в. типы керамики. Распространение получили фрагменты вертикальных венчиков, имеющих плотно прижатый наплыв внутрь сосуда, с желобком по краю венчика, орнаментированные многорядной линией в верхней профильной части (рис. 8). При изучении юго-западного фаса необходимо учитывать фактор заселения Черты с территории левобережной и правобережной Украины.

В случае сильного антропогенного воздействия, ограничивающего проведение земля-

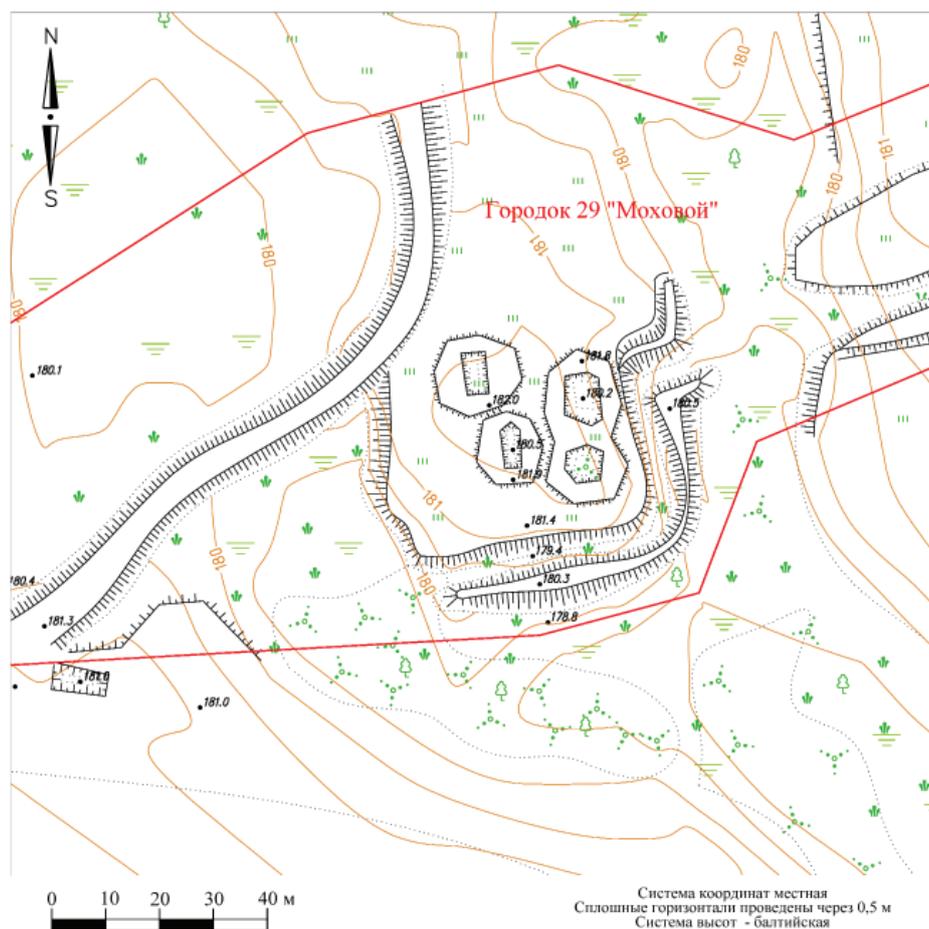

Рис. 15. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок №29.
Fig. 15. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town No. 29.

ных работ на обследуемых памятниках, на помощь археологам приходят, помимо тщательного визуального осмотра, цифровые модели местности, ортофотопланы, тахеометрические планы крупного масштаба с дополнительными горизонталями. Такой подход показал свою эффективность при исследовании поврежденных участков укрепленных линий, а также определении границ крепостей в условиях плотной застройки.

Так, при обследовании территории ВОАН «Белгородская оборонительная черта: Карповский участок у с. Большие Кульбаки» проведена детальная топографическая съемка памятника археологии и прилегающей к нему территории на площади более 95 га, что позволило выявить следы разрушенных укреплений, наличие которых подтверждено шурфовкой (рис. 9). Выраженность в рельефе стала основным аргументом при определении границ территории города-крепости Добрый.

Как показали археологические исследования Усманского, Урляпова и Козловского валов шурфовочные работы на месте расположения стоялых городков, сторож, «земляных башен», линии надолб и т.п. не имеют смысла, поскольку выраженного культурного слоя данные объекты не содержат. При этом даже засыпанные и срезанные валы таких мощных оборонительных конструкций как эти содержат ценную научную информацию и заслуживают постановления на государственную охрану.

Вопрос о целесообразности выявления возникает по отношению к таким полевым укреплениям, как отдельно стоящие сторожи, станицы, линии надолб, острожные стены и т.п., которые не фиксируются на поверхности и не имеют хорошей привязки, когда их можно попытаться вычленить разведочными траншеями.

При выявлении элементов фортификации необходимо учитывать наличие противоэрозийных валов советского времени на склонах и разновременных межевых валов, особенно

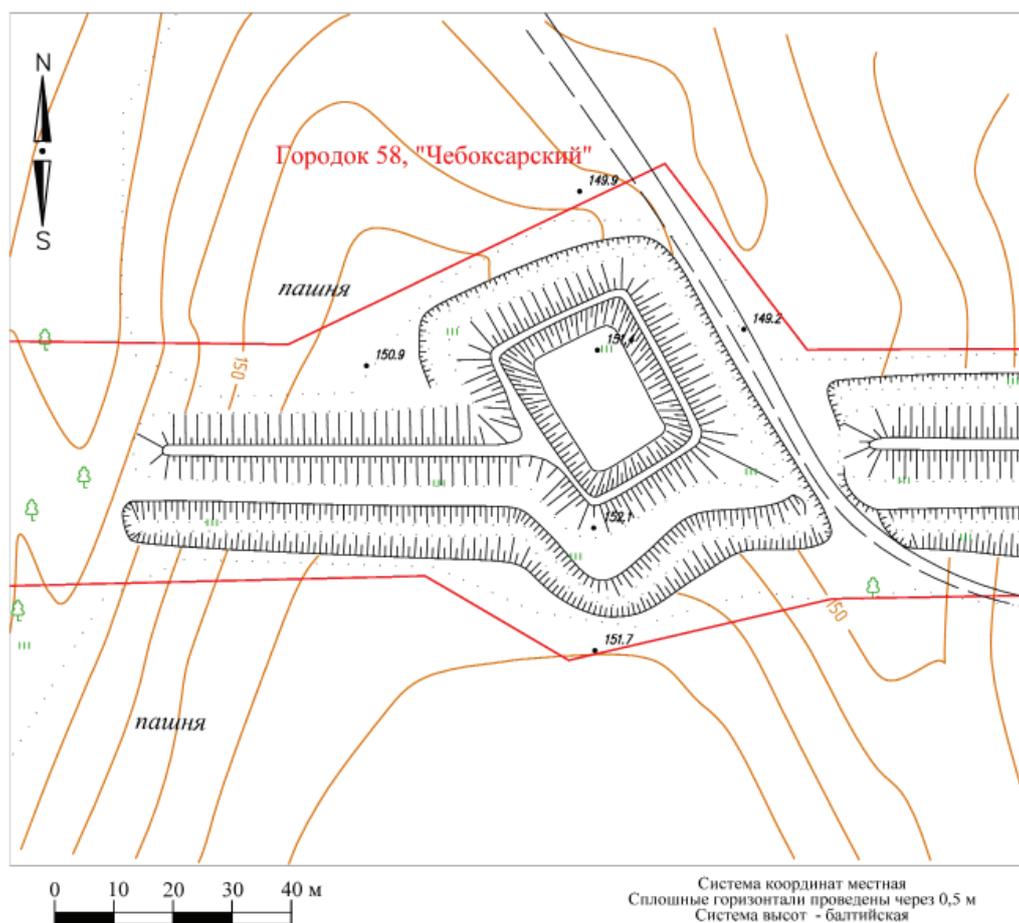

Рис. 16. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 58.

Fig. 16. Cultural heritage identified object "Kozlovsky rampart of defensive line". Town 58.

если речь идет о лесных массивах. Укрепления оборонительных линий, получая вторичное использование, часто вписываются в эти системы. При отсутствии культурного слоя, обнаружение остатков рвов не гарантирует их принадлежность к археологическим объектам.

Отдельно нужно коснуться проблем определения границ «больших» валов, которые имеют протяжённость до 30 км. Такие памятники фиксировались как многоконтурные земельные участки, где границами являются разрывы в местах прохождения асфальтовых дорог, рек, значительных разрушений.

Требуют некоторых методических комментариев и археологические раскопки полевых укреплений. Как показали раскопки Усманского земляного вала (Голотвин, 2018; Иншакова, Голотвин 2020), полевая фортификация Белгородской черты, как правило, не содержат находок, деревянные конструкции представлены вертикально вкопанными бревнами во рве, в вале, либо поле вала с «русской стороны» (рис. 3–5). Валы, насыпанные в

конце XVII в., могли не иметь деревянных сооружений вовсе. Более сложные конструкции и постройки могут встречаться при раскопках «стоялых городков», но и здесь необходимо учитывать наличие значительного фонда письменных источников, содержащих подробные описания, что позволяет реконструировать фортификацию даже при локальных вскрытиях. В связи с этим, рекомендации о закладке траншей на валах шириной не менее 6 м (Моргунов, 2019. с. 29), которые актуальны для городищ древнерусского времени и русского средневековья, применительно к полевым укреплениям Белгородской черты представляются избыточными с точки зрения сохранности памятника, в том числе и как памятника природы, получения научной информации и финансовых затрат.

Систематизация. Археологическое изучение и постановка на государственную охрану памятников Белгородской черты показали актуальность проблемы применяемого понятийного аппарата.

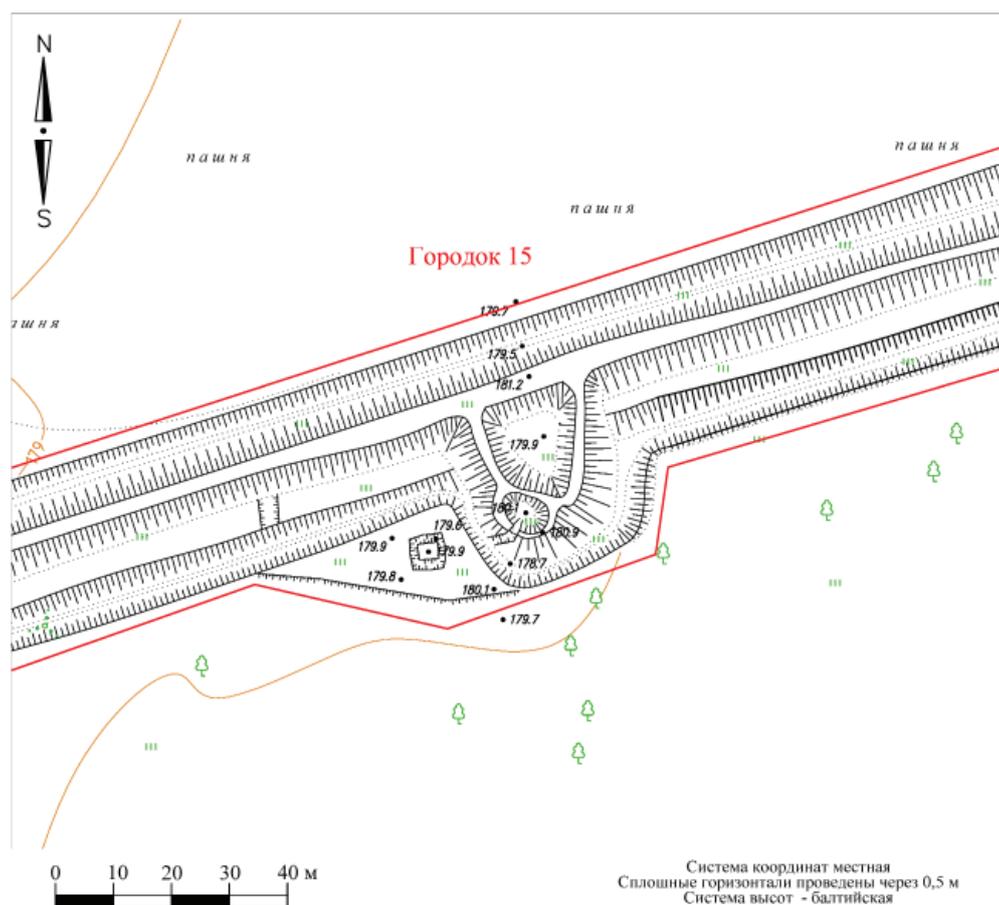

Рис. 17. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 15.
 Fig. 17. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 15.

Письменные источники не только сохранили наименования для многих объектов, но и содержат большое количество фортификационных терминов. Не все из них имеют однозначное толкование, но не вызывает сомнения необходимость их употребления.

Принципиальное значение имеет применение терминов «вал», «город-крепость», «городок», «острог», «острожек» и др. Определение же области их использования подводит нас к проблеме систематизации и классификации объектов.

Такие попытки предпринимались на основании данных письменных источников. В большинстве предложенных вариантов объектом систематизации выступали города-крепости, делившиеся по таким признакам, как географический, стратегический, планировочный, вид материала, тип стен и т.п. (Загоровский, 1969. с. 77–84; Каримов, 1977. с. 116).

Среди исследователей, проводивших натурные обследования укреплений, отме-

тим В.И. Кошелева, который по итогу работ на Козловском вале выделил три типа стоялых городков (Кошелев, 1958а. с. 158–159), и изыскания И.Т. Шатохина и А.Г. Дьяченко, вычленившие «укрепления» капонирного и бастионного типов, флешы, рондели, выступы реданного типа («зубец»), пушечные раскаты (Шатохин, 1998. с. 35).

Представляется, что прямому соотношению выявленных объектов с поздними элементами фортификаций и реконструкций должна предшествовать археологическая систематизация. Имеющийся уровень источниковой базы позволяет наметить её контуры.

Прежде всего, все памятники являются укрепленными и делятся на *поселенческие* и *полевые*.

К первой группе относятся города-крепости и жилые городки. «Город-крепость» – это военно-административный центр участка, где располагался основной гарнизон. «Жилые городки» от «городов-крепостей» отличаются только размерами и функциями, своеобразные

города-спутники, где базируется дополнительный гарнизон. В источниках и литературе при обозначении таких объектов встречается термин «острог» и «острожек», но, поскольку он же обозначает ещё и вид крепостной стены, то его однозначное использование затруднительно.

Главным назначением этих укрепленных поселений было перекрытие татарских дорог, бродов и перелазов, поэтому они сооружались на высоких коренных берегах, довольно низких террасах берега и даже на пойменных останцах. Кроме этого критерия в основу классификации можно положить особенности укреплений – наличие либо отсутствие вала и рва, и, как вариант, присутствие только деревянной стены, как например, в Белоколодске (рис. 6).

Среди полевых укреплений в настоящий момент систематизации могут быть подвергнуты земляные валы и входящие в их конструкцию элементы фортификации. Первичный анализ позволяет разделить их на две группы.

Первая, *основные валы* – мощные линии укреплений, имеющие протяженность до 30 км, перекрывающие большие водораздельные участки, где проходили степные татарские дороги. Таких на Белгородской черте было пять – Козловский, Усманский, Оскольский, Яблоновский и Карповский (рис. 2–3, 9, 13–14).

Вторая – *вспомогательные валы*. Небольшие линии, от несколько сот метров до нескольких километров, перекрывающие броды, перелазы, лесные опушки, долины рек и т.п. (рис. 3–5, 7, 12).

В свою очередь, каждая такая линия может содержать «валы» разных параметров. Выделяются *большие валы*, имеющие ширину от 20 до 30 м, высоту от 2 до 5 м. Они бывают с выраженной бермой (Козловский, Урляпов и Яблоновский валы), и без нее (Усманский и Карповский), имеют один или два рва (рис. 3, 14).

Вторая группа представлена ещё и *малыми валами*, ширина которых составляет 10–12 м. Они соотносятся с линиями «надолбов» и тынных оград, валы, расположенные на заболоченных участках без выраженного рва, могут быть остатками «тарасов» – забутованных грунтом срубных клетей (рис. 4).

Удивительное разнообразие показывают связанные с земляными валами элементы фортификации. Особенно выделяется Козловский вал, где обнаружено 78 объектов. По отношению к ним в источниках наиболее часто употребляется термин «стоялый городок» или «острожек», встречается название «земляная башня».

Предварительный анализ позволяет наметить не менее 8 типов «городков». В основу первичной классификации мы положили форму, размеры, расположение относительно основной насыпи вала. Кратко охарактеризуем выделенные типы.

К *первому типу* отнесены четыре, так называемых «старых» стоялых городка Козловского вала, которые имеют собственные названия («Челнавский», «Моховой», «Ярославский», «Бельский») (рис. 15), а также построенный позднее «Чебоксарский» (рис. 16) и городок №3 Урляпова вала (рис. 7). Эти городки выделяются более крупными размерами и представляют собой находящиеся в системе «вала» прямоугольные насыпи, окруженные валом и рвом, выступающие как в «русскую», так и в «татарскую» стороны. При этом, отметим максимальное использование рельефа местности, в связи с чем широко применяются подрезки склонов мыса, эскарпы балок и т.п. Разновидностью этого типа является «Чебоксарский городок» (тип 1а), имеющий ромбическую площадку, окруженную значительно более мощным, чем «старые городки», валом, при этом основная часть укрепления находится с «русской стороны», в «поле» выступает только один из углов площадки, образуя вместе с бермой и рвом «зубец».

Второй тип представлен также достаточно массивными сооружениями, являющимися по своему функционалу стоялыми городками, – выступающая в сторону «поля» трапециевидная площадка, окруженная валом и рвом, которые по размерам соответствуют параметрам основного вала. Как дополнительные конструктивные элементы фиксируются небольшие трапециевидные и подтреугольные выступы в «русскую сторону» и примыкающие к валу городка со стороны «поля» подпрямоугольные площадки, окруженные валом (рис. 17, 25).

Третий тип – это небольшие овальные площадки, окруженные валом, которые имеют подтреугольные и трапециевидные выступы в

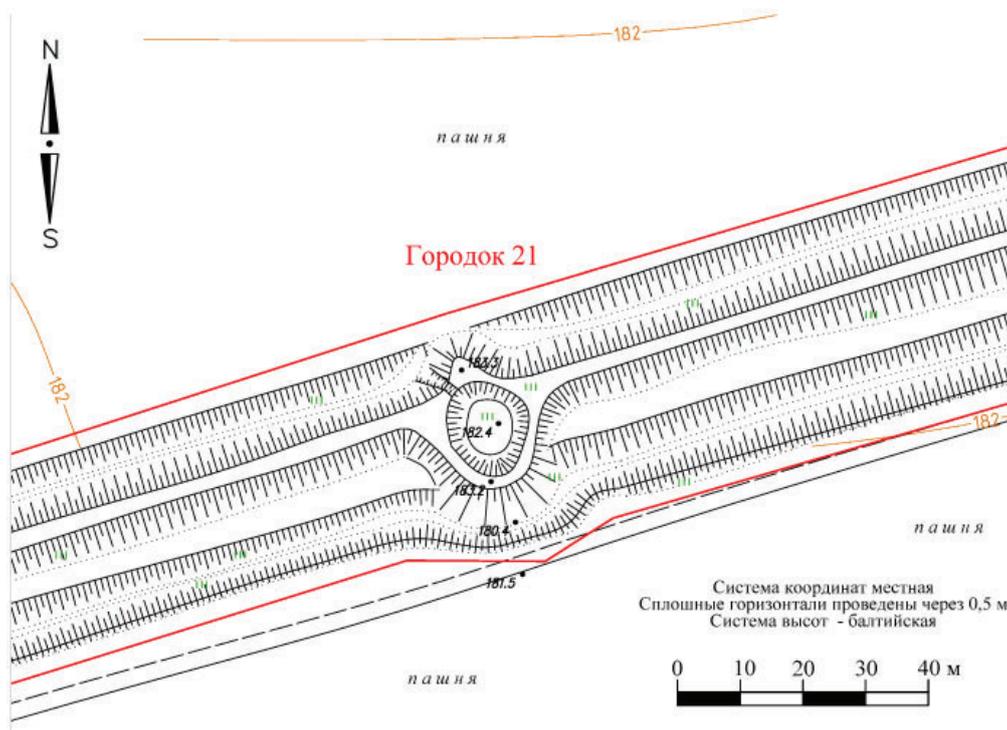

Рис. 18. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 21.
Fig. 18. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 21.

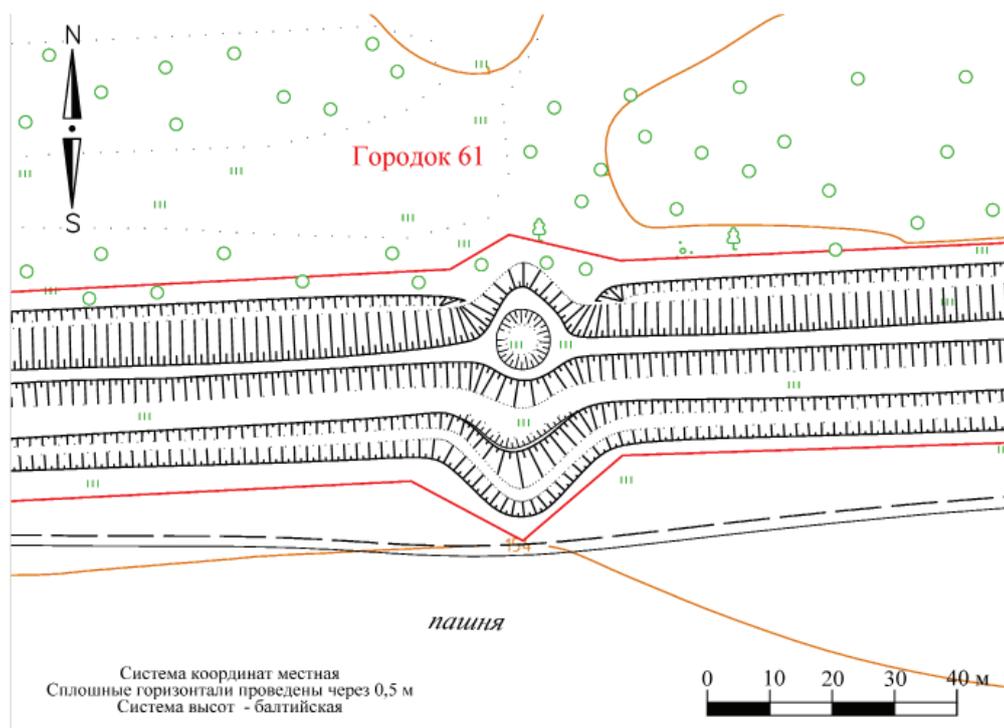

Рис. 19. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 61.
Fig. 19. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 61.

«русскую» и «татарскую» стороны, в результате чего городок приобретает подромбическую форму. Ров со стороны «поля» изгибается вместе с валом, при этом берма между ним и валом городка не фиксируется. Валы городка, как правило, имеют ту же высоту и ширину, что и основной вал (рис. 18).

В *четвертый тип* включены городки с небольшими овальными площадками, окруженные валом, которые имеют подтреугольные и трапециевидные выступы в «русскую» и «татарскую» стороны, в результате чего городок приобретает подромбическую форму. Этот тип близок по размеру и форме к типу три, но имеет меньшие размеры площадки и подтреугольные или подтрапециевидные выступы бермы в сторону «поля», вдоль которых изгибается ров. К этому типу можно применять термин «земляная башня» (рис. 19)

К *пятому типу* отнесены «земляные башни», которые представляют собой расширения вала в «русскую» и «татарскую» стороны подтреугольной или подтрапециевидной формы. В выступах в «русскую сторону» в ряде случаев фиксируются округлые углубления, на некоторых городках выступы могут быть выше основного вала. Обязательными элементами этого типа являются подтреугольные или подтрапециевидные выступы бермы в сторону «поля», вдоль которых изгибается и ров (рис. 20).

Шестой тип представлен расширениями вала в «русскую» сторону подтреугольной или подтрапециевидной формы, которые часто встречаются в других типах как дополнительный элемент фортификации. Отметим, что ров, как правило, не изгибается вместе с выступом. К этому типу также представляется возможным употребление термина «земляная башня» (рис. 21–22).

Седьмой тип – находящиеся в системе «вала» подпрямоугольные и подтрапециевидные площадки, примыкающие к насыпи с «русской» стороны. При этом, отметим максимальное использование рельефа местности, в связи с чем широко применяются подрезки склонов мыса, эскарпы балок и т.п. Такой тип характерен для Усманского вала (рис. 23).

Восьмой тип – это образующие подтреугольный или подтрапециевидный выступ основного вала и рва (рис. 24). Подобные укрепления встречаются на болховецком, и новоскольском участках (Шатохин, 1998. Рис. 30,

142), представлены на Тамбовской (Моисеев, 2016. Рис. 65) и Царицынской линиях (Линии роста., 2022. С. 14, 70, 72).

Предпринятая систематизация поставила вопрос о причинах подобного разнообразия типов «городков». Представляется, что свою роль играла топография, структура почвы, время возведения и личный опыт руководителя работ.

Попытка реконструкции. Раскопки городка №5 Козловского вала частично подтвердили данные утверждения. Они показали три строительных горизонта, которые находят отражение в письменных источниках, позволили предпринять попытки соотнесения каждого этапа с определенным типом городков и предложить вариант реконструкции внешнего вида (рис. 25–28).

Первый этап относится к 1636 г., когда строился Козловский вал. По имеющимся данным, вал в подошве был 1,5 сажени. Как мы видим, первоначально вал не представлял большого препятствия. Его оборону пытались усилить за счет количества «боевых точек». Было построено 4 «земляных городка» и 73 «земляные башни» (Кошелев, 1958а. С 142). Остатки одной из таких «земляных башен» выявлены в ходе раскопок. К первому строительному горизонту относятся вал №1, ров №1, объект №5. Размеры вала реконструировать невозможно, поскольку он был срыт. Примерные параметры «городка» можно попытаться восстановить, исходя из конфигурации вала №1 и объекта №5. Направление траншеи, которая интерпретируется как остатки «косого острога», опиравшегося на насыпь вала №1, и рва №1, позволяют предполагать выступ бермы в форме «зубца» (примерно 5/8x5/11 м) и расширение в этом месте вала (около 8 м). Большая глубина рва, скорее всего, является следствием ремонтных работ, которые проводились при воеводах Р. Боборыкине (1646–1647 гг.), Ф. Погожеве (1648–1649 гг.), Н. Пушкине (1650–1651 гг.). Вероятно, мы имеем дело с городком типа 5 по предложенной классификации (Кошелев, 1958а. С 150).

Второй строительный горизонт связан с масштабной перестройкой укреплений при воеводе И. Олфёрове в 1652–1653 гг. (Кошелев, 1958а. С 150). При нем увеличилось количество земляных городков, всего их стало 37. Вал в подошве был увеличен до 3 сажени в

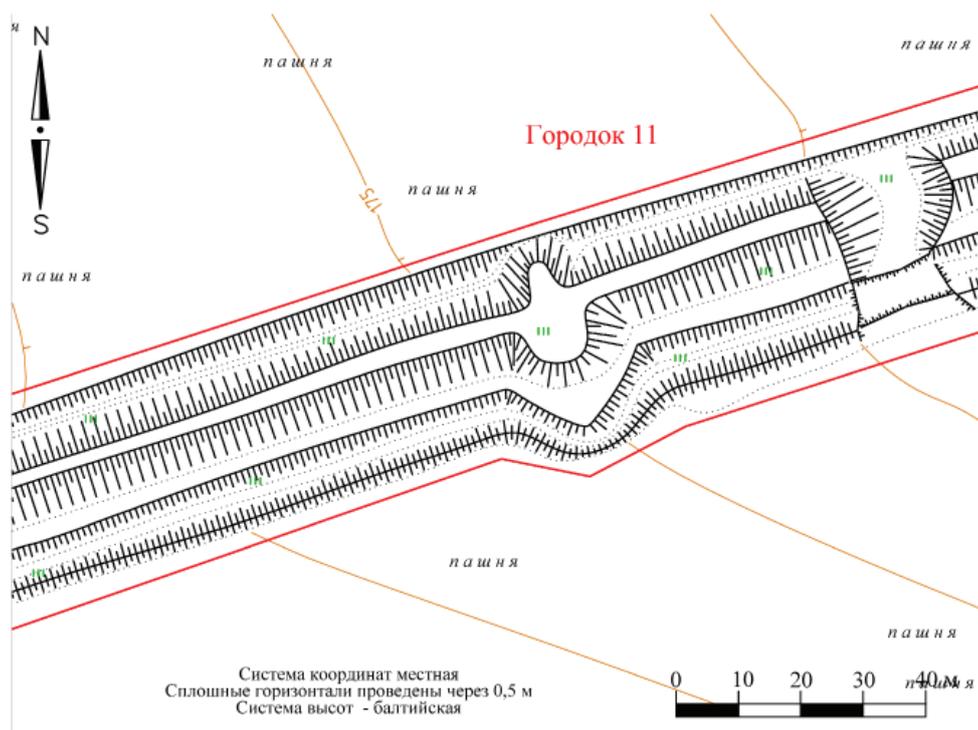

Рис. 20. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 11.
Fig. 20. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 11.

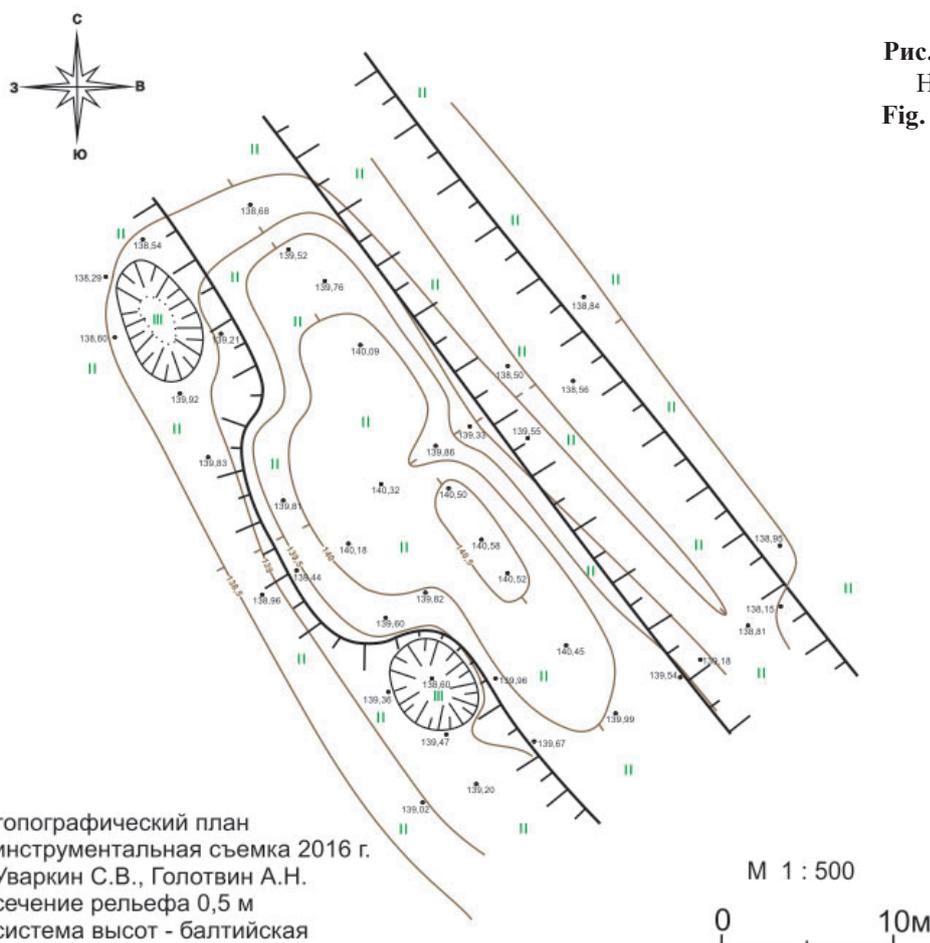

Рис. 21. Усманский земляной вал.
 Новый Черкасский городок.
Fig. 21. Usman earth rampart. Novy
 Cherkasskiy town.

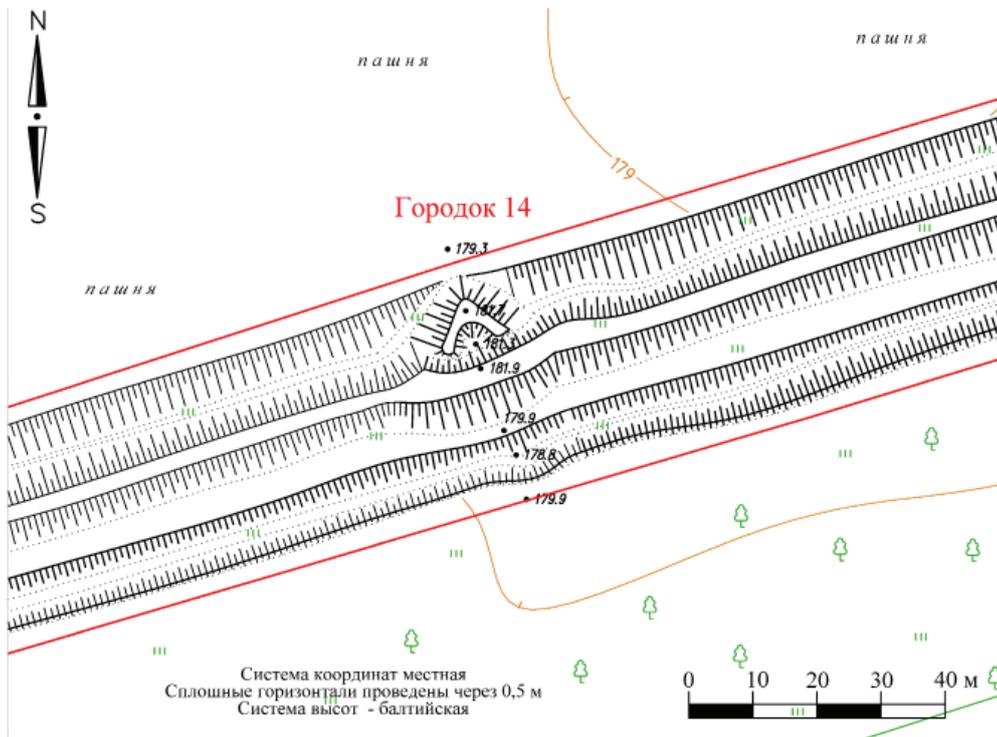

Рис. 22. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 14.
 Fig. 22. Cultural heritage identified object “Kozlovsky shaft of defensive line”. Town 14.

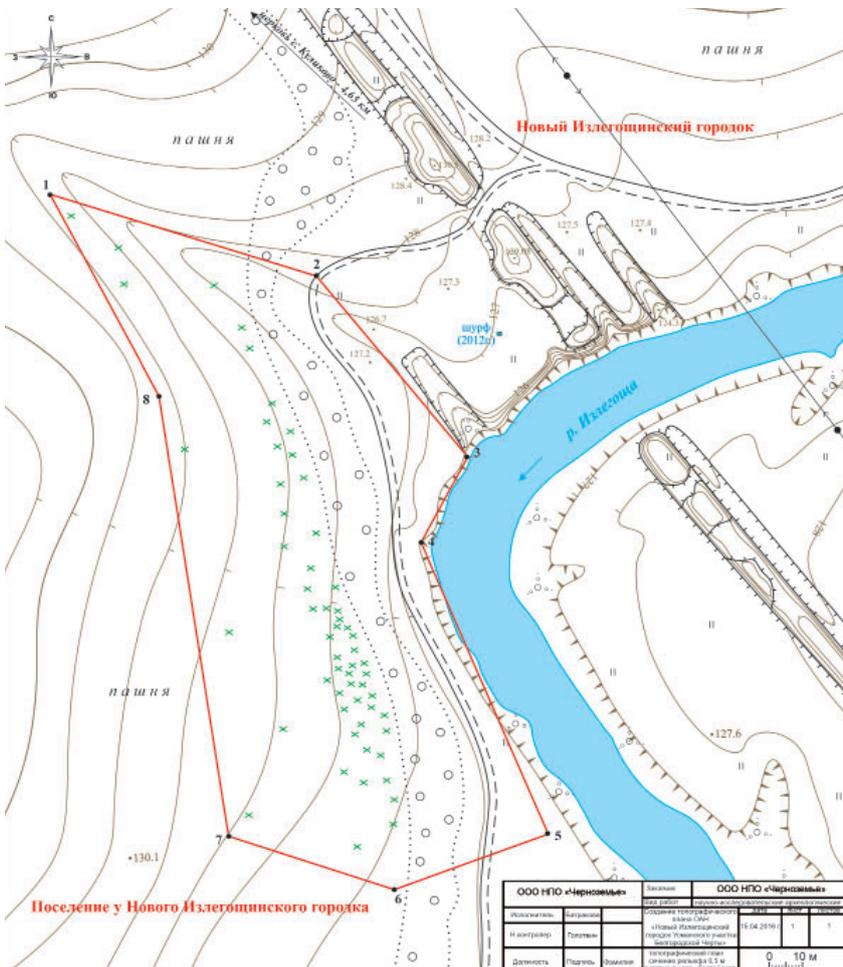

Рис. 23. Усманский земляной вал. Новый Излегощенский городок.
 Fig. 23. Usman earth rampart. Novy Izlegoschensky town.

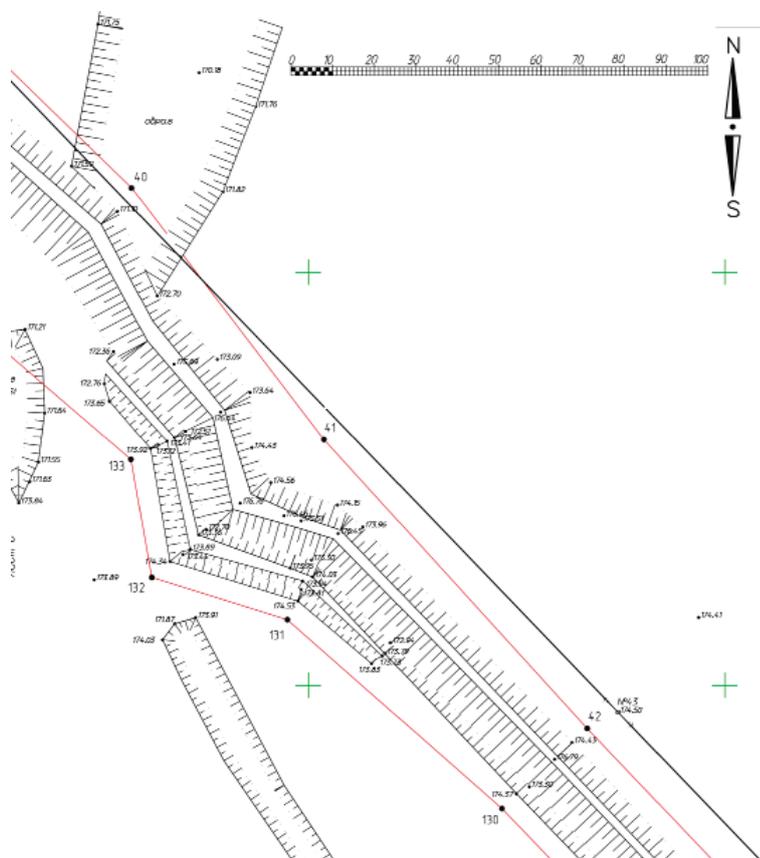

Рис. 24. Участок тамбовской сторожевой черты.
Fig. 24. Section of the Tambov guard line.

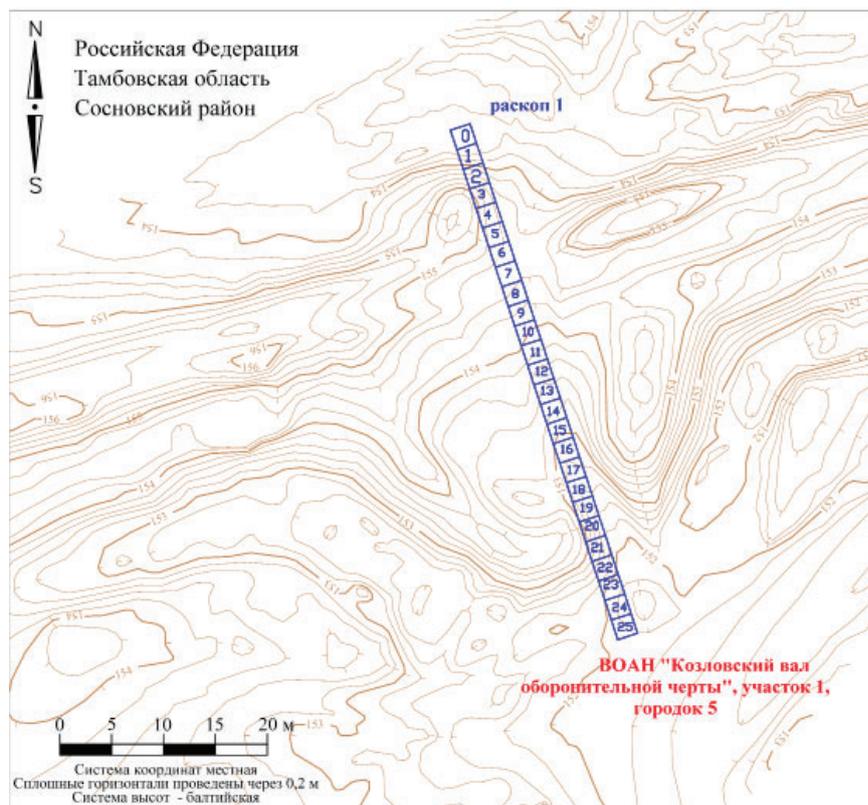

Рис. 25. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 5. Топографический план.
Fig. 25. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 5. Topographic plan.

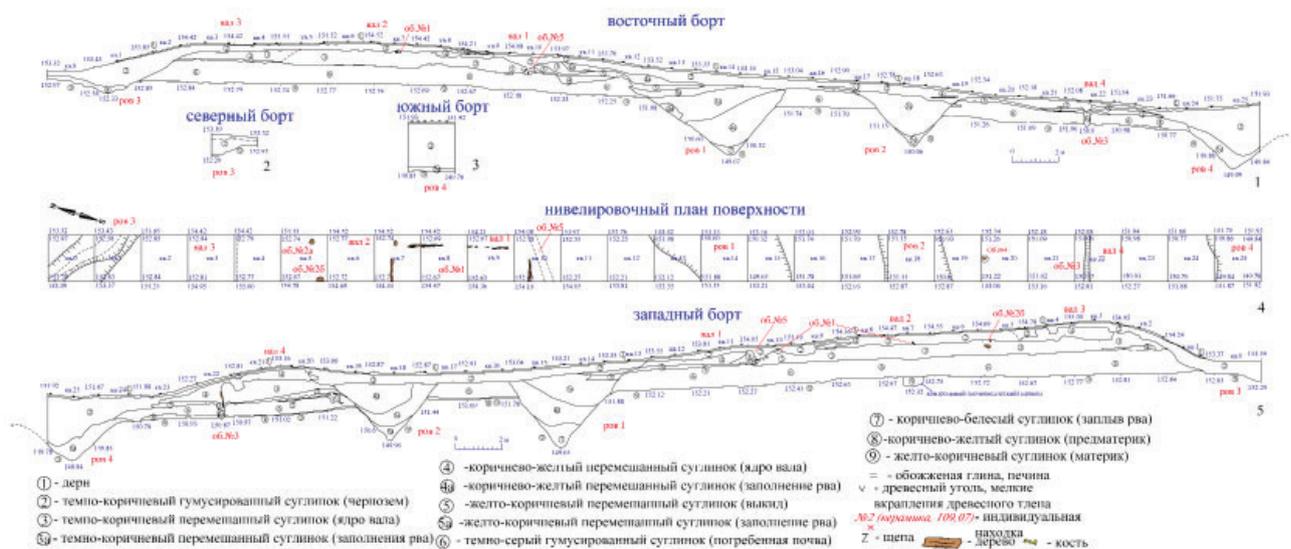

Рис. 26. ВОАН «Козловский вал оборонительной черты». Городок 5. Сводный план и профили бортов раскопа.
Fig. 26. Cultural heritage identified object “Kozlovsky rampart of defensive line”. Town 5. General plan; and side profiles of the excavation.

ширину, высота доведена до 2 сажени. К этому этапу относится вал №2 и ров №2, который был выкопан перед рвом №1 и выкидом из него был частично засыпан. Все городки с полевой стороны «ослонены» острогом (первый этап функционирования объекта №3), с «русской» поставлены столбы, на них укреплены связи с «котками» (объект №2а). Есть упоминание, что во всех новых городках были поставлены башни. С башней городка №5, носившей название «Поплевицкая», четко соотносится объект №1, представляющий собой деревянную срубную конструкцию примерно 6х6 м. Зафиксировано несколько деревянных плашек, которые интерпретируются как основание сруба. Отметим, что именно в районе объекта 1 обнаружено большинство археологических находок, представленных керамикой, гвоздями и медной пряжкой (рис. 27). Судя по полученным данным, укрепление представляло собой примыкающую к валу с полевой стороны округлой или трапециевидной форм площадку (16х12/27 м), на которой стояла башня, по периметру шел ров, перед ним – тынная ограда («надолбы?»). На этом этапе функционирования «городок» ближе всего к типу 4.

Третий этап строительства относится к первой половине 1680-х гг. В 1681 г. ремонтные работы на Козловском валу проводил полковой воевода князь К. Щербатов, однако сообщений, что он перестраивал городки, нет.

В 1685 г. вал обследовал князь М. Шейдяков, которым был предложен план реорганизации козловских укреплений, – увеличение вала, устройство бруствера, отказ от деревянного «ослона» в пользу дерна и другие (Кошелев, 1958а. с 156–157). Информации о реализации этого плана мы не имеем, тем не менее, есть основания предполагать, что третий строительный горизонт как раз связан с его осуществлением. Были построены вал №3, ров №3, вал №4, ров №4, объект №4, объект №3 (второй этап функционирования). В пользу снятия дерна и выемки земли говорит и понижение поверхности, которое читается и с «русской» стороны и с полевой.

Прежде всего, произошло увеличение площади «городка» за счёт досыпки вала, в результате чего образовался подтрапециевидный выступ в «русскую» сторону (вал №3) окаймлённый рвом (№3), реконструкция деревянной тынной ограды перед рвом №2, который был засыпан, появление вала №4, перед которым был выкопан ров №4. Анализ стратиграфии показывает, что тынная ограда (второй этап функционирования объекта №3) и отдельно стоящие столбы (объект №4) были впущены в насыпь вала №4 – «ослоняли» его. Данная конструкция может быть реконструирована как стоячий острог шириной около 4 м (возможно, была сооружена полноценная крепостная стена с «обламами», «кроватями» и крышей), который окружал примыка-

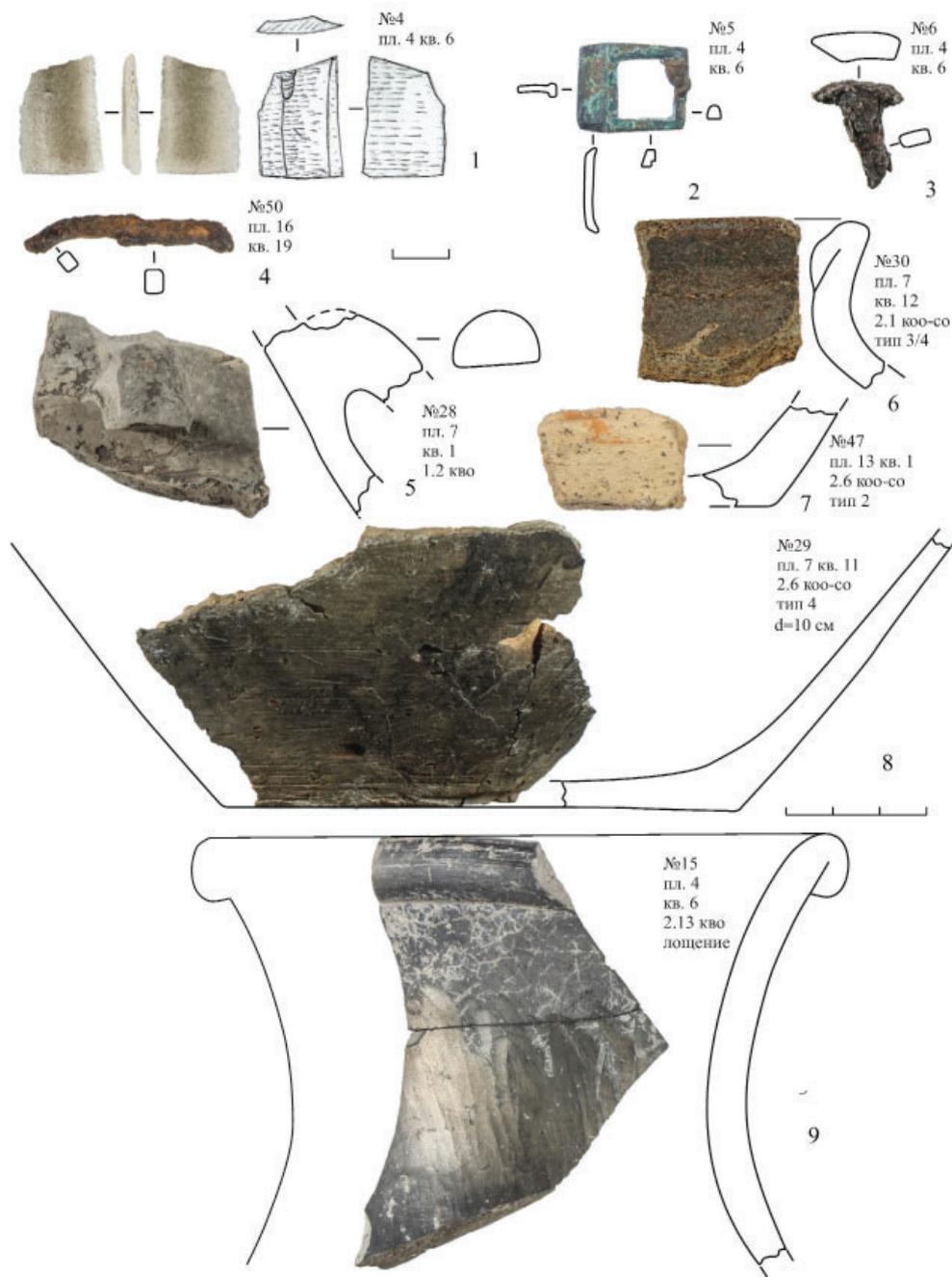

Рис. 27. Городок №5. Раскоп 1. Пластины фрагмент (1). Пряжка бронзовая (2). Гвоздь подковный (3). Язычок пряжки (4). Мореная гладкая (5, 8), чернолощеная (6, 9), красноглиняная грубая (7-8) круговая керамика XVII в.

1 – кварцит; 2 – бронза; 3, 4 – железо; 5– 14 – глина.

Fig. 27. Town No. 5. Excavation 1. Plates fragment (1). Bronze buckle (2). Horseshoe nail (3). Buckle tongue (4).

Stained smooth (5, 8), black-burnished (6, 9), red clay rough (7-8) wheel-made ceramics of the XVII century.

1 – quartzite; 2 – bronze; 3, 4 – iron; 5–14 – clay.

ющую к основному валу подтрапещевидную площадку ~ 20x10/20 м. Собственно, вал №4, скорее всего, образовался в результате засыпки нижних венцов деревянной стены и последующего ее разрушения.

После этой реконструкции «городок» представлял собой довольно внушительное

укрепление размером 52x22/36 м (тип 2), с башней, крепостной стеной, 2 рвами и перепадом высот более 6 м (от верха вала №3 до дна рва №4).

Заключение. Опыт изучения археологических памятников, связанных с Белгородской чертой, показал, что они обладают ярко выра-

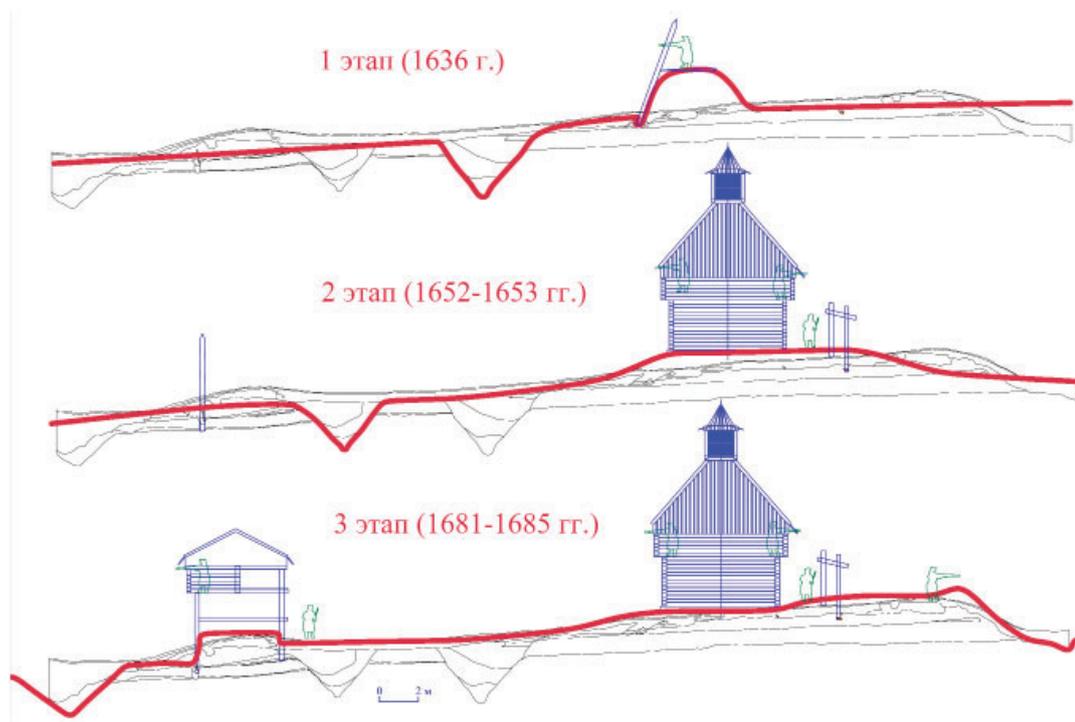

Рис. 28. Реконструкция: городок №5 Козловского вала на разных этапах строительства.
Fig. 28. Reconstruction: town No. 5 of Kozlovsky rampart at different stages of construction.

женной спецификой, которая требует особой методики и методологии, определяет предмет и объект исследования. На наш взгляд, есть основания говорить о выделении археологии оборонительных линий в отдельный раздел археологии позднего средневековья. Кроме того, оборонительные линии обладают большим социальным потенциалом (как инструмент формирования общественного сознания – наглядный пример героизма и трудовой доблести предков, свидетельство исконности

данной территории и т.п.), раскрытие которого требует выхода на графические и музейные реконструкции, формирование музейных экспозиций и туристических маршрутов. Подобная работа уже ведется в музее-заповеднике «Куликово Поле» (kulpole.ru), археологическом парке «Аргамач» (park48.ru), в историческом парке «Белгородская черта» (history-park.ru) и историко-культурном центре «Город-крепость «Яблонов» (fortress-yablonov.bel-region.ru).

ЛИТЕРАТУРА

Алиев Т.М. Отчет о проведении археологических работ (разведки) по мониторингу состояния объектов культурного наследия, входящих в Белгородскую и Изюмскую черту в 2018 г. Белгород, 2019 // Архив ИА РАН, Ф. Р-1, №№ 59565-59567.

Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2000 году. Тамбов, 2001 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 23870.

Беляев Л.А. Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. // Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 6–11.

Бурцев И.Г., Дедук А.В., Столяров Е.В. Засечная черта Русского государства XVI–XVII вв. Историко-археологические очерки. Тула: Куликово поле, 2020а. 558 с.

Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М.: Индрик, 2016. 555 с.

Воронин Г.В. Отчет о проведенных археологических разведках на территории Верхнехавского, Каширского, Новоусманского районов Воронежской области, а также городского округа г. Воронеж в 2020-2021 гг. Воронеж, 2022 // Архив ООО «Археологический парк «Аргамач»

Голотвин А.Н. К истории археологического изучения Козловского и Усманского участков Белгородской черты // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2015. С. 222–239.

Голотвин А.Н. Северо-восточный фас Белгородской черты (некоторые итоги и проблемы археологического изучения) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 266–267.

Голотвин А.Н. Археологические раскопки «Усманского земляного вала» Белгородской черты // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (Белгород, 14-16 декабря 2017 года). / Отв. ред. В.А.Сарапулкин. Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. С. 113–134.

Голотвин А.Н. К истории археологического изучения Липецкой области: работы П.С. Ткачевского в Усманском районе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ, 2019. С. 452–467.

Голотвин А.Н., Чалых Н.Е. Археологическое обследование Белгородской черты: город-крепость Белоколодск // Археологическое наследие. 2018. №1. С. 116–132.

Голотвин А.Н., Белых А.В., Вуколов Д.С., Жигалов В.М. Изучение Карповского участка Белгородской черты у с. Большие Кульбаки // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2023а. С. 6–11.

Голотвин А.Н., Белых А.В., Вуколов Д.С., Шарандина А.А., Лукин С.В., Лукина С.В. Археологическое изучение объектов Белгородской черты на территории Воронежской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2023б. С. 45–69.

Голотвин А.Н., Белых А.В., Вуколов Д.С., Шарандина А.А., Лукин С.В., Лукина С.В. Археологическое изучение объектов Белгородской черты в Липецкой области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2023в. С. 142–156.

Голотвин А.Н., Белых А.В., Вуколов Д.С., Косых Е.М., Тамбовский А.В., Шарандина А.А. Археологическое изучение Козловского участка Белгородской черты // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2023г. С. 192–201.

Гончаров В.О., Голотвин А.Н., Дорошев А.И., Скинкайтис В.В., Чалых Н.Е. Археологическое изучение города-крепости «Сокольск» // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2017. С. 106–107.

Дьяченко А.Г. Исследования Хотмыжского городища // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов М.: Наука, 1985. С. 54–62.

Жигалов В.М. О государственном подходе при строительстве городов Белгородской черты в 1630-40-е годы XVII века // Белгородская черта. Вып. 3 / Ред. В.М. Жигалов. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2018. С. 24–29.

Жигалов В.М., Курбатов О.А., Шварёв Е.И. Белгородская черта: крепости и гарнизоны. Т. 1. Белгород: КОНСТАНТА, 2021. 528 с.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: ВГУ, 1969. 304 с.

Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.). Дисс... докт. истор. наук. Воронеж, 2015. 534 с.

Ивашова Н.Д. Археологические исследования города Романова // Археологические открытия 2009 г. в Липецкой области / Отв. ред. А.А. Найденов, Н.Е. Чалых. Липецк: Квадро, 2010. С. 11.

Иншакова А.В., Голотвин А.Н. Археологические раскопки Усманского вала Белгородской защитной черты // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2019 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2020. С. 176–181.

Каримов Г.А. Архитектура крепостей Белгородской черты. Дисс. ... канд. архитектуры. М., 1977. 170 с.

Ковалевский В.Н., Медведев А.П., Скобелкин О.В., Цыбин М.В. Археологическое открытие древнего Воронежа. Воронеж: ЦЧКИ, 2015. 128 с.

Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия ВГПИ. 1958а. Т. XXVI. С. 133–173.

Кошелев В.И. Оборонительные сооружения XVII века в окрестностях Острогжска. Воронеж, 1958б // Архив ИИМК РАН. Р-1. №1655.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.

Крючков М.А. Аннотированный отчет о проведении археологических наблюдений на территории выявленного объекта археологического наследия «культурный слой г. Воронежа» в пределах земельного участка с кадастровым номером 36:34:0402012:1223, расположенного на пересечении ул. Нарвская и ул. Фрунзе в г. Воронеж в 2018 г. Воронеж, 2018 // Архив ООО НПО «Черноземье».

Курбатов О.А. Областные разряды царского войска: от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта. Вып. 2 / Ред. В.М. Жигалов. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2017. С. 3–15.

Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

Макеева Е.А. Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Демшинский жилой городок Усманского участка Белгородской черты» на территории Никольского сельского поселения Усманского района Липецкой области в 2014 году. Липецк, 2015 // Архив ООО НПО «Черноземье».

Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае / Сост. А.В. Бережной, Т.В. Бережная. Воронеж: Научная книга, 2007. 348 с.

Мизис Ю.А. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта // Белгородская черта. Вып. 3 / Ред. В.М. Жигалов. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2018. С. 83–87.

Моисеев Н.Б. Отчет о работе Тамбовской археологической экспедиции по разведкам в Тамбовском, Рассказовском и Бондарском районах Тамбовской области в 2016 году. Тамбов, 2017 // Архив ООО НПО «Черноземье».

Моргунов Ю.Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ / Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2019. 32 с.: ил.

Москаленко А.Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952–1953 гг. / КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 84–94.

Никитин А.В. Белгородская крепость XVI–XVII вв. // СА. 1962. №. 3. С. 260–278.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 448 с.

Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ на территории ВОАН «Жилой городок Урыв» и ВОАН «Острогжский земляной вал» в Острогжском районе Воронежской области. Елец, 2023 // Архив ООО «Археологический парк «Аргамач».

Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиарост, 2020. 264 с.

Перечень поручений Президента РФ В.В. Путина Пр-619, п.3 от 2 апреля 2020 года по итогам встречи с представителями общественности в городе Усмани Липецкой области, состоявшейся 22 января 2020 года. Доступно по: URL: https://sudact.ru/law/perechen-poruchenii-po-itogam-vstrechi-s-predstavite-liami_6/ (дата обращения: 23.11.2023).

Рязанцев М.С., Голотвин А.Н., Тамбовский А.Е. Исследование «Матырского городка» (городища Яблоновец) // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк: Новый взгляд, 2018. С. 176–179.

Сарапулкина Т.В. «Белгородская оборонительная черта» как объект культурного наследия // Белгородская черта. Вып. 3 / Ред. В.М. Жигалов. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2018. С. 124–128.

Свистун Г.Е., Федюнин И.В., Тюрин Р.А., Неснов С.В. Археологические раскопки Третьей Белгородско-крепости в г. Белгороде в 2010 году // Исторический квартал. Вып. 2 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Гриф и К, 2012. С. 95–126.

Скинкайтене М.А. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Тихая Сосна в Острогжском районе Воронежской области в 2020 году. Т.1–2. Липецк, 2021 // Архив ООО НПО «Черноземье»

Тамбовский А.Е., Голотвин А.Н. Обследование Козловского участка Белгородской защитной черты // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2018 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк: Новый взгляд, 2019. С. 216–221.

Тамбовский А.Е., Голотвин А.Н., Лукин С.А. Археологическое обследование северо-восточного фаса Белгородской черты // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк: Новый взгляд, 2021. С. 161–166.

Федюнин И.В. Аннотированный отчет о проведении археологического обследования набережной реки Тихая Сосна в г. Острогжск Воронежской обл. на земельных участках. Воронеж, 2019 // Архив ООО НПО «Черноземье»

Черных Е.В. Отчет о проведении археологических разведочных работ в г. Белгороде, Валуйском, Новооскольском, Шебekenском и Яковлевском городских округах, Белгородском, Борисовском, Корочанском и Красногвардейском районах Белгородской области в 2021 году. Т. 1–3. Белгород, 2022 // Архив ООО «Археологический парк «Аргамач».

Чивилёв В.А., Бирюков И.Е. Отчет об археологическом обследовании правобережной террасовой части реки Усмань в пределах современных границ города. Липецк, 2005 // Архив ОБУК «Госдирекция».

Шатохин И.Т. К методике полевого изучения укрепленных линий позднего Средневековья // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Липецк: ЛГПИ, 1992. С. 216–217.

Шатохин И.Т. Памятники Белгородской черты на территории Белгородской области. Отчет о результатах археологического обследования по Открытому листу № 14 от 16 марта 1990 г. 1998. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25290.

Информация об авторах:

Голотвин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Археологический парк «Аргамач» (с. Аргамач-Пальна, Россия); golotwin@mail.ru

Бессуднов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия); bessudnov_an@mail.ru

REFERENCES

Aliev, T. M. 2019. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh rabot (razvedki) po monitoringu sostoyaniya ob"ektov kul'turnogo naslediya, vkhodyashchikh v Belgorodskuyu i Izyumskuyu cherty v 2018 g. (Report on archaeological works (reconnaissance) to monitor the condition of cultural heritage sites, included in the Belgorod and Izyum lines in 2018)*. Belgorod. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Found. R-1, dossier 59565-59567 (in Russian).

Andreev, S. I. 2001. *Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Inspektsii okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy oblasti v 2000 godu (Report on the work of the archaeological expedition of the Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Heritage of the Tambov region in 2000)*. Tambov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Found. 1 R-1, dossier 23870 (in Russian).

Belyaev, L. A. 2016. In Belyaev, L. A., Yurasov, A. V. (eds.). *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. (From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia)*. Moscow; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 6–11 (in Russian).

Burtsev, I. G., Deduk, A. V., Stolyarov, E. V. 2020. *Zasechnaya cherta Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv. Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Zasechnaya line of the Russian state of the XVI-XVII centuries. Historical and archaeological essays)*. Tula: “Kulrkovo pole” Publ. (in Russian).

Vorotnikova, I. A., Nedelin, V. M. 2016. *Kreml'i, kreposti i ukreplennye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti yuga Rossii (Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV-XVII centuries. Fortresses of the south of Russia)*. Vol. 2. Book 1. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

Voronin, G. V. 2022. *Otchet o provedennykh arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Verkhnekhavskogo, Kashirskogo, Novousmanskogo rayonov Voronezhskoy oblasti, a takzhe gorodskogo okruga g. Voronezh v 2020-2021 gg. (Report on archaeological reconnoissances in the Verkhnyaya Khava, Kashirskoye, Novaya Usman districts of Voronezh region, as well as on the territory of Voronezh Urban Okrug in 2020-2021)*. Voronezh. Archive of the LLC “Archaeological Park “Aргamach” (in Russian).

Golotvin, A. N. 2015. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verhnedonskoi Arkheologicheskii Sbornik (Upper Donian Archaeological digest) 7*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 222–239 (in Russian).

- Golotvin, A. N. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkhеologicheskiy s'ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 266–267 (in Russian).
- Golotvin, A. N. 2018. In Sarapulkin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Belgorod: Belgorod National Research University, 113–134 (in Russian).
- Golotvin, A. N. 2019. In Bessudnov, A. N., Zakharova, E. Yu. (eds.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collection) 11*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 452–467 (in Russian).
- Golotvin, A. N., Chalykh, N. E. 2018. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage) 1*, 116–132 (in Russian).
- Golotvin, A. N., Belykh, A. V., Vukolov, D. S., Zhigalov, V. M. 2023. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2022 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2022)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 6–11 (in Russian).
- Golotvin, A. N., Belykh, A. V., Vukolov, D. S., Sharandina, A. A., Lukin, S. V., Lukina, S. V. 2023. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2022 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2022)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 45–69 (in Russian).
- Golotvin, A. N., Belykh, A. V., Vukolov, D. S., Sharandina, A. A., Lukin, S. V., Lukina, S. V. 2023. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2022 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2022)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 142–156 (in Russian).
- Golotvin, A. N., Belykh, A. V., Vukolov, D. S., Kosykh, E. M., Tambovsky, A. V., Sharandina, A. A. 2023. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2022 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2022)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 192–201 (in Russian).
- Goncharov, V. O., Golotvin, A. N., Doroshev, A. I., Skinkaitis, V. V., Chalykh, N. E. 2017. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2016 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2016)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 106–107 (in Russian).
- D'yachenko A.G. 1985. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 g. (Archaeological Discoveries in 1983)*. Moscow: “Nauka” Publ., 54–62 (in Russian).
- Zhigalov, V. M. 2018. In Zhigalov, V. M. (ed.). *Belgorodskaya cherta (Belgorod line) 3*. Belgorod: “Sichkareva E. V.” Publ., 24–29 (in Russian).
- Zhigalov, V. M., Kurbatov, O. A., Shvarev, E. I. 2021. *Belgorodskaya cherta: kreposti i garnizony (Belgorod line: fortresses and garrisons) 1*. Belgorod: “KONSTANTA” Publ. (in Russian).
- Zagorovsky, V. P. 1969. *Belgorodskaya cherta (Belgorod line)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Zakharova, E. Yu. 2015. *Istoriya arkheologii Tsentral'nogo Chernozem'ya Rossii (poslednyaya chetvert' XVIII v. – 1970-e gg.). (History of Archaeology of the Central Black Earth region of Russia (the last quarter of the XVIII century - 1970s))*. Diss. of Doctor of historical sciences. Voronezh (in Russian).
- Ivashova, N. D. 2010. In Naidenov, A. A., Chalykh, N. E. (eds.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 g. v Lipetskoy oblasti (Archaeological discoveries in 1983 in Lipetsk region)*. Lipetsk: “Kvatro” Publ., 11 (in Russian).
- Inshakova, A. V., Golotvin, A. N. 2020. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2019 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2019)*. Lipetsk; Voronezh: “Novyy vzglyad” Publ., 176–181 (in Russian).
- Karimov, G. A. 1977. *Arkhitektura krepostey Belgorodskoy cherty (Architecture of Belgorod line fortresses)*. Diss. of Candidate of architecture. Moscow (in Russian).
- Kovalevsky, V. N., Medvedev, A. P., Skobelkin, O. V., Tsybin, M. V. 2015. *Arkheologicheskoe otkrytie drevnego Voronezha (Archaeological discovery in ancient Voronezh area)*. Voronezh (in Russian).
- Koshelev, V. I. 1958. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Proceedings of the Voronezh State Pedagogical Institute) 26*, 133–173 (in Russian).
- Koshelev, V. I. 1958. *Oboronitel'nye sooruzheniya XVII veka v okrestnostyakh Ostrogzhskaya (Defensive structures of the XVII century in the neighbourhood of Ostrogzhsk)*. Voronezh. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. R-1, dossier 1655 (in Russian).

Kradin, N. P. 1988. *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo (Russian wooden defense architecture)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Kryuchkov, M. A. 2018. *Annotirovannyi otchet o provedenii arkheologicheskikh nablyudeni na territorii vyyavlenogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «kul'turnyy sloy g. Voronezha» v predelakh zemel'nogo uchastka s kadastronym nomerom 36:34:0402012:1223, raspolozhennogo na peresechenii ul. Narvskaya i ul. Frunze v g. Voronezh v 2018 g. (Annotated report on archaeological observations on the cultural heritage identified object "cultural layer of Voronezh" within the land plot with cadastral number 36:34:0402012:1223, located at the intersection of Narvskaya str. and Frunze str. in Voronezh in 2018)*. Voronezh. Archive of the LLC Scientific and Production Association "Chernozemye" (in Russian).

Kurbatov, O. A. 2017. In Zhigalov, V. M. (ed.). *Belgorodskaya cherta (Belgorod lines) 2*. Belgorod: "Sichkareva E. V." Publ., 3–15 (in Russian).

Mogilevsky, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI-XVIII vv. (Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th-18th Centuries)*. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ. (in Russian)

Makeeva, E. A. 2015. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh raspok na territorii vyyavlenogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Demshinskiy zhiloy gorodok Usmanskogo uchastka Belgorodskoy cherty» na territorii Nikol'skogo sel'skogo poseleniya Usmanskogo rayona Lipetskoy oblasti v 2014 godu (Report on the conducting archaeological excavations on the cultural heritage identified object "Demshinka residential urban settlement of the Usman section of the Belgorod line" on the territory of the Nikolskoye rural settlement in the Usman district of the Lipetsk region in 2014)* Lipetsk. Archive of the LLC Scientific and Production Association "Chernozemye" (in Russian).

Berezhnoi, A. V., Berezhnaya, T. V. 2007. (comp.). *Markov Evgeniy Lvovich i ego kraevedcheskie ocherki o Voronezhskom krae (Yevgeny Lvovich Markov and his essays on local history of the Voronezh region)*. Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ. (in Russian).

Mizis, Yu. A. 2018. In Zhigalov, V. M. (ed.). *Belgorodskaya cherta (Belgorod line) 3*. Belgorod: "Sichkareva E. V." Publ., 83–87 (in Russian).

Moiseev, N. B. 2017. *Otchet o rabote Tambovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po razvedkam v Tambovskom, Rasskazovskom i Bondarskom rayonakh Tambovskoy oblasti v 2016 godu (Report on the work of the Tambov archaeological expedition on reconnaissances in Tambov, Rasskazovo and Bondari districts of the Tambov region in 2016)*. Tambov. Archive of the LLC Scientific and Production Association "Chernozemye" (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2019. *K metodike izucheniya valov drevnerusskikh gorodishch (To the methods of studying the ramparts of Old Rus settlements)*. Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovani (Methodology of Field Archaeological Research). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Moskalenko, A. N. 1956. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)*. 62. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 84–94 (in Russian).

Nikitin, A. V. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) 3*, 260–278 (in Russian).

Novosel'sky, A. A. 1948. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka (The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

2023. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabot na territorii Vyyavlenogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Zhiloy gorodok Uryv» i Vyyavlenogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Ostrogzhskiy zemlyanoy val» v Ostrogzhskom rayona Voronezhskoy oblasti (Report on the conduct of research archaeological works on the archaeological heritage site "Residential settlement of Uryv" and the archaeological heritage site "Ostrogzhsk earth trampoline" in the Ostrogzhsk district of the Voronezh region)*. Eleys. Archive of the LLC "Archaeological Park "Argamach" (in Russian).

Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. N., Khitrov, D. A. 2020. *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi (Belgorod line: history, fortification, people)*. Rybinsk: "Mediarost" Publ. (in Russian).

Perechen' porucheniy Prezidenta RF V.V. Putina Pr-619, p.3 ot 2 aprelya 2020 goda po itogam vstrechi s predstaviteleyami obshchestvennosti v gorode Usmani Lipetskoy oblasti, sostoyavsheysya 22 yanvarya 2020 goda (List of instructions of the President of the Russian Federation V.V. Putin Pr-619, item 3 dated April 2, 2020 following a meeting with representatives of the public in the city of Usmani, Lipetsk region, held on

January 22, 2020). Available at: https://sudact.ru/law/perechen-poruchenii-po-itogam-vstrechi-s-predstavite-liami_6/ (accessed: 23.11.2023).

Ryazantsev, M. S., Golotvin, A. N., Tambovsky, A. E. 2018. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2018 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2018)*. Lipetsk: "Novyy vzglyad" Publ., 216–221 (in Russian).

Sarapulkina, T. V. 2018. In Zhigalov, V. M. (ed.). *Belgorodskaya cherta (Belgorod line) 3*. Belgorod: "Sichkareva E. V." Publ., 124–128 (in Russian).

Svistun, G. E., Fedyunin, I. V., Tyurin, R. A., Nesnov, S. V. 2012. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Istoricheskiy kvartal (Historical quarter) 2*. Lipetsk: "Grif i K" Publ., 95–126 (in Russian).

Skinkaitene, M. A. 2021. *Otchet ob arkeologicheskoy razvedke v bassejne r. Tikhaya Sosna v Ostrogozhskom rayone Voronezhskoy oblasti v 2020 godu (Report on archaeological reconnaissance in the basin of the Tikhaya Sosna river in the Ostrogozhsk district of Voronezh region in 2020)*. Vol. 1–2. Lipetsk. Archive of the LLC Scientific and Production Association "Chernozemye" (in Russian).

Tambovsky, A. E., Golotvin, A. N. 2019. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2018 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2018)*. Lipetsk: "Novyy vzglyad" Publ., 216–221 (in Russian).

Tambovsky, A. E., Golotvin, A. N., Lukin, S. A. 2021. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2020 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2020)*. Lipetsk: "Novyy vzglyad" Publ., 161–166 (in Russian).

Fedyunin, I. V. 2019. *Annotirovannyi otchet o provedenii arkeologicheskogo obsledovaniya naberezhnoy reki Tikhaya Sosna v g. Ostrogozhsk Voronezhskoy obl. na zemel'nykh uchastkakh (Annotated report on the archaeological survey of the Tikhaya Sosna river embankment in the town of Ostrogozhsk, Voronezh region, on land plots)*. Voronezh. Archive of the LLC Scientific and Production Association "Chernozemye" (in Russian).

Chernyh, E. V. 2022. *Otchet o provedenii arkeologicheskikh razvedochnykh rabot v g. Belgorode, Valuyском, Novooskol'skom, Shebekenskom i Yakovlevskom gorodskikh okrugakh, Belgorodskom, Borisovskom, Korochanskom i Krasnogvardeyskom rayonakh Belgorodskoy oblasti v 2021 godu (Report on archaeological reconnoissances in Belgorod, Valuyki, Novy Oskol, Shebekino and Yakovlevsky urban okrugs, Belgorod, Borisovka, Korocha and Krasnogvardeysky districts of Belgorod region in 2021)*. Vol. 1–3. Belgorod. Archive of the LLC "Archaeological Park "Argamach" (in Russian).

Chivilev, V. A., Biryukov, I. E. 2005. *Otchet ob arkeologicheskom obsledovanii pravoberezhnoy terrasovoy chasti reki Usman' v predelakh sovremennykh granits goroda (Report on the archaeological survey of the right-bank terraced part of the Usman river within the modern boundaries of the city)*. Lipetsk. Archive of the Regional Budgetary Cultural Institution "State Directorate Of Cultural Heritage Of The Lipetsk Region" (in Russian).

Shatohin, I. T. 1992. In Pryakhin, A. D. (ed.). *Teoriya i metodika issledovaniy arkeologicheskikh pamyatnikov lesostepnoy zony (Theory and methods of study of the forest-steppe zone archaeological sites)*. Lipetsk: Lipetsk State University, 216–217 (in Russian).

Shatohin, I. T. 1998. *Pamyatniki Belgorodskoy cherty na territorii Belgorodskoy oblasti. Otchet o rezul'tatakh arkeologicheskogo obsledovaniya po Otkrytomu listu № 14 ot 16 marta 1990 g. (Monuments of the Belgorod line on the territory of the Belgorod region. Report on the results of archaeological survey on the excavation license No. 14 dated March 16, 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Found. 1998 R-1, dossier 25290 (in Russian).

About the Authors:

Golotvin Alexander N., Candidate of Historical Sciences, General Director of Argamach Archaeological Park LLC (Argamach-Palna village, Russia); golotwin@mail.ru

Bessudnov Alexander N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University. Lenin St., 42, Lipetsk, 398020, Russian Federation; bessudnov_an@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.94.102>

СВЕДЕНИЯ О ЗАСЕЧНОЙ ЛИНИИ АСТРАХАНСКОГО ПОНИЗОВЬЯ (ИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2023г. Е.М. Пигарёв

В статье рассматриваются мероприятия Московского правительства, направленные на обеспечение охраны южных границ государства, расположенных в низовьях Волги. Приведенный анализ письменных источников показывает масштаб проведенных работ по созданию в XVI – XVIII вв. оборонительных объектов, включенных в общегосударственную Засечную черту, защищающую земли Царства Русского от набегов кочевников. Приводится список и краткая характеристика построенных в Астраханском Поволжье военных крепостей, таких как астраханский кремль, Четырехбугоринская крепость, Царицынская, Черноярская и Красноярская крепости. Дается описание результатов исследований крепости Селитряного городка – единственного военно-промышленного объекта XVIII в., подвергнутого археологическому изучению.

Ключевые слова: археология, Астраханское Понизовье, Засечная черта, военные крепости, сторожевой городок, стрелецкий пост, селитряный завод.

INFORMATION ABOUT THE ZASECHNAYA LINE IN THE LOWER PART OF THE VOLGA IN THE ASTRAKHAN REGION (FROM ARCHIVAL SOURCES AND MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES)

E.M. Pigarev

The article considers the Moscow government activities aimed at ensuring the protection of the southern borders of the state, located in the lower part of the Volga River. The given analysis of written sources shows the scale of the works on creation of defensive objects in the XVI – XVIII centuries, included in the state Zasechnaya line, protecting the lands of the Tsardom of Russia from the raids of nomads. A list and a brief description of military fortresses built in the Astrakhan Volga region, such as the Astrakhan Kremlin, the Chetyryohbugorinskoye fortress, Tsaritsyn, Chyorny Yar and Krasny Yar fortresses are given. The author describes the results of studies of the Selitryany town fortress – the only military-industrial facility of the XVIII century, subjected to archaeological study.

Keywords: archaeology, Lower part of the Astrakhan Volga region, Zasechnaya line, military fortresses, watchtown, sentry post, saltpeter plant.

Введение

На сегодняшний день история кочевников Алтая в эпоху Великого переселения народов известна, главным образом, по материалам раскопок погребальных памятников булан-кобинской культуры, осуществленным в конце XX – начале XXI вв. разными научными учреждениями Сибири. Одним из результатов имеющегося опыта научных изысканий стало представление о сложных этносоциальных процессах, происходивших на данной территории во второй четверти I тыс. н.э., что в значительной степени было обусловлено фактором военно-политической активности держав центрально-азиатских номадов,

прежде всего сяньби и жужаней. Отражением данной ситуации можно считать проживание на Алтае носителей нескольких традиций погребальной практики с разнообразной материальной культурой, гетерогенный антропологический облик макро и микрогрупп населения, а также свидетельства вооруженного насилия с использованием летального оружия (Серегин, Матренин, 2016, с. 147–165; Чикишева, Поздняков, 2000; Тур, Матренин, Соенов, 2018; и др.).

Одной из проблем в интерпретации имеющихся источников остается выделение общих, особенных и единичных признаков погребального обряда женской части популя-

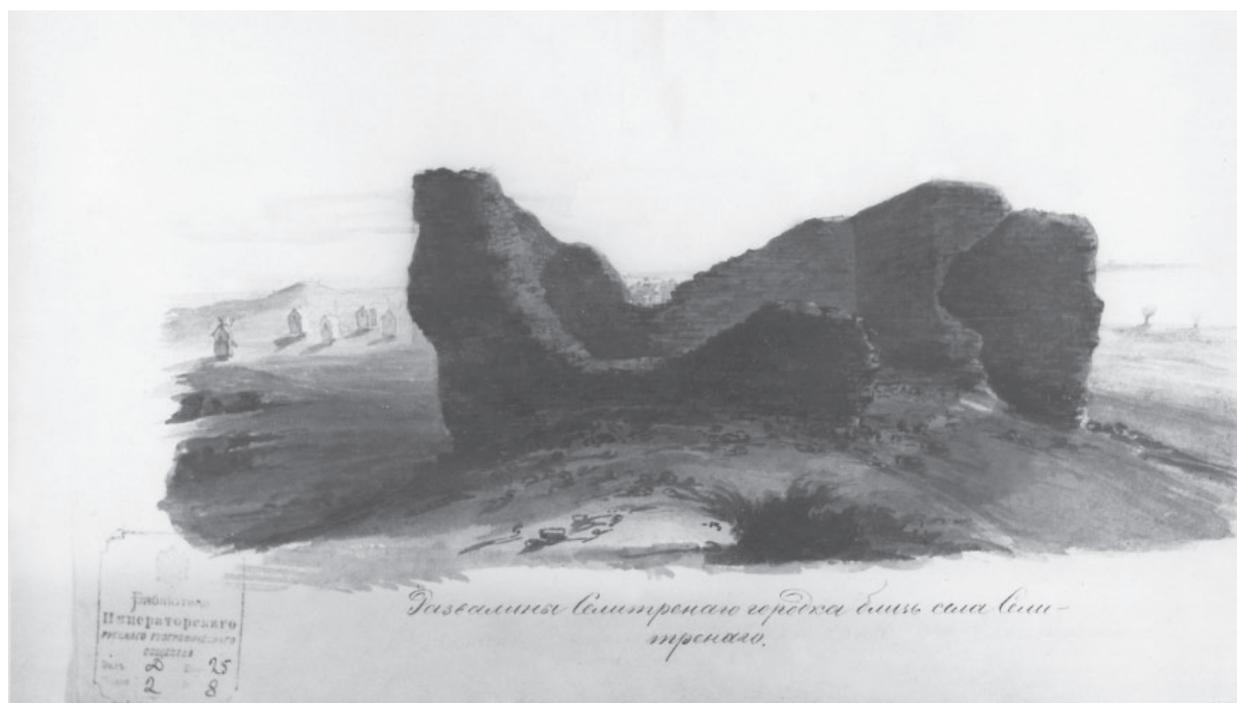

Рис. 1. Селитренное городище. Развалины крепости
(гравюра художника Череева экспедиции И.Б. Ауэрбаха, 1854 г.).

Fig. 1. Saltpeter settlement. The ruins of the fortress
(an engraving by the artist Cheredeev of the I.B. Auerbach expedition, 1854).

ции булан-кобинской культуры в жужанское время (вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.). Это связано, главным образом, с малочисленностью исследованных в регионе женских захоронений, относящихся к обозначенному периоду (Серегин, Матренин, 2020, с. 24). Приходится констатировать, что среди более 130 раскопанных на Алтае погребений второй половины IV – первой половины V вв. н.э. в составе одиннадцати некрополей остатки женщин уверенно идентифицированы лишь в 24 объектах, из которых полноценно введена в научный оборот только половина (Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, Эбель, 1992, рис. 25–27; Соенов, 2000, с. 1–3, 6, 7, 10; Бобров, Васютин А.С., Васютин, С.А., 2003, с. 174; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 151, 155; Серегин и др., 2019).

Обозначенные обстоятельства определяют важность проведения целенаправленных полевых исследований и осуществления полноценной публикации новых материалов жужанского времени. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот сведений об одном из женских погребений, раскопанных в составе некрополя Чобурак-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (рис. 1). В процессе археологических работ на обозначенном памятнике Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2019; и др.). Он состоял из двенадцати курганов, компактно локализованных между самыми крупными погребальными сооружениями, относящимися к периоду энеолита и раннескифскому времени. Все насыпи, содержавшие женские могилы (курганы №32а, 33, 34), входили в состав одной цепочки, включавшей, кроме того, погребение ребенка (курган №29), подростка (курган №29а) и мужчины (курган №32). Представим подробную характеристику захоронения из кургана №32а с акцентом на ключевые характеристики данного объекта, важные для его культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации.

Курган №32а имел плоскую каменную насыпь, до раскопок практически не выделяв-

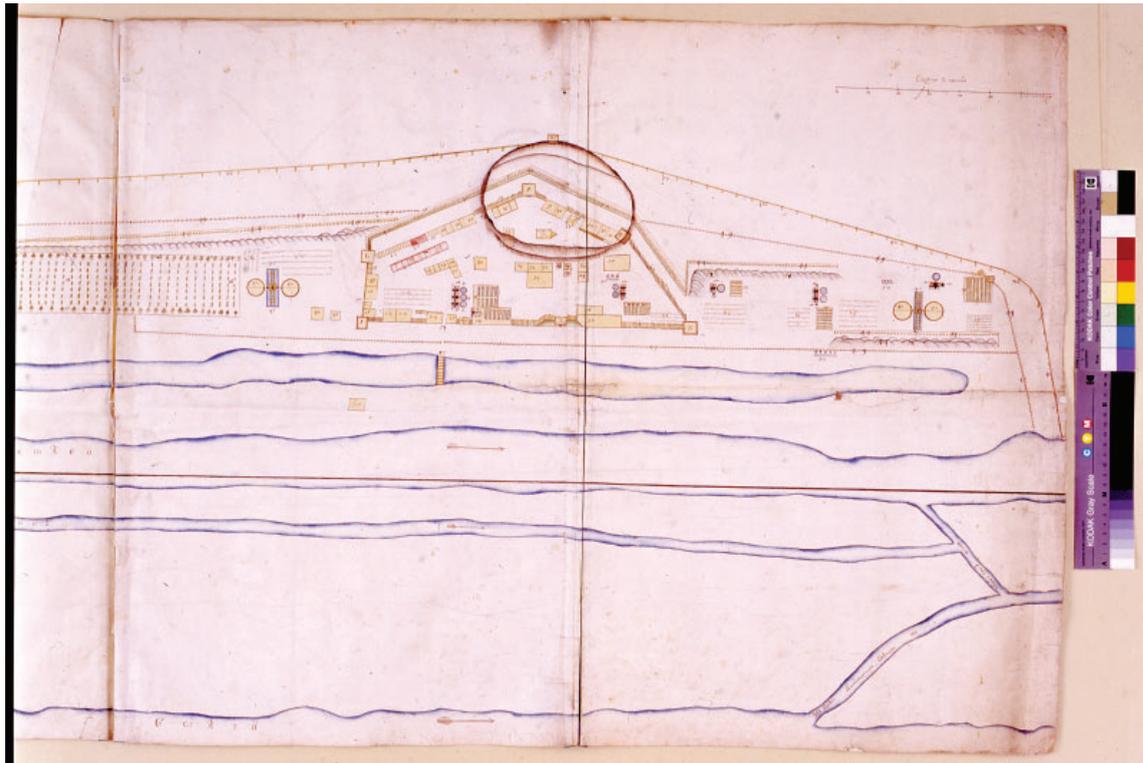

Рис. 2. План крепости Селитряного городка (по:Е.В. Гусарова, 2009).

Fig. 2. The plan of the fortress of the Saltpetre town (according to: E.V. Gusarova, 2009).

шуюся на современной поверхности. Установлено, что это была наброска овальной формы размерами 5,56×3,84 м (высотой до 0,4 м), с более крупными камнями по внешнему контуру, которые образовывали крепиду (рис. 2: А). В границах данной выкладки располагалась могильная яма овально-вытянутой формы длиной 4,34 м и шириной 1,4–1,65 м, ориентированная продольной осью по линии юго-восток – северо-запад. В процессе выборки ямы выявлена достаточно плотная структура грунта, в котором встречались массивные гальки и рваные камни. По мере увеличения глубины могила сокращалась в размерах уступами и достигла на уровне дна длины 3,76 м, ширины 0,8–1,18 м.

В северо-западной половине ямы, на ее дне (показатель глубины 0,96–1 м от уровня древнего горизонта) расчищен скелет женщины 40–50 лет¹ в анатомическом порядке (рис. 2: Б). Умершая была уложена на спину со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад. Левая рука покойной размещалась прямо, правая была немного согнута в локте. Голова умершей женщины была повернута на левую сторону. Возле правого плеча выявлены остатки ритуальной мясной пищи в виде костей

мелкого рогатого скота (овцы). С покойной обнаружен разнообразный набор изделий. За головой погребенной зафиксированы фрагменты одной большой (рис. 3: 1) и пяти малых (рис. 3: 4–8) нашивных пластин из цветного металла, а также каменное пряслице с солярным орнаментом (рис. 3: 13). Под черепом лежали две серьги из цветного металла разной формы (рис. 3: 2, 3). В области тазовых костей выявлены сильно корродированные железные элементы пояса: пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой плохой сохранности (рис. 3: 14), три бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 3: 10, 12, 19), две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 3: 16, 17), фрагмент крепления в виде кольца (рис. 3: 11). Под правым крылом таза лежала подвеска из зуба марала (рис. 3: 9), а у левого бедра – железное шило (рис. 3: 15). Обломки железных изделий, не поддающихся функциональной атрибуции, зафиксированы среди ребер (рис. 3: 18, 22) и возле левой ноги (рис. 3: 20–21).

В юго-восточной половине могилы, в «ногах» умершей женщины, на глубине 0,78–0,98 м от уровня древнего горизонта располагалось сопроводительное захоронение

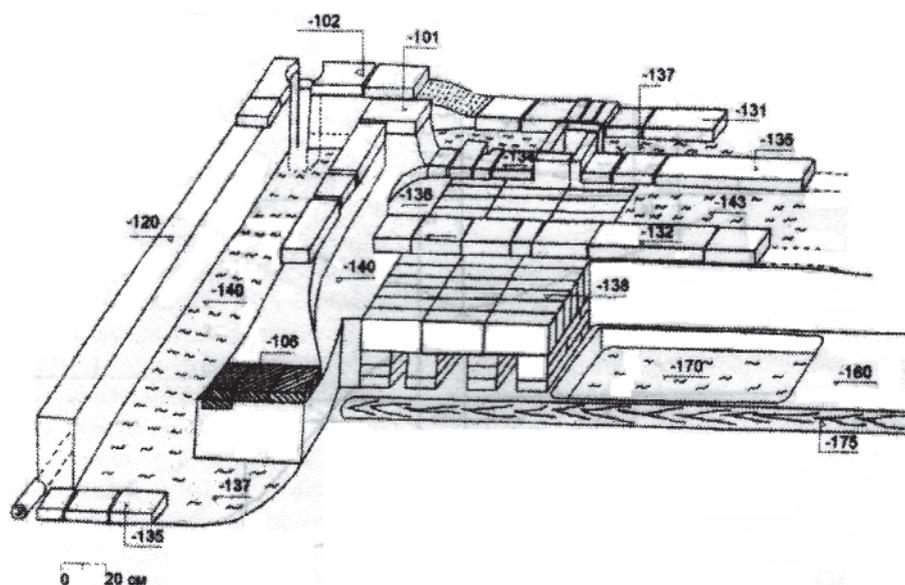

Рис.3. Селитренное городище. Остатки производственной конструкции.

Fig.3. Saltpeter settlement. Remnants of the production structure.

верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и обращенного головой в одну сторону с человеком, т.е. на северо-запад. В разных частях скелета животного зафиксированы предметы снаряжения. В зубах находились железные удила (рис. 4: 2), за черепом – железная уздечная пряжка с подвижным язычком и щитком (рис. 4: 1), возле нижней челюсти – железные тренчик (рис. 4: 4) и пластина (рис. 4: 6), среди ребер – железная накладка (рис. 4: 5), а под костями задних ног – костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком (рис. 4: 3). За спиной лошади обнаружены достаточно полно сохранившиеся фрагменты костяных (роговых) кантов от двух седельных луков (рис. 4: 7, 8).

Анализ материалов

Рассматриваемый объект, как и другие исследованные на памятнике Чобурак-I погребения взрослых людей булан-кобинской культуры, был совершен по нормам обрядности дялянкой традиции. Ее ключевыми признаками являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение человека вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, сопроводительное захоронение лошади в «ногах» или поверх умершего (Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162).

В публикуемом закрытом комплексе был обнаружен весьма разнообразный сопроводительный инвентарь, включавший как широко распространенные, так и достаточно редкие

типы изделий. Многие из находок являются информативными для определения хронологии погребения и осуществления социальной интерпретации рассматриваемого объекта.

Среди украшений показательной является хорошо сохранившаяся серьга, имеющая сомкнутое овальное кольцо и выделенное основание в форме цилиндрической спирали (рис. 3: 2). Еще одно такое изделие представлено фрагментом (рис. 3: 3). Серьги рассматриваемой конструкции выступают одним из индикаторов предметного комплекса из объектов заключительного этапа (вторая половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры и зафиксированы в процессе раскопок некрополей Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (Соенов, 2000, рис. 7: 9; Тетерин, 2005, рис. 2: 29). По мнению некоторых исследователей, поздние образцы подобных экземпляров могут датироваться в рамках V – первой половины VI в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 57). Ближайшие аналогии им обнаружены в памятниках Верхнего Приобья и Восточного Казахстана эпохи Великого переселения народов (Грязнов, 1956, табл. XLV: 11, 25–27; Арсланова, 1975, табл. II: 11).

Головной убор женщины из кургана №32а был декорирован большой нашивной пластиной из цветного металла, которая представляла собой полосу, согнутую в низкую дугу и орнаментированную рядами точечного рельефного узора (рис. 3: 1). Судя по имеющимся археологическим материалам, подобные изделия использовались населением булан-кобинской культуры в III–V вв. н.э. для декорирования

повязок-диадем (венцов, полувенцов), либо в качестве обкладок (очелий) накидок (Соенов, 2000, рис. 2: 9; Худяков, 2014, с. 111–112; Самашев, 2018, рис. 34; Трифанова, Соенов, 2019, с. 34, рис. 6: 4, 5, 8; 7: 8, 10, 14).

Бронзовые пластины-нашивки в виде прямых узких полос с абрисом вытянуто-прямоугольной формы представлены пятью экземплярами, три из которых декорированы точечным узором (рис. 3: 4–8). Установлено, что данные украшения в могиле лежали перпендикулярно относительно ранее рассмотренной большой пластины. Похожие нашивные элементы головных уборов обнаружены на Алтае в погребальных комплексах Улуг-Чолтух-I (курган №29) и Верх-Уймон (курган №27) (Соенов, 2000, рис. 2: 1–3; Худяков, 2014, рис. 5: 8–10). Украшения рассматриваемого типа предварительно представляется возможным датировать в рамках середины III – V вв. н.э.

Подвеска из зуба марала со сквозным отверстием для тканевого шнура или ремешка (рис. 3: 9), найденная под тазовыми костями (изделие, вероятно, помещалось в сумочку, либо подвешивалось к поясу), имеет аналогии в материалах булан-кобинских комплексов II–V вв. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 53, рис. 25).

В состав уздечных принадлежностей из кургана №32а входили железные удила с крюковым соединением грызл и петельчатыми окончаниями округлой формы без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 4: 2). Удила данной конструкции демонстрируют линию эволюции узды с раннесяньбийского периода (конец I – начало III в. н.э.) (Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107: 3; 110: 6, 8, 9; 111: 3, 5; 113: 3; Борисенко, Худяков, Юй Су-Хуа, 2006). На Алтае точные аналогии таким изделиям происходят из погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 110; табл. 30: 7, 9; 31: 1, 2).

Найденная в кургане №32а железная уздечная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки, соединенной с подвижным щитком-полуобоймой (рис. 4: 1), имеет аналогии среди уздечных гарнитур из погребений жужанского времени (Тетерин, 1995, рис. 43–45). При этом по своему облику она близка к поясным пряж-

кам, получившим распространение в конце II – III вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–47).

Тренчик уздечного ремня, сделанный из несомкнутой полуобоймы (рис. 4: 3), своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся «булан-кобинцами» в IV–V вв. н.э. для декорирования поясных и уздечных ремней (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 82–83; табл. 19: 3–8; 22: 15–22).

Костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на вставной костяной вертлюге в основании рамки арочной формы с щитком, выделенным от рамки и фиксирующимся к ремню с помощью прорези, соединенной с отверстием для свободного конца ремня (рис. 4: 3), относится к модификациям седельных застежек, получивших широкое распространение у населения Алтая под влиянием материальной культуры сяньби не ранее второй половины III – начала IV вв. н.э. Данные изделия выступают одним из маркеров снаряжения «булан-кобинцев» жужанского периода (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 116–117, рис. 109: 6).

В кургане №32а найдены хорошо сохранившиеся костяные (роговые) окантовки от двух лук седла (рис. 4: 7, 8). Такие предметы представляют собой исключительно редкую категорию конского снаряжения из памятников кочевников Центральной Азии. На сегодняшний день наиболее ранние свидетельства использования седел с кантами по верхнему торцу лук известны у поздних сяньби Северного Китая в IV в. н.э. Среди хорошо сохранившихся окантовок следует упомянуть широко известное седло из могильника Шиэртай в Чаояне, у которого по внешнему торцу лук шла бронзовая П-образная в сечении полоса, прижимавшая края наружной и внутренней металлических накладок и закреплявшая их на луке (Степанова, 2015, с. 411, илл. 5). Судя по всему, более близкой аналогией является «жесткое» седло из скального погребения жужанского времени в Монгольском Алтае (Урд улаан унээт), на котором просматривается костяная (роговая) окантовка торца передней и задней лук (Серегин, Матренин, Идэрхангай, 2020: рис. 2).

Снаряжение женщины из кургана №32а включало относительно немногочисленные железные предметы, фиксировавшиеся к поясному ремню. Установлено, что пряжка,

оснащенная подвижным язычком, овальной рамкой и щитком в виде пластины-полуобоймы (рис. 3: 14), относится к модификациям, использовавшимся кочевниками Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–48). Бляха-накладка из рассматриваемого погребения, выполненная из одной слегка изогнутой пластины прямоугольной в плане формы со шпильковым креплением (рис. 3: 19), принадлежит к числу гарнитур, получивших распространение в регионе под влиянием традиций материальной культуры сяньби во второй половине II – начале III в. н.э. и широко применявшихся до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 62, 72; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 88; Серегин и др., 2022, с. 68–69). Две бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 3: 16, 17) являются хронологически показательным элементом поясов населения Алтая и других народов Северной и Центральной Азии во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 74–75).

Орудия труда представлены в инвентаре женского захоронения кургана №32 комплекса Чобурак-I единичными изделиями. Среди них особого внимания заслуживает каменное дисковидное пряслице со сквозным отверстием в центре, имеющее на одной стороне резной орнамент в виде окружности с расходящимися от нее шестнадцатью «лучами» (рис. 3: 13). Наиболее близкие по оформлению предметы обнаружены на Алтае в захоронениях развитого (Булан-Кобы-IV, погребение №12) и позднего (Верх-Уймон, курган №27) этапов булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1990, рис. 18: 2; Соенов, 2000, рис. 2: 7). Актуальными для хронологической атрибуции являются пряслица с похожим узором, обнаруженные в археологических памятниках Верхнего Приобья IV–V вв. н.э. (Грязнов, 1956, табл. XXXIII: 14–16). Шило в виде обломанного железного стержня с квадратным поперечным сечением (рис. 3: 15) имеет аналогии преимущественно в мужских погребениях населения Алтая II–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38: 4, 6–7; Серегин и др., 2022, с. 92–93; и др.).

Обсуждение результатов

Проанализированный комплекс предметов сопроводительного инвентаря с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий дает основания для датировки кургана №32а памятника Чобурак-I в

рамках середины – второй половины IV в. н.э. Это заключение в целом согласуется с результатами хронологической интерпретации других погребений рассматриваемого некрополя булан-кобинской культуры.

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок кургана №32а, а также других объектов могильника булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I, по совокупности признаков обнаруживает высокую степень сходства с комплексом предтюркского времени Дялян, который расположен также в Северном Алтае (Тетерин, 1991; Митько, 2019). Особенностью обозначенных некрополей являлось наличие в могилах всех мужчин и женщин захоронения лошади в юго-восточной части «длинной» ямы, а также отсутствие погребений взрослых людей, совершенных по другому ритуалу. Данное наблюдение можно рассматривать в качестве свидетельства монолитности носителей дялянской традиции обрядовой практики, хоронивших на некрополях Дялян и Чобурак-I, состоявших, вероятно, из кровных родственников.

Исторические судьбы рассматриваемой локальной группы населения булан-кобинской культуры были тесно связаны с Жужанским каганатом. Судя по имеющимся археологическим материалам, во второй половине IV – начале V в. н.э. носители дялянской традиции обрядовой практики стали местной элитой общества кочевников Северного Алтая (Серегин, Матренин, 2020). После ослабления жужаней и образования в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата «дялянцы» оказались вовлечены в миграционный поток в западном направлении, отражением которого можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточноевропейских степях могил с лошадьё и отдельными частями ее туши, уложенными в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенными в ногах покойных на разном уровне (Митько, 2018, с. 38). Вероятно, еще одна линия истории была связана с переселением носителей дялянской традиции в северные предгорья Алтая, что в итоге привело к формированию одного из компонентов, принявшего участие в генезисе сросткинской культуры Алтайской лесостепи (Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33).

В рамках обсуждения специфики женского захоронения из кургана №32а памятника

Чобурак-I следует отметить такую редкую деталь, как ритуальная мясная пища, зафиксированная в виде многочисленных костей овцы (пояснично-крестцовая часть скелета, лопатки, ребра). Не исключено, что куски мяса были помещены на деревянное блюдо. В материалах рассматриваемого некрополя документированы еще три случая обнаружения ритуальной пищи на кости в виде отдельных позвонков мелкого рогатого скота, которые происходят только из мужских захоронений. Сравнительное изучение результатов раскопок комплексов булан-кобинской культуры Алтая показывает, что мясная пища на кости зафиксирована в 30% мужских, 21% женских, 14% детских и подростковых захоронений (Серегин, Матренин, 2020, с. 34). При этом отсутствие таких свидетельств у большинства групп населения Северного Алтая во II–V вв. н.э. было нормой погребальной обрядности (Серегин, Матренин, 2016, с. 69).

Анализ материалов из кургана №32а памятника Чобурак-I позволяет сделать ряд наблюдений относительно прижизненного социального статуса погребенной. Судя по результатам антропологических определений, покойная имела возраст 40–50 лет и являлась самой «взрослой» среди женщин из рассматриваемого могильника. По качественному составу зафиксированных вещевых комплексов данное захоронение выбивалось из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020, с. 72). Важно подчеркнуть, что с женщиной из кургана №32а были найдены комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют довольно высокий прижизненный социальный статус покойной. В целом, имеются основания для заключения о принадлежности ее к привилегирован-

ной группе кочевников жужанского времени. Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I курган №32а располагался в непосредственной близости с объектом №34, в котором была похоронена женщина 30–35 лет, судя по неординарному сопроводительному инвентарю являвшаяся представительницей местной элиты населения булан-кобинской культуры Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Заключение

Анализ материалов, полученных в ходе раскопок погребения женщины из кургана №32а некрополя Чобурак-I, позволяет установить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность данного захоронения к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Обнаруженная серия изделий сопроводительного инвентаря имеет значительное количество аналогий в погребальных памятниках Алтая эпохи Великого переселения народов, а также содержит редкие типы украшений, снаряжения верхового коня и орудий труда (серьги с основанием в виде цилиндрической спирали, большая нашивная пластина на головной убор, пряслице с солярным орнаментом, роговые седельные канты и подпружная пряжка с сохранившимся подвижным язычком). Судя по составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива булан-кобинской культуры, оставившего могильник Чобурак-I. Исторические судьбы данной группы населения, по-видимому, были связаны с Жужанским каганатом. Публикуемые данные уточняют сложившиеся представления об общих и особенных элементах материальной и духовной культуры кочевников Северного Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья и дополняют корпус источников для проведения археологических реконструкций. Полученные результаты демонстрируют актуальность продолжения исследований, направленных на изучение социального статуса женщин в обществах кочевников Северной и Центральной Азии различных хронологических периодов.

ЛИТЕРАТУРА

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. Т. V, часть 5. СПб: типография Департамента Генерального Штаба, 1852. 219 с.

Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М.: МГУ, 1982. 216 с.

Гусарова Е.В. «Астраханские» материалы из картографического собрания РО БАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки РАН / Ред. Л.В. Мошкова. СПб.: БАН, 2005. С. 35–63.

Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 492 с.

Зеленев Ю.А., Пигарёв Е.М. Селитренное городище: археологические исследования на бугре Больничном в 2014–2016 годах / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 13. Йошкар-Ола: МарГУ, 2021. 156 с.

Кадрова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ российского государства в XVII в. (на примере мордовского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы Теории и практики. 2012. №1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 74–76.

Пигарёв Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (Больничный бугор). Астрахань, 2005 // Архив АГОИИМЗ, б/н.

Пигарёв Е.М. Нижнее Поволжье на постордынском пространстве (постановка проблемы) // Форум «Идель–Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Казань. 2009. С. 202–207.

Пигарёв Е.М. Материалы раскопа XLVII на бугре «Больничный» Селитренного городища (2014–2016 гг.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 306–329.

Пигарёв Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 244 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. II. Астраханская губерния. Санкт-Петербург, 1861. 130 с.

Труды Астраханского Губернского Статистического Комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. 182 с.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

REFERENCES

Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Astrahanskaya guberniya. 1852. (*Military statistical review of the Russian Empire. Astrakhan Governorate*) Vol. V, part 5. St. Petersburg: Printing House of the Department of the General Staff (in Russian).

Golikova, N. B. 1982. *Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII – nachala XVIII v. (Essays on the History of Cities in Russia, Late 17th – Early 18th Centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Gusarova E.V. 2005. «Astrahanskije» materialy iz kartograficheskogo sobraniya RO BAN ("Astrakhan" materials from the cartographic collection of the Manuscript Department of the Library RAS) Series: Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisej Biblioteki RAN (Materials and reports on the funds of the Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences). Saint Petersburg: BAN, 35–63 (in Russian).

Gusarova E.V. 2009. *Astrahanskienahodki: Istoriya, arhitektura, gradostroitel'stvo Astrahani XVI–XVIII vv. po dokumentam iz sobranij Peterburga (Astrakhan finds: History, architecture, urban planning of the 16th - 18th centuries Astrakhan according to documents from the collections of St. Petersburg)*. Saint Petersburg: "Nestor-History" Publ. (in Russian).

Zelenev, Yu. A., Pigarev, E. M. 2021. *Selitrennoe gorodishche: arheologicheskie issledovaniya na bugre Bol'nichnom v 2014 – 2016 godah (Selitrennoye settlement: archaeological studies on the Bolnichny hillock*

in 2014–2016). Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Materials and research on the archeology of the Volga region) 13. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Kaderova, T. N. 2012. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauk, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i praktiki (Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Theory and practice)* 1 (15), Part II, 74–76 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Selitrennom gorodishhe Kharabalinskogo rayona Astrakhanskoy oblasti v 2004 godu (Bol'nichnyy bugor) (Report on the Archaeological Excavations in Selitrennoye Settlement of the Kharabalinsky District of the Astrakhan Region in 2004 (Bolnichny Bugor))*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).

Pigarev, E. M. 2009. In *Forum «Idel'–Altaj» Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel' – Altaj: istoki evraziyskoy tsivilizatsii» I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey. Kazan', 7-11 dekabrya 2009 g. Tezisy докладов (“Idel'–Altai” Forum. Proceedings of the scientific and practical conference “Idel'–Altai: origins of Eurasian civilization” of the 1st International congress of medieval archaeology of Eurasian Steppes. Kazan, December 7-11, 2009. Abstracts of papers)*. Kazan, 202–207 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2018. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 306–329 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovaniy (Selitrennoye settlement: the history of research)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya (Materials and research on the archeology of the Volga region) 11. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

1861. *Spiski naseleennykh mest Rossijskoj imperii, sostavlennyye i izdavaemye central'nyim statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennih del. II. Astrahanskaya guberniya. (Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. II. Astrakhan province)*. Saint Petersburg (in Russian).

1869. *Trudy Astrahanskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. (Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee)* Issue 1. Astrakhan: Provincial Printing House (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeny M. Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.103.110>

ЗАКАМСКАЯ И ПЕНЗЕНСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

©2023 г. В.И. Вихляев, Ал. Ю. Зеленева, Ю.А. Зеленева

Пограничные рубежи России постепенно передвигаются на юг с конца XIV в. Каждое перемещение границы приводит к её укреплению. Во второй половине XVII в. в результате упрочения Российского государства строятся новые фортификационные сооружения Закамская и Пензенская оборонительные линии. На открытых пространствах они имели валы и рвы. Вал Пензенской укрепленной линии кроме земляной основы фиксировался деревянными плахами. Возможно, это характерно и для других систем русской фортификации. Изучение данных оборонительных сооружений позволяет рассмотреть их конструктивные особенности. Знание об устройстве этих оборонительных линий стало возможным в результате полевых работ проведённых Марийским государственным университетом. Закамская линия осматривалась в 2012 г., а Пензенская в 2014 г. Если Закамская линия была только осмотрена в районе посёлка Мулловка, то Пензенская линия была подвергнута значительным раскопкам, что соответствовало задачам изучения. Изыскания показали, что оборонительные линии второй половины XVII в. хотя и не соответствовали нормативам, тем не менее, представляли собой серьёзные фортификационные сооружения, способные если и не остановить конное войско, то хотя бы его задержать. Проведённые полевые работы позволили лучше изучить принципы постройки оборонительных сооружений Русского государства во второй половине XVII в. В какой-то мере в их устройство были внесены те изменения, которые происходят в оборонительном деле после Смутного времени. На постройку оборонительных сооружений, которые представлены в данной статье уходило большое количество трудоресурсов и времени и, тем не менее, государство было вынуждено их создавать.

Ключевые слова: археология, засечные черты, оборонительные рубежи, вал, ров, вторая половина XVII в., Пензенская засечная черта, Закамская засечная черта, внутривальные конструкции, укрепления, граница, крепости.

TRANS-KAMA AND PENZA DEFENSIVE LINES OF THE RUSSIAN STATE IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

V.I. Vikhlyayev, Al.Yu. Zeleneva, Yu.A. Zeleneva

Borders of Russia have been gradually moving southwards since the end of the XIV century. Each movement of the frontier leads to its maintaining. In the second half of the XVII century, as a result of the consolidation of the Russian state, new fortifications were built in the Trans-Kama and Penza defensive lines. On open landscapes they had ramparts and fosses. The Penza fortified line ramparts were fixed with wooden blocks in addition to the earthen base. Probably, it is also typical for other Russian fortification systems. The study of these defensive structures allows the authors to consider their design features. Knowledge about the construction of these defensive lines became possible as a result of field works, conducted by the Mari State University. Trans-Kama line was examined in 2012 and the Penza line in 2014. While the Trans-Kama line was only examined near Mullovka, the Penza line was subjected to significant excavations, which corresponded to the study plans. The studies showed that the defensive lines of the second half of the XVII century, although they were not in keeping with the norms, nevertheless represented serious fortifications, capable if not to stop the cavalry, at least to delay it. The field works allowed us to better study the construction principles of Russian state defensive structures in the second half of the XVII century. To some extent, the changes that took place in the defensive sphere after the Time of Troubles were introduced into their construction. The construction of the defensive structures, presented in this article, took a great deal of labour and time and, nevertheless, the state had to build them.

Keywords: archaeology, zasechnaya lines, defensive lines, rampart, fosse, second half of the XVII century, Penza zasechnaya line, Trans-Kama zasechnaya line, structures inside the rampart, fortifications, border, fortresses.

В последние годы оборонительным рубежам России XVI–XVIII уделяется много внимания. Расширение территории государства, закреплённое фортификационными сооружениями, очень актуально. Марийский государственный университет в XXI в. проводил археологические работы по Закамской и Пензенской оборонительным линиям. Материалы полевых исследований и Круглого стола, проведённого в Марийском университете в 2023 г., обобщены в данной статье. В научный оборот вводится ряд понятий, ранее не публиковавшихся.

Материалы и методы. Основными материалами статьи являются результаты полевых археологических исследований Марийского университета в Ульяновской и Пензенской областях. Представлены результаты осмотра оборонительных валов и раскопок вала и рва в Пензенской области. Приведены аналогии конструкциям изученных фортификационных сооружений.

Результаты. Во второй половине XVII в. Русское государство продолжало укреплять свои южные рубежи по мере продвижения границы. В лесах сооружались засеки, на открытых местах строились защитные постройки. В 1648–1654 гг. воздвигалась Симбирская черта от Тамбова через Саранск на Симбирск. В 1652–1656 гг. началось строительство Закамской оборонительной черты, которая продолжала Симбирскую на левом берегу Волги (Абдуллин, Ситдинов, 2022, с. 458). В третьей четверти XVII в. граница была передвинута ещё дальше к югу. Поэтому пришлось делать Пензенскую черту в 1676–1680 гг. Она нашла своё продление в Сызранской черте 1683–1684. При этом укрепленные пункты делались ещё до строительства оборонительных рубежей. Так, Саранск был основан в 1641 г., а Пенза в 1663 г. Пенза как крепость была построена не на черте, как иногда считается (Иконников, Калмин, Калмина, 2019, с. 337), а ранее.

Марийский государственный университет провёл исследования на Закамской оборонительной черте в 2012 г., а на Пензенской оборонительной черте в 2014 году. В обоих случаях на поверхности сохранились следы оборонительных сооружений, представлявших собой вал и ров. Причём вал Закамской оборонительной черты в тех местах, где проводился осмотр, оплыл, несмотря на то что он был

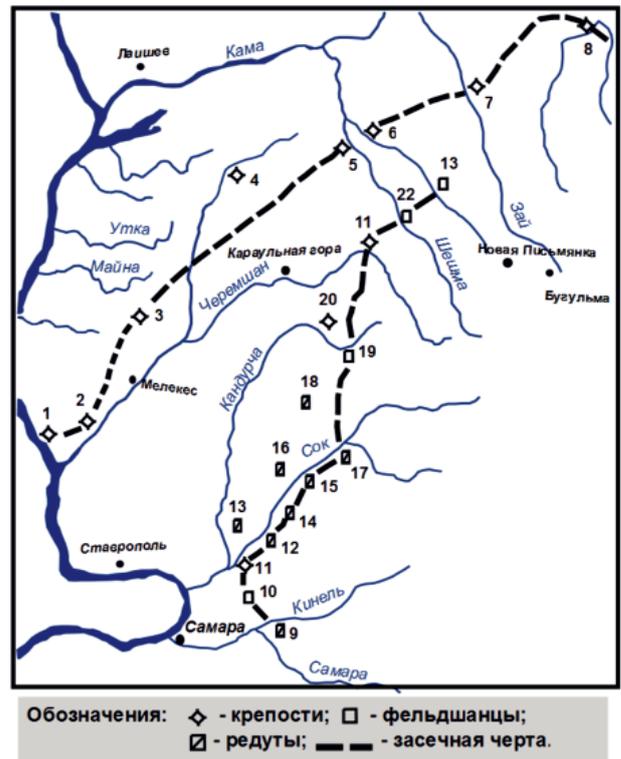

Рис. 1. Схема Закамской засечной черты.

Fig. 1. Sketch-map of the Trans-Kama defensive line

сделан на четверть века раньше Пензенской оборонительной линии.

Закамская оборонительная линия шла от Белого Яра на Волге на северо-восток. Сейчас в Ульяновской области существуют два Белых Яра – Старый Белый Яр и Новый Белый Яр. Предположительно, оборонительная черта начиналась в Старом Белом Яре (по современному названию). Потом она шла по правому берегу реки Черемшан и далее. Линия укреплений хорошо заметна и сейчас проходит по правому берегу реки Черемшан (рис. 1) (Могилевский и др., 2022, с. 358–359). Изыскания археологической экспедиции Марийского государственного университета проводились западнее посёлка Мулловка Димитровградского района Ульяновской области и заключались во внешнем осмотре участка Закамской оборонительной линии. Она находится в 1100 м западнее посёлка. На местности здесь хорошо заметны следы вала (рис. 2).

Пензенская оборонительная линия изучена лучше, так как здесь были проведены раскопки. Участок раскопок находится в Мокшанском районе Пензенской области в 1500 м к востоку – юго-востоку от д. Пяша и в 2300 м к юго-западу от пересечения федераль-

Рис. 2. Вал Закамской засечной черты у пос. Мулловка Ульяновской области.

Fig. 2. Rampart of the Trans-Kama defensive line next to Mullovka, Ulyanovsk region.

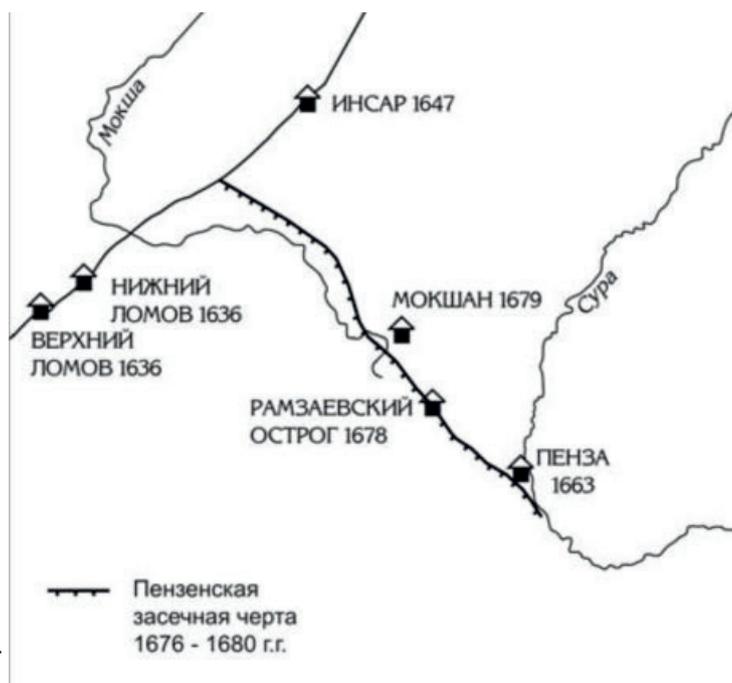

Рис. 3. Схема Пензенской засечной черты.
Fig. 3. Sketch-map of the Penza defensive line.

ной трассы «Урал» с автодорогой «Р-158». Сама фортификационная линия проходила по линии: озеро Долгое у р. Суры – крепость Пенза – Рамзаевский острог (ныне Рамзай) – крепость Мокшанск (Мокшан) – Мокшанский лес (рис. 3) (Вихляев, Данилов, Зеленева, 2015, с. 103). Валу на данном участке хорошо заметны (Абдуллин, Ситдинов, 2022, с. 457). Общая исследованная площадь составляет 800 кв. м.

Вал на раскопанном участке понижается с северо-запада на юго-восток на 78 см по его поверхности. В верхней части вала были положены деревянные плахи длиной 120–200 см. Их расположение носит определённый порядок. Чаще всего они лежат поперёк вала. Создаётся впечатление, что положенные в верхней части вала плахи имели целью его крепление. Деревянные конструкции располагались на разной глубине. В

Рис. 4. Разрез вала Пензенской засечной черты.
Fig. 4. Rampart of the Penza defensive line is in section

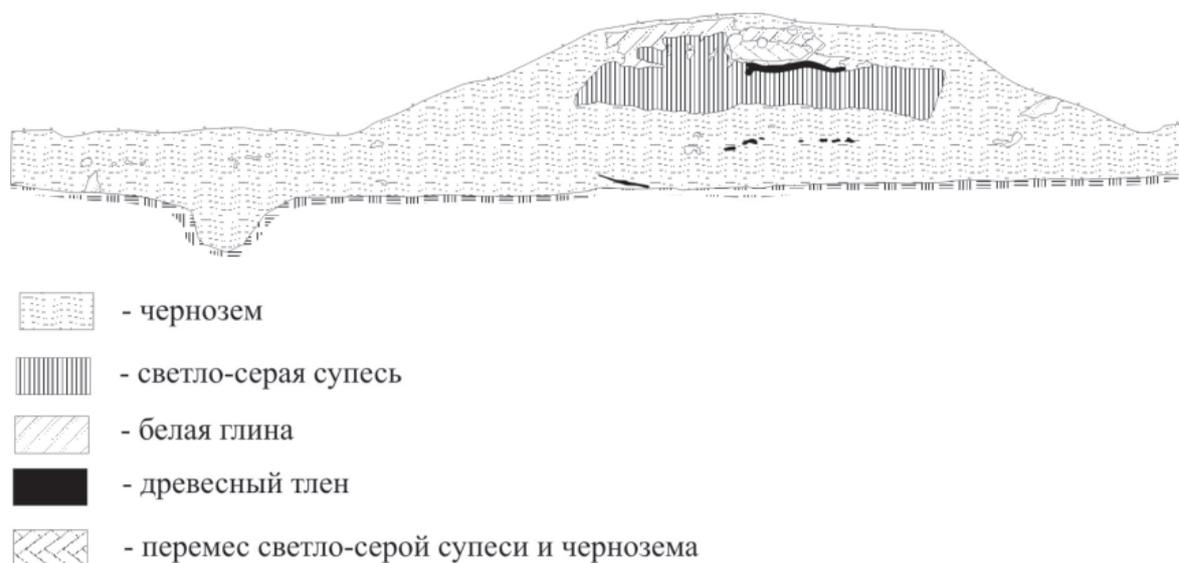

Рис. 5. Чертеж разреза вала и рва Пензенской засечной черты.
Fig. 5. Drawing of the rampart and fosse section of the Penza defensive line

центральной части раскопа дерево лежало на 30–50 см. ниже, чем в других частях насыпи. То есть уровень деревянных конструкций не был выдержан по всей протяженности вала. Возможно, это связано с отсутствием синхронности в сооружении вала данной оборонительной черты или с производственной необходимостью укрепления насыпи. Вал в основном был сложен из чернозема (рис. 4; 5). Максимальная высота вала от уровня материка – 277 см. Поверхность вала задернована, толщина дерна 2–4 см. В центральной части вала прослеживались прослойки белой глины на высоте от 90 до 260 см от уровня материка, общей мощностью до 160 см. В верхней части насыпи отмечены включения материко-

вой желтой глины. В центральной части насыпи линзы белой глины подстилала прослойка перемеса светло-серой супеси и чернозема, находившаяся на высоте от 65 до 130 см, мощностью от 15 до 75 см.

Оборонительный ров был заполнен черноземом, появившимся вследствие эрозии почвы, после того как оборонительная линия перестала использоваться (рис. 5; 6).

Материк под основанием вала представлял собой желтую глину с многочисленными норами землеройных животных. Ям и других, заглубленных в материк объектов, под основанием вала не обнаружено

Основная насыпь вала, выкладывалась черноземом, который, вероятно, снимался с

Рис. 6. Ров Пензенской засечной черты.
Fig. 6. Fosse of the Penza defensive line

напольной стороны вала и при снятии верхних, не материковых слоев рва. При насыпи же верхушки вала использовался материковый суглинок, получаемый при рытье части рва, заглубленной в материк. Максимальная высота насыпи вала составляла до 3 м от уровня материка. По существующим в то время нормативам, которые подсчитали современные исследователи, высота вала должна была составлять 4,5 м, глубина рва от 1,5 до 4 м и ширина от 3,5 до 5,5 м (Абдуллин, Ситдииков, 2022, с. 451). Но данные критерии не соблюдались. То ли учитывалась конкретная природная ситуация, то ли по каким-либо другим причинам исследованный участок вала и рва имеет тенденцию уменьшения от положенных единиц.

Горизонтально лежавшие ряды плах и бревен в насыпи вала представляют собой специальную деревянную внутривальную конструкцию (рис. 7–9). Вероятно, они могли быть распространены в это время. Так, по Ломовской черте в 1683 г. предполагалось отремонтировать и построить вновь «по валу без дерева и з деревом...» (Могилевский и др., 2022, с. 100). По сведениям П.А. Раппопор-

та, «валы не всегда были чисто земляными; иногда они имели внутри довольно сложную деревянную конструкцию. Эта конструкция связывала насыпь и препятствовала ее расползанию» (Раппопорт, 1965, с. 27). Подобные устройства были характерны как для русских крепостей, так и для оборонительных укреплений Чехии и Польши. Польские крепости отличали внутривальные конструкции, состоявшие из нескольких рядов горизонтально лежавших бревен, причем верхние ряды были перпендикулярны нижним. В крепостях Чехии внутривальные устройства имеют вид бревенчатого каркаса, иногда укрепленного каменной кладкой (Носов, 2002, с. 75).

Сходное внутривальное устройство было зафиксировано при раскопках «Нового города» Смоленска, проведенных в 1978 и 1981 гг.: «обнаруженная конструкция представляла собой как бы чередующиеся слои отдельно лежащих бревен, идущих вдоль и поперек оси вала. За исключением, пожалуй, первого яруса, она близка некоторым вариантам внутривальных конструкций, особенно часто встречаемых в Польше, – так называемым «рустовым» (Сапожников, 1991, с. 63).

Рис. 7. Вал Пензенской засечной черты на уровне выявления деревянных конструкций.
Fig. 7. Rampart of the Penza defensive line at the level of identification of wooden structures

Рис. 8. Деревянные конструкции вала Пензенской засечной черты.
Fig. 8. Rampart wooden structures of the Penza defensive line

Раскопки 2014 г. не выявили более сложных внутривальных устройств – срубов, плетней, тына-частокола. Объемы строительства оборонительных укреплений засечной черты были настолько велики, что использовались достаточно простые внутривальные устройства, которые позволяли не осыпаться насыпи и сохранять крутизну склона вала.

Человеческий материал Симбирской и, видимо, Закамской, а позднее и Пензенской

оборонительной линии пополнялся с тех линий, которые утрачивали своё значение. По крайней мере, с середины XVII в. количество защитников расположенной севернее Шацко-Алатырской линии уменьшается наполовину. Видимо, после перевода на новые линии (Кадрова, Вихляев, 2020, с. 12).

Выводы. Работы 2012 и 2014 гг. дополнили наши знания о Закамской и Пензенской оборонительных линиях. Они, несомненно,

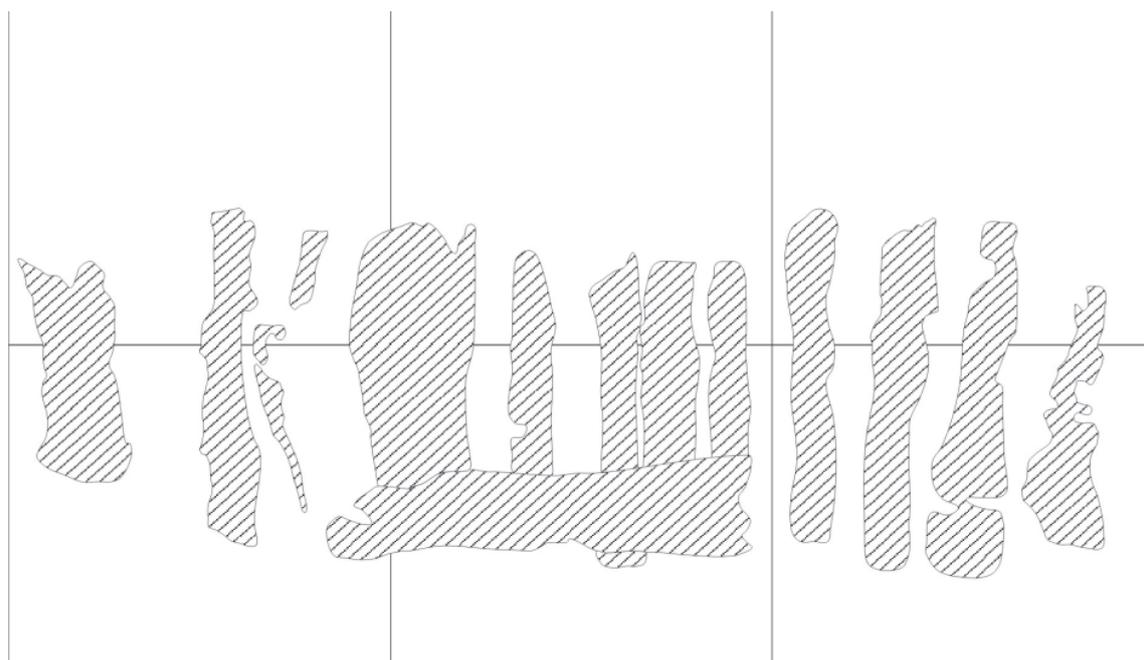

Рис. 9. Чертеж деревянных конструкций вала Пензенской засечной черты.

Fig. 9. Drawing of rampart wooden structures of the Penza defensive line

дали представление о том, как они строились. по оборонительным линиям Русского государства второй половины XVII в. Всё это явилось дополнительными знаниями

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XIX вв. // Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 7 / Под общ. ред. А.Г. Ситдиикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИА АН РТ, 2022. С. 448–470.

Вихляев В.И., Данилов П.С., Зеленева Ал. Ю. Оборонительный вал Пензенской засечной черты (По данным исследований 2014 г.) // Вестник НИИГН. 2015. № 3 (35). С. 103–108.

Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Население Пензы XVII–XVIII вв. по данным краниологии // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 337–357.

Кадрова Т.Н., Вихляев В.И. Оборона юго-восточных границ Российского государства в XVI–XVII вв. (На примере Шацко-Алатырской черты) // Вестник НИИГН. 1920. № 3. С. 7–17.

Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

Носов К.С. Русские крепости и осадная техника, VIII–XVII вв. СПб.: Полигон, 2002. 176 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.

Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596—1602 гг.) // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Ред. Д.А. Авдусин. М.: МГУ, 1991. С. 50–79.

Информация об авторах:

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия); mary.vikh@gmail.com

Зеленева Алексей Юрьевич, инженер-исследователь учебно-научного археолого-этнологического центра, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zelenev@mail.ru

Зеленева Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zelenev@mail.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. 2022. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Pozdnee srednevekov'e i rannee Novoe vremya (XVI – pervaya polovina XVIII vv.) (Late Middle Ages and early modern era (XVI – first half of the XVIII centuries))*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 7. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 448–470 (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Danilov, P. S., Zeleneev, Al. Yu. 2015. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 3, 103–108 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Kalmin, O. V., Kalmina, O. A. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 337–357 (in Russian).

Kaderova, T. N., Vikhlyaev, V. I. 1920. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 3, 7–17 (in Russian).

Mogilevsky, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pograniich'ya Rossii XVI–XVIII vv. (Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th-18th Centuries)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Nosov, K. S. 2002. *Russkie kreposti i osadnaya tekhnika, VIII-XVII vv. (Russian fortresses and siege engine, VIII-XVII centuries)* Saint Petersburg: “Poligon” Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1965. *Drevnie russkie kreposti (Ancient Russian Fortresses)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sapozhnikov, N. V. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (on History of the Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 50–79 (in Russian).

About the Authors:

Vikhlyaev Viktor I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Tolstoy, str. 3, Saransk, 430005, Russian Federation; mary.vikh@gmail.com

Zeleneev Aleksei Yu., Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Zeleneev Yuri A. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.111.128>

РУССКИЕ ОСТРОГИ НА АМУРЕ В XVII В.: МЕСТО В ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

© 2023 г. А.П. Забияко

Статья основана на архивных источниках и материалах археологических исследований последних десятилетий на территории Верхнего Приамурья. В статье раскрывается история строительства русских острогов на берегах Амура во второй половине XVII в. Особое внимание уделено роли острогов в качестве военных форпостов освоения территории, а также центров экономической жизни населения. Выделено два этапа истории острогов – с 1643 по 1658 гг. и с 1665 по 1689 гг. В статье раскрыто современное состояние изучения и реконструкции острогов. Со второй половины XIX в. сведения об острогах XVII в. становятся не только предметом археологических и исторических исследований, но и источником мифологии истории. История амурских острогов является одним из важнейших оснований исторической памяти о событиях освоения Дальнего Востока, опорой патриотизма и гордости за историю России, примером мужества и героизма первых русских дальневосточников.

Ключевые слова: археология, острог, Средневековье, Дальний Восток, Приамурье, фортификация, историческая память, идентичность.

RUSSIAN WOODEN FORTS ON THE AMUR RIVER REGION IN THE XVII CENTURY: PLACE IN HISTORY AND HISTORICAL MEMORY²

A.P. Zabiyako

This paper is based on archival sources and materials of archaeological studies of recent decades in the Upper Amur River region. The author gives the history of the construction of Russian wooden forts on the banks of the Amur in the 2 half of the XVII century. Special attention is paid to the role of forts as military outposts for the development of the territory, as well as centers of economic life of the population. There are two stages in the history of the forts – from 1643 to 1658 and from 1665 to 1689. The article reveals the modern state of the study and reconstruction of forts. Since the 2 half of the XIX century, information about forts of the XVII century becomes not only the subject of archaeological and historical studies, but also a source of the mythology of history. The history of the Amur forts is one of the most important foundations of the historical memory of the development of the Far East, support of patriotism and pride in the history of Russia, an example of the courage and heroism.

Keywords: archaeology, fort, Middle Ages, Far East, Amur region, fortification, historical memory, identity.

Первые остроги

Первые десятилетия XVII в. были временем быстрого продвижения русских первопроходцев через Сибирь «встречь солнца», на восток. В 1632 г. П.И. Бекетовым на р. Лене был основан Якутский острог, вслед за этим учреждено Якутское воеводство. С целью изучения земель к юго-востоку от Якутска в 1637 – 1638 гг. был снаряжён отряд под командованием Д.Е. Копылова. Отряд прошёл по Лене и далее по её правому притоку Алдану в направлении Станового (Алданского) хреб-

та. На берегу Алдана на земле тунгусской родовой группы *Бута* был поставлен Бутальский острог. Отсюда Д.Е. Копылов весной 1639 г. направил дальше на восток отряд под руководством И.Ю. Москвина. Экспедиция Москвина, выйдя к устью Амура, собрала первые сведения о притоках Амура и народах, живущих на его берегах.

Важнейшими были известия о наличии на Амуре месторождений серебра и благоприятных условиях для хлебопашества. Русскому населению Восточной Сибири хлеба крайне

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

² The study was carried out under the financial program of strategic academic leadership “Priority-2030,” as part of the implementation of the scientific topic FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6.

не хватало, значительную его часть приходилось везти из центральных районов России. Серебро было нужно для денежного оборота. Выход на Амур и освоение его ресурсов становились в таких условиях делом государственной важности. Для решения этих задач была снаряжена экспедиция под началом В.Д. Пояркова.

В июле 1643 г. отряд Пояркова отправился из Якутска вверх по притокам Лены, осенью на Становом хребте достиг водораздела бассейнов Лены и Амура. Здесь часть отряда была оставлена на зимовку под командованием пятидесятника Минина, а около 90 человек пошли дальше. Перевалив водораздел, Поярков зимой достиг основного русла Зеи. Перед русскими впервые открылись просторы Приамурья. Спускаясь по Зее, поярко́вцы в условиях суровых холодов отстроили небольшой острожек в устье р. Умлекан. Это было первое укреплённое поселение русских на новооткрытой территории. Зимовка была трудной, запасы продуктов истощались, В.Д. Поярков отправил для поиска пропитания отряд казаков вниз по Зее к устью Селемджи, где находился укреплённый городок дауров Молдыкидыч. В планах отряда было основание второго острожка. Дауры приняли русских невраждебно, снабдили продовольствием. Однако казаки решили приступом взять городок, понесли большие потери, вернувшись к Пояркову с пустыми руками. План «засекою или вежею рубленую укрепиться накрепко», т.е., создать второе русское укреплённое поселение на Зее в устье Селемджи, не состоялся (Акты о плавании..., 1846, с. 50 – 54).

Тяжелейшие условия похода поставили весной 1644 г. экспедицию Пояркова на грань неудачи. В составленной после возвращения в 1646 г. в Якутске «распросной речи» Василий Поярков представил план строительства на Зее и Среднем Амуре трёх острогов с численностью до 50 служилых людей в каждом (Акты о плавании..., 1846, с. 56). Местоположение Умлеканского острожка и других упомянутых выше укреплённых поселений не установлено.

Весной 1649 г. на Амур был направлен отряд Ерофея Павловича Хабарова. К этому времени уже был известен новый речной маршрут на Амур – вверх по Лене до устья Олёкмы, далее по Олёкме к устью Тунгира; отсюда путь шёл волоком через водораздел, спуск по южным склонам которого выводил

на Верхний Амур, в Даурию. На Тунгирском волоке Хабаров, по некоторым сведениям, поставил острог, перезимовав в котором, 19 января 1650 г. отряд двинулся дальше (Отписка якутского воеводы..., 1846, с. 261). По другим сведениям, на месте Тунгирского волока укреплений не было, стояли только избы зимовья (Распросные речи..., 1851, с. 347).

Под руководством Е.П. Хабарова поход продолжался до сентября 1653 г. В течение этого времени участники почти постоянно двигались по руслу Амура и его притокам, достигая на стругах, «судах больших и малых» до низовий Амура и возвращаясь назад на Верхний Амур. Хабаров занимал брошенные или захватывал остроги местных князей, разрушал их, иногда вновь восстанавливал для того, чтобы обеспечить безопасность участников похода. Так, на Верхнем Амуре отряды стояли в бывших даурских острожках Чипин и Албазин.

Согласно русским источникам XVII в., многие даурские укреплённые городки, острожки имели глубокие рвы и валы, нередко – бревенчатые башни и стены, а также особые тайные ходы для доступа к воде в случае осады. Так, укреплённое поселение князей Гуйгудара, Олгемзы и Лотодия (Гуйгудвор городок) представляло собой три рядом стоящие крепости, разделённые стенами. Города имели валы, стены, башни, вокруг внешних стен были выкопаны два ряда рвов глубиной более 2 м. Ворота отсутствовали, вместо них имелись проложенные под стенами специальные проходы – «подлазы» (Отписка Якутскому воеводе..., 1848, с. 360). Согласно сведениям Полякова, город князя Толги имел такую фортификацию: «А тот Толгина город крепок был выше меры в две стены рублен в целом древе, а промежу стенами был сыбан хрящ. И кругом города было копано три рва, по три сажени глубины, а широта по четыре сажени» (Полевой, 1995, с. 37). Крепость, следовательно, имела бревенчатую стену из двух рядов брёвен, внутрь которой засыпан грунт, три рва глубиной более 6 м и шириной более 8 м (1 сажень = 2,13 м). Из источников известно, что некоторые городки имели на валах до 5 башен (Отписка якутского воеводы..., 1846, с. 258).

Русские не только использовали даурские городки. Несколько острогов первопроходцами было отстроено. Так, 29 сентября 1651

г. отряд Хабарова встал на зимовку на левом берегу Нижнего Амура в землях дючеров и ачанов (предков нанайцев). Казаки поставили «юрты» и, очевидно, успели возвести бревенчатые стены и башни для защиты от нападения – Ачанский острог. Уже 8 октября около тысячи дючеров и ачанов ранним утром пошли на приступ, подожгли со всех сторон стены. Сто шесть находившихся в городке защитников успешно отбили атаку, затем семьдесят человек дали бой за стенами острога, а остальные стреляли «с пушек и мелкого оружия» с башен. Нападавшие отступили (Отписка якутскому воеводе..., с. 364 – 365).

Весной следующего года, 24 марта, «на утренней заре» на острог неожиданно напали отряды регулярной маньчжурской армии при поддержке местных воинов. Острог к тому времени был восстановлен после октябрьских событий, но, очевидно, без должного радения о безопасности. Так, позднее казаки обвиняли Хабарова в том, что для пушек не был сооружён «роскат» – высокий помост внутри острога для стрельбы в разные стороны поверх стен, пушки он, будто бы, «поставил среди улицы просто» (Полевой, 1995, с. 37 – 38). Нападавшие использовали орудия и ручное огнестрельное оружие, к вечеру им удалось проломить три звена крепостной стены и устремиться через пролом внутрь. Однако казаки успели поставить напротив пролома «пушку большую медную», оружие меньшего калибра и вовремя открыть стрельбу по нападавшим. Враг был отброшен, казаки устремились в атаку, наголову разгромив врагов. 22 апреля отряд Хабарова оставил Ачанский отрог и ушёл на судах на Средний Амур к устью Зеи (Отписка якутскому воеводе..., 1846, с. 364 – 368).

В дальнейшие годы XVII в. русские, скорее всего, не использовали острог как долговременное укреплённое поселение. Со временем зримые следы его существования исчезли. Поискам Ачанского острога уделяли внимание Р.К. Маак, Л.И. Шренк, Н.И. Рябов, М.Г. Штейн, Б.П. Полевой, Ю.М. Васильев, А.Н. Махинов, Н.П. Крадин, В.И. Павлик, другие учёные и краеведы. Острог пытались локализовать в пределах мыса Джари, горы Оджал, озера Болонь, сел Ачма, Омми, Малмыж и других мест. Однако ни осмотры местности, ни археологические изыскания очевидного

результата не дали. Местонахождение до сих пор остается предметом дискуссии.

Политика Хабарова, нередко творившего в нарушение полученных от властей «наказов» произвол, привела к расколу в рядах военной экспедиции. Против Хабарова, представителя «промышленных» людей, выступила большая группа казаков, «служилых» людей. В августе 1652 г. на стоянке в устье Зеи около 130 казаков отказались далее исполнять волю Хабарова и ушли на трёх судах во главе с Степаном Васильевичем Поляковым и Костькой Ивановым Москвитиным вниз по Амуру в земли гиляков. Здесь на Нижнем Амуре они поставили свой острог. Этот острог хорошо соответствовал фортификационным правилам своего времени – он имел башни и «тарасы» (ячейки с стене), засыпанные «хрящем» (землёй, щебнем), против пушечного боя. Осенью Хабаров с верными ему людьми настиг казаков, осадил острог, поставил «роскаты» и начал его обстрел из пушек. В январе 1653 г. он обманом взял острог и жестоко покарал своих противников. 7 февраля Хабаров, согласно «Известной челобитной» Полякова, велел «острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова» (Полевой, 1995, с. 21). Местоположение острога и русского лагеря не установлено.

Наряду со строительством и использованием острогов в качестве военных объектов предпринимались усилия по организации вокруг них сельскохозяйственной деятельности. Так, прибывший летом 1653 г. на Амур царский посланник дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев доставил не только военный отряд, но и сельскохозяйственные орудия, имея задание уже к следующему году обустроить рядом с острогами пашню, способную кормить хлебом многотысячную армию.

В августе 1653 г. во главе русских отрядов был поставлен казак Онуфрий Степанов. При нём военное противостояние на Амуре перешло в новую фазу. Правящие круги Цинской империи поставили цель решительно покончить с присутствием русских на Амуре. Отрядам Степанова пришлось вступить в вооруженный конфликт с регулярной маньчжурской армией, которая представляла многочисленную, хорошо оснащённую силу, имевшую большой опыт войны. «...Здесь на Великой реке Амуре стоят драки сильные с Богдойски-

ми воинскими людьми, что прислано войско от царя Богдойского», – сообщал Степанов в отписке якутскому воеводе (Отписка якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому..., 1851, с. 27).

Кумарский острог

Крупным событием этого периода была оборона Кумарского (Комарского, Усть-Комарского) острога. Острог был возведён в ноябре 1654 г. на правом берегу Амура в устье реки Комара (Кумара, кит. Хумаэрхэ). С учётом наличия у противника тяжёлого и лёгкого огнестрельного оружия, разных приспособлений для штурма острог был предусмотрительно поставлен с применением современных фортификационных технологий – с глубокими рвами, валами, насыпными с внутренней стороны «хрящем» стенами, выдерживавшими удары пушечных ядер, «быками» (башенными выступами для стрельбы вдоль стены, по флангам и фронту), «роскатом», противопожарными желобами, идущими от колодца к стенам и избам, и т.д. «А острог у нас был поставлен на валу стоячей, а по углам вывожены были быки, а тот острог ставлен по снегу в самом заморозе ноября в 2 день, а круг того острожку копан ров, а тот ров копали зимою, мерзлой земли секли в вышину сажень печатную, а ров в ширину 2 сажени, а круг того рву бит чеснок деревянной, а круг того чесноку деревянного бит чеснок железной стрельной опотайной. И Божею милостию, а государским счастьем, как пришли те Богдойские люди к приступу, и у того деревянного чесноку щиты поставили, а на том железном чесноку многие Богдойские люди кололися и итти к острогу не могли от того железного чесноку к стене; а в остроге было изподней и верхней бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящем с нижево бою и до верху от пушечного бою, и в том остроге копан был у нас колодезь пяти сажен, а из колодезя были вывожены жолобы на все 4 стороны вышина 6 сажен печатных, для зажегу, да были сделаны на остроге козы железные, а в тех козах зажигали смолье для свету и для их Богдойского ночного приступу, чтоб от того видети было Богдойских людей за стеною, да ставлены были к острогу для их лестниц и щитов судовое дощеничное дерево высокое, да были на острожке кладены кадки для их, Богдойских людей, навалнаго приступу, да в острожке срублен был роскат, и с того роскату били мы из пушек по тому Богдойско-

му войску (Отписка якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому..., 1851, с. 29 – 30).

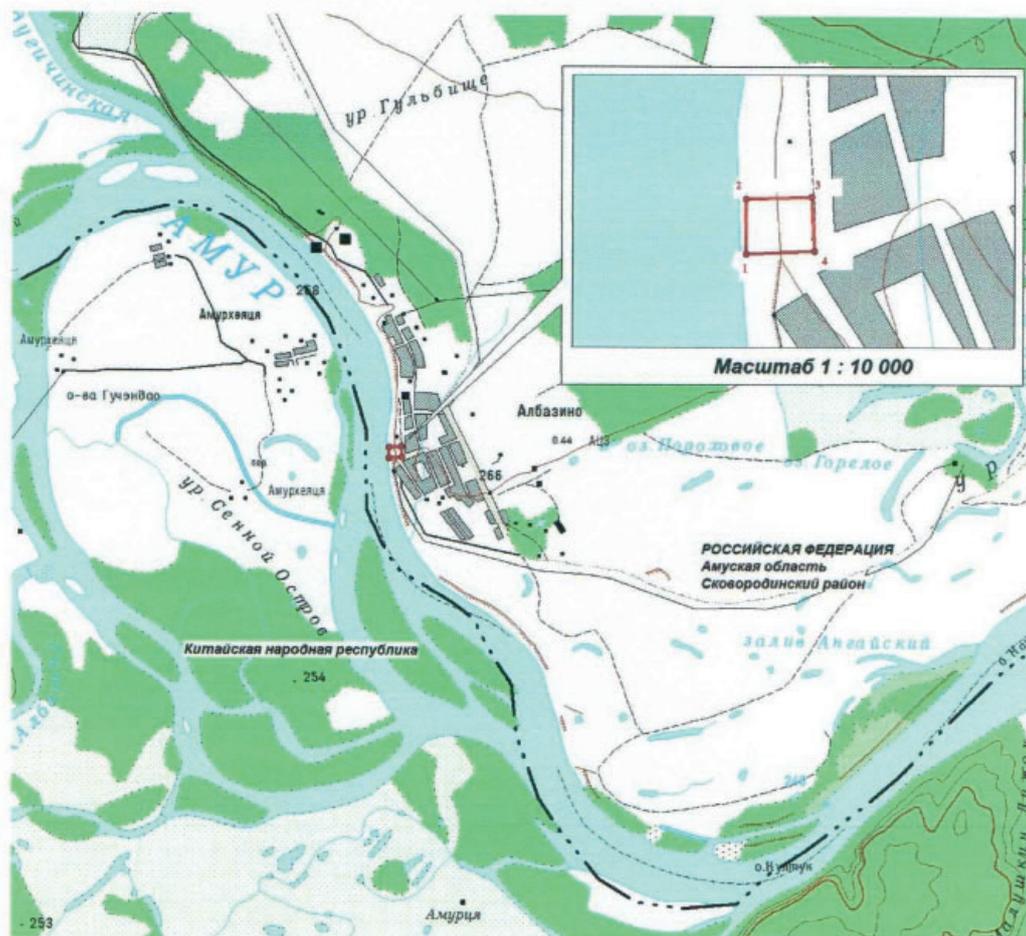
13 марта 1655 г. 10-тысячная армия маньчжуров и их союзников из местных народов осадила острог. На вооружении нападавших стояли 15 пушек, осадное оборудование («всякие приступные мудрости») и огнестрельное оружие. До 4 апреля маньчжурское войско «верховыми огненными зарядами» и пушками обстреливало острог «по всякий день и ночь», несколько раз ходило на приступ. Защитники надёжно удерживали крепость, осуществляя смелые вылазки на пределы стен. Противник нес большие потери без надежды на победу, в лагере кончалось продовольствие. Маньчжурский командующий Минъаньдали принял решение снять осаду и уйти. Русские преследовали отступавших, захватив запасы пороха, ядер и другие трофеи (Отписка якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому..., 1851, с. 28).

В 1655 – 1657 гг. на Нижнем Амуре, где велись военные действия, ближе к устью Сунгари стояли два русских острога – Куминский и Косогирский. О них известно лишь то, что они служили местом зимовки.

Осенью 1658 г. Кумарский острог вновь стал опорным пунктом русских. К нему они отступили после тяжёлого поражения 30 июня, когда русские суда были обстреляны в устье р. Сунгари объединённым маньчжуро-корейским отрядом. Онуфрий Степанов и 270 казаков погибли, 227 человек добрались до Кумарского острога. Вскоре, оставив острог из-за отсутствия продовольствия, разделившись на два отряда, русские ушли вверх по Амуре и на Зею (Распросные речи войскового атамана..., 1851, с. 176). Кумарский острог стал фактически последним форпостом русского присутствия на Амуре в 50-е годы XVII в. В последующие десятилетия он пришёл в запустение и не более не использовался.

Местонахождение Кумарского острога, установленное вполне определённо по историческим источникам с привязкой в современному ландшафту, не вызывает сомнений. Следы его существования наблюдал в 1855 г. Р.К. Маак (Маак, 1859, с. 99). Археологические исследования напротив устья Хумаэрхэ на левом, российском, берегу на Верхнекумарском утёсе проведены в 1988 г. под руководством А.Р. Артемьева отрядом Института истории, археологии и этнографии народов

СХЕМА
границы территории объекта культурного (археологического) наследия
федерального значения «Городище «Албазинская крепость»»

Условные обозначения

— - границы территории объекта культурного наследия

Рис. 1. Карта-схема местонахождения объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище «Албазинская крепость»»

Fig. 1. Sketch-map of the location of the cultural (archaeological) heritage site of federal significance "Fortified settlement "Albazinskaya krepost"

Дальнего Востока ДВО РАН (Артемьев, 1999, с. 100 – 101). Будучи частью территории КНР, местонахождение острога до настоящего времени не становилось предметом археологических исследований.

Албазинский острог

Второй этап строительства острогов на Амуре открывается походом отряда Никифора Черниговского. В июне 1665 г. Черниговский, будучи в должности казачьего пятидесятника, вместе с группой казаков убил на р. Лене воеводу Лаврентия Обухова. Совер-

шив преступление, Черниговский во главе ватаги казаков и крестьян бежал на Верхний Амур, где уже осенью беглецами был заложен острог. Острог поставили в хорошо известном месте – на «городище», где прежде находился сожженный Хабаровым в 1651 г. острог даурского князца Албазы и где русские в 50-е годы неоднократно останавливались (Красноштанов, 2008). В настоящее время, согласно учётным документам, исторический памятник имеет статус объекта культурного (археологического) наследия федерального значе-

Рис. 2. Вид на территорию острога с юго-запада. Фотография 2015 г. По: Албазинский острог, 2019, рис. 2.2.11.
Fig. 2. View of the site from the southwest. Photo 2015. According to: Albazinsky ostrog, 2019, fig. 2.2.11.

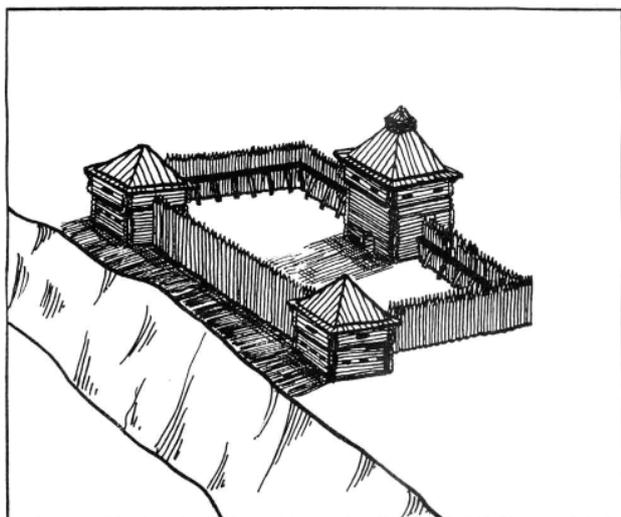
ния под названием «Городище «Албазинская крепость» (рис. 1, рис. 2).

Острог стал центром восстановления российского военно-политического контроля над Приамурьем и пашенного земледелия. Год за годом албазинцы расширяли занятую территорию, уходя всё дальше по Амуру и по берегам Зеи, где ставили зимовья и острожки. Вскоре к албазинцам потянулся поток крестьян-переселенцев, оседавших близ острога и на других подконтрольных землях. Появились новые поселения, русские жители споро взялись за выращивание хлеба и скота, обустройство мельниц, кузниц. Так, в 1680 г. на реке Зее в устье р. Долонец был поставлен Долонский (Зейский) острог, распахана пашня. Здесь «место было хлебородно», со временем с распашек были получены урожаи, которые кормили расселившихся здесь «служивых и промышленных пашенных людей» (Розыск о злоупотреблении..., 1872, с. 4 – 6).

В марте 1674 г. после многократных обращений албазинцев к властям о помиловании царём Алексеем Михайловичем они были прощены за заслуги в освоении амурских земель. Албазинский острог был переведён вместе с людьми и имуществом в государственное владение. Посланным из Нерчинска на Амур С.М. Вешняком была составлена опись принятого от «приказчика» Никифора Черниговского имущества – «Росписной список Албазинского острога». Строения острога описаны так: «...Албазинской острог с нагороднею покрыт тесом, а в остроге башен две башни по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровыя, покрыты тесом, а третья башня Приказ, сверху Приказу

чердак караульной покрыт тесом, а в остроге колодец на вододейке да амбар Воскресенской, в надолбах часовня...» (Паршин, 1844, с. 138). В уточнённой публикации этого документа указано, что третья башня – «проежжая», а вместо «колодец на вододейке» в оригинальном тексте написано «...а колодец в остроге не в доделке», т.е. недостроен (Трухин, 2018, с. 186). Т.о., острог Черниговского представлял собой достаточно хорошо укреплённое для обороны от набегов местных военных отрядов сооружение, основу которого образовывали тыновые стены (две длиной ок. 40 м и две длиной ок. 30 м), составленные из вертикально составленных брёвен, и три башни высотой ок. 6,5 м. Однако такой острог, что было ясно его защитникам и нерчинским властям, не мог противостоять вооружённой стенобитными пушками маньчжурской армии. Работы по его укреплению проводились регулярно.

К 1678 г. острог, согласно «Росписи государеве казне Албазинского острогу», выглядел так: «Албазинской острог с нижним и с верхним боем покрыт тесом. На остроге три башни крыты тесом. В Сп(а)ской проежжей башни две пищали. Одна медная полковая весом шесть пуд две чети. А ядро весом полтора фунта. А другая пищаль железная затинная. Ядро весом дватцать золотников. Острогу мера длина осмнатцать сажень печатных, поперег тринатцать сажень. Около острогу ров широта две сажени с аршином, глубина четыре аршина. Около рву бит чеснок в шесть рядов. Около чесноку поставлены надолобы» (Трухин, 2020, с. 202) (рис. 3).

В октябре 1681 г. в Нерчинском воеводстве было принято решение о масштабной перестройке острога. В ноябре управляющий острогом А.Ф. Воейков сообщал о планах весной, как только оттаит земля, построить стены больших размеров, возвести дополнительно две проездные башни по 4 сажени и три угловых башни по 3 сажени высотой, окружить стены рвом, «чесноком» и надолбами (Паршин, 1844, с. 146). К лету 1682 г. на месте прежнего был возведён большой по площади острог. В мае 1684 г. к приезду в Албазин воеводы А.Л. Толбузина была составлена опись нового острога и всего, что было к нему приписано – «Роспись Албазинского острога» (Крадин, 1992, с. 109–110).

Новый острог в трёх сторон окружил прежние постройки бревенчатыми стенами – тыном. «Они имели высоту 5,3 м и были укреплены

Рис. 3. Албазинский острог в 1665–1681 г. Реконструкция А.Р. Артемьева. По: Артемьев, 1999, рис. 59.

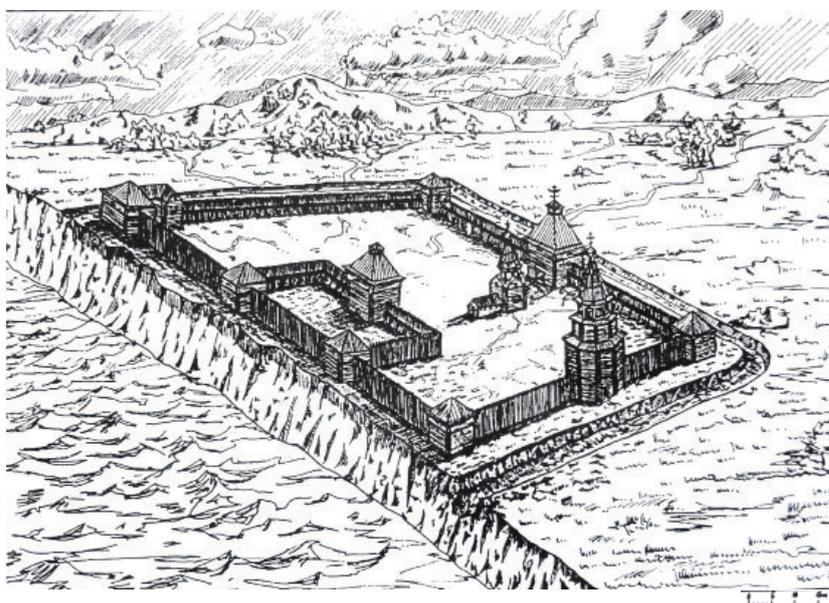
Fig. 3. Albazin fort in 1665–1681. Reconstruction by A.R. Artemyev. After: Artemyev, 1999, fig. 59.

изнутри земляной насыпью шириной 0,71 м и высотой 2,13 м обшитой плетнём. Северная стена острога имела длину 85 м и заканчивалась квадратной 6,4х6,4 м угловой башней высотой 7,8 м с двумя мостами, то есть перекрытиями и была таким образом трёхэтажной. Восточная стена делилась проездной башней размерами 8,5х8,5 м и высотой 19,2 м на отрезки 46 и 37 м и заканчивалась двухэтажной угловой башней размерами 6,75х6,75 и высотой 7,8 м. Южная стена крепости также имела проездную башню, но уже круглую восьмистенную высотой 29,5 м, которая делила стену на отрезки в 32 и 43 м. Западная береговая стена длиной 93,7 м включала в себя две башни острога, поставленного Н.Г. Черниговским» (История Амурской области, 2008, с. 194 – 195). В остроге находились Воскресенская церковь, «государской двор на приезд воеводам и приказным людям», съезжая изба, поварня, мыльня, амбары, пороховой погреб, колодец, торговые лавки, избы и другие сооружения (рис. 4 – 7).

В начале июня 1685 г. цинская армия под командованием полководца Лантаня подошла к стенам Албазина и осадила острог. Армия насчитывала около 10 тыс. человек и более 200 пушек, из них 50 – стенобитные орудия. Силы защитников крепости насчитывали около 450

Рис. 4. Албазинский острог в 1682–1685 гг. Реконструкция А.Р. Артемьева. По: Артемьев, 1999, рис. 62.

Fig. 4. Albazin fort in 1682–1685. Reconstruction by A.R. Artemyev. After: Artemyev, 1999, fig. 62.

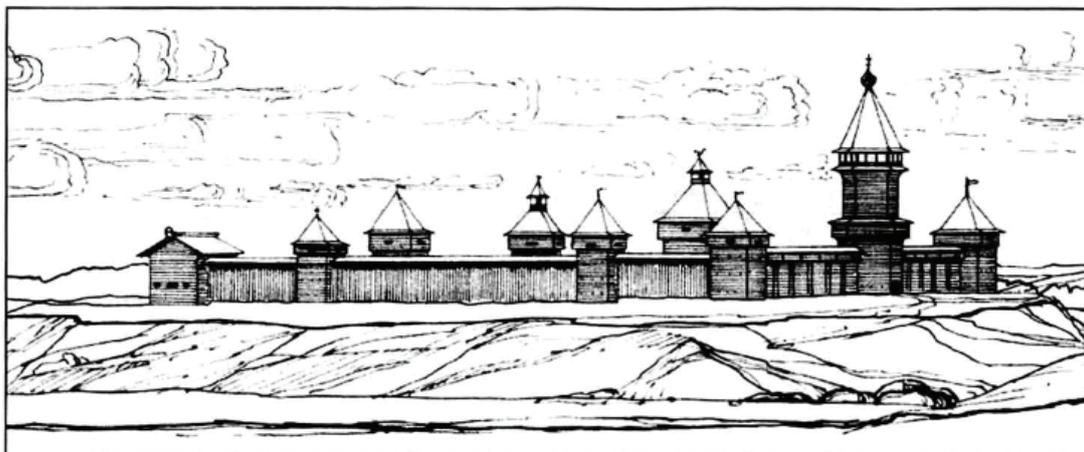

Рис. 5. Албазинский острог в 1682–1685 гг., панорама. Реконструкция Н.Н. Крадина. По: Крадин, 1999а, с. 77.
Fig. 5. Albazin fort in 1682–1685, panorama. Reconstruction by N.N. Kradin. After: Kradin, 1999a, p. 77.

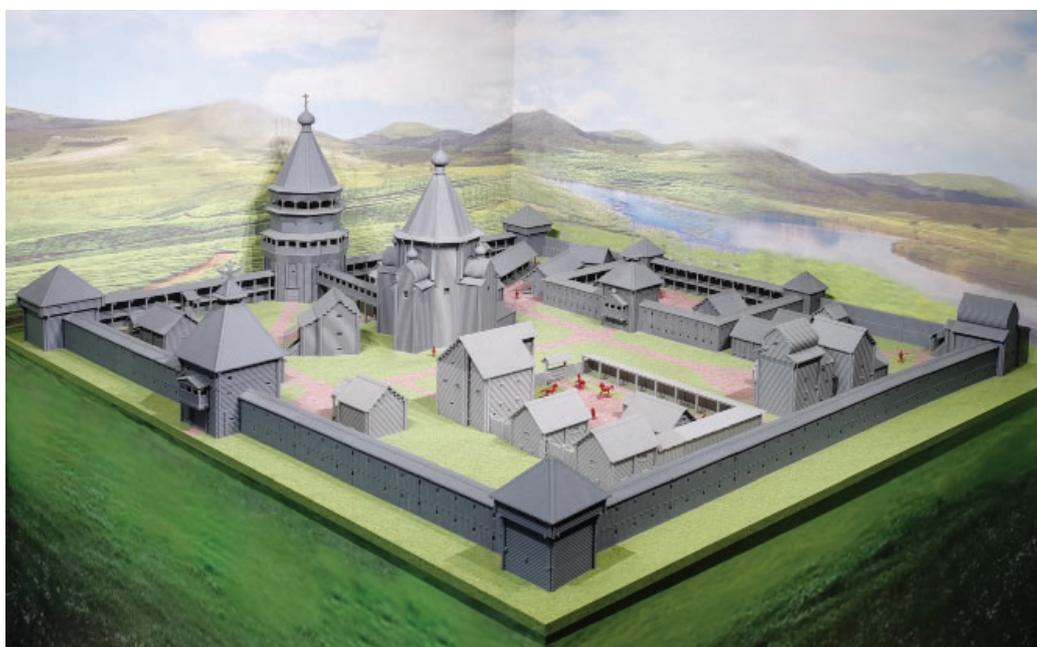

Рис. 6. Албазинский острог 1685 г. Макет. Экспозиция в Научном музее АмГУ. 2021 г.
Fig. 6. Albazin fort in 1685. Model. Exposition at the AmSU Science Museum. 2021.

казаков, крестьян и ремесленников. Пушек было 4. обороной руководил воевода Толбузин. В ходе подготовки острога к обстрелу из «проломных» пушек Толбузин наскоро постарался усилить стены «крепями» – в наиболее уязвимых местах изнутри была установлена ещё одна стена, а между стен засыпана земля.

Маньчжуры возвели валы, поставили на них стенобитные пушки. Лантань предложил русским сдать крепость и уйти. Албазинцы отказались. 29 июня (15 июня по новому стилю) начался штурм острога. Мощные стенобитные пушки разрушили часть стен, оставшаяся часть была подожжена. Ядрами были разбиты строения внутри – церковь,

хлебные амбары, дома. «Огненными стрелами», пускаемыми из станкового арбалета, зажжены были постройки. Лучники постоянно осыпали русских градом стрел. Защитники крепости отбивались, больше ста человек погибло, но заканчивался порох и свинец, горели стены. Положение стало безвыходным. В этой ситуации Толбузин вступил в переговоры, согласился сдать крепость на условиях ухода с оружием в Нерчинск. Маньчжуры приняли предложение албазинцев. После отступления русских маньчжуры в начале июля разрушили крепость и окрестные деревни, сожгли находившийся неподалёку от острога Спасский монастырь. Так

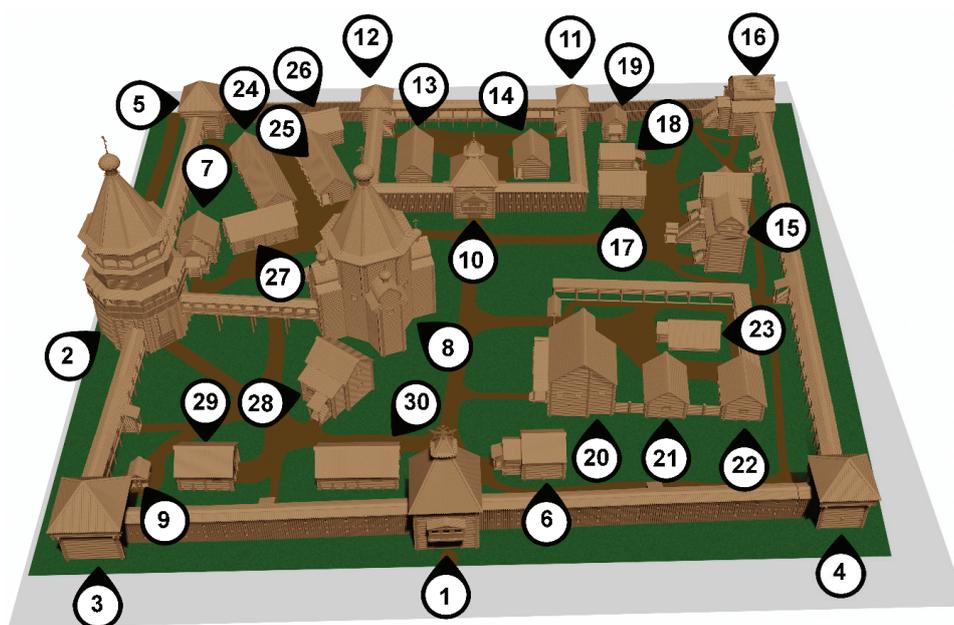

Рис. 7. Албазинский острог 1685 г. Схема расположения объектов. Экспозиция в Научном музее АмГУ: 1 – проездная «Большая» башня; 2 – проездная «Круглая» башня; 3 – угловая башня; 4 – угловая башня; 5 – угловая башня; 6 – караульная изба; 7 – караульная изба; 8 – Воскресенская церковь; 9 – колодец; 10 – проездная «Спасская» башня; 11 – башня (глухая); 12 – башня (глухая); 13 – Государев амбар; 14 – Государева житница; 15 – воеводские хоромы; 16 – жилья (башнеподобное жилое сооружение); 17 – амбар; 18 – поварня; 19 – мыльня; IV. Двор съезжей избы; 20 – съезжая изба; 21 – амбар; 22 – амбар; 23 – зелейный (пороховой) погреб; 24 – торговые лавки; 25 – торговые лавки; 26 – амбар; 27 – амбар; 28 – изба таможенных целовальников; 29 – амбар; 30 – амбар.

Fig. 7. Albazin fort in 1685. Location of the objects. The exposition in the the AmSU Scientific Museum: 1 – "Bolshaya" gate tower; 2 – "Kruglaya" gate tower; 3 – corner tower; 4 – corner tower; 5 – corner tower; 6 – watch-house; 7 – watch-house; 8 – Resurrection church; 9 – well; 10 – "Spasskaya" gate tower; 11 – tower (blind); 12 – tower (blind); 13 – Sovereign's barn; 14 – Sovereign's granary; 15 – Voivodes' mansions; 16 – dwelling (tower-like residential structure); 17 – barn; 18 – cookery; 19 – special hut for washing; IV. Yard of the Voivode's office; 20 – Voivode's office; 21 – barn; 22 – barn; 23 – powder cellar; 24 – trading stores; 25 – trading stores; 26 – barn; 27 – barn; 28 – house of customs tselovalniks (sworn men); 29 – barn; 30 – barn.

закончилась первая осада Албазина (Акты об осаде..., 1872, с. 107 – 114).

Русские и цинские укрепления 1685 г. с большой долей приближения к реальности запечатлены в китайской манере на страницах атласа карт «Aihun, Luosha, Taiwan, Menggu tu», созданного в 1697 – 1722 гг. (рис. 8).

В Нерчинске отступивший отряд А.Л. Толбузина соединился в июле со спешившим ему на подмогу отрядом А.И. Бейтона. Объединённые силы русских в составе 514 казаков, 155 крестьян и ремесленников в конце августа вернулись в Албазин. На месте разрушенного острога к ноябрю был поставлен новый – «земляной городок». Новый острог был построен с учётом недостатков прежнего по всем правилам современной фортификации. Толбузин сообщал, что высота укреплений «земляного городка» состав-

ляет «полторы сажени печатных», в «ширину четыре сажени печатных» (т.е., около 3,3 м и 8,7 м) (Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе..., 1687, с. 253). Такая высота и толщина земляных укреплений позволяла выдержать обстрел из осадных орудий. Образец «земляного городка» был отправлен в Москву. «Новоалбазинский острог» был достроен в июне 1686 г. – «только башни не покрыты» (Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова окольничему и воеводе Фёдору Головину, 1687, с. 259).

С долей условности общий вид острога 1686 г. передаёт гравюра «Осада синцами русского города Албазина, стоящего на притоке реки Амур» из книги Николаса Витсена. На гравюре острог представляет собой четырёхугольное укреплённое сооружение

Рис. 8. Русские и цинские укрепления 1685 г. По: Aihun, 1697–1722.

Fig. 8. Russian and Qing fortifications in 1685 After: Aihun, 1697–1722.

бастионного типа. Бастионы – выступы в стене трёх- четырёх- и шестиугольной формы возведены по линии четырёх стен (Witsen, 1705). На рисунке не указаны башни, отмеченные в русских письменных документах, которые, судя по археологическим раскопкам, находились на углах крепости. Земляные стены были укреплены плетнём. В целом острог представлял тип дерево-земляной крепости. Перед стенами находился ров и вкопанные в землю заострённые колья (рис. 9).

Цинские власти, узнав о возвращении русских, вновь направили к Албазину много-тысячную хорошо вооруженную армию. 7 июня 1686 г. маньчжурские войска второй раз осадили крепость.

В крепости заняли оборону 826 человек под командованием А.Л. Толбузина. Окружив город, маньчжуры из десятков пушек начали его непрерывный обстрел. Стены крепости стояли крепко, но люди гибли. На пятый день от пушечного ядра погиб Толбузин. Оборону возглавил А.И. Бейтон. Много раз цинские войска штурмовали крепость, но русские умело и бесстрашно отбивали атаки. К декабрю обе стороны понесли тяжелые потери – острог защищало около 150 человек, большинство из которых были ранены или боль-

ны, осаждающие потеряли более 1500 человек (Отписка из Удинского острожка..., с. 263 – 265). (рис. 10).

К этому времени на территории учреждённого в 1682 г. Албазинского воеводства было отстроено, кроме Албазинского, ещё три небольших острога, располагавшихся на р. Зее – Долонский (устье р. Долонец), Селинбинский (устье р. Селемджи), Верхнезейский (верховья Зеи). На Зее и на других притоках Амура располагались зимовья «для ясащного сбора». Типичное ясащное зимовье представляло собой прямоугольную бревенчатую постройку с надстроенным «верхним боем, а пред зимовьем сени прирубные с верхним же боем с зимовейным в повал»; длина стен в среднем могла достигать 3 – 4 печатных сажен, т.е. ок. 7 – 9 м. (Акты..., 1859, с. 369). К концу 1686 г. эти укрепленные поселения были оставлены русскими и разрушены противником. Их точное местоположение не установлено.

Осада Албазина затягивалась. Русские не сдавали крепость, а маньчжуры не могли её взять. Интенсивность боевых действий снижалась, заключались перемирия, но стычки возникали регулярно, росло с обеих сторон количество убитых и раненых. В лагерях осаждённых и осаждавших начались болез-

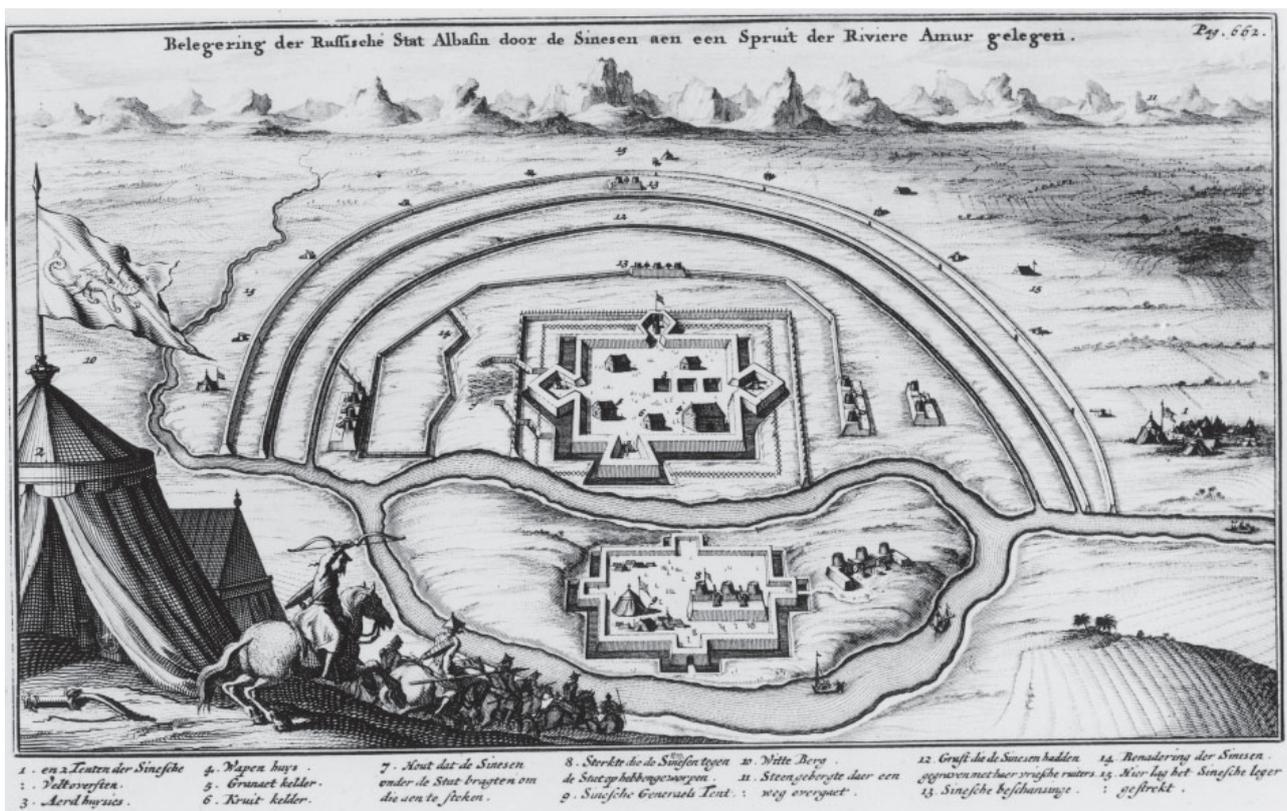

Рис. 9. Гравюра из книги Николааса Витсена. По: Witsen, 1705.
 Fig. 9. Engraving from the book by Nicolaes Witsen. After: Witsen, 1705.

Рис. 10. Массовое захоронение защитников Албазина внутри острога в землянке. Раскоп 2014 г.
 По Албазинский острог, 2019, рис. 2.2.37.
 Fig. 10. Mass burial of Albazin defenders inside the fort in a dug-out. 2014 excavation.
 According to: Albazinsky ostrog, 2019, fig. 2.2.37.

ни и голод. К весне 1686 г. потери в цинском лагере составляли 2500 человек (Донесение казачьяго головы..., 1844). Достойный выход могли обеспечить переговоры. Они начались с поездки в Пекин посольства Н. Венюкова и И. Фаворова и длились более двух лет. Наконец, в августе 1689 г. в Нерчинске Ф.А. Головинным был подписан мирный договор. Несмотря на необходимость по условиям договора оставить Албазин и Албазинское воеводство, в целом статьи соглашения отражали интересы России. Они позволили ей утвердиться на главных притоках Амура – Шилке и левобережье Аргуни (Отписка окольного..., 1867). Остроги Забайкалья и оставленные, но не забытые остроги Приамурья, героическая оборона Албазина, крестьянский труд по хозяйственному освоению Приамурья внесли крупный вклад в формирование новых реалий в порубежье России и Китая.

История изучения и реконструкции Албазинского острога

На основе полученных от очевидцев вполне достоверных сведений первым в XIX в. Албазинский острог был описан Н.И. Бичуриным, одним из основоположников российского китаеведения. В на берегу Амура отчетливо видны «четвероугольник» крепостных стен, «имевший до 60 русских сажен в поперечнике», земляные валы и рвы с тремя выходами. В контексте современных исследований и реконструкций острога важно замечание, что «с наречной стороны крутояра и вала не видно» (Бичурин, 1842, с. 217). Оно свидетельствует, что уже начале XIX в. примыкавшая к Амуру часть крепости отсутствовала в результате обрушений берега.

В 1854 г. расположение Албазинского острога было осмотрено со сбором подъемного материала участниками амурского сплава. В 1855 г. съёмку топоплана острога и цинского лагеря провёл Р.К. Маак, приложивший к топоплану описания русских и китайских укреплений (Маак, 1859, с. 65–67). (рис. 11 – 12).

В 1949 г. Г.С. Новиков-Даурский осуществил осмотр острога и сделал его краткое описание (Новиков-Даурский, 1961, с. 16–17). На протяжении многих десятилетий большую работу по сохранению территории острога, сбору и музейфикации артефактов проводила основательница албазинского музея А.Н. Дорохина. Расположенный рядом с острогом

музей с. Албазино является одним из центров сохранения и популяризации военной истории XVII в.

В 1974 – 1980 гг. отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) провёл первые раскопки на остроге, в которых приняли участие профессиональные археологи – С.Г. Глинский, Б.С. Сапунов, В.В. Сухих, а также студенты Благовещенского государственного педагогического института (Глинский, 1992). Археологические исследования были продолжены в 1988 – 2002 гг. Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. В 2001 – 2002 гг. археологическая разведка в окрестностях Албазина с целью поиска Спасского монастыря и других объектов проведена сотрудниками лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета под руководством А.П. Забияко (Забияко, 2003). В 2007 и 2013 гг. в рамках спасательных археологических работ на остроге проводили раскопки сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области (ЦСН) под руководством Н.Н. Зайцева, Д.П. Волкова, С.В. Коваленко (Савченко, 2011; Коваленко, 2013). С 2011 г. на территории острога и окрестностей Албазина регулярно ведёт работу Албазинская археологическая экспедиция под руководством А.Н. Черкасова. Экспедиция проводит археологические исследования в сотрудничестве ЦСН и АмГУ, а также ведущими научными центрами изучения средневековой археологии (Черкасов, 2014; Албазинский острог..., 2019).

Албазинский и другие укрепленные поселения XVII в. на Дальнем Востоке являются объектом историко-архитектурных исследований Н.П. Крадина (Крадин, 1992а; Крадин, 1992б). Исторической реконструкции Албазинского острога посвящены труды В.И. Трухина (Трухин, 2018; Трухин, 2020). Одним из итогов работы в этом направлении стало создание В.И. Трухиным, И.Е. Ереминым, А.В. Нацвиным, А.Ю. Лоховым на основе 3D технологий наиболее полного макета Албазинского острога 1685 г., экспонируемого в Научном музее АмГУ (Еремин, 2021).

Антропологии русских защитников Албазина посвящены исследования Д.П.

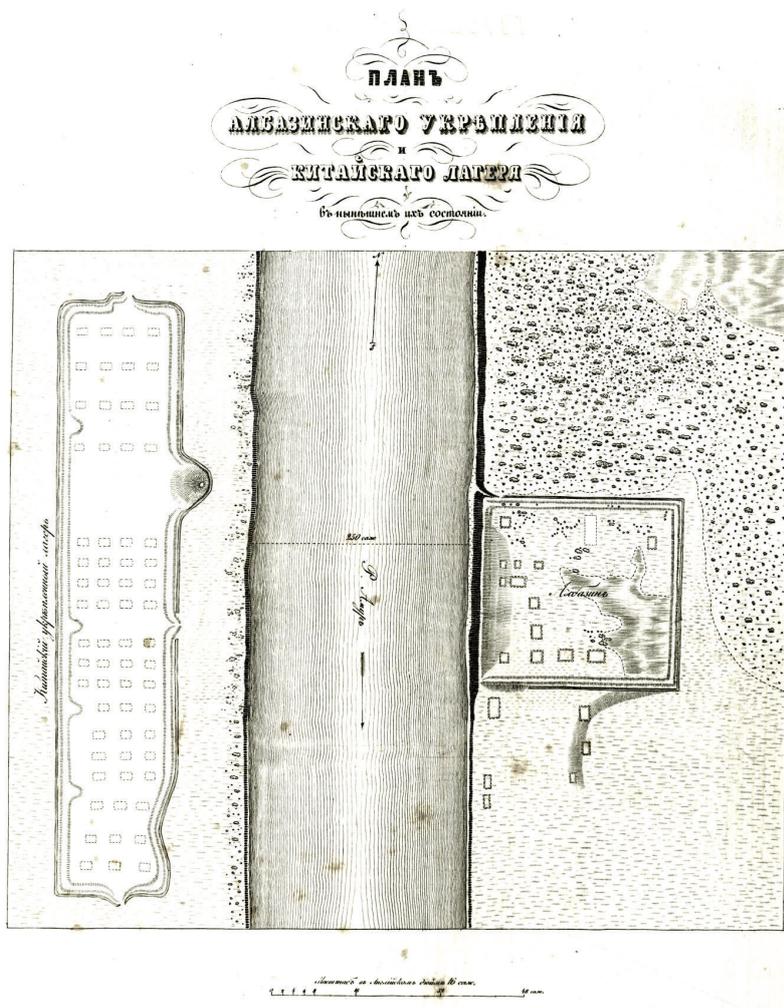

Рис. 11. Топоплан Албазинского острога. 1855 г. По: Маак, 1859.
 Fig. 11. Topographic plan of the Albazin fort. 1855. After: Maack, 1859.

Рис. 12. Топоплан Албазинского острога, 2012 г. По: Албазинский острог, 2019, рис. 2.2.12.

Рис. 12. Topographic plan of the Albazin fort, 2012. According to: Albazinsky ostrog, 2019, fig. 2.2.12.

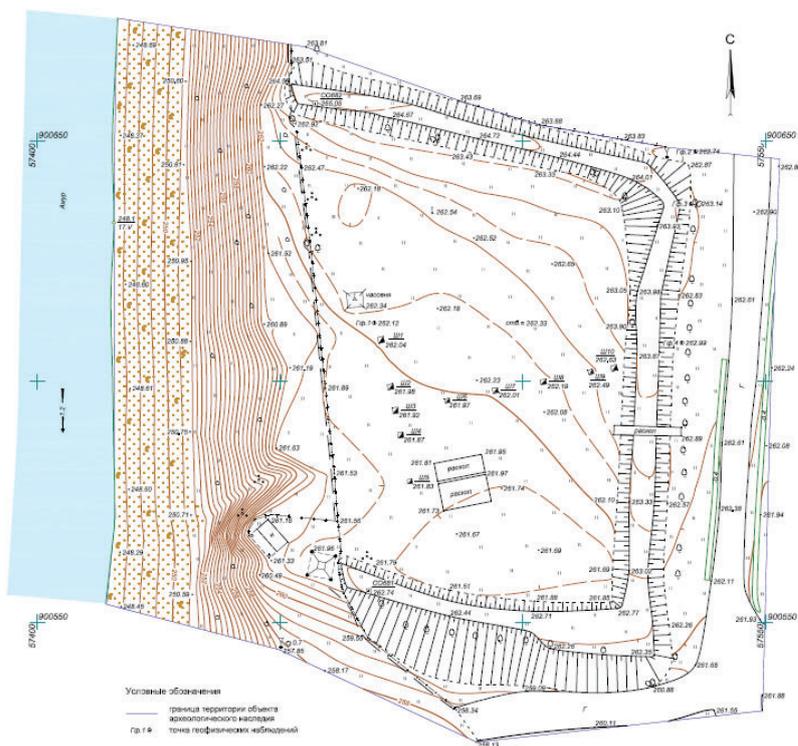

Рис. 13. Албазинский острог. Реконструкция. Парк «Патриот», г. Благовещенск.

Fig. 13. Albazin fort. Reconstruction. Patriot Park, Blagoveshchensk.

Пежемского и Н.А. Лейбовой (Албазинский острог..., 2019, с. 193–224).

В 2017 г. в Москве в парке Коломенский был возведён в натуральную величину фрагмент деревянного Албазинского острога. В 2023 г. в парке «Патриот» близ г. Благовещенска Амурским областным краеведческим музеем при поддержке компании «Петропавловск» завершены работы по возведению полной копии Албазинского острога 1685 г. (рис. 13.)

Историческая память и русская идентичность дальневосточников

Несмотря на необходимость оставить Албазин и другие остроги, возведённые в Приамурье в XVII в., воспоминания о них и о первопроходцах сохранялась в русской письменной и устной, фольклорной традиции. Со середины XIX в., со времени присоединения Приамурья и Приморья к России, значение этих воспоминаний существенно возрастает. Оборона Албазинского, Ачанского, Кумарского острогов становится предметом героизации, источником сюжетов и образов художественного творчества. Именами П.И. Бекетова, И.Ю. Москвитина, В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова, А.И. Бейтона, А.Л. Толбузина и других участников событий XVII в. были

названы станицы и поселения. Албазинская эпопея получает религиозное измерение в почитании иконы Албазинской Божией Матери и старца Гермогена, в повествованиях о Спасской обители и других явлениях православной культуры. В переплетении с историей как научной дисциплиной развивается мифология истории. Вместе этот массив отражающих освоение Приамурья в XVII в. исторических знаний, мифологии истории, топонимики, художественных и публицистических произведений формирует базовый пласт исторической памяти дальневосточников. В нём заключены образцы для подражания, сюжеты для героизации и мифологизации прошлого, важные для фундирования этнического самосознания русских дальневосточников, а также и в целом российской идентичности. Особенно они важны в ситуации современного цивилизационного самоопределения России и формирования новой парадигмы отношений с Китаем.

История первых амурских острогов остаётся одним из важнейших оснований исторической памяти о событиях освоения Дальнего Востока, опорой патриотизма и гордости за историю России, примером мужества и героизма первых русских дальневосточников.

ЛИТЕРАТУРА

Акты о плавании письменного головы Василья Пояркова из Якутска в Охотское море, 1646, после июля 12. // Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 50–61.

Акты об осаде и взятии Албазина китайцами, 1685 июня 4 – августа // Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1872. С. 107–114.

Акты, относящиеся до путешествия через Сибирь в Китай посланника Николая Спафария, XXIII // Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. С. 368–371.

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Артемов А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.

Артемов А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. 336 с.

Бичурин Н.И. Статистическое описание Китайской империи. В двух частях. Часть вторая. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. 350 с.

Глинский С.В., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7 / Ред. А.И. Филоненко, Е.П. Сычевский. Благовещенск: Кн. Изд-во, 1992. С. 17–24.

Донесение казачьяго головы поручика Бейтона нерчинскому воеводе Власову, 1689 не ранее января 2 // Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2: История города Албазина. М.: Типография Н. Степанова, 1844. С. 180–188.

Еремин И.Е., Коробий Е.Б., Нацвин А.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Высокотехнологичный макет Албазинского острога // Информатика и системы управления. 2021. № 3 (69). С. 3–24.

Забияко А.П., Кобызов Р.А., Волегов С.В. Этнорелигиозные контакты в приграничных районах Приамурья (по материалам полевых исследований) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 5 / Отв. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2003. С. 392–400.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск: РИО, 2008. 424 с.

Коваленко С.В. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок на городище «Албазинская крепость». Благовещенск, 2013.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.

Крадин Н.П. Крепость Албазин. Оборонное строительство на северо-востоке Русского государства в XVII веке // Россия и АТР. 1992а. № 1. С. 67–79.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992б. № 2. С. 109–110.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1859. 577 с.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. 200 с.

Отписка из Удинского острожка Андрей Яковлева и Емельяна Паникадильникова Селенгинскому приказному человеку с сообщением известий, полученных ими от разных лиц об осаде китайцами Албазина и об убиении во время осады воеводы Алексей Толбузина // Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. С. 263–265.

Отписка окольного и воеводы Фёдора Головина к якутскому воеводе Петру Зиновьеву о заключении с китайцами вечного мира и об определении границ между Россией и Китаем // Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. С. 265–266.

Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову // Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. С. 252–254.

Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова окольному и воеводе Фёдору Головину о происшествиях в Даурии с июня 1685 по 26 июля 1686 г. и о возобновлении Албазина, разоренного китайцами // Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. С. 258–260.

Отписка якутского воеводы Дмитрия Францбекова о походе Ерофея Хабарова на реку Амур, 1650, мая 26 // Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 258–261.

Отписка якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и проч., 1652 в августе // Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 359–371.

Отписка якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому приказного человека Онуфрия Степанова о присылке в Комарский острог пороха, свинца и писчей бумаги, об отправлении в Москву ясачной казны и о приступе Богдойских ратных людей к означенному острогу, 1655, после 4 апреля // Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. С. 27–31.

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2: История города Албазина. М.: Типография Н. Степанова, 1844. 208 с.

Полевой Б.П. О местонахождении Ачанского городка // СА. 1960. № 3. С. 328–333.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. 336 с.

Полевой Б.П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. / Историко-археологические исследования. Т. 2 / Отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1995. С. 7–54.

Распросные речи войскового атамана Артемья Филипова с товарищами о разбитии китайцами русского отряда на реке Амур и проч. 1659 октября 3 // Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. С. 176–177.

Розыск о злоупотреблении Нерчинского воеводы Фёдора Воейкова, 1684 мая 29 – 1685 июня 22 // Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1872. С. 2 – 8.

Распросные речи служивых людей Постника Володемерова, Петра Герасимова и Тунгузской женщины Даманзи о пребывании приказного человека Ерофея Хабарова на реке Амур, 1652, мая 22 // Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. С. 346–348.

Трухин В.И. «Росписной список» Албазинского острога (1674) // К 200-летию императора Александра II. Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях / Сборники Президентской библиотеки. Вып. 3 / Ред. Н.В. Дунаева, С.Г. Кащенко. СПб.: Президентская библиотека, 2018. С. 178–188.

Трухин В.И. Албазинский острог от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых / Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5 / Ред. Н.В. Дунаева, С.Г. Кащенко. СПб.: Президентская библиотека, 2020. С. 200–215.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666-1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431.8.

Черкасов А.Н., Беляков А.О., Вальчак С.Б., Чхаидзе В.Н. Исследования Албазинской археологической экспедиции в 2011–2012 годах // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 7 / Ред. Д.П. Волков, Забияко А.П., Е.А. Завадская, С.П. Нестеров. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2014. С. 222–230.

Aihun, Luosha, Taiwan, Menggutou (艾渾羅剌,台灣,蒙古圖) // Library of Congress Доступно по: URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078>. (дата обращения 09.09.2023)

Witsen Nicolaes. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest. Amsterdam: Halma, 1705.

Информация об авторе:

Забияко Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией археологии и антропологии, главный научный сотрудник лаборатории фронтальных исследований, Амурский государственный университет (г. Благовещенск, Россия); sciencia@yandex.ru

REFERENCES

In 1846. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 3. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 50–61 (in Russian).

In 1872. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 12. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 107–114 (in Russian).

In 1859. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 7. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 368–371 (in Russian).

Zabiyako, A. P., Cherkasov, A. N. (ed.). 2019. *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya (Albazin fort: History, archaeology, anthropology of the peoples of the Amur region)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Artem'ev, A. R. 1998. In *Otechestvennaya istoriya (Отечественная история)* 5, 140–147 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 1999. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII – XVIII vv. (Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bichurin, N. I. 1842. *Statisticheskoe opisanie Kitayskoy imperii (Statistical description of the Chinese Empire)*. Part 2. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ. (in Russian).

Glinskikh, S. V., Sukhikh, V. V. 1992. In Filonenko, Sychevsky, E. P. (eds.). *Zapiski Amurskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya i obshchestva kraevedov (Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore)* 7. Blagoveshchensk: “Blagoveshchensk. kn. Izd-vo” Publ., 17–24 (in Russian).

In Parshin, V. P. 1844. *Poezdka v Zabaykal'skiy kray. Ch. 2: Istoriya goroda Albazina (Trip to the Transbaikalian region. Part 2: History of the town of Albazin)*. Moscow: “N. Stepanov” Publ., 180–188 (in Russian).

Eremin, I. E., Korobii, E. B., Natsvin, A. V., Trukhin, V. I., Lokhov, A. Yu. 2021. In *Informatika i sistemy upravleniya (Computer science and management systems)* 69 (3), 3–24 (in Russian).

Zabiyako, A. P., Kobyzov, R. A., Volegov, S. V. 2003. In Zabiyako, A. P. (ed.). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh (Russia and China on the Far Eastern frontiers)* 5. Blagoveshchensk: Amur State University, 392–400 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Zabiyako, A. P. (eds.). *Istoriya Amurskoy oblasti s drevneyshikh vremen do nachala XX veka (The history of the Amur region from ancient times to the beginning of the XX century)*. Blagoveshchensk: Russian Historical Society (in Russian).

Kovalenko, S. V. 2013. *Otchet po provedeniyu spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopok na gorodishche «Albazinskaya krepost'» (Report on the rescue archaeological excavations on the ancient settlement "Albazinskaya krepost" (Albazin fort))*. Blagoveshchensk (in Russian).

Kochedamov, V. I. 1978. *Pervye russkie goroda Sibiri (The first Russian towns in Siberia)*. Moscow: “Samizdat” Publ. (in Russian).

Krasnoshtanov, G. B. 2008. *Nikifor Romanov Chernigovskiy: dokumental'noe povestvovanie (Nikifor Romanov Chernigovskiy: documentary narration)*. Irkutsk: “Reprintsentr A1” Publ. (in Russian).

Kradin, N. P. 1992. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 1, 67–79 (in Russian).

Kradin, N. P. 1992. In *Rossiya i ATR (Russia and the Pacific)* 2, 109–110 (in Russian).

Maak, R. K. 1859. *Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva, v 1855 godu (Trip to the Amur region, made by order of the Siberian department of the Russian Geographical Society, in 1855)*. Saint Petersburg: “Karl Vulf” Publ. (in Russian).

Novikov-Daurskiy, G. S. 1961. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Historical and Archaeological Essays)*. Blagoveshchensk: “Amur. Kn. Izd-vo” Publ. (in Russian).

In 1867. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 10. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 263–265 (in Russian).

In 1867. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 10. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 265–266 (in Russian).

In 1867. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 10. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 252–254 (in Russian).

In 1867. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 10. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 258–260 (in Russian).

In 1846. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 3. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 258–261 (in Russian).

In 1846. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 3. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 359–371 (in Russian).

In 1851. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 4. Saint Petersburg: “E. Prats” Publ., 27–31 (in Russian).

Parshin, V. P. 1844. *Poezdka v Zabaykal'skiy kray. Ch. 2: Istoriya goroda Albazina (Trip to the Transbaikalian region. Part 2: History of the town of Albazin)*. Moscow: "N. Stepanov" Publ. (in Russian).

Polevoi, B. P. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 328–333 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 1999. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII – XVIII vv. (Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Polevoi, B. P. 1995. In Artem'ev, A. R. (ed.). *Russkie pervopromyshlenniki na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Russian earliest explorers in the Far East in the XVII–XIX centuries)* vol. 2. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).

In 1851. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 4. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ., 176–177 (in Russian).

In 1872. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 12. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ., 2–8 (in Russian).

In 1846. *Dopolneniya k aktam istoricheskim (Additions to historical documents)* vol. 3. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ., 346–348 (in Russian).

Trukhin, V. I. 2018. In Dunaeva, N. V., Kashchenko, S. G. (eds.). *K 200-letiyu imperatora Aleksandra II. Arkhivnye dokumenty po rossiyskoy istorii v nauchnykh issledovaniyakh i publikatsiyakh (On the 200th Anniversary of Emperor Alexander II. Archival Documents on Russian History in Scientific researches and publications)*. Series: Sborniki Prezidentskoy biblioteki (Presidential Library Collections) 3. Saint Petersburg: "Prezidentskaya biblioteka" Publ., 200–215 (in Russian).

Trukhin, V. I. 2020. In Dunaeva, N. V., Kashchenko, S. G. (eds.). *Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh (History of Russia, Hungary, and China in modern scientific studies)*. Series: Sborniki Prezidentskoy biblioteki (Presidential Library Collections) 5. Saint Petersburg: "Prezidentskaya biblioteka" Publ., 200–215 (in Russian).

Trukhin, V. I., Bagrin, E. A. 2019. In *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Military Art: Studies and Sources)* vol. X, 385–431.8 (in Russian).

Cherkasov, A. N., Belyakov, A. O., Valchak, S. B., Chkhaidze, V. N. 2014. In Volkov, D. P., Zabiyaiko, A. P., Zavadskaya, E. A., Nesterov, S. P. (eds.). *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia)* 7. Blagoveshchensk: Amur State University, 222–230 (in Russian).

Aihun, Luosha, Taiwan, Menggutou (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖) // Library of Congress Available at: URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078>. (accessed 09.09.2023)

Witsen Nicolaes. 1705. *Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest*. Amsterdam: Halma (in Dutch).

About the Author:

Zabiyaiko Andrey P. Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Laboratory. Amur State University. Ignatyevskoye Shosse, 21, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation; sciencia@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 930.253+623.1+902.26

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.129.141>

ТАРСКАЯ ДИСТАНЦИЯ НОВО-ИШИМСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ: ИТОГИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В 2021 Г.¹

©2023 г. К.А. Дегтярев, М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов

В статье представлены результаты изысканий по проблеме существования и функционирования Тарской дистанции Ново-Ишимской (Пресногорьковской) оборонительной линии XVIII в. на территории современной Омской области. Цель работы – подведение итогов комплексных исследований части Сибирских укрепленных линий XVIII в. В рамках достижения цели, авторами были поставлены и решены следующие задачи: изучение и систематизация уже имеющихся сведений о Тарской дистанции Ново-Ишимской оборонительной линии по архивным и опубликованным материалам; полевые археологические работы по поиску, фиксации и определения границ фортификационных сооружений Тарской дистанции как археологических памятников; постановка выявленных объектов культурного наследия на государственную охрану.

Ключевые слова: археология, Ново-Ишимская оборонительная линия, Тарская дистанция, Омская область, XVIII в., фортификация, фиксация, границы, постановка на охрану.

TARA DISTANCE OF THE NOVO-ISHIM DEFENSIVE LINE: RESULTS OF THE COMPREHENSIVE STUDY IN 2021²

K.A. Degtyarev, M.A. Korusenko, Yu.V. Gerasimov

The paper features the results on the issues of existence and functioning of the Tara Distance of the Novo-Ishim (Presnogorkovskaya) defensive line of the XVIII century on the territory of the modern Omsk region. The purpose of the work is to summarize the results of comprehensive studies of a part of the Siberian fortified lines of the XVIII century. To achieve this purpose, the authors set and solved the following tasks: the study and systematization of already available data about the Tara Distance of the Novo-Ishim defensive line according to archival and published materials; field archaeological works on the search, fixation and determination of the borders of Tara Distance fortifications as archaeological sites; setting the identified cultural heritage objects on the state protection.

Keywords: archaeology, Novo-Ishim defensive line, Tara Distance, Omsk region, XVIII century, fortification, fixation, borders, state protection.

Своему появлению Ново-Ишимская линия укреплений (пограничная линия, оборонительная линия – употребляются в статье как синонимы – авт.) обязана ряду геополитических и экономических факторов.

Поражение киргиз-кайсаков (обозначение казахского населения в XVIII в. – авт.) и установление джунгарского протектората над землями Среднего Жуза в 1741-1742 гг. вызвало движение некоторых родов киргиз-кайсаков на север, ближе к укреплениям пограничных линий Российской Империи. Кроме того, южнее уже существующей Старо-Ишимской линии, за её пределами, располагались промысловые и сельскохозяйственные уголья

русских крестьян, для обеспечения безопасности которых от набегов кочевников приходилось отправлять охранные команды из казаков, что с точки зрения экономики и логистики тормозило развитие запашки (Колесников, 1999, с. 36-37). Важной причиной для принятия решения о строительстве новой линии укреплений послужило то, что дистанция между форпостами Старо-Ишимской линии была слишком велика и гарнизонные команды не могли своевременно реагировать на вторжения неприятеля.

В связи с обозначенными проблемами уже в 40-х гг. XVIII в. начались первые изыскания по поиску места для строительства новой

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

² This work was carried out within the State Task for Omsk scientific center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

оборонительной линии (Тарасенко, Каменецкий, 2008, с. 267-268).

По приказу оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева в 1742 г. прапорщик-геодезист Куроедов проводит разведку территории планируемой новой пограничной линии. Маршрут разведки пролегал от р. Тобол до Чернолуцкой слободы на р. Иртыш. Годом позже поручик-геодезист Шишков возглавляет двухлетнюю экспедицию по описанию местности по маршруту от р. Тобол до Омской крепости. В результате геодезических изысканий было выдвинуто два проекта. Первый предполагал перенести старые форпосты на новые места, тем самым спрямив Старо-Ишимскую линию. Второй предполагал возвести с нуля новую линию укреплений вдоль цепочки озёр Камышловского Лога. Здесь следует отметить, что экспедиции Куроедова и Шишкова дали разную информацию о пригодности местности для строительства оборонительных укреплений. Поэтому в 1746 г. Сенат поручает генерал-майору Х.Х. Киндерману лично осмотреть территорию будущего строительства. Ознакомившись с предложенными землями, он пришёл к выводу, что новую оборонительную линию следует протянуть по прямой от урочища Звериная Голова (на р. Тобол) до Омской крепости, тем самым объединив Оренбургскую оборонительную линию с Иртышской. Данный проект также подразумевал смещение границ империи на дистанцию от 50 до 200 вёрст южнее Старо-Ишимской линии, включая в себя и уже фактически освоенные русскими крестьянами сельскохозяйственные территории. В этом же году Х.Х. Киндерман отправил свой проект на утверждение в Сенат. Одобрение он получил только в 1752 г., что и является годом началом строительства Ново-Ишимской линии (Горбань, 1953, с. 212).

Всего на линии планировалось построить 42 маяка, 33 редута, 9 четырёхугольных и 2 шестиугольных крепостей. Однако к окончанию строительства (1755 г.) количество построенных объектов было меньшим: 40 маяков, 31 редут, 9 четырёхугольных и 1 шестиугольная крепость. С запада на восток линия делилась на Тобольскую, Ишимскую и Тарскую дистанции. На Тарской дистанции, рассмотрению которой посвящена настоящая статья, были запланированы к постройке следующие фортификации: редуты Первый

Тарский, Лосев и Солёноозёрный; крепость Николаевская; редуты Горький и Волчий; крепость Покровская; редуты Пустоозёрный, Дубровный, Степной, Мельничный и Иртышный (Горбань Н.В., 1953, с. 206-227).

История исследований, авторские подходы к изучению Сибирских укреплённых линий XVIII в. рассмотрены нами ранее в ряде опубликованных работ, что избавляет нас от их повторения (см. например: Дегтярев К.А., 2021, с. 291-296; Герасимов Ю.В., Дегтярев К.А., Корусенко М.А., 2021, с. 331-337).

Исследования и материалы

В строительстве Ново-Ишимской пограничной линии XVIII в. принято выделять два этапа, различающиеся архитектурным решением сооружений (Шемелина, 2015, с.75). Укрепления первого этапа (1752-1755 гг.) характеризовались сочетанием фортификаций двух видов: угловой, с применением бастионного начертания, в плане и ярусной, включающей вертикальные деревянные конструкции, в профиле (Шемелина, 2019, с. 186). Сооруженные в этот период редуты в плане имели полу-бастионное начертание, а крепости строились на основе бастионного фронта. На втором этапе (после 1761 г.) от принципов ярусной фортификации отказались, редуты превратились в квадраты без бастионов, с барбетами по углам, крепости стали перестраиваться на основе полигонального фронта (Шемелина, 2018, с. 190).

При обозначении объектов первого этапа мы использовали формулировку «название объекта с отсутствием цифр», либо «название объекта с цифрой I» (крепость Покровская, редут Степной I и т.д.), для второго – «название и цифра II» (крепость Николаевская II, редут Степной II и т.д.).

В ходе полевого сезона 2021 г. сотрудники Лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного центра СО РАН выполнили археологическое обследование фортификаций Тарской дистанции Ново-Ишимской укреплённой линии (далее – *Тарская дистанция, авт.*). Разведка проводилась в Исилькульском, Москаленском, Марьяновском и Омском муниципальных районах Омской области. В результате проведённых работ удалось обнаружить, сфотографировать, произвести аэро- и инструментальную (тахеометрическую) съёмку сохранившихся укреплений Тарской дистанции. Были обнаружены редут Лосев,

крепость Николаевская II, редут Волчий II, крепость Покровская II, редуты Курганский (Пустоозёрный II), Дубровный, Степной I и Степной II; обследованы предполагаемые места расположения редутов Солёноозёрный, Горький, Пустоозёрный I и Мельничный (Корусенко М.А., 2022). Далее мы представим результаты полевых работ 2021 г. на фортификациях Тарской дистанции начиная от крайней западной точки обследования (рис. 5).

Редут Лосев. Объект расположен в Исилькульском районе на восточном берегу Безымянного озера, в 6,85 км к северо-востоку от клуба п. Северный. Редут основа в промежутке с 1752 по 1755 г. на окраине с. Лосево (в настоящее время бывший населённый пункт (далее - *Б.Н.П.*, авт.) Старое Лосево) на берегу озера. Гарнизон состоял из 2 капралов и 17 драгун при 23 драгунских и 4 ямщицких лошадях (Государственный..., Ф. 1, Оп. 1, Д. 39, Л. 68). Редут был перестроен на втором этапе строительства Линии, что отразилось в планировке фортификации. К концу XIX в. территория уже не используемого редута начала осваиваться под застройку и разбивку огородами, ров и валы начали распахиваться, а также подрезаться для грунтозабора (Государственный..., Ф. Р2200, Оп. 1, Д. 245, ЛЛ. 15, 17-18).

Редут четырехугольной формы, размеры по валу составляют $\approx 76 \times 90$ м, ориентирован длинной стороной по линии запад–восток. Западный контур укрепления полностью разрушен улицей д. Старое Лосево, существовавшей здесь до конца 1970-х годов. Система фортификации включает: гласис высотой до 0,6 м и шириной до 10...12 м, хорошо сохранившийся с восточной и южной сторон, частично – с северной. Вдоль восточного гласиса читается укрытый путь. Сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном имеет ширину 7 м по гребню эскарпа и 3 м – по дну; земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва, шириной до 10 м по основанию и до 3 м по вершине, высотой до 1 м над уровнем площадки редута. В юго-восточном углу редута хорошо читается насыпной барбет с аппарелью. Рядом обнаружены остатки прямоугольного кирпичного фундамента на бетонном растворе размером 20x11 м, в 18,5 м к западу от которого зафиксировано углубление подпрямоугольной формы с небольшим валиком по контуру размером

30x15 м, глубиной до 0,2 м. В северо-западной части редута отмечено разрушение культурного слоя перекопом неправильной формы, площадью до 170 кв. м., на остальной территории присутствуют многочисленные следы деятельности «черных» копателей.

Предполагаемое месторасположение редута Солёноозёрный. Восточнее нами были обследованы окрестности Б.Н.П. Озерка, на месте которого, предположительно, располагался редут Солёноозёрный. Территория обследования находится к востоку от оз. Солёное, в 4,9 км к восток-северо-востоку от с. Водяное. Предположительно, редут располагался на берегу оз. Солёное и был построен в 1752 г. Вскоре в окрестностях редута появилось с. Солёноозёрное, позже переименованное в д. Озерка. Гарнизон редута состоял из 1 капрала и 15 драгун при 16 драгунских лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 68). К 1764 г. было принято решение «за ближним расстоянием и за худобой (горькостью) воды упразднить...» это редут (Горбань Н.В., 1953, с. 216). Никаких следов редута при обследовании 2021 г. не обнаружено. Территория частично распахивается, местами растут редкие берёзовые колки, хорошо заметны следы техногенного изменения ландшафта, а также руины строений Б.Н.П.

Крепость Николаевская II. Крепость была перенесена со своего старого местоположения в 1761 г., т.е., до начала второго этапа строительства, сохранив, благодаря этому, бастионную схему (Государственный..., Ф. Р2200, О. 1, Д. 246, Л. 15-15а). Местоположение крепости Николаевская-I до сих пор не установлено. В настоящее время остатки фортификации расположены на южной окраине д. Николаевка Москаленского района, в 0,51 км к западу от кладбища на берегу оз. Николаевское. Гарнизон крепости состоял из 1 капитана, 1 вахмистра, 1 подпрапорщика, 1 цирюльника, 2 барабанщиков, 2 денщиков, 1 плотника и 57 драгун при 70 драгунских и 9 рабочих лошадях. Кроме того, на хлебопашестве состояло 19 тарских казаков при 19 лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 68). К 1771 г. в крепости была построена деревянная церковь, а слобода разрослась до 140 дворов (355 душ мужского и 350 женского пола) (Записки..., 1824, Т. 6, с. 365).

Крепость относится к типу четырёхугольных с пятиугольными бастионами по углам,

ориентирована по оси север-северо-запад – юг-юго-восток (рис. 1). Наиболее полно сохранилась фортификация юго-восточного фаса. Протяженность куртины здесь составляет 84 м, ширина вала – 10...11 метров по основанию и до 5,5 м по вершине, высота – до 1,2 м над площадкой крепости. К югу от центра вала зафиксирована современная округлая яма диаметром до 6 м и глубиной до 0,4 м, задернованная, с пологими стенками и ровным дном. Эскарпированный ров куртины достигает ширины 20 м, глубина его не менее 2 м, дно заболочено, поросло болотной растительностью, эскарп – кустарником. С наружной стороны сохранился гласис шириной до 5 м. Куртина прикрыта рavelином с длиной фланка до 83 м, оконтуренным неглубоким, до 0,7 м рвом, ширина которого достигает 8 м и гласисом шириной до 10 м и высотой до 0,5 м. Вал северо-восточной куртины частично поврежден прудом, который жители д. Николаевка организовали во рву фаса. Протяжённость вала достигает 78 м, ширина не превышает 5 м, внешняя сторона крутая, обрывистая, высота – до 0,9 м над площадкой крепости. Размеры рва составляют 18x70 м, первоначальный контур, как уже упомянуто, нарушен прудом. Внешний пояс укреплений полностью уничтожен домохозяйством, которое находилось к востоку от крепости. Вал северо-западной куртины в восточной части полностью уничтожен, в западной - на протяжении 19 м частично сохранился. Судя по расстоянию между уцелевшими фланками северо-восточного и северо-западного бастионов, протяженность куртины составляла 78...79 м; ров так же поврежден, частично засыпан, заболочен. Юго-западная куртина пострадала меньше – вал сохранился на всём протяжении, лишь к северу от центра его перерезает узкий (до 2 м шириной) перекоп, связанный, вероятно, с деятельностью хозяина усадьбы (в 2021 г., уже не существовавшей), располагавшейся в западной части крепости. Ров имеет размеры 78x18 м, глубину – до 1,5 м, эскарпирован, дно плоское, сухое, порос тополями. Вдоль рва читаются остатки гласиса шириной до 12 м, частично, в северной части, разрушенного в результате хозяйственной деятельности.

Все бастионы симметричные, с коротким, до 17 м фланком и длинным, до 42 м фасом. Фасовый угол юго-западного бастиона нару-

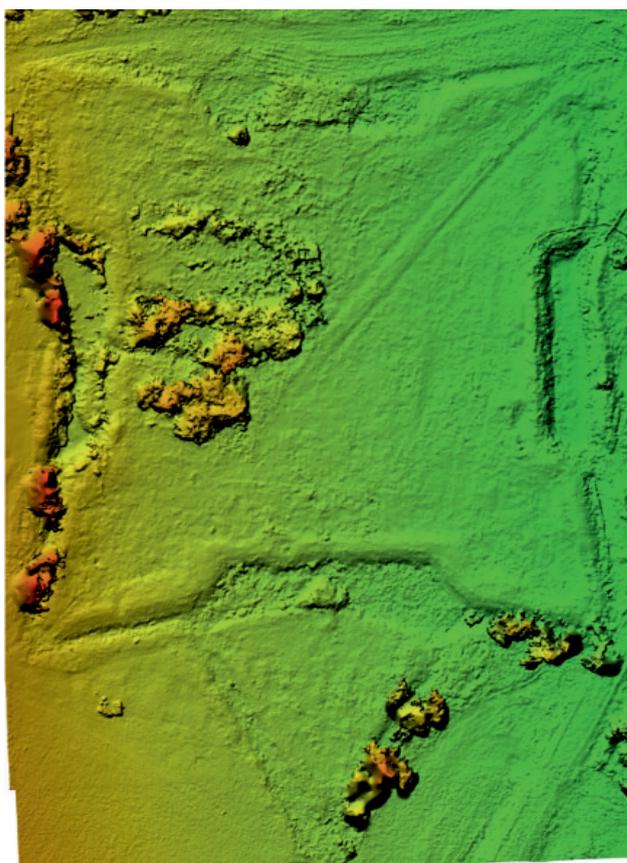

Рис. 1. Ортофотоплан объекта культурного наследия «Крепость Николаевская-II».

Fig. 1. Orthophoto of the cultural heritage site «Nikolayevskaya-II, fortress».

шен пешеходной тропой, юго-восточный бастион сохранился лучше, при сооружении пруда во рву восточной куртины частично повреждена внешняя стена его северного фланка. Северо-восточный бастион разрушен, визуальнo фиксируются остатки восточного фаса, фасовый угол уничтожен просёлочной дорогой. Северо-западный бастион, заросший бурьяном и клёном, сохранил внешний контур, но внутренняя поверхность претерпела искажения в результате хозяйственной деятельности. Ширина бастионных рвов колеблется в пределах 4...8 м, глубина не превышает 1,7 м, стенки покатые, дно ровное; ров западного фаса северо-западного бастиона уничтожен усадьбой. Гласисы сохранились только у юго-западного бастиона, и, частично, у южного фаса юго-восточного. В западной части крепости сохранился фундамент жилого дома и развалины хозяйственной постройки усадьбы (предположительно, бывшего директора школы д. Николаевка); посадки ели, заросли клёна и тополя. Через фасовый угол северо-

восточного бастиона до восточной границы бывшей усадьбы проходит колея просёлочной дороги.

Предполагаемое месторасположение редута Горький. Территория обследования расположена к северо-западу от п. Весёлый Москаленского района, в 0,81 км к северу от кладбища посёлка. Укрепление было заложено между 1752-1755 гг., но уже к 1760 г. упразднено. Гарнизон состоял из 1 квартирмейстера, 1 капрала и 14 драгун при 16 драгунских лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 69). Никаких следов редута в настоящее время не обнаружено. На территории обследования зафиксированы следы антропогенного вмешательства в виде старых небольших котлованов, участок хорошо задернован, растут редкие берёзовые колки.

Редут Волчий II. Объект расположен на восточной окраине д. Шефер Москаленского района, в 0,37 км к север-северо-востоку от начальной общеобразовательной школы. Первоначально редут Волчий был основан в 1752 г. на берегу солёного озера-старицы Камышловского лога, предположительно, в окрестностях современной д. Волчанка (Гиль И.А., 2016, с. 134). Известно, что в 1761 г., из-за проблем с водой его пришлось перенести на нынешнее место. Новый редут был построен уже в форме квадрата. Гарнизон редута состоял из 1 капрала и 15 драгун при 12 лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 69). К началу XIX в. редут полностью утрачивает своё военное значение, его площадку начинают осваивать под сельское хозяйство. В 1923-1924 гг. рядом с уже заброшенным редутом основан немецкий хутор Шефер, одна из усадеб которого расположилась непосредственно на площадке бывшего укрепления, уничтожив вал и ров в северо-восточной части укрепления (Государственный..., Ф. Р2200, О. 1, Д. 246, ЛЛ. 10, 12, 14-15). Позже середина северного и южного валов на местах ворот срезается для прокладки дороги. В настоящее время через площадку редута проходит полевая дорога, ведущая от ул. Центральная к берегу озера. В 80 м к северо-западу от редута находится водохранилище, соединенное с озером рукотворным каналом.

Редут квадратный, размеры по валу $\approx 75 \times 75$ м., ориентирован по оси север-северо-запад – юг-юго-восток. Центральная часть северо-

западного и юго-восточного фасов разрушена при прокладке полевой автодороги на ширину 16...25 м, кроме того, северо-западный контур к востоку от дороги уничтожен располагавшейся здесь ранее усадьбой. Система укреплений включает: гласис высотой до 0,3 м и шириной до 7 м, сохранившийся в границах северо-западного и юго-восточного, в северной части юго-западного фасов и у юго-восточного угла. По гласису северо-восточного фаса проходит накатанная полевая автодорога, искажившая контур укрепления; вдоль юго-восточного и юго-западного гласисов читается укрытый путь; сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной 7 м по гребню эскарпа и 3 м – по дну, глубиной до 0,9 м от поверхности; земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва, шириной до 10 м по основанию и до 3 м по вершине, высотой до 1,2 м над уровнем площадки редута. По углам редута хорошо читаются насыпные барбетты с аппарелью. Поверхность редута хорошо задернована, поросла луговой травой, за исключением колеи полевой автодороги. В настоящее время территория памятника используется для выпаса домашнего скота. У юго-западного фаса распахан участок под посадки картофеля размером 38x37 м, разрушивший гласис. У подножия вала юго-восточного фаса растёт одинокая старая береза, зафиксированная на фото, сделанном экспедицией А.Ф. Палашенкова и Д.Н. Фиалкова (Альбом..., БГ/БД, с. 25; Фиалков Д.Н., 1972, с. 57-59).

Крепость Покровская II. Объект расположен на северном берегу оз. Покровское, в 6,35 км к востоку от п. Помурино Марьяновского района, в 7,15 км к запад-юго-западу от п. Пикетное. Фортификационное сооружение заложено в промежутке с 1752 по 1755 гг. на берегу пресного Покровского озера (Государственный..., Ф. Р2200, О. 1, Д. 247, ЛЛ. 20-22; Фиалков Д.Н., 1972, с. 56). На втором этапе строительства Новой линии крепость была перестроена, вероятно, на том же месте, но уже на основе тенальной планировки. Вокруг крепости располагалась с. Покровка (последний житель покинул его в 1970 г.). Гарнизон крепости состоял из 1 капитана, 1 поручика, 1 подлекаря, 1 вахмистра, 2 квартирмейстеров, 1 каптенармуса, 1 капрала, 1 ротного писаря, 2 цирюльников, 2 барабанщиков, 58 драгун, 3 канонира, 1 слесаря, 1 кузнеца, 1 седельника,

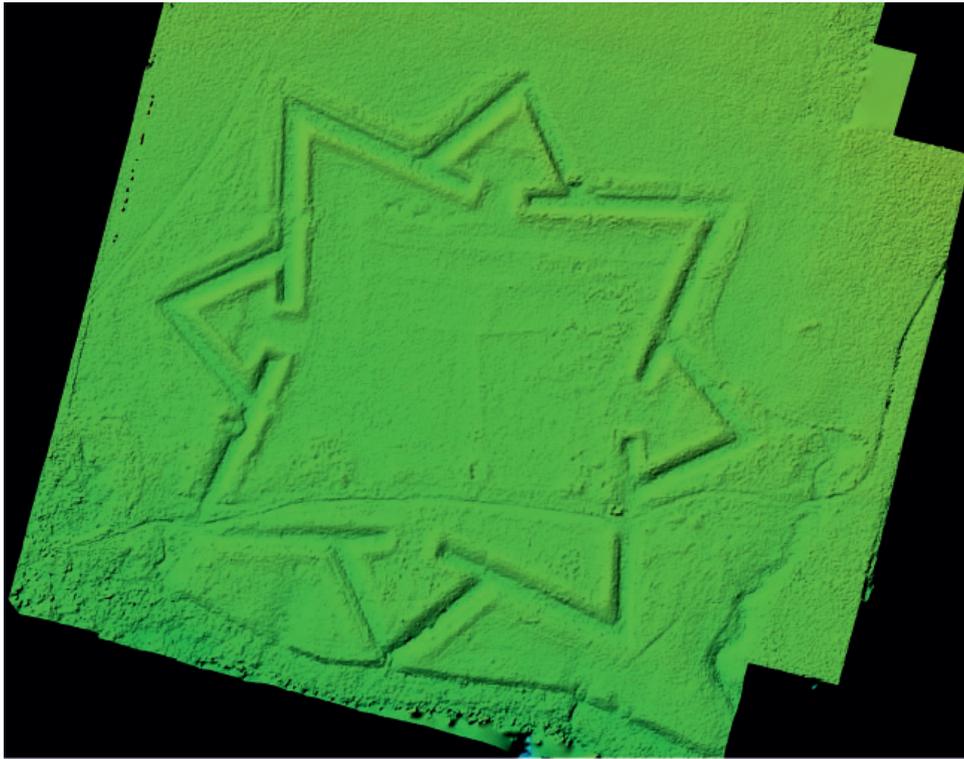

Рис. 2. Ортофотоплан объекта культурного наследия «Крепость Покровская-II».

Fig. 2. Orthophoto of the cultural heritage site «Pokrovskaya-II, fortress».

1 коновала, 1 плотника и 3 ямщиков при 65 драгунских и 7 почтовых лошадях. Также при хлебопашестве 1 сотник, 1 десятник, 1 барабанщик и 24 казака при 24 лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 69). К 1762 г. в гарнизоне на смену драгунам расквартировывается рота солдат Ширванского полка с офицерами, а также инородцы (башкирцы). В настоящее время крепость хорошо видна на снимках из космоса, является местной достопримечательностью.

Крепость относится к типу четырехугольных с треугольными бастионами по центрам куртин, образующих теналь, ориентирована по оси север-северо-восток – юг-юго-запад (рис. 2). Фортификационные сооружения хорошо сохранились, за исключением гласиса восточного фаса, уничтоженного в результате распашки и обустройства просёлочной дороги. В основе системы фортификации крепости лежит четырехугольник со сторонами 245...253 м, стороны которого вогнуты внутрь. Крепость выстроена на принципах угловой фортификации, в которой бастионный фронт заменён на полигональный. Куртины образуют острые углы со стороной 105...115 м, соединены треугольными

ми бастионами, длина фасов которых составляет 53..54 м. Валу куртин и бастионов оконтурены рвами шириной до 8 м по верхнему контуру и глубиной до 1,5 м, с крутыми эскарпированными стенками и ровным плоским дном. По периметру ровов читается укрытый путь шириной до 1,5 м, перед которым расположен гласис шириной 10...12 м и высотой до 0,7 м, за исключением восточного контура крепости, где указанные элементы разрушены. Гласис южного фаса западного бастиона продольно разрезан траншеей шириной до 0,5 м и глубиной до 0,4 м, заросшей травой, задернованной. В западном валу северо-западного угла читается поперечное рассечение шириной до 2 м: следы ворот. В месте соединения восточной куртины юго-восточного угла и восточного бастиона зафиксированы остатки главных ворот крепости в виде разрыва в линии рва и вала, через который проходит колея просёлочной дороги. К северу от дороги зафиксированы остатки строений усадеб, располагавшихся на территории крепости. В углах бастионов хорошо читаются насыпные барбетты артиллерийских батарей. Угол южного бастиона разрушен оврагообразованием по линии рва восточного фаса. Поверх-

ность крепости неровная, отмечено несколько небольших раскрытий, оставшихся от незаконных раскопок.

Предполагаемое месторасположение редута Пустоозёрный I. Обследована территория, расположенная в 2,31 км к юг-юго-востоку от ж/д станции п. Татьяновский Марьяновского района. Редут основан в 1752 г., к 1761 г. перенесён на новое место (редут Курганский (Пустоозёрный II)). Следов редута не обнаружено. Территория обследования ранее распаивалась, местами пашется и в настоящее время. В 4 км к юго-западу от места предполагаемого расположения редута находится оз. Райнфельд, территория вокруг покрыта солончаковым болотом.

Редут Курганский (Пустоозёрный II). Объект расположен на территории Б.Н.П. Старая Курганка Марьяновского района, в 0,5 км на юг-юго-запад от фермерского хозяйства «Курганская пустынь», в 1,16 км к юг-юго-востоку от съезда с трассы Курган-Омск. Основан в 1761 г. в связи с переносом редута Пустоозёрный I. В архивных документах значится как редут Пустоозёрный. Второе название получил в честь окружающей местности, покрытой «буграми» (курганами). Вскоре вокруг редута образовывается с. Курганка, просуществовав до 20-х гг. XX в. (Государственный..., Ф. Р2200, О. 1, Д. 247, ЛЛ. 1-3). В научной литературе за редутым закрепилось название Курганский (Записки..., 1824, Т. 6, С. 366). Расположен между оз. Камышлого и Пресное по левому склону Камышловского лога на приподнятой террасе. В гарнизоне находились: 1 прапорщик, 1 подпрапорщик, 1 капрал, 2 барабанщика, 33 драгуна, 2 вольнонаёмных служащих, 1 ямщик и 1 канонир, 50 лошадей, среди которых 40 драгунских и 10 ямских (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 69).

Территория, на которой расположен редут, используется фермерским хозяйством под выпас скота, окружена электроизгородью. В настоящее время значительная часть фортификаций уничтожена в результате хозяйственной деятельности, сохранились лишь фрагменты юго-западного и юго-восточного фасов редута. От юго-западного фаса сохранился вал шириной до 5 м и высотой 0,97 м на протяжении 40 м, внешняя сторона которого переходит в эскарп сухого рва шириной до 4 м и глубиной до 1 м. От юго-восточного фаса на

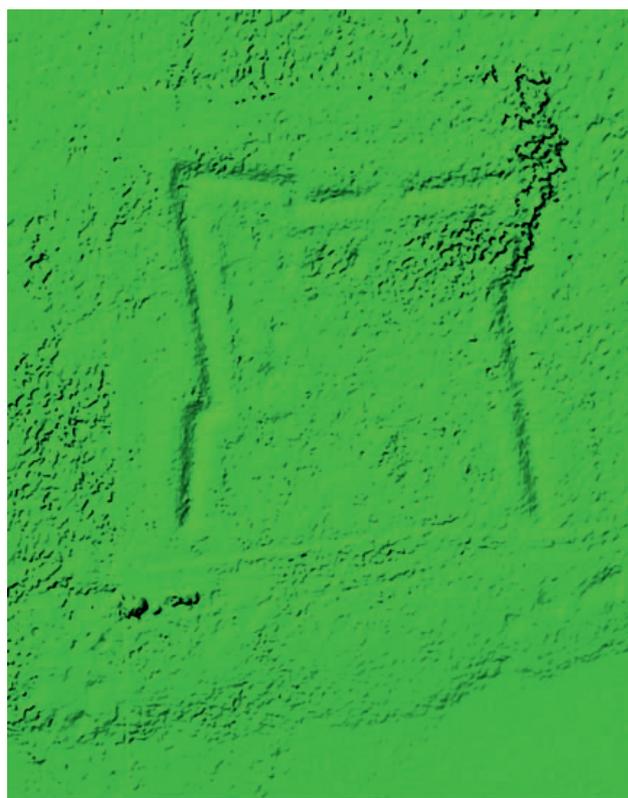

Рис. 3. Ортофотоплан объекта культурного наследия «Редут Дубровный».

Fig. 3. Orthophoto of the cultural heritage site «Dubrovny, redout».

протяжении 51 м прослежены остатки вала, по своим размерностям аналогичного вышеописанному. В 29 м от угла вал и ров рассечены проходом, представляющим собой остатки въездных ворот в редут. Вдоль южной части рва читаются остатки гласиса шириной до 5 м, высотой до 0,6 м, в центральной части разрушенный современной ямой. Во рву у перемычки зафиксированы две округлые современные ямы диаметром 1,2...1,5 м и глубиной до 0,9 м. В восточной части редута ров и вал разрушены котлованом грунтозабора.

Редут Дубровный. Объект расположен в пойме Камышловского лога на северном берегу оз. Карасье (Желтое), в 2,83 км к восток-северо-востоку от перекрёстка на трассе Курган-Омск у АГЗС «Омскоблгаз» в Марьяновском районе. Основан в промежутке между 1752 и 1755 гг. В гарнизон входили 1 капитан и 15 драгун при 15 лошадях (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 70). Из-за отсутствия источников пресной воды был заброшен к 1761 г.

Редут построен в форме квадрата с полу-бастионами по углам (рис. 3). Размеры по валу

≈ 58x56 м., ориентировано сооружение по оси север – юг. Редут составляют три фаса – западный, северный и восточный. Южная сторона редута, судя по микрорельефу поверхности и укрепления, не имела земляных сооружений, и, вероятно, защищалась деталями ландшафта (обрывистым берегом озера), возможно, усиленными деревянными конструкциями типа заплота. Западный фас включает вал шириной до 4 м по основанию и высотой до 0,42 м над поверхностью, южная оконечность которого, изгибаясь, формирует северный фланк и фас юго-западного полубастиона, а северный смыкается с углом фаса северо-западного полубастиона. Подобные же конфигурации имеют северный и восточный валы. Вдоль вала по всей длине проходит сухой ров с эскарпированными стенками и ровным дном шириной до 4 м и глубиной до 0,6...0,8 м. Ров окружен гласисом высотой до 0,3 м и шириной до 4,5...6 м. В центре северного вала читаются следы ворот в редут в виде перемычки через ров и разрыва вала шириной до 4 м. На площадке укрепления зафиксированы остатки шести объектов различных размеров и конфигурации, которые могут быть интерпретированы как следы строений редута. В связи с горькостью ближайших водоёмов, населённых пунктов около редута не образовалось, что позволило фортификационному сооружению сохраниться в удовлетворительном состоянии, в то же время на территории редута зафиксированы следы мелких грабительских раскрытий.

Редуты Степной I и Степной II. Редут Степной-I расположен на северном берегу р. Камышловка, в 1 км к югу от с. Степное Марьяновского района. Укрепление было заложено между 1752 – 1755 гг., на северном берегу р. Камышловка в топкой болотистой пойме (Государственный..., Ф. Р2200, О. 1, Д. 247, ЛЛ. 12, 18). В редуте несли службу 17 драгун под командованием капрала при 21 лошади, ещё 2 лошади числились при ямской части. (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 70). В 1761 г. редут был перенесён севернее на более высокую часть террасы (редут Степной-II).

Редут Степной-I построен в форме квадрата с полубастионами по углам. Размеры по валу ≈ 50x53 м., ориентировано сооружение по оси север – юг с незначительным отклонением к востоку. Редут составляют три фаса –

западный, северный и восточный, из которых лучше всего сохранился западный, который позволяет составить представление о структуре фортификации в целом. Южная сторона редута, судя по микрорельефу поверхности и укрепления, не имела земляных сооружений, и, вероятно, защищалась деталями ландшафта (топкой поймой реки), возможно, усиленными деревянными конструкциями типа заплота. Западный фас включает вал шириной до 4 м по основанию и высотой 0,17...0,42 м над поверхностью, южная оконечность которого, изгибаясь, формирует северный фланк и фас юго-западного полубастиона, а северная смыкается с углом фаса северо-западного полубастиона. Вдоль вала проходит сухой ров с эскарпированными стенками и ровным дном шириной до 3,5 м и глубиной до 0,6...0,7 м. Ров окружён гласисом высотой до 0,3 м и шириной до 4,5...6 м, хорошо сохранившийся с западной стороны, у северо-западного полубастиона и вдоль восточного вала. Северо-восточный угол укрепления разрушен старым котлованом грунтозабора, полностью уничтожившим северо-восточный полубастион, вал, ров и гласис на протяжении до 35 м в обе стороны. Стенки котлована крутые, местами осыпающиеся, дно ровное, местами поросшее бурьяном. К южному контуру котлована примыкает раскоп А.В. Матвеева, исследовавшего редут в 2006 г. (Матвеев А.В., 2007, с. 443-444). Других нарушений культурного слоя не наблюдается. Близ северо-западного полубастиона зафиксировано небольшое углубление, хорошо задернованное, с плавным профилем, возможно, связанное с постройками редута; ещё один подобный объект отмечен в юго-восточном секторе укрепления. Поверхность памятника, за исключением площадки котлована, хорошо задернована, поросла степной растительностью.

Редут Степной II расположен на территории современного с. Степное, в 0,56 км к западу от средней общеобразовательной школы. Перенесён на новое место в 1761 г., гарнизон редута сохранился в полном составе.

Редут построен в форме квадрата с размерами по валу ≈ 65x68 м., ориентировано сооружение по оси север-северо-восток – юг-юго-запад (рис. 4). Расположение редута на территории современного села определило некоторые специфические повреждения

Рис. 4. Ортофотоплан объекта культурного наследия «Редут Степной-II».

Fig. 4. Orthophoto of the cultural heritage site «Stepnoy-II, redout».

сооружения при общей хорошей сохранности. Система фортификации включает: гласис высотой до 0,45 м и шириной до 10...12 м, тыльный склон которого переходит в контрэскарп сухого рва. На поверхности гласисов расположены колеи полевых автодорог, вдоль южного расположены домохозяйства по ул. Новая, №№ 1, 3, задняя изгородь которых проходит по подножию гласиса; сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной до 9 м по гребню эскарпа и 3-4 м – по дну, в восточной части ров пересечен насыпной перемычкой шириной 3...3,5 м; земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва, шириной до 10 м по основанию и до 3 м по вершине, высотой до 0,75 м над уровнем площадки редута. В восточной части вал рассечён проходом шириной до 3 м, расположенным напротив перехода через ров: следы въездных ворот в редут. В северо-восточном углу вала установлена памятная информационная табличка на

металлическом столбе. На площадке укрепления зафиксированы семь западин различных размеров и конфигурации, по крайней мере, часть из которых можно интерпретировать как остатки строений редута.

Предполагаемое месторасположение редута Мельничный. Территория обследования расположена на восточной окраине с. Мельничное Омского района, в 0,14 км к юг-юго-востоку от средней общеобразовательной школы. Редут основан в 1752 г. Располагался на южной окраине с. Мельничное рядом с современной дамбой. В 15 м к северу от редута была каменная церковь (Альбом..., БГ/БД, с. 28; Фиалков Д.Н., 1972, с. 59). Гарнизон состоял из 1 капрала и 15 драгун при 22 лошадях. На хлебопашестве находилось 12 казаков (Государственный..., Ф. 1, О. 1, Д. 39, Л. 70).

В настоящее время редут Мельничный не сохранился, он полностью разрушен усадьбами и хозяйственными постройками с.

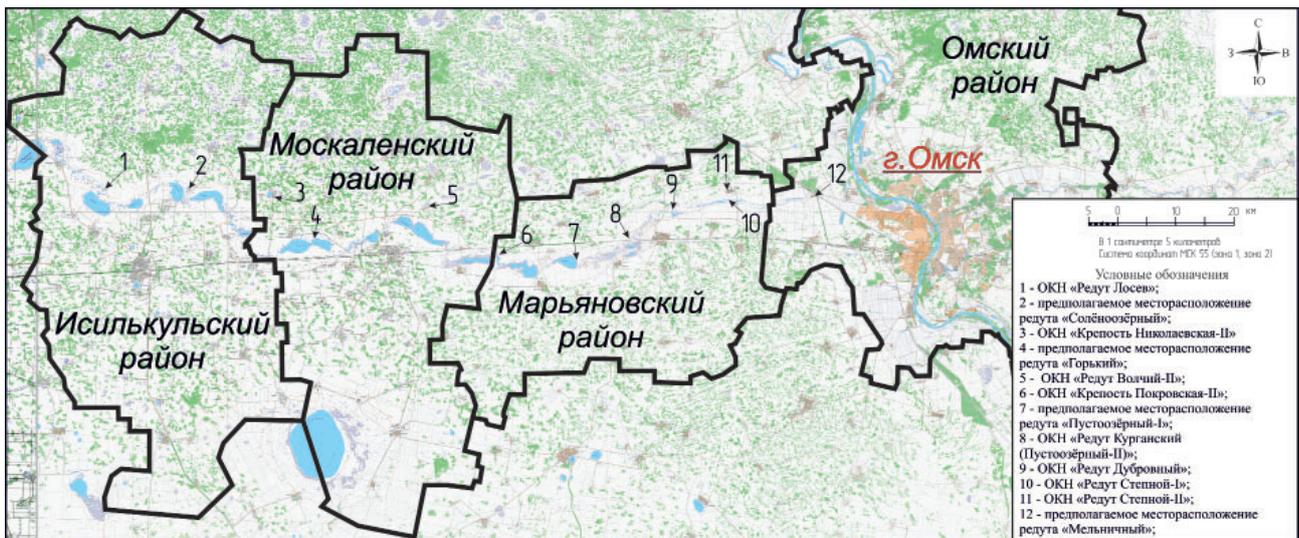

Рис. 5. Карта-схема Омского, Марьяновского, Москаленского и Исилькульского районов Омской области с указанием обнаруженных укреплений и обследованных территорий.

Fig. 5. Sketch-map of the Omsk, Maryanovka, Moskalenki and Isilkul districts of the Omsk region with an indication of the discovered fortifications and investigated areas.

Мельничное. Территория предполагаемого его месторасположения хорошо задернована, по поверхности участка проложены колеи грунтовых дорог, в ряде мест устроены погребки усадеб. К югу расположена долина р. Камышловка. На месте, где ранее была построена каменная церковь, сейчас установлен поклонный крест, рядом обнажены остатки фундамента церкви и на современном срубе, символизирующем разрушенную церковь, вывешен плакат с описанием редута, его чертежом и фотографией руин церкви.

Выводы

Работы по изучению укреплений Ново-Ишимской линии в 2021 г. (рис. 5) были выполнены в рамках программы «Создание информационного научно-просветительского онлайн проекта «Сибирские пограничные линии», реализация которого была поддержана фондом «История Отечества». Цели работ на проекте сразу были заданы многоплановыми – это и презентация форти-

фикаций Тарской дистанции Ново-Ишимской линии укреплений XVIII в. в виде ГИС (<https://klis.omsu.ru/geo-objects/fortress>) как важного объекта культурного наследия региона; это и подведение определённого рубежа в академических исследованиях проблемы истории Ново-Ишимской линии укреплений, и, что нам представляется очень значимым – постановка изученных объектов фортификации на государственную охрану с учётом современных требований законодательства. Новизна подхода авторского коллектива ещё в том, что впервые с 1950-х гг. прошлого века были объединены архивные изыскания, библиографические исследования и натурное обследование (археологическая разведка), что позволило получить более полную картину существования фортификации Тарской Дистанции. Полученные данные открывают новые перспективы изучения истории строительства, функционирования и современного состояния укреплений с использованием цифровых методов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом Пресно-Горьковской линии военных укреплений XVIII в. (составлен кафедрой геодезии СибАДИ). Омск. БГ/БД с. 25 // Омское отделение охраны памятников культуры.

Герасимов Ю.В., Дегтярев К.А., Корусенко М.А. Исследование укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской (Пресногорьковской) линии: историография проблемы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Ч. 1 / Отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А., Ильина, С.Н, Корусенко. Омск: Наука, 2021. С. 331–337.

Гиль И.А. История села Шефер // Наш Омский край: третий конкурс исследовательских краеведческих работ, посвященный 95-летию со дня рождения ученого-краеведа, историка, писателя и журналиста Михаила Ефремовича Бударина (Омск, 19 декабря 2015 года; Черлак, 29 января 2016 года) / Ред. С. В. Новиков, Л. В. Аплетаева. Омск: ОмГПУ, 2016. С. 133–137.

Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // История географических знаний и историческая география СССР / Вопросы географии. Сб. 31 / Отв. ред. Н.Н. Баранский, В.К. Яцунский. М.: Гос. Изд. Геогр. лит-ры, 1953. С. 210–227.

Государственный исторический архив Омской области, Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 69-70.

Государственный исторический архив Омской области, Ф. Р2200, Оп. 1, Д. 245, ЛЛ. 15, 17–18.

Государственный исторический архив Омской области, Ф. Р2200, Оп. 1, Д. 246, ЛЛ. 10, 12, 14–15а.

Государственный исторический архив Омской области, Ф. Р2200, Оп. 1, Д. 247, ЛЛ. 1–3, 12, 18, 20–22.

Дегтярев К.А. Материалы А.Ф. Палашенкова по Ново-Ишимской (Пресногорьковской) оборонительной линии в материалах Государственного архива Омской области // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28-30 октября 2021 г.) / Отв. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. С. 291–296.

Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька / Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 446 с.

Колесников А.Д. Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: Моя земля, 1999. 105 с.

Корусенко М.А. Отчёт о проведении археологической разведки в Омском, Марьяновском, Москаленском, Исилькульском муниципальных районах Омской области в 2021 г. Омск, 2022 // Архив ЛИКЭ ОНЦ СО РАН. Ф. VII-4, Диск №6

Матвеев А.В. Исследование редута Степного в Марьяновском районе Омской области // Русский вопрос: история и современность / Отв. ред. М.А. Жигунова. Омск: Наука, 2007. С. 442–444.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История археологических исследований Сибири / Ред. В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1990. С. 158–161.

Тарасенко К.Ю., Каменецкий И.П. Сибирские линии и их роль в становлении и укреплении южных границ России (к 250-летию образования Сибирской оборонительной системы) // Тенденции формирования профессиональной компетентности специалистов торгово-экономического профиля. Ч. 2. Омск: Омский ин-т (фил.) РГТЭУ, 2008. С. 266–269.

Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений на территории современной Омской области XVII-XVIII вв. // Записки по краеведению Омской области / Ред. В. С. Мезенцев и др. Омск: Ом. пед. ин-т, 1972. С. 52–61.

Шемелина Д.С. К вопросу о роли немецких военных инженеров в создании крепостей по сибирским оборонительным линиям XVIII в. // Баландинские чтения. Т. X / Отв. ред. Д. Д. Гаркуша. Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2015. С. 74–86.

Шемелина Д.С. Реконструкция линейных крепостей 1765 г.: переход к европейской фортификации на сибирских рубежах // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году / Отв. ред. Г.И. Рогунова. М.: АСВ, 2019. С. 185–197.

Информация об авторах:

Дегтярев Константин Александрович, Омский Научный Центр Сибирского Отделения Российской Академии Наук (г. Омск, Россия); kos9319@yandex.ru

Корусенко Михаил Андреевич, кандидат исторических наук, Омский Научный Центр Сибирского Отделения Российской Академии Наук (г. Омск, Россия); otto.link@gmail.com

Герасимов Юрий Викторович, кандидат исторических наук, Омский Научный Центр Сибирского Отделения Российской Академии Наук (г. Омск, Россия); ngajarti@yandex.ru

REFERENCES

Al'bom Presno-Gor'kovskoy linii voennykh ukreplenykh XVIII v. (sostavlen kafedroy geodezii SibADI) (Album of the Presno-Gorkovskaya line of military fortifications of the XVIII century. (compiled by the Department of Geodesy SibADI)). Omsk. Omsk Department of Protection of Cultural Monuments. Omsk. WY/WD (in Russian).

Gerasimov, Yu. V., Degtyarev, K. A., Korusenko, M. A. 2021. In Berezhnova, M. L., Ilina, A. A., Korusenko, S. N. (eds.). *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii (Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes – the most important factors of stable development of the countries of Eurasia)* 2. Omsk: “Nauka” Publ., 331–337 (in Russian).

Gil', I. A. 2016. In Novikov, S. V., Apletaeva, L. V. (eds.). *Nash Omskiy kray: tretiy konkurs issledovatel'skikh kraevedcheskikh rabot, posvyashchenny 95-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-kraevedy, istorika, pisatelya i zhurnalista Mikhaila Efremovicha Budarina (Our Omsk land: the third competition on local history research papers, dedicated to the 95th anniversary of the birth of the local historian, historian, writer and journalist M. Ye. Budarin).* Omsk: Omsk State Pedagogical University, 133–137 (in Russian).

Gorban, N. V. 1953. In Baransky, N. N., Yatsunsky, V. K. (eds.). *Istoriya geograficheskikh znaniy i istoricheskaya geografiya SSSR (The history of geographical knowledge and historical geography of the USSR). Series: Voprosy geografii (Questions of geography)* 31. Moscow, 206–227 (in Russian).

Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (The State Historical Archive of the Omsk region). Fund 1. Inv. 1, dossier 39, 69–70 (in Russian).

Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (The State Historical Archive of the Omsk region). Fund P2200, dossier 245, 15, 17–18 (in Russian).

Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (The State Historical Archive of the Omsk region). Fund P2200, dossier 246, 10, 12, 14–15a (in Russian).

Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (The State Historical Archive of the Omsk region). Fund P2200, dossier 247, 1–3, 12, 18, 20–22 (in Russian).

Degtyarev, K. A. 2021. In Vibe, P. P. (ed.). *VI Yadrintsevskie chteniya (VI Yadrintsev's Readings).* Omsk; Saint Petersburg: “Lyubavich” Publ., 291–296 (in Russian).

Falk, J. P. 1821. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes of Academician Falk's Journey).* Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia) 6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kolesnikov, A. D. 1999. *Omskaya pashnya: Zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ya v XVI – nachale XX vekov (Omsk arable land: Settling and agricultural development of the Irtysh region in the XVI – early XX centuries).* Omsk: “Moya zemlya” Publ. (in Russian).

Korusenko, M. A. 2022. *Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Omskom, Mar'yanovskom, Moskalenskom, Isil'kul'skom munitsipal'nykh rayonakh Omskoy oblasti v 2021 g. (Report on the conduct of archaeological surveys in Omsk, Maryanovka, Moskalenki, Isilkul municipal districts of the Omsk region in 2021).* Omsk. Archive of the Laboratory of Historical and Cultural Expertise of the Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund VII-4, disc 6 (in Russian).

Matveev, A. V. 2007. In Zhigunova, M. A. (ed.). *Russkiy vopros: istoriya i sovremennost' (Russian question: history and modernity).* Omsk: “Nauka” Publ., 442–444 (in Russian).

Palashenkov, A. F. 1990. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy Sibiri (History of archaeological studies in Siberia).* Omsk: Omsk State University, 158–161 (in Russian).

Tarassenko, K. Yu., Kamenetsky, I. P. 2008. In *Tendentsii formirovaniya professional'noy kompetentnosti spetsialistov trgovno-ekonomicheskogo profilya (Trends in the formation of professional competence of trade and economic specialists).* Omsk, 266–269 (in Russian).

Fialkov, D. N. 1972. In Mezentsev, V. S. et al. (eds.). *Zapiski po kraevedeniyu Omskoy oblasti (Notes on local history of the Omsk region).* Omsk: Omsk State Pedagogical Institute, 52–61 (in Russian).

Shemelina, D. S. 2015. In Garkusha, D. D. (ed.). *Balandinskie chteniya (Balandin's Readings)* Vol. X. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 74–86 (in Russian).

Shemelina, D. S. 2019. In Rogunova, G. I. (ed.). *Fundamental'nye, poiskovyie i prikladnyie issledovaniya Rossiyskoy akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury,*

gradostroitel'stva i stroitel'noy otrasli Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu (Fundamental, exploratory and applied research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2018). Moscow: "ASV" Publ., 185–197 (in Russian).

About the Authors:

Degtyarev Konstantin A. Omsk Scientific Center of The Siberian Branch of The Russian Academy of Sciences. 15 K. Marx Ave., Omsk, 644024, Russian Federation; kos9319@yandex.ru

Korusenko Michail A., Candidate of Historical Sciences, Omsk Scientific Center of The Siberian Branch of The Russian Academy of Sciences. 15 K. Marx Ave., Omsk, 644024, Russian Federation; otto.link@gmail.com

Gerasimov Yuri V. Candidate of Historical Sciences, Omsk Scientific Center of The Siberian Branch of The Russian Academy of Sciences. 15 K. Marx Ave., Omsk, 644024, Russian Federation; ngajapti@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.

Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 904 (470.53) "1535/1760"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.142.157>**ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕМЛИ И ОСТРОГИ ПРИКАМЬЯ XVI-XVIII ВВ.**

© 2023 г. П. А. Корчагин

В статье обобщены результаты комплексного исторического изучения кремлей и острогов Верхнего Прикамья XVI–XVIII вв. Прослеживаются основные этапы развития деревянного оборонительного зодчества в крае, описаны строгановские остроги и кремли Чердыни, Соликамска, Кунгура, Осы и Егошихинского поселка. Отмечаются, что изменение в XVII в. размера сажени практически не отразилось на стандарте заготовки строевого леса. Определен модуль деревянного строительства, позволяющий с большой точностью реконструировать башни разных типов даже по краткому описанию.

Ключевые слова: археология, Верхнее Прикамье, крепость, кремль, острог, Чердынь, Соликамск, Кунгур, Оса, Егошиха.

**WOODEN KREMLINS AND FORTRESSES
OF THE XVI-XVIII CENTURIES IN THE KAMA REGION****P.A. Korchagin**

The article summarizes the results of a comprehensive historical study of the kremlins and fortresses of the Upper Kama region of the XVI–XVIII centuries. The main stages of the development of wooden defensive architecture in the region are traced. Stroganov fortresses and kremlins of Cherdyn, Solikamsk, Kungur, Osa and Yegoshikha settlement are described. It is noted that the change in the size of the sazhen (*Russian unit of measurement*) in the XVII century practically did not affect the standard of logging. The module of wooden construction is defined, which allows to reconstruct towers of different types with great accuracy, even by a brief description.

Keywords: archaeology, Upper Kama region, fort, kremlin, wooden fortress, Cherdyn, Solikamsk, Kungur, Osa, Yegoshikha.

Развитие фортификационного искусства в Прикамье проходило в особых условиях разворачивающейся колонизации региона. Первой известной русской крепостью в Прикамье стал городок Покча на месте современного одноименного села рядом с г. Чердыню. В 1472 г. «прииде князь Федор (*Пестрый – П. К.*) на устье Почки, где впаля в Колву, и сождася тамо со всеми своими, а поиманих туто же преведе; срубивше ту городок, седе в нем и приведе всю землю ту за великого князя» (Полное собрание..., 1901, с. 148). А характере покчинских укреплений источники молчат, известно лишь, что в 1481 г. «пришедшу Асыка князь с пельнскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив». В 1506 г. «пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел

и посекал» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с. 63, 265).

Источники содержат косвенные свидетельства о существовании на это время каких-то укреплений в Чердыни, но определенно известно, что кремль на будущей Троицкой горе был возведен только в 1535 г.: «Того же лета июля 15 послал князь велики вь Пермь Семена Давидова сына Курьчова города ставити, а старой згорел» (Полное собрание..., 1904, с. 85). Известно, что в 1581 г. пельмский князь Кихек «Чердыню приступал, но взяти не взял» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с. 267). В 1614 г. укрепления Чердыни были описаны Н. С. Нащекиным: «В Перми город Чердынь деревянной и на городе шесть башен, а мосты и обlamы на городе и на башнях сгнили и кровли обвалились, а у города четверо ворота, да тайник завалился...» (Шишонко, 1882, с. 34). В течение XVII в. кремль поновлялся и просуществовал до 1790-х гг.

После прокладки Бабиновской (государевой дороги в Сибирь) Чердынь оказалась вне

Рис. 1. Нижний Чусовской городок. Современный вид с северо-запада.

Fig. 1. Nizhny Chusovkoy gorodok Modern view from the northwest.

короткого сухопутного пути и стала терять значение. Эстафету перехватил Соликамск, куда в 1613 г. назначен самостоятельный воевода, а с 1636 г. соликамский администратор стал управлять и Соликамским и Чердынскими уездами.

Соликамск обзавелся собственными кремлевскими укреплениями еще в XVI в. По крайней мере, сведения «Соликамского летописца» 1 сентября 1581 г. позволяют сделать такой вывод. «Князь Пелымский Кихек, собрав воя числом 700 человек ... Град Чердынь едва не взял, но всемогущий Бог попусти город Солькамскую посад взяша и пожгоша, и людей множество побиша...» (Берх, 1821, с. 205). Кроме того, соликамские писцовые книги письма и меры Михаила Кайсарова 1623-1624 г. уже отмечают ветхость имеющихся пятибашенных укреплений городнями. Соликамский кремль простоял около века и был уничтожен катастрофическим пожаром 8 июля 1672 г. Сгоревшая крепость не восстанавливалась, поскольку непосредственная военная опасность городу практически исчезла.

Пик развития строгановского крепостного строительства пришелся на XVI в., когда в 1558, 1568, 1597 гг. Строгановым были пожалованы территории основных вотчинных владений в Прикамье. Писцовая книга Кайсарова 1623/4 гг. по пермским вотчинам Строгановых зафиксировала наличие развитой системы укреплений, которые получили название *городки*, поскольку внешне выглядели как города, но были частными, не имели представителей коронной власти и вследствие этого официального статуса не имели. Более скромные экономические и оборонительные центры назывались просто *острожки*.

Первым и главным был Орел городок на Каме недалеко от Соликамска, а кроме того, существовали крепости на Чусовой, Сылве, Яйве и Очере.

Чусовской Нижний городок (1568 г.)

«За Ондреем да на Петром Семеновыми детьми Строганова ниже Перми Великие Городок Чусовой деревянной рубленой, едучи в верх по правой стороне реки Чусовой; а у него трои ворота, да 4 башни наугольных

Рис. 2. Спасская башня Торговищенского острога.
Фото кон. XIX в.

Fig. 2. Spasskaya (Saviour's) tower of the Torgovishche fortress. Photo, late of the XIX century.

глухих, а меж ворот и башен городень по мере 220 сажен» (рис. 1).

Чусовской Верхний городок (1610 г.)

«За Иваном да за Максимом Максимовыми детьми Строганова отца их Максимовская вотчина городок Чусовой древяной на реке на Чусовой и на усть-речки Усолки, едучи на Чусовую вверх на левой стороне, а у городка двои ворота да 4 башни глухих, да меж ворот и башень городень по мере 212 сажен; а в городке наряду: 2 пушечки железных скорострельных, да 3 пищали железных же, да 80 пищалей ручных, да к ним 37 ядер каменных, обливаны свинцом, да 280 ядер затинных пищалей, да 5 пуд с четью селитры, да 35 гривенок зелья пищального, да 9 пуд свинцу, да 100 луков, да 2000 стрел».

Сылвенский Острожек (до 1579 г.)

«За Андреем же да за Петром Семеновыми детьми Строганова острожек Сылвенской на реке; на Сылве, а в острожке дв. Петра Строганова, около двора острожку и что в стене изб 80 сажен, да полого места 20 сажен».

Яйвенский Острожек (до 1579 г.)

«За Иваном же да за Максимом Максимовыми, детьми Строганова, острожек Яйвинской на реке на Яйве и на речке на Усолке; а на острого башня с вороты, а от башни к речке к Усолке и около всего острогу 114 сажен, да полых мест возле речку Усолку 26 сажен, а в острожке двор Ивана да Максима Строгановых...; да в острожке в стене 2 варницы с црены... Да в острожной же стене место варничное пусто».

Очерский Острожек (1597 г.)

«Да за Андреем же, да за Петром, да за Максимом да за Иваном Микитинская ж вотчина Строганова: Город древяной рубленной, что был Очерской острожек на реке на Очере; а у тово городка двои ворота, да две башни глухих, а меж ворот и башень городень и стоячево острогу по мере 129 сажен» (Дмитриев, 1892, с. 110, 127, 137, 156, 176).

Находившиеся на наиболее опасных направлениях Нижний и Верхний Чусовские Городки имели по 4 башни и срубные стены городнями протяженностью более 200 сажен. Отстоявшие от восточных границ государства острожки имели весьма скромные укрепления. Поселение защищали 1-2 башни (в Сылвенском – ни одной), острожные стены из соображений экономии на отдельных участках заменялись рядами изб и варничными сооружениями.

В XVII в. юг современного Пермского края, главным образом Кунгурский уезд, подвергался интенсивной крестьянской колонизации. За 55 лет (с 1648 по 1703 г.) количество дворов здесь увеличилось с 309 до 3769, или в 12,2 раза. Темпы заселения были почти в 50 раз больше естественного прироста населения в то время. Вокруг слобод возводились острожные укрепления.

По сведениям Н. С. Попова: «Около того времени, как г. Кунгур перенесен на нынешнее его место (около 1664 году), вероятно основаны острожки Ординской, Мединской, Торговской или Торговищской и другие, лежащее ближе к Башкирским и Татарским селениям... Во время возмущения уфимских Башкирцов и Татар в 1708 году... Торговищской острожек выдержал от них осаду, не смотря на многие приступы» (Попов, 1813, с. 73). Кроме перечисленных Н. С. Поповым известны также Степановский, Кишертский, Вознесенский, Покровский и Ильинский (Орда тож) острож-

Рис. 3. Реконструкция Чердынского кремля на 1624 г.

Fig. 3. Reconstruction of the Cherdyn Kremlin in 1624.

ки. Однако, исторических источников о характере их укреплений, к сожалению, не обнаружено.

Наиболее известный Торговищенский острожек, представлявший собой деревянную крепость с угловыми башнями, был разобран в кон. XVIII в., но долгое время сохранялась Спасская башня высотой 8 сажень и 3 на 4 сажени в основании. Башня сгорела в пожаре 3 июля 1899 г., в 1905 г. восстановлена жителями в меньших размерах, а в 1971 г. в архитектурно-этнографический музей «Хохловка». Башня представляет собой сруб в 20 венцов из сосновых бревен рубленных в обло с остатком – в основании четверик 4,4 x 3,0 м. Выше 14 венца устроен облам в 6 венцов. На четверике располагается восьмерик с тремя бойницами. Восьмерик увенчан шатром с дозорной вышкой (рис. 3).

Как слободы, так и заводские поселки окружались острогами в связи с регулярно возникающей опасностью башкирских восстаний. Возникший в 1723 г. Егошихинский медеплавильный завод уже на следующий год снабжен укреплениями, сочетавшими элементы традиционной и прогрессивной вобановской оборонительной архитектуры.

Чердынский кремль

Чердынский кремль находился в центральной части города, на высоком мысу правого

берега р. Колва, который известен как Троицкая. С западной напольной стороны от сооружения была оборонительная линия в виде земляного вала длиной около 130 м. С севера и юга мыс ограничен логами Прямица и Романов боярак глубиной до 80 м. В развернутом виде об истории чердынского кремля писал Г. Н. Чагин, но о топографии и планировке оборонительных сооружений автор судил в самых общих чертах (Чагин, 1999; Чагин, 2003), поскольку не привлекал материалы археологических раскопок. Троицкое городище многократно исследовалось археологически В. А. Обориным, П. А. Корчагиным, Г. П. Головчанским (Корчагин, 2004; Головчанский, 2019). В раскопках 2006 г. были расчищены нижние венцы угловой юго-восточной башни, которая была атрибутирована как Наугольная, что позволило осуществить привязку древних объектов к местности. П. А. Корчагину и К. В. Плотникову удалось создать 3D модель кремля (Корчагин, Плотников, 2017; Корчагин, Плотников, 2018), что стало возможным после уяснения факта, что при описании укреплений в 1624 г. были использованы не казенные, а маховые сажени.

Чердынский кремль был описан в писцовой книге М. Кайсарова 1624 г., опубликованной В. Н. Шишонко: «Чердынь... 12 городен, а по мере мест башен до Глухих ворот 30 саж.,

а от Глухих ворот до Княжих ворот 24 городни, а по мере 72 сажени, а от Княжих ворот до Средней башни 4 городни, а по мере 12 саж., а от средня башни до Спасских ворот и до Наугольня башни 17 городень; а по мере 51 сажень; а от Наугольной башни до Глухой башни до Спасской башни 7 с третью городень, а по мере 22 сажени и всего 4 вороты; да в городе ж Чердыни тайник к реке Колве завалился, а от города до ворот площади с верхней стороны 62 сажени, а с другой стороны около города ров; с двух сторон города гора утес...» (Шишонко, 1882, с. 185).

Публикация из «Поместного летописца», включенная в очерк «О древнем и нынешнем состоянии Великой Перми» фиксирует состояние кремля на конец первой четверти XVIII в. : «Следы древнего укрепления сего города доказывает находящийся только на западной стороне земляной вал с перекопью; ибо с полуденной и северной сторон огражден он превеликими логами, а с восточной превысокою горою, при том был еще деревянной Кремль в две стороны с перерубами, которой по описанию, в 1725 году учиненному, с восточную сторону имел 45 сажений, 12 клеток, с полуденную 67 сажень, 23 клетки, где находилась башня, вышиною 31½ сажени и двои створные ворота, с западную сторону содержал 50 сажень, 15 клеток, с западной и полуденной стороны находилась угловая башня, вышиною 2 сажени, стеновая круглая 1½ сажени, с северной стороны простирался на 60 сажень, где была также башня, называемая Спаскою, 7 сажень и другая 1½ сажени вышиною, а все пространство сего укрепления составляло 222 сажени...» (О древнем..., 1791, с. 237).

Чердынский кремль представлял собой крепость, в конструкции которой сочетались приметы древнерусской оборонительной архитектуры (сложномысовые городища) (Раппопорт, 1965, с. 13-36) и черты крепостного зодчества Урала и Сибири XVII в. На высоком валу с западной напольной стороны памятника были возведены укрепления, по определению Ф. Ф. Ласковского, из «одинакой венчатой стены... в которую были вделаны местами со внутренней стороны треугольные срубы, или клетки; эти срубы имели одинаковую высоту со стеною, наполнялись землею и служили подобно тарасам... они употреблялись преимущественно при укреплении тех пунктов, где, в случае нападения, нечего было

опасаться разрушительного действия артиллерии» (Ласковский, 1858, с. 89; Ласковский, 1858, Карты, л. 8, изобр. 54). Три остальные стены тарасами с типовыми башнями очень характерны для деревянного оборонного зодчества России XVII в. (рис. 3).

Соликамский кремль

Кремль Соликамска располагался в южной части исторического центра города. Непосредственно на месте деревянной крепости археологических раскопок не проводилось. Ныне на площадке, ранее занимаемой кремлем, по ул. 1 Мая находятся два объекта историко-культурного наследия: церковь Архангела Михаила (1712-1725 гг.) и церковь Спаса Нерукотворного Образа (1689-1691 гг.).

Соликамские писцовые книги письма и меры Михаила Кайсарова 1623-1624 г. фиксирует укрепления в момент наибольшего развития: «Город Усоля Камскаго в сем году был деревянный и распложен на р. На Усолке, а у него ворота Спаския ... а от Спаских ворот по Никольские ворота девять городень, а от Никольских ворот по Наугольня башни одна городня, а от Наугольня башни по Георгиевския ворота пятнадцать городень, а от Георгиевских ворот по Наугольня-ж башни пять городень; да у тое-же Наугольня башни тайник из под городовыя стены, к реке, к Усолке, а от башни и от тайника до Петропавловских ворот одинадцать городень, а от Петропавловских ворот до третьей Наугольной башни одинадцать же городень, а от Наугольня-ж башни до Глухия башни десять городень, а от Глухия башни по четвертую Наугольную башню одинадцать городень, а от Наугольня башни до Спаских ворот десять городень, а всего четверы ворота, да пять башен, а меж ворот, из башен городовых, стен восемьдесят три городни, да около города ров, а от города полово места под двory посадских людей, что на песках... пятьдесят сажень, а с трех сторон, около города, места наводныя» (Шишонко, 1884, с. 144). Соликамский кремль был рублен городнями, в нем было пять башен – четыре наугольные и одна глухая в западной стене¹.

Строгановский Орел городок

Объект археологического наследия – памятник «Орёл-городок поселение» расположен по адресу: Пермский край, Усольский район, на низком полузатапливаемом острове, напротив церкви и пристани пос. Орел

(Пермский край, Усольский район, п. Орел, 1,1 км к югу от церкви Похвалы Богородицы, группа островов на р. Кама). В 400 м к северу от него в Каму впадает р. Яйва. В 1950-е гг. памятник исследовался археологически отрядом Камской археологической экспедиции ПГУ, возглавляемым В. А. Обориным, который обобщил результаты раскопок в статьях (Оборин, 1957, с. 140-152; Оборин, 1957, т. 10, с. 145-164). Краткий исторический очерк Орла-городка дан Г. П. Головчанским (Головчанский, Мельничук, 2005, с. 43-48).

Причины поставления будущего Орла городка ясно обрисованы в царской жалованной грамоте 2 января 1564 г.: «Григорья Строганова пожаловати, велети б ему на том месте городок поставити собою, а на городе пушки и пищали учинити и пушкарей и пищалников и воротников устроить собою для береженья от Нагайских людей и от иных орд... на Каме ж, на низком месте, на Орле при наволоке, росол нашли и варницы ставят и соль варити хотят, и тут деи без городка люди жити не смеют, а слух его дошел от полоняников и от Вогуличь, хвалитца деи Сибирской салтан Ишибаны итти в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город двожды имывали: и ему бы, на том на новом месте, на Каме ж, на Орле на наволоке, у росолу, городок же поставити собою ж, стены сажен по тридцати, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место каменем закласти, а пищалники б и сторожи для береженья и на том другом городке собою ж дрѣжати, а наряд бы скорострелной пушечки и пищали затинные и ручницы в тех городех устроить ему собою ж...» (Дополнения к актам..., 1846, с. 168-170).

Писцовая книга Кайсарова 162³/₄ гг. по вотчинам Строгановых зафиксировала «... городок Орлов, деревянной рубленной на р. на Каме против Яйвинскаго устья. А у городка трои ворота, да две башни глухих; да меж ворот и башен городень по мере 26 сажен, да в стене ж острогу 60 сажен, да в стене ж от реки от Камы двор вотчинников» (Дмитриев, 1892, с. 163). В 1628 г. Орел выглядел следующим образом: «Никитинская отчина Строганова: на Каме реке городок Орлов, против устья реки Яйвы, в 3-х стенах башни и городни деревянные рубленные, а передняя городовая стена, что от Камы реки поставлена была

вся острогом, а у того городка трои ворота да 2 башни глухих; и того городка ныне по Каме боковую верхнюю стену, что от полою от посаду, и переднюю городовую стену, что от Камы, и с острогом и с вороты Камою рекою сметало» (Шишонко, 1882, с. 289-291).

По оценке Г. П. Головчанского «Стены городка ранее были острожными, то есть состояли из высокого тына, но в начале XVII в. три из них заменили срубными городнями – деревянными срубами, укрепленными земляной насыпью. Около крепости располагались жилые постройки, в которых проживала основная часть населения городка, – посад. Площадь крепости составляла около 0,7 га, площадь посада достигала 5 га. В грамотах сведения об укреплениях посада не сохранились, но археологические данные свидетельствуют о том, что, как и в других уральских городах, он был защищен острожной стеной. С западной, внешней, стороны острога был проложен ров шириной около 2 м и глубиной до 1,7 м» (Головчанский, Мельничук, 2005, с. 47).

Кунгурский кремль

Кунгурский кремль не сохранился, а его археологизированные остатки включены в состав объекта археологического наследия – достопримечательного места «Кунгур – Кремль и посад, поселение» (1663-1850 гг.), расположено по адресу: Пермский край, г. Кунгур, центральная историческая часть, в междуречье р. Сылва и ее левого притока р. Ирень на высоком (140 м в Балтийской системе высот) коренном берегу и в пойме рек (115 м).

Территория, ранее занятая кремлем, входила в городскую черту практически с момента основания г. Кунгура в междуречье Сылвы и Ирени в 1664 г. на месте с. Мыс (Мысовское) (Попов, 1813, с. 205). Каким были первые кремлевские укрепления Кунгура неизвестно за отсутствием источников. Косвенные сведения о них мы можем получить из царской грамоты кунгурскому воеводе Д. Жукову от 30 января 1680 г.: «В нынешнем во 188 году, генваря в 12 день, писал ты к нам великому государю... что... на Кунгуре острог от Ирени реки починил ты против прежняго, стоячим острогом, восемьдесят три сажени с аршином ... и в нынешнем во 188 году, осенними временем, они того города одну стену

починили, и на достолную городовую поделку они лес изготовили; и нам великому государю пожаловати б их, велеть им достолные две стены, против прежняго, по старому окладу, *переделать вновь стоячим острогом*, а третью стену, с восточную сторону, велети б того города прибавить для новопостроенной церкви, а башню среднюю Геориевскую отнести от старой городской сены на пятнадцать сажен, и привести тое стену к относной Георгиевской башне от наугольных башен стоячим же острогом, для утеснения проезду» (Титов, 1888, с. 42-43).

Согласно Кунгурской писцовой книге, частично опубликованной В. Н. Шишонко, в 1684 г. кунгурский кремль включал в себя следующие объекты: «стена деревянная, рубленая в клетки, с восьмью башнями, тоже деревянными, в клетки рубленными, из них 2 башни с воротами, в которыя в крепость въезжать, а из тех 8 башен единая Тихвинская, другая Спасская, на них иконы Спаса да Тихвинская Божия Матери, да у Тихвинской башни тоже часовня деревянная, в клетки рубленая, в ней образы писанных и медных до 30, а близ часовни воеводский дом и приказная изба, да тюрьма, да застенков камен, сарай древян пушечной и пищальной, в нем-же пушек чугунных, да пищалей 11, да 8 фузей, винный подвал древянный. А в городе церковь древянна, рубленая в клетки во имя святых великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы; у тоя же церкви особо колокольница древянна-ж, крытая тесом...» (Шишонко, 1887, с. 351).

На «Чертеже города Кунгура», составленном в мае-июне 1703 г., из «Служебной чертежной книги» (Опубл.: Преображенский, 1956, с. 70-71) городские оборонительные укрепления изображены округлыми. Видимо, С. У. Ремезов несколько искажил трассировку стен для того, чтобы было удобнее показать внешний вид башен. В «Переписной книге города Кунгура и уезда переписи тюменского сына боярского И. Т. Текутьева» (1703-1704), составленной почти одновременно с визитом С. У. Ремезова, крепостные укрепления описаны суммарно: «Город деревянной рубленой з бойницы над рекою Ирением ... с верхом три сажени а кругом того города и башень по мере 343 сажени ... А строен тот город и башни в прошлом в 201-м году при стольнике и воеводе при Федоре Иванове сыне Сухотине на

зборные мирские денги кунгурских городских и уездных всяких чинов жителей.

Третьей город земляной дерновой и не нем башни деревянные от реки Ирени и до рекиж Сылвы а в вышину тот земляной город 2 сажени в ширину полутретьи сажени... А около того города выкопан ров в ширину полутора сажени глубина тому рву два ... а построен тот земляной дерновой город и башни в прошлом 206-м году при стольнике и воеводе при Алексее Иванове сыне Калинине» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743. ЛЛ. 15-16об.).

В «Хозяйственном описании Пермской губернии...» содержится обобщенное, но информативное описание кунгурского кремля: «В 1673 году построена на горе на самом мысу рубленая деревянная крепость, под именем Кремля в виде четверугольника с бойницами, вышиною в 3 сажени. В ней было 8 башен, и в том числе 2 с проезжими воротами; в окружности своей имела длины 323 сажени, а внутри крепости от одной стены до другой по 85 сажен; все сие укрепление совершенно посадскими людьми и уездными крестьянами. Оно все разломано по открытии губернии» (Попов, 1813, с. 206).

Осинский кремль

Современный г. Оса был основан в 1591 г. как Ново-Никольская слобода. «Дозор Осипа Зюзина и подьячего Терентья Матвеева Никольской Осинской слободы Казанского уезда 1621 года» впервые отметил наличие острога в Осинской Никольской слободе. «Никольская слобода что на Осе реке, а в ней крестьян в остроге...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 153. Л. 617). «Список с переписных казанских книг писма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячево Алексея Грибоедова 1645/46-го году» фиксирует то же: «В Козанском же пригороде на Осе... в остроге всяких чинов людей дворы» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 904).

В нач. 1720-х гг. осинское «укрепление было приведено в лучшее оборонительное положение: деревянные стены заменены были новыми в два этапа, двойными, одна от другой в 4 аршина, с частыми переплетами для помещения стрелков, вышиной до 4 сажен, крыша была сделана высокая и крутая, наружные ее стороны были с навесами, окружность стен простиралась до 400 сажен, в виде правильного четверугольника; по углам небольшие башенки с красивыми минаретами, каждая из

Рис. 4. Кремль г. Осы. Гравюра *Vue de la Ville D'Ossa côté de l'orient* (*Histoire des voyages*, 1768, Tom XVIII no. 36 page 559)

Fig. 4. Osa Kremlin. Engraving *Vue de la Ville D'Ossa côté de l'orient* (*Histoire des voyages*, 1768, Tom XVIII no. 36 page 559).

них имела свое название, а именно: Спаская, Георгиевская, Михайловская и Троицкая; на середине восточной стены была построена огромной величины пятая башня, которая называлась Никольскою, или Пытальною, с подъемными воротами. Внутри крепости находились две церкви – Никольская и Георгиевская, казармы, арсенал, провиантный магазин и воеводский дом (рис. 4).

Гора, на которой было построено укрепление, значительной высоты, с двух сторон – северной и западной – бока ее довольно круты, в тогдашнее время омывались рекой Осинкой; с южной же стороны ее – глубо-

кий и обрывистый овраг, вероятно, прорытый веками весеннею водой. С восточной стороны местоположение Осы хотя ровное и открытое, но здесь укрепление защищалось глубоким и широким рвом, потом рогатками, далее земляным валом с надолбами и опять рогатками» (ГАПК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 28). 21 июня 1774 г. крепость по приказу Пугачева была сожжена и не восстанавливалась.

Острог Егошихинского завода

Острожные укрепления Егошихинского завода не сохранились, его археологизированные остатки включены в состав объекта археологического наследия – достопримечательного

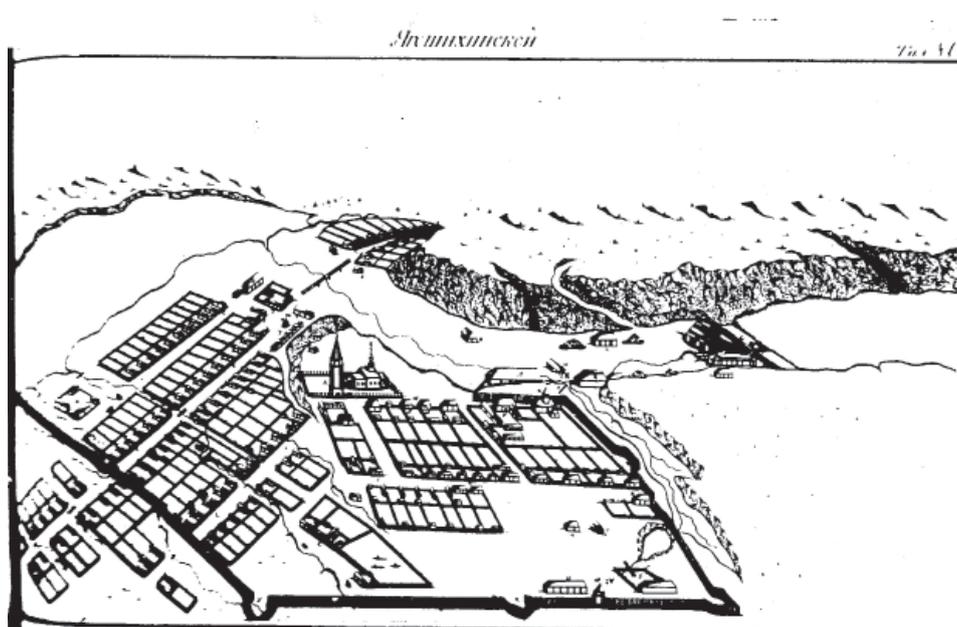

Рис. 5. Перспективный рисунок «Ягошихинский» (1740-1759-е гг.). Архив РГО. Д.37.

Fig. 5. Perspective drawing "Yagoshikhinsky" (1740–1759th). Archive of the Russian Geographical Society. D. 37.

места «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» расположен по адресу: Пермский край, г. Пермь, Ленинский и Мотовилихинский районы, в узкой пойме и коренном левом берегу р. Камы, в логу и по обоим берегам ее левого притока – р. Егошихи. Памятник неоднократно изучался раскопками, но, к сожалению, достоверных остатков заводской крепости обнаружено. Реконструкция облика и трассировки егошихинских укреплений проводилась, в основном, на основе картографических документов (Корчагин, 2001, с. 171-172; Корчагин, Лобанов, 2022, с. 83-87).

Считается, что в перв. пол. XVIII в. фортификационные сооружения были неотъемлемой частью архитектуры горных заводов Урала и Сибири, но оказывается, что укрепления возводились практически только вокруг казенных заводов, будучи своеобразным показателем или символом их государственной принадлежности. Известны лишь два частных предприятия, окруженных крепостной стеной: Ашاپский и Покровский (Иковский) заводы, построенные в 40-50-е гг. XVIII в. на Южном Урале и Западном Приуралье (Металлургические заводы..., 2001, с. 41, 398).

На проектном плане, составленном в начале 1723 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Кн. 21а. ЛЛ. 797об-798; Оpubл.: Ястребов, 1973, с. 64), намечаемый острог должен был проходить по обоим берегам Егошихи, ограждая завод и поселко-

вые кварталы, но проект не был осуществлен. В легенде указывалось, что такой большой острог «строит не надлежит». Вариант новой трассировки острога, представленный на этом же плане, был компромиссным: предлагалось наиболее важное «хоромное строение внести в полисад», поставленный на дне и склонах оврага вплотную к заводским постройкам. Но представить себе расположение каких-либо построек на чрезвычайно крутом склоне Егошихинского лога невозможно. Ясно, что это указание сделал человек, не знакомый с местной топографией.

Недатированный «Чертеж Егошихинского плавильного завода» (ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 160. Л. 1.; Оpubл.: Ястребов, 1973, с. 66), относящийся к концу лета – началу осени 1723 г., фиксирует, что административный квартал уже выстроен, но никаких укреплений еще нет. Практически идентичный план «Чертеж медного плавильного завода на Ягушихе» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Ед. хр. 11; Оpubл.: Ястребов, 1973, с. 68), на обороте которого дважды повторена надпись «Прислан при доношении от генерала маёра Генинга декабря 7го дня 723го году», позволяет сделать вывод, что до конца 1723 г. укреплений все еще не было построено.

Строительство укреплений началось лишь в марте 1727 г., когда В. И. Генин приказал «сделать около завода Егошихинского и

прочего строения фортификацию с палисадом – в длину 6 аршин, в отрубе по 4 вершка. Також просить господ баронов Строгановых приказчиков, которые к сдешним заводам ближе, чтоб они спосоществовали палисад вывесть и крепость сделать, понеже от нападения воровских людей, також и беспокойного народа, суть им, строгановским крестьянам, она крепость немалый способ. И оную крепость сделать немедленно, а пушки, сколько здесь надлежит быть, присланы будут сюда водою» (Корепанов, 2011, с. 32).

В. И. Геннин в своих «Абрисах...», описал готовые укрепления следующим образом: «Вышеписанная кантора и светлицы и квартиры загорожены полисадом четверугольным мерою от стены до стены: по одну сторону 60, з другую 58 сажен, и на всех углах по бастиону. Строен оной полисад заводскими служителями безденежно для оберегательства». Информация относится, очевидно, к 1730 г., когда В. И. Геннин перед отъездом в столицу заказал материалы о Пыскорском и Егошихинском заводах (Геннин, 1937, с. 63, 566).

Общий вид новой крепости зафиксирован на перспективном рисунке 1730-х гг. (ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 990) и плане «Грундрис Егошихинских плавильных заводов...» (ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391) 1737 г. Она представляет собой квадратный стоячий острог, углы которого фиксируют бастионы, в двух из них устроены проезжие ворота. К 1737 г. относится план и проект перестройки кварталов и укреплений Егошихинского завода, выполненный 10 сентября Никитой Каркадиновым в масштабе «80 сажен российских» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 679. Л. 500; Оpubл.: Абрисы..., 2015, с. 155). В легенде плана деревянные фортификации названы «крепостью».

В дополнение к уже имеющимся трем поселковым регулярным кварталам «слободам», в которых жили заводские работники и «командиры», планировалось устроить с южной стороны два дополнительных в виде усеченных прямоугольников, что было вызвано, очевидно, условиями местности. При этом южную и западную стены старой крепости решено было снести, восточную стену несколько удлинить, северную также удлинить, немного изменив ее направление. Всего крепость Егошихинского завода должна была иметь шесть бастионов, из них пять должны

быть устроены вновь. Однако этот проект воплощен в жизнь не был.

Об этом свидетельствует «План Егошихинского медеплавильного завода... Сочинен при Егошихинском заводе марта 25 дня 1737 году» (ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391(1)). В легенде плана «W. старая крепость; X. положение новой фортификации, которая сочинена по пропорции Главной фортификации уменьшены полугоржи и фланки вполовину». Судя по всему, имелась в виду основанная в 1729 г. Канцелярия Главной артиллерии и фортификации, хотя в 1736 г. эта канцелярия была разделена на канцелярию Главной артиллерии и Фортификационную контору. Проект заводской крепости был разработан не в горном ведомстве, а военными, профессионалами-фортификаторами.

Деревянная крепость спроектирована незамкнутой. Она начинается от левого борта егошихинского лога, а вдоль него укреплений не предусмотрено. Очевидно, было решено, что этот своеобразный природный ров достаточен для целей обороны. План не охватывает всей застройки поселка, за западной границей чертежа остались улицы, проложенные вдоль камского берега. Оказалась обрезанной и западная, упирающаяся в Каму часть укреплений. На чертеже показаны только четыре бастиона и три куртины.

Как выглядели укрепления в целом становится ясно из «Плана Егошихинского завода плотине и плавильне и прочему заводскому строению...», составленного 20 октября 1739 г. Афанасием Кичигиным (ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391(2)), который фиксировал результаты реконструкции завода. На этом плане укрепления показаны полностью и выглядят несколько иначе, чем в предыдущем документе. Крепостная стена теперь защищает командирские дома со стороны егошихинского лога, а затем огибает большую часть поселковой застройки, следуя вдоль одного из ручьев, впадающего в Каму. Укрепления составлены из шести (семи?) куртин и четырех бастионов, которые имеют упрощенные очертания и размещены иначе. В стене имеются двое ворот с восточной и южной стороны.

Из чертежа становится понятным, чем руководствовались проектанты крепости Егошихи. Восточный и южный фасы острожных укреплений установлены за естественными рубежами: логом ручья, впадающего

в р. Егошиху, и оврага одного из небольших камских притоков. Промежуток между верховьями этих водотоков защищает юго-восточный фас крепости. Столичные военные инженеры умело использовали условия местности, минимизируя затраты на строительство не в ущерб оборонительным качествам фортификации.

План из рукописного «Описания с чертежами горным заводам и рудникам в России. Собранные Тайным советником Шлаттером президентом Берг-Коллегии» (1760-1767 гг.) практически точно повторяет предыдущий, лишь его ориентация изменена на 180°, а вот на «перспективе» обнаруживаются весьма интересные детали. И куртины, и бастионы построены в виде стоячего острога. Возможно, рисунок обобщенный, но никаких раскатов или помостов для верхнего боя не изображено (Архив РГО. Д. 37. Л. 80-81) (рис. 5).

Выполненный унтершихтмейстером Василием Клепиным 20 октября 1755 г. «Чертеж учиненный местоположению Ягушихинского медеплавильного завода...» позволяет понять устройство егошихинских укреплений в сер. XVIII в. Вокруг территории, обозначенной как «в сем месте заводское и прочее строение», с юго-восточной и юго-западной сторон от Егошихи (несколько отступя от оврага) до Камы (почти до устья р. Медведихи) устроен острог со рвом и вспомогательными укреплениями. В легенде они описаны достаточно подробно: «А. Полисад. В. От полисада отступя одну сажень содеять ров шириной 1, глубиною 1 сажень. С. Около рва обнести рогатками или надолбами. D. 6 строены полисаду бастионы» (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1676).

Можно только предполагать, что к 1781 г. – моменту учреждения губернской Перми – егошихинских укреплений уже не существовало, поскольку уличная сеть дорегулярной планировки заводского поселка, зафиксированная на «Плане города Перми» (ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 148), уже не имеет полного совпадения с трассой острожных укреплений.

Деревянные укрепления поселка Егошихинского медеплавильного завода в силу сложной природно-топографической ситуации существенно отличались от большинства заводских острогов Урала. Они защищали лишь жилые кварталы, но не производственные сооружения. Военная опасность 30-х гг.

XVIII в. подвигла горные власти на сооружение новой, более обширной крепости, в проектировании которой приняли участие специалисты Канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Хотя она была и незамкнутой, но авторы проекта максимально эффективно использовали особенности местности: глубокие лога и небольшие водотоки для обеспечения действенной обороны населенного пункта.

Общие замечания

На протяжении XVI–XVIII в. система укреплений Прикамья в известном смысле повторяла периодичность и границы распространения русской колонизации региона. После вхождения Перми Великой в состав Московского централизованного государства в сер. XVI в. в северном Прикамье были возведены кремни главных городов Чердыни и Соликамска. Второй этап колонизации разворачивается после падения Казанского ханства и характеризуется интенсивным возведением городков и острожков в строгановских владениях. К кон. XVI в. выделяется новый подчиненный приказу Казанского дворца уезд, впоследствии названный Осинским. Третий этап (втор. пол. XVII–XVIII в.) характеризуется с одной стороны интенсивным заселением земель Среднего Урала, а с другой – горнозаводским строительством. В этот период преимущественно слободские и заводские остроги, а также кремни центров южных уездов – Кунгура и Осы. К концу XVIII в. с исчезновением военной опасности крепостные укрепления в Прикамье, как утратившие оборонительную функцию, были разобраны. Сохранился лишь единственный памятник этого типа – дозорная башня острога в с. Торговище Суксунского района.

При анализе развития оборонительного зодчества удалось установить некоторые моменты, относящиеся к заготовке строевого леса для возведения деревянных укреплений. Такой своеобразный стандарт известен из отписки воеводы Н. Мещерского 1642 г., в которой речь шла о ремонте Верхотурского кремля: «А лесу на острог и на щек да на 4 бои отводные надобно 8228 бревен, по полутретье сажени бревно, а в трубе пять вершков, да на угольную башню да в ней на два мосты и на лешницы 240 бревен, по три сажени бревно, да на тое башни на обламы 10

бревен, по получетвертые *сажени печатные бревно*» (Миллер, 1941, с. 485).

Из документа ясно, что размеры самого востребованного в строительстве бревна выражены в печатных (казенных) саженях 2,16 м, окончательно установленных Соборным уложением 1649 г. в главах XVI и XIX: «...А сажень, чем мерить земля или иное что, делати в три аршины, а больши и меньши трех аршин сажени не делати» (Соборное уложение..., 1987, с. 79, 99). Таким образом, размеры бревна составляли длина – 5,4 м, диаметр – от 21,45 до 22,5 м в зависимости от принятой длины вершка. Разброс в величинах диаметра бревна не должен беспокоить исследователей, поскольку ствол даже хвойных деревьев не бывает правильным цилиндром, но несколько сужается кверху. При строительстве эта естественная неправильность нивелировалась чередованием расположения толстого конца в венцах сруба.

Именно такое бревно служило стандартом, своеобразным модулем оборонительной (и не только) архитектуры. Связи с изменением стандарта сажени в XVI-XVII вв., интересно проследить преемственность этого стандарта в строительстве. Бревно *по полутретье сажени* (казенной, печатной) сер. XVII в. было 5,4 м, а такое же бревно XVII в., из трех маховых (1,778 м) сажени было 5,35 м длиной. Разница всего лишь в один вершок не имела в деревянном строительстве практической значимости.

Оборонительное зодчество было одним из первых видов архитектуры, где было приме-

нено «типовое» проектирование. Это позволяло быстро восстанавливать башни, тарасы и остроги после пожаров, которые поражали уральские города примерно раз в четверть века. Уральские плотники при возведении крепостей использовали несколько устойчивых типов башен и фортификационных сооружений, отличавшихся отточенной веками простой и рациональной конструкцией. «Глухие», т. е. непроезжие, башни имели квадратный или прямоугольный план, от чего зависела конструкция кровли: квадратные башни увенчивались шатром, а прямоугольные – четырехскатной коньковой крышей. Проездные башни, наряду с прямоугольными планами, имели и более сложное устройство. На главных выездах из крепости устанавливались стройные башни-шестерики, а в Верхотурском деревянном и Кунгурском кремлях приезжающих встречали впечатляющие башни, срубленные «на 12 углов» (Корчагин, 2012, с. 165-170).

Особый переходный характер имели заводские остроги XVIII в. В них объединялись строительные приемы и инженерные решения, унаследованные от Средневековья, и планы, заимствованные из европейской оборонительной архитектуры. Так, крепость Егошихинского поселка имела в острожных стенах устроены пятиугольные бастионы, выстроенных по системе Вобана, для удобства обстрела пространства вдоль стен (куртин). Древоземляных укреплений, столь распространенных на Южном Урале, в Прикамье не строили.

Примечание:

¹ При обмере кремлевских укреплений употреблялись маховые сажени.

ЛИТЕРАТУРА

Абрисы В. Де Геннина. Чертежи и планы уральских и сибирских заводов XVIII века / Ред. Н. Корытин. Екатеринбург: Артефакт, 2015. 240 с.

Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск: для изыскания исторических древностей. СПб.: Печатано в Военной типографии Главного штаба его императорского величества, 1821. 234 с.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4 / Ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 257–271.

Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М.: История заводов, 1937. 656 с.

Головчанский Г.П. Раскопки Троицкого городища и могильника Мелехино I в Чердынском районе // Археологические открытия. 2017 год. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 309–310.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.

Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 4: Строгановы и Ермак. Пермь: издание автора, 1892. 236 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб.: В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1846. 400 с.

Корепанов Н. С. Пермь заводская, 1723–1781 гг. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. 108 с.

Корчагин П.А. Деревянные и земляные укрепления Егошихинского завода – Перми XVIII – начала XIX вв. // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов междунар. научн. конф. 17-21 апреля 2001 г. / Ред. Н.Л. Моргунова, Л.А. Краева, Д.В. Мещеряков, М. В. Халяпин. Оренбург: Оренбург. Губерния, 2001. С. 171–172.

Корчагин П.А. Раскопки Троицкого городища (Чердынского кремля) // Оборинские чтения. Вып. 3 / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2004. С. 85–89.

Корчагин П.А. История Верхотурья, 1598–1926: Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 288 с.

Корчагин П. А., Лобанов Д.А. Деревянные укрепления Егошихинского завода второй трети XVIII в. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование / Ред. Г.Х. Самигулов. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. С. 83–87.

Корчагин П.А., Плотников К.В. Виртуальная 3D-реконструкция и натурное воссоздание Чердынского кремля XVI-XVIII вв. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.) Ч. 2 / Отв. ред. С.И. Корниенко. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2017. С. 29–32.

Корчагин П.А., Плотников К.В. Виртуальная 3D-реконструкция и натурное воссоздание Чердынского кремля XVII в.: рабочая модель // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всероссийской науч. конф. (г. Пермь, 15–18 мая 2018 г.) / Отв. ред. С.И. Корниенко. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2018. С. 137–141.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I. Опыт исследования дела в России до XVIII столетия. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1858. 315 с.

Ласковский Ф.[Ф.] Карты, планы и чертежи к I части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858. 28 л.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 535 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л: АН СССР, 1941. 637 с.

О древнем и нынешнем состоянии Великой Перми // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающиеся, изданная Николаем Новиковым. Ч. 18. М.: Тип. Комп. типографич., 1791. С. 216–253.

Оборин В.А. Орел-городок (по раскопкам Камской археологической экспедиции 1953-1954 гг.) // СА. 1957. № 4. С. 140–152.

Оборин В.А. Орел-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI-XVII вв.) // Ученые записки Пермского университета. 1957. Т. 10. Вып. 3. С. 145–164.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью СПб.: Археогр. комис., 1901. 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью СПб.: Археогр. комис., 1904. 532 с.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества. Высочайше одобренному тщанием и иждивением онога Общества изданное. Ч. 3. СПб.: Императорская тип., 1813. 355 с.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М.: АН СССР, 1956. 302 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.

Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / Коммент. Г. В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.

Титов А.А. Кунгурские акты XVII века (1668–1699). СПб.: Кузнецов, 1888. 338 с.

Чагин Г.Н. Планировочные композиции и оборонительные сооружения Чердыни в XVI – начале XVIII века // Кремли России / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М.: Московский Кремль, 2003. С. 404–413.

Чагин Г.Н. Чердынский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Кремли России / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М.: Московский Кремль, 1999. С. 71–73.

Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 2: С 1613–1645 гг./ Сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко; Изд. печ. на средства Губ. земства. 1882. 502 с.

Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 3: С 1645–1676 гг./ Сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко; Изд. печ. на средства Губ. земства. 1884. 1168 с.

Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 5: Ч. 2. С 1695–1701 г. / Сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко; Изд. печ. на средства Губ. земства. 1887. 659 с.

Ястребов Е.В. Первые планы Егосихинского завода // 250 лет Перми / Гл. Ред. П. И. Хитров. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1973. С. 63–69.

Информация об авторе:

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9752-6882>. ResearcherID: AAR-5864-2021; pakorchagin@gmail.com

REFERENCES

Korytin, N. (ed.). 2015. *Abrisy V. De Gennina. Chertezhi i plany ural'skikh i sibirskikh zavodov XVIII veka (Georg Wilhelm de Gennin's outlines. Drawings and plans of the Ural and Siberian factories of the XVIII century)*. Ekaterinburg: "Artefakt" Publ. (in Russian).

Berh V. N. 1821. *Puteshestvie v goroda Cherdyn' i Solikamsk: dlya iz"iskaniya istoricheskikh drevnostey (Trip to Cherdyn and Solikamsk: to explore historical antiquities)*. Saint Petersburg (in Russian).

In Zherebtsov, L. N. (ed.). 1958. *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR (Historical and philological collection of the Komi branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union)* 4. Syvtyvkar: "Komi rnizhnoe izdatel'stvo" Publ., 257–271 (in Russian).

Gennin, V. I. 1937. *Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov. 1735 (Description of the Ural and Siberian factories. 1735)*. Moscow: "Istoriya zavodov" Publ. (in Russian).

Golovchansky, G. P. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 god (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 309–310 (in Russian).

Golovchanskiy, G. P., Mel'nichuk, A. F. 2005. *Stroganovskie gorodki, ostrozhki, sela (Stroganov Towns, Settlements and Villages)*. Perm: "Knizhnyi mir" Publ. (in Russian).

Dmitriev, A. A. 1892. *Permskaya starina: sbornik istoricheskikh statey i materialov, preimushchestvenno o Permskom krae. 4: Stroganovy i Ermak. (Perm antiquity: collection of historical papers and materials, mainly about the Perm region. Issue 4: Stroganov and Yermak)*. Perm (in Russian).

1846. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiey (Additions to historical documents, collected and published by the Archeographic Commission)*. Saint Petersburg (in Russian).

Korepanov, N. S. 2011. *Perm' zavodskaya, 1723–1781 gg. (Factory Perm, 1723–1781)*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoy informatsii" Publ. (in Russian).

Korchagin, P. A. 2001. In Morgunova, N. L., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Khalyapin, M. V. (eds.). *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (15th Urals Archaeological Congress)*. Orenburg: "Guberniya" Publ., 171–172 (in Russian).

Korchagin, P. A. 2004. In Chagin, G. N. (ed.). *Oborinskie chteniia (Oborin Readings)* 3. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies, 85–89 (in Russian).

Korchagin, P. A. 2012. *Istoriya Verkhotur'ya, 1598–1926: Zakonomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arkhitekturno-istoricheskoy sredy goroda (History of Verkhoturye, 1598–1926: Social*

and economic development patterns and the formation of the architectural and historical environment of the town). Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi informatsii" Publ. (in Russian).

Korchagin, P. A., Lobanov D. A. 2022. In Samigulov, G. Kh. (ed.). *Pamyatniki fortifikatsii: istoriya, restavratsiya, ispol'zovanie (Fortification sites: history, restoration, use)*. Chelyabinsk: "Biblioteka A. Millera" Publ., 83–87 (in Russian).

Korchagin, P. A., Plotnikov, K. V. 2017. In Kornienko, S. I. (ed.). *Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya (Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования)*. Perm: Perm State National Research University, 29–32 (in Russian).

Korchagin P. A., Plotnikov K. V. 2018. In Kornienko, S. I. (ed.). *Estestvennonauchnye metody v tsifrovoy gumanitarnoy srede (Natural science methods in a digital humanities environment)*. Perm: Perm State National Research University, 137–141 (in Russian).

Laskovsky, F. [F.]. 1858. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials on the History of Engineering in Russia)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Laskovsky F.[F.] 1858. *Karty, plany i chertezhi k I chasti materialov dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Maps, Plans and Drawings for Part I of Materials on the History of Engineering in Russia)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Alekseev, V. V. (ed. in chief.). 2001. *Metallurgicheskie zavody Urala XVII-XX vv. (Metallurgical works of the Urals of the XVII–XX centuries)*. Ekaterinburg: "Akademkniga" Publ. (in Russian).

Miller, G. F. 1941. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

In 1791. *Drevnyaya Rossiyskaya Vivliofka, sodержashchaya v sebe sobranie drevnostey rossiyskikh, do istorii, geografii i genealogii rossiyskie kasayushchiesya, izdannaya Nikolaem Novikovym (Ancient Russian Vivliofka, containing a collection of Russian antiquities, pre-history, geography and genealogy, published by Nikolai Novikov)*. Moscow, 216–253 (in Russian).

Oborin, V. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 140–152 (in Russian).

Oborin, V. A. 1957. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* vol. 10, no 3, 145–164 (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis' (Patriarch's or Nikon Chronicle). 1901. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles 12: VIII. Saint Petersburg (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis' (Patriarch's or Nikon Chronicle). 1904. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles 13: VIII. Saint Petersburg (in Russian).

Popov, N. S. 1813. *Khozyaystvennoe opisanie Permskoy gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ee sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu, sochinennoe po nachertaniyu Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva. Vysochayshe odobrennomu tshchaniem i izhdiveniem onogo Obshchestva izdannoe (Economic description of the Perm Governorate according to its civil and natural state in relation to agriculture, numerous ore factories, industry and housekeeping, composed according to the outline of the Imperial Free Economic Society. Published by the Imperial Free Economic Society, approved by the highest authority and with the care and dependence of this Society)*. Saint Petersburg (in Russian).

Preobrazhensky, A. A. 1956. *Ocherki kolonizatsii Zapadnogo Urala v XVII – nachale XVIII v. (Essays on the colonization of the Western Urals in the XVII – early XVIII centuries)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Rappoport, P. A. 1965. *Drevnie russkie kreposti (Ancient Russian Fortresses)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Man'kov, A. G. Et al. (eds.). 1987. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda (Council Code 1649)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Titov, A. A. 1888. *Kungurskie akty XVII veka (1668–1699) (Kungur documents of the XVII century (1668–1699))*. Saint Petersburg: "Kuznetsov" Publ. (in Russian).

Chagin, G. N. 1999. In Vladimirskaya, N. S. (ed.). *Kreml'i Rossii (Kremlins of Russia)*. Moscow: "Moskovskiy Kreml'" Publ., 404–413 (in Russian).

Chagin, G. N. 1999. In Vladimirskaya, N. S. (ed.). *Kreml'i Rossii (Kremlins of Russia)*. Moscow: "Moskovskiy Kreml'" Publ., 71–73 (in Russian).

Shishonko, V. N. 1882. *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Period 2: 1613–1645 gg.* (*Perm Chronicle from 1263–1881 Period 2: 1613–1645*). Perm (in Russian).

Shishonko, V. N. 1884. *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Period 3: 1645–1676 gg.* (*Perm Chronicle from 1263–1881 Period 2: 1645–1676*). Perm (in Russian).

Shishonko, V. N. 1887. *Permskaya letopis' s 1263–1881 g. Period 5: 1695–1701 gg.* (*Perm Chronicle from 1263–1881 Period 2: 1695–1701*). Perm (in Russian).

Yastrebov, E. V. 1973. In Khitrov, P. I. (ed.). *250 let Permi (250 years of Perm)*. Perm: “Permskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 63–69 (in Russian).

About the Author:

Korchagin Pavel A., Candidate of Historical Sciences, старший научный сотрудник, Institute of Humanitarian Studies of Perm Federal Research Centre of the Uralski branch of the Russian Academy of Sciences. Genkel., str 4, Perm, 614013, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9752-6882>. ResearcherID: AAR-5864-2021; pakorchagin@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.158.170>

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА ТЮМЕНИ (ГОСТИНЫЙ ДВОР) (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2022 Г.)¹

©2023 г. Т.Н. Рафикова, А.И. Николаев

В работе приведены результаты археологических работ на территории жилой застройки Тюменского укрепленного посада. Самый ранний период обитания на данном участке относится к XVII вв. К постройкам XVIII в. – первой половины XIX в. отнесены два сооружения хозяйственного назначения – подполье и погреб, углубленные в материк на 1,7–1,9 м и выполненные в срубной технике. В середине XIX в. часть хозяйственных построек снесли, освободившуюся территорию использовали для расширения торговой площади у Гостиного двора. Впервые для датирования археологической древесины применен метод, основанный на отражении геомагнетизма Земли в ходе роста древесных растений. Полученные результаты демонстрируют перспективность его применения для регионов, где отсутствуют разработанные дендрошкалы. Дополнительным преимуществом метода при датировании археологических объектов является возможность использования фрагментированного материала.

Ключевые слова: городская археология, Западная Сибирь, Новое время, Тюменский укрепленный посад, срубные постройки, геомагнетизм, биометрия древесных растений

CULTURAL LAYER OF TYUMEN (MERCHANT COURT) (BASED ON THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN 2022)²

T.N. Rafikova, A.I. Nikolaev

The paper presents the results of archaeological excavations within the residential area of the fortified posad of Tyumen. The earliest period of habitation in this area dates back to the XVII century. Two household structures, a cellar and an underground storage, dated to the XVIII – the first half of the XIX century, have been identified. These structures were deepened into the earth to a depth of 1.7–1.9 meters and constructed using log-building techniques. In the middle of the XIX century, some of the household structures were demolished, and the newly cleared area was repurposed to expand the trading area near the Merchant Court (Gostiny Dvor). For the first time in dating archaeological wood, a method based on reflecting the Earth's geomagnetism during the growth of arboreal plants was used. The obtained results demonstrate the prospects of its application for regions where there are no developed dendro-scales. An additional advantage of this method in dating archaeological objects is the ability to use fragmented material.

Keywords: urban archaeology, Western Siberia, Modern era, fortified posad of Tyumen, log buildings, geomagnetism, biometrics of arboreal plants

Воссоздание истории города, выявление и изучение его основных структурных элементов, рассмотрение эволюции городской застройки, реконструкция жилой среды и материальной культуры жителей в полной мере возможно лишь при проведении археологических исследований. Археологическому изучению Тюменского острога и укрепленного посада долгое время не уделялось должного внимания. Все исследования носили аварийный характер, материалы большей части археологических работ, проведенных на территории исторического центра Тюмени не введены в научный оборот. Более того, до 2021 г. ни Тюменский острог, ни территория Тюменского укрепленного посада не были внесены в список выявленных памятников археологии. В настоящее время наметилась тенденция к улучшению ситуации – в 2021 г. и 2023 г. удалось внести в перечень выявленных объектов археологического наследия два участка Тюменского посада, вместе с тем интенсив-

ологических работ, проведенных на территории исторического центра Тюмени не введены в научный оборот. Более того, до 2021 г. ни Тюменский острог, ни территория Тюменского укрепленного посада не были внесены в список выявленных памятников археологии. В настоящее время наметилась тенденция к улучшению ситуации – в 2021 г. и 2023 г. удалось внести в перечень выявленных объектов археологического наследия два участка Тюменского посада, вместе с тем интенсив-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум», № 121041600045-8.

² The study was carried out within the State Task of the Ministry of Education and Science RF, the project "Western Siberia in the context of Eurasian relations: human, nature, society", No. 121041600045-8.

ная застройка в центре города, прокладка и ремонт подземных инженерных коммуникаций грозит нам полным уничтожением слоя Тюменского укрепленного посада, так же как мы потеряли культурные слои самого острога и Чинги-Туры – столицы Тюменского ханства.

Плотная застройка в исторической части Тюмени не позволяет нам рассчитывать на проведение широкомасштабных работ, вскрытие жилой части города или некрополей сплошными площадями. Но в наших силах осуществлять комплексное исследование каждого возможного участка с привлечением специалистов естественнонаучного профиля со своевременной публикацией материалов работ.

Первые археологические работы в историческом центре Тюмени относятся к 40-м гг. XX в. В 1935 г. П.А. Дмитриев провел раскопки осыпающихся строений на правом берегу р. Туры возле Благовещенского храма, изучив подполье сгоревшего жилища XVII в. (Кудряшов, 1938, с. 4).

В 1988 г. В.И. Семенова добилась проведения археологических работ в центральной части города при реконструкции ул. Республики и прокладки ливневой канализации. В процессе работ выявлен участок рва, закрывающего острог с напольной стороны в XVII-XVIII вв.; изучено три группы могильных ям; расчищено не менее семи котлованов от жилых и хозяйственных построек; остатки фундамента колокольни Благовещенского собора – первого каменного здания на территории Тюмени (Семенова, Ткачев, 2014, с. 206-209). Помимо траншеи было заложено два раскопа, позволившие изучить жилые постройки города XVII-XIX вв., остатки деревянной мостовой, участок кладбища при Благовещенском соборе (Семенова, Ткачев, 2014, с. 206-209).

В 2003 г. А.В. Матвеевым проведено разведочное обследование участка правого берега р. Туры в центральной части г. Тюмени на отрезке от пешеходного моста через реку до перекрестка улиц Республики и Перекопская. На всем протяжении участка в обнажении берега были зафиксированы культурные отложения XVIII-XIX вв., также зафиксировано и полностью изучено шесть погребений (Матвеев и др., 2005, с. 71-79).

В 2006 г. Н.А. Ткачевой исследован участок к югу от музея (здание бывшей городской думы) на ул. Ленина. Раскопом, площадью 58

кв.м, исследованы котлован полуземлянки и три наземных постройки, содержащих материалы XVII-XVIII вв., а также котлован крупной жилой постройки XIX-первой половины XX в. (Семенова, Ткачев, 2014, с. 209).

В 2008 г. при реконструкции дороги на ул. Республики Н.П. Серебряковой проведены археологические спасательные работы на участке от Пешеходного моста до ул. Перекопской. Тремя раскопами общей площадью 52 кв.м. зафиксировано 56 погребений и остатки жилой застройки XVII-XVIII вв. под ними.

В 2021 г. Т.Н. Рафиковой при проведении археологической разведки на одном из кадастровых участков в центре города выделен памятник «Культурный слой города Тюмени (Гостиный двор)».

Данное название возникло не случайно. Выявленный объект северо-западной стороной примыкает к зданию Гостиного двора. Место расположения Гостиного двора в Тюмени определено планом города 1766 г. Проект, предусматривавший сооружение двухэтажного корпуса в виде замкнутого каре, разработан М. Мальшевым в 1822 г. Долгое время проект не удавалось реализовать. В 1837 г. строительство начато на месте деревянного Гостиного двора, к 1848 г. закончена северо-восточная часть здания. Вторая половина так и не была построена.

На площади около Гостиного двора располагались крестьяне, привозившие продукты на рынок. Обозначенная на картах города «гостинодворная площадь» как раз соотносится с исследованной территорией, что и послужило основанием для названия выявленного объекта археологического наследия.

В 2022 г. при сносе нежилого здания на территории памятника проведены археологические наблюдения. Работы проводились по периметру снесенного дома, общая площадь изученного участка составила 164 кв.м. Публикации материалов исследования посвящена данная работа.

В стратиграфии памятника слой XIX в., соотносимый нами с площадью у Гостиного двора, фиксируется в виде прослоек глины, с помощью которой, скорее всего, выравнивали площадь у торгового дома, а также горизонтально уложенных досок – деревянных настилов или тротуаров. Обустройство площади позволило уберечь от застройки в XIX-XX

вв. территорию у Гостиного двора, сохранив нетронутыми более ранние стратиграфические слои. Этот участок мы считаем самой сохранившейся в настоящее время частью тюменского посада и его изучение является одной из первоочередных задач для реконструкции истории города.

Гостинодворская площадь маркируется большим количеством монет. Всего на памятнике зафиксировано 236 монет. Больше половины из них (123 шт.) относятся ко второй четверти XIX в., ко времени правления Николая I. Этому же периоду соответствуют торговые пломбы (11 экз.), представляющие собой плоские цилиндрики, диаметром 1,2-2 см, толщиной 0,2-0,7 см. Внутри имеются сквозные отверстия (для крепления к товару). На ряде из них нанесены надписи, но, в силу сохранности предметов, прочитывать удалось только три из них. Одна из них маркировала товар Знаменской мануфактура А.Я. Полякова, производившей шерстяные и полушерстяные ткани. Две пломбы указывают на товар, произведенный на Павловском рафинадном заводе И.Г. Харитоненко.

Также на памятнике изучено два сооружения.

Сооружение 1 исследовано не полностью, раскопом зафиксирована его юго-западная сторона. Установлено, что оно представляло собой сруб из лиственницы, углубленный от уровня материка на 1,7-1,8 м. Всего зафиксировано 11 венцов, с юго-восточной стороны постройки три верхних бревна от сруба было утеряно, здесь расчищено всего восемь бревен. Сруб рубился «в обло», чаша полукруглой формы, диаметр бревен 16-18 см. На бревнах прослежен горизонтальный паз, призванный обеспечивать лучшее сцепление бревен. Ширина котлована под постройку составила 3,8 м, ширина помещенного внутрь сруба – 3,5 м. Надземная часть постройки не сохранилась.

Сооружение 2 представляло собой углубленную в материк до 1,9 м постройку. Ее северо-западная стена равна 2,9 м, северо-восточная и юго-западная – не менее 2,5 м (юго-восточная часть уничтожена поздней застройкой). Стены сооружения срублены «в обло» из горбыля, шириной до 30 см, толщиной до 15 см. Плоской стороной горбыль обращен внутрь. Чаша в данном случае с одной стороны имела прямоугольный угол,

таким образом достигалось плотное сочленение плах во внутренних углах постройки. В северо-восточной части постройки в положении *in-situ*, под наклоном к поверхности стояла лестница в три ступени, изготовленная из плахи. Длина лестницы – 1,64 м, ширина 40 см, толщина плахи – 24 см.

Надземные части построек в пределах изученной площади не сохранились, поэтому на данный момент точно определить функциональную принадлежность построек – погреб это был или подвал, не представляется возможным. Предполагаем, что сооружение 1 являлось отдельно стоящим погребом, на что указывают срубная конструкция стен из круглых бревен, размер и глубина постройки. Сооружение 2, скорее всего, являлось подвалом жилого дома, что подтверждается более легкой конструкцией постройки и ее небольшой площадью (около 8,5 кв.м.). Судя по описанию, аналогичное подполье, «построенное из больших горбылей, с ведущей в него лестницей и остатками хранившейся в нем утвари» исследовал в 1935 г. П.А. Дмитриев у Благовещенского собора Тюмени (Кудряшов, 1938. с. 4).

Использование срубной техники при строительстве подвалов и подпольев являлось достаточно распространенным у русского населения Сибири (Черная, 2015. с. 121-122). Так, срубные погреба изучены в Томске и Таре (Черная, 2015, с. 120-122). На поселении Изюк-1 зафиксировано два погреба, один из них погреб-ледник (Татаурова, 2001. с. 80-81). Погреб, срубленный из расколотых пополам бревен сосны, обращенных плоской стороной внутрь постройки, выявлен на поселении Бергамак-1 (Татаурова, 2001. с. 81-82). Отдельно стоящий погреб-ледник XVII в., выполненный в виде сруба, размерами 3×3 м и глубиной до 1,8 м зафиксирован при изучении Верхотурья (Корчагин, 1998. с. 72-73). На Березовском посаде изучен погреб конца XVI - начала XVII вв., рубленный из круглых бревен (Визгалов и др., 2022. с. 67, рис. 2.2.27). Срубные погреба и подполья зафиксированы в Тобольске (Адамов и др., 2008. с. 62; Балюнов, 2019. с. 201-203). В Тюмени В.И. Семеновой изучено два сооружения с подвалами из лиственницы (Семенова, Ткачев, 2014. с. 208-209). Тип конструкции не указан, но скорее всего, они были срубными.

Для определения хронологии изученных сооружений, А.И. Николаевым предложено

но применить к спилам бревен конструкций метод, основанный на отражении геомагнетизма Земли в ходе роста древесных растений. Практика его использования для датирования археологических образцов в нашей стране не распространена, поэтому подробно остановимся на его рассмотрении.

Как правило, в дендрохронологической практике используется метод перекрестного датирования для установления периода жизни и гибели древесных растений, по обобщенным дендрошкалам (Douglass, 1914. р. 825-831; Битвинскас, 1974; Ваганов, Шашкин, 2000; Ретеюм, 2014. с. 125-133). Этот метод базируется на необходимости наличия региональных дендрошкал исследуемой древесины, и если по периодам до нескольких сотен лет (хронологического периода растущих в настоящий момент деревьев) задача выглядит довольно простой - отобрать образцы в регионе нахождения исследуемой древесины с живых древесных растений соответствующей породы и провести перекрестную датировку с возможными погрешностями (Колчин, Черных, 1977), то установление периода роста археологической древесины более раннего периода проводится только при стечении невероятно редких случаев нахождения и составления непрерывных дендрошкал в течении нескольких сотен или тысяч лет. При этом величина минимального промежутка перекрестного наложения зависит от чувствительности и синхронности данных образцов. Практика перекрестного датирования показала, что для надежной датировки необходимо наложение одной кривой на другую на отрезке, не менее чем в 50 колец, чем больше, тем, естественно, лучше (Колчин, Черных, 1977), но стоит иметь в виду, что построенные кривые дендрошкал сравниваемых образцов составляются по единым корреляционным методам обсчета изменчивости годичных колец в отношении одного к другому (Douglass, 1914. р. 825-831), и производится только их приблизительное сравнение с известными допущениями и погрешностями до 15-30% (Колчин, Черных, 1977; Складов, 2015).

Кроме того, возникает один не явный момент, найденная археологическая древесина местопрорастанием может отличаться от места ее обнаружения, так же как и древесина по которой составляются дендрошкалы, что приводит к недостоверным данным пере-

крестной датировки, за счет больших допусков в хронологии, базирующейся только на параметре ширины сезонных колец роста древесных растений.

Для решения поставленной задачи предложен разработанный метод, основанный на отражении геомагнетизма Земли в ходе роста древесных растений (Николаев, 2019. с. 199-206; Николаев, 2023. с. 82-85). Давно известно, что земное притяжение влияют на рост всех растений (Найт, Т.Э., 1806), тем самым доказано влияние геомагнетизма на геотропизм (Меркис, 1968), однако особенности формирования структуры древесины под влиянием геомагнетизма остается не изученным, а большинство исследований изучают зависимости формирования годичных колец древесных растений по макропоказателям (температура, гидрологические условия, солнечная активность и др.), при этом опять же ограничиваясь основными дендрохронологическими принципами формирования дендрошкал (Ретеюм, 2014. с. 125-133; Ваганов, Шашкин, 2000). Используемый нами метод датировки предполагает исследование клеточной структуры археологической древесины с расчетом биометрических показателей изменчивости хода роста древесины, изученными в ходе масштабных многолетних исследований территории РФ и ближнего зарубежья (2012-2023 гг.) древесных образцов общим количеством более 11,3 млн. шт., занесенными в единую базу данных (БД) (Николаев, 2023. с. 82-86; Свидетельство о государственной регистрации базы данных..., 2022). За основу данных геомагнетизма использовалась международная модель главного магнитного поля Земли IGRF-13 (Alken et al, 2021), с формированием вековых ходов (Campdell, 2003; Bondar et al, 2006. р. 524-529) по географическим координатам мест отбора образцов древесных растений методами триангуляции коррелирующих биометрических клеточных хронологий изучаемых фрагментов древесины с БД. Данный подход позволяет одновременно с датировкой древесины определять местопрорастание исследуемой древесины с точностью площади радиусом ближайших по координатам исследованных образцов, имеющих в БД и данными изменения магнитного склонения IGRF (чем чаще и сильнее изменения со временем, тем точнее устанавливается период и место роста древесных растений).

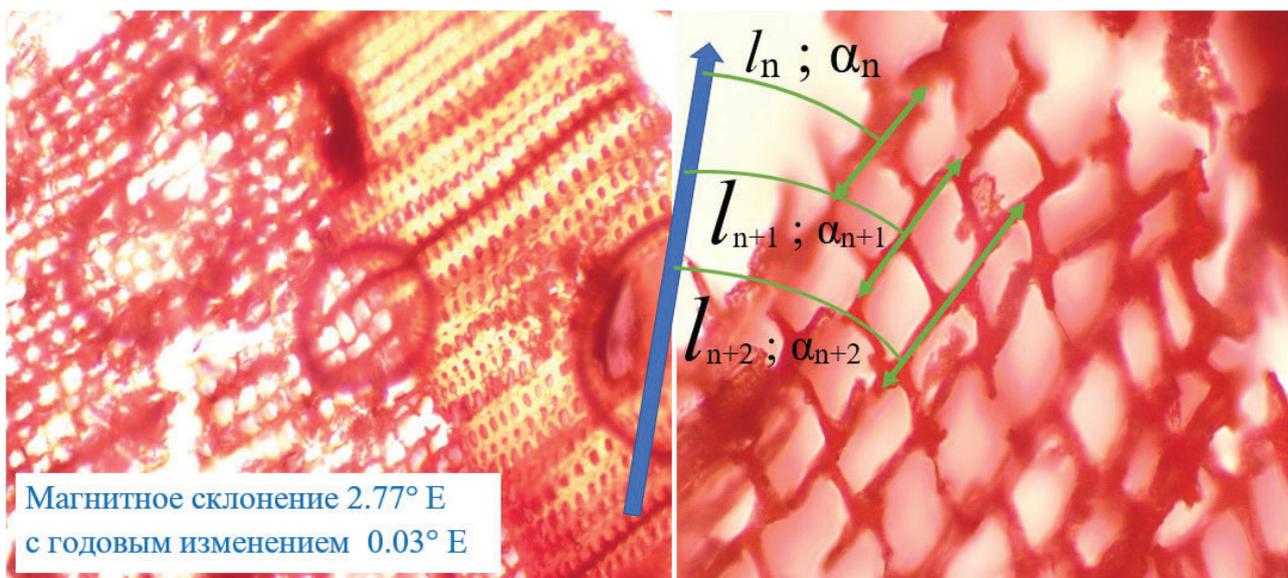

Рис. 1. Микропрепараты образца №8 в увеличении 100х и 400х с отображением расчетных величин параметра $Bwp0-n_{0-457az}$ на 1760 г.
Fig. 1. Microsections of sample No. 8 at 100x and 400x magnification displaying calculated values of parameter $Bwp0-n_{0-457az}$ for 1760.

В рамках данной работы исследовалось 15 образцов археологической древесины, различной сохранности и типа (бревно, доска). Со всех объектов исследования изготавливались стабилизированные препараты по всей имеющейся хронологии роста для микроскопического исследования (Бордонос, Рудич, 1970) с помощью биологического микроскопа Levenhuk MED 20 в увеличении: 40х, 100х и 400х и оцифровкой результатов цифровой фото-видеокамерой Levenhuk MED 5.1MP. Измерение биометрических показателей клеточной структуры древесины производилось в ГИС системе «QGIS» с точностью $1,0 \cdot 10^{-9}$ с их обработкой посредством математических алгоритмов на языке с открытым исходным кодом «Python», а также пакета прикладным программ технических расчетов «Scilab» и авторского ПО (Свидетельство о государственной регистрации программы..., 2022). Пример расчета одного из параметров клеточной структуры, отражающим влияние геомагнетизма отражен на рис. 1, где прослеживается радиальное изменение угла наклона и прямолинейности в структуре не нарушенной клеточной стенки в корреляции с изменением магнитного склонения. Для установления периода жизни (формирования исследуемой клеточной структуры) и местопрорастания древесного

растения, исследуется более 720 биометрических параметров, согласно БД, по каждому году хронологии IGRF.

В результате исследований находится единственно возможная корреляция биометрических данных древесного образца с данными геомагнетизма, так как производится сверка не по одной кривой хода роста, а совокупности всех исследуемых признаков. Для возможности оперирования большими объемами данных и исключения визуальной подгонки кривых ходов роста, все расчётные величины сворачиваются в единообразную хэш-функцию $h(K)$ (формула 1) с данными элементов x переменной длины l для всех параметров M каждого исследуемого объекта:

$$h(K) = (h_1(x_1) + h_2(x_2) + \dots + h_l(x_l)) \bmod M \quad (1)$$

Приведенный подход позволяет получить уникальный параметр каждого образца, которым удобно оперировать. За счет большого количества изученных биометрических параметров заложенных в хэш-функцию уже с совокупности исследования 10-14 клеток древесного образца демонстрируется их когерентность с данными геомагнетизма на уровне $99,46 \pm 0,21\%$ на всей генеральной совокупности выборки (Николаев, 2023. с. 82-85; Дрейпер, Смит, 1973; Плохинский, 1982. с.

152-157), что достаточно для определения местопрорастания древесного растения в пределах $11,4 \pm 0,2'$ ($92,7 \pm 4,6$ км²) и определения периода жизни образца в пределах 8 ± 6 фенологических сезонов (ФС) роста образцов (1-7 лет).

Породный состав исследуемых древесных растений определялся в лабораторных условиях, по характерным видовым признакам древесины Бордонос, Рудич, 1970; Уголев,

ний применялся метод установления вероятного диаметра древесного ствола, по имеющимся на образцах годичным кольцам по формуле сегментации окружностей годичных колец в диаметре (формула 2) и региональным данным ходов роста эталонных древесных насаждений (Общесоюзные нормативы, 1989).

$$D_n = \frac{L_{дс} * 2 + k_{з,н}}{2 \arccos \frac{d}{L_{гд} \sqrt{d^2 + 2,15^2}}} \quad (2)$$

Таблица 1. Характеристика исследуемых образцов с археологического объекта «Культурный слой города Тюмени (Гостинный двор)»

Table 1. Characteristics of the examined samples from the archaeological site "Cultural layer of Tyumen City (Merchant Court)"

№ образца	порода	Кол-во ФС на образце	Датировка ФС		РПВГ	Дополнительно
			От	До		
1	С	49 лет	1649	1701	1702-1709	Вертикально стоящий столб, кв. Б-21
2	Л	17 лет	1768	1785	1787-1793	Гориз. лежащая доска, кв. А'-2, -146-154 см.
3	Л	22 года	1817	1838	1847-1859	Гориз. лежащая доска, кв. А'-2, -146-154 см.
4	Л	58 лет	1674	1732	1746-1763	Соор. 2, облицовка, кв. Х-6, -230-248 см.
5	Л	31 год	1702	1731	1753-1781	Соор. 2, облицовка, кв. У-5, -224 -248 см
6	Л	30 лет	1735	1766	1785-1807	Соор 1., кв. Б'/9-12, -374 -386 см
7	Л	36 лет	1716	1752	1776-1798	Соор 1., кв. Б'/9-12, -360 -374 см
8	Л	42 года	1738	1779	1795-1826	Соор 1., кв. Б'/9-12, -346 -360 см
9	Л	41 год	1742	1783	1808-1839	Соор 1., кв. Б'/9-12, -330 -346 см
10	Л	32 года	1748	1780	1804-1836	Соор 1., кв. Б'/9-12, -316 -330 см
11	Л	45 лет	1694	1739	1768-1840	Соор 1., кв. Б'/9-12, -304 -316 см
12	Л	37 лет	1724	1761	1779-1802	Соор 1., кв. Б'/9-12, -288 -304 см
13	Л	74 года	1718	1792	1801-1831	Соор 1., кв. Б'/9-12, -274 -288 см
14	Л	37 лет	1736	1773	1795-1827	Соор 1., кв. Б'/9-12, -260 -274 см
15	Л	26 лет	1766	1792	1811-1853	Соор 1., кв. Б'/9-12, -242 -260 см

Станко, 2006). Выявлено, что в выборке присутствует сосна (образец №1) и лиственница (№№2-15).

Как видно из таблицы 1, объекты имеют довольно значительный сохранный слой древесины по годам (17-74 года) и датируются ходом роста XVII-XIX вв., однако ни один из образцов не имеет предкамбиальных слоев древесины, определяющих последний год их жизни (до гибели/рубки), что не позволяет достоверно установить год и сезон их рубки в отличие от достоверно устанавливаемого периода жизни имеющихся годичных колец на образцах. Для реконструкции периода возможной гибели (РПВГ) древесных расте-

Где: D_n – Диаметр ствола дерева (на измеряемом годичном слое)

$L_{дс}$ – Длина дуги сегмента

d – Длина известной части образца от центра ствола до измеряемого годичного слоя

$L_{гд}$ – Длина гипотенузы от катета d и полу диаметра древесного ядра (стандартно 2,15 мм), принятого идентичным и для образцов спилов.

Естественно, чем ближе к камбию имеющиеся годичные кольца на древесине, тем меньше вероятностный разбег периода гибели такого образца, который основываясь на табличных данных, согласно лесостроитель-

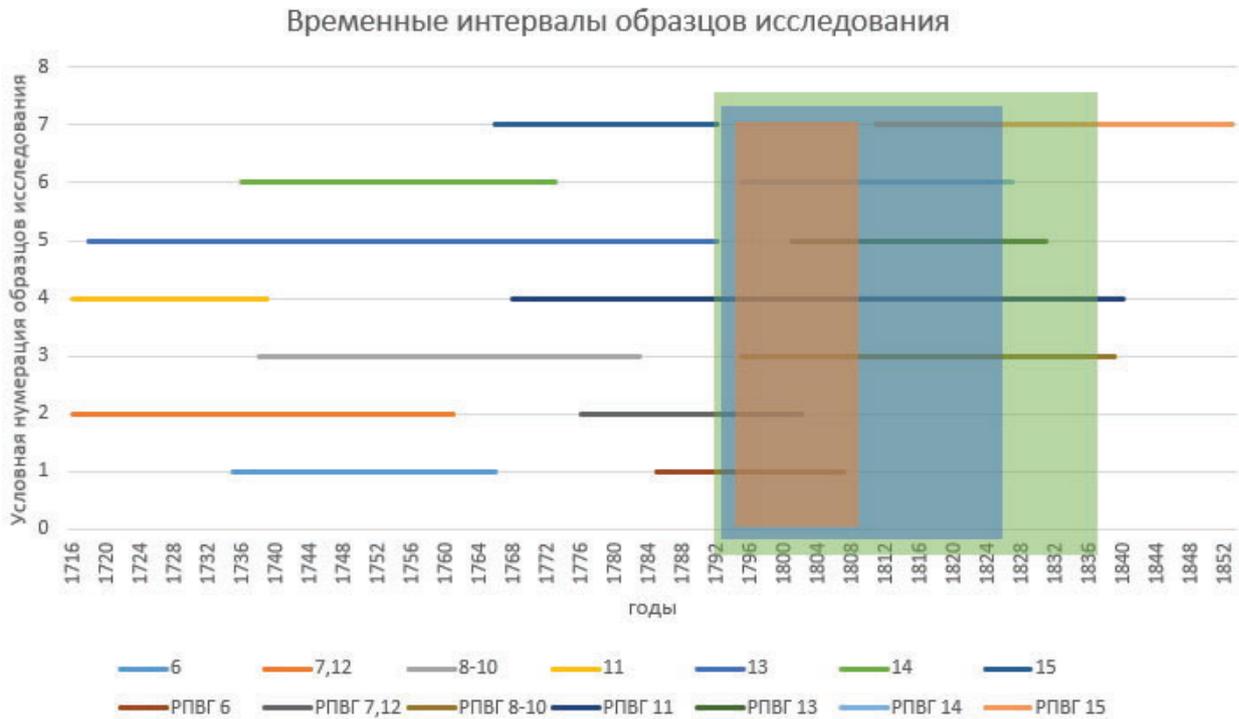

Рис. 2. Графики хронологий роста образцов по отдельным древесным растениям с установлением обобщенных периодов гибели (рубки) по трем уровням надежности согласно таблице 2.

Fig. 2. Growth chronology plots of samples based on individual arboreal plants, establishing generalized periods of demise (felling) at three levels of reliability according to Table 2.

Таблица 2. Характеристика вероятных периодов постройки соор. 1 с расчетом по трем уровням надежности.

Table 2. Characteristics of the probable construction periods for structure 1 with calculation at three levels of reliability

Уровень надежности	Вероятность безошибочных прогнозов	Критерий надежности	Периоды рубки деревьев
Высокий	$\beta_1=0,999$	$t_3 = 3,29$	1792-1837
Повышенный	$\beta_2=0,99$	$t_2 = 2,58$	1793-1826
Обычный	$\beta_1=0,95$	$t_1 = 1,96$	1795-1811

ной практике может содержать ошибку до $\pm 30\%$.

Интересно, что в ходе исследования выявлены сортименты изготовленные из одного древесного ствола – это 7-12 и 8-9-10 (табл. 1).

Итак, для выявления наиболее возможных годов постройки соор. 1. составлен график соотношения временных интервалов образцов древесины (рис. 2). На графике отмечены образцы исследования по порядку согласно таблице 1, где 1 – образец № 6; 2 – образцы № 7 и 12; и т.д. На одной горизонтали отмечена

датировка физически имеющихся годовичных колец на объекте и его РПВГ.

Таким образом, наиболее вероятный интервал постройки соор. 1 - 1792-1837 гг. На плане участка посадка Тюмени с Гостиным двором, снятым тюменским окружным землемером Ивановым в 1837 г. (Центр учета, хранения и популяризации Музейных фондов Музейного комплекса им. И. Я. Словцова. Коллекция Документы, ОФ-29303), как раз на изученной нами территории, вплотную примыкая к площади для продажи съестных припасов, располагался двор мещанки И.И. Смолиной.

Возможно, изученный погреб как раз относился к ее владениям.

К юго-востоку от соор. 1 зафиксирован настил из досок (образцы №2, 3). Значительная разница в датировках досок от единовременно созданного сооружения (настила), объясняется местоположением в створе дерева той части, из которого эту доску произвели. Так, установлено, что одна из них (образец №2) изготовлена от части дерева, близкого к центру ствола, тогда как обр. №3 происходит от доски, произведенной из части дерева близкого к камбию. Поэтому наиболее верным интервалом для датирования настила можно считать 1847-1859 гг. Анализ стратиграфической ситуации подтверждает более позднее существование настила по отношению к соор. 1. Полагаем, что настил можно связывать с территорией торговой площади второй половины XIX в.

Период строительства сооружения 2, судя по результатам анализа (образцы №4 и 5, табл. 1), приходится на более ранний период - 1746-1781 гг.

Со слоем XVII в. мы соотносим ряд хозяйственных ям - №1, 12 и 12а. Длина ямы №1 - 180 см, ширина изученной части 98 см, восточная часть снесена поздней постройкой. В заполнении ямы отмечено большое количество рыбьей чешуи, керамика, костяной черешковый наконечник стрелы, свинцовая дробь.

Яма №12 имела овальную форму, размеры 110x104 см, глубину до 32 см. С южной стороны к ней примыкала яма №12а, размерами 62x54 см, глубиной 10 см. В заполнении ямы №12 выявлена свинцовая пуля и две дробины. Всего на памятнике зафиксировано 7 экз. свинцовых пуль и 4 экз. картечи. По форме пули почти круглые, размер 1-1,3 см, вес варьирует от 3,4 до 8,7 г. Картечь диаметром около 0,4-0,7 см. Обнаруженные пули по форме, весу, изготовлению соответствуют изделиям, фиксирующимся на многих памятниках Сибири XVI-XVII в.

Предметный комплекс памятника богат и представлен гончарной, фаянсовой и фарфоровой посудой, фрагментами стеклянных бутылок, монетами, торговыми пломбами, нательными крестами, украшениями (браслет), предметами гигиены (копоушка), столовыми предметами (железная вилка), предметами быта (ножи, кованые гвозди, рыболовные

крючки, иголки), одежды (пряжки, пуговицы), обуви (фр. кожаных туфель, наборные каблуки, обувные подковки), вооружения (пули, дробь, костяной и железный наконечники стрел) и т.д. (рис. 3).

Среди обувных подковок (18 экз.) выделено три типа: с шипами (4 экз.); со сквозными отверстиями (чаще тремя) для гвоздей (10 экз.); на гвоздях, с длинными загнутыми под прямым углом к основной поверхности концами (1 экз.). А.Г. Векслер с соавторами, проанализировав материалы раскопок Москвы, указывают, что со второй половины XVII в. количество врезных подковок с шипами уменьшается, полностью выходя из употребления в к. XVII – сер. XVIII вв., тогда как набивные подковки (второй тип) начинают распространяться с XVIII в. (Векслер и др., 1997. с. 116). Данные выводы соответствуют результатам, полученным на памятниках Сибири (Визгалов, Пархимович, 2008. с. 82-83, Балюнов, 2012. с. 58 и др.). 3 тип до настоящего времени был зафиксирован только в Мангазее. Исследователи полагают, что они использовались для деревянных и наборных каблуков (Визгалов и др, 2011. с. 56). Тип еще трех подковок не удалось установить из-за сильной коррозированности и фрагментарности изделий.

На памятнике выявлено 13 пуговиц. Четыре из них относятся к военной форме времен СССР. Остальные экземпляры представлены четырьмя типами: грибовидные (5 экз.); грушевидные (2 экз.); плоская круглая на перпендикулярной петле (1 экз.); костяная со сквозными отверстиями (1 экз.). Первые два вида пуговиц имели распространение в памятниках Московской Руси XVII - XVIII вв., третий и четвертый, появляясь в XVII в., наибольшее распространение получают в последующие века, доживая до современности (Жилина, 2020. С.297-311). Аналогичные пуговицы зафиксированы при раскопках Тобольска (Алиева, 2012. с. 94-96; Аношко, 2018. с. 61), Изюк 1 (Татурова, 2010, с. 100), Березовского острога (Пархимович, 2008. с. 258), Илимского могильника (Молодин, 2007. с. 90, рис. 149-8) и др.

Таким образом, проведенные в 2022 г. исследования позволили изучить участок жилой застройки города Тюмени XVII – начала XIX в. Со второй четверти XIX в. на данной территории располагалась торговая площадь,

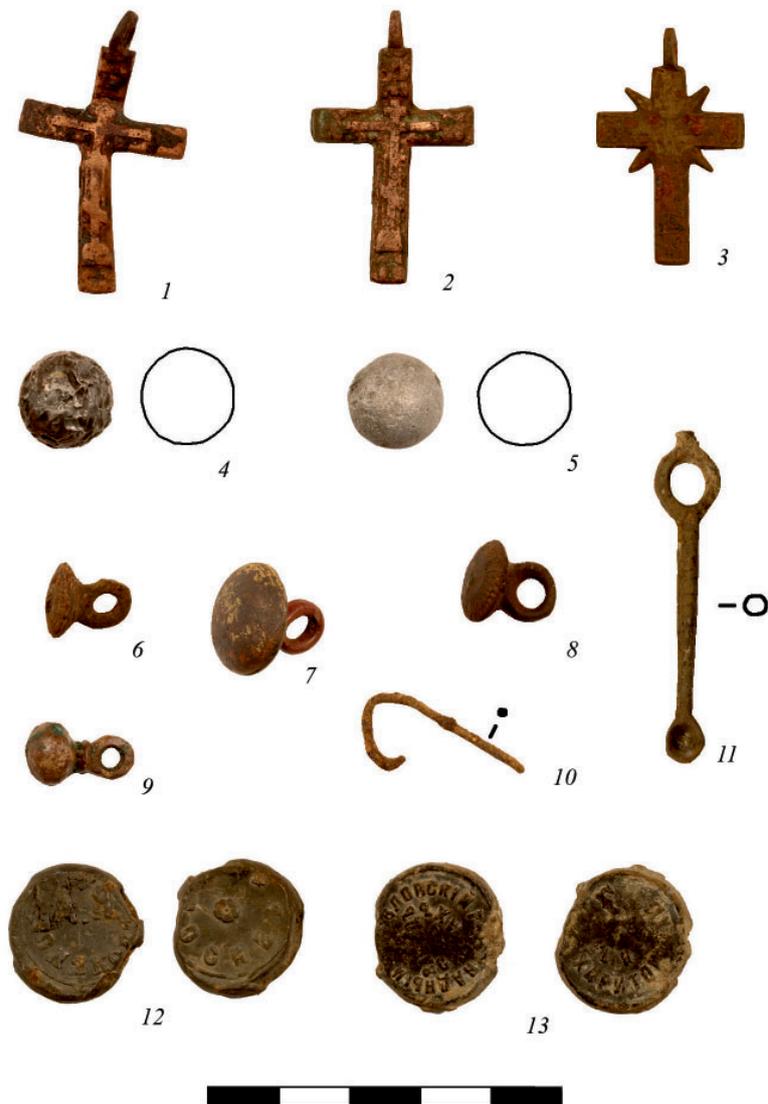

Рис. 3. Инвентарь памятника «Культурный слой города Тюмени (Гостиный двор)». 1-3 – нательные кресты; 4-5 – пули; 6-9 – пуговицы; 10 – рыболовный крючок; 11 – копоушка; 12-13 – товарные пломбы.

Fig. 3. Findings of the site "Cultural layer of Tyumen (Merchant Court)". 1-3 – underwear crosses; 4-5 – lead bullets; 6-9 – buttons; 10 – fishing hook; 11 – ear cleaner; 12-13 – seals.

под нужды которой с середины XIX в. от жилых кварталов была освобождена дополнительная территория.

Положительные результаты использования для датирования древесных остатков нового метода, основанного на отражении геомагнетизма Земли в ходе роста древесных растений, открывает значительные перспективы для памятников, для которых привлечение «классических» дендрохронологических исследований невозможно из-за отсутствия разработанных дендрошкал и скудности древесного материала. Помимо высокой точности, применение метода позволяет использовать для

анализа не только спилы с целых бревен, но и фрагментированный материал (горбыль, доски и т.д.), а также уголь, что приобретает исключительное значение при изучении археологических объектов.

Сопоставив планы города Тюмени XVIII-XIX вв. и современные границы мыса, результаты работ В.И. Семеновой в 1988 г. и Тюменского научного центра в 2023 г., зафиксировавших остатки острожного частокола и рва, что позволило точно локализовать местоположение Тюменского острога, мы вынуждены констатировать, что его большая часть осыпалась из-за подмывания берега рекой, а

также уничтожена при строительстве новой набережной.

Проведение археологических работ на уцелевших частях Тюменского укрепления ного посада – последний шанс получить сведения об истории основания и развитии одного из первых городов на территории Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: Западно-Сибирская консалдинговая компания, 2008. 114 с.

Алиева Т.А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII-XIX вв. // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 92–105.

Аношко О.М. Базарный раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 53–64.

Балюнов И.В. Археологические материалы для реконструкции тобольской городской усадьбы XVII-XVIII веков // Баландинские чтения. Т. XIV / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. С. 200–204.

Балюнов И. В. Обувные подковки г. Тобольска XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 56–59.

Битвинкас Т.Т. Дендроклиматические исследования. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 172 с.

Бордонос Т.Г., Рудич Д.С. Судебнобиологическая экспертиза мелких частиц древесины. Киев, 1970. 84 с.

Ваганов Е.А., Шашкин А.В. Рост и структура годичных колец хвойных. Новосибирск: Наука. 2000. 232 с.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV-XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. 1997. №3. С. 114–119.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. 216 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования) / Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. 2022. 158 с.

Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ. М.: Статистика, 1973. 392 с.

Жилина Н.В. Пуговицы в костюме Московской Руси XVII - начала XVIII века // Археология Подмосковья. Вып. 16 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2020. С. 297–311.

Колчин Б., Черных Н. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. 128 с.

Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурье. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 67–80.

Кудряшов Б. Из прошлого Тюмени // Красное знамя: ежедневная газета Тюменского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. 1938, № 237 (14 окт.) С. 4. URL: <https://www.prlib.ru/item/423227> (дата обращения 29.09.2023).

Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Новые материалы по археологии Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях / Ред. Л.В. Татаурова. Омск: ОмГУ, 2005. С. 71–79.

Меркис А.И. Геотропизм растений и его значение для ориентации побегов. Автореф. дисс... доктора биол. наук. Вильнюс, 1968. 34 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Николаев А.И. Научные основы легализации оборота древесины // Лесохозяйственная информация. 2019. № 3. С. 199–206.

Николаев А.И. Геомагнетизм в отражении клеточной структуры древесных растений // Леса России: политика, промышленность, наука, образование / Отв. ред. А.А. Добровольский. СПб: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, 2023. С. 82–85.

Общесоюзные нормативы для таксации лесов (утв. приказом Госкомлеса СССР от 28.02.1989 г. № 38.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татарурова. Омск: Апельсин, 2008. С. 251–262.

Плохинский Н.А. Достаточная численность выборки // Биометрический анализ в биологии / Отв. ред. Г.Н. Зайцев. М.: МГУ, 1982. С. 152–157.

Ретеюм А. Ю. Дендрохронология больших циклов Солнечной системы // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. 2014. Т. 18, № 5. С. 125–133.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022623468 Российская Федерация. Биометрия древесных растений: № 2022623554: заявл. 01.12.2022; опубл. 15.12.2022 / А. И. Николаев.

Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022666363 Российская Федерация. Лесоустроитель+: № 2022665489: заявл. 19.08.2022; опубл. 31.08.2022 / А. И. Николаев.

Семенова В.И., Ткачев А.А. Археология и картография Тюмени // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология: журнал теоретических и прикладных исследований. 2014. № 4/1 (84/1). С. 204–210.

Скляр А.Ю. Чего изволите-с?.. Меню радиоуглеродного датирования и дендрохронологии. 2015. URL: <https://lah.ru/time-text/> (дата обращения 29.09.2023).

Татаурова Л.В. Планиграфия усадьбы и приемы домостроительства русских Среднего Прииртышья в XVIII-XIX вв. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв.ред. Л.А. Чиндина. Томск: изд-во Том. Ун-та, 2001. С. 80–82.

Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.

Уголев Б.Н., Станко Я.Н. Древесиноведение коммерческих пород. 2-ое изд. М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. 97 с.

Хохлов А. В. Моделирование вековых геомагнитных вариаций. Принципы и реализация // Геофизические исследования. 2012. Т. 13. № 2. С. 50–61.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 276 с.

Alken P., Thébault E, Begganet C.D et al. International Geomagnetic Reference Field: the 13th generation// Earth Planets Space. 2021. Vol. 73. N. 49. DOI: 10.1186/s40623-020-01288-x

Bondar T.N., Golovkov V.P., Zvereva T.I., Chernova T.A., Yakovleva S.V. Modeling of the geomagnetic field secular variation based on the satellite surveys // Geomagnetism and Aeronomy. 2006. Vol. 46. No 4. P. 524–529.

Campbell W.H. Introduction to Geomagnetic Fields. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 352 p.

Douglass A.E. Grossdating in dendrochronology // Journal of Forestry. 1941. Vol. 132. No. 10. P. 825–831.

Информация об авторах:

Рафикова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень, Россия); TN Rafikova@yandex.ru

Николаев Андрей Иванович, академик МАС, руководитель НИЦ, Научно-исследовательский центр "Биоинформационные технологии" (г. Тюмень, Россия), bio-ekspert@mail.ru

REFERENCES

Adamov, A.A., Balyunov, I.V., Danilov, P.G. (2008). *Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk (The City of Tobolsk: An Archaeological Outline)*. Tobolsk: Publishing House "Zapadno-Sibirskaya Konsaltingovaya Kompaniya" Publ. (in Russian).

Alieva, T. A. 2012. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE* (4), 92–105 (in Russian).

Anoshko, O. M. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (3), 53–64 (in Russian).

- Balyunov, I. V. 2019. In Garkusha, D. D. (ed.). *Balandinskie chteniia (Balandin Readings)* 14. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design, and Arts, 200–204 (in Russian).
- Balyunov, I. V. 2012. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri: Vserossiiskii nauchnyi zhurnal (Humanities in Siberia: All-Russian scientific journal)* (2), 56–59 (in Russian).
- Bitvinskis, T. T. 1974. *Dendroklimaticheskie issledovaniia (Dendroclimatic Studies)*. Leningrad: "Gidrometeoizdat" Publ. (in Russian).
- Bordonos, T. G., Rudich, D. S. 1970. *Sudebnobiologicheskaiia ekspertiza melkikh chastits drevesiny (Forensic biological expertise of small wood parts)*. Kiev (in Russian).
- Vaganov, E. A., Shashkin, A. V. 2000. *Rost i struktura godichnykh kolets khvoinykh (Growth and structure of the conifers annual rings)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Veksler, A. G., Likhter, Yu. A., Osipov, D. O. 1997. In *Rossiiskaia arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 114–119 (in Russian).
- Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. 2008. *Mangazeia: novye arkheologicheskie issledovaniia (materialy 2001–2004 gg.) (Mangazeya: new archaeological studies (2001–2004 materials))*. Ekaterinburg; Nefteyugansk: "Magellan" Publ. (in Russian).
- Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G., Kurbatov, A. V. 2011. *Mangazeia: kozhanye izdeliia (materialy 2001–2007 gg.) (Mangazeya: Leather Products (Materials 2001–2007))*. Nefteyugansk; Ekaterinburg: "AMB" Publ. (in Russian).
- Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G., Petrova, E. N. 2022. *Berezov: pervyi russkii gorod IUgry XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniia) (Berezov: The first Russian town in Yugra of the XVI–XVIII centuries (brief results of comprehensive archaeological studies))*. Series: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past) 20. Khanty-Mansiysk; Nefteyugansk; Surgut (in Russian).
- Draper, N., Smith, H. 1973. *Prikladnoi regressiionnyi analiz (Applied regression analysis)*. Moscow: "Statistika" Publ. (in Russian).
- Zhilina, N. V. 2020. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia (Archaeology of the Moscow Region)* 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 297–311 (in Russian).
- Kolchin, B., Chernykh, N. 1977. *Dendrokronologiia Vostochnoi Evropy (Dendrochronology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Korchagin, P. A. 1998. In *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniia g. Verkhotur'e (Archaeological and historical studies of Verkhoturye)*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi infotmatsii" Publ., 67–80 (in Russian).
- Kudryashov, B. 1938. In *Krasnoe znamia: ezhednevnaia gazeta Tiimenskogo gorkoma VKP(b) i gorodskogo Soveta deputatov trudiashchikhsia (Krasnoye Znamya: daily newspaper of the Tyumen Town Committee of the VKP(b) and the Town Council of deputies-workers)* (237) 4. Tyumen: "Krasnoe Znamya" Publ. URL: <https://www.prilib.ru/item/423227> (accessed: 29.09.2023)
- Matveev, A. V., Izmer, T. S., Molyavina, E. Yu. 2005. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiaakh (Culture of Russians in Archaeological Studies)*. Omsk: Omsk State University, 71–79 (in Russian).
- Merkis, A. I. 1968. *Geotropizm rastenii i ego znachenie dlia orientatsii pobegov (Geotropism of plants and its importance for the orientation of shoots)*. Thesis of the Doctor Dissertation in Biological Sciences. Vilnius (in Russian).
- Molodin, V. I. 2007. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga (Underwear crosses of the Ilimsk fortress)*. Novosibirsk: "INFOLIO" Publ. (in Russian).
- Nikolaev, A. I. 2019. In *Lesokhoziaistvennaia informatsiia (Forestry information)* (3), 199–206 (in Russian).
- Nikolaev, A. I. 2023. In Dobrovol'sky, A. A. (ed.). *Lesa Rossii: politika, promyshlennost', nauka, obrazovanie (Forests of Russia: policy, industry, science, education)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov, 82–85 (in Russian).
- Obshchesoiuznye normativy dlia taksatsii lesov (utv. prikazom Goskomlesa SSSR ot 28.02.1989. vol. 38. (All-Union Standards for Forest Inventory (Approved by the Order of the State Committee of the USSR on forest management dated February 28, 1989, No. 38)).* (in Russian).
- Parkhimovich, S. G. 2008. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiaakh (Culture of Russians in archaeological studies)*. Omsk: "Apelsin" Publ., 251–262 (in Russian).

Pokhinsky, N. A. 1982. In Zaitsev, G. N. (ed). *Biometricheskii analiz v biologii (Biometric analysis in biology)*. Moscow: Moscow State University, 152–157 (in Russian).

Retyum, A. Yu. 2014. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoi vestnik (Bulletin of Moscow State University of Forestry – Forestry Bulletin)* (18), 125–133 (in Russian).

Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii bazy dannykh vol. 2022623468 Rossiiskaia Federatsiia. Biometriia drevesnykh rastenii: vol. 2022623554: zaiavl. 01.12.2022: opubl. 15.12.2022 / A. I. Nikolaev (Certificate of state registration of the database No. 2022623468 Russian Federation. Woody plants biometry: No. 2022623554: applied on 01.12.2022: published on 15.12.2022 / A.I. Nikolayev) (in Russian).

Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii programmy dlia EVM vol. 2022666363 Rossiiskaia Federatsiia. Lesoustroitel'+: vol. 2022665489: zaiavl. 19.08.2022: opubl. 31.08.2022 / A. I. Nikolaev (Certificate of state registration of the computer program No. 2022666363 Russian Federation. Forestry manager+: No. 2022665489: applied on 19.08.2022: published on 31.08.2022 / A.I. Nikolayev) (in Russian).

Semenova, V. I., Tkachev, A. A. 2014. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiya: zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy (Proceedings of Altai State University. Series: History, Political Science: Journal of Theoretical and Applied Research)* (4/1), 204–210 (in Russian).

Sklyarov, A. Yu. 2015. *Chego izvolite-s?.. Menu radiouglerodnogo datirovaniia i dendrokronologii (What will you choose?.. Menu for radiocarbon dating and dendrochronology)*. URL: <https://lah.ru/time-text/>

Tataurova, L. V. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaia Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoi arkhologo-etnograficheskoi konferentsii (Cultural space in archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent areas: Proceedings of the XII Western Siberian archaeological and ethnographic conference)*. Tomsk: Tomsk University, 80–82 (in Russian).

Tataurova, L. V. 2010. *Pogrebal'nyi obriad russkikh Srednego Priirtysh'ia XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Iziuk-1 (Burial rites of Russians in the middle Irtysh region from the XVII to the XIX centuries. Based on the materials from the complex of Izyuk-1)*. Omsk: “Apelsin” Publ. (in Russian).

Ugovlev, B. N., Stanko, Yu. N. 2006. *Drevesinovedenie kommercheskikh porod (Wood Science of Commercial Species)*. Moscow: State Educational Institution of Higher Professional Education Moscow State Forest University (in Russian).

Khokhlov, A. V. 2012. In *Geofizicheskie issledovaniia (Geophysical studies)*. Vol. 13. (2), 50–61 (in Russian).

Chernaya, M. P. 2015. *Voievodskaia usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaiia rekonstruktsiia (Voivode estate in Tomsk. 1660-1760s: historical and archaeological reconstruction)*. Tomsk: “D-Print” Publ. (in Russian).

Alken, P., Thébault, E., Begganet, C. D et al. 2021. In *Earth Planets Space*. Vol. 73. N. 49. DOI: 10.1186/s40623-020-01288-x (in English).

Bondar, T. N., Golovkov, V. P., Zvereva, T. I., Chernova, T. A., Yakovleva, S. V. 2006. In *Geomagnetism and Aeronomy*. Vol. 46. No 4, 524–529 (in English).

Campbell, W. H. 2003. *Introduction to Geomagnetic Fields*. Cambridge: Cambridge University Press.

Douglass, A. E. 1941. *Grossdating in dendrochronology* In: *Journal of Forestry*. Vol. 132, No. 10, 825–831.

About the Authors:

Rafikova Tatyana N., Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Malygin, str. 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; TNRafikova@yandex.ru

Nikolaev Andrey I., academician of the *International Telecommunication Academy*, head of Research and Development Center, Research Center “Bioinformatics Technologies”. Vasiliy Gol'tsov, str, 24, office 501.2, Tyumen, 625051, Russian Federation; bio-ekspert@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 930

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.171.177>

КЕРЕНСКАЯ И ЛОМОВСКАЯ ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

©2023 г. В.В. Ставицкий

История изучения Керенской и Ломовской засечных линий насчитывает более двух с половиной столетий, однако она до сих пор не становилась предметом специального историографического анализа. Интерес к земляным сооружениям засечной черты сформировался в конце XVIII в., когда информация о них попадает на страницы сочинений путешественников и писателей. Со второй половины XIX в. сбором архивных документов о засечных чертах Пензенской губернии начинают заниматься краеведы. Трудность их выявления была связана с тем фактом, что значительная часть документов была утрачена в результате пожаров архивов приказа Казанского дворца. Исследования краеведов были направлены на уточнение местонахождения земляных валов, установление времени появления оборонительных укреплений. Помимо документов они опирались на данные местных легенд и преданий. Наибольший вклад в изучение внесли: Ф.Ф. Чекалин, В.Р. Хохряков, П.Н. Черменский, А.Л. Хвощев. Со второй половины XX в. к систематическим исследованиям засечных линий приступает В.И. Лебедев. Кроме изучения архивных данных, он занимается организацией полевых изысканий. В результате укрепления Керенской и Ломовской черт были локализованы на местности, установлены точные даты их строительства, определен состав служивых людей. Итоги исследований были подведены в монографии В.И. Лебедева. В последнее время к изучению оборонительных сооружений засечной черты обращаются археологи. Особенно перспективными представляются исследования с использованием методов лидарной съемки, позволяющей получать объемные изображения объектов. В поле зрения исследователей все чаще попадают политические, социальные и экономические аспекты функционирования засечных линий, проводимые в рамках изучения проблем русского фронта.

Ключевые слова: археология, историография, Пензенский край, Керенско-Ломовская засечная черта, оборонительная линия, сторожевая служба.

KERENSK AND LOMOV FRONTIER LINES: HISTORY AND PROSPECTS OF STUDY²

V.V. Stavitsky

The history of studying the Kerensk and Lomov frontier lines has more than two and a half centuries, but it has not yet become the subject of a special historiographical analysis. Interest about the earthworks of the frontier line was formed at the end of the XVIII century, when information about them appeared on the pages of travelers' and writers' works. Since the second half of the XIX century, local historians began to collect archival documents about the Penza Governorate frontier lines. The difficulty of their identification was connected with the fact that a significant part of the documents was lost in the fires in the archives of the Prikaz of the Kazan Court. Studies of local historians were aimed at clarifying the location of earthen ramparts, establishing the time of appearance of defensive fortifications. In addition to documents they relied on the data of local legends and tales. The greatest contribution to the study was made by F.F. Chekalin, V.R. Khokhryakov, P.N. Chermensky, A.L. Khvoshchev. In the second half of the XX century V.I. Lebedev started systematic studies of the frontier lines. In addition to studying archival data, he organizes field surveys. As a result, the fortifications of Kerensk and Lomov lines were localized on the area, the exact dates of their construction were established, and the composition of the service people was determined. The results of the studies were summarized in V.I. Lebedev's monograph. Recently, archaeologists have started to study the defensive structures of the frontier line. Especially promising are the studies by lidar imaging method. It allows to get 3d images of objects. Political,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

² The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant, agreement No. 22-28- 20314 "Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages"

social and economic aspects of the functioning of the frontier lines, conducted within the study of the Russian frontier issues, are becoming more often in sight of specialists.

Keywords: archaeology, historiography, Penza region, Kerensk-Lomov frontier line, defensive line, watchman service.

Строительство Керенской и Ломовской засечных черт было связано с обострением военно-политического положения на юго-восточной окраине Российского государства. В начале XVII века, после объединения ногайцев Большой орды с крымскими татарами, участились их разорительные набеги на пограничные земли, что побудило царя Алексея Михайловича издать указ, о строительстве засечных черт, среди которых были Керенская, Верхнеломовская и Нижнеломовская линии. Сложность их изучения заключается в том, что документы архива приказа Казанского дворца, служащие которого занимались вопросами их строительства, сгорели во время многочисленных пожаров. Поэтому большое значение имеют полевые исследования.

Интерес к засечным чертам Поволжья сформировался во второй половине XVIII в., когда информация о них попала на страницы сочинений членов Петербургской академии наук, которые описали их во время своих экспедиций. Одно из первых упоминаний содержится в книге П.С. Палласа: «Путешествие по разным провинциям Российского государства», где говорится: «В сей стороне виден издали обросший лесом холмистый хребет, вдоль Mokши и Иссы простирающийся. Недалеко от Инзары переезжают еще через нарочитую речку Вязру, от сего места считается одна верста до той линии, которая прежде была проведена между Mokшею и Сурою, но ныне заросла уже лесом» (Паллас 1773, с.105).

Описание Керенской черты и укреплений г. Нижний Ломов было сделано академиком Фальком во время его путешествия в 1774 г. «При уездном городе Керенске начинается так называемая Керенская линия, которую царь Иван Васильевич провел от Керенска до Пензы для защиты от набегов Кубанцев и Кавказцев, и состоит в больших непрерывных рвах и земляных валах. Но по устройению Терекской линии они сделались бесполезными и обвалились» (Фальк, 1824, с.31). «Нижнее Ломовское село, находящееся в нескольких верстах ниже верхнего села, на высоком бере-

гу Ломова окружен с четырех сторон деревянной стеною с воротами, на коих видны бойницы» (Фальк, 1824, с.30).

В 1846 году В. Подгорновым были проведены обследования засечного вала в окрестностях г. Нижний Ломов, результаты которых были опубликованы в Пензенских губернских ведомостях: «...недалеко от города на возвышенном месте, по течению реки Ломова, лежит квадратный вал и донныне называется красным городком; длина его $127\frac{1}{2}$, а ширина $13\frac{1}{4}$ сажень. В расстоянии от этого памятника в 210 сажнях находится такой же квадратный вал, называемый тоже городком; длина его 14, а ширина 13 сажень. Еще находится третий городок, при озере Пряньзерки, называемый земляным городком, он от последнего в 1330 сажнях. Все они расположены... на самой линии вала, построенного в царствование Алексея Михайловича...» (Белорыбкин, Кишинская, 1995, с. 57–58).

В 1882 г. Г.П. Петерсоном с авторскими комментариями было опубликовано описание г. Керенска, восходящее к описи 1681 г. «Глубокий ров и земляной вал окружали город со всех сторон; за валом, как сказано в описи 1681 г., от степной стороны подле рва или надолбы, т. е. дубовые стояки вбитые в землю сплошную стеною. Кроме того, город был еще огражден деревянную стеною с такими же башнями, возвышавшимися по углам. Как башни, так и стены были дубовые, рублены на четыре угла или в клетку, крыты тесом, а внутри их был настлан мост или поделаны лестницы. На каждой, из угловых башен стояла пушка или пицаль. ...В башнях средних, за исключением башни, обращенной ко рву, сделаны были ворота с пробоями, крюками и железными замками. Над каждыми из ворот был образ, а в самих воротах стояло, по медной пушке» (Петерсон, 1882, с.11). Также было отмечено, что остатки засечного вала дошли до настоящего времени. Вал шел от границ Тамбовской губернии по правому нагорному берегу Вад к Керенску, а отсюда к Верхнему Ломову. По нагорному берегу сохранились следы земляных городков, в виде небольших четырёхугольных площадок

с глубоким рвом. Следы вала сохранились у с. Большая Лука, где он шел по гребню горы к д. Иснеевой, близ Керенска у слободы Красонки, у с. Ягановки, напротив с. Козлейки (Петерсон, 1882, с. 5-6).

В 1884 г. разрозненная информация о засечных чертах центральной России, появлявшаяся ранее в периодической печати, была собрана и изложена членом-корреспондентом Московского археологического общества Н.П. Горожанским в «Материалах для археологии России по губерниям и уездам». При этом как два разных объекта был описан один и тот же участок вала, идущий от Нижнего Ломова к Прянзеркам. Также было дана характеристика укреплений в окрестностях с. Андреевка: *«В ½ версте от д. Андреевки сохранился городок, длиною и шириною по 30 шагов, окружностью 45 саж., форма четырехугольная. Длина рва 60 саж., ширина 2 саж.»* (Горожанский 1884, с. 59).

В 1890 г. Ф.Ф. Чекалиным были опубликованы архивные документы, в которых была определена дата строительства городов: Керенск, Верхний и Нижний Ломов. В них говорилось: *«...по сую сторону уезда, в лесу, за рекою за Мокшою за болота и за озера, для приходу Казанских воинских людей и уездные села, а деревни и ямская слобода на напольной стороне, и в прошлых, государь, годах по твоему великого государя указу боярин Богдан Матвеевич Хитрово построил новые твои, великого государя города за Темниковым (1636 – 1648 гг.): Керенск и два Ломова...»* (Хохряков, 1903, с.14).

В 1898 г. В. Борисовым была опубликована «Строельная книга г. Пензы», где были перечислены, «поверстанные по розбору» в конные казаки и присланные на вечное житье в г. Пензу, служилые люди с Ломовской засечной линии (Борисов, 1898, с.13–15).

В 1903 г. В.Х. Хохряковым в статье «О сторожевых чертах в Пензенской губернии» были приведены выдержки из ряда архивных документов, в которых содержалась информация о Керенской и Ломовской засечных чертах, а также был сделан обзор газетных заметок, которые ранее были опубликованы на страницах Пензенских губернских ведомостей. В статье была описана предыстория создания засечной черты, берущая свое начало от Мещерских сторожей, первая из которых располагалась между Сурой и Мокшанским

лесов, вторая - в верховьях р. Ломовки (к югу от Верхнего Ломова, третья – по течению р. Вад, на правом берегу, на территории будущего Керенского уезда. Также В.А. Хохряковым были приведены выписки из первого тома «Актów Московского государства» об устройстве станичной службы и выдвинуто предположение, что земляные укрепления Керенской черты шли по линии Шацк – Керенск. Основанием для этого послужил документ, где говорилось, что «село Дмитриевское (Старый Валовой тож) поселено на землях, произведенных в дачу по выписи 1701 г. июля 8-го в Керенском уезде за Керенским и Шацким валом в диком поле...» Он полагал, что Керенская черта начиналась «близ Шацких ворот... на р. Цне» и проходила далее «по мещерским сторожам» XVI века (Хохряков 1903, с. 3–5).

П.Н. Черменским была предпринята попытка реконструкции системы укреплений Керенской засечной черты по остаткам сохранившихся валов. Им было отмечено, что *«в трех верстах от г. Шацка при дер. Панькове уцелело, так называемое «Паньковское городище», состоящее из двух валов со рвами... От сёла Панькова и Пролома... вал идет через Шацк на село Ялтуново, где на местности «Раменье» на берегу р. Большой Лепень идут два параллельных вала... Укрепления продолжают вверх по р. Выше, по берегу которой уцелело много давних укреплений, через с. Керемсино, где сохранилось продолговатое городище длиною 24 саж., шириною 3 саж., в окружности 48 саж. От Керемсина вал шел через с. Кириллово до с. Ширингуши с его грандиозными земляными укреплениями... Далее вал через с. Гольшевку и Пичпанду направляется к г. Керенску. Сплошных земляных укреплений не уцелело отчасти вследствие разрушительного влияния времени, отчасти и потому, что сплошных, укреплений и не было: прерывались засеками в лесах, которые впоследствии были уничтожены»* (Черменский, 1911, с.194).

В «Очерках по истории Пензенского края» А. Хвощевым были приведены архивные данные о строительстве городов Верхний и Нижний Ломов. *«В том же 1636 году основан был «новый верхний город на р. Ломовой», а 28 января 1636 г. Шацкому воеводе Юшкову велено было «набрать по городам вольных гулящих людей, которые были бы собою добры и молоды и из пицалей стрелять горазды и отослать их всех в новопо-*

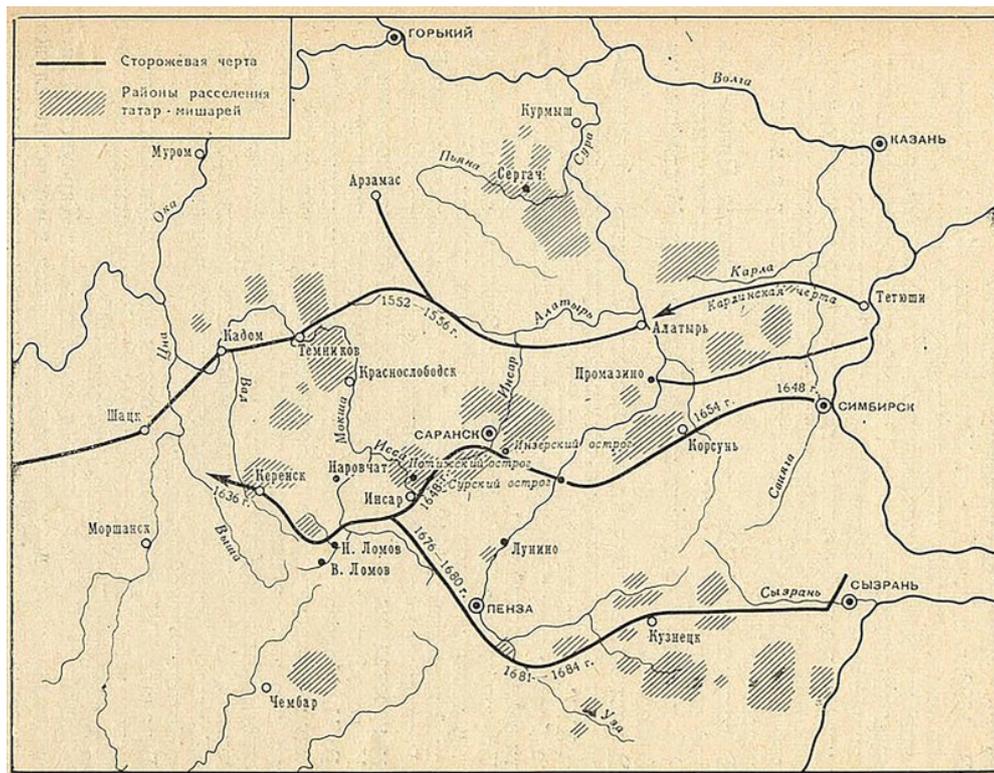

Рис. 1. Схема засечных черт XVI–XVII (по В.Х. Хохрякову).

Fig. 1. Sketch-map of the frontier lines, XVI–XVII centuries (by V.H. Khokhryakov).

строенный город к (осадному) голове Богдану Соковнину». Для набора в Шацк был послан И. Сытин. Набранных людей ему велено было отсылать в Темниковский уезд «в верхний новый город» к Б. Соковнину» (Хвощев, 1922, с.39). «1 Февраля 1636 г. из приказа Казанского дворца послана память окольному кн. А. Масальскому-Литвинову, где сказано, что «в нынешнем во 144 году (1636 г.) указал государь в Темниковском уезде в степи, на реке на Ломове поставить острог путному ключнику Федору Малово, а наряду указал государь в тот новый острог послать с Москвы: четыре пищали медных, ядро по две гривенки и по полтретье гривенке, да пятьдесят пуд свинцу, пятьдесят пуд зелья, да к тем же пищалам ядра смотря по зелью» (Хвощев, 1922, с.39-40). По мнению А. Хвощева, разбросанные на далеком расстоянии друг от друга острожки и городки Пензенской губернии едва ли были в состоянии не только остановить, но и задержать хотя бы на короткое время степных хищников, поэтому царем Алексеем Михайловичем в 1645 было принято решение: «по черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего ..., также надолбы большие и степные острожки частые, и

лесные завалы и иные многие крепости, какие доведется» (Хвощев, 1922, с. 42).

В 1925 г. Пензенским обществом краеведения был опубликован очерк известного русского археолога А.А. Спицына «Древности Пензенской губернии», где им было отмечено, что «из русских древностей края самые любопытные – засечные валы». Кроме того, было высказано предположение, что: «От Ломовых вал шел на с. Ушинку и здесь уходил из края» (Спицын, 1925, с.13). Однако при обследовании В.И. Лебедевым местности в окрестностях с. Ушинки было установлено, что указанный вал связан с разрушенным городищем, не имеющим отношения к сторожевой черте (Лебедев, 2006, с.19). Следует отметить, что изучение засечных черт Пензенского края с середины 1950-х годов становится основной темой его исследований. В.И. Лебедев начал с изучения истории проблемы и знакомства с архивными документами, а затем перешел к проведению полевых изысканий. Первые полевые работы были проведены им в июле 1955 г. на участке Пенза – Мокшан. Для того чтобы правильно делать замеры и переносить их на карту к исследованиям был привлечён профессиональный геодезист, который познакомил с

методикой проведения геодезических изысканий. В 1957 г. на историко-филологическом факультете Пензенского государственного педагогического института был создан историко-краеведческий кружок, члены которого приступили к систематическим полевым исследованиям засечных черт. До середины 1970-х годов экспедиции в основном носили пеший характер, позже стал использоваться транспорт. В ходе обследований делались необходимые замеры, описания, фотографии, составлялись схемы и чертежи разрезов остатков валов и острогов. Затем, полученные данные наносились на крупномасштабные карты, а с них уже на карты с меньшим масштабом. Первые результаты исследований были опубликованы в местной периодической печати и научно-популярном издании: «Книга для чтения по истории родного края» (Лебедева, Ставицкий, 2023).

Полевые наблюдения по обследованию земляных укреплений Ломовской черты были изложены В.И. Лебедевым в «Очерках по истории Пензенского края». Остатки валов были зафиксированы им у сел: Большая Лука, Вадинск, Кармалейка, Ягановка, Скуратово, Коповка. У деревни Пеньки были отмечены остатки небольшого наблюдательного пункта, обнесенного валом и рвом. Мощный земляной вал сохранился также вдоль левого берега р. Ломовки, от с. Толковки до Нижнего Ломова (Лебедев, 1973, с. 23–24).

Исследование отдельных объектов засечной черты также проводилось пензенским археологом М.Р. Полесских. В частности, им была опровергнута точка зрения о принадлежности к засечной линии ряда городищ более раннего времени (Ставицкий, 2008).

В 1986 г. была издана монография В.И. Лебедева, в которой им были изложены результаты тридцатилетних полевых исследований и работы в архивах, при этом главное внимание было уделено изучению топографических аспектов (Лебедев, 1986). В 2006 г., уже после смерти автора, монография была переиздана и дополнена иллюстративными материалами, которых из-за вынужденной экономии «листажа» не было в её первом издании. В неё были включены карты военных поселений и земляных укреплений Керенской и Ломовской засечных черт, фотографии и

чертежи валов, а также добавлен ряд статей, вышедших позже 1986 г. (Лебедев, 2006).

В результате проведения полевых изысканий В.И. Лебедевым было установлено, что земляных укреплений Керенской засечной черты на участке от Шацка до с. Большая Лука не было, что объясняется малой проходимость данной территории, относящейся к массиву Большого Ценского леса. Вал начинался у с. Большая Лука и продолжался до д. Тенево, где на смену ему приходила засека, что нашло отражение в местной топонимике. От Керенска земляной вал, хорошей сохранности, достигающий местами высоты до 5,4 м шел до с. Кармалейка, где Керенскую черту сменяла Верхнеломовская. Подробное описание данного вала было выявлено В.И. Лебедевым в Центральном архиве древних актов: *«По Керенской черте заповедного лесу в длину по мере 11 верст 680 сажень, а поперек по полуверсте, и по версте, и по 2 и по 3. В том же лесу засеки новой и старой 7 верст 190 сажень. Валу без дерева и з деревом, и рву 1184 сажени, валу ж з деревом и рву ж 2134 сажени. Старых надолб подле вала и засеки по простым местам 6535 сажень, новых надолб же подле вала ж и по простым местам 1191 сажень...»* (Лебедев, 2006, с. 20–25).

Полевые изыскания были проведены В.И. Лебедевым и по выявлению сохранившихся укреплений Верхнеломовской и Нижнеломовской засечных черт. Остатки валов были зафиксированы на участке д. Ягановка – д. Пеньки – с. Скуратово, далее шла засека, которая сменялась валом у с. Коповка. У д. Андреевки находился укрепленный «городок», от которого вал шел на Верхний Ломов. Нижнеломовская черта проходила от р. Шуструй вдоль левого берега реки Ломов и далее шла за Мокшу, где начинались засеки. Ее укрепления составляли «28 верст 320 сажень», в том числе 9 верст 918 сажень занимали засеки. Это было очень опасное место, ибо от Козляцкого брода левобережьем Ломова через речку Нор-Ломов, левым берегом Мокши, шла Большая Ногайская дорога (Лебедев, 2006, с. 25–27).

В настоящее время в поле зрения исследователей все чаще попадают политические, социальные и экономические аспекты функционирования засечных линий, проводимые в рамках изучения проблем русского фронта (Мизис, 2018). К изучению оборонительных

сооружений засечной черты также обращаются археологи, исследования которых обычно связаны с районами проведения хозяйственных работ. Их результаты покамест достаточно скромные. Раскопки, проведенные на линейных участках черты не зафиксировали находок артефактов, связанных с боевыми столкновениями её защитников (Белорыбкин, 2012; Вихляев и др., 2015), что, по-видимому, свидетельствует, о том, что засечные валы не использовались для активной обороны, а скорее обеспечивали возможность эффективного контроля за опасными участками границы. Поэтому более продуктивным является раскопки, так называемых, «городков» и острогов, в которых, видимо, стояли постоянные гарнизоны, вступавшие в боевые столкновения с участниками набегов. Особенно перспективными представляются исследования с использованием методов лидарной съемки, позволяющей получать объемные изображения объектов (Линии роста, 2022).

Таким образом, в изучении Керенско-Ломовской черты можно выделить три этапа.

Первый – охватывает последнюю четверть XVIII – первую половину XX вв. В это время краеведами проводятся первые обследования земляных укреплений, в периодической печати публикуются их фрагментарные описания, и связанные с ними, сказания и легенды, архивистами ведется поиск документов о создании засечной черты. Второй этап (1955 – 1995 гг.) в основном связан с деятельностью В.И. Лебедева, который помимо широкого использования архивных материалов обращается к проведению полевых исследований, приводит собранные им сведения в единую стройную систему. В результате сохранившиеся остатки оборонительных укреплений черты были зафиксированы и локализованы, установлены точные даты их строительства. На современном этапе исследования засечной черты ведутся в основном с использованием археологических методов, а историками поднимаются вопросы связанные с политическими и социально-экономическими аспектами функционирования засечных линий.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н. Засечные черты – Великая русская стена // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 104–107.

Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Историография древней истории Пензенского края. Пенза: ПГПИ, 1995. 108 с.

Борисов В. Стрельная книга города Пензы. М.: Университетская типография, 1998. 59 с.

Вихляев В. И., Данилов П.С., Зеленева Ю.А. Оборонительный вал Пензенской засечной черты (по данным исследований 2014 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3(35). С. 103–108.

Горожанский Н.П. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. М.: тип. А.А. Карцева, 1884. 111 с.

Лебедева Л.В., Ставицкий В.В. Пензенская засечная черта: история создания и изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 31, № 3. С. 31–37.

Лебедев В.И. Пензенский край во второй половине XVI – XVII века // Очерки истории Пензенского края / Ред. А.Ф. Дергачев и др. Пенза: Приволж. кн. изд-во. Пенз. отд-ние, 1973. С. 18–41.

Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 125 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов: Приволж. кн. изд-во. Пензенское отделение, 1986. 136 с.

Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

Мизис Ю.А. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта // Белгородская черта. Вып. 3 / Отв. ред. М.В. Жигалов. Белгород: КОНСТАНТА, 2018. С. 83–87.

Петерсон Г.П. Исторический очерк Керенского края. Пенза: Губ. тип., 1882. 107 с.

Ставицкий В.В. Археологические изыскания М. Р. Полесских. Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей, 2008. 175 с.

Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т. 6 СПб., 1824. 446 с.

Хвоцев А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза: Гос. изд-во. Пензенское отд., 1922. 150 с.

Хохряков В.Х. О сторожевых чертах в Пензенской губернии // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Пенза, 1903. С. 1–41.

Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 187–281.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Belorybkin, G. N. 2012. In *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)*. 3, 104–107 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Kishinskaya, S. A. 1995. *Istoriografiya drevney istorii Penzenskogo kraya (Historiography of the ancient history of the Penza region)*. Penza: Penza State Pedagogical Institute (in Russian).

Borisov, V. 1898. *Stroel'naya kniga goroda Penzy (Building book of the city of Penza)*. Moscow: University Printing House (in Russian).

Vikhlyayev, V. I., Danilov, P. S., Zeleneev, Yu. A. 2015. In *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 35 (3), 103–108 (in Russian).

Gorozhansky, N. P. 1884. *Materialy dlya arkheologii Rossii po guberniyam i uездam (Materials for the archaeology of Russia by governorates and districts)* 1. Moscow: "A. A. Kartsev" Publ. (in Russian).

Lebedeva, L.V., Stavitsky, V.V. 2023. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya (VESTNIK of Samara University. History, pedagogy, philology)* 3 (31), 31–37 (in Russian).

Lebedev, V. I. 1973. In Dergachev, A. F. et al. (eds.). *Ocherki istorii Penzenskogo kraya (Essays on the history of the Penza region)*. Penza, 18–41 (in Russian).

Lebedev, V. I. 1986. *Legenda ili byl': Po sledam zasechnykh storozhey (Legend or true story: In the footsteps of the frontier watchmen)*. Penza; "GUMNITS" Publ. (in Russian).

Lebedev, V. I. 2006. *Legenda ili byl': Po sledam zasechnykh storozhey (Legend or true story: In the footsteps of the frontier watchmen)*. Penza (in Russian).

Mogilevsky, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pograniich'ya Rossii XVI–XVIII vv. (Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th–18th Centuries)*. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ. (in Russian).

Mizis, Yu. A. 2018. In Zhigalov, V. M. (ed.). *Belgorodskaya cherta (Belgorod line)* 3. Belgorod: "Konstanta" Publ., 83–87 (in Russian).

Peterson, G. P. 1882. *Istoricheskiy ocherk Kerenskogo kraya (Historical essay about the Kerensk region)*. Penza: "Guberskaya tip." Publ. (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2008. *Arkheologicheskie izyskaniya M. R. Polesskikh (Archaeological studies by M.R. Polesskikh)*. Penza: Penza State Museum of Local (in Russian).

Falk, J. P. 1824. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes of Academician Falk's Journey)*. Series: *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia)* 6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Khvoshchev, A. 1922. *Ocherki po istorii Penzenskogo kraya (Essays on the history of the Penza region)*. Penza (in Russian).

Khokhryakov, V. Kh. 1903. In *Trudy Penzenskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Penza scientific archival Commission)* book 1. Penza, 1–41 (in Russian).

Chekalin, F. F. 1890. In *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Tambov Scientific Archival Commission)* issue 54. Tambov, 187–281 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Поволжье в эпоху средневековья

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.178.190>**СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
БОЛГАРА В РАБОТАХ А. П. СМИРНОВА И ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

© 2023 г. Д.Ю. Бадеев

Исследование социальной топографии средневекового Болгара было одним из важных направлений с момента начала планомерных археологических работ в 1938 г. В период работы археологической экспедиции под руководством А. П. Смирнова на Болгарском городище происходит накопление материала и данных о социальной топографии Болгара. Были зафиксированы расположения различных ремесленных комплексов, отмечалась концентрация керамики различных этнокультурных групп. Для характеристики участков Болгара А. П. Смирновым и его последователями использовалась терминология более характерная для русских городов эпохи Средневековья («посад», «слобода»). В наши дни с привлечением широкого спектра предметов материальной культуры, объектов монументальной архитектуры и характерных построек, а также с использованием данных о расположении ремесленных комплексов, размеров усадеб, а также городских некрополей можно выделить для золотоордынского Болгара как минимум четыре крупных района: торгово-ремесленный район, район за рекой Меленка с металлургическим и гончарным производствами, район металлургического производства у Черной палаты и гончарный район у Голландского озера. Единновременно они существовали лишь в первой половине XIV в. Городскую периферию в западной и южной части занимали крупные усадьбы. Принадлежать данные усадьбы могли местной феодальной элите. С административным центром золотоордынского Болгара можно соотнести как историческое ядро города, которое сформировалось на месте домонгольской цитадели, так и участок в районе Малого минарета.

Ключевые слова: археология, Средняя Волга, Золотая Орда, средневековый город, ремесло, городской район.

**SOCIAL TOPOGRAPHY OF THE GOLDEN HORDE
BOLGAR IN THE WORKS BY A.P. SMIRNOV
AND ACCORDING TO THE RESULTS OF NEW STUDIES²****D.Yu. Badeev**

The study of the social topography of medieval Bolgar has been one of the important directions since the beginning of systematic archaeological works in 1938. During the work of the archaeological expedition led by A.P. Smirnov, there was accumulation of the material and data on the social topography of Bolgar. The locations of various handicraft complexes were recorded, the concentration of ceramics of various ethnic-cultural groups was noted. To characterize the Bolgar sites A.P. Smirnov and his followers used terminology more typical for Russian medieval urban settlements («posad», «sloboda»). Attempts to single out city blocks because of craft specialization did not bring noticeable results. Nowadays, with the use of a wide range of objects of material culture, objects of monumental architecture and the features of residential buildings, as well as application of the data on the location of craft complexes, the size of estates, it is possible to allocate at least four large craft districts for the Golden Horde Bolgar: trade and craft district, the area beyond the Melenka river with metallurgical and pottery industries, the area of metallurgical production at the Black Chamber, and the pottery district by the Gollandskoye lake. The districts existed simultaneously just in the first half of the XIV century. The urban periphery in the western and southern parts was occupied by large estates. They could

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² The research was carried out within the State Task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. НИОКТР 122011200266-3).

belong to the local feudal elite. The historical core of the city, on the site of the pre-Mongol citadel, can be associated with the administrative center of Bolgar of the Golden Horde period. Administrative functions could also be performed by residents in the area around the Maly minaret (Small Minaret).

Keywords: archaeology, Middle Volga, Golden Horde, medieval city, craft, urban district.

Вопрос изучения социальной топографии средневековых городов, в том числе восточных и золотоордынских, находится в центре внимания многих современных исследований. Впервые возникший в отечественной археологической науке во многом как необходимое условие для обоснования социально-экономической стратификации населения в рамках феодального общества, сегодня данный вопрос позволяет представить влияние социальной принадлежности, рода занятий, взаимоотношений различных социальных групп на пространственное развитие города. Важной составляющей этих исследований является возможность выделения районов, имеющих какую-либо социальную специфику, ремесленную специализацию или этнокультурную особенность. Конечно, хорошо, когда сведения о социальной топографии опираются на обширную базу письменных источников или сохранившуюся с прежних времен городскую топонимику, тогда археологические данные выступают в качестве ярких вспомогательных данных для уточнения того или иного аспекта жизни древнего города, подтверждая или ставя под сомнение уже имеющуюся информацию.

С первых лет планомерных археологических работ на Болгарском городище вопросы, связанные с социальной топографией древнего города, являлись одними из приоритетных направлений в проводимых здесь исследованиях. В своей главной обобщающей работе «Волжские болгары» (1951 г.) Алексей Петрович Смирнов на основе наблюдений XVIII–XIX вв. и археологических раскопок первой половины XX в. предполагал наличие домонгольской «цитадели», которая размещалась на треугольной формы площадке, образованной Большим Иерусалимским оврагом и крутым склоном берега к руслу реки Меленки. Именно с этой частью городища Алексей Петрович связывал размещение в золотоордынский период феодальной элиты, зная, ссылаясь в своих предположениях прежде всего на упоминание дьяка Михайлова о существовании вблизи с Четырехугольником

(Соборной мечетью) некоего «царева дома» или «царского дворца» (Смирнов, 1951, с. 170). Однако на момент создания указанной выше монографии археологическими работами следов построек, которые можно было связать с «царским дворцом», обнаружено не было. Вместе с тем работами 1939–1940 гг. были изучены руины общественной бани «Красная палата». Масштабность постройки, красочность оформления позволили видеть в ней доказательство проживания в этой части городища населения с высоким социальным статусом.

Следующей частью, которая выделялась Алексеем Петровичем Смирновым на момент исследований середины XX в., являлся участок к западу, юго-западу от «цитадели», где раскопами были выявлены ремесленные комплексы, связанные с обработкой железа, кожи, цветных металлов, стекла и кости. Алексей Петрович полагал, что продолжение исследований в данной части городища «позволит наметить отдельные кварталы» на основе сосредоточенных в них ремесел. К организации городского пространства в виде отдельных ремесленных кварталов подталкивал Алексея Петровича и факт наличия у Голландского озера следов крупных гончарных мастерских. Так, он пишет: «По-видимому, ремесленники (...) селились по кварталам, как это было вообще обычным для средневековых городов. Это одно уже заставляет предполагать существование и в болгарских городах каких-то организаций ремесленников» (Смирнов, 1951, с. 147).

Отдельно Алексеем Петровичем рассматривался вопрос проживания в рамках городского пространства Болгара различных этнокультурных групп населения, прежде всего христиан и выходцев с территории русских земель. Следует отметить работы на северо-западной периферии Болгарского городища, которые были начаты Алексеем Петровичем в 1945 г. у Греческой палаты, где был исследован христианский (армянский) храм и некрополь (113 погребений), датированный XIV в. Освоение данного участка могло произой-

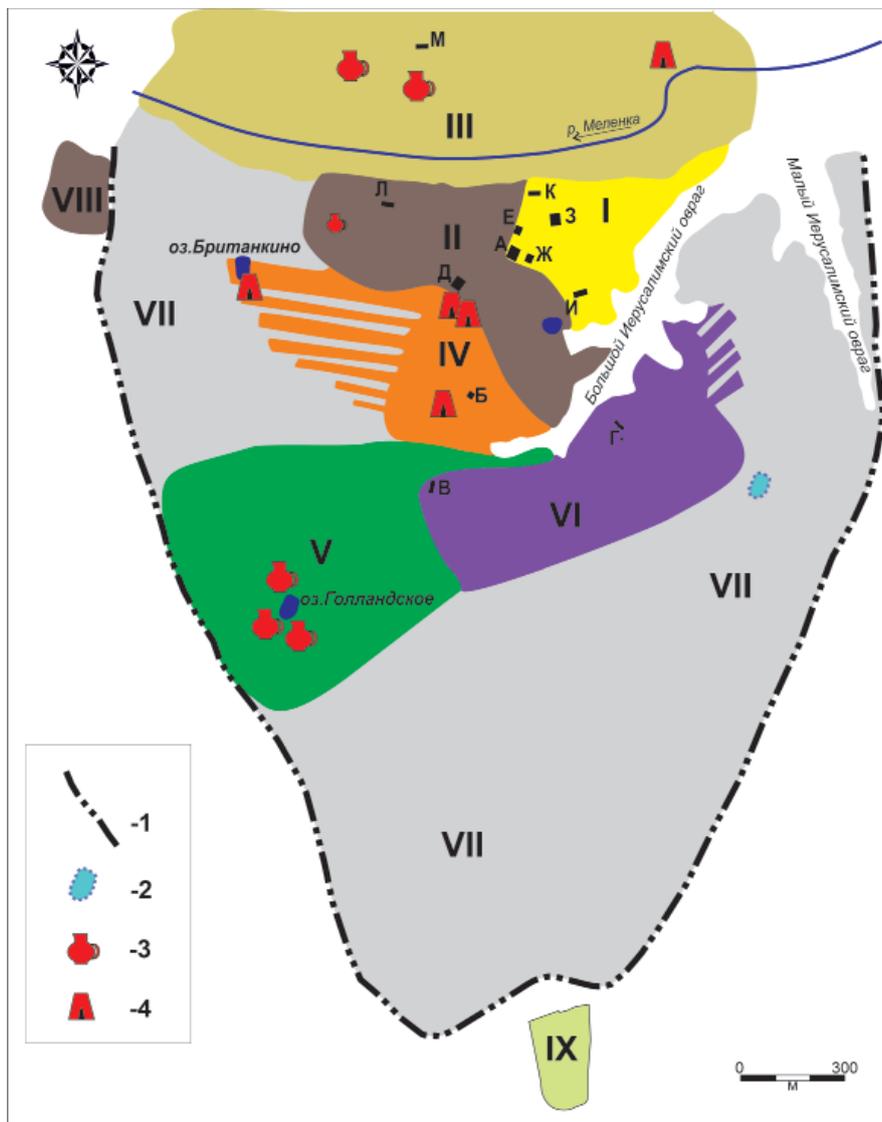

Рис. 1. Схема районов Болгара первой половины XIV в. (1 – линия городских укреплений середины XIV в.; 2 – сезонный водоем; 3 – гончарные горны; 4 – металлургические горны и кузнечные мастерские).

I – центральный район (район домонгольской цитадели); II – ремесленно-торговый район; III – «подгорный» (заречный) ремесленный район; IV – район металлургов и кузнецов; V – район гончаров; VI – административный район; VII – районы крупных усадеб; VIII – «армянская колония»; IX – Малый городок.
Буквами на схеме: А – Соборная мечеть, Б – Черная палата, В – Белая палата, Г – Малый минарет и «Ханская усыпальница», Д – городской базар, Е – Северный мавзолей, Ж – восточный мавзолей, З – «ханский дворец», И – Восточная палата, К – Красная палата, Л – баня № 2, М – баня № 3.

Fig. 1. Sketch-map of the Bolgar districts in the first half of the XIV century. (1 – line of city fortifications of the middle of the XIV century; 2 – seasonal pond; 3 – pottery kilns; 4 – metallurgical furnace and blacksmith workshops). I – central district (the area of the pre-Mongol citadel); II – craft and trade district; III – «podgorny» (beyond the river) craft district; IV – metallurgists and blacksmiths district; V – potters district; VI – administrative district; VII – large estates areas; VIII – «Armenian colony»; IX – «Maly gorodok» (small town).

By the letters on the scheme: A – Cathedral Mosque, Б – Black Chamber, В – White Chamber, Г – Small Minaret and «Khan's Shrine», Д – urban bazaar, Е – Northern Mausoleum, Ж – Eastern Mausoleum, З – «Khan's Palace», И – Eastern Chamber, К – Red Chamber, Л – bathhouse No2, М – bathhouse No3.

ти и ранее даты функционирования храма с некрополем, на что указывало присутствие лепной керамики. А.П. Смирнова предлагал «пересмотреть датировку слоя около Грече-

ской Палаты и считать, что к IX–X вв. эта территория была освоена человеком и, может быть, уже тогда здесь поселились армянские купцы» (Смирнов, 1958, с. 338). Отдельное

проживание инокультурных групп населения было характерно для многих средневековых городов, в том числе и для золотоордынских. В результате археологических исследований были отмечены отдельные районы проживания русского христианского населения на территории Водянского городища и Укека (Мыськов, Ильина, 2018; Кубанкин, 2012). По письменным источникам известно, что в Сарае жили «разные народы, <...> Асы, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы, Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их» (Греков, Якубовский, 1950, с. 143). Вместе с тем Алексей Петрович отмечал, что «в Болгаре проживали и русские, не составляя, впрочем, отдельной колонии, а живя в массе городского населения», «вместе с коренным населением» (Смирнов, 1951, с. 60, 164). Данное предположение отчасти было подтверждено дальнейшими археологическими исследованиями, прежде всего на месте торгово-ремесленного района золотоордынского Болгара.

В результате археологических работ 50–70 гг. XX в. были получены новые данные о социальной топографии Болгара. На основе выявленных крупных ремесленных комплексов Алексею Петровичу удалось наметить несколько районов, основная хозяйственная деятельность которых была направлена на производство и обработку железа (на восточной окраине заречной части Болгара и вблизи Черной палаты), а также на производство гончарной продукции (запад заречной части города и в районе Голландского озера). При этом для описания и характеристики данных районов зачастую использовалась терминология, более характерная для социальной топографии русских средневековых городов. Так на схеме Болгарского городища появились «посады» и «слободы»: гончарная (вблизи Голландского озера) и металлургическая (в непосредственной близости от одного из отрогов Большого Иерусалимского оврага). Отдельно выделялся ремесленный район у подножия надпойменной террасы, который получил в литературе название «подгорной слободы» (Жеромский, 1953). В качестве района проживания «местной аристократии» Алексеем Петровичем рассматривалась «восточная часть городища», где «были усадьбы знати» (Смирнов, 1974, с. 11). Особый инте-

рес для исследователя представляли раскопки у Малого минарета и Ханской усыпальницы, где Н.А. Аксёновой в слоях конца XIII – первой половины XIV в. были зафиксированы наземные жилые постройки с отопительными каналами. Аналогии данным постройкам «можно указать в Монголии и Средней Азии» (Смирнов, 1974, с. 12). Не вполне ясной оставалась интерпретация Малого городка у южных ворот золотоордынского Болгара. С одной стороны, Алексей Петрович допускал существование здесь «резиденции местного царя», с другой – не исключал его существования в качестве пункта, «где собирали налоги с приезжающих купцов» (Смирнов, 1974, с. 11).

Говорить о границах, внутреннем устройстве и организации пространства данных районов на момент исследований 70-х гг. XX в. было весьма затруднительно. Кроме того, на площади городища оставались значительные «белые пятна». Наиболее полные результаты по социальной и исторической топографии Болгара, основанные на работах экспедиции А.П. Смирнова, были представлены в одной из последних его публикаций «Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары» (1974 г.). Крупномасштабные археологические работы второго десятилетия XXI в. позволяют вновь вернуться к проблеме выделения социальных особенностей районов на территории Болгара золотоордынского периода.

На данном этапе исследований наиболее изученной представляется социальная топография Болгара золотоордынского периода. Среди прочих по степени изученности участков Болгара золотоордынского периода выделяется торгово-ремесленный район, который располагался к западу, юго-западу от Соборной мечети. Район в значительной степени был сформирован в рамках пространства ремесленного района предмонгольского периода, который располагался между внутренней и внешней линиями укреплений. В золотоордынский период данные укрепления перестают функционировать в качестве таковых. На указанной территории в золотоордынский период возникает плотная улично-усадебная застройка. Усадьбы выстраиваются вдоль улиц и примыкают своими оградами друг к другу. Средняя площадь усадеб в данной части города на протяжении второй половины

XIII – середины XIV в. составляла 616–640 кв. м, а с момента возведения здесь в 50-е гг. XIV столетия здания городского базара площадь усадеб сокращается в среднем до 258 кв. м (Бадеев, 2019, с. 301, 303). Усадьбы небольших размеров с высокой плотностью застройки и одинаковой ориентировкой как жилых, так и производственных комплексов в золотоордынском Болгаре конца XIII – первой половины XIV в. были зафиксированы также вдоль края верхней надпойменной террасы (раскопы CLIII, CLXXVII, CLXXXII и др.). В золотоордынский период здесь появляется регулярная улично-усадебная планировка. Большинство фрагментов наземных построек и заглубленных объектов с территории усадеб было ориентировано стенками по сторонам света с небольшими отклонениями. Аналогичную ориентировку имели и сами усадьбы. Средняя площадь этих усадеб в ранний золотоордынский период составляла 300–420 кв. м. На усадьбах в этой части городища присутствовали следы индивидуальных мастерских, которые специализировались на обработке железа, цветных металлов и керамическом производстве (Валиев, Бадеев, 2018, с. 140). Постройки в усадебном пространстве были представлены подвалами с каркасно-столбовыми и срубными конструкциями обшивки материковых стен.

На основе расположения производственных объектов (горнов для обработки цветных металлов), наличия всей производственной цепочки – сырья и заготовки, брак и отходы, готовые изделия, инструментарий, а также скоплений функционально однотипных изделий или заготовок, удалось локализовать ряд производств с точностью до усадьбы. Выявлены на усадьбах и свидетельства активной торговли – характерной формы весы, гирьки и разновесы. Представительная коллекция индивидуальных находок отражает достаточно пеструю этнокультурную и социальную составляющие торгово-ремесленного района. Присутствие на данной территории выходцев с территории русских земель и княжеств не оставляет сомнений. Максимальное количество русской керамики (XIV группа) и предметов христианского культа происходит из прослоек и объектов, датированных второй половиной XIII – первой половиной XIV в.

В этом же районе проживали не только ремесленники и купцы, но и свои дворы

имели представители более высокого социального статуса, о чем свидетельствуют находки импортной керамики и стеклянной посуды, а также изделия из цветных металлов. Кроме того, на ряде усадеб в этой части золотоордынского Болгара в ходе раскопок были зафиксированы признаки, свидетельствующие о содержании здесь ловчих птиц и собак, предназначенных для охоты (Бадеев, Яворская, 2022). Заниматься подобным видом деятельности вряд ли мог позволить себе обычный ремесленник. Нельзя исключать и социальной дифференциации среди представителей различных ремесел: среди них могли быть как лично свободные ремесленники, так и те, кто находился в той или иной степени зависимости от феодала, разместившего их на городской усадьбе. Как и здание центрального городского базара, усадьбы, примыкавшие к нему, пострадали в результате крупного пожара, следы которого зафиксированы на значительной части Болгарского городища, их принято связывать с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г.

С территорией данного района, его северо-западной частью, связано еще одно монументальное строение – здание общественной бани (баня № 2). Баня обеспечивала выполнение санитарно-гигиенических потребностей населения торгово-ремесленного района. Тем же целям служила и линия водопровода из керамических труб. Участок линии водопровода длиной 45,1 м был зафиксирован в раскопе СХII (Баранов, 2001, с. 342). Датировка данного объекта по монетному материалу возможна в рамках 40–50 гг. XIV в. Наличие данных объектов свидетельствует о высоком уровне организации как городского хозяйства Болгара в целом, так и подчеркивает достаток и значение населения рассматриваемого торгово-ремесленного района.

Границы торгово-ремесленного района определяются по характеру планировки – плотная улично-усадебная застройка, организации производства – мастерская в рамках сравнительно небольшой по размеру городской усадьбы, а также расположением городских некрополей второй половины XIII–XIV в., которые располагались к западу (могильник «Бабий бугор»), юго-западу (некрополь у Черной палаты) и востоку (мавзолей Восточная палата). Следует учитывать и окружающий рельеф местность, прежде всего

овраг по южной границе. От центрального участка города (места домонгольской цитадели) торгово-ремесленный район отделялся обширной площадью, которая была сформирована у здания Соборной мечети уже к началу XIV в.

К западу, юго-западу от торгово-ремесленного района в конце XIII – первой половине XIV в. оформляется территория, специализацией населения которой выступает металлургическое производство и кузнечное ремесло. Горны, датированные второй половиной XIII – XIV в., были зафиксированы в раскопах 15 и 17. Планиграфическое расположение района металлургов оказывается связанным с возможным местом расположения оборонительных укреплений предмонгольского периода и улицей конца XIII – XIV в. Среди керамики различных этнокультурных групп населения в этом районе преобладает керамика XIII группы – керамика «типа Джукетау». Приблизительно в 50 м к востоку от металлургических горнов в раскопе СХСХVI (2015 г.) был выявлен кирпичный двухъярусный горн для обжига керамики, который содержал целые формы сосудов XIII группы и относился к концу XIII – началу XIV в. Среди прочих групп керамики из района металлургов можно отметить круглодонные котлы XIX группы. Именно из ремесленных районов золотоордынского города, в том числе и с площадки обработки железа и чугуна, происходит «85% общего количества этой керамики» (Хлебникова, 1988, с. 40, 41). Этот факт отчасти может объяснять схожесть форм керамических котлов с болгарскими котлами из чугуна XIV в. Таким образом, район металлургов к западу, юго-западу от Соборной мечети был представлен преимущественно болгарским населением, вероятно, с вливанием переселенцев из Средней Азии. К сожалению, определить характер застройки и способ организации производства на данном этапе исследований затруднительно. Однако именно здесь для второй половины XIII – XIV в. отмечена максимальная концентрация металлургических горнов, в т. ч. и по выплавке чугуна. Что касается границ данного района, то северная и северо-восточная части района примыкали к торгово-ремесленному району, описанному выше, в качестве границы районов могла выступать одна из магистральных улиц, которые шли как по оси северо-се-

ро-запад – юго-юго-восток, так и в юго-юго-западном направлении от Соборной мечети. Южную и юго-восточную границу данного района мы вправе проводить, опираясь на рельеф местности, такой естественной границей является русло Большого Иерусалимского оврага. Открытым остается вопрос с определением западной границы данного района, исследования в данной части памятника были немногочисленными, можно отметить, что раскопом 5 у Британкина озера также были зафиксированы признаки присутствия кузнечного производства (Хлебникова, 1987, с. 73).

Еще один район, связанный с производством и обработкой железа, был намечен на северо-восточной периферии золотоордынского Болгара, в его заречной части – на правом берегу реки Меленки – раскоп 42. Металлургический горн, зафиксированный в напластованиях раннего золотоордынского слоя, значительно отличался от горнов, располагавшихся на верхней площадке городища: сыродутный глинобитный горн цилиндрической формы с керамическим сосудом на дне и ямой для приема шлака. Металлургический комплекс работал продолжительный период времени, о чем свидетельствуют большое количество железного шлака (1548 экз.) и 30 обломков сосудов-приемников с прикипевшим к ним железным шлаком, а также сопутствующие им раскрошившиеся фрагменты обожженной глины. Горны подобного типа были встречены на территории Восточной Европы X–XIV вв., в том числе и на русских средневековых памятниках (Ефимова, 1956). В непосредственной близости от металлургического комплекса, а также в нескольких десятках метрах к северо-востоку от него (раскоп 36) были зафиксированы «древнерусские бытовые комплексы», нательный каменный крестик, заглубленные постройки, аналогии которым исследователи нашли среди сооружений северо-восточной Руси, а также не свойственный для исламского города видовой состав костных кухонных остатков (высокий процент костей свиньи). Не случайно, что за этим участком городища в историографии закрепилось название «русский поселок» (Хлебникова, 1956, с. 146). Однако незначительная площадь исследований в этой части городища не позволяет установить какие-либо определённые границы данного района, лишь южную границу можно связать с

руском р. Меленки. Нельзя исключать и того, что данный ремесленный район существовал в рамках заречного («подгорного») района золотоордынского Болгара, который получает свое развитие с середины XIII по 60-е гг. XIV в.

О наличии обширного ремесленного района на правом берегу р. Меленки мы можем говорить и при попытке локализации района гончаров в той же заречной части Болгара, где на его западной окраине в ходе археологических работ 50-х гг. XX в. были выявлены четыре гончарных горна, специализировавшихся на выпуске сфероконусов и красноглиняной посуды, ямы для запасов гончарной глины (раскоп 30), а также в непосредственной близости от них (раскоп 25) остатки горна для обжига кирпича. Все указанные объекты были датированы в рамках конца XIII – первой половины XIV в. Очевидно, что подобные крупные производственные комплексы не могли располагаться на территории отдельных индивидуальных, усадебных мастерских, принадлежавших горожанам «средней руки». Если обращаться к форме организации мастерских в заречной части, то, по материалам анализа Г.А. Федорова-Давыдова аналогичных мастерских с Селитренного городища, мы можем соотнести их с крупными мастерскими («кархане»), которые «были в собственности богатых вельмож, купцов, иногда ханов» (Федоров-Давыдов, 1989, с. 238). Работа на таких ремесленных производствах могла осуществляться с применением рабского труда. Сами рабы могли проживать вблизи мастерских. Стоит отметить тот факт, что возникновение ремесленного района в заречной части следует связывать не только с необходимостью выноса пожароопасного производства на городскую периферию, наличием свободного пространства, но и с близостью необходимых для изготовления ресурсов.

И всё же значительную часть населения в заречной части Болгара составляло лично свободное население, это подтверждается присутствием здесь здания общественной бани – баня № 3 (середина XIV в.). «Полное отсутствие поливной керамики и следов декоративного оформления помещений, при обилии других находок, дало основание считать, что баня обслуживала рядовое население, проживавшее на окраине города»

(Шарифуллин, 2001, с. 228). Конец функционирования бани, как и ремесленного района в заречной части Болгара, следует связывать с разрушительными последствиями захвата города Булак-Тимуром в 1361 г. К сожалению, незначительные по площади археологические работы в заречном участке Болгара не позволяют определить границы между ремесленными районами гончаров (в западной части) и металлургов, кузнецов (в восточной части). Затруднительно установить по имеющимся данным и характер жилой застройки этого обширного района золотоордынского Болгара. Очевидно, что на этой территории должны были располагаться и городские некрополи, которые можно соотнести с заречным ремесленным районом.

Иную ситуацию мы можем наблюдать в отношении района гончаров вблизи Голландского озера. Накопленные археологические данные, анализ пространственного расположения характерных находок, жилой застройки, производственной зоны, некрополей, близлежащих монументальных сооружений, линии укреплений, а также особенностей рельефа позволяют определить границы юго-западного района гончаров золотоордынского Болгара. Уже на раннем этапе изучения Болгарского городища, когда на западном берегу Голландского озера в 1948 г. (раскоп 16) было выявлено и исследовано четыре гончарных горна, за данным участком закрепился статус гончарного района, функционировавшего в XIV в. (Смирнов, 1948, с. 80). Вблизи горнов синхронных жилых построек зафиксировано не было. В ходе дальнейших работ у Голландского озера было выявлено еще два крупных комплекса по обжигу керамики: один располагался на северном берегу озера (раскоп LXX) – четыре горна, объединенных общей предгорновой ямой, и ямы для хранения глины; другой на южном берегу Голландского озера (раскоп ССХVI) содержал четыре функционировавших одновременно горна с «общей для всех сооружений большой предгорновой ямой» (Бочаров, 2018, с. 266, 267). Каких-либо жилых построек в рамках раскопа ССХVI обнаружено не было. Как и в случае с гончарными горнами в заречной части Болгарского городища, мастерские у Голландского озера относились к крупным ремесленным производствам. Датировка существования производственных комплек-

сов в районе Голландского озера относится к 30–60-х гг. XIV в.

К северу и северо-западу от Голландского озера в 1969 г. при проведении водопроводной траншеи были зафиксированы наземные (глинобитно-кирпичные печи) и заглубленные (подпольные ямы) части жилых домов гончаров, а также четыре ямы-хранилища гончарных глин – сооружения № 7–10 (Аксёнова, 1969, с. 20–28). Продолжение жилой застройки к востоку и северо-востоку от Голландского озера было прослежено в раскопах 1978–1979 гг. (раскопы LXI–LXIV, LXVI), где были зафиксированы остатки землянок, полуземлянок, подпольев наземных домов, хозяйственных и зерновых ям, в заполнении которых присутствовали следы меднолитейного, железообрабатывающего и косторезного ремесел. Бытовали данные постройки с 20-х гг. XIV в. до разгрома города в 1361 г. (Аксёнова, Полубояринова, 2005, с. 145). Наличие сопутствующих основному гончарному производству иных ремесел и производств, прежде всего ювелирного и косторезного, было отмечено и для гончарных районов Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1989, с. 237, 238). Основные объекты – заглубленные ямы подпрямоугольной формы, связанные с жилыми постройками, – были ориентированы углами по осям северо-восток – юго-запад и образовывали ряды по линии запад – восток. Объекты не нарушали целостности друг друга, что свидетельствует о синхронности их бытования и «регулярности застройки с самого начала обживания прежде необитаемого района» (Аксёнова, Полубояринова, 2005, с. 146). Аналогичный тип застройки был зафиксирован и далее на восток, северо-восток в раскопах CLXIX и CLXX (2012 г.), которые располагались в 215 м к западу от Белой палаты. Вещевой материал из заполнения подполий и хозяйственных объектов не выделялся богатством и разнообразием, в большинстве своем был представлен предметами быта (ножами, железными замками, шарнирными ножницами), присутствовали небольшого размера обрезки и обломки медных пластин, железное долото, а также фрагменты нижеволжских и импортных поливных сосудов. Среди прочих предметов с раскопа CLXIX выделяется выполненная «из местной глины» сепая (Валиев и др., 2014, с. 126). И хотя археологическими исследованиями до сих пор не

установлен факт производства поливной керамики на территории Болгара, данный «инструментарий» с большой долей вероятности мог принадлежать гончару, который по тем или иным причинам не смог наладить изготовление поливной посуды. Еще три сепая с территории Болгарского городища происходили из заполнения отрога Большого Иерусалимского оврага у Белой палаты (раскоп СХХХIII), где они были найдены вместе с 25 тысячами фрагментов керамики и керамического шлака (производственного брака), «что позволяет допустить использование участка <...> в качестве места утилизации производственных отходов» (Бадеев, 2022, с. 160).

С городским некрополем «у западного вала» можно связывать северную границу района гончаров. При прокладке водопроводных труб в 300 м к северу от Голландского озера в траншеях 1976, 1977, 1980 гг. и раскопах LIX, LXXII, LXXIV были выявлены остатки редких жилых сооружений наземного типа и хозяйственных построек начала XIV в. Так как среди находок отсутствовали «фрагменты предметов роскоши, импортных вещей», то авторами работ было высказано предположение, что «здесь поселяются горожане небольшого имущественного достатка» (Аксёнова, 1980, с. 22). К середине XIV столетия на месте этой части городской застройки появляется грунтовый могильник. По наблюдениям Н.Д. Аксеновой, исследовавшей данный некрополь, погребения были выполнены по мусульманскому обряду, «но без строгого соблюдения ориентирования могильных ям на запад – восток», «сохранность костяков очень плоха», «головой все костяки ориентированы на запад или юго-запад», «кладбище, по-видимому, <...> принадлежало рядовым горожанам» (Аксёнова, 1977, с. 18). Приблизительные размеры некрополя могли составлять 100×120 м, было исследовано 39 погребений.

Южную границу района можно провести учитывая плотность застройки, которая к югу от раскопов LXI–LXIV, LXVI была представлена отдельными жилыми объектами, располагавшимися на значительном удалении друг от друга, а также наличием в этой части некрополей вблизи зданий мавзолеев. К середине XIV в. оформляется западная граница района гончаров – возводится линия городских укреплений. Таким образом, общая площадь

района гончаров в юго-западной части золотоордынского Болгара к середине XIV столетия составляла не менее 43,5 га (Бадеев, 2022, с. 160). В состав района входила рабочая зона, сформированная вблизи Голландского озера, зона основной жилой застройки, которая размещалась к северу и северо-востоку от рабочей зоны. Северную часть района занимал некрополь, который, как и весь район гончаров, просуществовал вплоть до 60-х гг. XIV в.

Район, который был отмечен еще и А.П. Смирновым, вблизи Малого минарета и по направлению к Черной палате выделяется концентрацией особого типа наземных жилищ – жилых построек с подпольной отопительной системой и печами типа канов, более характерных для нижневолжской градостроительной традиции. По определению Н.Д. Аксёновой, площадь, занятая подобного типа жилищами, в первой половине XIV в. составляла около 3 га (1973, с. 225). На этой площади было зафиксировано шесть построек с подобной системой отопления. Полностью было исследовано два жилища: одно площадью 89,2 кв. м, другое – 100 кв. м. Жилых построек с иным характером отопления для конца XIII – первой половины XIV в. здесь встречено не было. Отсутствуют в юго-восточной части городища и следы наличия крупных ремесленных производств. Данный факт позволяет видеть в этом районе золотоордынского Болгара некую элитарность. Последнее предположение может подтверждаться и присутствием здания общественной бани «Белая палата». Если обратить внимание на топографию участка с домами указанной системы отопления, то для периода первой половины XIV в. можно наметить следующие границы: северная и северо-западная границы имели естественный характер в виде русла оврага; западнее здания общественной бани «Белая палата» подобные постройки отсутствовали, что позволяет предполагать здесь западную границу данного района; восточная и юго-восточные границы проходили вблизи сезонного водоема, по восточному берегу которого археологическими исследованиями объекты с подпольным отоплением не были выявлены (Баранов, 2016). Самая южная постройка с отопительной системой канового типа на данный момент была зафиксирована в раскопе СХСIV (в 400 м к юго-юго-востоку от

Малого минарета). Авторы раскопа предполагают, что сама постройка «могла иметь какое-то административное назначение: возможно, исследованное здание было рабочим местом некоего должностного лица, например, предназначалась для суда, сбора таможенных пошлин или налогов либо чего-то подобного» (Волков и др., 2023, с. 195). После событий 1361 г. размеры города, где сохраняется плотная жилая застройка, значительно сокращается, а дома с подпольной системой отопления фиксируются уже к северу от Соборной мечети, на территории торгово-ремесленного района, на северо-западной периферии города, вблизи урочища Бабий бугор (раскоп CLXXXIX).

К середине XIV в. у Ханской усыпальницы формируется городской некрополь, который связан с районом расположения построек с подпольным отоплением. Здесь работами М.Г. Худякова и раскопами 49, XXVI, XXIX, XXXIX, XLIX было исследовано 23 погребения, а также несколько небольших мазаров, которые принадлежали социальной верхушке города, исповедовавшей ислам. Среди особенностей данного некрополя следует отметить тот факт, что только здесь преобладают погребения с кирпичными надгробиями – «вымостки или ступенчатые, находящие аналогии в некрополях нижневолжских городов» (Яблонский, 1987, с. 125–127). Просуществовал данный некрополь вплоть до начала XV в.

Основываясь на концентрации в юго-восточном районе домов с подпольным отоплением, наличии находок, свидетельствующих о высоком статусе населения, М.Д. Полубояринова связывает его с местом компактного проживания монгольской администрации (2016, с. 179). Будет допустимым предположить, что в этой части города селились выходцы из столичных, нижневолжских золотоордынских центров, которые выполняли административную функцию. Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая эволюцию системы управления в золотоордынских городских центрах, отмечал, что с начала XIV в. резко усиливается центральная власть и её аппарат представителей: в городах начинают постоянно присутствовать «городские даруги» (ханские наместники), которые были выходцами из аристократических монгольских родов, а их основным занятием становится

сбор налогов (1994, с. 17). Очевидно, что в Болгаре присутствовали и другие представители чиновничьего аппарата: «диван-битикчи» (секретари), «бакши» (писцы), «тамгачи» (таможенники или сборщики податей), «базардэ-турханы» (блюстители порядка на городском базаре), «тартанакчи» («весовщики») и другие.

На сводном плане районов Болгара золотоордынского периода остаются еще значительные «белые пятна» (рис. 1). Часть из них – южная и западная периферии – уже на данном этапе исследований может быть заполнена неплотной застройкой крупных феодальных усадеб. Реконструируемая площадь этих усадеб составляет не менее 840 кв. м. Например, в юго-восточной части городища у естественного сезонного водоема была частично изучена подобная усадьба, которая сформировалась на месте домонгольского и раннеордынского загородного поселения со следами ремесленной деятельности (Баранов, 2016, с. 219–223). Исходя из характера построек на территории усадьбы золотоордынского периода можно говорить о ее сельскохозяйственной направленности. Подобные крупные усадьбы были характерны и для периферийных районов многих золотоордынских

городских центров. Само наличие подобных усадеб на территории городов Золотой Орды, в том числе и Болгара, может быть связано с «особо большими площадями золотоордынских городов, не ограниченных по крайней мере в первые периоды их жизни линией фортификации» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 63). Спорным в наши дни остается и интерпретация назначения Малого городка. Исследования последних лет достоверно позволили установить лишь факт того, что объект не был достроен.

Особое значение для дальнейшего изучения социальной топографии средневекового Болгара будут играть исследования на площадке центральной части городища, где археологическими работами было установлено совместное существование как ремесленных комплексов по обработке цветных металлов, кости и рога, так и присутствие объектов, связанных с феодальной городской верхушкой, – здания общественной бани («Восточной палаты») и «ханского дворца». Малоизученными в археологическом плане остаются и участки, располагающиеся на площадке между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами, а также на северо-западной периферии городища, за линией укреплений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 8-1. С. 20–28.
- Аксёнова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (По материалам раскопок 1967–1971 гг.) // СА. 1973. № 4. С. 218–226.
- Аксёнова Н.Д. Отчет по работам на Болгарском городище в 1977 г. на траншее № 4 при котельной заповедника и на раскопе № LIX / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 55-1. КП-291.
- Аксёнова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 г. на траншеях № 5–6 водозабора и на раскопах 72, 74 (при траншеях) / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 67-1. КП-406.
- Аксёнова Н.Д., Полубояринова М.Д. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 133–156.
- Бадеев Д.Ю. Усадьбы золотоордынского Болгара // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 297–306.
- Бадеев Д.Ю. Ремесленные районы гончаров в золотоордынском Болгаре // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 157–162.
- Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В. Охота как традиционное занятие горожан золотоордынского Болгара (по материалам раскопок к юго-западу от Соборной мечети) // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова / Отв. ред. И.Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН, 2022. С. 140–152.
- Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 319–362.

Баранов В.С. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 192–245.

Бочаров С.Г. Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп ССХVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.

Валиев Р.Р., Бадеев Д.Ю. Результаты археологических исследований на Болгарском городище в 2010 г. (раскоп СLIII) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 137–143.

Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г. Исследования на раскопе СХСIV в юго-восточной части Болгарского городища // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 189–208.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: АН СССР, 1950. 479 с.

Ефимова А.М. Новые данные о болгарской металлургии // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 135–140.

Жеромский Б.Б. Подгорная слобода города Болгары // КСИИМК. Вып. 50 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1953. С. 55–63.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 172–189.

Мыськов Е.П., Ильина О.А. Локализация русских комплексов XIV в. на Водянском городище // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 218–228.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 5–191.

Смирнов А.П. Отчет Болгарской экспедиции 1948 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 219.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 277 с.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. Вып. 62 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 141–147.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

REFERENCES

Aksenova, N. D. 1969. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on Works Conducted at Bolgar Fortified Settlement in 1969)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. № 8-1, 20–28 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 218–226 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1977. *Otchet po rabotam na Bolgarskom gorodishche v 1977 g. na transhee № 4 pri kotel'noy zapovednika i na raskope № LIX (Report on the works conducted on the Bolgar fortified settlement in 1977 on trench No. 4 at the boiler house of the reserve and on excavation No. LIX)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 55-1. КП-291 (in Russian).

Aksenova, N. D. 1980. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 g. na transheyakh № 5–6 vodozabora i na raskopakh 72, 74 (pri transheyakh)* (Report on the works, conducted on the Bolgar fortified settlement in 1980 on trenches no. 5-6 of the water supply system and ditches 72, 74). Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 67-1. КП-406 (in Russian).

Aksenova, N. D., Poluboyarinova, M. D. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy)* (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bulgaria and the Golden Horde)). Kazan: "Shkola" Publ., 133–156 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 297–306. (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3*, 157–162 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Yavorskaya, L. V. 2022. In Strikalov, I. Yu. (ed.). *Russkiy srednevekovyy gorod. Arkheologiya. Kul'tura. K yubileyu Alekseya Vladimirovicha Chernetsova (Russian medieval city. Archaeology. Culture. To the anniversary of Aleksey Vladimirovich Chernetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 140–152 (in Russian).

Baranov, V. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar: Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 319–362 (in Russian).

Baranov, V. S. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 192–245 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 24* (2), 253–269 (in Russian).

Valiev, R. R., Badeev, D. Yu. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*, 137–143 (in Russian).

Volkov, I. V., Lopan, O. V., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 2* (44), 189–208 (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. *Zolotaya Orda i ee padenie (The Golden Horde and its fall)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Efimova, A. M. 1956. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 62*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 135–140 (in Russian).

Zheromsky, B. B. 1953. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 50*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 55–63 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (1)*, 172–189 (in Russian).

Mys'kov, E. P., Il'ina, O. A. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations) 3* (23), 218–228 (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–191 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1949. *Otchet Bolgarskoi ekspeditsii 1948 g. (Report of the Bolgar Expedition of 1948)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 219 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 2*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330–359 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 4–13 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Region)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1956. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 62. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 135–140 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

Yablonsky, L.T. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).

About the Author:

Badeev Denis Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.191.200>

ФИННО-УГОРСКИЕ ДРЕВНОСТИ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОВ НА МЕСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДСКОГО БАЗАРА)¹

© 2023 г. Д.Ю. Бадеев

В ходе археологических исследований в центральной части Болгарского городища была собрана представительная коллекция предметов (20 шт.), которые относятся к финно-угорским древностям. Большинство из них являются различными украшениями и деталями одежды. Они были выполнены из медного сплава. Среди изделий, которые датируются домонгольским периодом, присутствуют шумящие подвески различных типов и их детали, застежки (сюльгамы) с «усами», а также пронизки. Часть изделий находит аналогии среди предметов с памятников ломоватовской культуры, другая – среди погребальных комплексов муромы и мери. Встречаются они и в отдельных погребениях на территории Волжской Булгарии. Предметы, датированные золотоордынским периодом, были представлены медными застежками (сюльгамами) двух типов: лопастные и спиралеконечные. Застежки данных типов являются характерными мордовскими украшениями. К находкам XVIII–XIX в. относится гребень-подвеска из медного сплава.

Ключевые слова: археология, Средняя Волга, средневековый город, шумящая подвеска, застежка, мордва.

FINNO-UGRIC ANTIQUITIES FROM THE CENTRAL PART OF THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT (BASED ON THE MATERIALS OF EXCAVATIONS AT THE SITE OF THE CITY BAZAAR)²

D.Yu. Badeev

During archaeological studies, a representative collection of Finno-Ugric artefacts (20 pcs.) was collected in the central part of the Bolgar fortified settlement. Most of them are various decorations and clothing items. They were made of copper alloy. Among the finds of the pre-Mongol period there are jingling pendants of various types, their details, clasps (syulgams) and copper tube beads. Some of the items have analogies among the objects from the Lomovatovo culture sites. Other items are similar to objects from the burial complexes of the muroma and merya people. There are similar artefacts in individual burials on the territory of Volga Bulgaria. Objects of the Golden Horde period were represented by 2 types of copper clasps (syulgams): with triangular blades and spiral-ended. Clasps of these types are typical Mordovian ornaments. The finds of the XVIII–XIX centuries include a comb-pendant made of copper alloy.

Keywords: archaeology, Middle Volga, medieval town, jingling pendant, clasp, the Mordva

Обращаясь к научному наследию выдающегося советского археолога, доктора исторических наук Алексея Петровича Смирнова, мы в первую очередь обращаем внимание на его исследования Волжской Булгарии в целом и Болгарского городища в частности, где он долгие годы руководил экспедицией. Однако до Болгарского городища и тематики Волжской Булгарии А.П. Смирнов активно зани-

мался изучением археологии финских народов Прикамья. Десятки статей, ряд монографий посвятил он этой тематике, совершал археологические поездки в Коми, проводил археолого-этнографические экспедиции в Удмуртии. Результатом этих исследований стала кандидатская диссертация А.П. Смирнова «Прикамские финны в X–XIV вв.», защищенная в 1929 г. Среди других многочисленных

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266–3).

² The research was carried out within the State Task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (№ НИОКТР 122011200266–3).

работ А.П. Смирнова по данной теме следует отметить публикацию «Финские феодальные города» (1931 г.) и фундаментальное исследование «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (1952 г.), которое до сих пор является востребованным среди всех специалистов по финно-угорской археологии. К сожалению, из-за недостаточности материала в годы работы на Болгарском городище отдельной работы по финно-угорским древностям с территории памятника Алексеем Петровичем составлено не было.

Однако к сегодняшнему дню на Болгарском городище собрана довольно представительная коллекция предметов, относящихся к финно-угорским древностям. В большинстве своем эти находки представлены украшениями и элементами одежды, которые были выполнены из медных сплавов. Среди них выделяются шумящие украшения (подвески), относящиеся к числу наиболее ярких элементов материальной культуры финно-угорских племен, а также застёжки (сюльгамы). Наиболее полный обзор данной категории находок был представлен в двух публикациях Галины Федоровны Поляковой «Изделия из цветных металлов раннеболгарского времени с территории Болгарского городища» (1993 г.), «Изделия из цветных и драгоценных металлов» (1996 г.). Анализируя все представленные на тот момент находки, Галина Федоровна разделила их на три хронологические группы. Первая группа включает предметы, датировка которых возможна в рамках X–XI в., среди них, например, подвески коньковые, умбовидная, арочные, трапециевидные, предметы, имеющие прикамское и южноуральское происхождение, а также изделия, встречающиеся в мерянских памятниках X–XI в. (Полякова, 1996, с. 189). Во вторую группу входят украшения, получившие широкое распространение в домонгольское время. Таковыми являются некоторые типы коньковых подвесок, подвеска в виде петушка и в виде дугообразной планки. Большинство из указанных подвесок находят аналогии в памятниках Прикамья XII–XIV вв. или сопоставимы с украшениями из северо-восточных областей Древней Руси (Полякова, 1996, с. 189). К третьей хронологической группе Галиной Федоровной были отнесены изделия, появившиеся на Средней Волге в золотоор-

дынский период в XIII–XIV в.: характерных типов застёжки (сюльгамы), полые коньковые подвески, подвески в виде плоских уточек. Аналогичные подвески получают широкое распространение в северных областях Древней Руси начиная с XII в., но особо широкое распространение они получают в XIII в. (Полякова, 1996, с. 189, 190).

До недавнего времени практически все подобные находки с территории городища являлись случайными, не имели четкой топографической и стратиграфической привязки. В случае выявления в ходе археологических исследований они носили разрозненный характер. Исключение составляли две точки на территории Болгарского городища – обе они располагались на периферии основной части городища и тяготели к участку вблизи устья Малого Иерусалимского оврага. Первая из них была связана с исследованиями Старостина Петра Николаевича на правом берегу Малого Иерусалимского оврага, где им было выявлено поселение – Булгарское 5 селище, соответствующее ранней истории города Болгара. Здесь ряд комплексов содержал характерный для Прикамья состав находок: орнитоморфная накладка медного сплава, роговой односторонний гребень с фигурной спинкой в виде двух стилизованных конских голов, а также керамика полемско-ломоватовского типа, находки которой на территории Болгарского городища датированы концом первой – началом второй четверти X в. (Казанков, 2008, с. 35; Старостин, 2007, с. 141–143, рис. 3, 7). Второй участок с концентрацией финно-угорского материала располагался поблизости, на левом берегу Малого Иерусалимского оврага. Он был связан с городским некрополем (Усть-Иерусалимский могильник) второй половины XIV в., который исследовался казанским археологом, антропологом И.Р. Газимзяновым. Здесь было выявлено два грунтовых погребения (№ 22, 197), которые содержали характерные мордовские украшения – лопастные, с кольцевидной дужкой застёжки (сюльгамы), всего три экземпляра (Баранов и др., 2016, с. 91, 92, рис. 6.2.12–6.2.14). Еще одна находка – шумящая подвеска цилиндрической формы с тремя треугольными привесками – происходила из слоя распашки (Баранов В.С. и др., 2016, с. 89, рис. 6.2.1). Подобные подвески встречаются среди древностей поволжских финнов, в частности

с территории Шокшинского могильника – они происходят из двух погребений, датированных второй половиной X – началом XI в.

Новым участком на памятнике, где удалось зафиксировать значительное количество характерного финно-угорского материала, стала площадка в центральной части Болгарского городища, где в 80–150 м к юго-западу от Соборной мечети многолетними работами (с 2011 по 2021 г.) было исследовано здание городского базара середины XIV в. (Центральный базар..., 2022). С учетом более ранних работ М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой и Н.А. Кокориной (1989–1993, 2000 гг.) на этом участке площадь сплошных археологических раскопок составила 2780 кв. м. Культурный слой в этой части Болгарского городища содержал практически все слои, которые представлены в стратиграфической шкале памятника, в том числе домонгольского периода (слои V–VI), они имеют общую датировку в рамках X – первой половины XIII в. Наиболее ранний слой VI на площадке исследования был связан с металлургическим районом древнего Болгара X – начала XI в. Кроме металлургических производственных комплексов в слоях домонгольского периода были зафиксированы остатки жилых и хозяйственных построек. Среди индивидуальных находок выделяется комплекс из 21 вещи, который уверенно можно соотнести с финно-угорским компонентом городской культуры Болгара. Эти материалы содержались как в самых ранних домонгольских слоях, так и присутствовали в напластованиях золотоордынского периода.

Гребень-подвеска. Гребень-подвеска с изображением на спинке двух разнонаправленных конских голов, с центральной петлей для подвешивания (рис. 1: 1) относится к типу Iб по Кондратьевой. находка связана с периодом Нового времени. Подобные гребни-подвески (XVIII–XIX вв.) в качестве крестьянского женского украшения были широко распространены в поволжских губерниях среди «финноязычного населения, в частности мордвы-эрзи, марийцев» (Кондратьева, 2011, с. 32, рис. 13, 3). Гребень-подвеска с центральной части Болгарского городища был выявлен в раскопе CLXXIX (2015 г.) и происходил из заполнения ямы XX в.

Застежки (сюльгамы). В ходе начального этапа исследований городского базара

в раскопах 1989–1991, 2000 гг. было выявлено пять грунтовых захоронений, одно из которых (погребение 2) в раскопе СІХ (1990 г.) содержало две литые лопастные с кольцевидной дужкой застежки (сюльгамы). Погребение «было совершено в кирпично-глинистом завале и засыпано тем же грунтом», сам костяк лежал вытянуто на спине головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, правая находилась на груди, левая – в области живота (Полякова, 1991, с. 141). Завал из кирпича и суглинка представлял собой слой разрушения городского базара, который соотносится с захватом Болгара Булак-Тимуром в 1361 г., следовательно, захоронение и разрушение кирпичных стен базара по времени были очень близки. Погребение может быть датировано временем не ранее 60-х годов XIV в. Одна из сюльгам располагалась справа у бедренной кости, другая – на груди костяка. Обе сюльгамы имели отогнутые концы, которые были оформлены в виде треугольных пластин-лопастей с плоско-выпуклым сечением. Место соединения лопастей с дужкой на одной из застежек отмечено пояском, выделенным горизонтальными насечками, у другой – крестообразными (рис. 1: 2, 3). Подобные сюльгамы принято связывать с мордовским населением золотоордынского периода, а их датировка не выходит за рамки XIV в.

С площадки раскопов 1989–1991, 2000 гг. на месте городского базара из прослоек золотоордынского периода происходило еще три застежки (сюльгамы). Кольцевидная (медного сплава) застежка с гладкой дужкой, обвитой тонкой медной проволокой, и концами, свернутыми в виде трубочек, была представлена двумя экземплярами (рис. 1: 4). Диаметр дужки 3,7 см. Найдены были продетыми одна в другую в раскопе СХV (1992 г.) из прослоек позднего золотоордынского слоя (Полякова, 1992, с. 97). Застежки данного типа (B-I-2, по Поляковой) являются характерными мордовскими украшениями. Аналогии известны с мордовских могильников XIV в., например у села Гагино (Алихова, 1959, табл. 67, 2). Одним экземпляром была представлена кольцевидная, спиралеконечная сюльгама, выполненная из медного сплава (рис. 1: 5). Она имела гладкую дужку, сомкнутые концы были раскованы в узкие пластины и свернуты в виде трубочек. На внешней стороне трубочек имелись продольные бороздки. находка была

Рис. 1. Финно-угорские древности с площадки исследований в центральной части Болгарского городища (1 – гребень-подвеска; 2–11 – застёжки (сюльгамы); 12, 13 – подвески; 14, 15 – детали шумящих подвесок; 16 – декоративной застёжки обломок; 17, 18 – пронизки; все – медный сплав).

Fig. 1. Finno-Ugric antiquities from the study site in the central part of the Bolgar fortified settlement (1 – comb-pendant; 2–11 – clasps (syulgams); 12, 13 – pendants; 14, 15 – jingling pendant details; 16 – decorative fastener fragment; 17, 18 – tube beads; all made of copper alloy).

выявлена в раскопе СХVIII (2000 г.) и происходила из горизонта «пожарища монгольского нашествия» (Кокорина, 2002, с. 128). Известны находки данного типа застёжек (тип В-I-1, по Поляковой) только меньшего диаметра и с других участков Болгарского городища. Застёжка является характерным мордовским

украшением: «в мокшанских памятниках <...> встречаются в могильниках XII–XIII в.» (Алихова, 1954, с. 273), в эрзянских комплексах украшений продолжают бытовать и в XIV в. Судя по размеру (диаметр дужки 4,2 см) и аналогиям, подобная застёжка может быть датирована в рамках второй половины XIII –

XIV в. С территории раскопов 2011–2021 гг. происходили еще четыре аналогичные кольцевидные, спиралеконечные застезки-сюльгама из медного сплава, которые также имели гладкую дужку (рис. 1: 6–8). Лишь у одной из раскопа CLXXIX (2015 г.) на внешней стороне трубочек были две продольные бороздки (рис. 1: 6). Происходила находка из 1 субгоризонта IV – позднего золотоордынского слоя (50–70 гг. XIV в.). Остальные спиралеконечные с гладкой дужкой застезки-сюльгама имели неорнаментированную поверхность, относились, по Поляковой, к типу В-1-2. В раскопе СХСII (2015, 2016 гг.) были выявлены две находки, которые происходили из комплексов 50–60 гг. XIV в. Еще одна находка (рис. 1: 9) была сделана в раскопе CLXXIX (2015 г.) в заполнении подвала, который был датирован концом XIII в., и отличалась самым большим диаметром дужки – 4,5 см.

К другому типу застезек-сюльгам относилась находка из раскопа СХСII (2017 г.), где она располагалась в прослойке 2 субгоризонта IV – позднего золотоордынского слоя (20–40 гг. XIV в.). Находка относилась к типу лопастных сюльгам с гладкой кольцевой дужкой, её концы были раскованы в пластины треугольной формы (рис. 1: 10). Диаметр дужки 2 см, длина лопастей 1,8 см, максимальная ширина 1 см. Сохранился язычок овального сечения и длиной 2 см. Известны находки данного типа сюльгам (тип В-II-3, по Поляковой) и с других участков Болгарского городища (6 экз.). Аналогичные застезки встречаются и на территории домонгольских селищ Волжской Булгарии, например с IV Старокуйбышевского селища (Казаков, 1992, с. 306, 307, рис. 103, 20).

Впервые для Болгарского городища с площадки исследований к юго-западу от Соборной мечети был найден еще один тип застезек-сюльгам – сюльгамы с тонкими, свернутыми в трубочку «усами», длина которых более полутора диаметров дужки. Всего было найдено три экземпляра этих сюльгам: две находки в раскопе CLXII (2011 г.) были опубликованы В.С. Барановым и А.М. Губайдуллинным (2016, рис. 7, 4, 5), и третья находка в раскопе СХСII (2020 г.) (рис. 1: 11). Все застезки данного типа происходили из нижней части домонгольского слоя VI. Аналогичные застезки известны по материалам Лядинского могильника древней мордвы X–XI в., а также

встречаются в комплексах X–XI в. Подболотьевского и Кривозерского могильников (Воронина, 2007, с. 19, 20), встречаются они и среди материалов ранних сельских поселений Волжской Булгарии (второй половины X – XI в.), например с территории I Измерского селища (Казаков, 1992, с. 306, 307, рис. 103, 21). К ярким находкам, характеризующим домонгольский слой VI (X – начала XI в.) на площадке обнаружения сюльгам с «усами», можно отнести два колчаных крючка, имеющих аналогии в материале Варнинского могильника (V–X вв.), бусы-лимонки и лимонovidные двухчастные пронизки, цилиндрическую глухую красно-коричневую стеклянную бусину с четырьмя сильно выступающими реснитчатыми черно-белыми глазками, которая, по мнению Ю. Кэльмера, характерна для IX и реже для середины X в. (Callmer, 1977, pp. 77, 88), а также сердоликовые призматические бусы, бытование которых на территории Восточной Европы ограничено в основном IX–XI вв. Отметим и присутствие здесь двух серебряных монет, которые являлись подражаниями сасанидским дирхемам X в. Среди керамического материала с этого участка в слое VI выделяется заметное количество (до 11,1%, по данным раскопа CLXXIX-2012 г.) фрагментов лепной посуды, в том числе поломско-ломоватовского типа и сосудов II, XI этнокультурных групп (по Хлебниковой Т.А.), присутствовали и целые формы. Все это позволяет искать черты сходства материала из слоя VI на площадке ремесленно-торгового района с представленным с ранним материалом в устье Малого Иерусалимского оврага, где также присутствовали материалы, которые можно соотносить с финно-угорскими древностями. Находки различных лопастных сюльгам показывают, что они являются «общемордовским элементом материальной культуры с XI по XIV вв.» (Вихляев, Кемаев, 2019, с. 110). На площадке исследований лопастные сюльгамы были выявлены как в домонгольских, так и в золотоордынских комплексах, что позволяет говорить о присутствии мордовского населения на всем протяжении существования средневекового Болгара.

Подвески. С площадки исследований (раскоп СХСII-2014 г.) из домонгольского слоя VI происходит еще одна находка, характерная для комплексов IX – начала XI в. Этой находкой является литая, арочной формы «прорез-

ная» подвеска медного сплава (рис. 1: 12). Размеры подвески 3,2×2,8 см. Верхняя петля для подвешивания обломана, в нижней части отсутствуют характерные для этих изделий отверстия под привески. Отсутствие последних может являться дефектом при отливке изделия. Центральную часть щитка занимает изображение, т. н. «три солнца». С территории Болгарского городища известно 5 экз. арочных прорезных подвесок, все они отличаются от данной находки формой щитка. Аналогичные арочные подвески принято рассматривать в качестве индикатора культуры угров Урала. Е.П. Казаков считал их изделиями болгарских мастеров, которые наполняли металлическими украшениями рынок Ветлужско-Вятского междуречья. Аналогичные подвески присутствуют на памятниках ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье, в материалах полемской культуры на Варнинском могильнике, на Южном Урале в Хусаиновских, 1 и 2 Бекешевских курганных могильниках, Чишминском кушнарниковском могильнике, Большетиганском, Танкеевском, Кокрятском могильниках, в Сибири на могильнике Барсов городок. В качестве наконечников арочные украшения интерпретированы по материалам Южного Урала и Большетиганского могильника. Для населения Ветлужско-Вятского междуречья предполагается, что подобные подвески могли использоваться в качестве нагрудных украшений (Никитина, 2021, с. 32, 33, 40).

К шумящим подвескам относится и находка с раскопа CLXXIX (2013 г.). Подвеска медного сплава имела прямоугольную в плане форму (размеры 5,2×2,3 см) и происходила из прослоек домонгольского слоя V (XI – начало XIII в.). В нижней части располагались различной степени сохранности пять колец для крепления привесок, которые имели конусовидную форму (рис. 1: 13). Непосредственно на украшении сохранилось три привески. Еще одна была выявлена поблизости, но уже в переотложенном состоянии – в прослойках 2 субгоризонта IV – позднего золотоордынского слоя. Щиток занимал орнамент из «прорезных» треугольников, выполненный методом напайки отдельных полос к оборотной стороне щитка. К верхней планке щитка, также с его внутренней стороны, крепились шесть прямоугольных «городков». Характер изделия, жгутиковый орнамент позволяет связать его с украшениями центральной группы мери,

датировка подобных подвесок относится к X – первой половине XI в. (Горюнова, 1961, с. 100, рис. 42). Известны они также с территории муромских могильников и курганных могильников Владимиро-Суздальской земли.

С раскопа CLXXIX (2013 г.) из домонгольского слоя V происходила находка, которую можно отнести к элементам шумящих подвесок, – это медного сплава пластина, свернутая в трубочку (длиной 3,6 см), один конец которой был сжат, и в нем пробито сквозное отверстие небольшого диаметра – 0,2 см (рис. 1: 14). Нижняя часть предмета украшена рельефным линейным орнаментом. Подобные привески встречаются и на шейных пластинчатых гривнах серповидной формы, которые распространены в погребальных комплексах мордвы и муромы в VIII–XI в. Шейную гривну с аналогичными привесками имело и муромское погребение 1101 с территории Танкеевского могильника, как отдельные элементы украшений пояса и груди известны они и с территории других могильников Волжской Булгарии, например Большетарханского могильника (Казаков, 1992, с. 52, рис. 13, 19, 20; с. 316, 317, рис. 107, 18). К привескам от шумящих подвесок относится и литой ромбовидной формы щиток размерами 1,8×2 см, углы и центр которого с одной стороны украшены полусферическими «горошинами» диаметром не более 0,2 см (рис. 1: 15). Происходила находка из прослоек 2 субгоризонта IV – позднего золотоордынского слоя (20–40 г. XIV в.). с площадки раскопа СХСII (2015 г.). Верхняя часть крепления выполнена в виде стержня с кольцевыми насечками и была раскована, что дает возможность предполагать попытку ее вторичного использования или свидетельствует о том, что она являлась заготовкой. Подобной формы привески встречаются на муромских шумящих подвесках (VIII–IX в.), а также на характерных украшениях мещеры из Жабкинского могильника XI–XII в. (Финно-угры и балты..., 1987, с. 282, табл. XXXIV, 1, с. 286, табл. XXXVIII, 1, 3, 8).

Бляха-застежка. Небольшой фрагмент литой округлой, ажурной бляхи-застежки с круглым отверстием посередине (рис. 1: 16), выполненной из медного сплава, происходил из раскопа CLXXIX (2014 г.). Он был выявлен в прослойках домонгольского V слоя. Верхнюю часть от центрального отверстия до края

украшает вертикальная перекладина, состоящая из осевой линии и примыкающих к ней наклонных поясков. Вертикальная перекладина имеет S-образное верхнее завершение. С различными трансформациями такие бляхи у муромы использовались с VII по X в., при этом можно отметить их сходство с близкими по происхождению марийскими ажурными бляхам. Предполагается, что подобные застежки могли использоваться в качестве оберегов, «не являясь функциональной деталью костюма» (Бейлекчи, 2018, с. 287).

Пронизки. Еще одна категория находок с площадки исследований в центральной части Болгарского городища – это пронизки из медного сплава. К категории «пронизки» относились два предмета, которые имели сквозные отверстия для нанизывания вещи на ремешок. Они являются обычно составными элементами пронизей, на концах которых крепились шумящие подвески. Эти предметы использовались для украшения груди и пояса. Здесь они представлены двумя типами: пронизка конусовидной формы (рис. 1: 18), близкая к ломоватовским пронизкам «бутылчатой» формы без украшений (отдел Б, тип 2, по Голдиной), и пронизка с двумя вздутиями и продольными прорезями на них (отдел Д, тип 2Б, по Голдиной) (рис. 1: 17). Диаметр нижней части конусовидной пронизки 3,5 см, верхней – 0,8 см. Происходит она с раскопа CLXXIX (2015 г.) из прослойки 2 субгоризонта IV – позднего золотоордынского слоя (20–40 гг. XIV в.). Пронизка с двумя вздутиями происходит с раскопа CLXXIX (2014 г.) из прослойки IV – раннего золотоордынского слоя (вторая половина XIII – начала XIV в.). Выполнены пронизки из медного сплава. Оба типа пронизок имеют под собой основу в предметах, относящихся к ломоватовскому кругу (Голдина, 1985, с. 47, 48, табл. XXII, 25, 28, 30, табл. XXIV, 47, 51), хотя встречаются и среди погребального инвентаря поволжских финнов.

Если обращаться к планиграфическому расположению находок на месте раскопов в центральной части Болгарского городища, то здесь можно выделить несколько закономер-

ностей: предметы, относящиеся к золотоордынскому периоду, располагались исключительно за границами руин городского базара, большинство из них отложилось в слой в период его существования или практически сразу после разрушения. Нельзя исключать и того, что встреченные на месте городского базара погребения являются небольшим мордовским могильником, хотя логичнее видеть в них санитарные захоронения, которые можно связать с трагическими событиями захвата города в 1361 г. Булак-Тимуром. Подобные санитарные захоронения, датированные 60-ми гг. XIV в., находят в разных частях Болгарского городища. Однако это предположение требует своего дальнейшего подтверждения. Расположение находок, датированных домонгольским периодом, более дисперсное, можно лишь отметить некоторую их концентрацию в юго-западной части площадки исследований.

Представленный обзор находок финно-угорских древностей с центральной части Болгарского городища наглядно свидетельствует о двух основных этапах взаимодействия финно-угров и тюрок в Среднем Поволжье: ранний этап (X–XI вв.) и поздний (вторая половина XIII – XIV вв.). На первом этапе происходили активные контакты болгар с представителями ломовско-ломоватовского населения, «которое, несомненно, участвовало и в сооружении будущей столицы страны – Болгара» (Казаков, 2007, с. 47), а также поволжскими и поокскими финнами. Связи болгар с ними носили не только торгово-экономический характер, но и происходило непосредственное включение последних в болгарский этнос. Сам ранний средневековый Болгар в этой связи мог выступать не только в качестве «мастерской», места проведения торговых операций, но и являться центром поликультурного объединения. На позднем этапе (XIV – начало XV вв.), как для площадки исследования, так и для Болгара в целом, отмечается очевидное присутствие мордовского этнокультурного компонента. Для Болгара данный этап совпадает с периодом постепенного упадка города после его захвата и разгрома Булак-Тимуром в 1361 г.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд., 1959. С. 169–194.

Бейлекчи Вал. В. Поясные и нагрудные украшения, предметы быта и производства в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике муромы // Уваровские чтения – X: Физиогномика города: материалы всероссийской научн. конференции с международным участием (Муром, 19–21 апреля 2017 г.) / Под ред. Ю. М. Смирнова. Владимир: ВИТ-принт, 2018. С. 272–289.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Баранов В.С., Губайдуллин А.М. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 193–217.

Вихляев В.И., Кемаев Е.Н. Лопастные стюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 110–118.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983 – 1985 годов. М.: Наука, 2007. 164 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.

Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. 2008. № 11. С. 34–39.

Кокорина Н.А. Отчет о раскопках на Болгарском городище (раскоп СXVIII) в Республике Татарстан в 2000 г. Москва, 2002 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 963–1. КП-204.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. Спб.: Российский этнографический музей, 2011. 246 с.

Никитина Т.Б. Арочные украшения из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX – XI вв. // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 32–42.

Полякова Г.Ф. Раскоп СIX // Отчет о работах на Болгарском городище в 1990 г. Болгары, Казань, Москва, 1991 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 94–1. КП-556.

Полякова Г.Ф. Отчет о работе на Болгарском городище в 1992 году (раскоп СXV) / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 672–4. КП-105.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных металлов раннеболгарского времени с территории Болгарского городища // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н.Г. Недошивина / Труды ГИМ. Вып. 82. М.: ГИМ, 1993. С. 161–165.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.

Смирнов А.П. Финские феодальные города // На удмуртские темы / Ученые записки Научно-исследовательского института народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2. М.: Центриздат народов СССР, 1931. С. 36–75.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Болгарии: поиски, проблемы, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 53–63.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 288 с.

Callmer J. Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia ca. 800 – 1000 A.D. Bonn – Lund: Rudolf Habelt Verlag Publ., 1977. 229 p.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–301 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 169–194 (in Russian).

Beilekchi, Val. V. 2018. In Smirnov, Yu. M. (ed.). *Uvarovskie chteniya (Uvarov's Readings)* X. Vladimir: "VIT-print" Publ., 272–289 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the City)*. Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).

Baranov, V. S., Gubaidullin, A. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 193–217 (in Russian).

Vikhlyayev, V. I., Kemaev, E. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 110–118 (in Russian).

Voronina, R. F. 2007. *Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi: konets IX – XI veka: po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983 – 1985 godov (Lyada antiquities. From the history of the Mordva-Moksha: the end of the IX – XI century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goriunova, E. I. 1961. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia (Ethnic History of the Volga-Oka Area)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bulgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Kazakov, E. P. 2008. In *Finno-Ugrica* 11, 34–39 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Otchet o raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskop CXVIII) v Respublike Tatarstan v 2000 g. (Report on the excavations on the Bolgar fortified settlement (excavation CXXIII) in the Republic of Tatarstan in 2000)*. Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. № 963–1. КП-204 (in Russian).

Kondrat'eva, O. A. 2011. *Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevney Rusi – Rossii. Arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki (Combs of the 9th – 19th cc. in Household Life, Ceremonies, Folklore, Crafts and Art of Ancient Rus - Russia. Essays on Archaeology and Ethnography)*. Saint Petersburg: Russian Museum of Ethnography Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 32–42 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1991. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1990 g. (Report on the works on the Bolgar fortified settlement in 1990)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 94–1. КП-556. (in Russian).

Poliakova, G. F. 1992. *Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1992 godu (raskop CXV) (Report on the work on the Bolgar fortified settlement in 1992 (excavation CXV))*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 672–4. КП-105 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities of Eastern Europe)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 82. Moscow: State Historical Museum, 161–165 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1931. In *Na udmurtskie temy (On Udmurt themes)*. Series: Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta narodov Sovetskogo Vostoka pri TsIK SSSR (Scientific notes of the Research Institute of the Peoples of the Soviet East under the Central Executive Committee of the USSR) 2. “Tsentrizdat narodov SSSR” Publ., 36–75 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya (Essays on ancient and medieval history of the peoples in the Middle Volga and Kama regions)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Starostin, P. N. 1993. In Khuzin, F. S. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoy Bolgarii: poiski, problemy, resheniya (Archaeology of Volga Bulgaria: searches, issues, solutions)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 53–63 (in Russian).

Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. (ed.). 2022. *Tsentrallyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The Central Bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on the materials of 2011–2019 excavations))*. Moscow; Saint-Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ. (in Russian).

Callmer J. 1977. *Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia cu. 800 – 1000 A.D.* Bonn – Lund: Rudolf Habelt Verlag Publ. (in English).

About the Author:

Badeev Denis Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 737/470.41/ "12/14"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.201.207>

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ ИЗ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 1970 Г. (ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕН- НОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

©2023 г. А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова

В статье приводятся нумизматические материалы, поступившие в ГИМ из Болгара. Монеты были обнаружены при археологических работах под руководством Н.Д. Аксеновой в 1970 г. в раскопе XXXV. Общее количество атрибутированных монет – 43 экземпляра, из них один саманидский дирхам X в., 7 серебряных и 34 медных джучидских монеты, а также одна нижегородская копейка. Все они хранятся в Государственном Историческом музее. К чеканке середины XIII в. относятся 8 медных динаров, в первую четверть XIV в. выпущено два анэпиграфных дирхама. К периоду второго и третьего триместра относятся 25 пулов, из них 4 монеты с надчеканами второй половины XIV в. В раскопе также обнаружено 3 экземпляра, выпущенные в начале XV в. – два болгарских акче и одна нижегородская копейка. В конце статьи приводится карта с указанием местоположения раскопа и фототаблица с изображением 16 монет.

Ключевые слова: археология, монета, дирхам, пул, находки, раскоп XXXV, Болгарское городище, XIII–XV вв.

MEDIEVAL COINS FROM THE BOLGAR SETTLEMENT BASED ON THE WORKS IN 1970 (FROM THE COLLECTIONS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)

A.I. Bugarchev, S.V. Ushakova

The article deals with numismatic materials received by the State Historical Museum from Bolgar. Coins were found during archaeological works led by N.D. AksenoVA in 1970 in the XXXV excavation. The total number of attributed coins is 43 copies, including 1 Samanid dirham of the XX century, 7 silver and 34 copper Juchid coins, as well as one Nizhny Novgorod copeck. All of them are kept in the State Historical Museum. The coinage of the middle of the XIII century includes 8 copper dinars, in the first quarter of the XIV century, 2 anepigraphic dirhams were issued. 25 puls belong to the period of the second and third trimester, including 4 coins with countermarks of the second half of the XIV century. Three specimens were also found in the excavation, issued at the beginning of the XV century – 2 Bolgar akcha and 1 Nizhny Novgorod copeck. At the end of the paper is a map, indicating the location of the excavation and a photo table, depicting 16 coins.

Keywords: archaeology, coin, dirham, pul, finds, excavation XXXV, Bolgar fortified settlement, XIII–XV centuries.

Первые исследования Болгарского городища начались в 60–70-х гг. XIX столетия. В 1938 г. в Болгаре начались планомерные раскопки. После перерыва, связанного с войной, с 1945 г. работы продолжились и осуществляются уже более 70 лет. Почти в каждом раскопе, а на сегодня их количество уже более 250, были обнаружены средневековые монеты, в подавляющем большинстве – джучидские, то есть чеканенные в XIII–XV вв. Находки распределялись неравномерно – в раскопах находили от одного до двух с лишним тысяч экземпляров. Например, в раскопе CLXXIX (179) поднято более 2100 серебряных и медных монет.

С 1938 по 1969 г. почти весь нумизматический материал поступал в Москву, в Государственный Исторический музей. Небольшая часть поступила в Национальный музей РТ, а также в Ульяновский краеведческий музей (Гисматуллин, 2020). В ГИМе монеты взвешивались, атрибутировались и поступали на хранение. Основную работу по определению проделала Светлана Алексеевна Янина, в то время заведующая отделом нумизматики. Результаты исследования монетного комплекса 1946–1958 гг. были изданы в четырёх томах серии «Материалы и исследования по археологии СССР» в 1954–1962 гг. (Янина, 1954; 1958; 1960; 1962).

Рис. 1. Карта Болгарского городища и врезка с указанием местоположения раскопа XXXV
взяты из статьи Т.А. Хлебниковой (1987).

Fig. 1. Map of the Bolgar settlement and the inset, indicating the location of excavation XXXV,
are taken from the article by T.A. Khlebnikova (1987).

В 1969 г. в городе Болгаре был создан свой музей и с 1970 г. монеты из раскопов и сборов на городище стали поступать в его фонды. Здесь они чистились и атрибутировались первым директором Болгарского музея Джамилем Габдрахимовичем Мухаметшиным. Эту работу он продолжает и в настоящее время.

Как было сказано выше, нумизматические материалы 1946–1958 гг. были изданы С.А. Яниной. Позднее, в статье 1987 г. профессор МГУ Герман Алексеевич Федоров-Давыдов кратко опубликовал монетные находки 1974–1983 гг. (Федоров-Давыдов, 1987, с. 188–204). Таким образом, результаты работ на городище 1959–1973 гг. оставались не изданными. Желая заполнить данную временную лакуну, один из авторов написал обзорную статью по находкам периода 1964–1970 гг. (Бугарчев,

2018, с. 116–119). Для этого использовались археологические отчеты из фондов Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В статье приводилось перечисление монет из раскопов I, III, X, XI, XIII–XXVIII, XXXIII и XXXV.

Основной своей задачей авторы считают ввод в научный оборот джучидских монет, найденных на территории Болгарского городища с полной атрибуцией и максимально полной метрологией. Ранее были изданы монетные находки из таких раскопов как CLXVIII, CLXXXV, CLXXIX и других (Бугарчев, Беляев, 2014; Бугарчев, Сивицкий, 2016; Валеев, Бугарчев, 2022).

В 2021 г. при работе в фондах ГИМ авторы обработали хранящиеся в музее материалы XXXV раскопа. Дирхамы, динары и пулы были взвешены и сфотографированы. Приведем всё в месте в виде таблицы.

Таблица 1. Монеты из раскопа XXXV Болгарского городища из фондов ГИМ (Москва)
 Table 1. Coins from the XXXV excavation of the Bolgar fortified settlement, collections of the State Historical Museum (Moscow)

№	Эмитент/тип	Монетный двор	Время выпуска	Вес, г	Примечание
1	Наср бен Ахмад	Аш-Шаш	319 г.х. (931-932)	3,22	Саманиды. <i>Серебро</i>
2-4	С именем ан-Насира	Не указан	(1240-е)	Вес 2-х экз. 1,21; 2,70	3 экз. Янина, 1954, 2
5-9	Мунке	Булгар	(1250-е)	3,13; 2,69; 2,65; 3,54; 2,77	5 экз. Янина, 1954, 4
10	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,07 (об-ломана)	С/82*. <i>Серебро</i>
11	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,33	С/126*. <i>Серебро</i>
12	Мухаммад Узбек	Булгар ал-Махруса	732 (1332-1333)	1,50	<i>Серебро.</i> Новый вариант
13	Узбек	Сарай	739 (1338-1339)	1,57	<i>Серебро.</i> Сагдеева, 204
14	«Тамга в звезде»	Булгар	(732-736) (1331- 1336)	1,54	Янина, 1954, 37. Вар. Пулу / Булгар
15	«Тамга в звезде»	Булгар	(732-736)	1,16	Янина, 1954, 37. Вар. Булгар / Пули
16	«Лев и полное солнце»	Сарай	737 (1336-1337)	1,08	Отверстие
17	«Лев и солнце»	Сарай	[737]	1,52	Янина, 1954, 40
18	«Решётка»	Булгар	Не указан (1340-е)	0,76	Отверстие. Янина, 1954, 12
19- 26	«Двуглавый орёл»	Сарай ал-Джадид	Не указан (1340-е)	Вес 7 пулов 0,94; 1,52; 1,20; 0,76; 1,35; 1,31; 1,71	8 экз. Янина, 1954, 48-50
27- 28	«Розетка»	Сарай ал-Джадид	752 (1351-52), 76X (начало 1360- х)	Вес пула с н/ч 2,73	2 экз. Н/ч Адил (?). Ср. Янина, 1954, 67
29	Хызр	Гулистан	762 (1360-1361)	0,95	<i>Серебро.</i> Обрезана. Сагдеева, 300
30	Хызр	Гулистан	762	2,52	Янина, 1954, 88
31- 33	Хызр	Гулистан	Стёрто (1360-е)	Вес 2-х пулов 2,20; 2,76	3 экз. Янина, 1954, 88
34	Хызр	Не сохранился	Стёрто (1360-е)	3,46	Н/ч Хан
35	Тулунбек	Сарай ал-Джадид	Стёрто (1370-е)	2,17	Н/ч Адил. Янина, 1954, 106
36	Тулунбек	Сарай ал-Джадид	Стёрто (1370-е)	1,21	Н/ч Адил. Отверстие. Янина, 1954, 106
37	Анонимный	Сарай ал-Джадид?	Стёрто	1,36	Тип не уста- навливается

38	Али Дервиш	Не указан	Не указан (1380-е)	1,01	Янина, 1954, 144
39	Стёрто	Не сохранился	(Год сбит)**	4,38	Н/ч Зафар. Янина, 1954, 147
40	Мухаммад	Не указан (Булгар?)	Не указан (1420-е)	0,41	Зногая тамга. <i>Серебро.</i>
41	Борис Константинович	(Суздальско-Нижегородское княжество)	I четверть XV в.	0,86	<i>Серебро</i>
42	Стёрто	(Булгар)?	Первая треть XV в.	0,62	Зногая тамга. <i>Серебро.</i>
43	Не читается	Стёрто	Не сохранился	0,70	

*Номера приводятся по монографии А.З. Сингатуллиной (2003). Монеты без указания металла относятся к медным.

**По мнению С.А. Яниной, возможно, датируется 1370 гг.

Всего в таблице перечислено 43 экземпляра. Один медный динар «архаичного» типа с именем ан-Насира из раскопа XXXV хранится в Болгарском музее-заповеднике (по музейной Инвентарной книге 1 – это №42/59-1231) (Бугарчев, 2021, с. 155). То есть общее количество монет из раскопа составляет 44 единицы.

К самым ранним находкам с городища относится саманидский дирхам эмира Насра бен Ахмеда (914–943). Это не первая находка куфической монеты на городище. Из статьи Д.Г. Мухаметшина известно об 11 случаях обнаружения единичных и кладовых саманидских дирхамов (Мухаметшин, 2019, с. 242–244). Экземпляр из раскопа XXXV дополняет топографию находок серебряных монет X в. в Болгаре.

К джучидским монетам относится 41 номер. Здесь представлены выпуски периода Монгольской империи – 8 медных динаров с именами ан-Насира и Мунке (три и пять соответственно, чеканка 1240-х – 1250-х гг.), и 32 экземпляра золотоордынского времени (чеканились с 1266 г.): два дореформенных золотоордынских дирхама без указания эмитента, монетного двора и даты чеканки (выпущены в первую четверть XIV в.), пять дирхамов монетных дворов Булгар ал-Махруса, Сарай и Гулистан (первая-вторая треть XIV в.), пулы Булгара, Сарая, Нового Сарая и Гулистана второй трети – конца XIV в. – 25 штук. Четыре из них надчеканены во второй половине

XIV в. К числу редких для Болгарского городища относятся находки первой четверти XV в. – два акче с трёхногой тамгой и одна нижегородская копейка (нам известны не более 10 монет XV в., обнаруженные на территории городища).

Датировки анэпиграфных дирхамов С/126 (1300-1320) и С/82 (1320-1327) приводятся по монографии 2018 г., где указано, что первые выявлены в составе двух кладов (№№33 и 35), а вторые – в кладе 31 (Бугарчев, Петров, 2018, с. 136). Безусловно, даты предварительные и могут корректироваться при появлении новой информации.

Можно отметить наличие пулов с надчеканками «Адил», «Хан» и «Зафар», которые появились в денежном обращении города во второй половине XIV в.

Раскоп XXXV расположен у Ханской усыпальницы, площадь 368 кв. м. Раскоп исследовался в 1970 г. под руководством Н.Д. Аксеновой (Хлебникова, 1987, с. 86). Для полноценного анализа нумизматического материала данного памятника необходимо комплексное изучение с учётом находок из раскопов XXVI, XXIX, XXXI, XXXIII и XXXIX, которые могут храниться в фондах Государственного Исторического музея.

Публикация монетных находок из указанного раскопа – важный шаг к изучению нумизматического комплекса всего Болгарского городища.

Благодарности: Авторы благодарят МО РФ за помощь при написании данной работы.

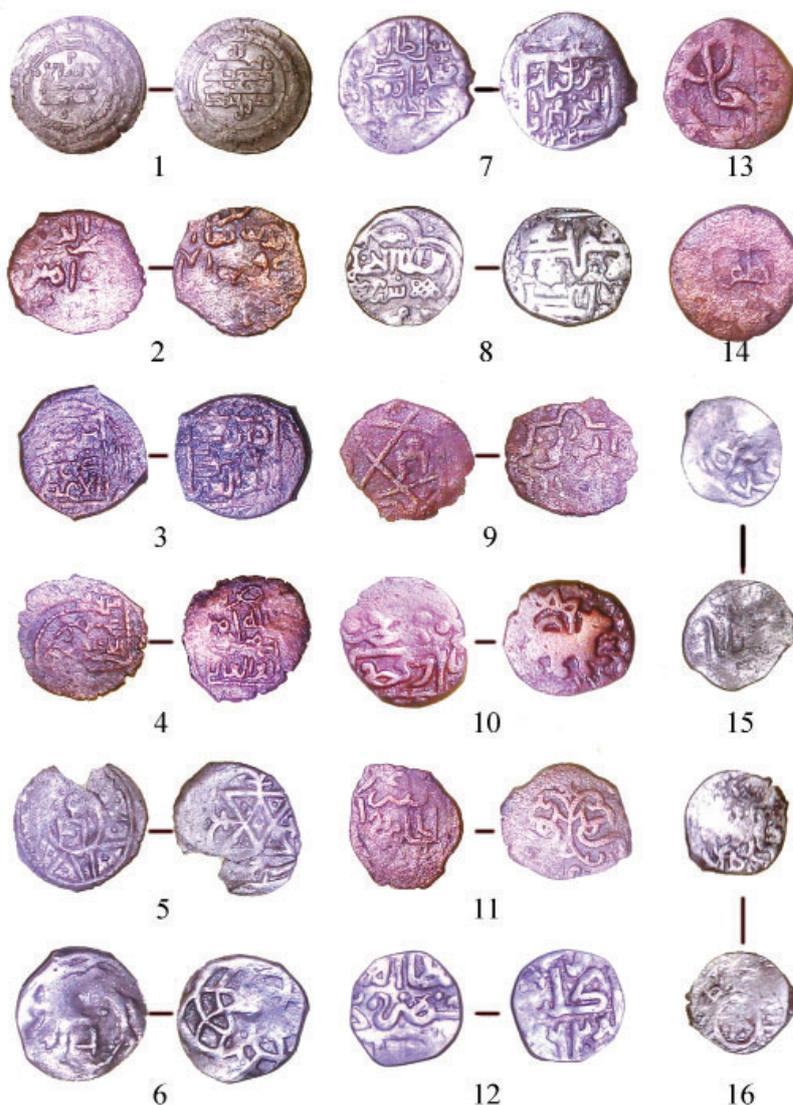

Рис. 2. Фототаблица с изображениями монет из раскопа: 1 – кufический дирхам эмира Насра бен Ахмада, 931-932 гг.; 2 – медный динар с именем ан-Насира, вес 2,70 г.; 3 – медный динар, перечеканенный с именем Мунке, вес 3,54 г.; 4 – медный динар, перечеканенный с именем Мунке, вес 2,69 г.; 5 – анепиграфный дирхам C/82; 6 – анепиграфный дирхам C/126; 7 – дирхам Узбека, Булгар ал-Махруса, 732 г.х.; 8 – дирхам Узбека, Сарай, 739 г.х.; 9 – пул «Тамга в звезде», вариант «Пулу / Булгар», Булгар, 732-736 г.х.; 10 – пул «Лев и солнце», Сарай, (737 г.х.); 11 – пул «Двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, вес 1,52 г.; 12 – Дирхам Хызр-хана, Гулистан, 762 г.х.; 13 – пул с надчеканом «Хан»; 14 – пул с надчеканом «Зафар» (Победа); 15 – акче с именем Мухаммада и трёхногий тамгой; 16 – копейка Бориса Константиновича.

Fig. 2. Photo table with images of coins from the excavation: 1 – kufan dirham of Emir Nasr ibn Ahmad, 931-932; 2 – copper dinar with the name of an-Nasir, weight 2.70 g.; 3 – copper dinar reminted with the name of Mongke Khan, weight 3.54 g.; 4 – copper dinar reminted with the name of Mongke Khan, weight 2.69 g.; 5 – anepigraphic dirham C/82; 6 – anepigraphic dirham C/126; 7 – dirham of Uzbek Khan, Bulgar al-Mahrusa, 732 AH; 8 – dirham of Uzbek Khan, Sarai, 739 AH; 9 – pul "Tamga in a star", variant "Pulu / Bolgar", Bolgar, 732-736 AH; 10 – pul "Lion and Sun", Sarai, (737 AH); 11 – pul "Double-headed eagle", Sarai al-Jedid, weight 1.52 g.; 12 – dirham of Khidr-Khan, Gulistan, 762 AH; 13 – pul with countermark "Khan"; 14 – pul with countermark "Zafar" (Victory); 15 – akcha with the name of Muhammad and three-legged tamga; 16 – kopeck of Boris Konstantinovich.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И. Неопубликованные нумизматические материалы Болгарского городища 1960-х годов // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 116–123.

Бугарчев А.И. Ранний вариант болгарских медных динаров XIII в. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 152–166.

Бугарчев А.И., Беляев А.В. Нумизматические материалы из раскопа CLXVIII Болгарского городища // Поволжская археология. 2014. №2 (8), С. 165–175.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Болгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 202–225.

Валеев Р.М., Бугарчев А.И. Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 135–144.

Гисматуллин М.Р. Болгарские коллекции в собрании Ульяновского областного краеведческого музея // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге» / Ред. коллегия Бирюкова Г.М., Мухаметшин Д.Г., Фасхутдинов А.Н. Болгар: ООО «Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2020. С. 87–93.

Мухаметшин Д.Г. Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их проникновения // Археология Евразийских степей. 2019. №6. С. 240–251.

Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М.: Горячая линия-Телеком, 2005. 78 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 158–205.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 424–484.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 392–423.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 г. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 210–223.

Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 153–178.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Ушакова Стефания Витальевна, младший научный сотрудник отдела нумизматики, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия); UshakovaSV@shm.ru

REFERENCES

Bugarchev, A.I. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 116–123 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 152–156 (in Russian).

Bugarchev, A.I., Belyaev, A. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 165–175 (in Russian).

Bugarchev A.I., Petrov P.N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv. (Coin hoards of XIII – the first third of XIV centuries from Bolgar vilayat)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; “Shkola” Publ. (in Russian).

Bugarchev A.I., Sivitskiy M.V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 202–225 (in Russian).

Valeev, R. M., Bugarchev, A. I. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 135–144 (in Russian).

Gismatullin, M. R. 2020. In Biriukova, G. M., Mukhametshin, D. G., Faskhutdinov, A. N. (eds.). *Bolgarskii muzei-zapovednik – khranitel' kul'turnogo naslediiia (Bolgar Museum-Reserve as Keeper of Cultural Heritage)*. Bolgar, 87–93 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 240–251 (in Russian).

Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordyy. Katalog-opredelitel'. (Silver Coins of the Golden Horde Khans. Catalogue Search Guide)*. Moscow: “Goriachaia liniia – Telekom” Publ. (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Cities in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 158–205 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).

Yanina, S. A. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 424–484 (in Russian).

Yanina, S. A. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 2. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 392–423 (in Russian).

Yanina, S. A. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 210–223 (in Russian).

Yanina, S. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 153–178 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Aleksei I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Ushakova Stefaniya V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; UshakovaSV@shm.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.21

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.208.220>

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПЕРИФЕРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 2018–2019 ГГ.

© 2023 г. Р.Р. Валиев, Р.А. Степанов

А.П. Смирновым и его коллегами при изучении средневекового Болгара внимание уделялось не только исследованиям площадки городища, окруженной сохранившимися оборонительными сооружениями, но раскопкам подверглись и участки, примыкающие к укреплениям с юга и запада – Малый городок и Армянская колония, соответственно, а также подгорная и заречная часть памятника и поселение «Ага-Базар». Продолжая эти традиции в 2018–2019 гг. Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан на периферии Болгарского городища проводились археологические разведки, с целью установления современного состояния известных памятников в округе городища, а также проверки картографических, архивных материалов и сообщений жителей об обнаружении отдельных находок на территории современного г. Болгара. Археологическими разведками обследована «Армянская колония», а также семь перспективных участков, расположенных на территории современного г. Болгар и пос. Приволжский. Установлено, что сохранившиеся участки культурного слоя «Армянской колонии» перекрыты современным балластом. На двух участках обследования выявлены ранее неизвестные памятники археологии – Болгарское городское селище, предварительно датированное серединой XIII–XIV вв., и Приволжское (Подывановское) III селище (середина XIII–XIV вв. и единичные находки именьковской культуры IV–VII вв. н.э.).

Ключевые слова: археология, средневековье, культурное наследие, Болгар, городище, селище, Золотая Орда, культурный слой.

RESULTS OF SURVEY WORKS ON THE PERIPHERY OF THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT IN 2018-2019

R.R. Valiev, R.A. Stepanov

When studying medieval Bolgar, A.P. Smirnov and his colleagues paid attention not only to the site of the ancient settlement surrounded by the preserved defensive structures, but also excavated the areas adjacent to the fortifications from the south and west – Maliy Gorodok and Armenian colony, respectively, as well as the foot of the upper Volga terrace and backland parts of the monument and "Aga-Bazar" settlement. Continuing these traditions in 2018-2019 the archaeological reconnaissances were conducted by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences on the periphery of the Bolgar fortified settlement in order to establish the current condition of the monuments in the neighbourhood of the settlement, as well as to verify cartographic, archival materials and reports of residents on the discovery of individual finds on the territory of the modern town of Bolgar. "Armenian colony" as well as seven sites, located on the territory of the modern town of Bolgar and settlement of Privolzhsky, archaeologically surveyed. It was found that the preserved areas of the cultural layer of the "Armenian colony" are covered with modern ballast. Previously unknown archaeological objects – Bolgar urban-type unfortified settlement, preliminary dated to the middle of XIII–XIV centuries, and Privolzhskoye (Podyvanovskoye) III unfortified settlement (middle of XIII-XIV centuries and single finds of Imenkovo culture of IV–VII centuries AD) were revealed on two sites of the survey.

Keywords: archaeology, Middle Ages, cultural heritage, Bolgar, fortified settlement/city, unfortified settlement, Golden Horde, cultural layer.

Планомерные археологические раскопки Болгарского городища, организованные в 1938 г. А.П. Смирновым и позднее продолженные его учениками и коллегами, дали огромный археологический материал по истории развития города Болгара. С первых раскопок на территории городища А.П. Смирновым были

поставлены задачи по выявлению культурных напластований раннего Болгара, разработки стратиграфической шкалы городища, изучению социальной топографии, исследованию монументальных памятников, фортификации, объектов домостроительства и ремесла.

Куйбышевской археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова исследовалась не только площадка городища, окруженная сохранившимися оборонительными сооружениями, но раскопкам подверглись и участки, примыкающие к укреплениям с юга и запада – Малый городок и «Армянская колония», соответственно, а также подгорная и заречная части памятника и поселение «Ага-Базар». Эти исследования позволили получить целостную картину истории города Болгара в древности.

В 1945–1947 гг. проведены раскопки на краю коренной террасы левого берега р. Волги в 150 м к западу от укреплений Болгарского городища, где с XVIII в. были известны развалины христианского храма под названием Греческой палаты и надгробные плиты с армянскими эпитафиями. Попытка начать ее изучение предпринималась Обществом археологии, истории и этнографии в 1913–1916 гг. (Смолин, 1919, с. 67–73; 1926, с. 77).

Археологическими работами под руководством А.П. Смирнова выявлены следы фундамента и стен прямоугольной в плане каменной постройки длиной 16,4 м и шириной 12,6 м. Внутри здания у южной стены обнаружены два погребения. Кроме того, к юго-востоку от здания на площади 585 кв. м исследованы 113 погребений, совершенных в деревянных гробах. Костяки располагались вытянуто на спине головой на запад и юго-запад, руки соединены в нижней части груди. В 11 женских и детских погребениях обнаружены золотые и серебряные височные кольца, серьги, бусы, остатки шелковых тканей, расшитых золотыми и серебряными нитями, стилизованным растительным орнаментом и арабскими надписями. Исследователи интерпретировали данное здание и могильник как христианский храм с прилегающим к нему кладбищем армянской колонии XIV в. Погребения могильника прорезали культурный слой поселения, существовавшего в конце XIII–XIV вв. (Смирнов, 1946, с. 4–23; 1951, с. 185–195; 1954, с. 311; 1958, с. 330–359; Ефимова и др., 1947, с. 102–105).

Тогда же А.П. Смирнов провел небольшие раскопки бугров, расположенных в 1,5 км к западу от с. Болгары в лесу у дороги, ведущей в урочище «Ага-Базар». Траншеей шириной 1,5 м и длиной 15 м, разрезавший бугры установлено, что они образовались в результате

добычи камня в XVIII–XIX вв., возможно, из руин постройки золотоордынского периода (Смирнов, 1951, с. 195; 1958, с. 333).

Благодаря полученным результатам А.П. Смирнов полагал, что к армянской колонии с запада примыкал «поселок, представленный многочисленными каменными постройками, продолжающимися непосредственно до Ага-Базара» (Смирнов, 1954, с. 318). Позже, данные сведения были использованы при составлении свода археологических памятников Татарстана, где указано, что «Армянская колония» расположена «на нижней террасе левого берега р. Волга и тянется полосой (шириной 50 м от берега) в направлении урочища «Ага-Базар» на 3 км» (Свод..., 2007, с. 319).

На плане Болгарского городища с систематизированными ранее обозначенными объектами и дополненными деталями археологических наблюдений Н.Ф. Калинина 1932–1942 г., среди прочего под номерами 31 и 34 указаны «признаки вала» и руины «Греческой палаты» (Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8, оп. 1, д. 13). Следы укреплений имеют Г-образную форму, и одним концом выходят к краю коренной террасы, другим с запада примыкают к укреплениям Болгарского городища, ограничивая площадку подпрямоугольной формы размером около 200 x 260 м. Непосредственно, сама «Греческая палата» локализована в двух местах – за пределами и в пределах этих укреплений, и последняя как раз была раскопана А.П. Смирновым (рис. 1). В настоящее время территория памятника занята хлебоприемным пунктом и элеватором, местонахождение «Греческой палаты» и раскопов неизвестно.

Кроме того, на вышеупомянутом плане Болгарского городища, на основании данных подполковника Н. Савенкова, обозначен «северо-восточный окоп». Согласно плану, оборонительные сооружения, примыкающие к городищу с северо-востока, на краю коренной террасы огораживают площадку прямоугольной формы размером около 600 x 430 м. На планах второй половины XVIII в. данная укрепленная земляным валом площадка имеет несколько иную форму, например, на «Плане экономическому селу Болгар, что внутри земляного вала» она вытянута вдоль коренной террасы (РГВИА. Ф.418. Оп.1. Д.544. Л. 1). Однако, данная территория выпала из поля

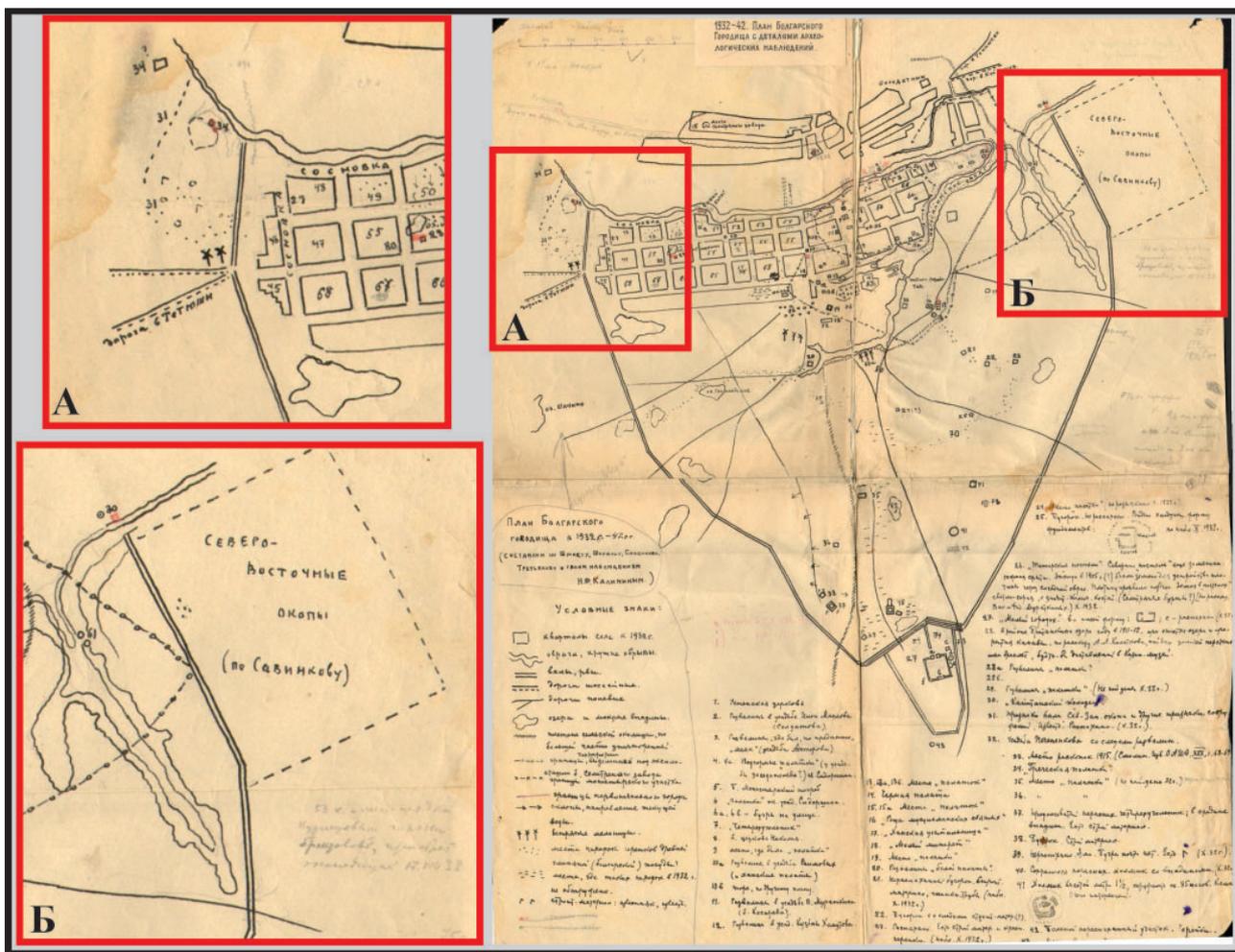

Рис. 1. План Болгарского городища по Н.Ф. Калинину 1932-1942 гг. (А – место расположения «Армянской колонии», Б – место расположения Приволжского (Подывановского) III селища).
Fig. 1. Plan of the Bolgar fortified settlement after N.F. Kalinin, 1932-1942 (A – location of the "Armenian colony", B – location of the Privolzhskoye (Podyvanovskoye) III settlement).

зрения археологов, и здесь археологические работы не проводились.

В 2018–2019 гг. Валиевым Р.Р. и Степановым Р.А. на периферии Болгарского городища проводились археологические разведки, целью которых являлось установление современного состояния известных памятников в округе Болгарского городища, а также проверка картографических, архивных материалов и сообщений жителей об обнаружении отдельных находок на территории современного г. Болгара. Работы осуществлялись в рамках разведочных исследований округа Болгарского городища, начатых Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан с 2014 г.

В 2019 г. обследовался край коренной террасы к западу от западных укреплений

Болгарского городища до ул. Гордеева (территория ХПП «Болгарское»), где локализуется «Армянская колония» с «Греческой палатой» (рис. 2: А). Обследуемая территория представляет собой мысовидную площадку прямоугольной формы. Площадка с севера ограничена краем террасы и молодым глубоким оврагом с обрывистыми склонами, с запада оврагом, вытянутым по оси СЗ–ЮВ. Основная площадка занята строениями ХПП «Болгарское», пространство между которыми большей частью асфальтирована, частично задернована. Край и склон террасы залесен. В процессе визуального обследования площадки подъемный материал не обнаружен, встречены лишь фрагменты известняковых камней, характерные для средневековых построек Болгарского городища.

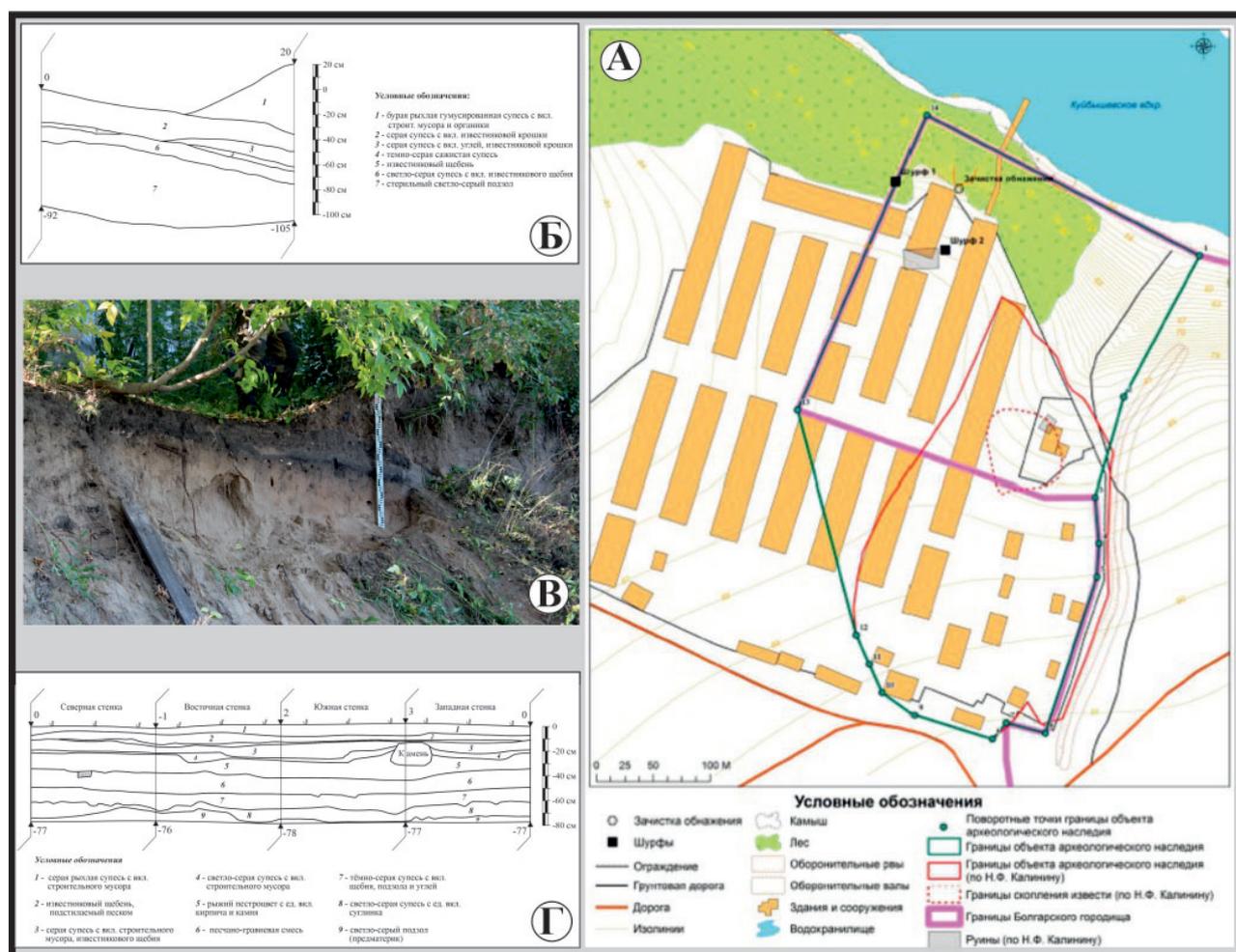

Рис. 2. «Армянская колония» (А – инструментальный топоплан памятника, Б – профиль зачистки края оврага, В – вид зачистки по краю оврага, Г – профили шурфа 2).

Fig. 2. "Armenian colony" (A – topographic plan of the site, taken with use of measuring devices, Б – profile of cleaning the edge of the ravine, В – type of cleaning along the edge of the ravine, Г – profiles of the prospect shaft 2).

После осмотра площадки была произведена зачистка почвенного обнажения по южному обрыву оврага, протяженностью 2 м (рис. 2: В), в 2 м к северу от ограждений территории ХПП «Болгарское», и заложено два шурфа размером 1 x 1 м. Стратиграфия зачистки представлена следующими прослойками (рис. 2: Б):

1) сверху располагалась бурая рыхлая гумусированная супесь с включениями строительного мусора и органики, толщиной до 55 см, которая образовалась в результате складирования и сброса в овраг грунта с органическими остатками с территории элеватора в начале XXI в.;

2) серая супесь с включениями известняковой крошки, мощностью 16–22 см, скорее всего, образовалась в результате хозяйствен-

ной деятельности и перемещения грунта во время функционирования Спасского хлебоприемного пункта и элеватора в XX в.;

3) серая супесь с включениями углей, известняковой крошки, мощностью до 12 см, датировку которой возможно допустить в широком хронологическом диапазоне от XVIII – до начала XX вв.;

4) темно-серая сажистая супесь, толщиной 4–5 см, прослеживаемая на многих участках Болгарского городища, является горизонтом, отделяющим слои средневекового Болгара от слоев русской деревни и современности, и датируется концом XIV – началом XV вв. (Хлебникова, 1987, с. 71);

5) известняковый щебень, толщиной до 4 см, возможно, связан с разрушением т. н.

«Греческой палаты», или иного каменного объекта в поздний золотоордынский период;

6) светло-серая супесь с включениями известнякового щебня, мощностью 8–12 см, вероятно, образовалась во время существования поселения, или некрополя в золотоордынский период;

7) стерильный светло-серый подзол.

Находок в прослойках не обнаружено, вследствие чего, датировка прослоек осуществлена по стратиграфическому положению.

Шурф 1 заложен на краю террасы левого берега р. Волга в 546 м к ССЗ от Восточного проезда Болгарского городища. Площадка местоположения шурфа 1 представляет собой участок, поросший деревьями, в 53 м к западу от места зачистки. Предматериковый стерильный светло-серый подзол выявлен на глубине 7–13 см от уровня современной дневной поверхности. Находок в шурфе не обнаружено, признаков наличия культурного слоя не зафиксировано.

Шурф 2 располагался в 485 м к ССЗ от Восточного проезда Болгарского городища и в 48 м к югу от места зачистки, на участке между хозяйственными строениями на территории ХПП «Болгарское». Стратиграфическая ситуация в шурфе выглядела следующим образом (рис. 2: Г). Сверху отложился современный балласт, мощностью 53 см, представленный серой рыхлой супесью с включениями строительного мусора, известняковым щебнем, серой супесью с включениями строительного мусора и известнякового щебня, светло-серой супесью с включениями строительного мусора, рыжим пестроцветом с единичными включениями кирпича и камня, песчано-гравиевой смесью. Они образовались во второй половине XX в., при строительстве и функционировании хлебоприемного предприятия и элеватора. Ниже залегает темно-серая супесь с включениями щебня, подзола и углей, мощностью 6–16 см. Нижняя граница данной прослойки волнистая, что характерно для следов от распашки. Она содержит находки серой русской керамики XVIII–XX вв. и переотложенный фрагмент поливного кашинного сосуда. Очевидно, прослойка является слоем пашни XVIII – начала XX вв. Ниже располагается светло-серая супесь с единичными включениями рыжего суглинка, мощностью 3–13 см. Она покоится на стерильном светло-сером подзоле, и, скорее всего, отно-

сится к периоду существования на данной территории поселения и могильника второй половины XIII – первой половины XV вв.

Порядок накопления прослоек в шурфе 2 (за исключением современного балласта, отложившегося во второй половине XX в.), аналогична стратиграфической ситуации, выявленной А.П. Смирновым при исследовании «Армянской колонии» в 1945–1947 гг. (Смирнов, 1951, с. 186). На основе этого можно утверждать, что сохранившиеся участки культурного слоя «Армянской колонии» законсервированы современным балластом.

Работам на «Армянской колонии» предваряли масштабные археологические разведки 2018 г. на семи участках, расположенных на территории современного г. Болгар и пос. Приволжский (рис. 3). Археологические работы состояли в обследовании участков путем шурфовки. На участках обследования было заложено 75 шурфов размерами 2x2 м, общей площадью 300 кв. м.

Участок 1 располагался к западу от «Армянской колонии» в северной части г. Болгара. Он с северо-запада и северо-востока ограничен глубокими оврагами, заросшими смешанным лесом, с юга территорией заброшенного мясокомбината. Здесь вдоль переулочка Гордеева заложены 4 шурфа, общей площадью 16 кв. м. На участке 2, расположенном в западной части г. Болгара, в лесном массиве в 190 м к северо-западу от оз. Рабиги (Мочилице) на мысовом выступе, образованном схождением двух безымянных оврагов, заложены 3 шурфа общей площадью 12 кв. м. На участке 3, расположенном в южной части г. Болгара в районе безымянного пересохшего озера, ограниченного улицами Малосадовая, Карла Маркса и Лихачева, заложены 8 шурфов. Общая площадь шурфов составила 32 кв. м. Участок 4 располагался в центральной части г. Болгара к востоку от пересохшей южной части озера Шачино (Шошино). Здесь, вдоль ул. Кирова, на отрезке пересечения с улицами Антона и Коммунальной, заложены 3 шурфа общей площадью 12 кв. м. На участке 5, расположенном между ул. Смирнова и западным отрезком укреплений Болгарского городища, вдоль вала со рвом заложены 13 шурфов общей площадью 52 кв. м. Участок 6 располагался на территории пос. Приволжский, и с востока примыкал к оборонительным сооружениям Болгарского городища. На

Рис. 3. Космоснимок месторасположения Болгарского городища с прилегающей территорией с указанием участков археологического обследования 2018 г. (дата обращения: 07.09.2018 г.)
Fig. 3. Satellite image of the location of the Bolgar fortified settlement with the adjacent area, indicating the sites of the archaeological survey in 2018 (accessed 07.09.2018).

данном участке заложены 36 шурфов общей площадью 144 кв. м. На участке 7, расположенном к юго-востоку от укреплений Болгарского городища, в районе оз. Подорлово, заложены 8 шурфов, площадь которых составила 32 кв. м.

На пяти из них (участки 1, 2, 4, 5, 7) археологических находок и иных признаков культурного слоя не обнаружено. Стратиграфический разрез, в основном, демонстрировал следующую картину: под дерном залегала темно-серая и серая супесь, как правило, подстилаемая светло-серым подзолом, залегающим на рыжем материковом суглинке.

На остальных двух участках (участки 3 и 6) выявлены ранее неизвестные памятники археологии – Болгарское городское селище и Приволжское (Подывановское) III селище.

Болгарское городское селище выявлено на третьем участке обследования, который располагался в южной части г. Болгар к юго-востоку от безымянного пересохшего озера,

ограниченного улицами Малосадовая, Карла Маркса и Лихачева, в 0,7 км к западу от укреплений Болгарского городища, в 1,42 км к юго-западу от Западного проезда и в 1,66 км к северо-западу от Южного проезда городища. Озеро наполнялось водой за счет грунтовых вод и ключей в его центральной части, но вследствие заиливания источников в процессе хозяйственной деятельности полностью пересохло менее 10 лет назад. В последние годы в результате срезки склонов и подсыпки грунта для выравнивания территории существующих домовладений и застройки новых участков чаша озера претерпела серьезные изменения. На текущий момент поверхность озерного котлована полностью задернована и используется местными жителями в качестве пастбища (рис. 4: А).

В шурфах 8 и 8а, заложенных к юго-востоку от центра площадки, ранее являющейся дном озерного бассейна, на расстоянии 63 м друг от друга, прослежена схожая ситуация

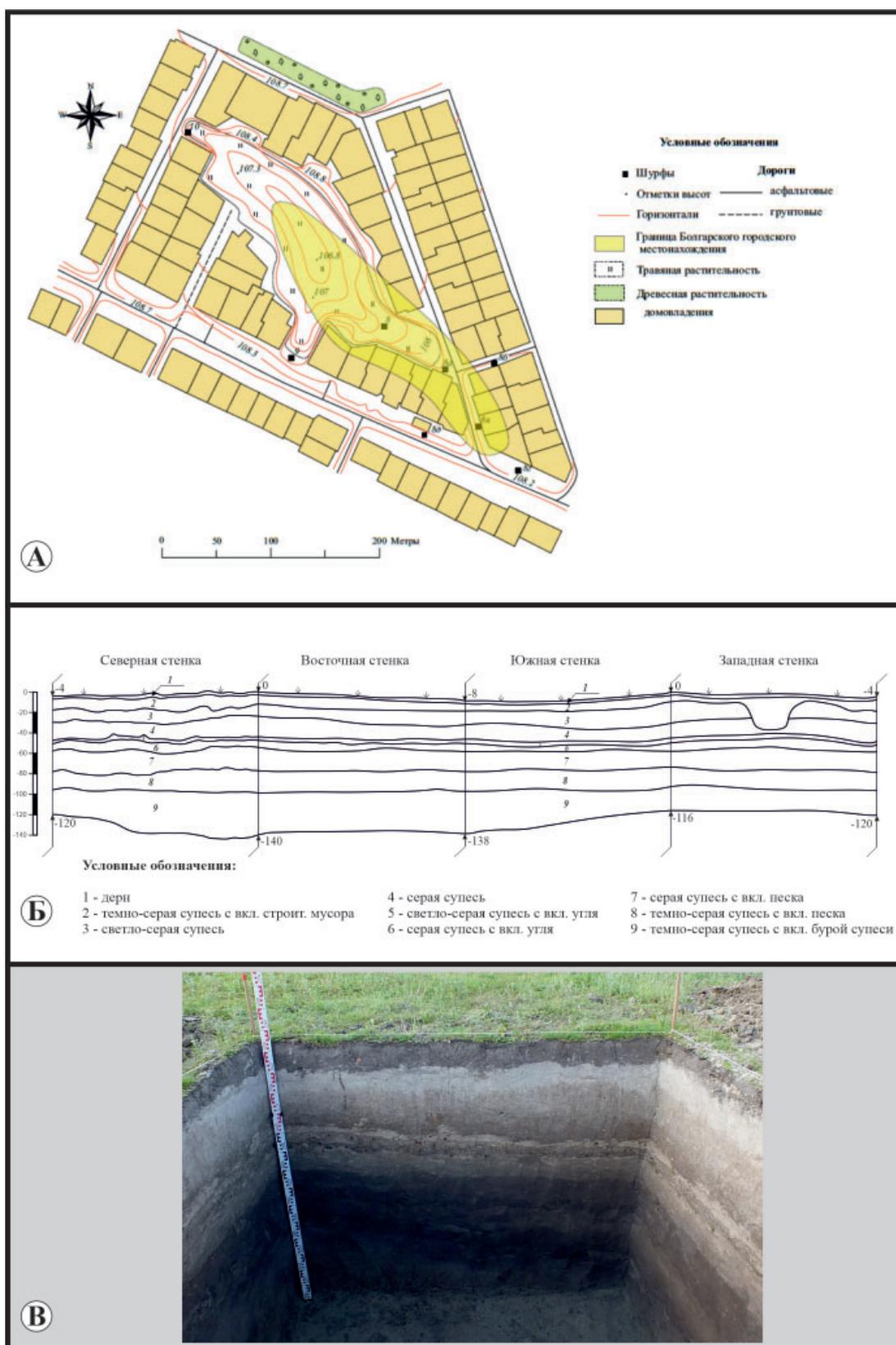

Рис. 4. Болгарское городское селище (А – инструментальный топоплан памятника, Б – профили шурфа 8, В – фото северной стенки шурфа 8).

Fig. 4. Bolgar urban-type unfortified settlement (A – topographic plan of the site, taken with use of measuring devices, Б – profiles of the prospect shaft 8, В – photo of the northern wall of the prospect shaft 8).

образования напластований, понижающихся к центру озера. Под дерном залегает темно-серая супесь с включениями современного строительного мусора, мощностью от 5 до 30 см. Ниже располагается серия илистых прослоек серого и светло-серого оттенка, часто содержащих песок, суглинок, иногда угли, сформировавшихся в результате смыва и вымывания почвы со склона при движении воды. Их общая мощность составляет 35–125 см. В шурфе 8 ниже (на глубине 45–50 см от современной поверхности) залегает серая супесь с включениями песка, мощностью 16–20 см. Она содержит 5 фрагментов общеболгарской красноглиняной керамики, 5 фрагментов печной обмазки и 12 единиц железного шлака. В шурфе 8а на глубине 120–130 см от современной поверхности залегает прослойка рыжего суглинка, мощностью 30–54 см, покоящаяся на прослойке песка с единичными включениями углей, мощностью 10–16 см. С этих прослоек происходит 8 фрагментов керамики (по 4 фр. общеболгарского и древнерусского сосудов), 8 единиц железного шлака и 1 крица (рис. 6: 2–5). В шурфе 8 ниже располагаются темно-серая супесь с включениями песка и бурой супеси, мощностью 38–68 см. В шурфе 8а ниже залегает группа прослоек серого и темно-серого оттенка с единичными включениями суглинка, угля и линзы песка, общей мощностью 2–15 см. Они покоятся на рыжем материковом суглинке, который в шурфе 8 располагается на глубине 116–140 см от уровня современной поверхности, в шурфе 8а – на глубине 162–192 см (рис. 4: Б–В).

В шурфе 8в, заложенном в 65 м к юго-востоку от шурфа 8а на месте начала понижения в сторону озера, на пересечении улиц Карла Маркса и Лихачева, илистые прослойки отсутствовали. Здесь под дерном, чередуясь, залегали прослойки желтого песка с суглинком и серой супеси с единичными включениями угля, образовавшиеся в результате жизнедеятельности в XX–XXI вв. Их общая мощность составила 24–38 см. Они покоятся на серой супеси, толщиной 8–22 см. В прослойке обнаружены 6 фрагментов общеболгарской красноглиняной керамики, 3 фрагмента водопроводной трубы (рис. 6: 1, 6–7). Данная прослойка располагается на темно-серой и светло-серой супеси, общей толщиной 3–12 см, которые залегают на серой

супеси, мощностью 30–36 см. Ниже покоится рыжий материковый суглинок.

На остальных пяти шурфах (шурфы 8б, 8г, 8д, 9 и 10), заложенных как к востоку, юго-востоку, югу от шурфов с археологическим материалом (шурфы 8, 8а, 8в), и располагавшихся на улицах Урожайная и Лихачева, так и на противоположном северо-западном берегу пересохшего озера (шурф 10), признаков наличия культурного слоя не выявлено. Напластования в данных шурфах представлены, в основном, темно-серой и серой супесью с включениями современного строительного мусора, а также прослойками рыжего суглинка и желтого песка. Их общая мощность составляет 40–100 см.

В результате работ на данном памятнике установлены его предварительные границы, площадь которого составила 0,91 га. Северо-западная граница селища проведена достаточно условно и требует корректировки, так как, очевидно, что поселение не могло располагаться в чаше озера. Включение части чаши озера в площадь памятника объясняется соображениями возможного наличия в нем археологических находок. Детальное определение отдельных участков границ памятника затруднительно вследствие плотной частной городской застройки.

Таким образом, Болгарское городское селище располагается в южной части г. Болгар к юго-востоку от безымянного пересохшего озера, ограниченного улицами Карла Маркса и Лихачева, в 0,7 км к западу от укреплений Болгарского городища. Памятник является золотоордынским селищем, на данном этапе датируемый широким хронологическим диапазоном – серединой XIII–XIV вв. Мощность культурного слоя памятника составляет 8–54 см, который перекрыт современным слоем (вторая половина XX – начало XXI вв.).

Приволжское (Подывановское) III селище выявлено на шестом участке обследования, который располагался на территории пос. Приволжский (рис. 5: А). Участок обследования с востока примыкал ко рву и валу Болгарского городища, с севера ограничивался краем коренной террасы левого берега р. Волга, с востока и юга маркировался лесопосадкой. Участок обследования размерами 640 x 770 м с относительно ровной поверхностью, имеет

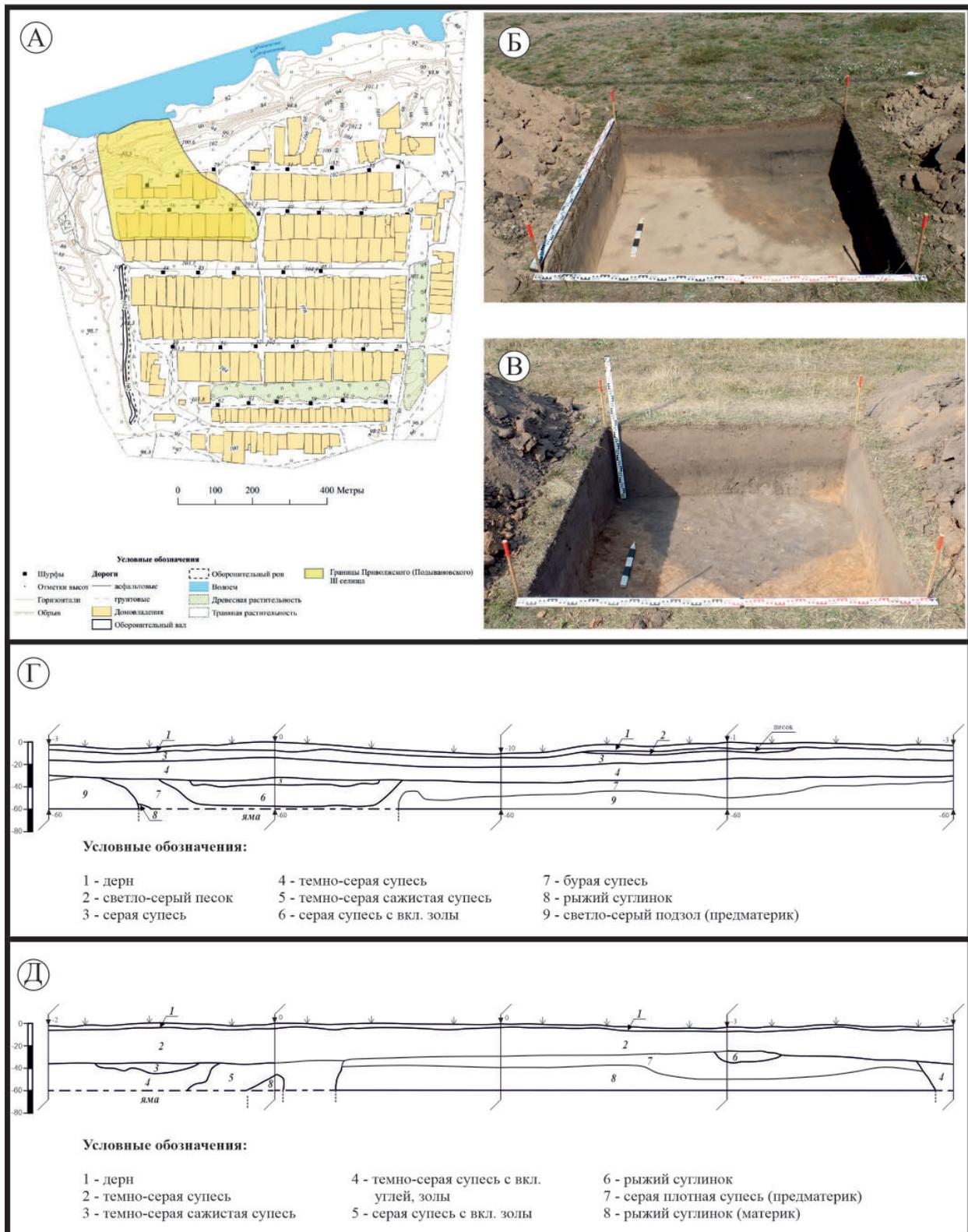

Рис. 5. Приволжское (Подвывановское) III селище (А – инструментальный топоплан памятника, Б – вид с юга шурфа 35 на уровне предматерика, В – вид с юга шурфа 38 на уровне материка, Г – профили шурфа 35, Д – профили шурфа 38).

Fig. 5. Privolzhskoye (Podvyvanovskoye) III settlement (A – topographic plan of the site, taken with use of measuring devices, Б – view from the south of the prospect shaft 35 at the level of the virgin soil, В – view from the south of the prospect shaft 38 at the level of the virgin soil, Г – profiles of the prospect shaft 35, Д – profiles of the prospect shaft 38).

общее понижение на юго-запад, впадины от котлованов сооружений и всхолмления от руинированных объектов не прослеживались. Подъемный материал на площадке не обнаружен.

На «Плане Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского царства» на данном участке отмечено прямоугольное дополнительное оборонительное сооружение, обозначенное как «северо-восточный окоп по Савенкову» (НА РТ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об.). Судя по плану, укрепление одним концом выходило на край коренной террасы, другим – севернее Восточного проезда упиралось в ров Болгарского городища, оконтуривая площадку размером около 600 x 430 м.

На территории пос. Приволжский вдоль края коренной террасы и улиц Клубная, Школьная, Пионерская и Молодежная, с интервалом от 60 до 160 м друг от друга, заложены 36 шурфов (шурфы 27–62) (рис. 5: А). В 5 шурфах (шурфы 27–28, 35–38) обнаружен культурный слой, содержащий археологические находки, а также выявлены заглубленные в материк объекты – ямы. Стратиграфическая ситуация в шурфах с культурным слоем следующая (рис. 5: Г–Д). Под дерном залегают темно-серая супесь мощностью 10–28 см, содержащая переотложенный археологический материал, и образовавшаяся в результате распашки в XIX–XX вв. На отдельных участках она перекрыта прослойкой песка толщиной 3–8 см и серой супесью мощностью 6–10 см, отложившихся во второй половине XX вв. В шурфах, не выявивших сооружения, ниже залегает песок толщиной 42–80 см, или серая супесь мощностью 15–25 см. Они покоятся на рыжем материковом суглинке. В шурфах с археологическими объектами, ниже залегает темно-серая сажистая супесь, мощностью 2–8 см. Данная прослойка фиксируется практически на всей территории Болгарского городища, в основном, в виде просадки грунта в нижележащие сооружения, и характеризует горизонт, отделяющий слои средневекового Болгара от напластований русской деревни и современности, и датируется концом XIV – началом XV вв. (Хлебникова, 1987, с. 71). Данная прослойка перекрывает нижележащие отложения и заполнения ямных объектов, выявленных в шурфах 35 и 38. Одна из ям проявилась в виде пятна округлой формы диаметром около 2 м (рис. 5: Б), вторая –

прямоугольной формы, углами ориентирована по сторонам света (рис. 5: В). Вероятно, первая из них является хозяйственной ямой, форма второй ямы характерна для подвалов или полуземлянок. Объекты не вскрывались и законсервированы на уровне выявления.

Находки селища состоят из фрагментов керамической посуды, дымогарных труб, печной обмазки и шлака. Большая часть керамических сосудов (27 фр.) представлена фрагментами общеболгарских кувшинов, корчаг и крышки (I ЭКГ по классификации Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988)) (рис. 6: 8–10) и фрагментами котлов среднеазиатских истоков (XIX ЭКГ) (рис. 6: 12–16). Имеется 1 фрагмент лепного горшка прикамских истоков (VII ЭКГ) (рис. 6: 11). Кроме того, выявлено 17 фрагментов лепных горшков именьковской культуры, которые концентрируются в районе шурфов 36 и 38. При этом они встречены как отдельно, так и в совокупности с золотоордынским материалом.

На остальных 31 шурфах, заложенных к востоку, юго-востоку, югу от шурфов с археологическим материалом, признаков наличия культурного слоя не выявлено, хотя последовательность отложений схожая со стратиграфией шурфов с культурным слоем.

В результате работ выявлен ранее неизвестный памятник археологии, площадью 8,09 га, с востока вплотную примыкающий к укреплениям Болгарского городища, и получивший название Приволжское (Подывановское) III селище. Оно занимает северо-западную часть пос. Приволжский в пределах частных участков по ул. Клубная до ее пересечения с безымянным переулком. Исходя из незначительной мощности культурного слоя можно предположить, что данная территория осваивалась непродолжительное время. Судя по находкам, изначально здесь располагалось небольшое поселение именьковской культуры (IV–VII вв.). Позднее, в период наивысшего развития города Болгара в 30–40-х гг. XIV в., данный участок осваивается заново. Нельзя исключать того, что до возведения городских укреплений середины XIV в. данный участок мог относиться к северо-восточной периферии золотоордынского Болгара. Подобные участки с наличием золотоордынского слоя и объектов 30–40 гг. XIV в. ранее были зафиксированы при изучении западной и южной

Рис. 6. Фрагменты керамики с Болгарского городского селища (1–7) и Приволжского (Подывановского) III селища (8–16): (1, 6–7 – шурф 8в, 2–3 – шурф 8, 4–5 – шурф 8а, 8–9, 11–16 – шурф 35, 10 – шурф 38).
Fig. 6. Shards of pottery from the Bolgar urban-type unfortified settlement (1-7) and Privolzhskoye (Podyvanovskoye) III settlement (8-16): (1, 6–7 – prospect shaft 8в, 2-3 – prospect shaft 8, 4-5 – prospect shaft 8а, 8-9, 11-16 – prospect shaft 35, 10 – prospect shaft 38).

частей вала Болгарского городища (Бадеев, 2020, с. 41, 42, рис. 43).

В том же 2018 г. к юго-востоку от шурфов с культурным слоем (в юго-восточной части селища) под руководством А.Г. Ситдикова и А.В. Худякова проведены раскопки на площади 60 кв. м. На раскопе ССXXXVII (по единой нумерации раскопов Болгарского городища) выявлен и исследован всего

1 объект – яма овальной формы, с которой происходят все обнаруженные на раскопе находки – всего 33 предмета. Находки представлены просверленным бараньим альчиком, ошлакованной керамикой (2 фр.), железным шлаком (13 фр.), фрагментами криц (7 фр.) и костями животных. Яма датирована общим золотоордынским временем (Ситдигов, 2019).

Таким образом, благодаря проведенным археологическим разведкам в 2018–2019 гг. на периферии Болгарского городища выявлены два новых объекта культурного наследия – Болгарское городское селище и Приволжское (Подывановское) III селище, предварительно датированные серединой XIII – XIV вв. (на последнем имеются единичные находки именьковской культуры IV–VII вв. н.э.). Первый из них располагается к юго-востоку от безымянного пересохшего озера в 0,7 км к западу от укреплений Болгарского городища; второй – занимает северо-западную часть пос. Приволжский и с востока вплотную примыкает к укреплениям Болгарского городища. Кроме того, обследования «Армянской колонии» показали перекрытие сохранившихся участков культурного слоя современным балластом.

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю. Планировка средневекового Болгара (X–XV вв.). Дисс... канд. ист. наук. М., 2020. 267 с.

Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. Вып. 21 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 102–111.

План Болгарского городища с деталями археологических наблюдений, составленный Н.Ф. Калиным в 1932–34 гг. / Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8, оп. 1, д. 13.

План Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского царства / НА РТ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об.

План экономическому селу Болгар, что внутри земляного вала / РГВИА. Ф.418. Оп.1. Д.544. Л. 1.

Свод археологических памятников Республики Татарстан. Т. 3/ Отв. ред. А.Г. Ситдигов, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.

Ситдигов А.Г. Отчет об археологических исследованиях в поселке Приволжский (в буферной зоне Болгарского историко-археологического комплекса) на раскопе ССХХХVII в 2018 году. Казань, 2019. 73 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.488

Смирнов А.П. Отчет об исследовании городища Великие Болгары в 1945 г. М., 1946. 70 л.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: изд-во АН СССР, 1954. С. 302–324.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИЭ. Т. XXX, вып.1. Казань, 1919. С. 67–73.

Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань: Госиздат ТССР, 1926. 88 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 34–89.

Хлебникова Т.А. Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия), vrr80@yandex.ru

Степанов Родион Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); outdancer@bk.ru

REFERENCES

Badeev, D. Yu. 2020. *Planirovka srednevekovogo Bolgara (X–XV vv.) (Planning of medieval Bolgar (X–XV centuries))*. Diss. Of Candidate of Historical sciences. Moscow (in Russian).

Efimova, A. M., Khovanskaya, O. S. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 102–111 (in Russian).

Plan Bolgarskogo gorodishcha, sostavlenniy N.F. Kalininy (Plan of Bolgar Fortified Settlement compiled by N.F. Kalinin). Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 13 (in Russian).

Plan Velikogo Grada Bolgar, drevney stolitsy Bolgarskogo tsarstva (Plan of the Great Bolgar, the ancient capital of the Volga Bulgaria). National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 200, inv. 1, dossier 53, p. 2 (in Russian).

Plan ekonomicheskomu selu Bolgar, chto vnutri zemlyanogo vala (Plan of the economic village of Bolgar, which is inside the earthen rampart). Russian State Archive of Military History. Fund 419. Inv. 1, dossier 544, sheet 1 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Tatarstan (Summary of the Republic of Tatarstan Archaeological Sites)*. Kazan (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v poselke Privolzhskiy (v bufernoy zone Bolgarskogo istoriko-arkheologicheskogo kompleksa) na raskope CCXXXVII v 2018 godu (Report on archaeological studies in the settlement of Privolzhsky (in the buffer zone of the Bolgar historical and archaeological complex) on the CCXXXVII excavation in 2018)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, vol. 1, p. 242 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1946. *Otchet ob issledovanii gorodishcha Velikie Bulgary v 1945 g (Report on the study of Great Bolgar city in 1945)*. Moscow (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum. Issue XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 302–324 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330–359 (in Russian).

Smolin, V. F. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Proceedings of the Society of History, Archaeology And Ethnography Affiliated to the Kazan University)* vol. 30, issue 1. Kazan, 67–73 (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. *Po razvalinam drevnego Bulgara (On the ruins of ancient Bolgar)*. Kazan: "Gosizdat" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 34–89 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Stepanov Rodion A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; outdancer@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ИССЛЕДОВАНИЯ А.П. СМИРНОВА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ БУЛГАРСКИХ ГОРОДИЩ

© 2023 г. А.М. Губайдуллин

Статья посвящена археологическим исследованиям крепостных сооружений Волжской Булгарии известного археолога-булгароведа А.П. Смирнова, одного из основоположников болгарской археологии. Его археологические работы на памятниках Волжской Булгарии, начатые им еще в 30-х гг. XX в., послужили толчком для развития и дальнейшего продолжения исследований средневековых городищ, расположенных на территории Среднего Поволжья. Одним из важных направлений в археологии, которые развивал А.П. Смирнов, было изучение укрепленных поселений X–XIV вв. В частности, он обращал серьезное внимание на оборонительные сооружения данных городищ, пытался определить развитие военно-инженерной мысли того времени в регионе. В статье приводятся его видение, интерпретация памятников фортификации болгарского периода истории Среднего Поволжья. Благодаря археологическим раскопкам, проведенным исследователем, мы получили одни из первых материалов по данной теме. Это позволило его коллегам и последующим поколениям ученых – археологов, историков и краеведов использовать интереснейшие научные данные, опираться на них в работе и, таким образом, продолжать археологические исследования оборонительных линий болгарских городищ.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, болгарские городища, изучение фортификации.

STUDIES OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENTS DEFENSIVE STRUCTURES BY A.P. SMIRNOV

A.M. Gubaidullin

The paper considers the archaeological studies of the Volga Bulgaria fortifications by the famous archaeologist – researcher of Bolgar A.P. Smirnov, one of the founders of Bolgar archaeology. His archaeological works on the Volga Bulgaria sites, started in the 30s of the XX century, served as an impulse for the development and further continuation of studies of medieval fortified settlements, located in the Middle Volga region. One of the important directions in archaeology, developed by A.P. Smirnov, was the study of fortified settlements of the X–XIV centuries. In particular, he paid serious attention to the defensive structures of these settlements, tried to determine the development of military engineering of that time in the region. The article presents his insight and interpretation of the fortification sites of the Bolgar period. Due to the archaeological excavations by the researcher, we got some of the first materials on the subject. This allowed his colleagues and following generations of scientists – archaeologists, historians and specialists in local history to use the most interesting scientific data, to lean on it in their work and, thus, to continue the archaeological studies of the defensive lines of the Bolgar fortified settlements.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Bolgar settlements, fortification study.

Оборонительные сооружения древности являются одними из важных показателей степени развития любого государства еще с момента их появления тысячелетия назад. Поэтому на них стало обращать больше внимания в наше время, однако, еще не достаточно полно. Обычно продолжается их изучение попутно с другими задачами, в виде дополнения и только в немногочисленных случаях это делается целенаправленно. Так на территории Среднего Поволжья памятники фортификации, в том числе и средневековые, привлекают внимание и изучаются так или иначе уже на протяжении двух столетий.

Начало же крупномасштабных исследований в регионе справедливо связывается с именами А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина.

В частности, укрепления Суварского городища, расположенного в Закамье, исследовались археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова уже в 1933–1937 гг. (рис. 1). Благодаря внимательному осмотру крепостных сооружений, исследователем уже в то время был сделан вывод о различной сохранности оборонительных валов памятника. Он отметил и то, что во время основания поселения использовался также и рельеф местности, в том числе и для оборонитель-

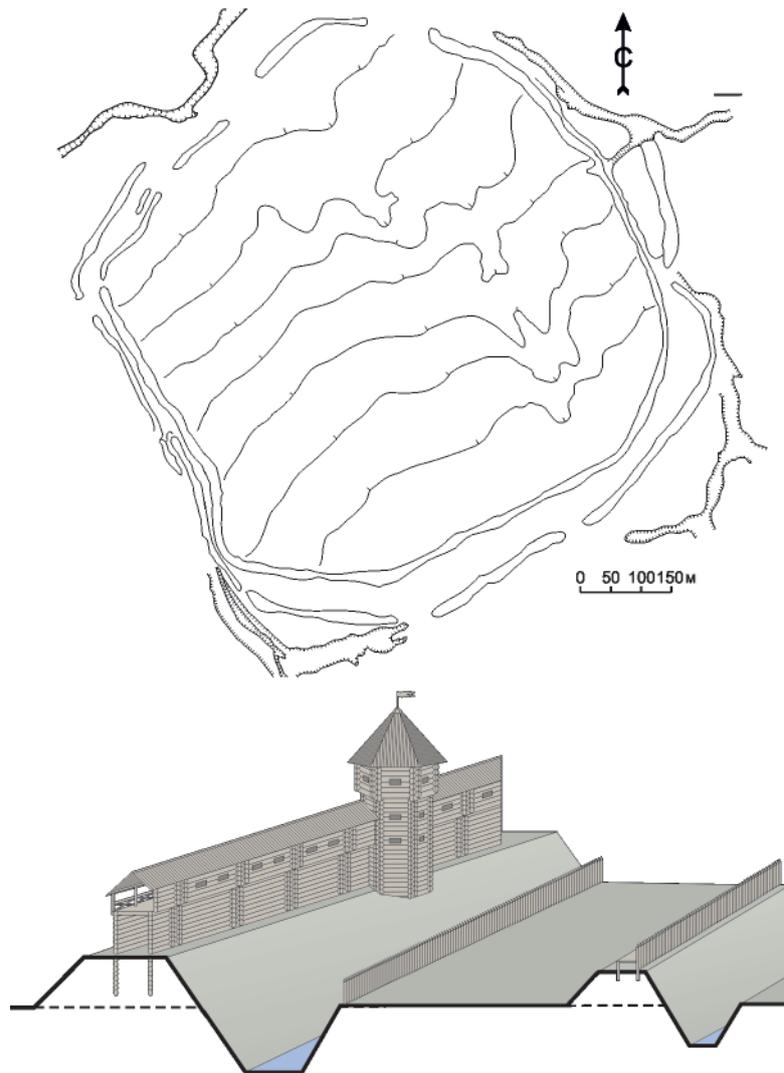

Рис. 1. План городища Сувар (по Т.А. Хлебниковой).
Вариант реконструкции оборонительных сооружений.

Fig. 1. Plan of the Suvar fortified settlement (by T.A. Khlebnikova).
A variant of the reconstruction of defensive structures.

ных возможностей. Например, им указывалось на использование и углубление оврагов, имевшихся здесь. По мнению А.П. Смирнова, показателем этого являлось разное соотношение линий обороны по отношению друг к другу, которые зачастую были устроены на разном расстоянии друг от друга и не шли параллельно. Также, в северной части городища, по мнению исследователя, находилась крепостная башня, чьи остатки выявились в виде деревянного основания четырехугольной формы (Смирнов, 1933, с. 1).

В процессе исследований А.П. Смирнов определил, что оборонительная насыпь вала, имевшего высоту около 2 м, состояла из суглинка, утрамбованного с черноземом и кусками глиняной обмазки в тулове. Также,

внутри нее им фиксировались остатки деревянной конструкции в виде четырехугольного сруба. Он предположил, что подобные сооружения были установлены по всему периметру города и состояли из срубов, поставленных впритык друг к другу¹. Сами срубы были заполнены смешанным грунтом, состоящим из чернозема, суглинка и кусков глиняной обмазки. По мнению А.П. Смирнова, данные конструкции имели длину около 5 м, а ширину в 3,5 – 4 м (Смирнов, 1951, с. 234).

По результатам исследований крепостного рва была выяснена его первоначальная глубина, заложенная в период его строительства. Она равнялась 5 м, в то время как сам объект был выкопан в грунте, состоящем из супеси, что потребовало устройства дополнительного

укрепления его эскарпа и контр-эскарпа слегами и кольями из дерева². Они были призваны препятствовать оплыву склонов рва и для этого более чаще уложены в верхней его части (Смирнов, 1934, с. 1). Это не является случайным фактом, т.к. говорит о том, что оплыв верхней части отлогостей эскарпа и контр-эскарпа был более интенсивным, поэтому и существовала такая необходимость. Опираясь же на факт обнаружения в месте разрыва крепостного вала остатков столбовых ям, А.П. Смирновым был сделан смелый вывод об имевшемся здесь в древности мосту через ров и, соответственно, проездных ворот города, которые имели ширину около 6 м. Также остатки внутривальных конструкций были выявлены им и со стороны р. Утка, в чьем левобережье находится данное городище. Во время археологических исследований выявились и остатки многоугольного сооружения, сгоревшего при пожаре. Как полагал исследователь, это была крепостная башня, которая в значительной степени выступала наружу за пределы оборонительной стены. Сам же тип последней представлял собой тыновую ограду, шедшую по верху вала (Смирнов, 1934, с. 1-2; Смирнов, 1951, с. 236).

Основываясь на больших исследованиях, в 1951 г. А.П. Смирнов опубликовал монографию «Волжские болгары». В ней он рассматривал в частности и болгарское военное оборонительное дело. В этой работе автор пришел к парадоксальному заключению, что умея возводить крепости и другие системы обороны, которые отвечали всем требованиям военного дела в то время, тем не менее болгары не блестяще защищали свои города. Он объяснил данную мысль тем, что болгарская военная тактика походила на тактику ведения боя сармат, исходя из установки того периода развития историко-археологической науки, утверждавшей об имевшихся пережитках кочевого быта (Смирнов, 1951, с. 88-89). Однако, в наше время мысль о пережитках и чистом кочевничестве различных племен в Средние века уже пересмотрена. В дополнение нужно отметить, что навыки в строительстве передовых крепостных сооружений, безусловно, подразумевает и знания о принципах их обороны, а также и проведения осадных мероприятий. Можно было бы согласиться с этим, если считать, что все оборонительные сооружения на территории Волжской

Булгарии создавались пришлыми строительными артелями или иностранными военными специалистами. Однако это также невозможно в силу целого ряда веских причин, касающихся, например, суверенитета государства, имеющейся собственной строительной технологии, основанной на традициях, ее неизбежного развития на протяжении длительного времени и, что немаловажно, денежной составляющей.

Тему т.н. «длинных валов» также затронул своим вниманием А.П. Смирнов. По его мнению, укреплений болгарских городищ было недостаточно для обороны своего государства. Поэтому и были возведены эти оборонительные линии (Смирнов, 1951, с. 94). Здесь также имеют место произвольные выводы исследователя. Его точка зрения основывалась лишь на умозрительных построениях. В то время ни один из «длинных валов» еще не исследовался археологически. Не существовало и не существует до сих пор и каких-либо других материалов, включая и письменные источники. Судя по всему, никто раньше и не думал о возможной принадлежности их к более поздним временам, когда уже существовало централизованное Русское государство.

В то время продолжалось также и изучение Болгарского городища, начавшееся еще в довоенное время, возрастает и интерес к его оборонительным линиям домонгольского и золотоордынского времени. Так на основе результатов археологических исследований памятника в 1969 г. вышла совместная статья Ю.А. Краснова, А.П. Смирнова и Т.А. Хлебниковой, где они отметили извилистую систему укреплений Болгара, строительство которой относится к 40-м гг. XIV в. и констатировали это как специальный фортификационный прием для обеспечения флангового обстрела приближающегося к стенам города противника (Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969, с. 220). Нужно сказать, что такой прием был характерен для многих древних и средневековых городищ. Он обычно применялся, когда не было крепостных башен, призванных, в том числе, и для фланкирования подступов непосредственно к оборонительным сооружениям, а также мог являться дополнением к данным узлам обороны. Не считая основных валов, авторы предполагали о наличии дополнительных укреплений в виде «Малого городка», «Окопа Савенкова» и «Армянской

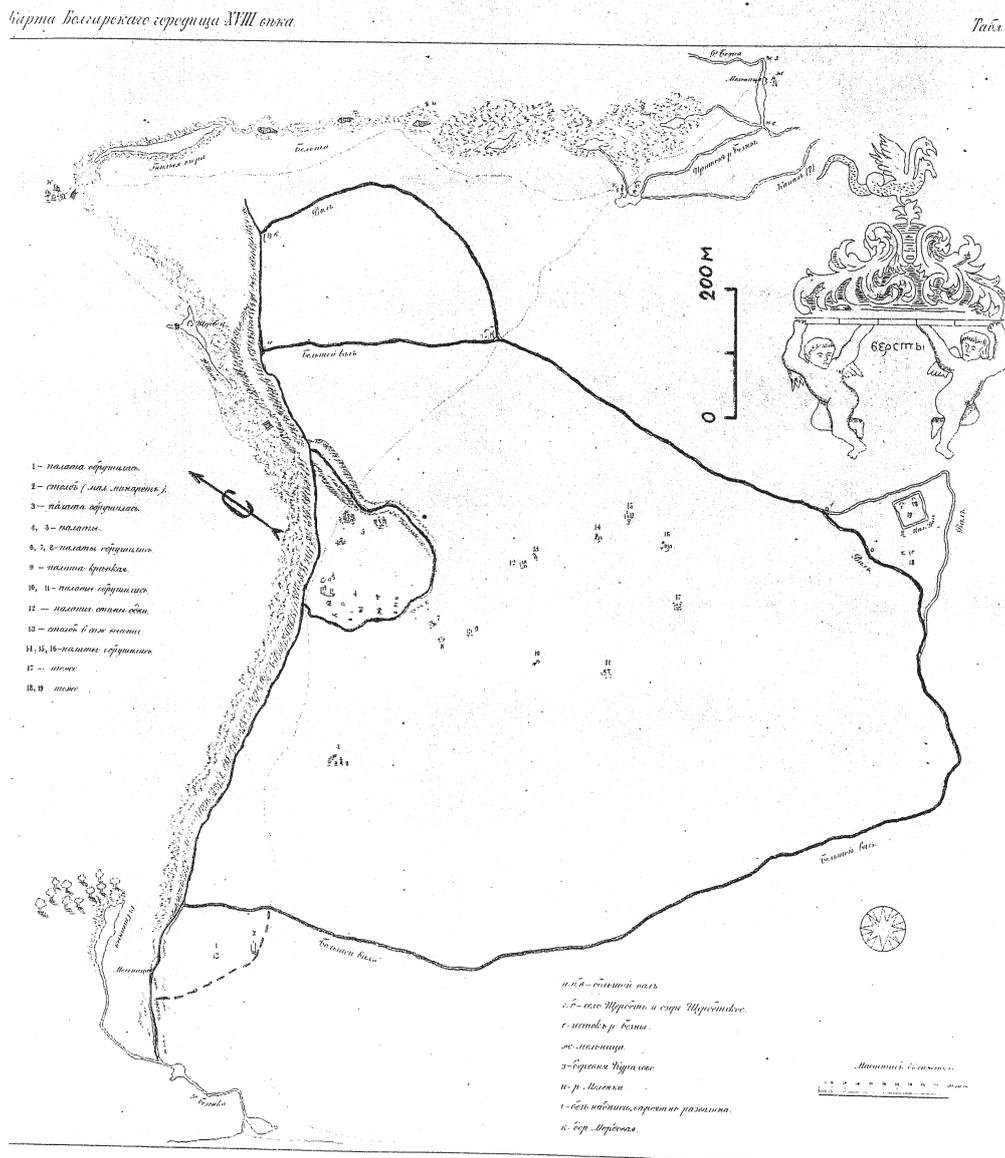

Рис. 2. План Болгарского городища 1-ой пол. XVIII в. Н. Савенкова и И. Крапивина.

Fig. 2. Plan of the Bolgar fortified settlement of the 1st half of the XVIII century by N. Savenkov and I. Krapivin.

колонии». В последнем случае они указывали на имевшиеся какие-то укрепления, отображенные на старых планах. По их мнению, все они выполняли роль специально устроенных фортов, которые прикрывали подъездные дороги к городу с западной, южной и восточной сторон (Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969, с. 220) (рис. 2).

Проводя археологические исследования уже на территории Предволжья, на Больше-тоябинском городище, расположенном на ровной возвышенности в виде плато, омываемом р. Тоябинкой левым притоком р. Малой Буллы, А.П. Смирнов выявил два вала и рва. По результатам археологических исследова-

ний укрепленного поселения, была определена хронология существования памятника. Его нижний горизонт относился к обычному поселению без линий обороны, тогда как верхний – к укрепленному поселку (Смирнов, 1950, с. 133). На основе археологических наблюдений А.П. Смирнов реконструировал тип крепостной стены, окружавшей поселение. По его мнению, она состояла из деревянных срубов-городней (рис. 3). Кроме того, им были выявлены следы глиняной обмазки, которая шла по поверхности валов. Как считал исследователь, данный способ был характерен только для оборонительных линий городов Древней Руси. Именно на основе этого А.П. Смирнов

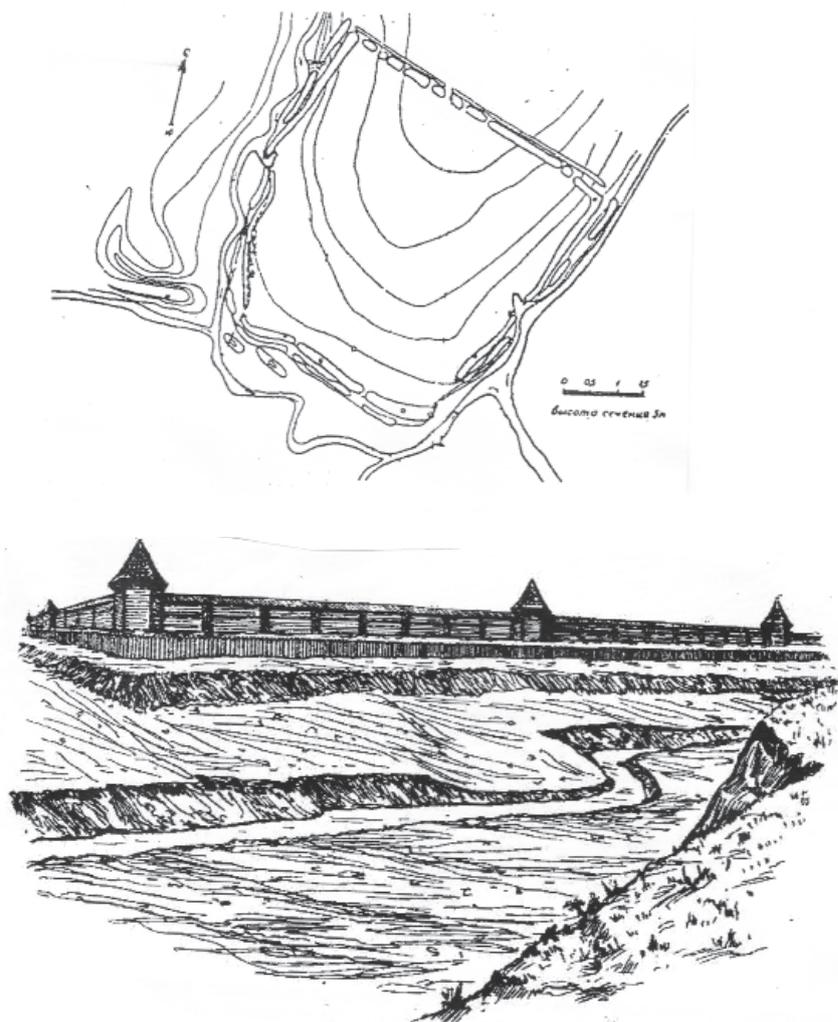

Рис. 3. План Большетаябинского городища и реконструкция оборонительных сооружений (по А.П. Смирнову).
Fig. 3. Plan of the Bolshaya Tayaba fortified settlement and the reconstruction of defensive structures (by A.P. Smirnov).

увидел в данном случае результаты работы древнерусских мастеров (Смирнов, 1950, с. 138). Как и некоторые другие его предположения, данный вывод оказался далеко не верным, т.к. он основывался на очень ограниченных знаниях того времени по данной теме. Однако, все же его исследования положили начало будущего изучения укреплений болгарских поселений, а точки зрения и интерпретации тех или иных приемов возведения оборонительных конструкций будут и далее меняться и корректироваться.

Другим памятником, который изучался А.П. Смирновым, было Андреевское городище, располагавшееся до разрушения Куйбышевским водохранилищем на высоком правом берегу р. Калмаюр, левого притока р. Волга. Памятник находился на довольно высоком

мысу – около 20 м, ограниченном с южной и западной сторон безымянной речкой, с восточной и северной – оврагами и датировался домонгольским временем (X – нач. XIII вв.) (рис. 4). Площадь занимаемая им составляла примерно 2,7 га. Искусственные же укрепления защищали поселение с запада и востока двойной линией, а с юго-запада валом и рвом. По мнению его исследователя, с этой стороны находилась заболоченная долина реки, что создавало естественную преграду (Смирнов, 1961, с. 11-13; Смирнов, 1962, с. 28–29). Сами оборонительные сооружения памятника изучались археологической экспедицией А.П. Смирнова в местах их наибольшей сохранности. В восточной части городища был выявлен первоначальный вал шириной в 4,5 м, который был насыпан на погребенном

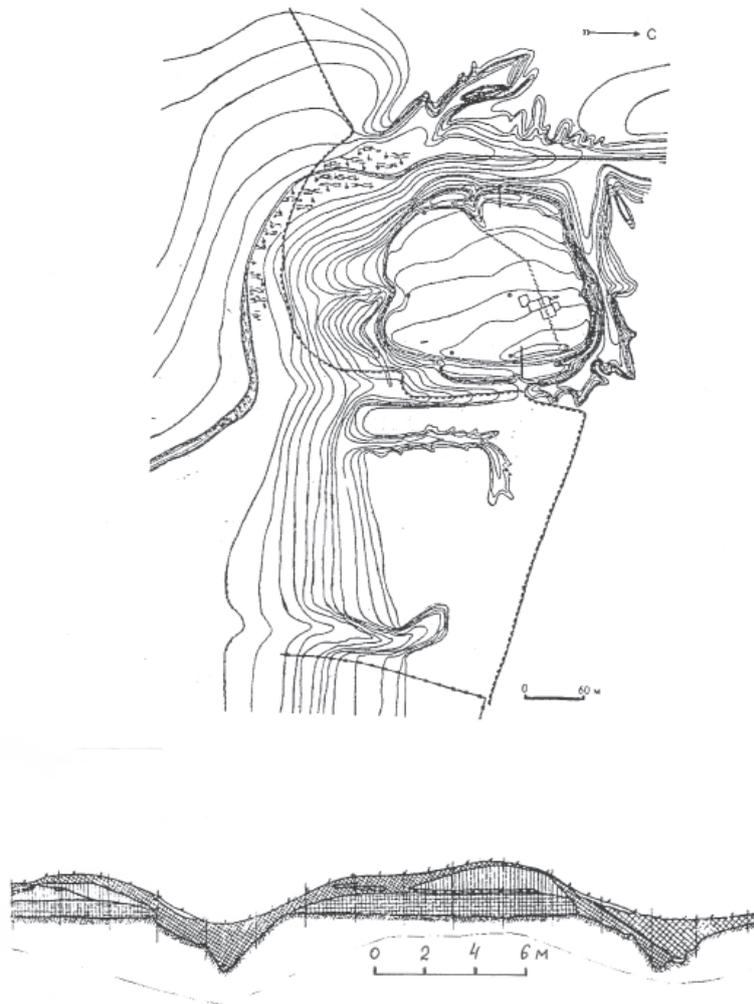

Рис. 4. План Андреевского городища и разрез оборонительных линий (по А.П. Смирнову).
Fig. 4. Plan of the Andreyevka fortified settlement and the section of the defensive lines (by A.P. Smirnov).

слое в виде чернозема. Оборонительный же ров не прослеживался, т.к. не исключено, что его включили позднее в новую оборонительную линию. Как считал А.П. Смирнов, данный вал, в последствии, был доведен до ширины в 9 м при соответственном увеличении его высоты. В основании его выявилась и полоса угля и золы. Снаружи вдоль него проходил оборонительный ров, имевший ширину около 6,2 м и глубину 2,8 м. Следы же деревянных защитных конструкций выявить не удалось (Смирнов, 1962, с. 30).

Непосредственно за рвом находилась узкая площадка около 2,5 м ширины, которая шла вдоль внешнего вала с внутренней его стороны. Тулово самой насыпи представляло собой перемешанный с супесью чернозем шириной 6 м. Далее за ним проходил внешний ров, имевший ширину до 7 м и глубину 2,8 м, кото-

рый был заполнен смывтой с вала супесью. На основе выявления 15 см прослойки песка в самой нижней его части, А.П. Смирнов считал ее за следы от заполнения оборонительного рва водой в древности (Смирнов, 1962, с. 30).

Такой вывод очень сомнителен, ввиду того, что ров был вырыт в супесчаном грунте, а данный факт не мог позволить содержание воды в нем ни при каких обстоятельствах. Специальный же подъем воды сюда вряд ли осуществлялся из-за трудности и не оправданности такого способа. Как известно, даже в качестве препятствия против оплыва отлогостей их укрепляли обрешеткой из дерева, следы от которой также были выявлены. В связи с этим, не может идти и речи о рвах с водой, ни здесь, ни на других городищах, подобных этому. Все же такая ошибка имеет

место быть до сих пор, когда при реконструкции линий обороны изображаются оборонительные рвы с водой. Особенно часто это делается при написании художниками различных картин.

Система обороны изучалась А.П. Смирновым и в западной части Андреевского городища. Здесь ширина внутреннего вала составляла 3,6 м, а ширина рва 5 м, при его глубине в 2,6 м. В нем также прослеживался слой намывного песка, что могло быть следствием воздействия многолетних осадков. При исследовании этой части валов каких-либо остатков оборонительных конструкций археологические раскопки также не выявили (Смирнов, 1962, с. 30). Однако, основываясь на профилях линий обороны, все же можно сделать предположение о том, что более мощный внешний вал являлся основным в обороне, осуществляя главные защитные функции. В то же время внутренний вал мог быть дополнительным и служить в качестве ретраншемента³.

На самой площадке болгарского поселения были выявлены остатки ранних укреплений, представлявших собой тыновую ограду, как считал А.П. Смирнов ограждавшую первоначальное поселение на этом месте. Данная стена составлялась из неочищенных бревен, которые лежали с юга на север и имели длину 3,8 и толщину до 0,45 см. Эта стена была присыпана незначительным валом, состоявшим из чернозема и песка. В дополнение к стене в 4 м с внешней стороны проходил ранний ров, имевший ширину от 2 до 4 м, с глубиной до 1,7 м. Кроме этого, на дне рва выявились и остатки забитого в грунт деревянного кола и, как считал А.П. Смирнов, он относился к остаткам кольев, устанавливавшихся по дну городских и замковых рвов в Средние века (Смирнов, 1962, с. 30).

Исследователем был сделан вывод о том, что первоначально поселение было укреплено тыном и рвом, которые не отвечали инженерным требованиям того времени и носили временный характер. С этой ранней стеной был связан и первоначальный вал, вскрытый в восточной части, а также вал на границе с западным краем площадки городища (Смирнов, 1962, с. 31). Крепостные сооружения Андреевского городища и их тип находят себе аналогии и на некоторых других памятниках Волжской Булгарии домонгольского периода.

Существенное внимание продолжало уделяться исследователем и некоторым другим памятникам, например, Хулашскому городищу, расположенному в Предволжье на высоком правом берегу р. Кильны, левого притока р. Свияга (рис. 5). Памятник лишь частью ограничивается оврагами, а также огражден системой, состоящей из валов и рвов. Со стороны северо-запада проходит тройная линия, а с северо-восточной напольной стороны шла двойная линия. Только с юго-востока находится лишь один вал со рвом. Высота валов, сохранившаяся до наших дней, доходит до 2 м с шириной до 12 м. По мнению исследователей городища А.П. Смирнова и В.Ф. Каховского, памятник представлял собой поселение с мощной системой оборонительных сооружений, которая состояла из валов и рвов с деревянными стенами и башнями (Каховский, Смирнов, 1972, с. 11-12). Заложный ими раскоп 44x2 м в северной части оборонительных линий выявил два строительных периода этой системы. В туловах валов, как внутреннего, так и внешнего, были выявлены остатки деревянных конструкций в виде древесного тлена, относящихся к первому строительному периоду. Во второй строительный период был только расширен внешний вал и устроен глубокий ров (Каховский, Смирнов, 1972, с. 12-13).

Схожие приемы строительства были отмечены исследователями также с южной и западной сторон городища. По мнению А.П. Смирнова и В.Ф. Каховского, они зафиксировали и остатки крепостных башен, которые в плане имели квадратные и прямоугольные (?–А.Г.) основания. Основываясь на результатах проведенных ими исследований, они провели параллель укреплений Хулашского городища с оборонительными линиями других укрепленных поселений Волжской Булгарии домонгольского времени, например, Суvara и Болгара (Каховский, Смирнов, 1972, с. 17).

В наше время видны разрывы в крепостных валах и в некоторых случаях их можно отождествлять с местами древних проездных ворот, некогда находившихся здесь. Несомненно однако, что для этого необходимы и археологические подтверждения. А.П. Смирнов исходил из мысли, что часть из них могла иметь значительно более позднее происхождение по времени. Так касаясь городища Суvara, он отметил, что современные пять проездов в

Рис. 5. План Хулашского городища (по Н.Ф. Калинин).
Fig. 5. Plan of the Khulash fortified settlement (by N.F. Kalinin).

валах этого укрепленного поселения не позволяют по внешнему виду определить их как городские ворота, существовавшие в древности (Смирнов, 1934). И действительно, многие из них, если не большинство, являются свидетельствами специально прокопанных крестьянами проездов в более поздние времена – не ранее XVIII-XIX вв., которые делались для удобства перемещения на телегах и повозках.

Таким образом, можно констатировать повышенное внимание к памятникам фортификации в то время, одним из первых исследователей которых был А.П. Смирнов. Изучение

городищ Волжской Булгарии и их оборонительных линий, так или иначе, продолжается и до сих пор, не смотря на то, что прошло несколько десятилетий после исследований А.П. Смирнова (Губайдуллин, 2018; 2019; 2022; Коваль, 2023; Коваль, Бадеев, 2022). Все же, объемы таких исследований сильно сократились и зачастую они проводятся лишь с археологическими охранно-спасательными целями. По-видимому, одна из причин такого сокращения внимания к ним связана с тем, что они считаются уже вполне изученными и ничего нового для науки не принесут. Однако, это очень большое заблуждение.

Примечания:

¹ Т.е. тип городней.

² Эскарп и контр-эскарп - внутренняя и внешняя отлогости рва.

³ Ретраншемент – внутренняя крепостная вспомогательная постройка в виде вала со рвом впереди, дававшая возможность продолжать оборону после того, как противник занял главные укрепления.

ЛИТЕРАТУРА

Губайдуллин А.М. Типы средневековых дерево-земляных оборонительных сооружений и способы их возведения // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 297–306.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. №3. 322 с.

Губайдуллин А.М. Некоторые вопросы изучения средневековой фортификации // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 67–73.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Ред. А.А. Прохорова Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт литературы, истории и языка, 1972. С. 3–73.

Коваль В.Ю. Валы и рвы Тигашевского городища // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 293–310.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Внешняя линия фортификации раннего Болгара // Поволжская археология. 2022 № 2 (40). С. 124–134.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгары // СА. 1969. № 1. С. 211–223.

Смирнов А.П. Отчет об археологических исследованиях г. Сувара в 1933 г. Л., 1933. 167 с.// Архив ЛОИА. Ф. № 2. Оп. 1. № 140.

Смирнов А.П. Краткий отчет Суварской экспедиции 1934 г. Л., 1934. 3 с.// Архив ЛОИА. Ф. № 2. Оп. 1. № 419.

Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б.Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. IV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: ЧувНИИЯЛИЭ, 1950. С. 82–95.

Смирнов А.П. Волжские болгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 298 с.

Смирнов А.П. Археологическая экспедиция Ульяновского музея 1960 года // Археологические работы Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова в 1960 году. Ульяновск: Изд-во музея, 1961. С. 11–13.

Смирнов А.П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. // КСИА. Вып. 90 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 25–32.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Gubaidullin, A. M. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 297–306 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 3. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2022. In *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 67–73 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P., 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2023. In *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 293–310 (in Russian).

Koval, V. Yu., Badeev, D. Yu. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 124–134 (in Russian).

Krasnov, Yu. A., Smirnov, A. P., Khlebnikova, T. A. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 211–223 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1933. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh g. Suvara v 1933 g. (Report on the archaeological studies of the city of Suvar in 1933)*. Archive of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology. Fund 2, inv. 1, dossier 140 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1934. *Kratkiy otchet Suvarской ekspeditsii 1934 g. (Brief report of the Suvar expedition in 1934)*. Archive of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology. Fund 2, inv. 1, dossier 419 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1950. In Dmitriev, V. D. (ed.). *Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 4. Cheboksary: Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy, 82–95 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1961. In *Arkheologicheskie raboty Ul'yanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya imeni I. A. Goncharova v 1960 godu (Archaeological works of the Ulyanovsk Museum of Local History named after I.A. Goncharov in 1960)*. U'yanovsk, 11–13 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1962. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 90. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 25–32 (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.231.248>

ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРЬЕРА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ЖИЛЫХ ДОМОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

©2023 г. Э.Д. Зиливинская

Статья посвящена анализу основных элементов интерьера золотоордынского дома. Интерьер «монгольского» дома состоит из глинобитной лежанки – суфы, очага, чаще всего тандыра и горизонтального дымохода – кана. В полу мог быть сделан умывальник – тошнау. Эти элементы присутствуют не только в бедных однокомнатных домах, но обязательны для любого жилого помещения, в том числе и в богатых аристократических усадьбах. Основной «мебелью» является П-образная или Г-образная суфа, которая может занимать большую часть комнаты. Исследователи связывают ее с монгольской традицией, однако подобные суфы широко распространены в Средней Азии с раннего средневековья. Отопительная система золотоордынских домов представлена канами, которые известны на Дальнем Востоке с раннего железного века. Печь для выпечки лепешек – тандыр имеет, скорее всего, среднеазиатское происхождение, так как в этом регионе подобные печи известны с эпохи бронзы. П-образная суфа, кан и тандыр образуют своеобразную «триаду», которая характеризует интерьер не только простейшего однокомнатного «монгольского» дома, но и любое жилое помещение в богатых многокомнатных усадьбах в Золотой Орде. Кроме этих трех элементов в полу жилых комнат может быть сделан умывальник – тошнау, который также был принесен в Золотую Орду из Средней Азии. Таким образом, большая часть элементов жилого помещения золотоордынского дома заимствована из Средней Азии. Однозначно монгольской можно считать только систему отопления в виде канов. Соединение тандыра, кана и большой П-образной суфы является золотоордынской традицией, которая в дальнейшем получила широкое распространение.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, монгольский дом, интерьер, лежанка-суфа, горизонтальный дымоход – кан, печь-тандыр, умывальник – тошнау, Монголия, Средняя Азия.

INTERIOR ELEMENTS OF THE GOLDEN HORDE RESIDENTIAL BUILDINGS IN THE LOWER VOLGA REGION²

E.D. Zilivinskaya

The article deals with analysis of the main elements of the Golden Horde house interior. The interior of a “Mongolian” house consists of an adobe bench – sufa, a hearth, most often a tandoor and a horizontal chimney – kang bed-stove. A washbasin – toshnau – could be made in the floor. These elements are present not only in poor one-room houses, but are required for any living space, including in rich aristocratic estates. The main “furniture” is a U-shaped or L-shaped sufa, which can occupy most of the room. Specialists associate it with the Mongolian tradition, but similar sufas have been widespread in Central Asia since the early Middle Ages. The heating system of Golden Horde houses is represented by kang, which have been known in the Far East since the early Iron Age. The oven for baking flatbreads, the tandoor, is most likely of Central Asian origin, since similar ovens have been known in this region since the Bronze Age. The U-shaped sufa, kang and tandoor form a kind of “triad” that characterizes the interior of not only the simplest one-room “Mongolian” house, but also any living space in rich multi-room estates in the Golden Horde. In addition to these three elements, a washbasin – toshnau, which was also brought to the Golden Horde from Central Asia, can be made in the floor of living rooms. Thus, most of the living room elements of the Golden Horde house were borrowed from Central Asia. Only the heating system in the form of kang can be considered unambiguously Mongolian. The combination of tandoor, kang and large U-shaped sufa is a Golden Horde tradition, which later became widespread.

¹ Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² The work is published in accordance with the plan of research works of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Mongolian house, interior, bench-sufa, horizontal chimney – kang, stove-tandoor, washbasin-toshnau, Mongolia, Central Asia.

В городах Золотой Орды, как, впрочем, и в любых других, основную массу построек составляли жилые дома. Простейший золотоордынский дом был квадратным в плане и состоял из одной комнаты. Размеры стороны квадрата не превышали 6,5 м. Конструкцию квадратных в плане домов «монгольского» типа в Золотой Орде подробно рассмотрел В.Л. Егоров (Егоров, 1970, с. 180–188). Он разделяет квадратные в плане постройки на дома с деревянными стенами, дома с деревянными стенами на сырцовом цоколе и дома, часть деревянных стен которых стоит на сырцовом цоколе, а часть – непосредственно на земле. Для возведения здания на выровненную землю или на цоколь укладывалась рама из бруса с выдолбленными в нем пазами. В пазы вертикально вставлялись доски, а по углам стен – толстые балки. Сверху вся конструкция закреплялась еще одной рамой аналогичной конструкции. Дощатые стены снаружи и изнутри обмазывались глиняным раствором. Крыши в таких домах, по мнению В.Л. Егорова, были четырехскатными с отверстием в зените (Егоров, 1970, с. 183). Форму однокомнатных квадратных домов В.Л. Егоров выводит от монгольской юрты. Действительно, процесс трансформации юрты в стационарное жилище подробно описан в многочисленных этнографических исследованиях (Щепетильников, 1960, с. 76; Майдар, 1971; Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 50–56; и др.). Накопленные за последующие десятилетия данные позволяют дополнить схему В.Л. Егорова. Прежде всего, стены в подобных домах могли быть сложены целиком из сырцового и даже обломков обожженного кирпича, на что указывал еще Г.А. Федоров-Давыдов, (Федоров-Давыдов, 1994, с. 50–51). Также крыши в золотоордынских домах могли быть плоскими или с небольшим скатом. Те же этнографические исследования показывают, что при переходе формы жилища от круглой или многогранной к квадратной, высокие четырехскатные крыши довольно быстро трансформируются в плоские или скатные.

Однокомнатные дома служили жилищами беднейших слоев населения, но в некоторых случаях они могли быть центром небольшой усадьбы. Расширение жилого пространства

часто шло по пути пристраивания квадратных домов друг к другу. Большую группу многокомнатных построек представляют здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный «монгольский» дом. По взаиморасположению ячеек эта группа делится на шесть типов (Зиливинская, 2019, с. 139–140).

Зажиточные и аристократические слои населения городов жили в многокомнатных монументальных домах, построенных по единому плану (Зиливинская, 2019, с. 139–142). Наряду с жилыми комнатами в них были парадные покои и помещения специального назначения (кладовые, комнаты для помола муки, кухни, ванные комнаты и др.). Самое большое из известных на сегодняшний день усадебных зданий насчитывает более 35 помещений различного назначения (Зиливинская, 2019, с. 125–128).

Интерьер «монгольского» дома абсолютно единообразен. Он состоит из глинобитной лежанки – суфы, очага и горизонтального дымохода – кана. В полу мог быть сделан умывальник – тошнау. Интересно, что эти элементы присутствуют не только в бедных однокомнатных домах, но обязательны для любого жилого помещения, в том числе и в богатых аристократических усадьбах. Различается лишь их оформление. Интересно выяснить, каким образом в Золотой Орде сложился этот стандарт организации интерьера.

Основной «мебелью» в золотордынском доме является суфа. Суфа – глинобитная лежанка высотой 35–50 см – строилась следующим образом: параллельно внешним стенам выкладывалась подпорная стенка суфы из малоформатного кирпича в один ряд. Пространство между этой стенкой и внешней стеной заполнялось, землей, глиной, строительными остатками, потом поверхность суфы обмазывалась слоем глины. Вертикальные стенки чаще всего также покрывались глиняной штукатуркой. В богатых домах поверх глиняной обмазки могли наносить белую алебастровую штукатурку. Суфы в золотоордынских домах строились вдоль двух или трех стен (так называемая Г-образная и П-образная планировки) (рис. 1: 1). В.Л. Егоров связывает такую форму с монгольской

1

2

Рис. 1. П-образные суфы: 1 – усадьба на раскопе LI Селитренного городища;
2 – усадьба на городище Каратобе X–XIII вв. в Южном Казахстане.

Fig. 1. U-shaped sufas: 1 – estate at excavation site LI of the Selitrennoye settlement;
2 – estate on the Karatobe settlement of the X–XIII centuries in Southern Kazakhstan.

традицией, так как в Монголии кан, расположенный внутри суфы, проходил вдоль двух или трех стен комнаты. Он пишет, что глиняные суфы, известные в Средней Азии с раннего Средневековья, по своей конфигурации существенно отличаются от золотоордынских, так как они обычно устраиваются вдоль всех четырех стен комнаты, оставляя только узкий проход для дверей (Егоров, 1970, с. 185). С этим утверждением трудно согласиться. Суфы, идущие по периметру комнаты в Средней Азии, являются неперенным атрибутом парадных комнат, что хорошо видно на примере Пенджикента. В то же время в жилых помещениях Пенджикента довольно

часто встречаются Г-образные и П-образные суфы (Воронина, 1964, с. 52; Хмельницкий, 2000, рис. 155, 157, 160). Известны лежанки подобного вида и на других раннесредневековых памятниках Средней Азии (рис. 1: 2) (Гудкова, 1964, с. 52; Неразик, 1976, рис. 105; Хмельницкий, 1992, с. 275; Хмельницкий, 2000, рис. 161, 163, 168, 173, 177, 188). В.Л. Егоров пытается объяснить этот факт заимствованием из Монголии, ссылаясь на мнение С.П. Толстова, который указал на сходство орнаментов керамики Средней и Нижней Сырдарьи и тюркских кочевников Монголии и Южной Сибири (Толстов, 1947, с. 69). Этот вывод не выглядит убедительным, так как

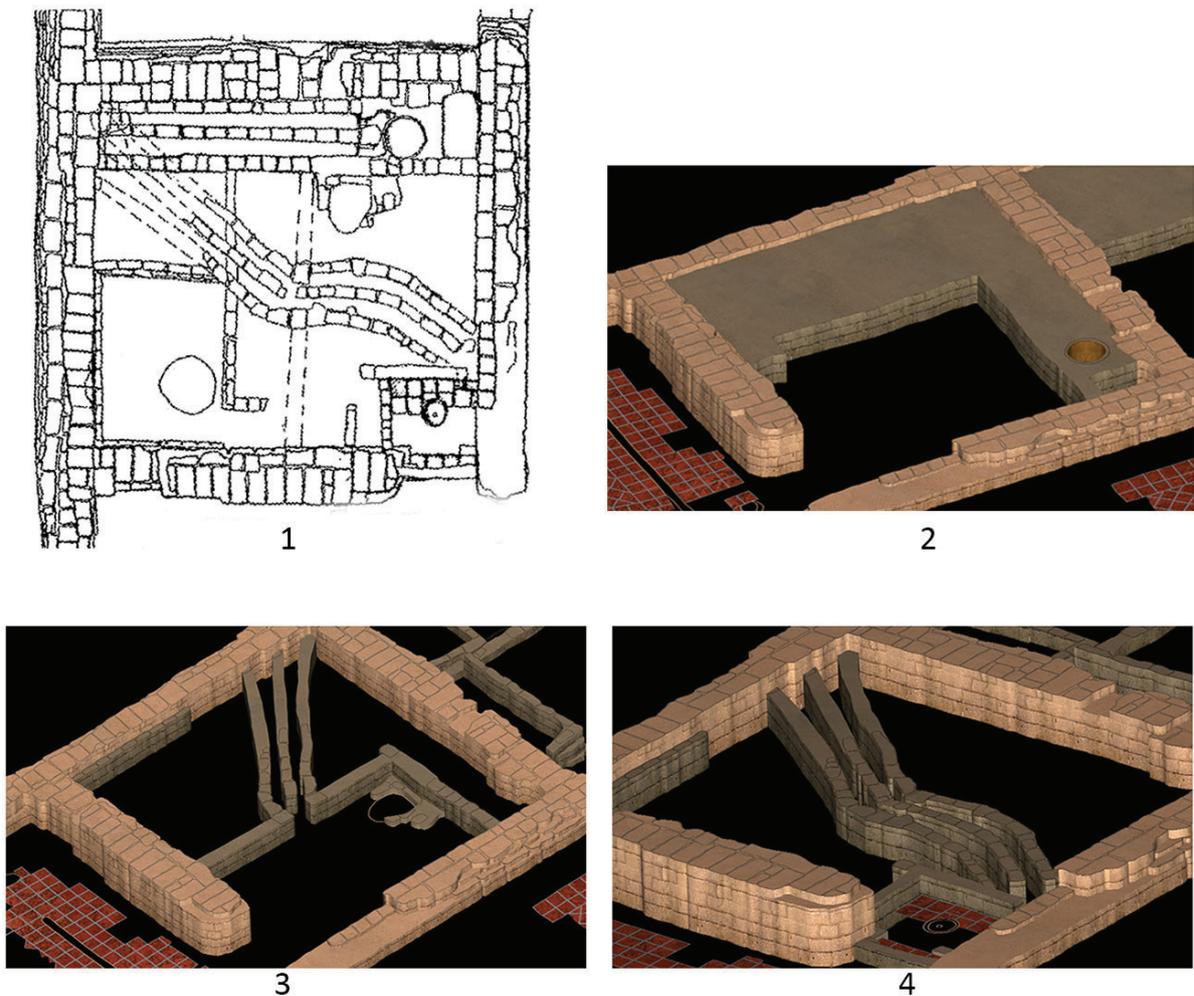

Рис. 2. Перестройки суфы в помещении усадьбы 2 на Селитренном городище:
1 – план I–IV периодов; 2 – I период; 3 – II период; 4 – IV период (2–4 – 3d модели).
Fig. 2. Alteration of the sufa in the room of estate 2 at the Selitrennoye settlement:
1 – plan of the I–IV periods; 2 – I period; 3 – II period; 4 – IV period (2–4 – 3d models).

С.П. Толстов писал не обо всей Средней Азии, а об одном определенном регионе Хорезма. Кроме того, в раннесредневековых суфах среднеазиатских памятников почти везде отсутствует кан, что не позволяет связывать их с монгольской традицией. Скорее всего, П-образная и Г-образная формы суф возникли здесь самостоятельно.

Суфы в золотоордынских домах зачастую занимали большую часть комнаты, так как они служили постелью всем членам большой семьи. При увеличении семьи, связанном, например, с рождением детей, суфу могли увеличивать в размерах. Очень показателен пример перестройки суфы в одном из помещений усадьбы 2 на Селитренном городище (Зиливинская, 2008, с. 16–20; Зиливинская, 2019, с. 26–30). В комнате, размеры которой

составляли 5,6×5,0 м, было выявлено пять строительных периодов (рис. 2: 1). В I периоде вдоль северной стены помещения был сложен двухканальный кан с тандыром в восточной части. К западной стене помещения примыкала суфа шириной 2,0 м, стенка которой поворачивала к востоку, образуя южную суфу шириной 60 см (рис. 2: 2). Таким образом, размеры основной части суфы, которую можно было использовать как лежанку, составляли 5,0×2,0 м. Если исходить из того, что ширина спального места составляет 60–70 см, то на такой лежанке могут уместиться 7–8 человек. Во II периоде суфа была расширена почти на 1 м, что позволяло уложить еще 2–3 человек (рис. 2: 3). В IV периоде суфа заняла почти всю комнату. Площадь пола стала составлять всего 1,3×1,1 м (рис. 2: 4). При таких размерах

на суфе вполне свободно могли разместиться от 18 до 20 человек.

Суфы, несмотря на их монументальность, часто передвигали, как и всякую другую мебель. Например, в той же усадьбе 2 в другом жилом помещении суфу, которая находилась напротив входа, передвинули, чтобы защитить от сквозняков (Зиливинская, 2008, с. 305–309; Зиливинская, 2019, с. 123–124). При этом площадь лежанки не увеличилась.

При различных перепланировках стенки суф и канов предыдущих периодов не срубают полностью, часть их остается в «теле» новой суфы. Поэтому при раскопках необходимо выбирать заполнение суф, чтобы проследить историю преобразования интерьера комнаты. В некоторых случаях, как, например, в усадьбе 2, это позволяет понять, какие процессы происходили в семье, ее населявшей.

Отопительная система золотоордынских домов была представлена канами, которые, по мнению В.Л. Егорова, были заимствованы монголами у чжурджэней и киданей (Егоров, 1970, с. 185–187). Л.Р. Кызласов пишет, что наиболее ранние каны прослеживаются на Дальнем Востоке (в Приамурье, Приморье, в северной полосе Китая и в Корее) в раннем железном веке (Кызласов Л.Р., 1975; 2001, с. 86). Как показали исследования последних десятилетий, самые ранние каны встречаются в постройках кроуновской культуры, которая датируется концом V в. до н. э. – II в. н. э. (Кызласов, 2011, с. 193, 194).

В гуннское время они известны в Забайкалье и Монголии (Давыдова, 1956, с. 265). Для гуннов характерна Г-образная суфа-кан с одним каналом из плит. Каны, сложенные вдоль двух или трех стен помещений (рис. 3), найдены при раскопках городища Дён-терек и Каракорума XIII в. (Древнемонгольские..., 1965, с. 67, рис. 29, с. 78, рис. 41, с. 174, рис. 100, с. 178, рис. 103; Erdenbat, Pohl, 2005, S. 172–175).

Наиболее полно и глубоко исследовал проблему возникновения канов и его появления у тунгусо-маньчжуров и монголов И.Л. Кызласов (Кызласов, 2011). Собрав все данные о жилищах с канами на Дальнем Востоке, он пришел к выводу, что в настоящее время отмечается два разных культурных региона, использовавших в гуннскую эпоху отопление жилищ этого типа: культура центральноазиатских гуннов, исследованная в Бурятии,

и первоначально кроуновская (конец V в. до н. э. – II в. н. э.), а затем и воспринявшая от нее каны польцевская культуры (IV–VII вв. н. э.), существовавшие в Приморье (Кызласов, 2011, с. 194). По мнению И.Л. Кызласова, с распространением государственной культуры чжурчжэней в эпоху Цзинь каны становятся повсеместной системой отопления на северо-востоке Дальнего Востока, включая Китай, в котором они засвидетельствованы письменными источниками уже в 1176 г. (Кызласов, 2011, с. 189). В одном из письменных источников, посвященных чжурчжэням XI в., описывается такая система отопления: «Вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На этой постели спят, едят и живут. Называется она (по-чжурчжэньски) кан» (Кычанов, 1966, с. 273). Чжурчжэньский кан XII–XIII вв. представлял собой земляную подушку высотой 20–50 см, шириной 70–150 см и длиной от 1 до 4 м, сложенную над жаропроводящими каналами, перекрытыми камнем или кирпичом. Каны Г-образной формы преобразуются в П-образные, количество каналов увеличивается до трех и даже пяти, соответственно увеличивается и ширина лежанки (Кызласов, 2011, с. 189).

Таким образом, достаточно очевидно, что отопительная система в виде канов была принесена в Золотую Орду непосредственно монголами. Однако существует и другая точка зрения. С.М. Ахинжанов и Л.Б. Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 69). В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII–VIII и X–XI вв. (Археологические..., 1962, с. 148–149, 158–159; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 69–74; Байпаков, 1986, с. 431; Неразик, 1968, с. 203–204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центральноазиатскими элементами сначала уйгурского, а затем огузо-кипчакского происхождения (Неразик, 1976, с. 64–69; Ерзакович, 1983, с. 90). С этим мнением категорически не согласен Г.А. Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л. Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием (Федоров-Давыдов,

1

2

Рис. 3. Каны в постройках Каракорума:

1– Г-образные; 2 – многоканальные (Erdenebat, U., Pohl, E. 2005, p. 174–175).

Fig. 3. Kangs in the buildings of Karakorum:

1– L-shaped; 2 – multi-channel (Erdenebat, U., Pohl, E. 2005, p. 174–175).

1994, с. 75). И.Л. Кызласов также отрицает эту гипотезу, считая, что короткие горизонтальные дымоходы, идущие от тандыров, известные на памятниках Южного Казахстана, каны не являются. Распространение же собственно канов можно связывать только с монголами (Кызласов, 2011, с. 199–200).

В городах Золотой Орды каны в основном строились вдоль одной стены и состояли из двух каналов (рис. 3: 1–2). Стенки их складывались из сырцового кирпича, ширина

каналов составляла около 20–25 см. Сверху каналы перекрывались сырцовыми или обожженными кирпичами. Кан начинался от очага (чаще всего – тандыра) и заканчивался у противоположной стены вертикальным дымоходом, который находился внутри помещения. Сами дымоходы обычно не сохраняются, но в некоторых случаях на конце одного из каналов прослеживается яма сажеприемника. Также при раскопках часто находят керамические трубы (кубуры) с закопченной

Рис. 4. Каны в золотоордынских домах: 1–2 – прямые двухканальные; 3 – Г-образные; 4 – многоканальные; 5 – закругленные каны (3d модель).

Fig. 4. Kangs in Golden Horde houses: 1–2 – straight two-channel; 3 – L-shaped; 4 – multi-channel; 5 – rounded channels (3d model).

внутри поверхностью. Это значит, что кубуры могли использоваться не только при прокладке водопровода, но и в качестве вертикальных дымоходов. Такое «укорачивание» канов И.Л. Кызласов связывает с влиянием среднеазиатской (сырдарьинской) традиции (Кызласов, 2011, с. 171).

Ф. Баллодом на Селитренном городище был исследован дом с П-образным каном (Баллод, 1923, таб. 23). В настоящее время на восточной окраине Селитренного (раскоп LI) городища ведутся раскопки большого усадеб-

ного здания, в некоторых помещениях которого находились П-образные каны, причем количество их каналов достигало трех-четырех (рис. 4: 4). В других комнатах каны были обычные, двухканальные, идущие вдоль одной стены. Г-образные каны (рис. 4: 3) были обнаружены в шести помещениях жилого блока усадьбы 4 на Селитренном городище (Зиливинская, 2008, с. 60–64, рис. 37; 2019, рис. 141)

Для лучшего обогрева поверхности суфы иногда в золотоордынских домах каны внутри

Рис. 5. Тандыры: 1 – городище Джанкент (X в.); 2 – городище Каратобе X–XIII вв.; 3 – мастерская по изготовлению тандыров в Ташкенте, 1927 г (фото Т.М. Девель) (Туркестань..., 2007, рис.13); 4 – тандыр в современности.

Fig. 5. Tandoors: 1 – Jankent fortified settlement (X century); 2 – Karatobe fortified settlement of the X–XIII centuries; 3 – workshop for making tandoors in Tashkent, 1927 (photo by T.M. Devel) (Turkestan..., 2007, fig. 13); 4 – tandoor in modern times.

нее встраивали не вдоль стены, а наискосок или полукругом таким образом, что их вертикальный дымоход попадал в угол комнаты, находящийся по диагонали от топки (рис. 4: 5). Также мог быть сделан дополнительный «диагональный» кан, причем топка его находилась посередине стенки центральной части суфы (рис. 2: 1, 3–4). Такие каны были прослежены в нескольких жилых помещениях усадеб 1 и 2 Селитренного городища (Зиливинская, 2008, с. 16–20, 26–30, рис. 2, 8–15, 19–20; 2019, рис. 124, 126, 128–130). Диагональные или закругленные каны можно считать чисто золотоордынским изобретением. На дальнем Востоке, где климат более холодный, нежели в Нижнем Поволжье, над канами сооружалась узкая суфа, ширина которой соответствовала размерам кана, поэтому она хорошо прогревалась. В Золотой Орде центральная часть

П-образной суфы была широкой и часто занимала большую часть комнаты. Г-образный и даже П-образный кан не прогревал всю ее поверхность. Поэтому в толще суфы, под ее центральной частью, устраивали диагональные или закругленные каны. Наличие большой суфы и диагонального кана в ней также можно связать с влиянием Южного Казахстана.

Очаги в большинстве золотоордынских домов представлены тандырами, которые известны в Средней Азии с неолита. Печи, напоминающие тандыры, встречаются в слоях Анау II и Мургабском варианте Намазга VI второй половины II тыс. – первой половины I тыс. до н. э. (Массон, 1959, с. 7). В Средней Азии тандыры (тануры) чаще всего использовались для выпечки лепешек и других хозяйственных нужд и ставились либо во дворе, либо в специальных хозяйственных помеще-

ниях. Как отмечает Е.Е. Неразик, в некоторых случаях они применялись и для отопления (Неразик, 1976, с. 74–76). В частности, это хорошо прослеживается в Южном Казахстане. В одном из помещений жилого комплекса середины X в. на городище Джанкент в Низовьях Сырдарьи найден тандыр, служивший, вероятно, для обогрева комнаты (рис. 5: 1), хотя там имелся и другой очаг (Зиливинская, Билялов, Сыдыкова, 2011). На городище Каратобе XI–XIII вв. многие помещения отапливались тандырами (рис. 5: 2) (Смагулов, 2011, с. 139–141, 160–174, 190–206; Зиливинская, Ержигитова, 2019). Тандыры, исследованные на городище Баба-Ата X–XII вв., были соединены с канами (Археологические..., 1962, с. 151, 152, 158, 161, 171). Но все же большее распространение в раннем Средневековье в Средней Азии получили отопительные сооружения других типов (Воронина, 1963, с. 84–96; Якубов, 1982).

Небольшие тандыры делались из раскатанного пласта хорошо перемешанной глины, который сворачивали в цилиндр, затем выколачивали и оформляли верхнюю часть венчиком. Получался своеобразный сосуд без дна. Потом готовый тандыр высушивали на солнце и выставляли на продажу. Производство таких тандыров в мастерской хорошо видно на фотографии 1927 г. из Ташкента (рис. 5: 3) (Туркестань..., рис. 13). Большие тандыры делаются из двух пластов, которые устанавливаются один на другой (Как изготавливают..., 02.10.2023; Процесс изготовления..., 02.10.2023). Для установки в комнате и соединения с каном достаточно небольшого тандыра, сделанного из одного пласта. Золотоордынские тандыры обычно цилиндрические или слегка расширяются книзу. Они не имеют отогнутого наружу венчика, как узбекские или таджикские (рис. 6: 1–2). Венчик, в том случае, если он вообще есть, небольшой, загнутый вовнутрь. Диаметр тандыров колеблется в пределах 40–65 см, высота обычно соответствует высоте суфы – 40–60 см. В комнате тандыр устанавливается в торце узкой части суфы (рис. 6: 3) или по центру стенки широкой ее части. Снаружи он обкладывается обломками сырцов и обожженных кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Такой массивный кожух предохраняет хрупкие глиняные стенки и способствует лучшему удержанию тепла. Топили тандыр через верх-

нее устье. В передней стенке тандыра может быть сделано устье, выходящее в комнату, через которое выгребали золу. Поэтому в полу перед ним обычно находится ямка для золы. При помощи отверстий в стенке тандыр соединяется с каналами кана, по которым проходит горячий воздух (рис. 6: 2, 4). Для отопления кана верхнее отверстие тандыра закрывали крышкой. Так как тандыр – это прежде всего печь для выпечки лепешек, внутреннюю поверхность его покрывали насечками для лучшего прилипания теста. Насечки в виде вертикальных полос и вертикальных волнообразных линий чаще всего наносились многозубцовой гребенкой, но возможны и другие варианты (рис. 6: 4–5).

П-образная суфа, кан и тандыр образуют своеобразную «триаду», которая характеризует интерьер не только простейшего однокомнатного «монгольского» дома, но и любое жилое помещение в богатых многокомнатных усадьбах в Золотой Орде.

Кроме этих трех элементов в полу жилых комнат может быть сделан умывальник – тошна, или тошнау. Присутствие этих гигиенических сооружений, в отличие от суф с канами и тандырами, не столь обязательно, но они также встречаются, особенно в относительно зажиточных домах. Основную часть тошны составляет поглощающий колодец, который находится под полом комнаты. Колодец может быть выложен из обломков обожженных кирпичей (рис. 7: 1). Но чаще всего его делали из большого сосуда (хума или хумчи) с отбитым дном (рис. 7: 3), причем хум почти всегда ставили горлом вниз, а отбитым дном – вверх. Почему именно таким образом, помог прояснить натурный эксперимент, проведенный автором. При установке сосуда выкапывали яму, ставили в нее целый хум горлом вниз, засыпали его землей и затем отбивали дно. В ином случае часть земли обязательно попала бы в полость сосуда. В одном из помещений усадьбы 2 Селитренного городища хум, установленный в виде поглощающего колодца, имел настолько толстое дно, что его не удалось отколоть, и в нем просверлили отверстие.

Сверху водосливный колодец перекрывался резервуаром («раковиной»), над которым мыли руки, поливая их из кувшина-вододея (автоба). Простейший резервуар состоит из кирпича с отверстием в центре, утопленного

Рис. 6. Тандыры в золотоордынских домах (1–5): 1–3 – тандыры, сохранившиеся на полную высоту (1 – Селитренное городище; 2–3 – городище Жалпактал); 4–5 – насечки на стенках тандыра; 6 – выпекание самсы в тандыре в современности.

Fig. 6. Tandoors in Golden Horde houses (1–5): 1–3 – tandoors preserved at full height (1 – Selitrennoye settlement; 2–3 – Jalpaktal settlement); 4–5 – impressions on the tandoor walls; 6 – baking samsa in a tandoor.

чуть ниже уровня пола (рис. 7: 3–4). В жилищных домах резервуар мог быть сделан из керамической плиты или каменной чаши. В одном из помещений усадьбы 2 Селитренного городища найдена восьмиугольная керамическая плита со штампованным растительным орнаментом и отверстием в центре (рис. 7: 6), покрытая бирюзовой поливой (Зиливинская, 2019, с. 123). В здании на террито-

рии усадьбы 3 чаша тошны была мраморной (рис. 7: 5) (Федоров-Давыдов, Егоров, Булатов, 1981). Скорее всего, она была привезена откуда-то из Крыма, как и мраморная колонна в мечети Водянского городища (Зиливинская, 2023).

В парадных комнатах богатых домов водосливные резервуары устраивали в центре вымостки кирпичного пола (рис. 8) и оформ-

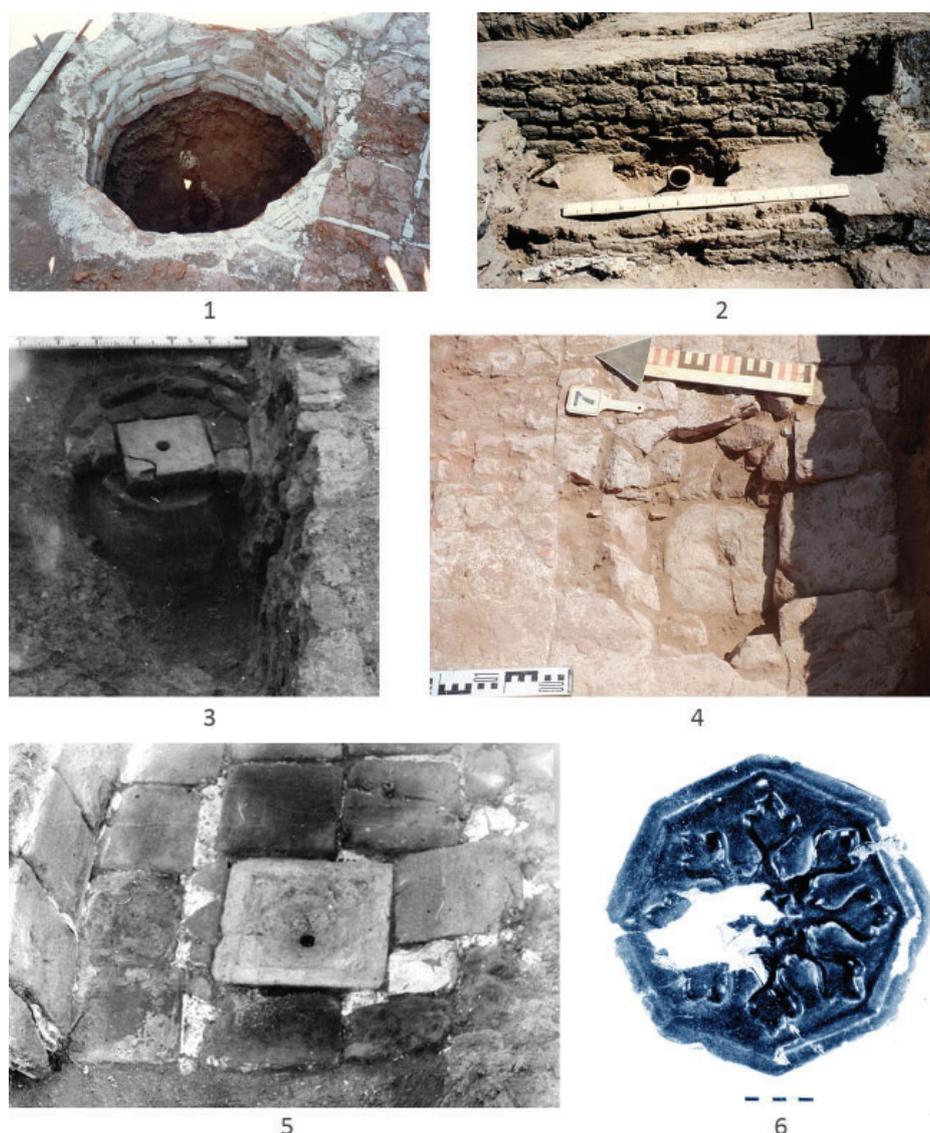

Рис. 7. Тошнау из домов Селитренного городища: 1 – кирпичный водопоглощающий колодец; 2 – кубурный трубопровод в суфе; 3 – «раковина» из кирпича с дырочкой над вкопанным хумом без дна; 4 – резервуар из кирпича с дырочкой в кирпичном полу; 5 – мраморный резервуар тошнау (Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., 1981); 6 – керамическая поливная плита – «раковина» тошнау.

Fig. 7. Toshnau from the houses of the Selitrennoye settlement: 1 – brick water-absorbing well; 2 – kubur pipeline in the sufa; 3 – “sink” made of brick with a hole above a dug-in khum without a bottom; 4 – brick reservoir with a hole in the brick floor; 5 – marble reservoir toshnau (Fyodorov-Davydov G.A., Yegorov V.L., Bulatov N.M., 1981); 6 – ceramic glazed slab – “sink” toshnau.

ляли фигурной кирпичной кладкой или делали бордюр из изразцов (Зиливинская, 2019, с. 123, 126). Если пол был глинобитным, участок его вокруг чаши тошны мостили кирпичами, как, например, в жилых комнатах медресе Сарая (Зиливинская, 2014, с. 64). В одном из усадебных домов Селитренного городища тошна была сделана в суфе (рис. 7: 2). Грязная вода из нее поступала при помощи трубопровода из кубуров, проложенных в стене, во двор в уличный поглощающий колодец (Зиливинская, 2019, с. 128).

Тошна (тошнау, ташна, ташнау) была заимствована, скорее всего, в Средней Азии, где она известна с VIII в. Распространение этих гигиенических сооружений связано, вероятно, с принятием мусульманства, каноны которого требовали постоянных ритуальных омовений. Раннесредневековые тошнау найдены в Варахше, Пенджикенте и Куве (Воронина, 1963, с. 92–93; Анарбаев, 1981, с. 95–109). Тошнау Средней Азии имеют более сложную конструкцию. Глубина их зачастую достигает 5 м, поглощающий колодец состо-

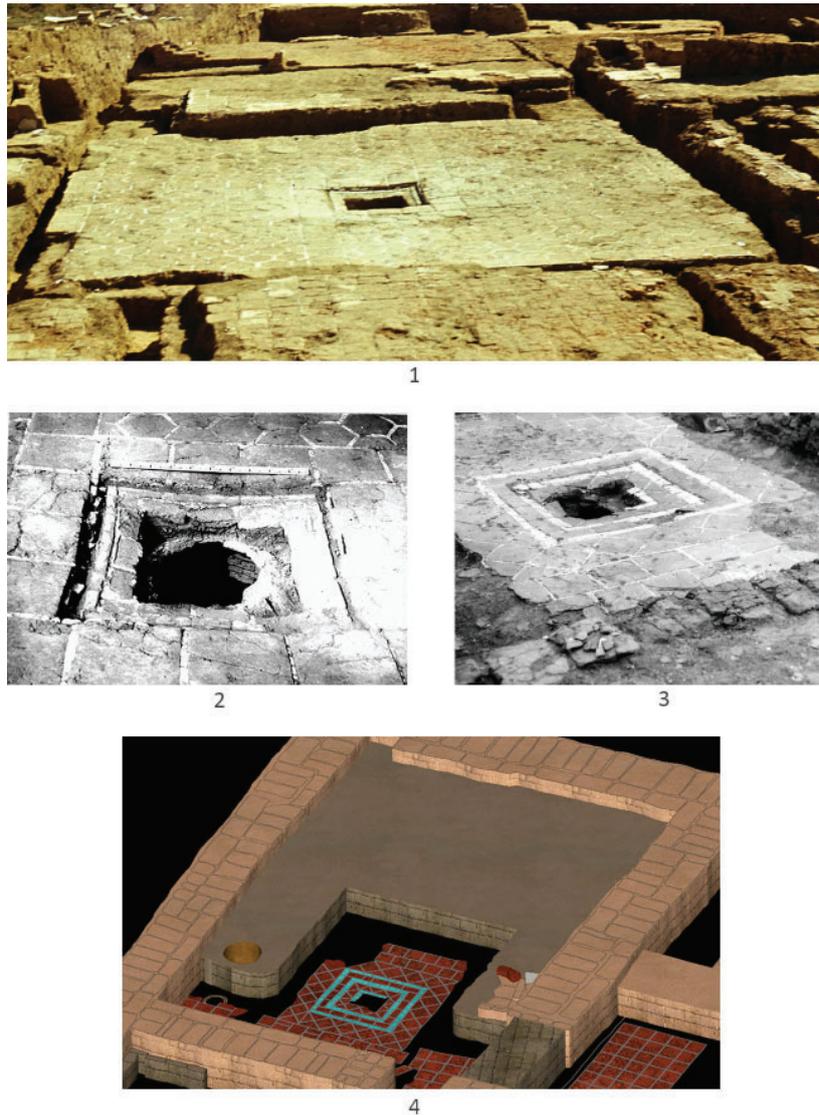

Рис. 8. Тощнау в центре вымостки пола в богатых усадебных домах Селитренного городища:
1–2 – центральный зал усадьбы 3; 3–4 – парадное помещение усадьбы 2.

Fig. 8. Toshnau in the center of the floor paving in the rich estates of the Selitrennoye settlement:
1-2 – the central hall of the estate 3; 3-4 – front room of estate 2.

ит из нескольких хумов, установленных друг над другом, и ямы под ними (рис. 9: 1–4). В сам колодец или резервуар над ним могут вести несколько кубурных трубопроводов из разных комнат (Анарбаев, 1981, с. 95–109). Более просто устроены тошнау Хорезма домонгольского времени, где в нижней части находился один хум без дна (рис. 9: 5). На сходство их с золотоордынскими указывал Г.А. Федоров-Давыдов, который считал, что в городе Золотой Орды эти конструкции были принесены именно из Хорезма (Федоров-Давыдов, 1994, с. 75). В то же время водосливные колодцы, абсолютно идентичные золотоордынским и состоящие из хума без

дна или ямы с кирпичной облицовкой и перекрытые сверху кирпичом с просверленным отверстием (в Варахше – жерновом), встречаются во многих городах Средней Азии, например, в Пайкенде, Султан-кале, Хульбуке, Варахше (Мухамеджанов и др., 1988, с. 67, 73; Лунина, 1969, с. 119–122; Анарбаев, 1981, с. 106–109; Хмельницкий, 1992, с. 207; 2006, с. 43–44).

Таким образом, большая часть элементов жилого помещения золотоордынского дома заимствована в Средней Азии. К ним относятся умывальник-тошна, печь-тандыр и широкая, часто занимающая большую часть площади комнаты лежанка-суфа. Собственно

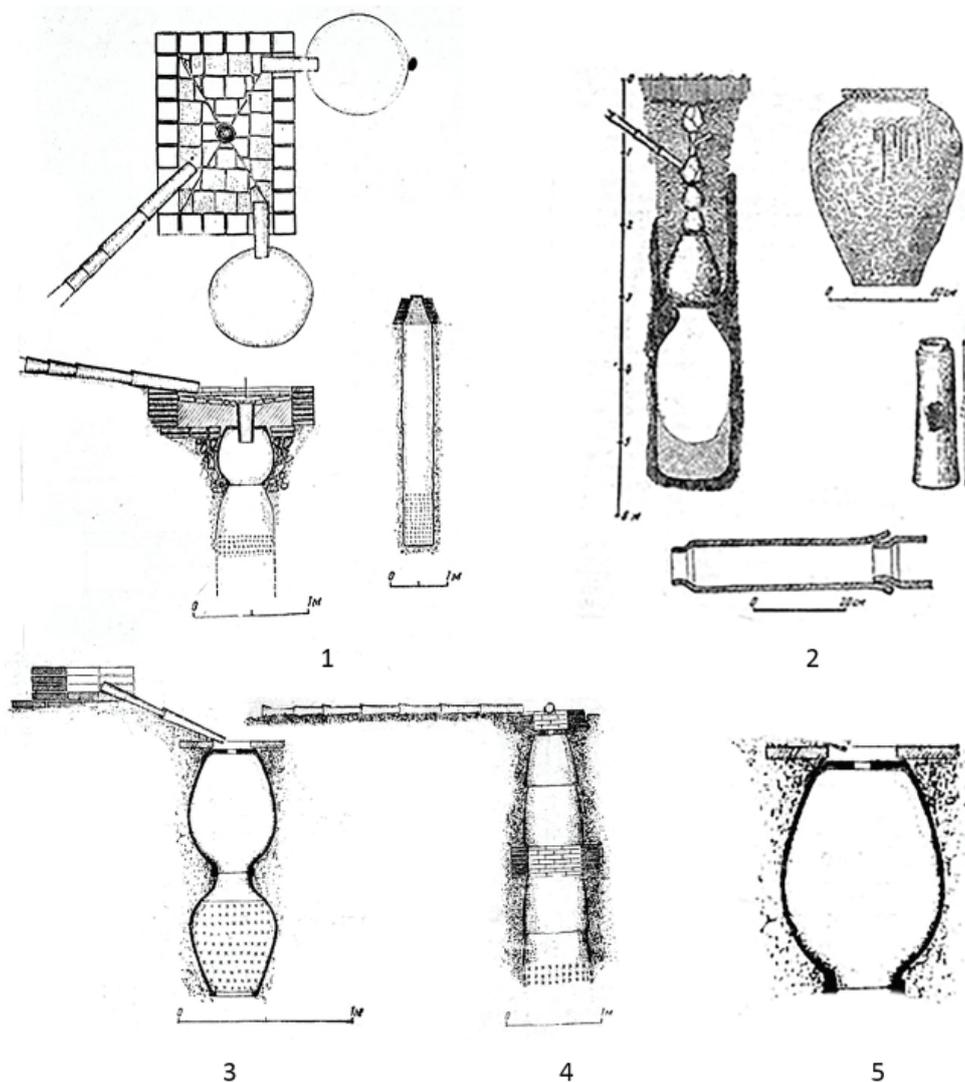

Рис. 9. Тошнау Средней Азии: 1– Афрасиаб, X–XI вв.; 2 – Варахша, X–XI вв.; 3 – Шуллерок-тепа 2, X в.; 4 – Шуллерок-тепа 1, X в.; 5 – Хорезм (Анарбаев А., 1981, с. 101, 104, 105, 107).

Fig. 9. Toshnau of Central Asia: 1– Afrasiyab, X–XI centuries; 2 – Varakhsha, X–XI centuries; 3 – Shullyuk-tepa 2, X century; 4 – Shullyuk-tepa 1, X century; 5 – Khwarazm (Anarbaev A., 1981, p. 101, 104, 105, 107).

монгольской можно считать только систему отопления в виде канов. Соединение тандыра, кана и большой П-образной суфы является золотоордынской традицией, которая в дальнейшем получила широкое распространение.

Интерьер золотоордынского жилища с большими суфами во многом аналогичен домам Южного Казахстана, в частности Отрара от XIII–XIV вв. до первой половины XX в. (Ерзакович, 1983; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис. 19, 20, 32–35, 45, 47, 54, 56, 82). Правда, И.Л. Кызласов считает, что короткий канал, идущий от тандыра к вертикальному дымоходу в стене комнаты, никак не связан с монгольской системой отопления

и его нельзя называть каном (Кызласов, 2011, с. 197–200). Также суфу, занимающую большую часть комнаты, он считает не суфой, а высоким полом, имеющим канал подпольного отопления. Небольшой по площади пол, находящийся ниже по уровню, с тошной в центре исследователь называет «нижним полом». По поводу дымоходного канала И.Л. Кызласов, тщательно изучивший все возможные дальневосточные варианты канов, возможно, и прав. Однако, чем отличается «высокий пол» отрарского жилища от суфы золотоордынского, не совсем понятно. При всей разнице терминологии жилое помещение узбекского дома Южного Казахстана удивительно напо-

минает устройство золотоордынского дома. На основании описания его, приведенного А.Н. Жилиной, можно представить, как жили люди в домах Золотой Орды: «Жилая комната чаще всего была квадратной, в центре стояла колонна (устун), которая поддерживала основную балку потолка (хары). Около входа имелось небольшое углубление – водослив, покрытый кирпичами или каменной плитой, сюда же выходило поддувало от очага, который вмазывался в возвышенную часть пола комнаты. Очаг, представлявший собой слепленную и частично обожженную корчагу без дна (верхнее отверстие было гораздо меньших размеров, чем нижнее), готовили отдельно, а затем устанавливали в комнате так, чтобы верхнее отверстие находилось на уровне возвышенной части пола. От очага, называемого «земляной очаг» (ер-учак, ер-гандыр), под суфой проходил дымовой канал (кан), который соединялся с трубой в стене дома. В холодное время в таком очаге пекли лепешки, на нем готовили пищу, им обогревались. Для сохранения жара очаг сверху закрывали

крышкой, слепленной из глины» (Жилина, 1982, с. 146–147). От золотоордынского дома это жилище отличает только колонна, стоящая посреди комнаты на суфе и поддерживающая перекрытие. В Средней Азии такие колонны являются непременным конструктивным элементом ввиду дефицита пригодного для строительства дерева, что создает сложности при плоском перекрытии пролетов. Исследовательница отмечает, что в таком жилом помещении размещалась вся большая семья, состоявшая из родителей и женатых сыновей. Для женатых пар на ночь отгораживали занавесками углы комнаты, а остальные члены семьи спали вместе. Самое теплое место около очага предназначалось для стариков и маленьких детей. В этой же комнате готовили пищу, пекли лепешки, занимались шитьем, вышиванием и другими домашними делами. В холодное время около двери держали новорожденных ягнят и козлят (Жилина, 1982, с. 147). Вероятно, примерно таков же был быт населения Золотой Орды, жившего в однокомнатных домах.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука, 1972. 216 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. 353 с.
- Анарбаев А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1981. 122 с.
- Археологические исследования на северных склонах Каратау / Отв. ред. Е. И. Агеева. Алма-Ата: АН КазССР, 1962. 220 с.
- Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б.* К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия общественная. 1972. № 2. С 53–78.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1986. 256 с.
- Воронина В.Л.* Архитектура древнего Пянджикента (Итоги работ 1954–1959 гг.) // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 124 / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.; Л.: Наука, 1964. С. 193–215.
- Воронина В.Л.* Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6. С. 84–96.
- Гудкова А.В.* Ток-кала. Ташкент: Фан, 1964. 171 с.
- Давыдова А.В.* Иволгинское городище // СА. Т. XXV / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1956. С. 261–300.
- Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 367 с.
- Егоров В.Л.* Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 172–193.
- Ерзакович Л.Б.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII–XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Гл. ред. Б. А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1983. С. 81–92.

- Жилина А.Н.* Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е.Е. Неразик, А. Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 137–164.
- Зиливинская Э.Д.* Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Астраханский университет, 2008. 172 с.
- Зиливинская Э.Д.* Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: АН РТ, 2019. 353 с.
- Зиливинская Э.Д.* Византия в Нижнем Поволжье: крымская сполія в Золотой Орде // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2023. С. 111–119.
- Зиливинская Э.Д., Билялов С.У., Сыдыкова Ж.Т.* Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова / Отв. ред. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 27–39.
- Зиливинская Э.Д., Ержигитова А.А.* Раскопки в окрестностях городища Каратобе в 2019 году // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.) Т. 2 / Гл. Ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 386–398.
- Кызласов Л.Р.* Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1975. С. 170–177.
- Кызласов Л.Р.* Гуннский дворец на Енисее. М.: Вост. лит-ра, 2001. 176 с.
- Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
- Кычанов Е.И.* Чжурджени в XI в. // Сибирский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1966. С. 269–281.
- Лунина С.Б.* Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригородов // Труды ЮТАКЭ. Т. IV / Ред. М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова. Ашхабад: Ылым, 1969. С. 109–171.
- Майдар Д.* Архитектура и градостроительство в Монголии. М.: Стройиздат, 1971. 241 с.
- Майдар Д., Пюрвеев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. М.: Стройиздат, 1980. 216 с.
- Массон В.М.* Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1959. 40 с.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1988. 195 с.
- Неразик Е.Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья // История, археология и этнография Средней Азии / Ред. А. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 197–207.
- Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки / Труды ХАЭЭ. Т. 9. М.: Восточная литература, 1976. 256 с.
- Смагулов Е.А.* Древний Сауран. Алматы: АБДИ, 2011. 434 с.
- Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.
- Туркестан в старых фотографиях и керамике. Материалы выставки. / сост. и отв. ред. Т. К. Мкртычев. М.: ГМВ, 2007. 62 с.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М.* Научный отчет о раскопках на Селитренном городище в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 9676, 9677а.
- Хмельницкий С.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: «Continent», 1992. 344 с.
- Хмельницкий С.* Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин-Рига: GamaJun, 2000. 293 с.
- Щепетильников Н.М.* Архитектура Монголии. М.: Госстройиздат, 1960. 245 с.
- Якубов Ю.* Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е.Е. Неразик, А. Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 111–121.

Erdenebat U., Pohl E. Aus der Mitte der Hauptstadt – Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005. S. 168-175

Богослужебные одеяния дьякона и иерея. Доступно по: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html>.

Как изготавливают национальный тандыр в Таджикистане. Ремесла Таджикистана. Доступно по: URL: <https://yandex.ru/video/preview/9259919896025844238> (дата обращения: 02.10.2023)

Процесс изготовления настоящего узбекского тандыра. Доступно по: URL: <https://yandex.ru/video/preview/8359916480299155991> (дата обращения: 02.10.2023)

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (г. Москва, Россия) eziliv@mail.ru

REFERENCES

Akischev, K. A., Baipakov, K. M., et al. 1972. *Drevnii Otrar (topografiia, stratigrafiia, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Akischev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vekakh (Otrar in XVIII–XV centuries)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Anarbaev A. 1981. *Blagoustroystvo srednevekovogo goroda Sredney Azii (Improvement of a medieval city in Central Asia)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Ageeva, E. I. (ed.). 1962. *Arkheologicheskie issledovaniya na severnykh sklonakh Karatau (Archaeological studies on the northern slopes of Karatau)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR (in Russian).

Akhinzhano, S. M., Erzakovich, L. B. 1972. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* (2), 53–78 (in Russian).

Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII v.) (Medieval urban culture of Southern Kazakhstan and Zhetysu (VI – beginning of the XIII centuries))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Voronina, V. L. 1964. In Belenitsky, A. M. (ed.). *Trudy Tadjikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik archaeological expedition)* IV. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 124. Moscow: "Nauka" Publ., 193–215 (in Russian).

Voronina, V. L. 1963. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 84–96 (in Russian).

Gudkova, A. V. 1964. *Tok-kala (Tok-kala)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Davydova, A. V. 1956. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–300 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., (in Russian).

Egorov, V. L. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 172–193 (in Russian).

Erzakovich, L. B. 1983. In Tulebaeva, B. A. (ed. in chief.). *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Kazakhstana i Srednei Azii (Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 81–92 (in Russian).

Zhilina, A. N. 1972. In Narazik, E. E., Zhilina, A. N. (eds.). *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Жилище народов Средней Азии и Казахстана)*. Moscow: "Nauka" Publ., 137–164 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2008. *Usad'by zolotoordynskikh gorodov (Mansions of Golden Horde Cities)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2019. *Arkhitectura Zolotoi Ordyy (Architecture of the Golden Horde) 2. Grazhdanskoe zodchestvo (Civil architecture)*. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2023. In Alekseenko, N. A. (ed.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIYA I POLIS (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: EMPIRE AND POLIS)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 111–119 (in Russian).

- Zilivinskaya, E. D., Bilyalov, S. U., Sydykova, Zh. T. 2011. In Maryksin, D. V., Vasiliev, D. V. (eds.). *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy. Sbornik nauchnykh statey pamyati V.P. Kostyukova (Issues on history and archaeology of medieval nomads and the Golden Horde. Collection of scientific articles in memory of V.P. Kostyukov)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 27–39 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D., Erzhitova, A. A. 2020. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2020. Velikaia Step' v svete arkhelogicheskikh i mezhdistsiplinarykh issledovaniy (17–18 sentiabria 2020 goda) (Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Studies: Margulan Readings – 2020 (September 17–18, 2020))* 2. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ., 386–398 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1975. In Larichev, V. E. (ed.). *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka (Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 170–177 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 2001. *Gunnskiy dvorets na Enisee (Hun palace on the Yenisei)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, I. L. 2011. *Altaistika i arkhologiya (Altaistics and archaeology)*. Moscow: Institute of Turkology (in Russian).
- Kychanov, E. I. 1966. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Sibirskiy arkhelogicheskiy sbornik (Siberian archaeological collection)* 2. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 269–281 (in Russian).
- Lunina, S. B. 1969. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkhelogicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* IV. Ashkhabad: "Ylym" Publ., 109–171 (in Russian).
- Maidar, D. 1971. *Arkhitektura i gradostroitel'stvo v Mongolii (Architecture and urban planning in Mongolia)*. Moscow: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).
- Maidar, D., Pyurveev, D. 1980. *Ot kochevoy do mobil'noy arkitektury (From nomadic to mobile architecture)*. Moscow: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).
- Masson, V. M. 1959. *Drevnie zemledel'tsy na yuge Turkmenistana (Ancient farmers in the south of Turkmenistan)*. Ashkhabad: "Turkmengosizdat" Publ. (in Russian).
- Mukhamedzhanov, A. R., Adylov, Sh. T., Mirzakhmedov, D. K., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishche Paykend. K probleme izucheniya srednevekovogo goroda Sredney Azii (Paykend settlement. To the issues of studying a medieval city in Central Asia)*. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).
- Nerazik, E. E. 1968. In Vinogradov, A. V. et al. (eds.). *Istoriia, arkhologiya i etnografiia Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 197–207 (in Russian).
- Nerazik, E. E. 1976. *Sel'skoe zhilishhe v Khorezme (I–XIV vv.). Iz istorii zhilishha i sem'i. Arkheologo-etnograficheskie ocherki (Rural Dwelling in Khwarezm (1st–14th Centuries). The History of Home and Family. Archaeological and Ethnographic Essays)*. Series: *Trudy Khorezmskoi arkhelogo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 9. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: "ABDI" Publ. (in Russian).
- Tolstov, S. P. 1947. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 55–102 (in Russian).
- Mkrtychev, T. K. (ed.). 2007. *Turkestan v starykh fotografiyakh i keramike (Turkestan in old photos and ceramics)*. Moscow: Gosudarstvennyi Muzei Vostoka Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A., Egorov, V. L., Bulatov, N. M. 1981. *Nauchnyy otchet o raskopkakh na Selitrennom gorodishche v 1981 g. (Scientific report on excavations at the Selitrennoye settlement in 1981)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 9676, 9677a (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdru arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).
- Khmel'nitskii, S. 2000. *Mezhdru kushanami i arabami. Arkhitektura Sredney Azii V–VIII vv. (Between the Kushans and Arabs. Architecture of Central Asia of the V–VIII centuries)*. Berlin-Riga: Gamajun (in Russian).
- Schepetilnikov, N. M. 1960. *Arkhitektura Mongolii (Architecture of Mongolia)*. Moscow: "Gosstroizdat" Publ. (in Russian).

Yakubov, Yu. 1982. In Nerazik, E. E., Zhilina, A. N. (eds.). *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 111–121 (in Russian).

Erdenebat, U., Pohl, E. 2005. In *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen (Genghis Khan and his heirs. The Mongol Empire)*. Bonn, München, 168–175 (in German).

Bogosluzhebnye odeianiia d'iakona i iereia (Deacon's and Priest's Liturgical Robes). Available at: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html> (in Russian).

Kak izgotavlivayut natsional'nyy tandyr v Tadjikistane. Remesla Tadjikistana (How the national tandoor is made in Tajikistan. Crafts of Tajikistan). Available at: URL: <https://yandex.ru/video/preview/9259919896025844238> (accessed 02.10.2023) (in Russian).

Protsess izgotovleniya nastoyashchego uzbekskogo tandyra (The process of making a genuine Uzbek tandoor). Available at: URL: <https://yandex.ru/video/preview/8359916480299155991> (accessed 02.10.2023) (in Russian).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.249.258>

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В ТРУДАХ А. П. СМИРНОВА

© 2023 г. К.А. Руденко

Статья посвящена изучению научного наследия выдающегося советского археолога Алексея Петровича Смирнова, основателя научного направления в археологии Волго-Камья – болгаристики. Особый интерес вызывают научные труды ученого, ставшие классическими: «Волжские болгары» и «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» опубликованные, соответственно, в 1951 и в 1952 г. В первом, автор дает развернутую характеристику не только социально-экономическим и политическим событиям истории Волжской Булгарии в рамках формационного подхода, но и материальной культуре ее населения. Особенностью этой части исследования А.П. Смирнова является то, что здесь отсутствует типологическая классификация, хотя основные принципы ее А.П. Смирнов использует очень часто. Автор утверждает, что это было результатом проводившейся в СССР в 1930-е гг. «марксизации» археологической науки, где типологический метод был признан буржуазным и не пригодным для советской истории материальной культуры, как стали называть археологию. А.П. Смирнов, владевший типологическим методом, который разработал его учитель В.А. Городцов, сознательно ограничил его использование. При этом им достаточно удачно были применены результаты исследований 1920-х гг. его коллег-археологов – А.В. Арциховского, С.В. Киселева, В.В. Гольмстен и др., касавшиеся общего анализа предметного мира в контексте социальной истории. А.П. Смирновым в книге «Волжские болгары» были заложены основы дальнейших научных разработок его учеников в области болгаристики, например, Т.А. Хлебниковой. Эти подходы отразились и во втором труде А.П. Смирнова.

Ключевые слова: археология, А.П. Смирнов, Болгарское городище, Волжская Булгария, волжские болгары, Золотая Орда, материальная культура.

MATERIAL CULTURE OF THE VOLGA BOLGARS IN THE SCIENTIFIC WORKS BY A.P. SMIRNOV

K.A. Rudenko

The article considers the study of the scientific heritage of the outstanding Soviet archaeologist Aleksei Petrovich Smirnov, the founder of the scientific direction in the archaeology of the Volga-Kama region – Bulgaristics. Of particular interest are the scientific works of the researcher, which have become classic: "The Volga Bolgars" and "Essays on the ancient and medieval history of the peoples in the Middle Volga and the Kama regions" published in 1951 and 1952 respectively. In the first book, the author gives a detailed description not only of the social, economic and political events in the history of Volga Bulgaria within the formation approach, but also of the material culture of its population. The peculiarity of this part of A.P. Smirnov's research is that there is no typological classification here, although A.P. Smirnov uses its basic principles very often. The author claims that this was the result of the "Marxisation" of archaeological science carried out in the USSR in the 1930s, when the typological method was considered bourgeois and unsuitable for the Soviet history of material culture, as archaeology came to be called. A.P. Smirnov, well-versed in the typological method developed by his teacher V.A. Gorodtsov, deliberately limited its use. At the same time, he successfully applied the results of studies in the 1920s by his colleagues-archaeologists – A.V. Artsikhovskiy, S.V. Kiselyov, V.V. Golmsten, and others, concerning the general analysis of the subject world in the context of social history. Smirnov, in the book "The Volga Bolgars", laid the foundations for further scientific developments of his students in the field of Bulgaristics, for example, T.A. Khlebnikova. These approaches were presented in A.P. Smirnov's second work.

Keywords: archaeology, A.P. Smirnov, Bolgar fortified settlement, Volga Bulgaria, the Volga Bolgars, Golden Horde, material culture.

Введение. Делом всей жизни археолога Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) было исследование древностей волжских болгар и раскопки городища Великие Болгары. За достаточно короткий по историческим меркам промежуток времени им была создана научная система исследований поселенческих памятников болгарского Средневековья, выверенная методика изучения многослойных поселений со сложной стратиграфией, на базе Болгарской экспедиции и Казанского музея сложился коллектив профессиональных археологов, ставших ядром казанской археологической школы болгаристики (Руденко, 2023).

Труды А.П. Смирнова отличаются насыщенной фактологией, что придавало им фундаментальность и вызывало доверие коллег. Любой вывод или предположение обосновывались Алексеем Петровичем на многочисленных археологических данных: результатах раскопок или музейных коллекциях. Ученый вводил читателей в дискуссионное пространство археологической науки, акцентируя внимание на наиболее обоснованных сюжетах и мнениях. Совершенно бессмысленно искать сейчас «ошибки» и «недочеты» Смирнова, становясь на позиции дилетантского историографизма в одном желании – опровергнуть предшественников. Достаточно только познакомиться с археологическим знанием того времени по данной проблеме, количеством и качеством источников, учитывая как научную, так и внутривополитическую среду той эпохи, и глубина работ А.П. Смирнова станет очевидной.

Другое дело, что даже традиционные для археологии сюжеты, которыми изобилуют труды А.П. Смирнова, например, анализ поселенческих материалов, процедура датирования, характеристика материальной культуры эпохи и выделение ее особенных черт, имеют свои особенности построения, логику и своего рода архитектуру мысли.

Источники и методы. В центре нашего внимания будет раздел классической монографии А.П. Смирнова «Волжские болгары» (1951), связанной с болгарской материальной культурой. Более раннее его исследование «Очерки по истории древних болгар» (1940 г.) было нами подробно разобрано (Смирнов, 1940; Руденко, 2014, с. 473–477), и нет необходимости возвращаться к этому. По мере необходимости мы будем обращаться к

вышедшей годом позже «Волжских болгар» другой фундаментальной монографии Алексея Петровича – «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (Смирнов, 1952).

Учитывая, что книга «Волжские болгары» стала первым опытом применения марксистской (формационной) теории к древностям Волжской Булгарии и одновременно экспериментальным исследованием на платформе новой советской истории материальной культуры, в корне отличавшейся от буржуазного вещеведения и дореволюционной археологической науки, важность этого анализа несомненна. Достаточно сравнить этот труд со штудиями А.Ф. Лихачева или В.Ф. Смолина по болгарским древностям, и мы увидим в трудах Алексея Петровича тщательно разработанный, зрелый исследовательский концепт, истоки которого мы постараемся выявить. Речь идет прежде всего об общепринятых в настоящее время и ставших традиционными исследовательских процедурах, таких как классификация, типология, без чего трудно представить практически любое археологическое исследование и публикацию материалов.

Полученные результаты. На долгие десятилетия монография А.П. Смирнова «Волжские болгары», написанная по материалам докторской диссертации, была настольной книгой для историков и археологов средневековой эпохи Волго-Камья. При этом заметной особенностью его книги является вещеведческая часть, где отсутствуют типологические построения и детальные описания артефактов. Это не случайно. Алексей Петрович был хорошо знаком с типологическим методом своего учителя В.А. Городцова, о чем свидетельствуют его публикации 1920-х – начала 1930-х гг., например, «Дондыкарское городище» (Смирнов, 1928). Однако опала, в которую попал Городцов в начале 1930-х гг., и общее отрицание «буржуазного вещеведения» (Равдоникас, 1930, с. 42–47; Белозёрова, Кузьминых, 2015, с. 55, 56) заставили Алексея Петровича исключить эту часть исследовательской процедуры и не применять ее в болгарских штудиях.

Его попытка в конце 1920-х гг., еще в начале компании за марксистскую археологию, вписать типологический метод в новую методологию и использовать ее для социологических построений была раскритикована В.И.

Равдоникасом – лидером борьбы за марксистскую историю материальной культуры в СССР, хотя вместе с тем Владислав Иосифович отметил, что А.П. Смирнов настроен «все же более критически и скептически к старой археологии» (Смирнов, 1928, с. 70; Равдоникас, 1931, с. 7). Археолог А.В. Шмидт также счел идеи А.П. Смирнова не марксистскими, хотя уже и не чисто буржуазными (Шмидт, 1932, с. 43).

Лозунг о «узости и неудовлетворительности старой вещеведческой археологии» стал в СССР программным на несколько десятилетий (Равдоникас, 1930, с. 13). В статьях соратников В.И. Равдоникаса, развивавших его атаку на старое вещеведение, например, М.Г. Худякова, повторялись идеи, что формальный, типологический метод буржуазен и не может использоваться советскими археологами в силу своей отсталости (Худяков, 1932, с. 22). Собственно, эти идеи заставили А.П. Смирнова описывать материальную культуру волжских булгар в интерпретационном ключе, что можно было рассматривать как методический прием, который отстаивали некоторые его коллеги, вышедшие из «типологической» школы В.А. Городцова (Гольмстен, 1932, с. 11).

К слову сказать, как явствует из писем Алексея Петровича послевоенного времени, он считал себя археологом-вещеведом и поддерживал стремление к этому и у своих коллег и учеников (Руденко, 2021, с. 136). Ярким примером является докторская диссертация Г.А. Федорова-Давыдова, ученика А.П. Смирнова, и изданная по ней монография с применением новой методики обработки археологического материала (Федоров-Давыдов, 1966).

В 1948 г., уже после Великой Отечественной войны, кампания против «буржуазного объективизма» вновь отодвинула практические вопросы исследований археологических артефактов на второй план (Руденко, 2021, с. 191). Археологическое вещеведение вплоть до 1960-х гг. по-прежнему оставалось в СССР темой политизированной и поэтому небезопасной.

Если в целом рассматривать вопрос о том, как представлялась материальная культура волжских булгар А.П. Смирновым в его труде «Волжские булгары», то нужно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых,

классификация артефактов, как и элементы типологии, все же здесь присутствовали. Алексеем Петровичем выделялись категории предметов по их функциональному назначению, например, орудия производства (топоры, лемехá), украшения (браслеты, перстни и проч.), поскольку это было необходимо и диктовалось логикой изложения, хотя в целом ограничено. Внутри категорий изделия, если это можно было сделать, распределялись по материалу. Встречаются и упоминания того или иного конкретного типа изделий, например, металлических зеркал, которые описаны достаточно подробно (Смирнов, 1951, с. 116, 117). Краткость и стремление к сухости изложения у Алексея Петровича были связаны не с нежеланием разнообразить текст исследования, а, скорее всего, старанием избежать обвинения в эмпиризме и «эстетствующем формальном искусствоведении» (Равдоникас, 1930, с. 51–53).

Кстати, детальную морфологическую характеристику археологических изделий можно найти в других трудах ученого тех лет, причем иногда и со ссылками на «вещеведческие» публикации дореволюционного времени (Смирнов, 1952, с. 99, 213, прим. 3). Но в целом отсутствие разработанной типологии в этих разделах исследования Алексея Петровича, как уже было сказано, является отголоском директивных тезисов о «буржуазном вещеведении», звучавших в 1930-х гг.

Какие же приемы анализа использовал А.П. Смирнов в исследовании болгарской материальной культуры, отойдя от типологического метода В.А. Городцова? Главным ориентиром для него стал комплексный метод, предполагавший изучение вещей как результата производственных процессов с акцентом на реконструкцию жизни древнего общества и тех социальных движений, которые в нем происходили (Равдоникас, 1930, с. 30, 32). В рамках этого метода им применялся сравнительный анализ, метод аналогий и с конца 1940-х гг. – стратиграфический, сочетавшийся с планиграфическим анализом, базирующемся на методике вскрытия культурного слоя поселения единой площадью. Последний момент следует выделить, поскольку именно он противопоставлялся правилам полевых исследований в археологии в Российской империи, где раскопки осуществлялись шурфами и траншеями. Таким образом вели

раскопку археологи, работавшие в ТАССР в 1920-е годы – В.Ф. Смолин, А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и учившийся у них Н.Ф. Калинин. В.И. Равдоникас писал, что исследование широкими площадями «облегчает также стратиграфические наблюдения и дает целостное представление о памятнике, о смене отраженных в нем стадий культурного развития» (Равдоникас, 1930, с. 58).

В трудах Смирнова в подборе аналогий к средневековым изделиям нередко отсылки к ранним эпохам – раннему железному веку, Античности. Это делалось, чтобы подчеркнуть единство и устойчивость культурных традиций данного региона в разные эпохи. Это правило сформировалось в дореволюционной российской археологии как своего рода методический прием и сохранялось позже, например, в искусствоведческих штудиях, которые в 1930-е гг. также подверглись сильной критике (Равдоникас, 1930, с. 53–36). У А.П. Смирнова связующим звеном археологических эпох стала пьяноборская культура конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., носители которой, как считал Алексей Петрович, вошли в состав Булгарского царства (Смирнов, 1951, с. 122).

В целом общая картина материальной культуры волжских булгар в трудах ученого, минуя стадию морфологического описания и типологического членения, сразу компоновалась в категории, близкие к политэкономическим, и представлялась отображением производительных сил феодальной общественно-экономической формации. Следуя этой логике, материальную культуру Волжской Булгарии он рассматривал как отрасль промышленности: городской, сельской; выделял импортные изделия, характеризующие торговые сношения с дальними странами, из которых Алексей Петрович выделял Китай и Хорезм (Смирнов, 1951, с. 116).

Кроме того, четко ощущалась стремление А.П. Смирнова представить основные виды ремесленной продукции, зафиксированные на болгарских памятниках, изготовленные непосредственно в Волжской Булгарии (Смирнов, 1951, с. 113, 117, 118). Отчасти это подкреплялось археологическим материалом, однако не все можно было доказать на основе имевшихся тогда данных, впрочем, как и сейчас. Это предположение А.П. Смирнова имело под собой не менее актуальную

подтему с политическим оттенком, связанную с противодействием буржуазной расовой теории.

Действительно, были ли разнообразные ремесленные изделия из Булгара местного производства или же они были импортными, а может быть, они появились здесь с пришлыми группами населения? Вопрос сложный. Советские археологи в 1930-е гг. сознательно ограничивали рамки научных гипотез и интерпретаций, чтобы исключить буржуазные идеи, такие как миграции, теории культурных кругов и культурных влияний и заимствований, как скрытую пропаганду расизма, о чем писал С.Н. Быковский – заместитель председателя ГАИМК, авторитетный в те годы (Быковский, 1934, с. 9).

Алексей Петрович не следовал в данном случае политической конъюнктуре – нельзя было отрицать очевидное: булгары на Средней Волге были пришлым народом, причем кочевым; наличие экзотичных артефактов (металлические зеркала, торевтика) явно указывало на их иноземный характер, то есть попали они сюда из тех мест, где их изготавливали массово: это страны Востока, включая Китай, а также Предкавказье (Смирнов, 1958). Более того, А.П. Смирнов утверждал, что в X в. булгары были своего рода центром связей с Востоком (Смирнов, 1951, с. 40, рис. 11). В этом контексте Алексей Петрович рассматривал и принятие ислама болгарской элитой в начале X в., подчеркивая, что это событие имело большое значение для приобщения болгарского населения к передовой в то время культуре Востока и отвечало новому феодальному строю болгарского государства (Смирнов, 1951, с. 40). Эта идея А.П. Смирнова присутствует и в современных штудиях многих казанских историков и археологов.

Внешние влияния на материальную культуру волжских булгар, несомненно, были: сам А.П. Смирнов считал, что определяющим было славяно-русское (Смирнов, 1951, с. 153–166). Эта тема имела в научном творчестве Алексея Петровича свою историю, связанную в том числе и с внутривосточной ситуацией в СССР в первые послевоенные годы (Руденко, 2021, с. 278, 280). По мнению А.П. Смирнова, также имело место и болгарское воздействие на окружающие народы (Смирнов, 1952, с. 220, 226), что, кстати,

в дальнейшем повлияло на появление идеи о «булгарской эпохе» в Прикамье.

Впрочем, сарматская гипотеза А.П. Смирнова, где булгары-пришельцы были сарматами, снимала ряд противоречий – в конечном итоге булгары-сарматы были автохтонами восточноевропейских степей, а в классический период истории Волжской Булгарии полиэтничный и многоконфессиональный булгарский народ имел связи с родственными племенами, прежде всего финно-угорского корня, с которыми булгары-сарматы к тому времени, собственно, и смешались (Смирнов, 1951, с. 27). Автохтонная теория в советской археологии 1930–1940-х гг. не была абсурдом; тогда она выступала как действенный механизм настройки марксистского подхода в советской археологии, несмотря на не всегда корректные способы его применения (Свешникова, 2009, с. 72). Для булгарских древностей она была гипотезой, которая смогла соединить историографическую традицию и новые археологические материалы в единую концепцию, причем на основе новой методологии. Стоит сказать, что и без формационной основы, как показывают исследования последних лет, гипотеза А.П. Смирнова вполне жизнеспособна.

Серьезной проблемой для археологических штудий 1930–1940-х гг. была хронология и датировка материалов. Разработанный принцип датировки артефактов, широко применявшийся как зарубежными, так и российскими дореволюционными археологами на основе типологических рядов (Равдоникас, 1930, с. 42–44; Генинг, 1982, с. 161–167), был раскрыт и отвергнут как буржуазный и неприемлемый в советской археологии: «датировка должна быть не формально-типологической, приводящей в лучшем случае к формальному историзму, а социально-исторической, с хронологическим определением изменения формы и содержания, социальной значимости (функции) предмета» (Мещанинов, 1932, с. 29). В целом, как верно отметил В.Ф. Генинг, речь шла о двух подходах к типологии и об ее задачах (Генинг, 1982, с. 164).

В публикациях 1950-х гг. Алексей Петрович подчеркивал важность придерживаться в хронологии общепринятой археологической схемы, в связи с чем выступил с критикой хронологии средневожских древностей В.В. Гольмстен, разработанной ею в 1923 г.

(Смирнов, 1952, с. 112). Он считал, что необходимо вернуться к традиционному методу аналогий, ссылаясь при этом на формально-типологическую разработку А.В. Арциховского «Курганы вятичей», вышедшую в 1930 г. (Смирнов, 1952, с. 129, прим. 1 и 2), хотя и подвергнутую разгромной критике в начале 1930-х гг. (Равдоникас, 1930, с. 62–67).

Впрочем, социологизм в исследованиях Алексея Петровича остался, поскольку, несмотря на разные подходы, исторические обобщения в них в любом случае должны были присутствовать. Так, например, по поводу булгарских городищ он писал, что они позволяют «проследить классовый характер населявшего их общества» (Смирнов, 1951, с. 28, 36). В данном вопросе Алексей Петрович, видимо, ориентировался на идеи С.В. Киселева 1920-х гг. (Свешникова, 2009, с. 82, 83).

Отметим, что социальная классификация булгарских городищ, намеченная А.П. Смирновым в начале 1950-х гг., была продолжена другими исследователями этой категории булгарских памятников в 1990–2000-х гг. (Руденко, 2014, с. 160). Из-за того, что большая часть известных булгарских городищ в то время в лучшем случае была обследована разведками, а многие еще не выявлены, то их обобщающая характеристика и выводы были своего рода предвидением, но достаточно точным. Отсутствие критериев для узкой датировки памятников привело к использованию широких хронологических рамок в определении их существования, как правило, в пределах исторических периодов – до монгольского нашествия и после (Руденко, 2022, с. 263), либо совмещения их, если памятник был многослойный, а также если подъемный материал был маловыразительным. В начале 1950-х гг. А.П. Смирнов отмечал, что разграничить материал с большинства булгарских памятников периода феодализма затруднительно (Смирнов, 1951, с. 4). По мере разработки датировок по стратиграфии Болгарского городища и выделения характерных комплексов как домонгольского, так и ордынского времени (Хлебникова, 1987) ситуация стала меняться.

Обсуждение. Строгая привязка археологических данных к историческим, точнее социологическим, построениям, характерная для труда А.П. Смирнова «Волжские булгары», дает массу интересных примеров исполь-

зования разработок его коллег в 1920-х гг. Так, утверждая, что производительные силы племен Среднего Поволжья к X веку достигли высокого уровня, он ссылается как на доказательства этого утверждения на большое количество находок сельскохозяйственных орудий этого времени, а также злаков, обнаруженных при раскопках (Смирнов, 1951, с. 35, 36). Эти признаки были обоснованы А.В. Арциховским и в дальнейшем поддержаны С.В. Киселевым, правда, на более ранних материалах (Арциховский, 1927; Свешникова, 2009, с. 108). Примечательно, что эта позиция была объектом самокритики А.В. Арциховского, А.П. Смирнова и С.В. Киселева в 1932 г. (Арциховский и др., 1932, с. 47). Тем не менее этот тезис стал основой обсуждения следующего вопроса – о болгарском землевладении.

Интересны описания болгарских жилищ, исследованных раскопками. А.П. Смирнов выделяет среди них жилища – землянки, полуземлянки, круглые в плане постройки, а также квадратные и прямоугольные с печками (Смирнов, 1951, с. 78). В данном случае А.П. Смирнов использовал метод этнографических параллелей, очень популярный в 1920-х гг. (Свешникова, 2009, с. 78–79). Этнографическим материалам А.П. Смирновым посвящен раздел в монографии 1951 г., а также часть главы о древних верованиях в книге 1952 г. (Смирнов, 1951, с. 75–86; Смирнов, 1952, с. 268, 269). Использовал он этот метод и в дальнейшем.

На момент написания монографии «Волжские болгары» болгарский керамический материал не был еще Алексеем Петровичем исследован детально. Предварительно он классифицировал его, в основном по цвету с учетом способа изготовления – гончарного и лепного. Ученый ссылался на систематизацию болгарской керамики самарского археолога В.В. Гольмстен, правда, в критическом ключе. С Верой Владимировной А.П. Смирнов не соглашался из-за ее утверждения, что круговая керамика у болгар – привозная, вероятно из Средней Азии (Смирнов, 1951, с. 130, 132). Он же считал ее местного производства. В круговой болгарской керамике А.П. Смирнов видел некоторые черты сармато-аланской посуды, например, в формах кринок, мисок. Несмотря на некоторые спорные заключения, общий вывод А.П. Смирнова о преемственности керамических традиций болгарских

домонгольских и ордынских, оказался верным (Смирнов, 1951, с. 136), что было доказано исследованиями болгарского гончарства и керамических изделий О.С. Хованской, Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной.

Подробно описаны А.П. Смирновым изделия из железа: сельскохозяйственные орудия, инструменты (топоры), ремесленный инструментарий, части конской упряжи, а также изделия из цветных металлов. Особое внимание было обращено на металлические зеркала, среди которых он, вслед за А.Ф. Лихачевым, выделял привозные: с изображением парных сфинксов (А.П. Смирнов считал их львами) и куфическими надписями, выполненные в Иране или под влиянием иранских образцов. В изображениях он видел влияние сасанидских традиций. Зеркала с изображением драконов он считал китайскими (Смирнов, 1951, с. 116).

Не потеряли своей актуальности идеи А.П. Смирнова о бронзовых миниатюрных замочках в виде животных – частая находка на поселениях эпохи Волжской Булгарии и Золотой Орды. В этом разделе без сомнения Алексей Петрович использовал труды дореволюционных исследователей – А.Ф. Лихачева, Н.Ф. Высоцкого, а также коллекции В.И. Заусайлова, С.В. Ешевского, Л.О. Сиклера, на что есть соответствующие ссылки в его исследовании (Смирнов, 1951, с. 129).

Идея А.П. Смирнова о том, что техника изготовления и декорирования изделий из кости и рога в Волжской Булгарии оказали влияние на финнов Прикамья, которые заимствовали у болгар эти приемы (Смирнов, 1951, с. 127), очень своеобразна. Любопытна приведенная Алексеем Петровичем аргументация: он отмечал, что на разных болгарских памятниках встречаются одинаковые костяные изделия, а в Прикамье – на каждом городище что-то особенное (Смирнов, 1951, с. 127), и из этого делалось заключение, что в последнем случае это свидетельствует о домашнем характере производства костяных изделий, а в первом – промышленном изготовлении. В ассортименте продукции болгарских косторезов были рукояти ножей и плеток, гребни, пуговицы, копоушки, булавы. Центры производства в Булгарии изделий из кости, по его мнению, Биляр и Булгар, причем с X в., как считал ученый, был выработан определенный стандарт изделий. На основании этого Алек-

сей Петрович предположил, что у болгар было профессиональное косторезное производство (Смирнов, 1951, с. 129).

Завершая исследование болгарской промышленности, А.П. Смирнов сделал вывод, что уже с X в. у болгар была дифференциация ремесел, при этом основными потребителями продукции высококвалифицированных ремесленников были жители Волжской Булгарии, в основном горожане. Алексей Петрович считал, что это может свидетельствовать об имущественном расслоении городского населения (Смирнов, 1951, 145, 146).

Стоит отметить еще один аспект исследований А.П. Смирновым материальной культуры волжских болгар. В своих трудах Алексей Петрович никогда не рассматривал вопрос о болгарской археологической культуре. Он считал, что понятие «археологическая культура» является методическим инструментом, необходимым только для изучения доклассового общества.

А.П. Смирнов писал: «Понятие «археологическая культура» в работах археологов имеет в значительной мере служебный характер и тесно связано с изучением первобытного общества. Термин культура [имеется в виду археологическая культура – *К.Р.*], в этом понимании, не может быть отнесен к рабовладельческому или феодальному обществу. Культура в применении к античному обществу, Ахеменидскому Востоку, Сасанидскому Ирану, Киевской Руси, Московской Руси имеет совершенно другой смысл, иное содержание. Термин культура, применяемый археологами, имеет отношение только к *доклассовому обществу* [выделено мной – *К.Р.*], и еще: «Понятие «археологическая культура», которым оперируют археологи в своих исторических построениях, имеет чисто служебную роль, помогая разрешить многие вопросы истории доклассового общества» (Смирнов, 1964, с. 3, 10). Позиция А.П. Смирнова, которую разделяли в этом плане советские археологи-медиевисты, правомерна и в настоящее время.

В исследовании А.П. Смирновым болгарской материальной культуры мы практически не встретим этнических «определений» артефактов, например, замков, браслетов или других поделок, которые другими исследователями были отнесены к изделиям «болгар-

ского типа», то есть исключительно присущих, так сказать, волжским болгарам. На наш взгляд, это было связано, с одной стороны, с объективной оценкой ученым материального мира Волжской Булгарии, с универсалиями массового производства на внутренний рынок и распространением предметов, типичных для этого времени в Восточной Европе, особенно в инструментарии и предметах вооружения, а с другой, – позволяло избегать историко-культурного этнологизма, как писали тогда, «пропитанного местным мелкобуржуазным национализмом» (Равдоникас, 1930, с. 49).

Заключение. Придерживаясь в целом марксистской доктрины в исследовании болгарской материальной культуры, А.П. Смирнов сумел совместить в своих трудах традиционные археологические процедурные начала в виде элементов классификации, типологических схем и достаточно органично введенных сюжетов исторического плана. Обусловленная эпохой и официальными предписаниями трактовка материальной культуры волжских болгар А.П. Смирнова тем не менее не явилась препятствием для эффективного использования разработок 1920-х гг. своих коллег в интерпретации болгарских артефактов.

В сущности, исследования Алексея Петровича в области болгарского вещеведения в монографии 1951 г. представляют собой сложный симбиоз методических и теоретических конструктов ранней советской эпохи, при этом сохранивших научную глубину и доказательность. В дальнейшем в трудах А.П. Смирнова происходило развитие этого приема, основанное на стратифицированных материалах Болгарского городища и других памятников волжских болгар как домонгольского, так и ордынского времени.

С первого взгляда может показаться, что исследования А.П. Смирнова по рассматриваемой теме – только реализация догм и правил советской эпохи, навязанных ученым-археологам правящим режимом. Однако обратим внимание на одну особенность монографии А.П. Смирнова 1951 г., как и предшествующей его работе 1940 г. «Очерки по истории древних болгар», – это отсутствие ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма, в том числе и И.В. Сталина, как и на другого классика – Н.Я. Марра. Это встречалось в те годы нечасто (Свешникова, 2009, с. 125).

Алексей Петрович начинает цитировать классиков марксизма-ленинизма в своих публикациях (и далеко не во всех) с 1952 г. Например, в монографии «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (1952) имеется одна ссылка на труды И.В. Сталина, пять ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса и одна ссылка на «Историю ВКП(б): краткий курс» (Смирнов, 1952, с. 5, 36, 37, 40, 147). Но в этой же монографии Алексей Петрович ссылается на репрессированного М.Г. Худякова (Смир-

нов, 1952, с. 20) и, причем неоднократно, на причисленных в 1930-е гг. к врагам советской археологической науки иностранных ученых, например, А.М. Тальгрена. Правда, эта книга вышла за год до вступления А.П. Смирнова в ВКП(б) – КПСС (Руденко, 2021, с. 351).

Стоит подчеркнуть, что реалии советской действительности и политическая конъюнктура никогда не заставляли А.П. Смирнова изменить стремлению к познанию научной истины. Его исследования по материальной культуре волжских булгар яркий тому пример.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // ТСС РАНИОН. Вып. 1. М.: РАНИОН, 1926. С. 123–135.

Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Дневники В.А. Городцова. 1928-1944: в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. П.Г. Гайдук, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2015. С. 12–72.

Быковский С.Н. Предисловие // Расовая теория на службе у фашизма / Ред. Г.И. Петров. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. С. 4–14.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Гольмстен В.В. К разработке приемов исследования вещественных памятников // СГАИМК. 1932. №11–12. С. 11–14.

Мецианинов И.И. К вопросу о датировке археологических памятников // СГАИМК. 1932. № 5–6. С. 23–29.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры / ИГАИМК. Т. 7. Вып. III/IV Л.: ГАИМК, 1930. 94 с.

Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // СГАИМК. 1931. № 9–10. С. 5–32.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Школа, 2021. 476 с.

Руденко К.А. Вопросы хронологии средневековых древностей Волго-Камья (историографический аспект) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул: Алт. ун-т, 2022. С. 261–265.

Руденко К.А. Археологическая школа булгаристики А.П. Смирнова в Татарской АССР (1930–1970-е гг.): формирование и развитие // У истоков советских археологических школ (1918-1950). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2023. С. 60–61 DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-400-5.

Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-1950-х гг. Омск: Наука, 2009. 203 с.

Смирнов А.П. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // ТСТМ РАНИОН. Вып. 2. М.: РАНИОН, 1928. 275 с.

Смирнов А.П. Дондыкарское городище // Труды научного общества по изучению Вотского края. 1928. Вып. IV. С. 26–61.

Смирнов А.П. Очерки по истории древних болгар // Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ. Вып. XI / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1940. С. 55–136.

Смирнов А.П. Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 277 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 330–359.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Худяков М.Г. К вопросу о датировке археологических памятников // СГАИМК. 1932. №№ 5/6. С. 21–23.

Шмидт А.В. О работах русских археологов по финнам // СГАИМК. 1932. № 3/4. С. 35–43.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Artsikhovskii, A. V. 1926. In *Trudy seksii sotsiologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Sociology Section of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 1. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences 123–135 (in Russian).

Artsikhovskii A.V., Kiselev S.V., Smirnov A.P. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 1–2, 46–48 (in Russian).

Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. 2015. In Gaidukov, P. G., Yanovskii, A. D. (ed.). *Dnevnik V.A. Gorodtsova. 1928-1944 (Vasily Alekseevich Gorodtsov's Journals. 1928–1944)* 2. Moscow: "Triumf print" Publ., 12–72 (in Russian).

Bykovsky, S. N. 1934. In Petrov, G. I. (ed.). *Rasovaya teoriya na sluzhbe u fashizma (Racial theory in the service of fascism)*. Moscow; Leningrad: "OGIZ" Publ., 4–14 (in Russian).

Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoi arkheologii (U istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoi arkheologii. 20-e – pervaiia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology (At the Origins of the Marxist Theoretical Background of Soviet Archaeology))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Golmsten, V. V. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 11–12, 11–14 (in Russian).

Meshchaninov, I. I. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 5–6, 23–29 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1930. *Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury (For Marxist history of material culture)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture)* 7 (III/IV). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* 9–10, 5–32 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. *Kazanskii arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voiny (1945–1949) (po materialam perepiski A. P. Smirnova i A. M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists in the First Years*

after the Great Patriotic War (1945-1949) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova). Kazan: "Shkola" Publ.

Rudenko, K. A. 2022. In Shirokova, M. A., Ivanova, A. V. (eds.). *Evrasiystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya* (Eurasianism: theoretical potential and practical applications). Barnaul: Altai State University, 261–265 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2023. In Sorokina, I. A. (ed.). *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950)* (At The Origins Of The Soviet Archaeological Schools (1918–1950)). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 60–61 (in Russian).

Sveshnikova, O. S. 2009. *Sovetskie arkheologi v poiskakh pervobytnoy istorii. Istoricheskaya interpretatsiya arkheologicheskikh istochnikov v sovetskoj arkheologii 1930–1950-kh gg.* (Soviet Archaeologists in Search of the Primeval History. The Historical Interpretation of Archaeological Sources in Soviet Archaeology in the 1930s-1950s). Omsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. *Trudy seksii teorii i metodologii RANION* (Proceedings of the Section of Theory and Methodology of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences) 2. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences (in Russian).

Smirnov, A. P. 1928. In *Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu Votского kraя* (Proceedings of the scientific society for the study of the Votyak lands) 4, 26–61 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1940. In Eding, D. N. (ed.). *Sbornik statei po arkheologii SSSR* (Collection of articles in the USSR Archaeology). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 11. Moscow: State Historical Museum, 55–136 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary* (The Volga Bulgars). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* (Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and the Kama regions). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 2. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330–359 (in Russian).

Smirnov, A. P. 19646. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) 4, 3–10 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki* (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury* (City of Bolgar. Essays on History and Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Khudyakov, M. G. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture) 5/6, 21–23 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1932. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture) 3/4, 35–43 (in Russian).

Информация об авторе:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

КОМПЛЕКС МАВЗОЛЕЕВ У С. ЛАПАС: К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКА

©2023 г. А.Г. Ситдигов, Е.М. Пигарёв, М.К. Сарыбаев

Цель исследования: В работе представлены результаты комплексных археологических исследований крупнейшего в Улусе Джучи некрополе золотоордынской элиты – Лапасском комплексе мавзолеев. Проведен критический анализ сведений письменных источников, материалов, полученных в ходе исследований 1995–1997 гг. и работ, проведенных на Лапасском комплексе в 2018–2022 гг. *Материалы исследования:* Используются материалы топографических работ, проведенных Поволжской археологической экспедицией ИА РАН в 1995-1997 гг. и данные дешифрования дистанционного зондирования Земли, полученные специалистами РКЦ «Прогресс» в 2013 г. Представлены результаты магнитометрических и геодезических исследований, проведенных на Лапасском комплексе мавзолеев в 2018-2022 гг. Показаны результаты первого археологического раскопа, проведенного с целью изучения стратиграфии и планиграфии погребенного объекта (мавзолей №1). Приведен анализ нумизматического комплекса, собранного на памятнике в ходе исследований. *Результаты и научная новизна:* Междисциплинарные исследования, проведенные на Лапасском комплексе мавзолеев, включающие топографические, геофизические, геодезические и археологические работы, позволили сделать ряд предположений и выводов относительно времени создания, деятельности и разрушения комплекса, его общей структуре и конструктивных особенностях, потенциала археологического памятника, его роли и значения в культуре Золотой Орды. Представленные научные изыскания являются пионерскими, поскольку ранее комплексных исследований такого уровня на археологических объектах эпохи Золотой Орды не проводилось.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Узбек хан, Лапасский комплекс, ханский некрополь, культовая архитектура, мавзолей, геофизические и геодезические исследования, изразцы, джучидские монеты.

THE COMPLEX OF MAUSOLEUMS AT THE VILLAGE OF LAPAS: ON THE QUESTION OF SITE ATTRIBUTION

A.G. Sitdikov, E.M. Pigarev, M. K. Sarybaev

The purpose of the study: The paper presents the results of comprehensive archaeological studies on the largest necropolis of the Golden Horde elite in the Ulus of Jochi – Lapas complex of mausoleums. A critical analysis of the information from written sources, materials, obtained during the studies in 1995-1997 and archaeological works on the Lapas complex in 2018-2022, were carried out. *Research materials:* The materials of topographic works carried out by the Volga Archaeological Expedition IA RAS in 1995-1997 and the data of decryption of remote sensing of the Earth, got by specialists of the Progress Rocket Space Centre in 2013, were used. The results of magnetometric and geodetic studies, conducted at the Lapas complex of mausoleums in 2018-2022, are presented. The results of the first archaeological excavation, conducted in order to study the stratigraphy and planography of the buried site (mausoleum No. 1), are shown. The analysis of the numismatic collection from the site is presented. *Results and scientific novelty:* Interdisciplinary research, held on the Lapas mausoleum complex, including topographic, geophysical, geodetic and archaeological works, allowed to make a number of assumptions and conclusions about the time of creation, activity and destruction of the complex, its general structure and design features, the potential of the archaeological site, its role and significance in the culture of the Golden Horde. The presented scientific research is pioneering, as earlier comprehensive studies of such level on archaeological sites of the Golden Horde period were not conducted

Keywords: archaeology, Golden Horde, Uzbek Khan, Lapas complex, Khan necropolis, cult architecture, mausoleum, geophysical and geodetic studies, tiles, Juchid coins.

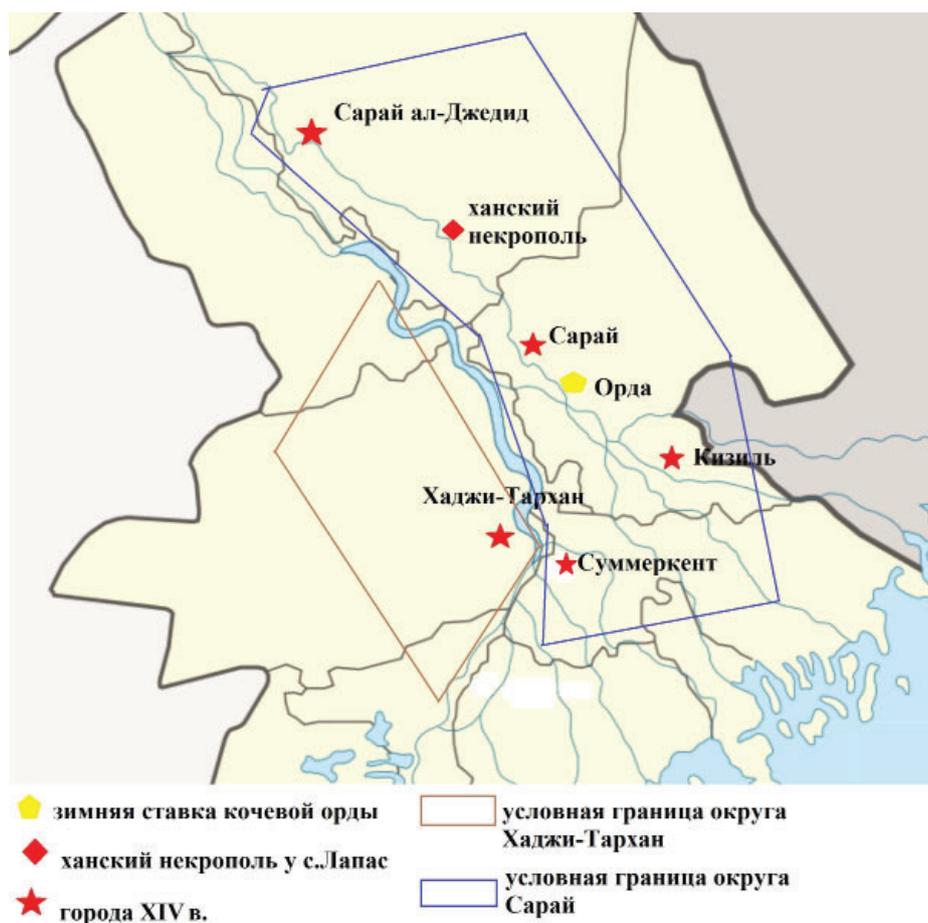

Рис. 1. Схема расположения ханского некрополя у с. Лапас.

Fig. 1. Layout of the Khan necropolis at the village of Lapas.

Нижнее Поволжье – уникальный историко-культурный район, концентрирующий большое многообразие исторического наследия народов, проживавших в древности и Средневековье в дельте Волги. Регион является основной областью сосредоточения многочисленных памятников мусульманской культуры эпохи образования и расцвета Золотой Орды.

Археологические остатки столичных городов и крупных городов, поселений, некрополей сохраняют в культурном слое огромный потенциал источников материальной культуры золотоордынского времени. Целенаправленно проводимые последние полтора века и особенно с началом работы Поволжской археологической экспедиции в 1960-е годы раскопки этих памятников дали богатейший материал, характеризующий яркую культуру Золотой Орды.

Современные знания о золотоордынской материальной культуре в значительной степени базируются в основном на мате-

риалах раскопанных объектов в столичных центрах. Обширные разведывательные работы на Нижней Волге 1990–2020-х годов также расширили наши представления о территории Золотой Орды, характере ее освоения, плотности и частоте населенных пунктов XIII–XIV вв. Результаты разведок показали, что все Нижнее Поволжье, а не только столицы, представляло собой в золотоордынское время густо заселенный регион.

Новые сведения об освоении этой территории чрезвычайно расширяют наши представления об исторической географии Золотой Орды и дают новые материалы для осмысления роли и места самих столиц. Удастся реконструировать не только инфраструктуру всей дельты Волги, но и по-новому взглянуть на внутренние экономические, демографические и культурные процессы, динамику строительной активности этой эпохи.

В 50 километрах южнее Сарая ал-Джедид (Селитренного городища), к северу от села

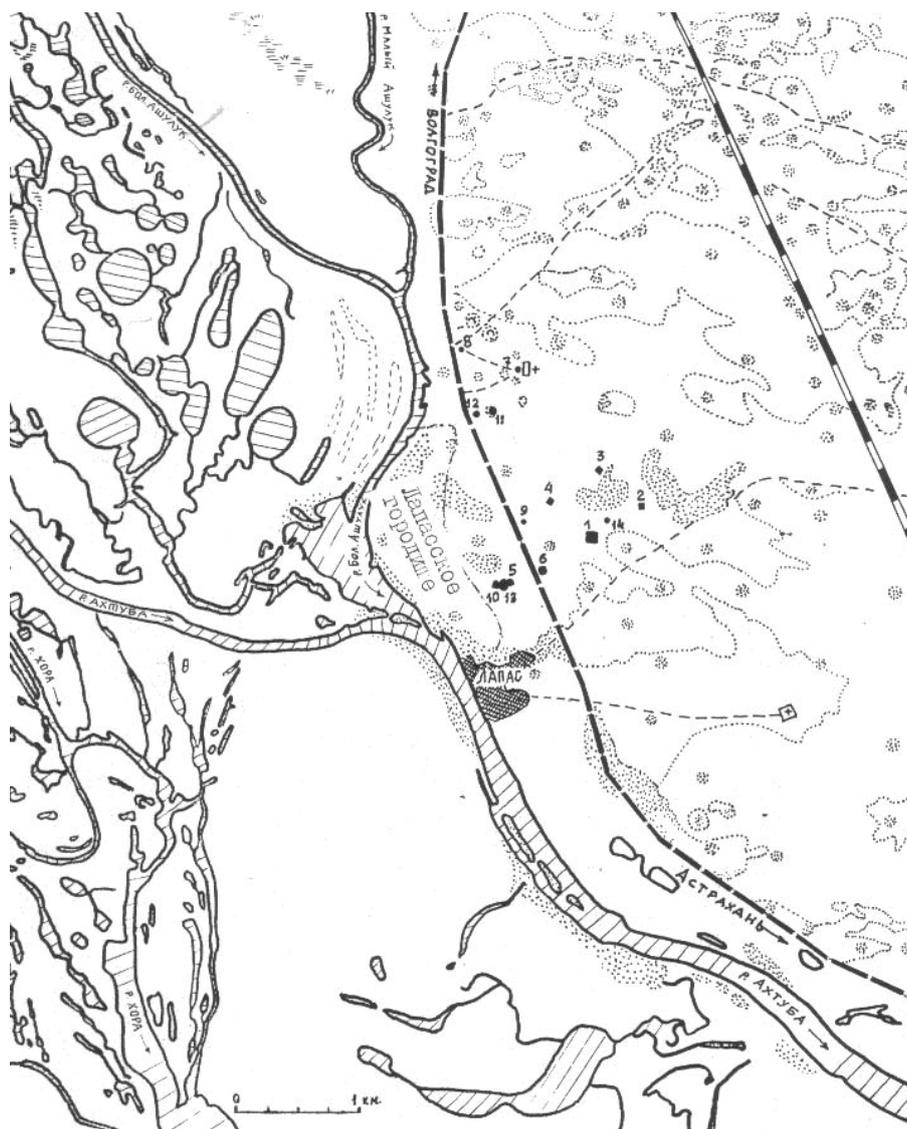

Рис. 2. Топографический план комплекса мавзолеев у с. Лапас (В.В. Дворниченко, 1997 г.).
 Fig. 2. Topographic plan of the complex at the village of Lapas (by V.V. Dvornichenko, 1997).

Лапас Харабалинского района Астраханской области находится поселение золотоордынского времени, известное по официальным документам как городище «Ак-Сарай». К востоку от этого поселения расположены развалины мавзолеев разных размеров (рис. 1). Руины мавзолеев находятся на возвышенностях и представляют собой обломки обожженного кирпича, скопления фрагментов глазурованных изразцов и известкового раствора.

В письменных источниках описание объекта представлено очень скупо. Свидетельства о расположении некрополя правителей Золотой Орды имеются в средневековых европейских картах и в записках путешественников. Наиболее раннее указание на его местонахождение отмечено на итальянской карте 1367

года братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин, 1889, р. 17), а на сто лет позже на карте Фра-Мауро 1459 года также указано: «Императорские захоронения» («Sepultura imperial») (Falchetta, 2006, р. 79). Сведения об этом обширном некрополе и его сохранности имеются также в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. (Эвлия Челеби, 1979, с. 134–135). Сохранившиеся письменные источники со второй половины XIV в. до второй половины XVII в. фиксируют некрополь ханов (императоров) Золотой Орды.

В научной литературе впервые описание памятника было сделано В.Л. Егоровым, предположившим, что в четырех крупней-

ших мавзолеях Лапаса погребены четыре хана-мусульманина: Берке, Узбек, Джанибек, Бердибек (Егоров, 1985, с. 117–118). Это предположение на долгие годы стало основным в интерпретации соотношения объектов данного памятника с конкретными правителями Золотой Орды.

Научные планомерные археологические исследования золотоордынских памятников у с. Лапас были начаты в 1995 г. Поволжской археологической экспедицией ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко. В ходе этих работ было выявлено небольшое золотоордынское поселение, в котором, по мнению исследователя, проживали строители и смотрители ханских мавзолеев, а также впервые зафиксированы и описаны развалины четырнадцати погребенных объектов, пять из которых являются остатками крупных архитектурных сооружений, одно из которых было сильно разрушено строительными работами при прокладке дороги (Пигарев, 1997, с. 21–22).

Крупные мавзолеи образуют как бы две «аллеи», вытянутые перпендикулярно к левому берегу реки Большой Ашулук. Дворниченко В.В. был составлен топографический план всего погребального комплекса и инструментальные планы всех отдельных его объектов (рис. 2). До настоящего времени этот материал является основой для изучения памятника. К сожалению, материалы полевых исследований сохранились в виде полевых материалов, которые не были автором завершены научным отчетом.

Масштабность и сложность археологического памятника обусловили необходимость использования современных неконтактных методов изучения погребенных объектов, предваряющих археологические исследования. В связи с этим в 2013 г. специалистами ФГУП «ГНПРКЦ «ЦСКБ – Прогресс» была проведена работа по тематическому дешифрованию материалов (ДЗЗ), получаемых космическими аппаратами при проведении съемки земной поверхности, с целью выявления погребенных археологических объектов и уточнения их конфигурации (рис. 3). Исследованию подверглись мавзолеи 1, 2, 4 (Ситди-ков и др., 2020, с. 221).

В ходе этих работ были определены примерные линейные показатели контуров и скорректированы размеры сооружений, выяв-

лены особенности внутренних конструкций и ранее не зафиксированные остатки иных погребенных объектов. Использование методики ДЗЗ значительно расширило наше представление об археологическом памятнике.

Результаты геофизических и геодезических исследований. Полученная ранее информация позволила приступить к новому этапу неконтактных методов изучения Лапасского комплекса. С 2018 по 2022 гг. в рамках Госпрограммы Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ¹ проводятся комплексные исследования некрополя с применением современных геофизических и геодезических методов (Бездудный и др., 2022, с. 314–325; Ситди-ков и др., 2020, с. 221).

Так, в 2018 г., впервые на Лапасском комплексе, были проведены магнитометрические исследования мавзолея 4. Пробное применение геофизических методов (магнитометрии) на нем позволило получить достаточно данных, удостоверяющих, что на изучаемой площади находится большое количество археологических объектов, сохранивших свою структуру и основные конструктивные элементы. Эти исследования показали необходимость, целесообразность и перспективность продолжения геофизического изучения памятника.

Для продолжения начатых работ в 2020–2021 гг. специалистами Института на основе карты высот и ортофотоплана исследуемой территории был построен топографический план участка комплекса. В 2020–2022 гг. усилия магнитометрических исследований были сосредоточены на изучении мавзолея 1, имеющего максимальные размеры и являющегося центральным объектом комплекса мавзолеев у с. Лапас.

Разметка участков магнитометрии происходила на основе анализа микрофотоплана, полученного при съемке БПЛА. В процессе исследования и получения предварительного магнитометрического результата происходила коррекция местоположений отдельных участков геофизического исследования. Участки ориентированы по линии магнитный север – юг и образуют площадь единого покрытия 9 га.

Итогом магнитометрических исследований мавзолея 1 стало распределение магнитного поля на участках исследования. Адекватность получаемых данных подтверждена тем, что

Рис. 3. Результаты тематического дешифрования дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) на участке Лапасского комплекса мавзолеев.

Fig. 3. Results of thematic decryption of remote sensing of the Earth (remote sensing) on the complex of mausoleums at Lapas.

Рис. 4. Коптерная съемка Лапасского комплекса мавзолеев, 2022 г.

Fig. 4. Copter imagery of the Lapas complex of mausoleums, 2022.

результаты магнитометрии разных участков и разных лет работы стыкуются между собой. Для лучшей визуализации результата представлено несколько вариантов магнитограмм площади исследования. Прорисовка выявленных магнитометрией погребенных археологических объектов в границах исследуемой площади с наложением/без наложения представлена на сводной магнитограмме.

Анализ полученных результатов 2020–2022 гг. позволяет сделать несколько предвари-

тельных выводов и предположений (Бездудный и др., 2022, с. 319–321). Зафиксированы остатки сохранившихся основных элементов кирпичных строений и конструкций мавзольного комплекса 1 и сохранившиеся остатки фундаментов нескольких комплексов крупных сооружений прямоугольной формы. Ориентировка данного комплекса: магнитный север – юг с отклонением к западу 2 градуса. Все выявленные объекты и зоны изменений магнитного поля разделены по общно-

Рис. 5. Лидарная съемка Лапасского комплекса мавзолеев, 2022 г.

Fig. 5. Lidar survey of the Lapas complex of mausoleums, 2022.

сти ориентировки на две группы: группа А и группа В.

Группа А с отклонением основной своей оси 2 градуса к западу от магнитного севера (сам мавзолей), 16 градусов к западу от магнитного севера (производственный центр к северу от мавзолея). Группа В с отклонением основной своей оси от 35 до 45 градусов к востоку от магнитного севера.

Группа А. Центральная часть мавзолея с предположительными размерами 60×60 м имеет сложную многокамерную структуру. Отдельные помещения прорисованы достаточно условно, т. к. возможно искажение от неровной поверхности съемки. Фиксируется часть входных конструкций в центральную часть сооружения с юга, шириной до 15 м. Внешний контур мавзолейного комплекса (вариант 1, вариант 2) с условным размером 120×100 м прямоугольной либо более сложной формы. Контур и конфигурация внешней ограды мавзолея требуют дальнейших уточнений.

Севернее центральной части мавзолея выявлен комплекс компактных объектов, который, вероятно, являлся производственной зоной. Объекты 1 и 2 прямоугольной формы, по всей видимости, являются горнами для обжига кирпича для строительства мавзолея. Размеры объектов 10×10 м. Объекты 3–5: один овальный или два слабо выраженных круглых

объекта размерами 20×10 м или 10×10 м. Эти выявленные объекты находятся на единой площадке, причем центр этой площадки вблизи округлых объектов в магнитном плане выражен сильнее. Предположительно, являются ямами для обжига извести с рабочей зоной обжига.

Группа В. Объекты выражены в магнитном плане слабее. Они образуют площадку прямоугольной формы размером 90×100 м, ориентированной под 45 градусов к магнитному северу, с четкой границей юго-западного борта. В участки исследования полностью попали западный и южный углы площадки.

Стоит отметить, что грунт для предполагаемой подсыпки под строительство западного борта внешней ограды мавзолея 1 брался тут же, к западу от этой ограды. Косвенным доказательством этого может являться анализ микротопоплана (наличие локального понижения) и «проплешина» от всплесков магнитного поля около западной внешней стены мавзолея № 1.

Также это может быть косвенным доказательством разновременности строительства и существования объектов группы А и группы В, где группа А – более поздняя.

Анализ полученных результатов геофизических исследований на комплексе мавзолея 1 показывает, что магнитометрические исследования на большой площади

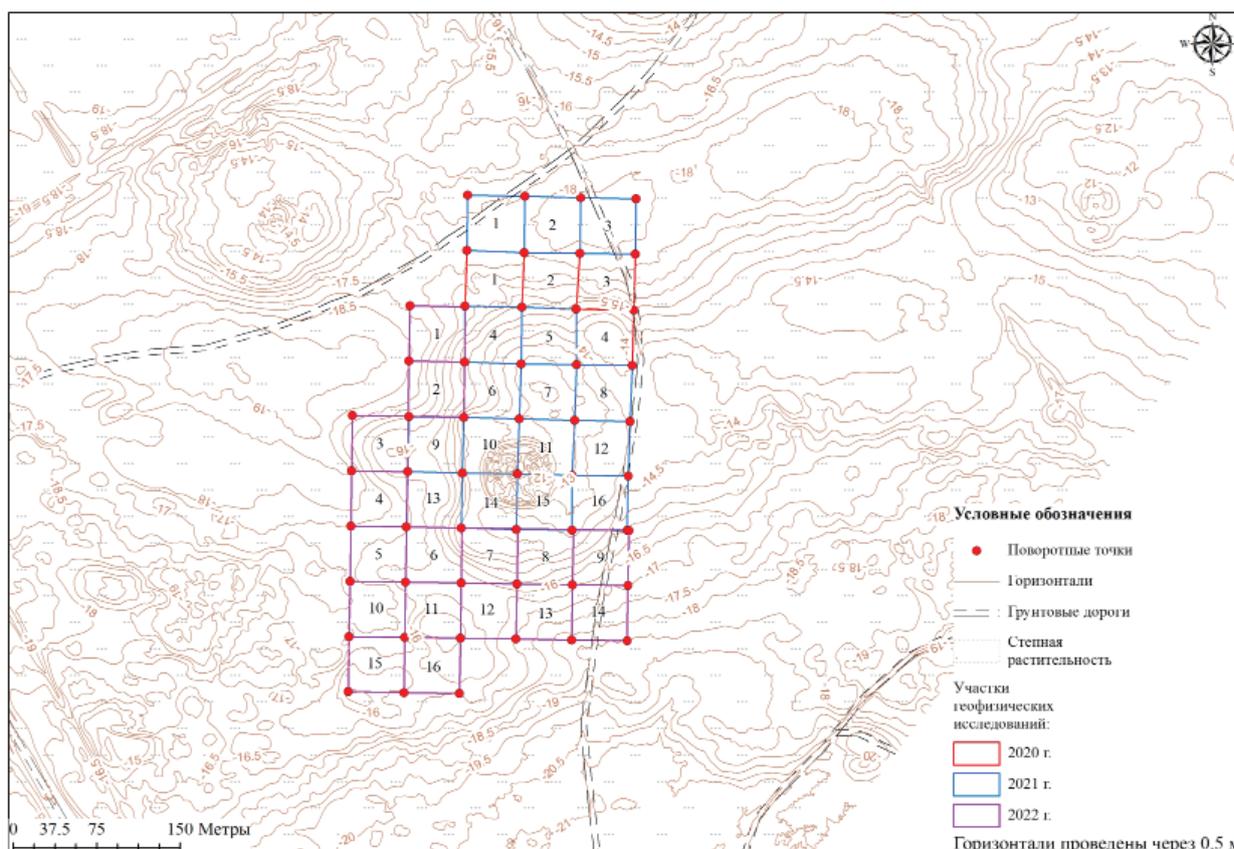

Рис. 6. Топографический план с разбивкой территории проведения геофизических исследований мавзолея №1.
Fig. 6. Topographic plan with a breakdown of the area of geophysical research of Mausoleum No. 1.

(9 га) дают возможность оценить планиграфию памятника, его состав и конструктивные особенности. Выбранный и апробированный метод (магнитометрия) с успехом применим на всем комплексе Лапасских мавзолеев (Бездудный и др., 2022, с. 319–325).

На изучаемом мавзолее 1 фиксируются остатки центрального сооружения сложной структуры, его ограды и входа с южной стороны, отдельных объектов и нескольких сооружений вне ограды мавзолея. Выявлены места производства строительных материалов для сооружения мавзолеевого комплекса (горны для обжига кирпича и отжига извести).

Применение геофизических методов (магнитометрии) позволило получить данные, подтверждающие, что на изучаемой территории находится большое количество археологических объектов, сохранивших свою структуру и основные конструктивные элементы. Применение аэрофотосъемки и геодезических методов исследования позволило построить

топографический план участка комплекса, нанести на него новые выявленные объекты (Бездудный и др., 2022, с. 314–325; Ситдииков и др., 2020, с. 221).

Результаты археологических раскопок. В 2022 г. была произведена попытка археологического изучения мавзолея № 1, являющегося центральным объектом Лапасского комплекса мавзолеев. Целью исследования ставилось выяснение конструкции мавзолея и окружавшего его погребально-ритуального комплекса, а также проверка данных геомагнитного исследования и получение опыта их интерпретации.

В ходе работ было найдено подтверждение многочисленных сообщений о том, что мавзолеев в прошлом подвергался неоднократным разрушениям, проводившимся для добычи кирпича. Следы действий по разбору мавзолея хорошо отразились в стратиграфии объекта в виде чередующихся слоев обломков кирпича, поливных изразцов и наваянного песка. В процессе раскопок было установлено, что внутреннее пространство мавзолея было

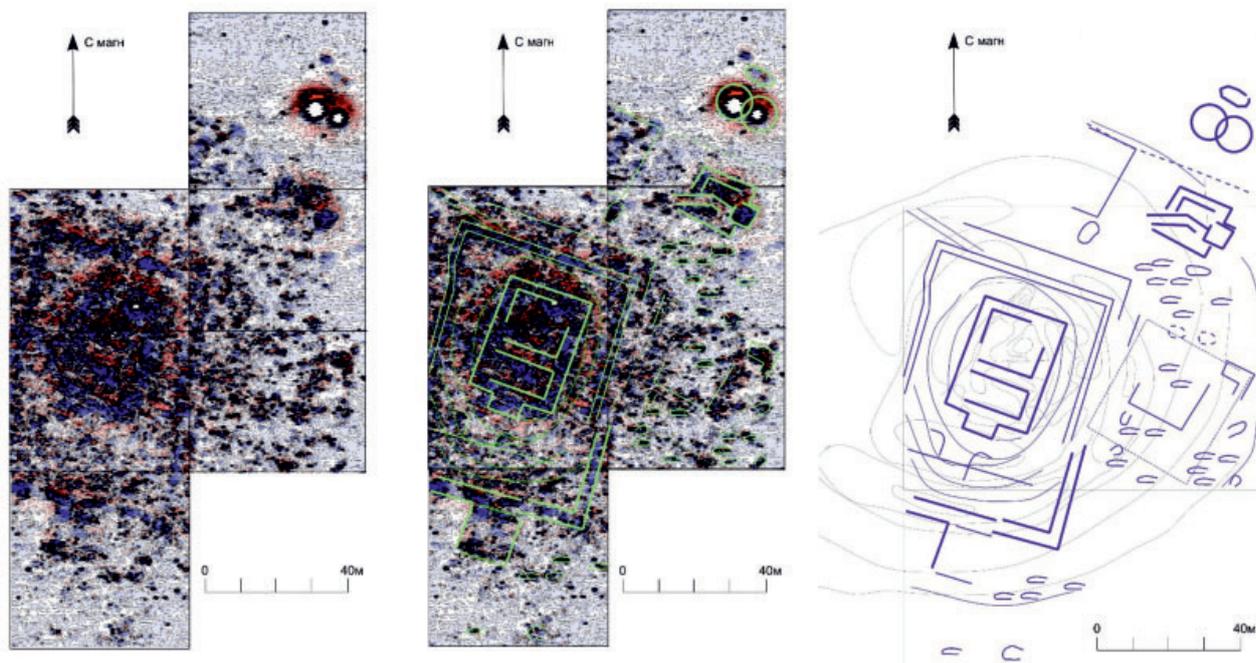

Рис. 7. Дешифровка результатов геофизических исследований с наложением данных разных методов и лет изучения, 2018-2022 гг.

Fig. 7. Decryption of the results of geophysical research with the data overlay from different methods and years of study, 2018-2022.

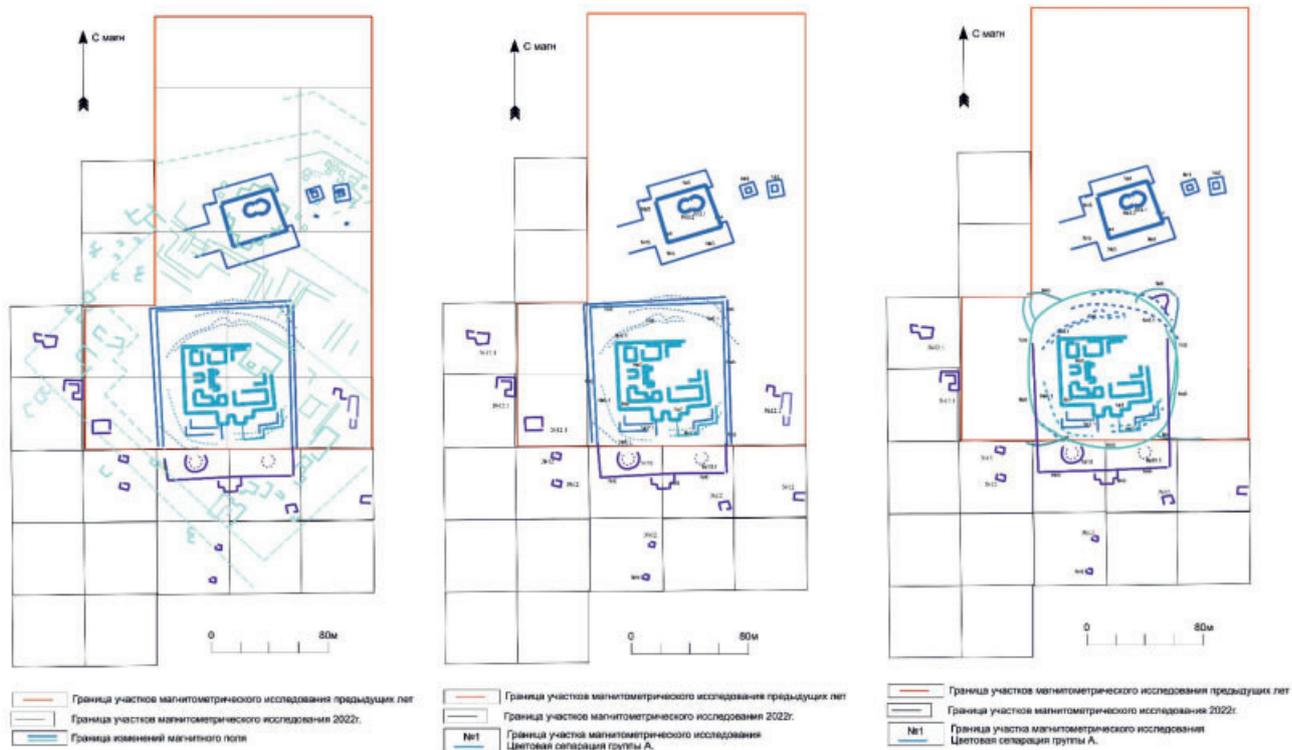

Рис. 8. Дешифровка геофизических и геодезических данных с послойным анализом.

Fig. 8. Decryption of geophysical and geodetic data with layer-by-layer analysis.

Рис. 9. Лапасский комплекс мавзолеев, мавзолей №1, раскопки 2022 г.: разрезы отвалов разборки сооружения (1, 2), остатки пола в помещении мавзолея (3, 4).

Fig. 9. Lapas complex of mausoleums, mausoleum No. 1, 2022 excavations: piles cuts of structure dismantling (1, 2), the remains of the floor in the mausoleum (3, 4).

выстлано кирпичным полом, который был обмазан тонким слоем алебастрового раствора. Пол был сооружен из квадратных кирпичей размером $26 \times 26 \times 4-5$ см и покоился на песчаной «подушке», которая в свою очередь была отсыпана на «фундамент», сооруженный из мелких фрагментов облицовочного кирпича. Стена мавзолея к настоящему времени не обнаружена. На ее месте выявлена траншея, образовавшаяся после разбора стены. Траншея заполнена песком и строительным мусором.

В процессе работ были обнаружены многочисленные фрагменты архитектурного декора, покрытые голубой поливой либо прозрачной поливой с подглазурной росписью, выдержанной в голубых и синих тонах. Важной находкой, подтверждающей, что раскапываемый объект является мавзолеем со сводчатой конструкцией потолка, явилось обнаружение фрагмента элемента купольных построек – тропца.

Параллельно с раскопками продолжались работы по аэрофотофиксации территории

комплекса. Кроме того, проводилась лидарная съемка местности. В общей сложности было отснято более 400 га. На основе полученных данных будут составлены точные планы местности и карты высот.

Исследования 2022 г. показали перспективность использования бесконтактных методов исследования (аэрофотосъемка, геодезические методы, геомагнитная съемка местности) на первоначальных этапах изучения памятников и дальнейшего планирования их археологического изучения.

Анализ нумизматического комплекса. К настоящему времени из научных публикаций известно о находках на Лапасском комплексе 377 экземпляров медных джучидских монет, 7 экз. серебряных джучидских монет, 2 экз. медных монет Ирана 720–730-х гг. х. (Пигарев, 2022, с. 295–303). Все рассматриваемые монетные находки были сделаны на территории поселения, расположенного на левом берегу р. Малый Ашулук и получившего обозначение – «поселок строителей». В полевом сезоне 2022 г. в ходе раскопок

Рис. 10. Лапасский комплекс мавзолеев, раскопки мавзолея №1 2022 г., находки: изразцы (1-4), монета медная (5).

Fig. 10. Lapas complex of mausoleums, 2022 excavations of mausoleum No. 1, finds: tiles (1-4), copper coin (5).

мавзолея № 1 также была обнаружена 1 медная монета: анонимный пул, Сарай, «звезда», 721 г. х.

В дальнейшем анализе участвуют только медные золотоордынские монеты, т. к. серебряная монета чеканилась для хождения на всей территории государства, а медная монета чаще всего имела локальное обращение. Кроме того, именно объем медной монеты в населенном пункте зависит прежде всего от количества населения в нем и от активности розничной торговли.

Комплекс медных монет, обнаруженных на поселении Лапасского комплекса, показывает, что активная жизнь на нем начинается с 721 г. х. (1321 г.), т. е. времени возвращения в Нижнее Поволжье хана Узбека. Интенсивность жизнедеятельности многократно возрастает к 731 г. х. (1331 г.), что может быть связано только с масштабным строительством, проходящим на этой территории. К 737 г. х. (1337 г.) количество населения поселка строителей резко сокращается, что может быть объяснено окончанием строительных работ и переездом большей части населения поселка, т. е. строителей, на другой объект. В период правления хана Джанибека активность жизни в этом населенном пункте продолжает снижаться и к его смерти практически полностью прекращается. Т. е. в 1340–1350-х гг. в поселке продолжала проживать

какая-то незначительная группа населения, связанная, видимо, с охраной и благоустройством комплекса мавзолеев. В последующее время комплекс посещается паломниками для совершения обрядов или для подзахоронения к святым могилам своих усопших – об этом свидетельствуют единичные находки монет 1360–1390-х гг.

Строительство такого грандиозного комплекса, совершенного в середине правления хана Узбека, являлось тщательно продуманным мероприятием. Мавзолеи строились над могилами известных на тот момент личностей, уже похороненных в этой местности или перевезенных сюда с других территорий.

Необходимо отметить, что к настоящему времени нами сделаны только первые шаги в деле изучения столь грандиозного археологического памятника, каковым является Лапасский комплекс мавзолеев. Впереди многолетние полевые исследования, которые внесут серьезные коррективы в тот образ, который сейчас сформирован нами. Но уже сейчас мы можем говорить о большом значении этого сакрального комплекса в культуре золотоордынского государства и развитии ислама на евразийском пространстве, а также о недооцененной деятельности реформатора – хана Узбека.

Выводы и предположения. Анализ результатов комплексных междисциплинарных

исследований позволяет сделать следующие предположения и предварительные выводы:

1. Анализ расположения мавзолеев и период их возведения по нумизматическому материалу указывают, что строительство комплекса мавзолеев проходило: во-первых, по единому, ранее сформированному проекту с четко оформленной планировкой расположения зданий комплекса; во-вторых, строительство их шло одновременно, на что указывает наличие отдельных строительных площадок у каждого из мавзолеев; в третьих, на период возведения было организовано поселение строителей, известное как «Ак Сарай», с жилыми постройками и расположенными рядом многочисленными печами по обжигу кирпича.

2. Строительство и оформление сакрального комплекса происходило во время правления хана Узбека, а именно в эпоху его усиления, с 721 по 731 гг. х. (1321–1331 гг.), и являлось одним из результатов проводимых им масштабных общегосударственных реформ, включающих в себя и принятие ислама в качестве государственной религии. Это отразилось в распространении и закреплении в монгольской элите мусульманских погребальных традиций в виде возведения мавзолеев, приходящих на смену эпохи доминирования Яссы и монгольских погребальных обычаев.

3. Вероятнее всего, в строительстве и оформлении архитектурных объектов комплекса основную роль играли архитекторы и строители Улуса Хорезм, элита которого приняла активнейшее участие в восшествии на престол хана Узбека, на что указывают

традиционные приемы архитектуры зданий и декоративные элементы, имеющие широкое распространение на западе и юго-западе Центральной Азии, используемые в этих регионах при возведении мусульманских погребальных сооружений в эпоху Монгольской империи.

4. На протяжении последующих десятилетий вокруг каждого крупного мавзолея формировались, вероятно, родовые некрополи, а, возможно, строились и другие погребальные сооружения из числа меньших по размеру относительно центральных построек комплекса. Предположительно, еще в период строительства появляются и смотрители мавзолеев, поддерживавшие их состояние и следящие за сохранностью некрополя. В записках Эвлии Челеби второй половины XVII в. упоминаются люди, следившие за зданиями и ухаживавшие за ними (Эвлия Челеби, 1979, с. 134–135).

5. Полученные данные дают новый материал по истории архитектуры Золотой Орды и требуют осмысления ее в контексте имеющихся знаний о монументальных сооружениях этой эпохи. Безусловно, выявленные объекты оказали влияние на развитие представлений о монументальных погребальных сооружениях над захоронениями правителей для обширного культурного пространства, которое входило в земли Улуса Джучи. Вероятно, и в других регионах, и для более позднего времени эти мавзолеи оставались проявлениями элементов инсигнии верховной власти и олицетворяли их проявление для многих других правителей.

Примечание:

¹ Государственная программа Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2024 гг.)».

ЛИТЕРАТУРА

Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсияпов И.Ю., Овечкина Л.В., Пигарёв Е.М., Ситдииков А.Г. Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 314–325.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.

Пигарёв Е.М. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» (Волгоград, 8–14 сентября 1997) / Ред. В.И. Петров, Ю.В. Александров, К.Н. Кулик. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 21–22.

Пигарёв Е.М. Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала) // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 295–303.

Ситдииков А.Г., Базаров Б.А., Гомбожанов А.Д., Нолев Е.В., Красильников П.В. IV Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 217–226.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным / Труды Саратовской ученой комиссии. Т.2. Вып. I. Саратов, 1889.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 250 с.

Falchetta P. Fra Mauro's World Map. Brepols, 2006. 92 p. *Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities* (дата обращения: 10.11.2022).

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, академик Академии наук РТ, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Сарыбаев Маман Ктайбекович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории. Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза (г. Нукус, Республика Узбекистан); nkspi_info@edu.uz

REFERENCES

Bezudny, V. G., Vafina, G. Kh., Mirsiyapov, I. Yu., Ovechkina, L. V., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 314–325 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Pigarev, E. M. 1997. In Petrov, V. I., Aleksandrov, Yu. V., Kulik, K. N. (eds.). *Tezisy dokladov pervogo mezhdunarodnogo simpoziuma «Osobo okhranyaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni» (Abstracts of the 1st International symposium "Specially protected areas and the formation of a healthy life-style")*. Volgograd, 21–22 (in Russian)

Pigarev, E. M. 2022 In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 295–303 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bazarov, B. A., Gombozhapov, A. D., Nolev, E. V., Krasilnikov, P. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 217–226 (in Russian).

Chekalin, F. F. 1889. *Saratovskoe Povolzh'e v XIV veke po kartam togo vremeni i arkheologicheskim dannym (Saratov Volga region in the XIV century according to maps of that time and archaeological data)*. Series: Trudy Saratovskoy uchenoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Commission). Vol. 2. Issue I. Saratov (in Russian).

Evliya Chelebi. 1979. *Kniga Puteshestviya. Izvlecheniya iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII veka. Perevod i kommentarii (Book of Travel. Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler. Translation and comments)*. Vol. 2. *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya (The lands of the North Caucasus, the Volga and the Don regions)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Falchetta, P. 2006. *Fra Mauro's World Map*. Brepols (in English).

About the Authors:

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Pigarev Evgeny M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sarybaev Maman K. Doctor of Historical Sciences, Professor. Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz. A. Dustnazarov ko'chasi, 104-uy. Nukus, Republic of Uzbekistan; nkspi_info@edu.uz

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Историко-археологические исследования памятников Северной Евразии

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.271.282>

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

© 2023 г. У.Х. Шапулатов

По мнению исследователей, основой хозяйства Средней Азии в древности считается ирригационное земледелие. Следует отметить, что впервые земледелие, основанное на искусственном орошении, появляется на современной территории Южного Туркменистана предположительно, в IV–III тыс. до н. э., а затем, в III–II тыс. до н. э. распространяется и на юге Узбекистана. Это способствовало формированию первых государственных образований в Средней Азии, преимущественно располагавшихся по берегам рек: Амударья (верхней, нижней, средней), в оазисах Мургаб, Сурхан. Это связано с тем, что на данных территориях искусственное орошение намного благоприятнее. Такая ситуация прослеживается и на примере первых мировых цивилизаций – Египта (р. Нил) и Месопотамии (р. Тигр и р. Фрот). Именно изучение ирригационной истории этих территорий помогает выявить факторы, которые привели к социально-экономическим изменениям в обществе и, как следствие, к государственности. В статье рассматриваются не только исследования, посвященные возникновению и развитию ирригационной системы в Средней Азии, но и источников воды, наиболее важных для жизни человека, а именно истории больших и малых рек и ручьев.

Ключевые слова: археология, ирригация, бронза, раннее земледелие, климат, река, Шерабад, Саполли, овраг, Лиман, сельскохозяйственные районы, Анов, Сурхандарья.

TO THE QUESTION OF STUDYING THE HISTORY OF IRRIGATION ON THE TERRITORY OF CENTRAL ASIA IN THE BRONZE AGE

U.Kh. Shapulatov

According to researchers, irrigation farming is considered to be the basis of Central Asian economy in ancient times. It should be noted that for the first time farming based on artificial irrigation appeared on the modern territory of Southern Turkmenistan, presumably, in IV–III millennium BC, and then, in III–II millennium BC, it spread to the south of Uzbekistan. This contributed to the appearance of the first state formations in Central Asia, mainly located along the banks of the rivers: the Amu Darya (Upper, Lower, Middle), in the oases of Murghab and Surkhan. This is due to the fact that in these territories artificial irrigation is much more favourable. This situation can be traced back to the example of the first world civilisations – Egypt (Nile River) and Mesopotamia (Tigris and Froth Rivers). It is the study of the irrigation history of these territories that helps to identify the factors that led to socio-economic changes in society and, as a consequence, to statehood. The author considers not only studies on the emergence and development of irrigation system in Central Asia, but also the sources of water most important for human life, namely the history of large and small rivers and streams.

Keywords: archaeology, irrigation, Bronze Age, early agriculture, climate, river, Sherabad, Sapolli, ravine, Liman, agricultural areas, Anov, Surkhandarya.

Практика искусственного орошения, чрезвычайно важная в полузасушливой природной среде Средней Азии, позволило развить древнее земледелие, что, с свою очередь, способствовало и возникновению на рассматриваемой территории ранней государственности. Возникшая шесть тысячелетий

назад в Средней Азии ирригация вызывает огромный интерес среди археологов, геологов, историков и других исследователей. Это неслучайно. За период существования ирригационного земледелия на данной территории наблюдаются не только климатические и экологические изменения, но и совершенство-

вание используемой для ирригации техники, а также изменения в урбанизации и осложнение социальных образований.

Обнаружение и изучение древних памятников (например, Намазга, Анов и др.) в пустынных районах показало, что наибольшее распространение территорий, освоенных путем орошения, относится либо к античности (охватывающей так называемый эллинистический период и Кушани), либо к раннему средневековью (так называемый эфталитский период, тюркский или исламский до монгольского завоевания). Фиксация древних поселений со следами ирригации позволило исследователям подтвердить предположение о том, что первые поселения жителей Средней Азии располагались, в первую очередь, вблизи источника воды (Материалы по обследованию..., 1915; Бартольд, 1913; 1927; Гулямов, 1950) Выявление и накопление археологического материала, усовершенствование ирригационных методов положило начало археологическим исследованиям (Букинич, 1924; Толстов, 1948).

В частности, результаты первых исследований мы можем видеть в научных работах В.В. Бартольда (Бартольд, 1965). Монография «Об истории ирригации Туркестана» В.В. Бартольда – это капитальный труд, написанный на основе богатых фактических данных, собранных из исторических и географических источников, написанных на арабском, персидском и других языках. Однако, оценивая этот труд В.В. Бартольда по истории ирригации Средней Азии, следует отметить, что в ней вопросы ирригации не связаны с социальной и экономической историей рассматриваемого региона. Также, не смотря на использование ценных фактических данных по истории орошения древних земледельческих оазисов Средней Азии, в работе не было сделано соответствующих исторических обобщений. В то же время вопрос о методах орошения, самом главном средстве орошения в Средней Азии, в работе остался вне исследования автора. Об этом отмечает в предисловии к работе и сам В.В. Бартольд «..вопросы, требующие специальных гидротехнических знаний, мы не затрагивали» (Бартольд, 1965, с. 98). Следует также отметить и упущение возможности автором монографии провести археолого-этнографическую параллель, так как на момент написания данного труда ирригационная техника Средней Азии еще хорошо

сохранила свой средневековый облик. Однако, несмотря на вышеупомянутые недостатки, эта работа В.В.Бартольда до сих пор сохраняет свою научную ценность как комплекс ценных сведений по средневековой истории ирригации Средней Азии.

В исследованиях, посвященных среднеазиатской территории, Южный Туркменистан упоминается как регион, где зародилось раннее земледелие в Средней Азии. Одним из первых исследователей истории ирригации этой области Средней Азии в первой четверти XX века стал инженер-ирригатор и археолог Д.Д. Букинич. Д.Д. Букинич на основании изучения гидрографии предгорных районов Капетдага и археологических памятников Ановского типа, относящихся к древней земледельческой культуре, научно описал точную картину процесса зарождения первобытного земледелия и искусственного орошения в Южном Туркменинии (Букинич, 1924, с. 92–135). О возникновении орошения мысли и размышления Д.Д. Букинича были полностью подтверждены и развиты в его последующих археологических исследованиях (Букинич, 1940).

В 60-х годах XX века был опубликован ряд научных статей и работ, посвященных истокам ирригационного земледелия и ирригации, а также природным условиям древних орошаемых земель. В частности, научные труды В.М. Массона (Массон, 1965; 1969), Г. Н. Лисицыной (Лисицына, 1965; 1966; 1969), Н. Г. Минашиной (Минашина, 1962; 1963; 1969), К. А. Акишева (Акишев, Байпаков, 1969) предоставляют ценную информацию об истории орошения долин рек Мургаба, Таджана, Илия и других.

Специальные палеогеографические работы в местах энеолита Южного Туркменистана, главным образом, в дельте реки Теджен совместно с археологами в 1960–1963 гг. проводила Г.Н. Лисицына В результате этих научных исследований в 1965 году (Лисицына, 1965) выходит в свет ее работа «Энеолитическое орошаемое земледелие Южного Туркменистана» (Лисицына, 1965.). В работе представлены геоморфологические особенности территории оазиса Геоксюр, условия и особенности образования древних аллювиальных отложений, палеогидрография территории, растительность, сведения о возникновении и развитии орошаемого земледелия и ирригации на юге Туркменинии.

В исследовании истории развития древней ирригационной системы Средней Азии значительное внимание уделялось и такой области как Хорезм, расположенного на западе Узбекистана. Публикация монографических работ С.П.Толстова «Древний Хорезм», «В поисках культуры древнего Хорезма» и «По древним дельтам Окса и Яксарта» (Толстов, 1948; 1962; 1964) познакомила научный мир с древней Хорезмской культурой и путями ее развития, а также с исторической динамикой освоения Хорезмского оазиса в ирригационном отношении. Заслуга С.П.Толстова заключается не только в том, что он провел обширные археологические и междисциплинарные исследования сегодняшних пустынных районов вокруг Хорезма, нижней Амударьи и Аральского моря (Толстов, 1948. с. 352), но и сформировал карту современных (на тот момент) и древних орошаемых земель, остатки оросительных каналов и древних караванных путей. На карту также были нанесены известные к тому времени памятники неолита, бронзы и раннего железа, а также многослойные стоянки, памятники с петроглифами и курганы. На основании этой карты исследователь делает предположение о зависимости расположения поселений и развития ирригационной системы, соответственно, от изменения климата. К сожалению, исследователь обращал пристальное внимание только на территории распространения скотоводства и земледелия с использованием мотыги.

С.П.Толстову принадлежит заслуга критики выводов многих исследователей, в частности, Э.Хентингтона, Д. Стюарда и П. В. Бейкера. Так он, в противоположность их мнению, утверждал, что искусственное орошение сталкивается с кризисом, связав его с социальными факторами, а не с различными природными факторами, такими как песчаное затопление, изменение климата и течения рек, засоление земель, и научно обосновал свою точку зрения.

История орошения Хорезма особенно всесторонне глубоко и подробно освещены в научных исследованиях Я.Г. Гуломова. Среди работ Я.Г. Гуломова, посвященных вопросам истории ирригации (Гулямов, 1945; 1953) отметить монографию «История орошения Хорезма (Гулямов, 1957.)». На наш взгляд, данный научный труд занимает особое место с точки зрения постановки проблем иррига-

ции и их полного и подробного анализа на основе богатых фактических данных, полученных из различных источников. В частности, охватывающий довольно обширный период от зарождения искусственного орошения до наших дней, работа Я.Г. Гуломова написана на основе многолетних археологических исследований, письменных источников и этнографических данных, в которых автор дает периодическую интерпретацию динамики истории орошения Хорезма, тесно связанную с политическим и экономическим развитием Хорезма.

В 1952–1953 годах Хорезмской экспедицией был создан отдел, специально ориентированный на изучение древних орошений. Результаты масштабных исследований Хорезмской экспедиции по археологическому и топографическому изучению остатков древних оросительных систем в предгорьях Амударьи и Сырдарьи в 1950–1960-е гг. довольно широко трактуются в ряде научных исследований Б. В. Андрианова (Андрианов Б.В., 1954; 1958; 1959; 1964; 1965; 1968; 1969), среди которых особо следует отметить труд Б. В. Андрианова «Древние оросительные системы Приаралья» (Андрианов, 1969), где обобщены результаты археологических и топографических данные о развитии ирригационных сетей бассейна древних дельт Амударьи и Сырдарьи.

В первой части этой работы Б. В. Андрианова, состоящей из двух частей, подробно рассматриваются вопросы возникновения первобытного земледелия и его древнейших очагов в мире, а также регионы распространения ирригационного земледелия и истоки ирригации, основанные на методах изучения древней ирригации, а также на сравнительных данных, полученных из научной литературы, написанной на иностранных языках.

В другой работе Б. В. Андрианова «Земледелие наших предков» (Андрианов, 1978), опираясь на богатейший материал археологических и этнографических исследований, излагаются истоки древнейших центров земледелия, пути и характерные формы его развития у разных народов. Важность географических факторов в возникновении сельского хозяйства перечисляет факторы, которые привели людей к формам производства, земледелию и животноводству в неолите, а также то, что это впервые произошло в засушливых горных странах.

В 1958 году Б. В. Андрианов разместил результаты своих исследований на новой карте, нанеся на нее каналы района Калалыкир и Кузалыкир с тремя макетами, соответствующими самым древним местам, которые, как выясняется, представляют собой ирригационную сеть, имевшая расширение между V и I веками до нашей эры. Б. В. Андрианов подтвердил древнюю дату этих каналов и привел много весомых аргументов.

Б. В. Андрианов окончательно опубликовал синтез всех своих результатов в 1969 году (Андрианов, 1969). Почти через двадцать лет после выхода в свет работы Б.В. Андрианова Марианна Александровна Итина посвящает свое исследование таким местам орошения эпохи бронзового века на территории Хорезма (Итина, 1969) как: в Базаркале-3, 8, 10, 11 и Кокча-I (датируемые II-началом I тыс. до н.э.) в памятниках Кават-2 и Яккапорсон-2, расположенных к северо-западу от дельты Амударьи и датируемых IX-VIII вв. до н. э.

Еще одним регионом, где зародилось раннее земледелие в Узбекистане, является Ферганская долина. Рассматривая вопрос о времени возникновения искусственного орошаемого земледелия в Ферганской долине В.В. Бартольд писал, что письменных источников не существует (Бартольд, 1965, с. 103). В 1933–1934 гг. Б. А. Латынин проводит археологические исследования на территории Ферганской долины, в результате чего становится публикация научных трудов по древнему орошению Восточной Ферганы. Следует отметить, что в научных работах Б. А. Латынина, посвященных вопросам истории ирригации и хронологии земледельческой культуры Древней Ферганы, дается описание первобытного земледелия, возникшего из илистых отложений, образованных паводковыми водами в предгорьях горных ручьев, и кайры на их окраинах, возникновения мелких ирригационных сетей с медленным разливом паводков в окружающие земли и переход к искусственному орошению, наконец, возникновения многоотраслевых оросительных сетей, снабженных средствами головных плотин. Б. А. Латынин трактует вопросы строительства веерных оросительных систем и магистральных каналов в связи с социальным и экономическим развитием древней Ферганы (Латынин, 1935, с. 697–708; Латынин, 1956, с. 15–26; Латынин, 1957, с. 12–15; Латынин,

1959, с. 19–27; Латынин, 1961, с. 111–119.). Таким образом, Б. А. Латынин исследовал вопросы происхождения земледелия и ирригации в Ферганской долине, внося в науку о древних ирригациях некоторое уточнение.

Большое значение при изучении рассматриваемого нами вопроса также имеют труды авторов А.Н. Бернштама, В.И. Спришевского, Ю.А. Заднепровских (Бернштам, 1951, с. 4–16; Спришевский, 1963, с. 18–44; Заднепровский, 1962, с. 173–178.). Так, на пример, Ю.А. Заднепровский и В.И. Спришевский, согласно научным выводам, считают, что первоначальное орошение в районе долины осуществлялось земледельческо-портово-зольным способом (Спришевский, 1963, с. 40–48; Заднепровский, 1962, с. 75–76.) Согласно этому методу, раннее земледелие велось на портовых землях, то есть на землях, где речные и ручьевые воды стекали (переливались) на равнину или низину и образовывали естественные пруды (Спришевский, 1963, с. 40–48; Заднепровский, 1962, с. 75–76). Однако, опровергая изложенное выше мнение, ученый-археолог А. Анарбоев в своих исследованиях отмечает, что ручьи образуют своеобразные оазисы или оазисы в своем бассейне, когда они текут между холмами, где вода ручья течет медленно и раскидисто, иногда разделяясь на несколько притоков. Это, по мнению А. Анарбоева, позволяет земледельцам легко удерживать воду. Исследователь также отмечает, что такие холмистые оазисы могут избежать естественных наводнений, которые случаются в весенние месяцы, и более подвержены наводнениям в нижней части дельты ручьев (Анарбаев, 2006, с. 9–15).

Аналогичные исследования проводились и в Сурхандарьинской долине, на юге Узбекистана, где зародилось раннее ирригационное земледелие (Shopulatov, 2021). К сожалению, эти исследования мы не можем считать масштабными. В результате исследований, проведенных А.А. Аскарковым и Т.Ш. Шириновым на памятнике Джаркатану, было доказано, что здесь развита оседлая земледельческая культура. При этом, в земледелии населения исследованного памятника была открыта искусственная ирригационная система. Авторы археологических исследований А.А. Аскарков и Т.Ш. Ширинов считают, что вода из Бустаная перекачивалась на новые земли по магистральным каналам, а также

при обработке земли использовались плуги и сила животных (Аскарлов, Широков, 1993, с. 77.). Из этого можно сделать вывод, что земледелие на основе искусственного орошения сформировалось в южных районах Узбекистана еще в бронзовом веке. В.М. Массон отмечает, что именно система многократного орошения сельскохозяйственных культур, а не какой-либо другой тип земледелия, увеличивала урожайность, что приводило к более высокой производительности труда (Массон, 1970, с. 52; Кудратов, 1999, с. 11).

Мы можем отметить, что исследования, проведенные с 60-х годов 20-го века в Сурхандарьинской области, позволили археологам рассмотреть зонирование памятников, известных в Северной Бактрии, в зависимости от источников орошения. В частности, археолог Э.В.Ртвеладзе, исследуя расположенные на территории Сурхандарьинской области памятники эпохи Ахеменидов, выделяет 5 земледельческих областей: Уланбулаксай, Шерабад, Ургулсай, Халаджар и Сангардактупаланг (Ртвеладзе, 1975, с. 263–266).

Рассматривая вопросы освоения и зонирования древних земледельческих оазисов Сурхандарьинского оазиса исследователь А.А. Аскарлов в своих работах приводит следующие три оазиса, освоенные в эпоху поздней бронзы: 1. Шерабад (Шерабад и Уланбулаксай); 2. Бандихон; 3. Шурчи (Миршоди) (Аскарлов, 1976, с. 7).

А.С. Сагдуллаев указывает на то, что оазисами, освоенными в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Сурхандарьинской области, являются: Музрабад (Уланбулаксай); Шерабад; Бандихон (Ургулсай); Миршоди (Халаджар) (Сагдуллаев, 1976, стр. 31–34; Сагдуллаев, 1978, с. 34). Однако, в своих дальнейших исследованиях А.С. Сагдуллаев размещает памятники позднего бронзового и раннего железного веков Северной Бактрии в следующие 5 районов-оазисов: Уланбулаксай; Шерабад; Бандихон; Миршоди и Вахшувор (Сангардактупаланг) (Сагдуллаев, 1978; Сагдуллаев, 1987, с. 12).

В исследованиях А.С. Сагдуллаева особое внимание уделяется характеристике таких орошаемых оазисов, как Бандихон и Миршоди, с расположенным здесь археологическим объектом Кызыл-1 (Сагдуллаев, 1984, с. 50). Говоря о канале Бандихон, протяженность которого составляет 8-9 километров, автор

отмечает, что памятник Бандихон-1, площадь которого составляет 1,6 гектара, находится на берегу этого канала и что он обеспечивает водой 150 гектаров (Ртвеладзе, 1976, с. 95–96; Сагдуллаев А.С., 1978; Сагдуллаев, 1984 с. 51).

В исследованиях Ш.В. Шайдуллаева памятники раннего железного века, расположенные в Сурхандарьинском районе, делятся на 3 земледельческих оазиса. При этом, автор исследований разделяет каждый из земледельческих оазисов на один и несколько ирригационных районов (Шайдуллаев, 2000; 2008).

Сопоставив и обобщив исследования Ш.В. Шайдуллаева по зонированию памятников археологической культуры Кучук Северной Бактрии, О. Хамидов указывает в своем исследовании, что земледельческий оазис Шерабад состоял не из двух (как считает Ш.В. Шайдуллаев), а из четырех ирригационных районов (Хамидов, 2020, с. 23).

После обретения независимости 1991 году в Сурхандарьинском оазисе были проведены международные археологические экспедиции (Республика Узбекистан, Франция, Германия, Чехия, Россия) с участием таких известных археологов как Д. Френез, М. Каттани, М. Този, Г. Ломбардо, С.Сальватори (Khurramov, 2020, p. 19).

Особое значение в изучении саппалинской археологической культуры имеют исследования ученых-археологов из чешского университета Корлова. В ходе исследований, проведенных чешскими коллегами под руководством профессора Ш.Б Шайдуллаева и Л.Станчо, были зарегистрированы и нанесены на карту новые памятники в Шерабадском районе. В результате, в 2019 году была опубликована научная совместная работа “Шерабадский оазис” (Ladislav, Tuslova, 2019). Интересно отметить, что в данной работе, говоря о саппалинской археологической культуре, один из соавторов, Ладислав Станчо, соглашается с предположением исследователей А. А. Аскарловым и А. Абдуллаевым о том, что упомянутый Бустонсай является одним из древних правых берегов нынешней реки Шерабад. В то же время исследователь Себастьян Страйд высказывает иное мнение о Бустонсай. Бустонсай, по мнению Себастьяна Страйда, является отдельным притоком, который на протяжении веков высыхал в результате изменения климата (Stride, 2004, p. 126–127.). В этом отношении Себастьян

Страйд в своих исследованиях также сравнивает Бустансай с Кармаки и Кызылджаром в Миршоди. Вышеупомянутые предположения указывают на оазис западного Шерабада как на свидетельство того, что объекты позднего бронзового века были снабжены естественным источником стока воды и не использовали никаких искусственных ирригационных систем.

В начале XXI века совместной узбекско-германской археологической экспедицией под руководством Кая Каниута и Алишера Шайдуллаева были проведены раскопки еще на одном памятнике сапполинской археологической культуры в предгорьях Кухитанга Шерабадского оазиса в Тиллабулаке, которые показали идентичность материальной культуры данного памятника материальной культуре других поселений бронзового века на рассматриваемой территории (Kaniuth, 2012, p. 117–128).

Современные археологические исследования сапполинской культуры проводимые такими учеными как: А. А. Аскарлов, Т.Ш. Ширинов, Б.Д. Абдуллаев, У.В. Рахманов, В.И. Ионесов, Ш.В. Шайдуллаев, Х. Дуке, Н. А. Аванесова, А. Ш. Шайдуллаев, Г. Катгаева и др. (Аскарлов, 1973; 1976; 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Аскарлов, Ширинов, 1993; Ширинов Т. Ш., 1993; Дуке Х., 1970; Абдуллаев, 1980; Рахманов, 1987; Ионесов, 1990; Шайдуллаев, 2009;

Kattayeva, 2022), подтверждают о зарождении земледелия в Сурханском оазисе на юге Узбекистана в эпоху бронзы. К сожалению, приходится согласиться с тем, что анализу уделяется очень мало или совсем не уделяется внимания, особенно в отношении изучения древней ирригационной системы, а также методов и методологии использования водных ресурсов.

На основании вышеизложенного мы можем условно выделить следующие этапы в истории изучения ирригационной системы Средней Азии в эпоху бронзы:

1 этап – конец XIX-начала XX вв. – период сбора информации о древнейших ирригационных каналах на основе фиксации археологических памятников;

2 этап – 1920-1991 гг. – период крупномасштабных археологических исследований ирригационной системы за исключением юга Узбекистана, где имела место так называемая гончарная культура эпохи бронзового века.

3 этап – 1992-по настоящее время – это время, когда археологические исследования продолжаются. Следует отметить, что данные исследования носят международный характер, а также исследования проводились в сотрудничестве с исследователями из Хириджа. Однако, исследование не разработало методологию изучения истории ирригации на юге Узбекистана, где Хам считается Богом Центральной Азии, где появилось первое земледелие.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Б.Н. Культура древнеземледельческих племен эпохи поздней бронзы Северной Бактрии (по материалам могильника Джаркутан). Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1980. 22 с.

Акишев К.А., Байпаков Қ.М. Земли древнего орошения в низовьях реки Или // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования / Ред. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов. М.: Наука, 1969. С. 168

Анарбаев А.А. Ўзбекистонда илк суғорма деҳқончиликнинг шаклланиши ва антропоген ландшафтни ташкил топиши // Я. Фуломов номидаги республика илмий семинарларининг “Ўзбекистон худудида деҳқончилик маданиятининг тарихий илдизлари ва замонавий жараёнлар” мавзусидаги 37- йиғилиш материаллари. Тошкент, 2006. Б. 9–15

Андрианов Б.В. К вопросу о запусении земель древнего орошения на Жаны-Дарье // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. № 5. С. 33–42

Андрианов Б.В. Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб // ТХАЭЭ. Т. II / Ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1958. С. 311–328.

Андрианов Б.В. Задачи археологов в связи с перспективами освоения земель древнего орошения Средней Азии и Казахстана // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования / Ред. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов. М.: Наука, 1969. С. 189.

Андрианов Б.В. Дешифрование аэрофотоснимков при изучении древних оросительных систем // Археология и естественные науки / МИА. № 129 / Ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1965. С. 261–265.

Андрианов Б.В. Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования // История, археология и этнография Средней Азии и Казахстана / Ред. А.В. Виноградов и др. М.: Наука, 1968. С. 16–25.

Андрианов Б.И. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 252 с.

Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978. 167 с.

Аскарков А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.

Аскарков А.А. Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древне-восточных цивилизаций). Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1976. 44 с.

Аскарков А.А. Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 120 с.

Аскарков А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд: Изд-во института археологии АН Республики Узбекистан. 1993. 144 с.

Аскарков А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Т. III. СПб.: тип. Сельского вестника, 1914. 103 с..

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: АН СССР, 1927. 256 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. 3. М.: Наука, 1965. 712 с.

Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент: АН УзССР, 1951. 47 с.

Букенич Д.Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросами о происхождении земледелия и скотоводчества // Хлопковое дело. 1924. № 3–4. С. 92–135.

Букенич Д.Д. Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района // Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 года / Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Серия 1. вып. 2 / Отв. ред. Л.В. Баженов. Ташкент: УзФАН, 1941. С. 154–158.

Гулямов Я.Г. Из истории орошения в Каракалпакии // Бюллетень АН УзССР. 1945. № 9–10. С. 23–30

Гулямов Я.Г. Из истории ирригационной практики народов Средней Азии // Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте / Гл. ред. Ш. Р. Рашидов. Ташкент: АН УзССР, 1953. С. 545–549.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: АН УзССР, 1957. 315 с.

Дуке Х. Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии Казахстана и Сибири (№ 575-археология). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент. Изд: ФАН, 1970. 23 с.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: АН СССР, 1962. 328 с.

Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. Южного Узбекистана). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 23 с.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – нач. I тыс. до н.э.). М.: Наука, 1969. 239 с.

Кудратов С. Ўзбекистон худудида илк давлатлар пайдо бўлишининг баъзи масалалари // O'zbekiston tarixi. 1999. № 2. Б. 11.

Курбонов А.М. Алтын-Депе – древнейшее культовое место в Средней Азии // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 107–110.

Латынин Б.А. К вопросу об истории ирригации // Академия наук академику Н.Я. Марру / Ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: АН СССР, 1935. С. 697–708.

Латынин Б.А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы // КСИИМК. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов М.: АН СССР, 1956. С. 15–26.

Латынин Б.А. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии // СА. 1959. № 3. С. 19–27.

Латынин Б.А. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы // Исследования по археологии СССР / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: ЛГУ, 1961. С. 111–119.

Лисицына Г.Н. Изучение геоксюрской оросительной сети в южной Туркмении в 1964 г. // КСИА. Вып. 108 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 96–100.

Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М.: Наука, 1965. 168 с.

Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие энеолитических племен юго-восточной Туркмении // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования / Ред. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов. М.: Наука, 1969. С. 45

Массон В.М. Еще раз о геродотовой реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология / Отв. ред. Струве В. В. и др. М.: Наука, 1967. С. 172–175.

Массон В.М. Древнее орошение на Маргианской равнине // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования / Ред. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов. М.: Наука, 1969. С. 96–110.

Массон В.М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма / Ред. П. И. Засурцев и др. М.: Наука, 1970. С. 49–57.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Вып. 1. Ташкент: Глав. упр. землеустройства и земледелия. Переселенч. упр., 1915. 26.

Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Вып. 2. Ташкент: Глав. упр. землеустройства и земледелия. Переселенч. упр., 1915. 26.

Минашина Н.Г. Древнеорошаемые почвы Мургабского оазиса // Почвоведение. 1962. № 8. С. 24–35

Минашина Н.Г. Распределение солей в почвах и грунтовых водах на массиве древнего орошения в центральной части Мургабской дельты // Влияние орошения на почвы оазисов Средней Азии / Отв. ред. А.Н. Розанов, В.В. Егоров. М.: АН СССР, 1963. С. 5–43.

Минашина Н.Г. Изменение почвенного покрова в связи с исторической динамикой использования земель древнего орошения (по материалам Мургабского оазиса) // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования / Ред. С.П. Толстов, Б.В. Андрианов. М.: Наука, 1969. С. 45

Рахмонов У.В. Керамическое производство эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд: Институт археологии АН УзССР. 1987. 18 с.

Ртвеладзе Э.В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. 1975. № 2. С. 263–266.

Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1976. С. 95–96.

Сагдуллаев А.С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана // Советская археология Узбекистан. 1976. № 9. С. 31–34.

Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии / Ред. О.В. Обельченко, Д.М. Овезов, Т. Ходжаниязов. Ашхабад: Ёлым, 1978. С. 30–36.

Сагдуллаев А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам памятников района Шурчи-Байсуна). Автореф. ... канд. истор. наук. Л., 1978. 17 с.

Сагдуллаев А.С. Особенности расселения племен в долине Сурхана в эпоху раннего железа // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 6. С. 51.

Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 137 с.

Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 года) // КСИИМК. Вып. 71 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН РТ, 1958. С. 86–98.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 433 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарга. М.: Вост. лит-ра, 1962. 321 с.

Толстов С.П. По следам древней Хорезмийской цивилизации. Ташкент: Фан, 1964. 441 б.

Хамидов О.А. Новые памятники Северной Бактрии периода Кучука I. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (PhD). Ташкент, 2020. 23 б.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: ИА АН Респ. Узбекистан, 2000. 126 с.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Дисс. ... докт. ист. наук. Самарканд, 2009. 190 б.

Шайдуллаева Г.Ш., Курбонов А.М. Отражение зороастризма в храмах Средней Азии эпохи бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 294–301. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.294.301>

Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (по материалам городища Джаркутан). Автореф. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1993. 49 с.

Kaniuth K. The Late Bronze Age settlement of Tilla Bulak(Uzbekistan) – summary of four years`work. //South Asian Archaeology and Art 2012. Volume 1. Man and environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New perspectives, 2013. P. 117–128.

Kattayeva G. Ch. Sopolli madaniyatining zargarlik buyumlari “.Thesis of Diss. of PhD. Termiz, 2022.

Khurramov K. Research History of Oxus civilization in Italian Literature // JOISS. Vol. 1, No. 1, 2020. 19-pages.

Ladislav S, Tuslova P. Sherobod Oasis (Tracing historical in Southern Uzbekistan). Charles: University Karolinum Press, 2019. 355 p.

Stride S. Geographie archeologique de la province du Surkhan Darya. P., 2004. Vol. I, P. 126–127.

Shopulatov, U. K. On The Main Factors Of The Establishment Of The First States (On The Case Of Central Asia) // World Bulletin of Public Health. 2021. 4, 116-117..

Информация об авторе:

Шапулатов Улугбек Холтожиевич. Старший преподаватель кафедры Археологии, Термезский государственный университет (г. Термез, Республика Узбекистан) shapulatov87@gmail.com

REFERENCES

Abdullaev, B. N. 1980. *Kul'tura drevnezemledel'cheskikh plemen epokhi pozdney bronzy Severnoy Baktrii (po materialam mogil'nika Dzharkutan) (The culture of the ancient farming tribes of the Late Bronze Age of Northern Bactria (based on the materials of the Dzharkutan burial ground))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Akischev, K. A., Baipakov, K. M. 1969. In Tolstov, S. P., Andrayanov, B. V. (eds.). *Zemli drevnego orosheniya i perspektivy ikh sel'skokhozyaystvennogo ispol'zovaniya (Lands of ancient irrigation and prospects for their agricultural use)*. Moscow: “Nauka” Publ., ... (in Russian).

Anabaev, A. A. 2006. In *Ya. Fulomov nomidagi respublika ilmiy seminarlarining “Ўzbekiston худудида деҳқончилик маданиятининг тарихий илдизлари ва замонавий жараёнлар” mavzusidagi 37- yigilish materiallari (Я. Фуломов номидаги республика илмий семинарларининг “Ўзбекистон ҳудудида деҳқончилик маданиятининг тарихий илдизлари ва замонавий жараёнлар” мавзусидаги 37- йиғилиш материаллари)*. Tashkent, 9–15 (in Uzbek).

Andrianov, B. V. 1954. In *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the All-Union Geographical Society)* 5, 33–42 (in Russian).

Andrianov, B. V. 1958. In Tostov, S. V. (ed.). *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 311–328 (in Russian).

Andrianov, B. V. 1969. In Tolstov, S. P., Andrayanov, B. V. (eds.). *Zemli drevnego orosheniya i perspektivy ikh sel'skokhozyaystvennogo ispol'zovaniya (Lands of ancient irrigation and prospects for their agricultural use)*. Moscow: “Nauka” Publ., 189 (in Russian).

Andrianov, B. V. 1965. In Kolchin, B. A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 129. Moscow: “Nauka” Publ., 261–265 (in Russian).

Andrianov, B. V. 1968. In Vinogradov, A. V. et al. (eds.). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii i Kazakhstana (History, archaeology and ethnography of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: “Nauka” Publ., 16–25 (in Russian).

Andrianov, B. I. 1969. *Drevnie orositel'nye sistemy Priaral'ya (Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea Area)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

- Andrianov, B. V. 1978. *Zemledelie nashikh predkov (Agriculture of our ancestors)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Askarov, A. 1973. *Sapallitepa*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Askarov, A. A. 1976. *Bronzovyy vek Yuzhnogo Uzbekistana (K probleme razvitiya lokal'nykh ochagov drevnevostochnykh tsivilizatsiy) (Bronze Age of Southern Uzbekistan (To the issue of development of local centres of ancient Eastern civilisations))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).
- Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan (Djarkutan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Sredney Azii (Early urban culture of the Bronze Age in the south of Central Asia)*. Samarkand: Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Uzbekistan Republic (in Russian).
- Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Bartol'd, V. V. 1914. *K istorii orosheniya Turkestana (To the history of irrigation in Turkestan)*. Saint Petersburg: "Sel'skiy vestnik" Publ. (in Russian).
- Bartol'd, V. V. 1927. *Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana (История культурной жизни Туркестана)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Bartol'd, V. V. 1965. *Sochineniia (Works) 3*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bernshtam, A. N. 1951. *Drevnyaya Fergana (Ancient Fergana)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).
- Bukinich, D. D. 1924. In *Khlopkovoe delo (Cotton production) (3–4)*, 92–135 (in Russian).
- Bukinich, D. D. 1941. In Bazhenov, L. V. (ed.). *Termezskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1936 goda (Termez archaeological complex expedition in 1936)*. Series: Trudy Uzbekistanskogo filiala AN SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union). Seriya 1, 2. Tashkent: "UZFAN" Publ., 154–158 (in Russian).
- Gulyamov, Ya. G. 1945. In *Byulleten' AN UzSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR) 9–10*, 23–30 (in Russian).
- Gulyamov, Ya. G. 1953. In Rashidov, Sh. R. (ed.). *Materialy Pervoy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii vostokovedov v Tashkente (Materials of the I All-Union scientific conference of orientologists in Tashkent)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 545–549 (in Russian).
- Gulyamov, Ya. G. 1957. *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of irrigation in Khwarazm from ancient times to the present day)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).
- Duke, Kh. 1970. *Voprosy periodizatsii epokhi pozdney bronzy v stepyakh Sredney Azii Kazakhstana i Sibiri (№ 575-arkheologiya) (Issues of periodisation of the late Bronze Age in the steppes of Central Asia, Kazakhstan and Siberia (No. 575-archaeology))*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Zadneprovskii, Yu. A. 1962. *Drevnezemledel'cheskaya kultura Fergany (Ancient agricultural Fergana)*. Moscow–Leningrad: Academy of Science of USSR Publ. (in Russian).
- Ionesov, V. I. 1990. *Stanovlenie i razvitie ranneklassovykh otnosheniy v osedlozemledel'cheskom obshchestve Severnoy Baktrii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov II tys. do n.e Yuzhnogo Uzbekistana) (Formation and development of early class relations in the crop farming societies of Northern Bactria (based on the materials of burial complexes of the II millennium BC in Southern Uzbekistan))*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Samarkand (in Russian).
- Itina, M. A. 1969. *Istoriya stepnykh plemen Yuzhnogo Priaral'ya (II – nach. I tys. do n.e.) (History of the steppe tribes of the Southern Aral Sea region (II millennium – beginning of the I millennium BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kudratov, S. 1999. In *O'zbekiston tarixi (History of O'zbekiston) 2*, 11 (in Uzbek).
- Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 1*, 107–110 (in Russian).

- Latynin, B. A. 1935. In Meshchaninov, I. I. (ed.). *Akademiya nauk akademiku N.Ya. Marru (Academy of sciences to academician N.Y. Marr)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 697–708 (in Russian).
- Latynin, B. A. 1958. In Udal'sov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 64. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 15–26 (in Russian).
- Latynin, B. A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 19–27 (in Russian).
- Latynin, B. A. 1961. In *Issledovaniya po arheologii SSSR (Research on Archaeology of the USSR)*. Leningrad: Leningrad State University, 111–119 (in Russian).
- Lisitsyna, G. N. 1966. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108. Moscow: "Nauka" Publ., 96–100 (in Russian).
- Lisitsyna, G. N. 1965. *Oroshaemoe zemledelie epokhi eneolita na yuge Turkmenii (Irrigated agriculture of the Eneolithic in the south of Turkmenia)*. Moscow: "Nauka" Publ. in Russian).
- Lisitsyna, G. N. 1969. In Tolstov, S. P., Andrayanov, B. V. (eds.). *Zemli drevnego orosheniya i perspektivy ikh sel'skokhozyaystvennogo ispol'zovaniya (Lands of ancient irrigation and prospects for their agricultural use)*. Moscow: "Nauka" Publ., ... (in Russian).
- Masson, V. M. 1967. In Struve, V. V. Et al. (eds.). *Ellinisticheskiy Blizhniy Vostok, Vizantiya i Iran. Istoriya i filologiya (Hellenistic Middle East, Byzantium and Iran. History and philology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 172–175 (in Russian).
- Masson, V. M. 1969. In Tolstov, S. P., Andrayanov, B. V. (eds.). *Zemli drevnego orosheniya i perspektivy ikh sel'skokhozyaystvennogo ispol'zovaniya (Lands of ancient irrigation and prospects for their agricultural use)*. Moscow: "Nauka" Publ., 96–110 (in Russian).
- Masson, V. M. 1970. In Zasztsev, P. I. (ed.). *Leninskie idei v izuchenii istorii pervobytnogo obshchestva, rabovladieniya i feodalizma (Lenin's ideas in the study of the history of primitive society, slave-owning and feudalism)*. Moscow: "Nauka" Publ., 49–57 (in Russian).
1915. *Materialy po obsledovaniyu kochevogo i osedlogo tuzemnogo khozyaystva i zemlepol'zovaniya v Amu-Dar'inskom otdel' Syr-Dar'inskoy oblasti (Materials on the survey of nomadic and settled indigenous economy and land use in the Amu Darya district of the Syr Darya region)* 1. Tashkent (in Russian).
1915. *Materialy po obsledovaniyu kochevogo i osedlogo tuzemnogo khozyaystva i zemlepol'zovaniya v Amu-Dar'inskom otdel' Syr-Dar'inskoy oblasti (Materials on the survey of nomadic and settled indigenous economy and land use in the Amu Darya district of the Syr Darya region)* 2. Tashkent (in Russian).
- Minasheva, N. G. 1962. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 8, 24–35 (in Russian).
- Minashina, N. G. 1963. In Rozanov, A. N., Egorov, V. V. (eds.). *Vliyanie orosheniya na pochvy oazisov Sredney Azii (Influence of irrigation on the soils of the Central Asian oases)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, ... (in Russian).
- Minashina, N. G. 1969. In Tolstov, S. P., Andrayanov, B. V. (eds.). *Zemli drevnego orosheniya i perspektivy ikh sel'skokhozyaystvennogo ispol'zovaniya (Lands of ancient irrigation and prospects for their agricultural use)*. Moscow: "Nauka" Publ., ... (in Russian).
- Rakhmanov, U. V. 1987. *Keramicheskoe proizvodstvo epokhi pozdney bronzy Yuzhnogo Uzbekistana (Pottery making in the Southern Uzbekistan of the late Bronze Age)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Samarkand (in Russian).
- Rtveladze, E. V. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 263–266 (in Russian).
- Rtveladze, E. V. 1976. In Masson, V. L. (ed.). *Baktriyskie drevnosti. Predvaritel'nye soobshcheniya ob arheologicheskikh rabotakh na yuge Uzbekistana (Bactrian antiquities. Preliminary communications on archaeological works in the south of Uzbekistan)*. Leningrad: "nauka" Publ., 95–96
- Sagdullaev, A. S. 1976. *Sovetskaya arheologiya Uzbekistan (Soviet Archaeology Uzbekistan)* 9, 31–34 (in Russian).
- Sagdullaev, A. S. 1978. In Obel'chenko, O. V., Ovezov, D. M., Khodzhaniazov, T. (eds.). *Istoriya i arheologiya Srednei Azii (History and Archaeology of Central Asia)*. Ashkhabad: "Ylym" Pub., 30–36 (in Russian).
- Sagdullaev, A. S. 1978. *Kul'tura Severnoy Baktirii v epokhu pozdney bronzy i rannego zheleza (po materialam pamyatnikov rayona Shurchi-Baysuna) (The culture of Northern Bactria in the Late Bronze and*

Early Iron ages (based on the materials of the monuments in the Shorchi-Boysun region)). Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).

Sagdullaev, A. S. 1984. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan)* 6, 51 (in Russian).

Sagdullaev, A. S. 1987. *Usad'by drevnei Baktrii (Estates of Ancient Bactria)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Sprishhevsky, V. I. 1958. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 71. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 86–98 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarezm. Experience of Historical and Archaeological Research)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii (In the traces of the ancient Khwarezmian civilisation)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tolstov, S. P. 1964. *Po sledam drevney Khorezmiyskoy tsivilizatsii (In the traces of the ancient Khwarezmian civilisation)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Khamidov, O. A. 2020. *Novye pamyatniki Severnoy Baktrii perioda Kuchuka I (New sites of Northern Bactria of Kuchuk I period)*. Thesis of Diss. PhD. Tashkent (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2000. *Severnaya Baktriya v epokhu rannego zheleznogo veka (Northern Bactria in the early Iron Age)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Institute of Archaeology (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2009. *Etapy vozniknoveniya i razvitiya gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (Stages of the emergence and development of statehood in the territory of Uzbekistan (on the example of Bactria))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Samarkand (in Russian).

Shaidullaeva, G. Sh., Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 294–301 (in Russian).

Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannaya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Sredney Azii (po materialam gorodisha Dzharkutan) (Early urban culture of the Bronze Age in the south of Central Asia (based on the materials of the Dzharkutan settlement))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Kaniuth, K. 2013. In *South Asian Archaeology and Art 2012. Volume 1. Man and environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New perspectives*, 117–128 (in English).

Kattayeva, G. Ch. 2022. *Sopolli madaniyatining zargarlik buyumlari (Jewelry of the pottery culture)*. Thesis of Diss. of PhD. Termiz (in Uzbek).

Khurramov, K. 2020. In *JOISS*. Vol. 1, No. 1, 19 (in English).

Ladislav, S, Tuslova, P. 2019. *Sherobod Oasis (Tracing historical in Southern Uzbekistan)*. Charles: University Karolinum Press.

Stride, S. 2004. *Geographie archeologique de la province du Surkhan Darya*. P. Vol. I, 126–127.

Shopulatov, U. K. 2021. In *World Bulletin of Public Health*. 4, 116–117 (in English)..

About the Author:

Shapulatov Ulugbek Kh. Termez State University. "Barkamol avlod" str., 43, Termez city, 190111, Republic of Uzbekistan; shapulatov87@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 572.71 572.024

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.283.296>

НОВЫЕ СЛУЧАИ СКАЛЬПИРОВАНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА¹

© 2023 г. Н.Я. Березина, А.Н. Абрамова, Р.Х. Зиганшин, А.В. Иванов

В статье обсуждаются черепа, происходящие из разных могильников Прикубанья и Северного Кавказа со следами скальпирования. Все черепа датируются эпохой раннего железного века. Два из них происходят с территории меотского могильника Старокорсунского городища №2, расположенного недалеко от Краснодара и датирующегося VI в. до н.э. – III в. н.э. Еще один череп получен при раскопках хозяйственной ямы на античном сельском поселении, и датируется II вв. до н.э. Памятник расположен недалеко от станицы Старотитаровской в Краснодарском крае. Последний череп происходит из раскопок памятника Гастон Уота (Дигорское ущелье, Северная Осетия). Данный памятник относится к кобанской культуре и датируется VII – 1-я пол. IV в. до н.э. В результате в научный оборот вводится четыре новых случая скальпирования, происходящих с территории Юга России. Все черепа принадлежали взрослым мужчинам, у двух из них зафиксированы травмы, полученные незадолго до смерти. У двух индивидов: из могильника Гастон-Уота и поселения у станицы Старотитаровской – скальпирование было проведено в “классической” манере, при которой надрез делается по всей площади роста волос. А у индивидов, погребенных в могильнике Старокорсунского городища №2 были отмечены следы частичного скальпирования, с захватом только верхней части свода черепа и формированием небольшого по площади скальпа. Фиксация различий между способами скальпирования может отражать бытование разных традиций этого ритуала.

Ключевые слова: археология, скальпирование, ранний железный век, античность, кобанская культура, Предкавказье, Северный Кавказ, протеомный анализ.

NEW CASES OF SCALPING FROM THE BURIAL GROUNDS OF THE PRE-CAUCASUS AND THE NORTH CAUCASUS IN THE EARLY IRON AGE²

N.Ya. Berezina, A.N. Abramova, R.Kh. Ziganshin, A.V. Ivanov

Several skulls dated to the Early Iron Age discovered in various burial grounds located in the Prikuban and North Caucasus regions are examined in the article. All the skulls are dated to the early Iron Age. The skulls exhibit distinctive signs of scalping. Two of the skulls originate from the Meotian burial ground found in the Starokorsunsky hillfort No. 2, situated near Krasnodar and spanning from the 6th century BC to the 3rd century AD. One of the skulls was excavated from an ancient rural settlement dating to the 2nd centuries BC near the village of Starotitarovskaya in the Krasnodar region. Finally, the remaining skull was unearthed at the Gaston Uota site in Digor Gorge, North Ossetia. This site, concerning the Kobani culture, is dated between the 7th century BC and the 1st half of 4th century BC. The article presents four new instances of scalping originating from Southern Russia. All of the skulls belonged to adult males, and two of them exhibited injuries that appear to have occurred shortly before death. Among the skulls found at the Gaston-Uota burial ground and the settlement near Starotitarovskaya, scalping was executed in the conventional manner, entailing full-scale incisions over the entire hair-covered area. On the other hand, victims buried at the Starokorsunsky hillfort No. 2 displayed evidence of partial scalping, where only the top portion of the cranium vault was scalped, resulting in a limited area of scalp removal. This discrepancy in scalping techniques may reflect distinct cultural traditions associated with this ritualistic practice.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ No 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

² The paper was prepared as a part of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00108 "The North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron ages: people, horses, metal"

Keywords: archaeology, scalping, early Iron Age, antiquity, Koban culture, Pre-Caucasus, North Caucasus, proteomic analysis.

Введение

Голова и ее составляющие считалась одними из наиболее сакральных частей человеческого тела во многих культурах. Именно человеческое лицо отражает чувства и мысли человека, его личность. Глаза, уши, нос – органы чувств, через которые человек познает мир и транслирует себя; волосы, как составляющая образа человека, нередко наделялись магическими свойствами. С волосами, как с отделимой частью головы, связаны магические поверья и традиции, начиная от особого отношения к первой стрижке и заканчивая регламентацией причесок. Длина волос, форма прически, способ укладки волос являются важным маркирующим фактором социального положения или возраста и часто связаны с обрядом перехода (Геннеп, 1999, с. 152). Один из наиболее очевидных примеров сакральной силы волос – библейский миф о Самсоне. В иудаизме до сих пор распространена церемония опшернишь – первая стрижка мальчика, которая совершается по достижению им трех лет. У многих народов Кавказа, например в этнографии адыгов, также отмечается традиция сжигать или прятать детские волосы, чтобы избежать сглаза (Смирнова, 1983, с. 71).

Утрата головы непременно заканчивалась смертью ее обладателя, поэтому нередко она считалась средоточием жизненных сил. Часто именно голову забирали у поверженного врага (см. наприм.: Stahl, 1986; Ильясов, 2017, с. 81; Худавердян и др., 2018). И сегодня на черепках, полученных в ходе археологических раскопок, встречаются следы различных манипуляций, связанных с головой еще живого или уже умершего человека. Об одной из таких ритуальных практик, а именно скальпировании, и пойдет речь в данном исследовании.

Материалы и методы

Материалами для данной публикации служат черепа из целого ряда археологических памятников самого разного характера (Табл. 1).

Два черепа происходят с территории могильника Старокорсунского городища №2 (рис. 1), относящегося к меотской археологической культуре и датирующегося VI в. до н.э. – III в. н.э.

Могильник расположен на берегу Краснодарского водохранилища и уже около 35 лет исследуется силами Краснодарской археологической экспедицией под руководством И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис. Все черепа ранее были отреставрированы и изучены М.А. Балабановой, а материалы опубликованы в предварительном сообщении (Балабанова, 2013).

Еще один череп был получен в ходе спасательных археологических работ на памятнике, вошедшем в учетную документацию под названием “Поселение в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края”. В ходе археологических раскопок, проводившихся отрядом ООО «ЦРСР-ЮГ», под руководством Н.Ф. Шевченко в 2022 году была вскрыта яма с черепом и следами прокала на дне. Памятник датируется V–II вв. до н.э., а сама яма предварительно относится к II в. до н.э. (Отчет..., 2023). Само поселение располагается на территории Азиатского Боспора и, скорее всего, было основано смешанным населением, состоящим из варваризированных потомков греческих колонистов и местных жителей.

Последний памятник, давший материал для данного исследования, расположен в горной Дигории и много лет исследовался отрядом ГИМа под руководством А.П. Мошинского. Могильник Гастон-Уота относится к кобанской археологической общности, имеет датировку с VII по 1-ю пол. IV в. до н.э. (Мошинский, в печати) и в настоящее время находится на хранении в Институте этнологии и антропологии РАН.

Все исследуемые черепа изучались с применением увеличительных стекол, а в нескольких случаях, для детального изучения насечек и создания фотографий с большим увеличением, применялся видеомикроскоп высокого разрешения Nirox RH-2000, принадлежащий НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В одном случае пол индивида был подтвержден методом протеомного анализа эмали зубов по методике, применяемой одним из авторов данной работы (Зиганшин с соавт., 2020). Принцип метода основан на том факте, что амелогенин – один из основных белков, принимающих участие в форми-

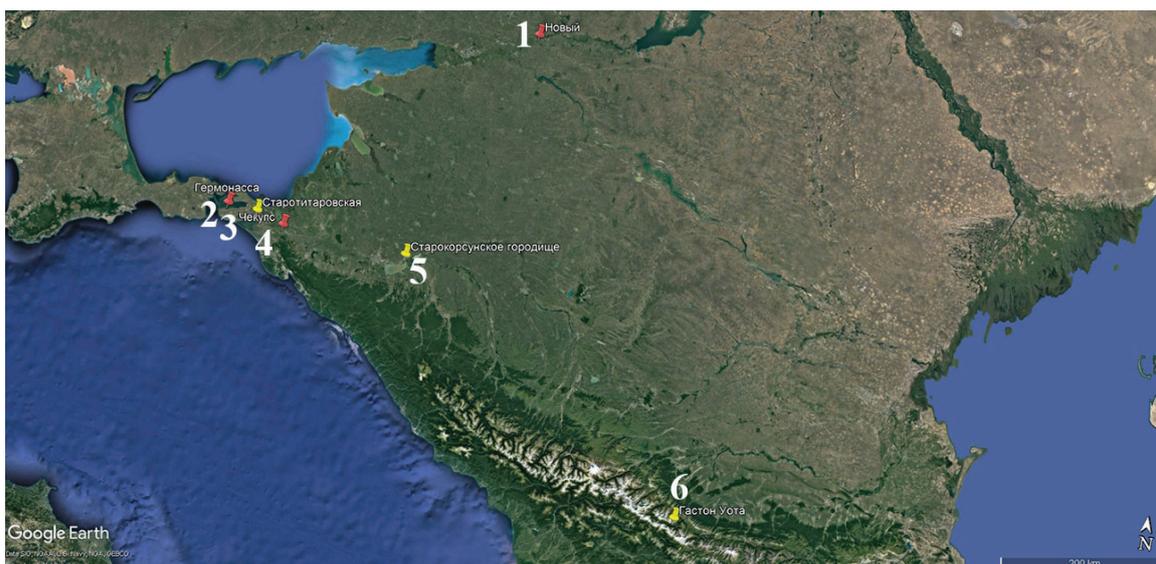

Рис. 1 Локализация памятников, в которых был зафиксирован обряд скальпирования: 1. могильник Новый (Перерва, 2005); 2. городище Гермонасса (Ильина с соавт., 2023); 3. поселение в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края; 4. поселение Чекупс-2 (Абрамова, 2021); 5. могильник Старокорсунского городища №2; 6. могильник Гастон Уота. *Примечание:* желтые значки – памятники, являющиеся предметом данного исследования, красные – известные по литературным данным.

Fig. 1. Archaeological sites localisation for which scalping was identified: 1 – Novyi burial ground; 2 – Hermonassa hillfort; 3 – settlement 0.6 km to the west of the western outskirts of the Starotitarovskaya station, Temryuk district, Krasnodar region; 4 – Chekups-2 settlement 5 – Starokorsun hillfort no.2, burial grounds; 6. Gaston Uota burial ground. *Yellow points* – burial grounds of this research; *Red points* – burial grounds from literature data

Таблица 1. Описание материалов исследования
Table 1. Description of research materials

№	Название могильника	Номер погребения	Регион	датировка	археологическая культура	пол	возраст
1	могильник Старокорсунского городища №2	409з	Краснодарский край	II в. до н.э. – II в. н.э.	меотская	М	40-49
2	могильник Старокорсунского городища №2	657з	Краснодарский край	V-IV вв. до н.э.	меотская	М	>50
3	Поселение в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края		Краснодарский край	II в. до н.э.	греческая	М	35-45
4	могильник Гастон- Уота	П.20, инд.4	Северная Осетия	первая половина IV в. до н.э.	кобанская	М	40-49

ровании зубной эмали, имеет у человека две изоформы, одна из которых кодируется геном, расположенном на X-хромосоме (AMELX), а другой – на Y хромосоме (AMELY). У женщи-

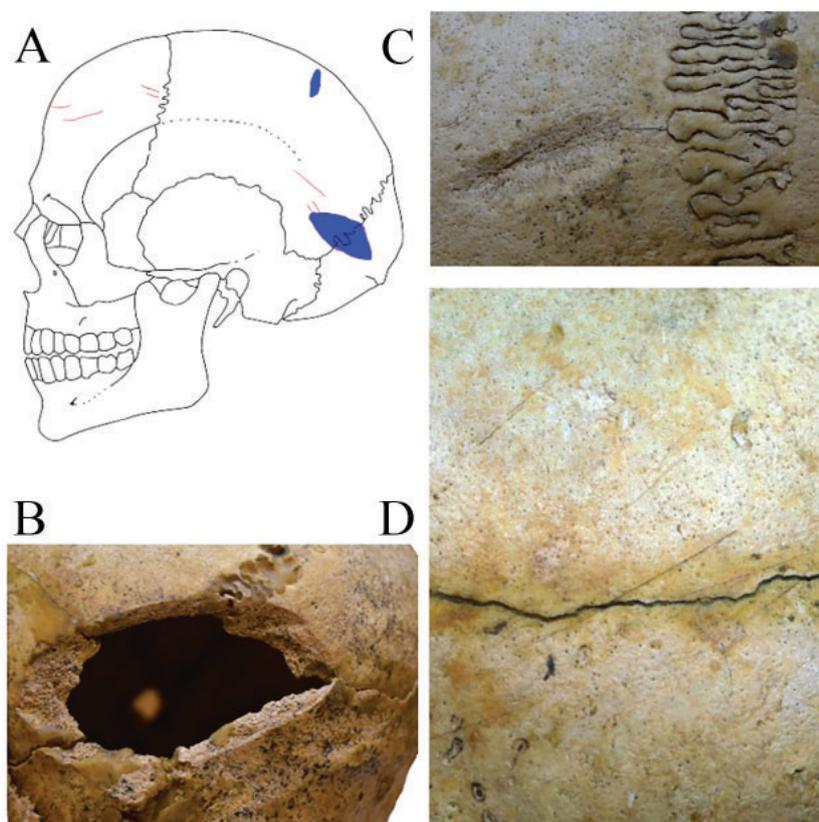

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища №2, погребение 409з, мужчина 40-49 лет:

А – Схематическое расположение травм и насечек; В – Рубленая травма левой теменной и затылочной костей без следов заживления; С – Зажившая рубленая травма левой теменной кости; D – Насечки на лобной кости.

Fig. 2. Starokorsun hillfort no.2, burial grounds, burial 409z, 40-49 years, male: A – Scheme of traumatic injuries and cutmarks; B – Perimortem chopped trauma of left parietal and occipital bones; C – Healed chopped trauma of the left parietal bone; D – Cutmarks on the frontal bone.

ны в зубной эмали присутствует белковый продукт гена AMELX, а у мужчины – продукт обоих генов.

Результаты

Процедуру скальпирования делят на: непреднамеренную или травматическую – связанную с нападением животных или затягиванием волос в механизмы (Ortner, 2003; Furlanetti et al., 2010; Tsokos et al., 2007) и преднамеренную – совершенную другим человеком для отделения мягких тканей от черепа с медицинскими или ритуальными задачами. В данной работе мы рассматриваем именно ритуальную сторону – скальпирование с целью обладания чужим скальпом.

Первый череп, происходящий из западного могильника Старокорсунского городища № 2, принадлежал мужчине 40-49 лет. Данный индивид был погребен в простой яме головой на запад, лежа на спине со скрещенными голени. И.С. Каменецкий доказал, что положение ног «перекрещенные в голени» является признаком, характерным для меотских погребений, который впоследствии был воспринят сарматами (Каменецкий, 1965, с. 290–291; Марченко, 1996, с 105). Погребальный инвентарь скромн. В захоронении находился лишь один железный серп с плавно изогнутым,

немного сужающимся к концу лезвием. Эта находка, впрочем, не может быть основанием для точной датировки самого комплекса. Тем не менее, участок, на котором было исследовано погребение, автором раскопок отнесен ко II в. до н.э. – II в. н.э. (Лимберис, 1999; Лимберис, 2000). На черепе отмечается две травмы: зажившая и незажившая, а также следы скальпирования по окружности свода черепа без признаков репаративной регенерации (рис. 2).

На левой теменной кости в 5 мм от сагиттального шва и почти перпендикулярно ему отмечается несквозное повреждение наружной компакты и части диплоэ каплевидной формы, длиной около 20 мм и шириной в наиболее широкой части 8 мм. По форме травмы и виду ее краев, наиболее вероятно, что деструкция образовалась вследствие рубящего удара слегка задевшего свод черепа (рис. 2: С). Удар, по всей видимости, был нанесен сзади, т.к. дорсальный край повреждения более гладкий, а вентральный имеет выраженный гребень. Следов активного воспалительного процесса не отмечается, так что вероятно, форма повреждения имеет близкую к первоначальной структуре. Повреждение имеет четкие следы облитерации, и было получено задолго до момента смерти. Травма

без следов заживления представляет собой рубленое сквозное отверстие, расположенное выше астериона и затрагивающее левую теменную и часть затылочной кости (рис. 2: В). Внутренний диаметр разрушения 52 мм, наружный 69 мм. Травма была нанесена рубящим оружием, сверху и спереди. Верхняя арка отверстия имеет четкие следы среза по влажной кости, нижняя арка с неровным ломаным краем, сформировалась при обламывании костного фрагмента в момент удара. От отверстия расходятся линейные радиальные переломы: в сторону теменного бугра, поперек, через затылочную кость, в сторону чешуйчатого шва и к астериону.

По окружности черепа идет ряд насечек разной длины от 3 до 20 мм. Максимальное количество надрезов отмечается на лобной кости выше лобных бугров: от левой части венечного шва к правой через метопический шов (рис. 2: D). Левая теменная в латеральной области сильно покрыта реставрационной мастикой, но и там, под теменным бугром, прослеживаются несколько надрезов, заканчивающихся в непосредственной близости от незажившей травмы. На затылочной кости также отмечается ряд насечек, самая низкая из которых проходит на уровне верхней выйной линии, остальные группируются выше центра чешуи кости по продольной оси незажившей травмы. Самая высокая на затылочной кости фиксируется в 15 мм от точки лямбда. На правой латеральной стороне черепа отмечается группа насечек в верхней части чешуи височной кости, на лобной кости, а также один надрез под правым теменным бугром. На обоих сосцевидных отростках насечки не фиксируются. В данном случае площадь снимаемого скальпа была меньше площади волосистой части головы: от начала волосистой части кожи головы на лбу, по прямой, вдоль боковых частей черепа под теменными буграми и заканчивается в верхней части затылка (рис. 2: А).

Второй череп из Старокорсунского городища № 2 также был определен как мужской (?), позднего зрелого или пожилого возраста. По данным автора раскопок индивид был захоронен на участке с погребениями V–IV вв. до н.э. (Лимберис, 2017). Сам участок был перекрыт более поздними напластованиями городища, относящихся к первым векам н.э. Половина погребения была разрушена более поздней

ямой с материалами I–II вв. н.э. Из инвентаря в захоронении были зафиксированы только фрагменты лепного сосуда и несколько мелких фрагментов бронзового изделия, характер которого установить не удалось (Лимберис, 2017). Скелет также лежал вытянуто на спине с восточной ориентировкой.

Сохранность и комплектность костей черепа неполная: сохранились лобная, обе теменные и левая височные кости целиком, правая височная и затылочная представлены частично. Кости лица представлены фрагментами обеих челюстей и частью правой скуловой. Тафономические процессы, а также произведенная после раскопок интенсивная очистка черепа, выполненная силами студентов во время полевого сезона без консультации с антропологом, практически полностью разрушили наружную компакту черепа. Поэтому насечки от скальпирования фиксировались только на лобной и затылочной костях. На лобной кости поперек центральной части левого лобного бугра отмечается длинный надрез (33 мм). Еще одна короткая насечка зафиксирована на затылочной кости немного ниже верхней выйной линии справа, ближе к затылочно-сосцевидному шву.

В данном случае также отмечается некоторое отхождение от классического исполнения скальпирования – длинный, одиночный уверенный разрез поперек лобного бугра, вместо серии коротких насечек, параллельных друг другу, которые мы отмечали ранее на материалах РЖВ (Березина, Абрамова, 2023).

Третий череп происходит из раскопок античного поселения, расположенного недалеко от станицы Старотитаровской. Материалы поселения свидетельствуют о том, что люди жили на этом месте в хронологическом диапазоне V–II вв. до н.э. В отличие от предыдущих, этот отдельный череп происходит не из погребения, а из хозяйственной ямы. Археологические находки из ямы, среди которых присутствует и ножка унгентария, позволяют отнести данный комплекс к позднему этапу существования поселения и датировать яму II в. до н.э. (Отчет..., 2023, рис. 389). На дне ямы зафиксировано кострище, рядом с которым находился череп мужчины 35–45 лет. Череп был представлен фрагментарно: костями нейрокраниума и фрагментом правой ветви нижней челюсти. Реставрация черепа позволила выявить травму в области лево-

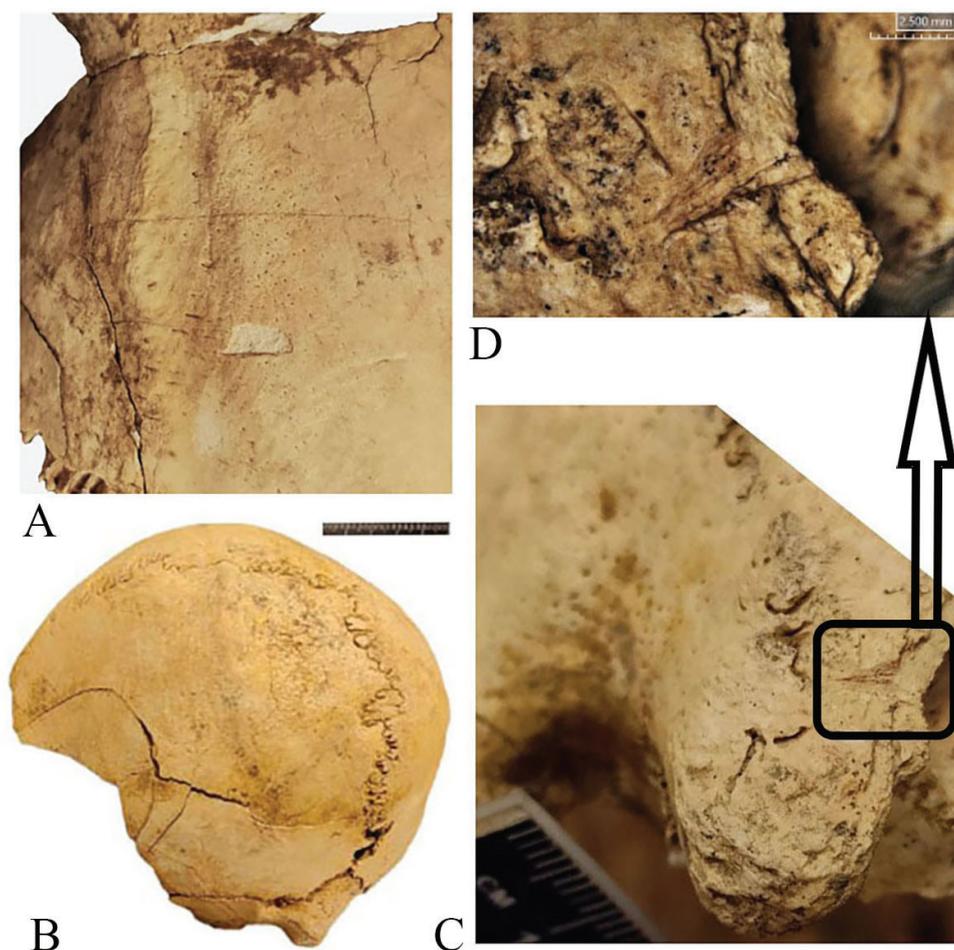

Рис. 3. Поселение в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края, мужчина 35-45 лет.: А – насечка на лобной кости слева; В – травма без следов заживления, полученная от удара тупым предметом с преобладающей поверхностью; С – надрезка на основании левого сосцевидного отростка; D – надрезка на основании левого сосцевидного отростка при увеличении.

Fig. 3. Archaeological settlement 0.6 km to the west of the western outskirts of the Starotitarovskaya station, Temryuk district, Krasnodar region, male, 35-45 years: A – cutmark on the left part of the frontal bone; B – perimortem blunt force trauma caused by predominant surface object; C – cutmark at the base of the left mastoid process, magnification

го теменного бугра (рис. 3: В), полученную от удара тупым предметом с преобладающей поверхностью, непосредственно перед смертью индивида (Березина, Абрамова, 2023).

На компакте свода черепа отмечаются тонкие насечки, созданные орудием с острой режущей кромкой. При неполной комплектности костей черепа, насечки фиксируются на левой височной кости в области чешуи рядом с чешуйчатым швом, и выше – на левой теменной кости; на затылочной кости в области правого края верхней выйной линии; на правой височной кости в области сосцевидного отростка и на правой теменной, немного выше чешуйчатого шва. На лобной кости наблюдается ряд надрезов от левой до правой височных линий над лобными буграми (рис.

3: А). Локализация насечек позволяет определить площадь скальпирования – выше лобных бугров спереди, на сосцевидных отростках (рис. 3: С, D) и в области верхнего края ушей по бокам, и примерно в области верхней выйной линии на затылке, что соответствует снятию большей части волосистой кожи головы.

Четвертый череп со следами скальпирования был обнаружен в процессе работы с палеоантропологической коллекцией из могильника Гастон-Уота, расположенного в Дигорском ущелье в Северной Осетии. Он происходит из коллективного захоронения, которое автор раскопок А.П. Мошинский отнес к первой половине IV в. до н.э. (Мошинский, 2021, с. 82). Предварительное исследование серии

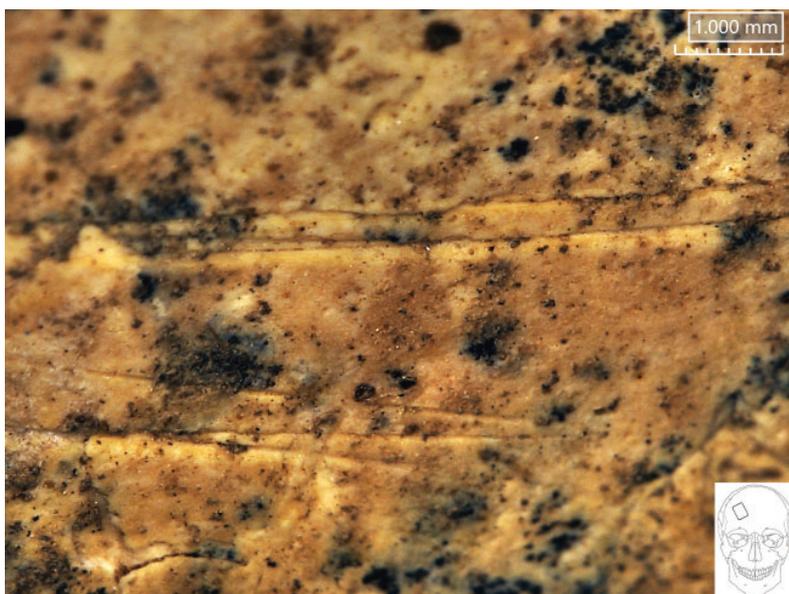

Рис. 4. Могильник Гастон Уота, П.20, инд.4. Лобная кость зрелого мужчины со следами скальпирования.

Fig. 4. Gaston Uota burial ground, B.20, ind.4. Cutmarks on the frontal bone, male, maturus.

было проведено с описанием палеодемографических и краниометрических характеристик, анализом частот дискретно-варьирующих признаков и публикацией отдельных патологий (Герасимова, Пежемский, 2013). При повторном изучении серии авторами настоящего исследования был выявлен индивид со следами скальпирования.

Череп зрелого мужчины был неравномерно разрушен тафономическими процессами: справа сохранность и комплектность была хорошей, а слева - наружная компакта разрушена, комплектность костей неполная. Отсутствие костей посткраниального скелета, слабовыраженные признаки пола на черепе, а также его плохая сохранность затруднили определение пола по морфологическим критериям, поэтому для решения этой задачи был использован протеомный анализ эмали зубов. Идентификация в экстракте зубной эмали фрагментов белка, являющихся уникальными для изоформы амелогенина, кодируемого геном AMELY, позволила однозначно установить пол индивида, как мужской.

На правой височной кости насечки фиксируются в двух местах: в основании сосцевидного отростка и у края чешуи, откуда они продолжаются по латеральному краю правой теменной кости и примерно на том же уровне переходят на чешую лобной кости (рис. 4).

На затылочной кости насечки фиксируются между верхними и нижними выйными линиями и немного ниже. На левой части черепа следов скальпирования не прослеживаются в

связи с плохой сохранностью костной ткани. Сохранившиеся насечки позволяют предполагать, что, как и в случае черепа, найденного у станицы Старотитаровской, скальпирование выполнялось по кругу, захватывая большую часть волосистой кожи головы (рис. 5).

Обсуждение

Наиболее весомым доказательством преднамеренного скальпирования является обнаружение надрезов по краю роста волос на наружной компакте черепа. Такой способ скальпирования, характерный для скифов, описан у целого ряда древних авторов (см. наприм.: Латышев, 1947, с. 327).

Неоднократные исторические свидетельства бытования данной традиции у ряда племен должны подкрепляться фактическими находками на палеоантропологическом материале. Обращаясь к опубликованным данным с территории Восточно-Европейской равнины и восточнее, можно отметить единичные находки случаев скальпирования в раннем железном веке. Так, Е.В. Перервой в могильнике Новый были изучены четыре черепа со следами скальпирования, относящиеся по данным археологии к сарматской археологической общности и датируемые I в. н.э. (Перерва, 2005; Перерва, Лукьяшко, 2011). В недавно вышедшей статье введены в научный оборот новые данные из раскопок на античном памятнике Гермонасса, где авторы также обсуждают черепа со следами декапитации и скальпирования. Материалы датируются III в. н.э. (Ильина с соавт., 2023).

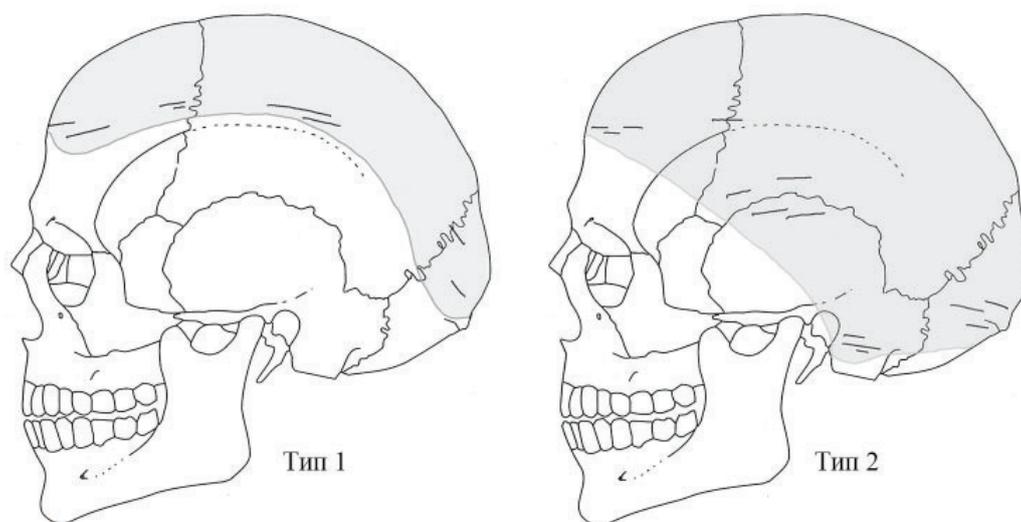

Рис. 5. Различные способы скальпирования: тип 1 – скальпирование по верхней части свода с формированием небольшого по площади кожного лоскута (2 случая из могильника Старокорсунского городища №2); тип 2 – скальпирование с захватом большей части волосистой кожи головы (могильники Гастон Уота и Поселение в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края)

Fig. 5. Scalping types: Type 1 – scalping along the upper part of the cranial vault, small skin flap (2 cases from the Starokorsun settlement no. 2 burial ground); Type 2 – scalping along the entirely scalp (Gaston Uota and Archeological settlement 0.6 km to the west of the western outskirts of Starotitarovskaya station, Temryuk district, Krasnodar region)

В синхронных культурах Южной Сибири, курганных погребениях Пазырыка, могильниках Аймырлыг и Быстровка также находятся аналогии этой традиции (Бородовский, Табаров, 2001; Murphy et al., 2002; Murphy, 2003). У племен скифского круга обряд скальпирования зафиксирован лишь на Алтае в одном из знаменитых Пазырыкских курганов (Руденко, 1953, с. 264).

Еще несколько черепов со следами скальпирования были выявлены одним из авторов настоящего исследования при изучении останков, происходящих из хозяйственной ямы поселения Чекупс-2 (Абрамова, 2021). К сожалению, из-за ряда причин датировка данного памятника затруднена. В верхнем слое земли, заполнявшей яму, находились фрагменты керамики и меотских плиток, которые относятся к I–III вв. н.э., однако, в заполнении грунта, где непосредственно находились черепа, никакого атрибутирующего инвентаря не содержалось, а стратиграфия на памятнике прослежена не была. В настоящее время авторы данного исследования планируют проведение радиоуглеродного датирования этой находки.

До сих пор остается открытым вопрос, почему черепа со следами скальпирования,

происходящие из могильников Азиатского Боспора и с территории обитания кочевых племен скифов, сарматов и алан носят единичный характер? Авторы видят целый комплекс проблем, связанных с этим вопросом. В первую очередь большую роль играет сама сохранность костной ткани. В агрессивных почвенных условиях, которые характерны для Юга России большинство черепов имеют сильную деструкцию костной ткани. Эту проблему уже освещал ряд авторов и мы на ней останавливаться не будем (Пежемский, 2000; Добровольская, 2016; Абрамова, Пежемский, 2018). Здесь лишь необходимо отметить, что при значительном разрушении верхнего кортикального слоя костей черепа в большинстве случаев насечки зафиксировать невозможно, хотя бывают исключения (Карачаров, Ражев, 2002). Вторая проблема – это отсутствие цели у исследователя зафиксировать какие-либо травматические повреждения костей черепа. Два черепа из четырех, обсуждаемых в данной статье, были ранее изучены с целью проведения краниометрических исследований другими исследователями, при этом факт наличия следов скальпирования на этих черепах не был введен в научный оборот.

Отсюда вытекает третья проблема – отсутствие универсальности в применении палеоантропологических методик у разных исследователей. Часто, после изучения скелетных останков палеоантропологом, автор раскопок производит их перезахоронение. При этом не учитывается полнота изучения материалов. Именно благодаря тому, что археологи, исследовавшие памятники обсуждаемые в данной работе, сохранили все скелеты она и стало возможной.

До недавнего времени, фактических находок скальпирования на территории Предкавказья и Северного Кавказа не было, эта традиция была известна только в виде письменных источников. Опираясь на них, М.Б. Медникова даже выделяла территорию Южно-Русской степи как один из локальных центров распространения скальпирования (Медникова, 2000, с. 66-67).

Обсуждаемые в этой статье материалы датируются широким периодом от V в. до н.э. до II в. н.э. Из четырех описанных нами случаев два, зафиксированных на материалах могильника Старокорсунского городища №2, можно соотнести с конкретным племенным образованием, сегодня известного нам под именем меотов. Есть археологические свидетельства, позволяющие говорить нам о проникновении сармат в среду меотов (Лимберис, Марченко, 2010, с. 265). Со временем сарматское влияние на племена Прикубанья становится настолько сильным, что археологи говорят о единой меото-сарматской культуре (Анфимов, 1951; Смирнов, 1954). Памятники кобанской археологической общности также в позднекобанский период подверглись влиянию племен скифо-сарматского круга (Чшиев, с. 43). Наличие индивидов с искусственной деформацией, погребенных в хозяйственных ямах античной Гермоны III в. н.э. позволяет авторам предполагать присутствие в городе “варварского контингента”, связанного с сарматами (Ильина с соавт., 2023). И четыре черепа, происходящие из раскопок могильника Новый, также ассоциируются с сарматской культурой (Перерва, 2005, с. 37).

Благодарности:

Работа выполнена с привлечением материалов Центра коллективного пользования "Фонды Центра физической антропологии ИЭА РАН" (серия Гастон Уота).

Датировки всех обсуждаемых памятников выстраиваются в хронологический ряд от наиболее ранних случаев V–IV вв. до н.э. для могильников Старокорсунского городища №2 и Гастон Уота, где впервые для кобанского памятника отмечается скальпирование, до III в. н.э. в античной Гермоны.

Заключение

На сегодняшний день все перечисленные случаи, разновременные и разнотерриториальные исчерпывают список археологических свидетельств о распространении ритуала скальпирования на территории Юга России и Кавказа в раннем железном веке. Все индивиды, обсуждаемые в данном исследовании, – это взрослые мужчины. У двух из них отмечается предсмертные травмы головы без следов заживления, а у одного из них еще и старая зажившая рубленая травма свода черепа. Наличие травм предполагает, что скальпирование было произведено с целью получения трофея от убитого в бою противника.

Скелеты из Старокорсунского городища №2, Гастон-Уота, а также черепа, описанные Е.В. Перервой из могильника Новый были погребены по обряду, характерному той историко-культурной общности, к которой индивиды относились. Черепа из ям на поселении Чекупс 2 и городища Гермоны скорее всего принадлежали индивидам, погибшим в результате военного конфликта, а яма, обнаруженная при раскопках у ст. Старотитаровская может носить ритуальный характер. При этом несколько разнится и сам способ скальпирования. На двух черепах (Гастон-Уота и Старотитаровская) снятие скальпа происходило “классическим” способом, захватывающим большую площадь волосистой части головы с формированием крупного скальпа. Тогда как два черепа из могильника Старокорсунского городища №2 несут следы частичного скальпирования, с захватом только верхней части свода черепа и формированием небольшого по площади скальпа. Фиксация различий между способами скальпирования может отражать бытование разных традиций этого ритуала.

Исследование проводилось при поддержке ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование» и национального проекта «Наука».

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.Н. Предварительное сообщение о черепахах с поселения Чекупс-2 // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 228–236.

Абрамова А.Н., Пежемский Д.В. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2018. № 4. С. 102–121.

Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / МИА. № 23 / Ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 155–207.

Балабанова М.А. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 21–25.

Березина Н.Я., Абрамова А.Н. Манипуляции с головой человека в эпоху раннего железного века по материалам могильников Центрального Кавказа и Предкавказья // XI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар-М.: Традиция; ЦПИ, 2023. С. 229–233.

Бородовский А.П., Табарев А.В. Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. Нальчик; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 207–210.

Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Палеоантропология населения кобанской культуры // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Д.Г. Матишов. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. С. 24–32.

Добровольская М.В. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 299–309.

Зиганшин Р.Х., Березина Н.Я., Александров П.Л., Рябинин В.В., Бужилова А.П. Оптимизация метода идентификации пола человека пептидомным анализом эмали зубов различной биологической генерации, археологического возраста и тафономической сохранности // Биохимия. 2020. Т. 85. № 5 С. 718–728.

Ильина Т.А., Свиркина Н.Г., Веселкова Д.В. Об обстоятельствах захоронения человеческих останков на территории Гермонассы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 418–431.

Ильясов Б.С. «Путевые записки» Ибн Фадлана и изображение башкурта на золотом кувшине (5–6 в.в.) из Надь-Сент-Миклоша (Венгрия) // Проблемы востоковедения. 2017. № 2 (76). С. 80–85.

Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I - III вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 20 с.

Карачаров К.Г., Ражев Д.И. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 137–140.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1-4. Доступно по: URL:http://apsnyteka.org/file/VDI_Latyshev_Izvestiya_drevnih_pisateley_grecheskikh_i_latinskih_o_Skifii_i_Kavkaze.pdf (дата обращения: 30.07.2021)

Лимберис Н.Ю. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках западного могильника Старокорсунского городища № 2 в 1998 г. 1999 // Архив НИИ археологии КубГУ

Лимберис Н.Ю. Отчет о раскопках Краснодарской археологической экспедиции на западном могильнике Старокорсунского городища № 2 в 1999 г. 2000 // Архив ИА РАН Ф.1. Р.1. №22977.

Лимберис Н.Ю. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о работах на Старокорсунском городище № 2 в 2017 году // Архив НИИ археологии КубГУ, 2017.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сарматы // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 261–284.

Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: б/и, 1996. 336 с.

Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3. С. 59–68.

Мошинский А.П. Гастон Уота – кобанский могильник «скифского времени». В печати.

Отчет по результатам исследований (наблюдение) на территории выявленных объектов археологического наследия «Поселение», 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровской, «Поселение», 6,2 км к западу-северо-западу от кладбища ст. Старотитаровской, в зоне реконструкции автомобильной дороги А290 Новороссийск – Керчь на участке км 73 – км 100 (1этап) автомобильная дорога М-25 Новороссийск – Керчь (на Симферополь), подъезды к морским портам Кавказ и Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края. Т. 1. Краснодар. 2023.

Пежемский Д.В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4. С. 64–76.

Перерва Е.В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005. № 3. С. 36–44.

Перерва Е.В., Лукьяшко С.И. О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. 3 / Отв. ред. Л. Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. С. 373–392.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племён и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии / Под ред. Н.Я. Мерперт. М: АН СССР, 1954. С. 195–219.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX - XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.

Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Варданян Ш.А., Енгибарян А.А. Экстраординарные погребения из памятника Лори Берд: возможности интерпретации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 1. С. 5–21.

Чишев В.Т. Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии. Дисс. ... канд. истор. наук. Владикавказ, 2017. 588 с.

Furlanetti L.L., de Oliveira R.S., Santos M.V., Farina J.A. Jr., Machado H.R. Multiple cranial burr holes as an alternative treatment for total scalp avulsion. Childs Nerv Syst. 2010. No 26. P. 745–749. <https://doi.org/10.1007/s00381-010-1145-7>

Murphy E.M., Gokhman I., Barkova L. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetary of Aymyrlyg, Sought Siberia // American Journal of Archaeology. 2002. No. 106. P. 1–10.

Murphy E.M. Iron Age Archaeology and Trauma from Aymyrlyg, South Siberia / BAR International Series. Archaeopress. No. 1152. Oxford, 2003. 231 p.

Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains (2nd ed.). London: London Academic Press. 2003.

Stahl P.-H. Histoire de la décapitation. Paris. PUF, 1986. 247 p.

Tsokos M., Byard R., Püschel K. Extensive and Mutilating Craniofacial Trauma Involving Defleshing and Decapitation: Unusual Features of Fatal Dog Attacks in the Young // The American Journal of Forensic Medicine and Pathology. 2007. No. 28(2). P. 131–136. doi: 10.1097/01.paf.0000257395.90724.39

Информация об авторах:

Березина Наталия Яковлевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); berezina.natalia@gmail.com

Абрамова Александра Николаевна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических фондов Государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края “Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д.Фелицына” (г. Краснодар, Россия); abramovasacha0902@gmail.com

Зиганшин Рустам Хусманович, кандидат химических наук, руководитель группы масс-спектрометрии ЦКП “Биоорганика” ФГБУН “Институт биоорганической химии им. академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова” (г. Москва, Россия); rustam.ziganshin@gmail.com

Иванов Алексей Владимирович, археолог, ООО «Южный региональный центр археологических исследований» (г. Краснодар, Россия); ivanov_arch@mail.ru

REFERENCES

Abramova, A. N. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 228–236 (in Russian).

Abramova, A. N., Pezhemskii, D. V. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (4). 102–121 (in Russian).

Anfimov, N. V. 1951. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and studies on the archaeology of the North Caucasus)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 115. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 155–207 (in Russian).

Balabanova, M. A. 2013. In Marchenko, I. I. (ed.). *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (VI International Kuban archaeological conference)*. Krasnodar: “Ekoinvest” Publ., 21–25 (in Russian).

Berezina, N. Ya., Abramova, A. N. 2023. In Raev, B. A. (ed.). *XI Anfimovskie chteniya po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyj Kavkaz v kontekste kontaktov kul'tur, narodov i civilizacij. Materialy konferencii (XI Anfimov's Readings on the archaeology of the Western Caucasus. The Western Caucasus in the context of contacts of cultures, peoples and civilizations. Proceedings of conference)*. Krasnodar; Moscow: “Traditsiia” Publ., 229–233 (in Russian).

Borodovskiy, A. P., Tabarev, A. V. 2001. In Selezneva, A. G., Tikhonova, S.S., Tomilova, N. A. (eds.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Nalchik, Omsk: Omsk State Pedagogical University, 207–210 (in Russian).

Gennep, A. van. 1999. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov (The Rites of Passage)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Gerasimova, M. M., Pezhemskii, D. V. 2013. In Matishov, D. G. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Naselenie Yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney» (Donskie antropologicheskie chteniya). (26–30 avg. 2013 g., Rostov-na-Donu) (The population of the south of Russia from ancient times to the present day (Don anthropological readings)*. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 24–32 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. 2016. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 244, 299–309 (in Russian).

Ziganshin, R. Kh., Berezina, N. Ya., Aleksandrov, P. L., Ryabinin, V. V., Buzhilova, A. P. 2020. In *Biokhimiya (Biochemistry)* 85 (5), 718–728 (in Russian).

Il'ina, T. A., Svirkina, N. G., Veselkova, D. V. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 15, 418–431 (in Russian).

Il'yasov B. S. 2017. In *Problemy vostokovedeniya (The Issues of Oriental Studies)* 76 (2), 80–85 (in Russian).

Kamenetsky, I. S. 1965. *Naselenie Nizhnego Dona v I – III vv. n. e. (The population of the Lower Don region in the I – III centuries AD)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow (in Russian).

Karacharov, K. G., Razhev, D. I. 2002. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (4), 137–140 (in Russian).

Latyshev V. V. 1947 In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1–4. Available at: URL:http://apsnyteka.org/file/VDI_Latyshev_Izvestiya_drevnih_pisateley_grecheskikh_i_latinskikh_o_Skifii_i_Kavkaze.pdf (accessed: 30.07.2021) (in Russian).

Limberis, N. Yu. 1999. *Otchet Krasnodarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh zapadnogo mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 1998 g. (Report of the Krasnodar archaeological expedition*

on the excavations of the western burial ground of the Staro-korsunskaya hillfort No. 2 in 1998). Archive of the Institute of Archaeology of the Kuban State University (in Russian).

Limberis, N. Yu. 2000. *Otchet o raskopkah Krasnodarskoj arheologicheskoy ekspedicii na zapadnom mogil'nike Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 1999 g.* (Report on the excavations of the Krasnodar archaeological expedition on the western burial ground of the Starokorsunskaya hillfort No. 2 in 1999). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R.1. № 22977 (in Russian).

Limberis, N. Yu. 2017. *Otchet Krasnodarskoj arheologicheskoy ekspeditsii o rabotakh na Starokorsunskom gorodishche № 2 v 2017 godu* (Report of the Krasnodar archaeological expedition on the work on the Starokorsunskaya hillfort No. 2 in 2017). Archive of the Institute of Archaeology of the Kuban State University (in Russian).

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2010. In Bongard-Levin, G. M., Kuznetsov, V. D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Classical era heritage of Kuban)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 261–284 (in Russian).

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannyh pogrebenij Nizhnej Kubani)* (The Siraks of Kuban (Based on Materials from Barrow Burials of the Lower Kuban)). Krasnodar (in Russian).

Mednikova, M. B. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 59–68 (in Russian).

Moshinsky, A. P. (in print.). *Gaston Uota – kobanskiy mogil'nik «skifskogo vremeni»* (Gaston Uota – the Koban burial ground of the "Scythian time") (in Russian).

2023. *Otchet po rezul'tatam issledovaniy (nablyudeniy) na territorii vyyavlennykh ob'ektov arheologicheskogo naslediya «Poselenie», 0,6 km k zapadu ot zapadnoy okrainy st. Starotitarovskoy, «Poselenie», 6.2 km k zapadu-severo-zapadu ot kladbishcha st. Starotitarovskoy, v zone rekonstruktsii avtomobil'noy dorogi A290 Novorossiysk – Kerch' na uchastke km 73 – km 100 (1etap) avtomobil'naya doroga M-25 Novorossiysk – Kerch' (na Simferopol'), pod"ezdy k morskim portam Kavkaz i Taman' v Temryujskom rayone Krasnodarskogo kraja* (Report on the results of studies (observation) on the territory of the identified archaeological heritage objects "Poseleniye", 0.6 km west of the western outskirts of the stanitsa (rural locality) of Starotitarovskaya, "Poseleniye", 6.2 km west-northwest of the cemetery of the stanitsa of Starotitarovskaya, in the reconstruction area of the A290 highway Novorossiysk-Kerch on the section km 73 – km 100 (stage 1) M-25 highway Novorossiysk – Kerch (to Simferopol), approaches to the seaports of Kavkaz and Taman in Temryuk district of Krasnodar Krai) 1. Krasnodar (in Russian).

Pezhetskii, D. V. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 64–76 (in Russian).

Pererva, E. V. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 36–44 (in Russian).

Pererva, E. V., Luk'yashko, S. I. In Matishov, G. G., Iablonskii, L. T., et al. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Burial Rite of the Early Nomads of Eurasia. Series: Materialy i issledovaniya po arheologii uga Rossi (Materials and Studies on Archaeology of South of Russia) III.* Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 373–392 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1954. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoj arheologii (Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 195–219 (in Russian).

Smirnova, Ya. S. 1983. *Sem'ya i semeynyy byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – XX v.) (Family and family life of the peoples of the North Caucasus (the second half of the XIX – XX centuries))* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudaverdyan, A. Yu., Devedzhyan, S. G., Vardanyan, Sh. A., Engibaryan, A. A., 2018. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya (Belgorod State University Scientific Bulletin History Political Science)* Vol. 1, issue 45, 5–21 (in Russian).

Chshiev, V. T. 2017. *El'khotovskiy mogil'nik kak etalonnyy pamyatnik kobanskoy kul'tury predgornoy zony Severnoy Osetii (Elkhotovsky burial ground as a reference monument of Koban culture of the foothill zone of North Ossetia)*. Thesis of Candidate Of Historical Sciences. Vladikavkaz (in Russian).

Furlanetti, L. L., de Oliveira, R. S., Santos, M. V., Farina, J. A. Jr., Machado, H. R. 2010. In *Childs Nerv Syst* 26, 745–749. <https://doi.org/10.1007/s00381-010-1145-7>

Murphy, E. M., Gokhman, I., Barkova, L. 2002. In *American Journal of Archaeology* 106, 1–10.

Murphy, E. M. 2003. *Iron Age Archaeology and Trauma from Aymyrlyg, South Siberia* In BAR International Series. Oxford, Archaeopress. No. 1152.

Ortner, D. J. 2003. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains (2nd ed.)*. London: London Academic Press.

Stahl, P.-H. 1986. *Histoire de la décapitation*. Paris. PUF.

Tsokos, M., Byard, R., Püschel, K. 2007. In *The American Journal of Forensic Medicine and Pathology* 28(2), 131–136. 2007. doi: 10.1097/01.paf.0000257395.90724.39

About the Authors:

Berezina Natalia Ya, Candidate of Biological Sciences, Lomonosov Moscow State University. GSP – 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; berezina.natalia@gmail.com

Abramova Alexandra N., Candidate of Historical Sciences, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D.Felitsyn. Gimnazicheskaya, str., 67, Krasnodar, 350000, Russian Federation; abramovasacha0902@gmail.com

Ziganshin Rustam Kh., Candidate of Chemical Sciences, Institute of Bioorganic Chemistry named after Academicians M.M. Shemyakin and Yu.A. Ovchinnikov. Miklukho-Maklai., str. 16/10, Moscow, 117997, Russian Federation; rustam.ziganshin@gmail.com

Ivanov Aleksei V. Southern Regional Center for Archaeological Research LLC. Kosmonaut Gagarin, str., 248 Krasnodar, 350049, Russian Federation; ivanov_arx@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 572.02: 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.297.310>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА БЕРЕЛ)

© 2023 г. Е.П. Китов

В статье представлены палеоантропологические материалы раннего периода функционирования могильника Берел, связанного с пазырыкской культурой. Памятник расположен на Алтае (Республика Казахстан). В статье приведены краниологические, одонтологические данные и свидетельства посмертных манипуляций с костями индивидов из крупных курганов, принадлежавших лицам высокого социального статуса. Физические особенности населения, представленного в могильнике, находят аналогии, как в пазырыкской культуре, так и среди населения сакских культур Центральной Азии. Наличие женского черепа с монголоидным обликом в кургане 16 подтверждает уже имеющиеся представления об участии индивидов с восточным, монголоидным обликом в полноценной жизни пазырыкского сообщества. Посмертные манипуляции с телами, следы которых фиксируются на костных останках лиц высокого социального статуса могильника Берел, существенно дополняют базу данных для понимания нюансов погребальных традиций, связанных с искусственной мумификацией тел. Прощальные церемонии в условиях кочевого образа жизни не всегда представляются возможными в короткие сроки. Можно предположить, что мумификация тел был подготовительным этапом для сложного и длительного процесса прощальных традиций перед погребением тела в условиях аридного климата.

Ключевые слова: археология, краниология, мумификация, одонтология, пазырыкская культура, палеоантропология, перфорация, погребальные традиции, ранний железный век, трепанация.

ANTHROPOLOGICAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE PAZYRYK CULTURE (BASED ON MATERIALS FROM THE BEREL BURIAL MOUND)

E.P. Kitov

The article presents paleoanthropological materials from the early period of the functioning of the Berel burial mound Pazyryk culture. The monument is located in Altai (Republic of Kazakhstan). The author presents craniological, odontological data and evidence of post-mortem manipulations with the bones of individuals from large mounds that belonged to people of high social status. The physical characteristics of the population represented in the burial mound find analogies both in the Pazyryk culture and among the population of the Saka cultures of Central Asia. The presence of a female skull with a Mongoloid appearance in mound 16 confirms already existing ideas about the participation of individuals with an eastern, Mongoloid appearance in the full life of the Pazyryk community. Post-mortem manipulations with bodies, traces of which are recorded on the skeletal remains of persons of high social status at the Berel burial mound, significantly complement the database for understanding the nuances of burial traditions associated with the artificial mummification of bodies. Farewell ceremonies in a nomadic lifestyle are not always possible in a short time. It can be assumed that the mummification of bodies was a preparatory stage for a complex and lengthy process of farewell traditions before the burial of the body in an arid climate.

Keywords: archaeology, craniology, mummification, odontology, Pazyryk culture, paleoanthropology, perforation, burial traditions, early Iron Age, trepanation.

Могильник Берел находится в непосредственной близости от места где сходятся границы четырех современных государств: Казахстана, России, Китая и Монголии.

Памятник расположен на третьей цикловой террасе р. Бухтарма в Катонкарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, в нескольких км от с. Берел.

Плато Укок известное своими пазырыкскими памятниками находится на удалении около 85 км по прямой от расположения могильника.

Первые раскопки на памятнике в середине XIX в. проводил В.В. Радлов, затем в 1959 году С.С. Сорокин (Сорокин, 1969). С 1998 года по настоящее время масштабные раскопки проводятся под руководством З.С. Самашева. За время археологических работ было выявлено два основных периода функционирования могильника: пазырыкский IV-III (вв. до н.э.) и предтюркский «сяньбийско-жужанский» период (III-V вв. н.э.) (Самашев, 2017; 2018).

Несмотря на длительный период археологических работ на курганах Береля,

Краниологические характеристики небольшой серии черепов позволяют охарактеризовать физические особенности населения (табл.4), несмотря на неудовлетворительную сохранность (для возможности работы автором публикации была проведена реставрация).

Мужские черепа характеризуются средним макро- и микрорельефом. Черепная коробка широкая, высокая, по указателю мезокранная. Лоб широкий, слабонаклонный. Поперечные размеры основания черепа очень большие. Лицевой отдел широкий, по указателю лептен. Горизонтальная профилировка имеет тенденцию к уплощению на верхнем и достаточно сильное уплощение на среднем уров-

Таблица 1. Половозрастные определения индивидов из могильника Берел
Table 1. Gender and age definitions of individuals from the Berel burial mound

	Курган (объект)/погребение	Пол	Возраст (лет)
1	2	жен.	45-55
2	5	жен.	25-35
3	9 (кости за срубом)	муж.	25-35
4	10	муж.	25-35
5	16	муж.	45-55
6	16	жен.	18-25
7	18	муж.	25-35
8	32	жен.	25-35
9	41	муж.	35-45
10	41	реб.	8
11	42	жен.	18-25
12	44	муж.	35-45
13	72	жен.	18-20

были опубликованы лишь предварительные данные по трепанациям на черепах (Китов, 2013) и реконструкции лиц по черепу (Нечвалода, 2015, с.25-29), реконструкции Д.В. Позднякова на сегодняшний день не опубликованы.

В статье представлены краниометрические и одонтологические данные, а также описание и анализ искусственных поврежденных скелетированных останков из курганов пазырыкской культуры, которые связаны с мумификацией индивидов высокого социального статуса. В таблице 1 представлены половозрастные определения всех индивидов из курганов первого (раннего) этапа, пригодных для определений.

По вертикали фиксируется ортогнатия при прогнатной альвеолярной части. Орбиты очень высокие и очень широкие, мезоконхные. Нос среднеширокий, очень высокий лепторинный. Носовые кости широкие, очень высокие, сильно выступают в профиль. Клыковая ямка неглубокая. Нижняя челюсть по широкая в мышечковой ширине, очень высокая по высоте симфиза.

Женские черепа имеют средневыраженный макро- и микрорельеф. Черепная коробка очень широкая, высокая, по указателю мезокранная. Лоб широкий, слабонаклонный. Поперечный размер основания черепа очень большой. Лицевой отдел очень широкий, по указателю мезен. Горизонтальная профили-

Рис. 1. Мужской череп из кургана 16
 Fig. 1. Male skull from barrow 16

ровка имеет тенденцию к уплощению из-за большой ширины лица на обоих уровнях. По вертикали фиксируется ортогнатия при прогнатной альвеолярной части. Орбиты очень широкие и средневысокие, мезоконхные. Нос очень широкий, очень высокий, платиринный. Носовые косточки широкие, очень высокие, слабо выступают в профиль. Клыковая ямка неглубокая. Нижняя челюсть широкая в мышечковой ширине, очень высокая по высоте симфиза.

Мужские черепа более европеоидные имеют более профилированный лицевой отдел и большее выступание носовых костей. Черепа из кургана 16 (рис. 1) и 9 (плохой сохранности) схожи по морфологическим особенностям лицевого отдела и черепной

коробки. При этом лицевой отдел, более профилирован у индивида из кургана 9. Женские черепа имеют близкие характеристики с мужскими, за исключением женского из кургана 16 (рис.2). Морфологически он сильно отличается от всех индивидов. Лицевой отдел широкий, уплощенный, скуловые кости широкие, слабопрофилированные, носовые кости очень широкие и средневысокие, очень слабо выступают в профиль. Подобные характеристики можно отнести к центральноазиатским монголоидам. Так как курган 16 относится к большому могильному сооружению с богатым сопровождающим инвентарем, можно предположить инородное происхождение женщины и инкорпорирование ее в среду элитарного среза пазырык-

Рис. 2. Женский череп из кургана 16
 Fig. 2. Female skull from barrow 16

Таблица 2. Основные одонтологические характеристики серии могильника Берел пазырыкской культуры
 Table 2. Main odontological features of the series from the Berel burial mound of the Pazyryk culture

Диаст. I'-I'	Крауд. I'	Редукция I'		shov I' (2+3)	shov I' (2+3)	Cara M'		Форма по Дальбергу (в баллах)					
		(балл 0)	(балл 1)			(2-5)	(3-5)	M' (4)	M' (4-)	M' (3,3+)	M' (4)	M' (4-)	M' (3,3+)
0 (100)	0 (100)	60 (5)	20 (5)	0 (1)	100 (1)	25 (4)	25 (4)	100 (6)	0 (6)	0 (6)	0 (3)	66,7 (3)	0 (3)
Форма по Хельману (колич. бугорков)		Узор борозд				Форма по Хельману (колич. бугорков)		Узор борозд				Tami M ₁	dte
M ₁ (6)	M ₁ (5)	M ₁ (4)	M ₁ (Y)	M ₁ (X)	M ₁ (+)	M ₂ (5)	M ₂ (4)	M ₂ (3)	M ₂ (Y)	M ₂ (X)	M ₂ (+)		
0 (7)	83,3 (7)	16,7 (7)	75 (8)	25 (8)	0 (8)	0(2)	100 (2)	0(2)	50 (2)	50 (2)	0 (2)	16,7 (6)	33,3 (3)
эпикристинд	dw	2 med			1 pa (eo)			Затек эмали M ₂			Затек эмали M ²		
		II	III	fc	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(5+6)	(4)	(5)	(5+6)
100 (2)	50 (2)	0 (2)	100 (2)	0 (2)	-	-	-	100 (4)	0 (4)	0 (4)	50 (2)	50 (2)	50 (2)

(в %, в скобках дано количество индивидов у которых можно определить наличие или отсутствие признаков)

Условные обозначения: *shov I'* – лопатообразность I', *dte* – дистальный гребень тригониды M_p, *dw* – коленчатая складка метаконида M_p, M₁ 6 – шестибугорковые M_p, Cara M' – бугорок Карабеллы на M', M₁ 4 и M₂ 4 – четырехбугорковые M₁ и M₂, 2 med (II) – место впадения 2-й борозды метаконида на M_p, *tami* – внутренний средний дополнительный бугорок на M_p, M² Σ3, 3+ – сильно редуцированные формы коронки M² (тип по Дальбергу), 1 eo (3) – лирообразная (тип 3) форма 1-й борозды эконоуса (то же “параконуса”) на M¹.

ского общества. Индивиды с монголоидным обликом были представлены как в статусе рядовых, так и в качестве элиты общества в могильнике Ак-Алаха 3; 5 (Чижишева, Поздняков, 2022). Сравнивая краниологические характеристики черепов из могильника Берел и другими могильниками пазырыкской культуры можно отметить их близкие краниологические характеристики (Чижишева, 2012, с. 137-153), что не выделяет данный могильник из ареала рассматриваемой археологической культуры.

Одонтологические характеристики, несмотря на крайне небольшую численность и плохую сохранность материала имеют наличие восточных признаков таких, как коленчатая складка метаконида и дистальный гребень тригониды (табл.2), при этом затеки эмали баллов 5 и 6 не зафиксированы, а первые и вторые верхние резцы в серии практически отсутствуют, что не позволяет полностью охарактеризовать одонтологическую серию.

Костные останки представителей пазырыкской элиты из крупных курганов с богатым инвентарем (в том числе и из драгоценных металлов) и жертвенными животными имеют

следы посмертных манипуляций, особенно в которых представлены в таблице 3.

Из кургана 2 происходит скелет и череп женщины. Череп не целый, фрагментированный. Был доставлен монолитом, но плохая сохранность черепной коробки и лицевого отдела не позволила его восстановить. Несмотря на его плохую сохранность, на затылке можно отметить отверстие неправильной формы с закругленными краями, и сам фрагмент, вырезан металлическим орудием, вероятно остро наточенным ножом. Размеры фрагмента 57 на 54 мм. Можно констатировать что манипуляция проводилась после смерти индивида. Вырезанный фрагмент затылочной кости по всей видимости был вставлен на место и зафиксирован.

На костях скелета можно отметить 2 отверстия, сделанные на верхней части диафизов плечевых костей. Отверстия сквозные выполнены до внутренней полости кости, имеют продолговатую форму. Длинной стороной расположены вдоль диафиза и имеют размеры 10 на 8 мм. Отверстия выполнены инструментом с диаметром металлической рабочей части около 8 мм. Перфорация выполнялась

Таблица 3. Наличие трепанационных отверстий и следов посмертных манипуляций на костях индивидов из могильника Берел

Table 3. Presence of burr holes and traces of post-mortem manipulations on the bones of individuals from the Berel burial mound

Курган	наличие трепанационных отверстий	отверстия на костях	отверстия на позвонках	Другие особенности
2	+ (вырезана)	+	+	-
5	-	-	-	-
9 (кости за срубом)	+ (пробой с дорезыванием)	?	?	-
10	+ (пробой с дорезыванием)	?	?	-
16	+ (пробой с дорезыванием)	+	+	подрезаны углы челюсти, срезаны сосцевидные отростки, просверлены отверстия в ветвях челюсти
16 (жен.)	+ (вырезана)	+	+	Вырезан прямоугольный фрагмент на передней части крестца
32	-	-	-	-
41	-	-	-	-
41	?	?	?	-
42	-	-	-	-
44	?	?	?	-
72	-	-	?	-

под наклоном, что расширило отверстие по одной из сторон на 2 мм. На бедренных костях фиксируются сквозные отверстия. На медиальной части нижней трети левой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм., на дистальной части нижней трети кости два отверстия диаметром 6,5 мм. На дистальной части нижней трети правой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм.

На черепе из кургана 9 (кости за срубом) также фиксируется сквозное отверстие неровной формы в области стыка теменных и затылочной костей, смещенное в сторону левой теменной кости. Наличие радиальных трещин позволяет предположить, что отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края трепанационного отверстия дорезались острым предметом (рис.3). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

Из кургана 2 происходит скелет и череп женщины. Череп не целый, фрагментированный. Был доставлен монолитом, но плохая сохранность черепной коробки и лицевого отдела не позволила его восстановить. Несмотря на его плохую сохранность, на затылке можно отметить отверстие неправильной формы с закругленными краями, и сам фрагмент, вырезан металлическим орудием, вероятно остро наточенным ножом. Размеры фрагмента 57 на 54 мм. Можно констатировать что манипуляция проводилась после смерти индивида. Вырезанный фрагмент затылочной кости по всей видимости был вставлен на место и зафиксирован.

На костях скелета можно отметить 2 отверстия, сделанные на верхней части диафизов плечевых костей. Отверстия сквозные выполнены до внутренней полости кости, имеют продолговатую форму. Длинной стороной расположены вдоль диафиза и имеют разме-

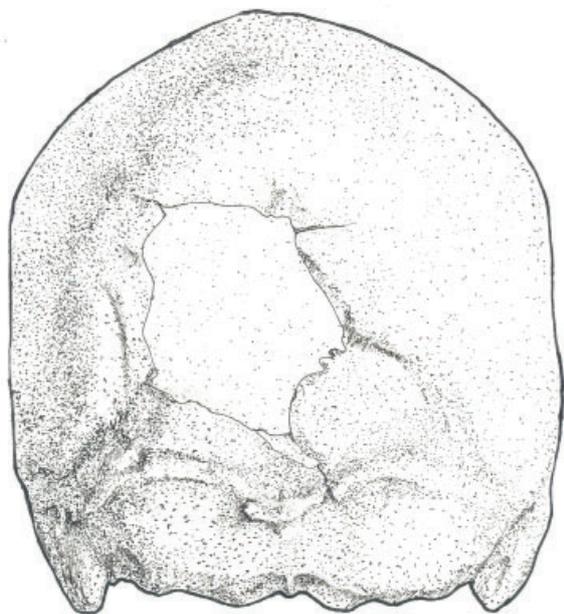

Рис. 3. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 9

Fig. 3. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 9

ры 10 на 8 мм. Отверстия выполнены инструментом с диаметром металлической рабочей части около 8 мм. Перфорация выполнялась под наклоном, что расширило отверстие по одной из сторон на 2 мм. На бедренных костях фиксируются сквозные отверстия. На медиальной части нижней трети левой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм., на дистальной части нижней трети кости два отверстия диаметром 6,5 мм. На дистальной части нижней трети правой бедренной кости одно отверстие диаметром 6,5 мм.

На черепе из кургана 9 (кости за срубом) также фиксируется сквозное отверстие неровной формы в области стыка теменных и затылочной костей, смещенное в сторону левой теменной кости. Наличие радиальных трещин позволяет предположить, что отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края трепанационного отверстия дорезались острым предметом (рис. 3). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

На черепе мужчины из кургана 10 можно отметить сквозное посмертное отверстие неровной формы, которое расположено на затылочной кости со смещением вправо от

сагиттали. Скорее всего, отверстие является следствием удара тупым предметом, после чего края дорезались, на краях фиксируются следы острого предмета (рис. 4). Кости посткраниального скелета и удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовали.

Трепанационные перфорационные отверстия были зафиксированы на костях скелета мужчины и женщины из кургана №16. На черепе мужчины можно отметить сквозное отверстие неровной формы без следов заживления (67×58 мм), которое затрагивает затылочную и обе теменные кости (рис. 5). Оно является, скорее всего, следствием удара тупым предметом, что подтверждается компрессионными трещинами, края отверстия дорезались острым металлическим предметом.

Углы нижней челюсти и сосцевидные отростки срезаны, что может свидетельствовать о предсмертной или посмертной декапитации (отчленения головы). К сожалению, позвонки верхней части шейного отдела, которые также могли быть повреждены при декапитации, не сохранились. Обе ветви нижней челюсти имеют сквозные отверстия без следов заживления. Отверстия в обеих ветвях нижней челюсти просверлены после удаления мягких тканей (жевательных мышц), и могли служить для фиксации нижней челюсти в естественном положении (например, путем подвязывания ее к скуловым дужкам). На левой части верхней челюсти присутствуют следы среза. Имеющиеся на костях черепа повреждения могут свидетельствовать о декапитации с последующим использованием черепа в ритуальных действиях (рис. 6). Удаленный фрагмент в представленной для обработки коллекции отсутствовал.

На черепе женщины лет из кургана № 16 имеется сквозное отверстие прямоугольной формы, захватывающее затылочные углы обеих теменных костей и верхнюю часть затылочной кости (рис.7). Отверстие смещено от сагиттальной плоскости в сторону левой теменной кости. Следы по краям отверстия свидетельствуют о том, что оно было выполнено режущими движениями острым предметом. Признаков заживления не наблюдается. Также найдена вырезанная часть черепной коробки. Размеры отверстия на черепе 64 x 35,8 мм. Размеры

Рис. 4. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 10
Fig. 4. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 10

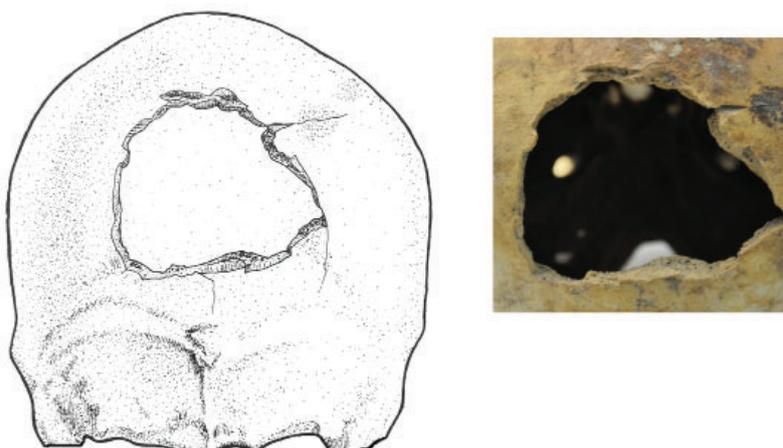

Рис. 5. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 16
Fig. 5. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 16

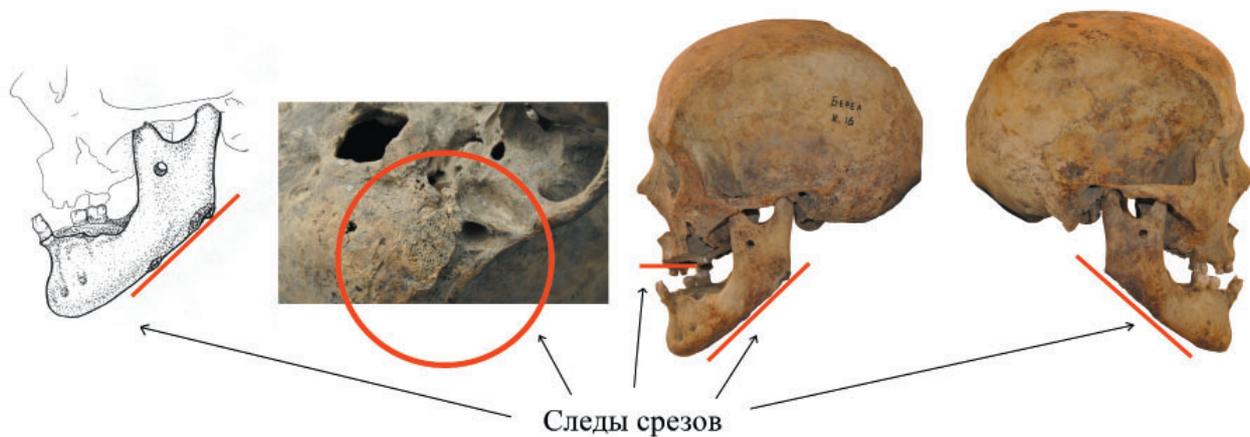

Рис. 6. Могильник Берел, следы срезов на мужском черепе из кургана 16
Fig. 6. Berel burial mound, traces of cuts on a male skull from barrow 16

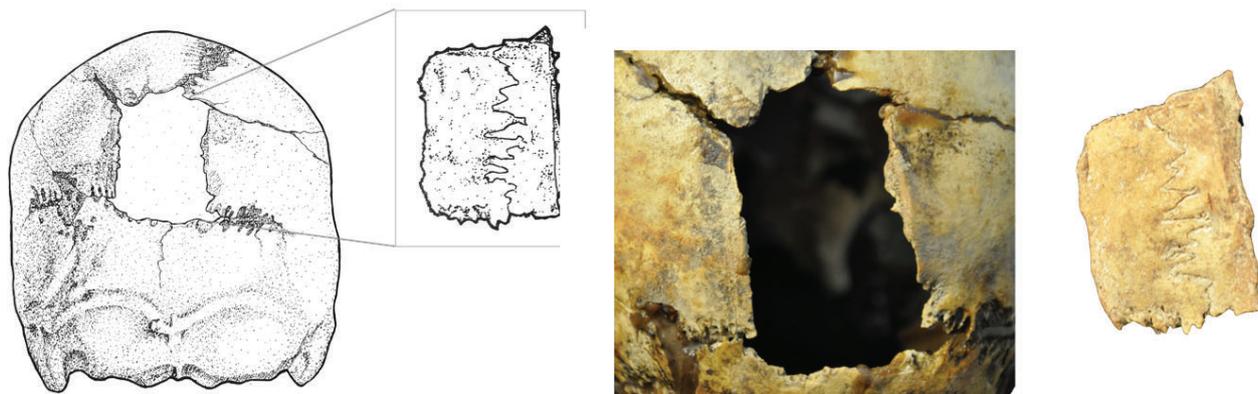

Рис. 7. Могильник Берел, посмертная трепанация на мужском черепе из кургана 16
Fig. 7. Berel burial mound, post-mortem trepanation on a male skull from barrow 16

подпрямоугольного вырезанного фрагмента черепа – 42 x 33 мм. На вырезанной части черепа также видны следы, оставленные острым предметом. По всей видимости, черепная коробка вскрывалась острым ножом после смерти индивида (Китов, 2013).

На костях обоих индивидов имеются многочисленные сверленные отверстия, которые локализуются на длинных костях скелета, позвонках, лопатках, тазовых костях, фалангах (рис. 8). На крестце женщины с внутренней стороны имеется прямоугольный вырез размерами 72 на 20 мм. до крестцового канала, вырезанный фрагмент отсутствует.

Во всех случаях манипуляции с костями выполнялись после смерти индивида, когда тело человека лежало на спине, по всей видимости с вытянутыми вдоль тела руками. Трепанационные отверстия были выполнены на черепе в затылочной части. Подобная

картина фиксировалась ранее при анализе костей посткраниального скелета центрального и бокового погребений кургана 4 могильника сакской культуры Елеке Сазы II в Восточном Казахстане, который датируется VII в. до н.э. (Китов, Китова, 2018) и курганов 14 и 15 могильника Аксуат III, датируемого IV–II вв. до н.э. (Китов и др., 2016).

При рассмотрении перфорационных и трепанационных отверстий возникает закономерный вопрос: с какой целью выполнялись зафиксированные нами посмертные манипуляции с телом человека? Для выполнения подобных манипуляций на костях необходимо было удалить мягкие ткани, при этом тело лежало на спине. Наличие в пазырыкских курганах мерзлотных линз позволило проанализировать мумифицированные тела, на которых были следы препарирования. Самые ранние находки со следами искусственной

Рис. 8. Могильник Берел, посмертные перфорационные отверстия на телах позвонков (женского и мужского скелета) и на акромионе лопатки мужчины из кургана 16
Fig. 8. Berel burial mound, post-mortem perforations on the corpus vertebrae (female and male skeleton) and on the acromion of the scapula of a man from barrow 16

мумификации отмечались на костях индивида из первого Башадарского кургана, где на костях посткраниального скелета, шейных позвонках фиксируются перфорации (Руденко 1960: 331-332). Они, по мнению автора, свидетельствуют об их выполнении на костях трупа с нетронутыми связками и мышцами на препарированном теле. Сверление выполнялось следующим образом: по коловороту (с пёрком около 6 мм) наносились удары, оставлявшие углубление на теле умершего. Там, где нужно было проникнуть в костно-мозговые полости или канал спинного мозга, выполнялось сверление, иногда на всю длину пёрка, после чего вводился консервирующий состав для бальзамирования тела погребенного (Руденко 1960, с. 331–332).

При препарировании тел старика и мальчика из раскопок Шибинского кургана были удалены внутренности и мускулатура, а через трепанационное отверстие был удален мозг. Все разрезы были зашиты нитками. У женщины из второго Пазырыкского кургана на черепе разрезана и раздвинута кожа, тупым предметом была выполнена трепанация. После извлечения мозга черепная коробка была заполнена землей, хвоей и шишками, фрагмент кости был вставлен на прежнее место, кожа была сшита сухожильными нитками. Также на телах из погребений Пазырыкской культуры были выявлены многочисленные разрезы на телах и конечностях погребенных, которые, вероятно, были зашиты после введения в них консервирующего состава (Руденко 1953: 326-327). Также аналогичный прием бальзамирования был описан Е.В. Гинзбургом на скелете мужчины из кургана 1, могильника 4 у озера Сары-Коль (раскопки Восточно-Казахстанской экспедиции в 1949 году). С.С. Черниковым он был датирован III в. до н.э. При этом все находки костей со следами мумификации происходят из погребений знати, могил вождей племени (Руденко 1960: 334). Следы бальзамирования были встречены и на других хорошо сохранившихся останках из крупных и средних курганов пазырыкской культуры. В целом они близки описанным С.И. Руденко случаям (Молодин и др. 2000). Встречены они и на материалах уюкско-саглынской культуры с территории Тувы (Зубова 2009).

Перфорированные черепа и кости обнаружены и в курганах тасмолинской культуры

VIII-V вв. до н.э. Северного и Центрального Казахстана [Боев, Исмагулов 1962; Гинзбург, 1956, с. 260-261; Кадырбаев, 1978, с. 111; Бейсенов, Китов 2014а, 2014б; Китов, Бейсенов 2015; Бейсенов и др., 2015]. В последнее время ареал распространения подобных традиций прослежен и на территорию Притяньшанья вплоть до территории Киргизии [Китов и др., 2019, с. 175-184].

Во всех случаях можно провести аналогии с хорошо сохранившимися пазырыкскими мумиями, где удаленный фрагмент после извлечения мозга и набивки полости мозговой коробки органикой вставлялся на место, и кожа зашивалась. Можно предположить, что в ряде случаев была такая же практика, но на более ранних материалах консервация по всей видимости производилась через перфорационные отверстия на черепах и костях.

Можно предположить, что подобные ритуалы мумификации являются общими для всей сакской общности раннего периода ее функционирования и связаны с общим направлением антропологически разнородного миграционного потока при участии местных групп населения с территории Сибири и Алтая до Тянь-Шаня, в результате подобных миграционных потоков происходило формирование общего информационного поля, связанного с передачей и использованием близких по форме ритуальных действий. При этом наибольший их расцвет связан с пазырыкской культурой.

На материалах ранних кочевников Волго-Уральского региона трепанации встречены редко, что может свидетельствовать об отсутствии широкого применения традиции трепанирования как в погребальных практиках, так и для лечебных целей. Однако, подобные практики все же встречаются [Рохлин, 1960; Китов, Мамедов, 2014; Кириченко, 2016; Перерва, 2017; Китов и др., 2019]. Отсутствие подобных практик у савромато-сарматских групп позволяет сделать вывод об отличиях культурных традиций между двумя общностями: сакской и савромато-сарматской.

Для древних обществ важное значение имели ритуальные действия, связанные с прощанием и проходами покойных знатных лиц. На трепанированных черепах с территории рассматриваемого нами региона во всех случаях отверстия расположены в «слепой зоне», которая остается невидимой для всех

Таблица 4. Краниологические данные по индивидам из могильника Берел
 Table 4. Craniological data on individuals from the Berel burial mound

курган		к.9	к.10	к.16	к.16	к.42	к.72
пол		♂	♂	♂	♀	♀	♀
Признак	Линейные:						
1.	Продольный диаметр	197,0	188,0	185,0	182,0	181,0	-
8.	Поперечный д.	142,0	147,0	147,0	143,0	136,0	-
17.	Высотный д.	146,0	141,0	135,0	-	140,0	-
20.	Ушная высота	123,0	-	118,0	119,0	119,0	-
5.	Длина осн. черепа	114,0	100,0	108,0	-	106,0	-
9.	Наим. ширина лба	105,0	104,0	100,0	98,0	92,0	85,0
10.	Наиб. ширина лба	135,0	132,0	126,0	120,0	115,0	115,0
11.	Шир. осн. черепа	-	131,0	126,0	128,0	118,0	-
12.	Ширина затылка	122,0	111,0	117,0	-	107,0	100,0
25.	Сагиттальная дуга	380,0	-	-	-	367,0	333,0
26.	Лобная дуга	134,0	145,0	139,0	123,0	127,0	115,0
27.	Теменная дуга	141,0	133,0	-	-	127,0	117,0
28.	Затылочная дуга	105,0	-	120,0	-	113,0	101,0
29.	Лобная хорда	117,0	122,0	121,0	109,0	111,0	105,0
30.	Теменная хорда	123,0	114,0	109,0	-	114,0	105,0
31.	Затылочная хорда	82,0	104,0	95,0	-	96,0	90,0
40.	Длина осн. лица	109,0	-	99,0	-	101,0	-
43.	Верхняя ширина лица	120,0	109,0	115,0	107,0	104,0	98,0
45.	Скуловой диаметр	140,0	-	139,0	135,0	123,0	-
46.	Средняя ширина лица	100,0	-	102,0	109,0	99,0	91,0
47.	Полная высота лица	-	-	142,0	120,0	122,0	-
48.	Верхняя высота лица	79,0	-	84,0	74,0	73,0	66,0
51.	Ширина орбиты	-	-	45,8	44,5	44,1	39,0
51a.	Ширина орбиты от d.	-	-	41,8	42,4	-	37,8
52.	Высота орбиты	-	-	38,1	34,5	35,6	33,5
54.	Ширина носа	25,2	-	25,9	30,8	28,5	23,8
55.	Высота носа	54,2	-	59,7	53,3	53,0	48,5
sc.	Симотическая ширина	-	-	10,4	10,8	-	5,7
ss.	Симотическая высота	-	-	6,2	4,2	-	2,6
mc.	Максиллофр. ширина	-	-	17,1	22,7	-	-
ms.	Максиллофр. высота	-	-	7,9	5,6	-	-
FC.	Глуб. клыковой ямки	5,8	-	1,6	2,6	4,2	4,7
Sub.NB	Высота изгиба лба	27,5	-	31,4	24,4	26,0	-
Угловые:							
32.	Наклона лба	-	-	81,0	87,0	86,0	-
GM/FH	Профиля лба от g.	79,0	-	74,0	82,0	79,0	-
72.	Общелицевой	-	-	88,0	88,0	85,0	-
73.	Среднелицевой	-	-	96,0	93,0	91,0	-
74.	Альвеолярной части	-	-	72,0	76,0	82,0	-

75(1).	Выступания носа	-	-	27,0	17,0	-	-
77.	Назомаллярный	135,0	-	140,0	143,0	140,0	149,0
zm.	Зигомаксиллярный	137,0	-	147,0	139,0	135,0	132,0
Указатели:		-	-	-	-	-	-
8/1.	Черепной	72,1	78,2	79,5	78,6	75,1	-
17/1.	Высотно-продольный	74,1	75,0	73,0	-	77,3	-
17/8.	Высотно-поперечный	102,8	95,9	91,8	-	102,9	-
20/1.	Высотно-прод.от р.	62,4	-	63,8	65,4	65,7	-
20/8.	Высотно-попер.от р.	86,6	-	80,3	83,2	87,5	-
9/8.	Лобно-поперечный	73,9	70,7	68,0	68,5	67,6	-
9/43.	Фронтно-малярный	87,5	95,4	87,0	91,6	88,5	86,7
40/5.	Выступания лица	95,6	-	91,7	-	95,3	-
48/45.	Верхнелицевой	56,4	-	60,4	54,8	59,3	-
47/45.	Общелицевой	-	-	102,2	88,9	99,2	-
52/51.	Орбитный	-	-	83,2	77,5	80,7	85,9
54/55.	Носовой	46,5	-	43,4	57,8	53,8	49,1
ss/sc.	Симотический	-	-	59,6	38,9	-	45,6
ms/mc.	Максиллофронтальный	-	-	46,2	24,7	-	-
ds/dc.	Дакриальный	-	-	74,0	-	-	-
Описательные:							
	Надпереносье	3,0	2,0	3,0	1,0	1,0	1,0
	Затыл. бугор.	4,0	4,0	2,0	0,5	0,0	0,0
	Сосцев. отр.	2,5	2,5	1,5	1,0	1,0	2,0
	Пер.-носов. к.	4,0	-	3,0	2,0	2,0	-
Нижняя челюсть:							
65.	Мыщелковая ширина	-	-	127,0	125,0	119,0	-
66.	Угловая ширина	-	-	-	-	102,0	-
67.	Передняя ширина	-	-	52,0	55,0	51,0	-
69.	Высота симфиза	-	-	42,1	31,8	35,6	-
69(1).	Высота тела	-	-	-	33,3	34,2	-
69(3).	Толщина тела	-	-	16,1	14,2	12,3	-
71a.	Наим.ширина ветви	-	39,3	38,0	39,0	33,6	-
C.	У. выст.подбородка	-	-	-	68,0	71,0	-

участников ритуального процесса прощания с покойником. Можно допустить, что одним из важных практических моментов здесь выступала необходимость хранения тела до момента предания земле. В случаях, зафиксированных на материалах пазырыкской культуры, тщательность бальзамирования, удаление мягких тканей, введение консервирующих составов и набивка тела травой, стеблями и корнями с дальнейшим зашиванием рассеченной кожи может свидетельствовать о необходимости сохранения тела в течении длительного времени до момента его погребения.

Цель подобной традиции может быть объяснена необходимостью прощания членов родоплеменного объединения с лицом высокого социального ранга, что в условиях кочевого образа жизни не всегда представляется возможным в короткие сроки.

Таким образом индивиды, захороненные в могильнике Берел имеют физические особенности сходные с населением представленным в пазырыкских памятниках Алтая. Идентичность погребальных традиций, связанных с мумификацией знатных представителей общества не выделяет могильник Берел из памятни-

ков на территории распространения сакских племен смешанного европеоидно-монголоидного облика. Публикуемые материалы позволяют расширить краниологические и одонтологические данные, значительно дополняют свидетельства погребальных традиций пазырыкской культуры на территории Алтая и Восточного Казахстана. Именно на этих территориях традиции бальзамирования тела для мумификации имеют максимальное свое развитие, что подтверждает близость идеологических представлений населения на территории Центральной Азии сакского облика.

ЛИТЕРАТУРА

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014а. №4 (28). С. 71–85.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014б. № 4–2 (84). С. 31–41.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР // СЭ. 1962. № 2. С. 131–132.

Гинзбург В.В. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды Института этнографии, новая серия. Т. XXXIII / Отв. ред. Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин. М.: АН СССР, 1956. С. 238–298.

Зубова А.В. К вопросу о мумификации у раннескифского населения Тувы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 267–269.

Кадырбаев М.К. Археологические данные по истории медицины в Казахстане // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 109–116.

Кириченко Д.А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 112–119.

Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II / Ред. Д.А. Байтлеу, М.Б. Хасенова. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 237–241.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология 2015. № 1. С. 37–48.

Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Stratum plus, 2016. №3. С. 369–379.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.

Китов Е.П., Китова А.О. Могильник Елеке Сазы II в Восточном Казахстане (анализ искусственных повреждений костей погребенных) // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии: материалы международного XV Евразийского научного форума (Астана, 25 октября 2018 г.). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 312–319.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Блаттер У., Бородовский А.П., Быков В.А., Василевский В.К., Васильев С.К., Виноградова Е.В., Власов А.А., Воевода М.И., Володина Т.В., Глушкова Т.Н., Денисов-Никольский Ю.И., Деревянко А.П., Докторов А.А., Дубинская В.А., Краевская И.Л., Кундо Л.П., Малахов В.В., Михайлов Н.Н., Мороз М.В., Мыльников В.П., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Ребров Л.Б., Реброва Г.А., Ревуцкая Г.К., Редькин А.Г., Ромащенко А.Г., Рослякова Н.В., Седелников В.П., Семкин В.И., Слюсаренко И.Ю., Стрелкова Л.Б., Храмова Е.П., Цыбуля С.В., Шумакова Е.В., Щербаков Ю.Г. Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 318 с.

Нечвалода А.И. Лицом к лицу. Каталог скульптурных и графических антропологических реконструкций А.И. Нечвалоды. М.: Старый Сад, 2015. 106 с.

Перерва Е.В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 111–122.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). М.-Л.: Наука, 1965. 303 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 401 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

Самашев З.С. Берел. Тридцать шестой курган. Астана: Издательская группа казахского научно-исследовательского института культуры, 2018. 324 с.

Самашев З.С. Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Берельских курганов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №3 (20). С. 10–22.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. 7 / Труды ГЭ. Т.10 / Ред. М.Э. Матъе. Л.: ГЭ, 1969. С. 208–236.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита–раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. О монголоидном компоненте в антропологическом составе носителей пазырыкской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 155–163.

Информация об авторе:

Китов Егор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра антропозологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); kadet_eg@mail.ru

REFERENCES

Beysenov, A. Z., Kitov, E. P. 2014. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4(28), 71–85 (in Russian).

Beysenov, A. Z., Kitov, E. P. 2014. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4–2 (84), 31–41 (in Russian).

Beysenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n. e. (Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC)*. Almaty: Institute of Archaeology named after O. Kh. Margulan (in Russian).

Boev, P., Ismagulov, O. 1962. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 131–132 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1956. In Debets, G. F., Levin, M. G. (eds.). *Trudy Instituta etnografii, novaya seriya (Proceedings of the Ethnography Institute, new series)* XXXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 238–298 (in Russian).

Zubova, A. V. 2009. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)* Vol. 15. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 267–269 (in Russian).

Kadyrbaev, M. K. 1978. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana (Archaeological sites of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 109–116 (in Russian).

Kirichenko, D. A. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 33 (2), 112–119 (in Russian).

Kitov, E. P. 2013. In Baitleu, D. A., Khasenova, M. B. (eds.). *Trudy filiala instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana)* II. Astana: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 237–241 (in Russian).

Kitov, E. P., Beysenov, A. Z. 2015. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Bulletin of the Moscow University. Series XXIII. Anthropology)* (1), 37–48 (in Russian).

Kitov, E. P., Kitova, A. O., Oralbai, E. 2016. In *Stratum plus* 3, 369–379 (in Russian).

Kitov, E. P., Mamedov, A. M. 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke (Nomadic population of Western Kazakhstan in the early Iron Age)*. Astana: Institute of Archaeology named after O. Kh. Margulan (in Russian).

Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2018. In *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnogo XV Evraziyskogo nauchnogo foruma (Astana, 25 oktyabrya 2018 g.) (Topical issues in the study of the historical and cultural heritage of the peoples of Eurasia: materials of the International XV Eurasian scientific forum (Astana, October 25, 2018))*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 312–319 (in Russian).

Kitov E.P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of the Tian Shan region (VIII – 1st half of the II century BC))*. Almaty: “Khikari” Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Polos'mak, N. V., Chikisheva, T. A., Blatter, U., Borodovskiy, A. P., Bykov, V. A., Vasilevskiy V. K., Vasil'ev, S. K., Vinogradova, E. V., Vlasov, A. A., Voevoda, M. I., Volodina, T. V., Glushkova, T. N., Denisov-Nikol'skiy Yu. I., Derevyanko, A. P., Doktorov, A. A., Dubinskaya, V. A., Kraevskaya, I. L., Kundo, L. P., Malakhov, V. V., Mikhailov, N. N., Moroz, M. V., Myl'nikov, V. P., Ovsyannikova, I. A., Plyasova, L. M., Rebrov, L. B., Rebrova, G. A., Revutskaya, G. K., Red'kin, A. G., Romashhenko, A. G., Roslyakova, N. V., Sedel'nikov, V. P., Semkin, V. I., Slyusarenko, I. Yu., Strelkova, L. B., Khramova, E. P., Tsybulya, S. V., Shumakova, E. V., Sherbakov, Yu. G. 2000. *Fenomen altayskikh mumiy (Phenomenon of Altai mummies)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Nechvaloda, A. I. 2015. *Litsom k litsu. Katalog skul'pturnykh i graficheskikh antropologicheskikh rekonstruktsiy A.I. Nechvalody (Face to face. Catalog of sculptural and graphic anthropological reconstructions by A.I. Nechvaloda)*. Moscow: “Staryi Sad” Publ. (in Russian).

Pererva, E. V. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviya na Iuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic Interactions in the Southern Urals. The Sarmatians and their neighbours)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 111–122 (in Russian).

Rokhlin, D. G. 1965. *Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh, normal'nye i patologicheskie izmeneniia) (Diseases of Ancient People: Bones of People of Different Epochs, Normal and Pathological Changes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S. 2018. *Berel. Tridtsat' shestoy kurgan (Berel. The thirty-sixth barrow)*. Astana: Publishing group of the Kazakh Scientific Research Institute of Culture (in Russian).

Samashev, Z. S. 2017. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik (North-Eastern journal of humanities)* 20 (3), 10–22.

Sorokin, S. S. 1969. In Mat'e, M. E. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka (Culture and Art of the Peoples of the East)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 10. Leningrad: The State Hermitage Museum, 208–236 (in Russian).

Chikisheva, T. A. 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita–rannego zheleza (Dynamics of the Anthropological Differentiation of the Population of the Southern Part of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Chikisheva, T. A., Pozdnyakov, D. V. 2022. In *Arkhologiiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4 (50), 155–163 (in Russian).

About the Author:

Kitov Egor P., Candidate of Historical Sciences, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation kadet_eg@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.311.326>

СТОЯНКИ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. (ПО ДАННЫМ ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЫ БАННОЕ – САБАКТЫ – КАРАБАЛЫКТЫ)¹

©2023 г. Н.С. Савельев

Представлены материалы трех памятников – поселений Банное-5а (Березки), Теляшево-4 и Сабакты-3/5, на которых найдена раннекочевническая керамика (конец V – конец IV вв. до н.э.). Все рассматриваемые памятники расположены в узкой полосе горных степей вдоль восточного склона Южного Урала (совр. Абзелиловский район Республики Башкортостан), на широте г. Магнитогорск. Анализ данных по поселению Банное-5а (Березки), исследовавшегося в 1972–1976 и 2004–2005 гг., показывает, что на его территории зафиксировано три пункта распространения раннекочевнической керамики, два из них, выявленных в раскопе, имеют очень небольшие размеры. Близкая ситуация зафиксирована также и на поселении Теляшево-4. Также показано, что все три рассматриваемых памятника могут быть интерпретированы как кочевнические стоянки. Анализ всей имеющейся информации по территории расселения кочевников Южного Урала в середине I тыс. до н.э. позволяет говорить о том, что стоянки и другие близкие им типы поселенческих памятников имели очень широкое распространение (в настоящее время учтено более 30 объектов). Значительную сложность представляет поиск и фиксация таких памятников, однако только через их изучение можно получить новую информацию по хозяйству, системе расселения и освоению территорий.

Ключевые слова: Южный Урал, горно-степная зона, археология поселений, скифо-сарматское время, «савроматы», керамический комплекс.

CAMPSITES OF THE SOUTHERN URALS NOMADS IN THE MIDDLE OF THE I MILLENNIUM BC (ACCORDING TO DATA FROM THE BANNOYE – SABAKTY – KARABALYKTY LAKE SYSTEM)²

N.S. Savelev

The paper deals with the materials from three sites, namely the settlement Bannoye-5a (Berezki), Telyashevo-4 and Sabakty-3/5. They are discovered with ceramics of the early nomads (late V – late IV century BC). All these sites are situated within a narrow strip of mountain steppes along the eastern slope of the Southern Urals (modern Abzelilovsky district of the Republic of Bashkortostan). It is on the same latitude as Magnitogorsk. The settlement Bannoye-5a (Berezki) was studied in 1972–1976 and 2004–2005. The received materials were analyzed and showed three points of spread early nomadic ceramics. Two of them were revealed by excavations and are rather small in size. Also a similar situation was at Telyashevo-4 settlement. It is shown that all three sites can be interpreted as nomadic campsites. When the author analyzes all the information about the spread area of Southern Ural nomads in the middle of the I millennium BC, the author can conclude that the campsites and other types of settlements close to them were quite common (more than 30 sites are currently recorded). It is particularly complicated to find and register such kind of sites, however, studying them is the only way to learn something new about their household, spread and land development.

Keywords: Southern Urals, mountain-steppe zone, archaeology of settlements, Scythian-Sarmatian time, the "Sauromatians", pottery assemblage.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

² The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant No. 22-28-00815 "Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Ural from the Stone Age to the modern era (socio-cultural and natural transformations)".

ВВЕДЕНИЕ

История изучения поселенческих памятников ранних кочевников Южного Урала насчитывает уже четверть века и связана в основном с исследованиями автора (Савельев, 1998; 2011; 2014; 2015а; 2015б; 2017; Савельев, Яблонский, 2014; Савельев, Николаев, Румянцев, 2020). Однако, первые обращения к этой теме относятся еще к 1970–80 гг. Так, М.Г. Мошкова, анализируя происхождение прохоровской культуры, обратила внимание на находку «раннесарматской тальковой» керамики на поселении Кара-Бутак в Восточном Оренбуржье и сделала вывод о том, что на месте поселения эпохи бронзы «была затем кратковременная, но возможно неоднократно, стоянка сарматов» (Мошкова, 1974, с. 49). В 1987 году, А.Х. Пшеничнюк, подводя итоги десятилетних исследований эпохи раннего железа на Южном Урале, опубликовал небольшую коллекцию подобной керамики, найденной на поселении около д. Тайсара на границе Башкирской АССР и Челябинской области, сделав вывод, что это «... заставляет ... учитывать их (ранних кочевников – Н.С.) определенную, вероятно, сезонную оседлость...» (Пшеничнюк, 1987, с. 74). Дальнейшие исследования, проводимые уже автором и направленные на публикацию и анализ как ранее полученных материалов, так и результатов собственных исследований, позволили показать значительное распространение мест подобных находок по территории Южного Урала и наличие ряда закономерностей в их расположении.

Всего сейчас для территории региона учтено более 30 мест находок керамики (в основном), которая уверенно атрибутируется как относящаяся к «савромато-сарматскому» времени, а сами места интерпретируются как остатки поселенческих памятников (рис. 1). Известны они как в Зауралье (степи и горные степи) и горно-лесной зоне Южного Урала, так и в степи и лесостепи Южного Приуралья (Савельев, 2014, с. 199, 200, рис. 3). Небольшое количество подобных памятников в Приуралье объясняется исключительно тем, что на этой территории до сих пор не проводилось целенаправленных работ по их поиску и, вероятно, выделению из давно известных коллекций памятников других эпох. Подтверждением этому могут служить относительно недавние работы на северо-западе

Оренбуржья, что позволило выявить местонахождение раннесавроматской (?) керамики около с. Шарлык (Китов, 2014), а также разведки в пойме р. Белая недалеко от Уфы, когда на поселении эпохи бронзы был найден венчик от сосуда, который атрибутируется как «раннесарматский тальковый» (Николаев, 2023, с. 59).

Хронологически выявленные памятники относятся к раннесакскому, савроматскому, «савромато-сарматскому» (их большинство) и прохоровскому времени. Наиболее распространенным типом являются кратковременные стоянки, также выделяются единичные базовые поселения (все – раннесакского и савроматского времени), металлургический комплекс (Савельев, 2015а). Для горно-лесной зоны дополнительно выделяются промысловые стоянки и базовые лагеря, расположенные в том числе и в пещерах (Савельев, 2015б).

Особенностью многих учтенных поселенческих памятников ранних кочевников Южного Урала являлась единичность находок, происхождение их в значительной степени из сборов с поверхности или, в лучшем случае, из шурфов, а также сильная фрагментированность керамического материала. Вероятно, эта «эфемерность» в значительной степени и обосновывала настороженно-скептическое отношение ряда специалистов к поселенческим раннекочевническим объектам рассматриваемого региона (см. напр.: Васильев, 2020; Федоров, 2022). Наиболее емко суть такого отношения показана М.А. Очир-Горяевой и У. Бросседер: «До сегодняшнего дня культура населения бронзового и раннего железного века степной зоны Восточной Европы изучается в основном по материалам погребальных памятников – курганов. В то же время изучению мест со следами проживания в степи из-за их небольших размеров, отсутствия или эфемерности культурного слоя уделялось значительно меньше внимания. Традиционно они относились к неполноценным по сохранности, и второстепенным по важности источникам. Места проживания априори, без специальных исследований интерпретировались как временные сезонные стоянки подвижных скотоводов. Во многих работах по археологии бронзового и раннего железного века места поселений упоминались, но им не уделялось должного внимания как еще одному виду источника. В результа-

те, на материалах погребальных комплексов стали изучаться не только особенности погребального обряда, хронологии и типологии инвентаря, что было вполне обоснованно, но и тип хозяйства, образ жизни населения эпохи бронзы и раннего железного века» (Очир-Горяева, Бросседер, 2008, с. 42, 43).

Также необходимо отметить, что на значительной части Евразийского кочевого мира (Поднепровье, Нижний Дон, Приаралье, Семиречье, Центральный и Северный Казахстан, Алтай, Саяны и т.д.) поселенческие памятники номадов не только известны, но и активно исследуются (сводку см.: Очир-Горяева, 2015; Бейсенов, 2015, с. 12–22). Видимыми исключениями здесь, вероятно, могут быть названы Южный Урал и Нижнее Поволжье, но такая ситуация связана только с недостаточной исследованностью данных территорий и даже для сухостепного Нижнего Поволжья информация о наличии «мест проживания» ранних кочевников известна уже давно (Савельев, 1998, с. 53).

Исследования последних лет в Башкирском Зауралье позволили выявить еще ряд подобных поселенческих памятников. Их отличие – в детальном документировании мест находок и расположении на одной небольшой территории, что позволяет посмотреть на них как на взаимосвязанные в рамках единой системы расселения.

ПАМЯТНИКИ ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЫ БАННОЕ-САБАКТЫ-КАРАБАЛЫКТЫ

Рассматриваемая территория находится у восточного подножья хребта Крыкты, являющего частью меридионально вытянутого горного массива Иренддык-Крыкты – крайнего восточного хребта горной области Южного Урала, расположенного на границе таежной и степной зон региона, в 25 км к северо-западу от г. Магнитогорск. В узкой полосе горных степей и предгорий расположено большое количество крупных озер – Банное (Маузды, Якты-Куль), Сабакты, Карабалыкты, Суртанды, Улянды, Чебаркуль и др. С точки зрения исторической географии они являются южной оконечностью цепочки озер, идущих вдоль края гор вплоть до Среднего Урала, более чем на 350 км к северу. Южнее эта цепочка продолжается еще почти на 150 км, но размер озер постепенно сокращается, а расстояния между ними увеличиваются. Данные палеоэкологического анализа позволяют говорить о

том, что вплоть до позднего голоцена размер и обводненность этих озер (во всяком случае – всей южной части, расположенной на территории современного Башкортостана) была значительно большей (Котов, Савельев, 2022).

Систематическое археологическое изучение территории озер в полосе горных степей Южного Зауралья началось с 1961 г. и преимущественно связано с именем Г.Н. Матюшина, открывшего на их берегах и исследовавшего большое количество стоянок эпохи камня. Значительные по объему работы им до середины 1970-х гг. проводились и на озерах Банное, Сабакты и Карабалыкты – исследовались такие ставшие впоследствии широко известными памятники как стоянка Банное-5 (Яктыкуль), поселение Банное-5а (Березки), Кусимовская стоянка, стоянки Сабакты-3, Карабалыкты VII (Мысовая, Урта-Тубе) и т.д. (Матюшин, 1982). Дальнейшие работы в этой части Башкирского Зауралья были возобновлены с 2004 г. под руководством и/или при постоянном участии автора. Так, в 2005 г. было установлено, что разведки 1960-х гг. охватывали только непосредственно побережье озер и выявили не более трети памятников на них, а также то, что на окружающих возвышенностях и в долинах малых водотоков расположены многочисленные курганы и небольшие стоянки самого разного времени. Также раскопки около д. Кусимова и разведки вокруг озерной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты, включающей в себя все прилегающие малые водотоки и окружающие долины, активно проводившиеся в 2018–2022 гг. (Археологическая экспедиция..., 2020; Русланова, 2022; Хурмаев, 2022), позволили получить значительный объем новых данных, относящихся в том числе и к эпохе раннего железа.

Впервые данные о находках на поселениях, которые относятся к кочевникам середины I тыс. до н.э., были получены Г.Н. Матюшиным при раскопках поселения Банное-5а (Березки), но по внешнему сходству они были отнесены к абашевской культуре эпохи бронзы (Матюшин, 1982, с. 57–67, табл. 48). Далее, благодаря работам последних 20 лет такие же материалы были найдены на комплексе Сабакты-3/5 и на поселении Теляшево-4, а также дополнительные материалы получены на поселении Банное-5а (Березки).

Поселение Банное-5а (Березки)

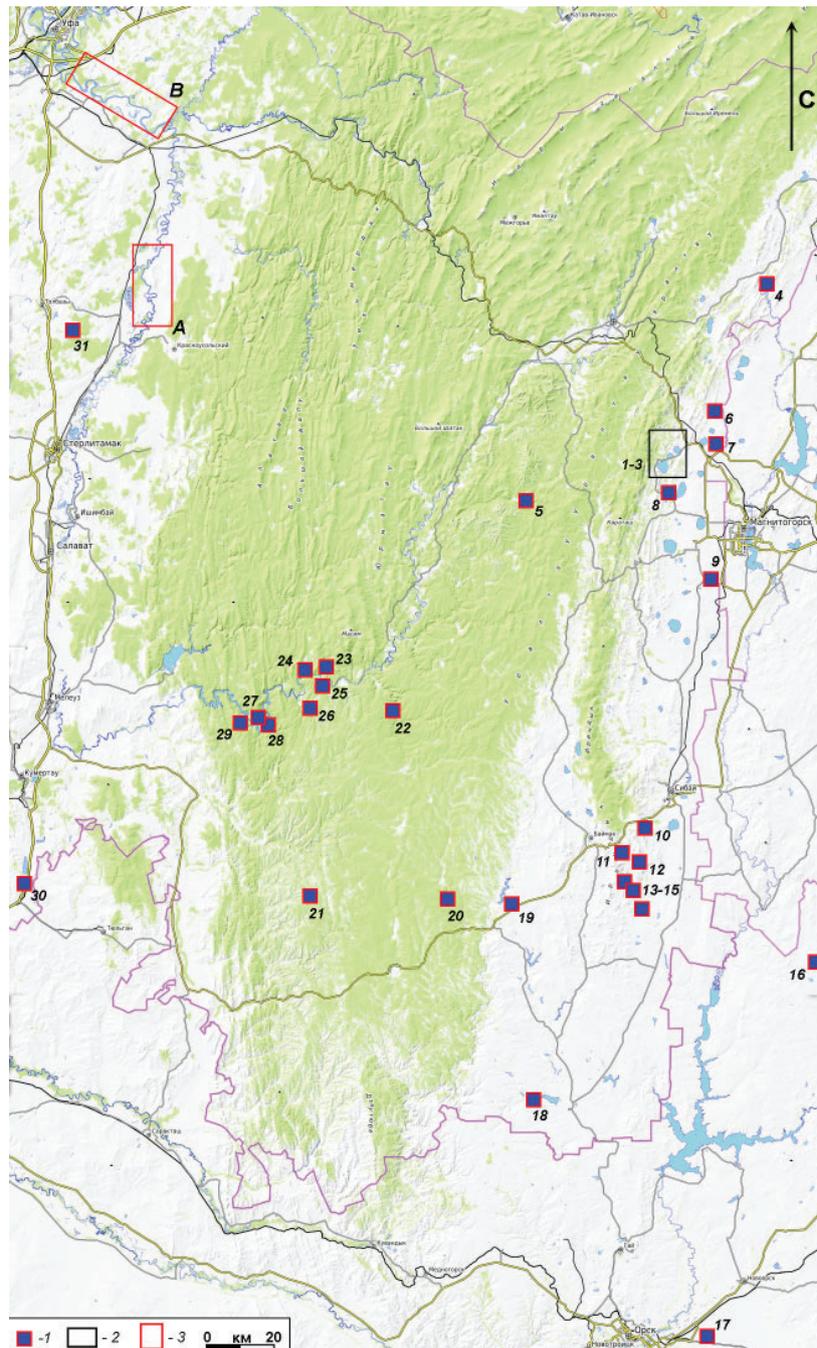

Рис. 1. Южный Урал. Расположение стоянок ранних кочевников середины I тыс. до н.э. 1 – Теляшево-4; 2 – Сабакты-3/5; 3 – Банное-5а (Березки); 4 – Новобайрамгулово; 5 – Хамитово; 6 – Тайсара; 7 – Кирса; 8 – Елимбетово-3; 9 – Первомайский-1; 10 – Улек-Хазы-2; 11 – Майлыбай-1; 12 – Юмаш-тау-6; 13 – Улак-2; 14 – Улак-6; 15 – Баишево-26; 16 – Кара-Бутак; 17 – Новокумакское II; 18 – Ташла Левобережная; 19 – Лаимберды-5; 20 – Крепостной Зилаир; 21 – Чуюнчи-Чупаново; 22 – Атиково-1; 23 – Акбулатово-3; 24 – пещера № 9 (Балатукай); 25 – Шулганово-5; 26 – Ташмуруновский грот; 27 – Акбутинская пещера (Байсланташ); 28 – Акбута-2; 29 – Безымьянная (Казамыш); 30 – Куюргаза; 31 – Старый Челаткан. А – зона первоначального оседания ранних кочевников в лесостепи Южного Приуралья и формирования гафурийского типа керамики (городища Табынское, Воскресенское, Касьяновское, Курмантаевское, Михайловское и Курмантаевское селище); В – зона более позднего распространения носителей гафурийского типа керамики (Охлебининские городище и грунтовый могильник, Шиповские городище и курганно-грунтовый могильник, Акбердинские городище и курганный могильник). Основа: <https://orontoromar.org/#map=7/53.117/59.128>. Условные обозначения: 1 – стоянки ранних кочевников; 2 – озерная система Банное–Сабакты–Карабалыкты; 3 – зоны оседания ранних кочевников в лесостепи Южного Приуралья.

Fig. 1. The Southern Urals. The location of the campsites of early nomads in the middle of the I millennium BC. 1 – Telyashevo-4; 2 – Sabakty-3/5; 3 – Bannoye-5a (Berezki); 4 – Novobayramgulovo; 5 – Khamitovo; 6 – Taysara; 7 – Kirsas; 8 – Elimbetovo-3; 9 – Pervomaisky-1; 10 – Ulek-Khazy-2; 11 – Mailybai-1; 12 – Yumash-tau-6; 13 – Ulak-2; 14 – Ulak-6; 15 – Baishevo-26; 16 – Kara-Butak; 17 – Novokumakskoye II; 18 – Tashla Levoberezhnaya; 19 – Laimberdy-5; 20 – Krepostnoy Zilair; 21 – Chuyunchi-Chupanovo; 22 – Atikovo-1; 23 – Akbulatovo-3; 24 – cave No. 9 (Balatukai); 25 – Shulganovo-5; 26 – Tashmurun grotto; 27 – Akbuta cave (Bayslantash); 28 – Akbuta-2; 29 – Bezymyannaya (Kazamysh); 30 – Kuyurgaza; 31 – Stary Chelatkan. A – area of the initial settling of early nomads in the forest-steppe of the Southern Urals and the formation of the Gafuri type pottery (Tabynskoye, Voskresenskoye, Kasyanov, Kurmantau, Mikhailovka fortified settlements, Kurmantau unfortified settlement); B – area of the later spread of the Gafuri type pottery bearers (Okhlebinino fortified settlement and burial ground without mounds, Shipovo fortified settlement and barrow-soil burial ground, Akberdino fortified settlement and barrow-soil burial ground). Basis: <https://opentopomap.org/#map=7/53.117/59.128>. Symbols: 1 – campsites of early nomads; 2 – Bannoye–Sabakty–Karabalykty lake system; 3 – settling area of early nomads in the forest-steppe of the Southern Urals.

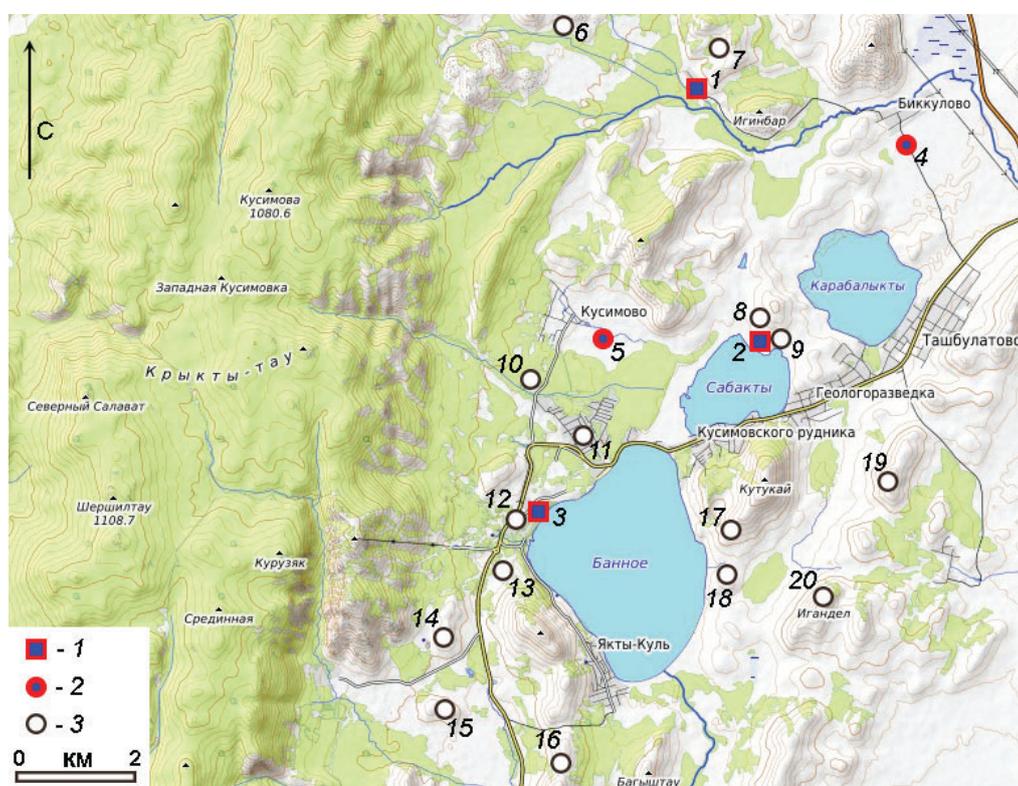

Рис. 2. Южный Урал. Восточные предгорья хребта Крыкты, озерная система Банное–Сабакты–Карабалыкты. Кочевнические памятники середины I тыс. до н.э. (ОК – одиночные курганы; КМ – курганные могильники). 1 – Теляшево-4, поселение; 2 – Сабакты-3/5, стоянка; 3 – Банное-5а (Березки), поселение; 4 – Биккулово-2, КМ; 5 – Кусимово-3, КМ; 6 – Теляшево-3, КМ; 7 – Теляшево-2, ОК; 8 – Сабакты-15, КМ; 9 – Сабакты-12, ОК; 10 – Кусимово-4, ОК; 11 – Зеленая Поляна, КМ; 12 – Яктыкуль-1, ОК; 13 – Банное-20, ОК; 14 – Ульсакай-1, ОК; 15 – Ульсакай-2, ОК; 16 – Караньялык-2, ОК; 17 – Кутукай-2, ОК; 18 – Банное-13, ОК; 19 – Игандол-1, ОК; 20 – Игандол-2, ОК. Основа: <https://opentopomap.org/#map=12/53.6136/58.6776>. Условные обозначения: 1 – стоянки ранних кочевников; 2 – курганы ранних кочевников (исследованные); 3 – курганы ранних кочевников (известные по разведочным данным).

Fig. 2. The Southern Urals. The eastern foothills of the Krykty ridge, the Bannoye–Sabakty–Karabalykty lake system. Nomadic barrows of the middle of the I millennium BC (ОК – solitary barrows; КМ – barrow burial grounds). 1 – Telyashevo-4, settlement; 2 – Sabakty-3/5, campsite; 3 – Bannoye-5a (Berezki), settlement; 4 – Bikkulovo-2, КМ; 5 – Kusimovo-3, КМ; 6 – Telyashevo-3, КМ; 7 – Telyashevo-2, ОК; 8 – Sabakty-15, КМ; 9 – Sabakty-12, ОК; 10 – Kusimovo-4, ОК; 11 – Zelyonaya Polyana, КМ; 12 – Yaktykul-1, ОК; 13 – Bannoye-20, ОК; 14 – Ulsakai-1, ОК; 15 – Ulsakai-2, ОК; 16 – Karanyalyk-2, ОК; 17 – Kutukai-2, ОК; 18 – Bannoye -13, ОК; 19 – Igandol-1, ОК; 20 – Igandol-2, ОК. Basis: <https://opentopomap.org/#map=12/53.6136/58.6776>. Symbols: 1 – campsites of early nomads; 2 – barrows of early nomads (investigated); 3 – barrows of early nomads (known from survey data).

Расположено на северо-западном берегу оз. Банное (Маузды, Якты-Куль), приурочено к левому берегу небольшого ручья и болота, сформировавшегося в его приустьевой части. В центре площадки памятника находится вытянутая возвышенность высотой 5–18 м, понижающаяся к западу. Культурный слой выявлен в узкой южной прибрежной части, в понижениях между скальными выходами западного края возвышенности, на низком мысу к западу от возвышенности и в закрытой межрядовой долине к северу от возвышенности (рис. 3: В, С). Работы 1961, 1972–1976 гг. (Г.Н. Матюшин) и 2004–2005 гг. (В.Г. Котов, Н.С. Савельев) показали, что общие размеры памятника составляют около 300×150 м – именно на этой площади распространен культурный слой эпохи энеолита (суртандинская культура). Находки же ранних кочевников выявлены в раскопе Г.Н. Матюшина 1972–1976 гг. и в шурфе № 6 (2004 г.).

Раскоп № 1 1972–1976 гг. был расположен в узкой прибрежной части, зажатой между береговым валом и склонами возвышенности. Его общая площадь 392 м², состоит из основной части размером 42×8–10 м и траншеи шириной 1 м и длиной 26 м, отходящей к западу, во влажное болотистое понижение (рис. 3: А, В). Мощность культурного слоя вдоль внутренней части берегового вала достигает 1,8 м, с противоположной северной стороны – не более 15–20 см (Матюшин, 1982, рис. 17). Таким образом, основное накопление культурного слоя происходило в ложбине, сформированной естественным склоном берега и мощным береговым валом, создавшимся в период существования поселения. Мощность нео-энеолитического слоя достигает 1,5 м и береговой вал был им практически полностью погребен. Поверх него в пологом узком, шириной не более 7–8 м, понижении сформировался поздний культурный слой мощностью в среднем около 40 см. Находки представлены неатрибутируемой керамикой, керамикой эпохи раннего железа (иткульская и гамаюнская культуры, а также раннекочевническая), эпохи раннего средневековья (кара-якуповская культура). По данным Г.Н. Матюшина, всего к «эпохе бронзы» (так атрибутировалась им вся керамика, залегающая выше энеолитического слоя) в раскопе 1976 г. относится 27 фрагментов (Матюшин, 1982, с. 61), что

составляет 10,6 % от всей керамики, найденной в этом году¹.

Раннекочевническая керамика представлена 10 фрагментами от 5 сосудов², найденных двумя скоплениями в западной и восточной частях раскопа, расположенными на расстоянии не менее 22 м друг от друга.

Комплекс 1 представлен 6 фрагментами венчика одного крупного колоколовидного сосуда³, найденного на горизонте 1 в кв. Д-П, т.е. в крайнем юго-западном углу раскопа. Реконструируемый диаметр сосуда 30,5 см, венчик утолщенный, с плоским срезом и внутренним ребром, от которого начинается резкое утоньшение немного наклоненных внутрь вертикальных стенок, толщина венчика от 1,5 до 2 см (рис. 5: 1). Впервые его фотография была опубликована Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1982, табл. 48: 3–5). Орнаментирован двумя горизонтальными каннерюрами и пояском длинных наклонных резных линий под ними. Поверхности серо-коричневого цвета, тесто плотное, с примесями большого количества мелкотолченого талька и шамота.

Комплекс 2 состоит из фрагментов трех сосудов, найденных на участке с максимальными размерами 4×6 м (кв. 7Б–9Г, горизонт 1) в восточной части раскопа⁴. Представлен венчиками двух разнотипных сосудов и плоским дном (рис. 5: 2, 4, 7). Первый сосуд (кв. 8Г), от которого сохранился фрагмент утолщенного венчика с приостренным округлым срезом, реконструируется как колоколовидный с немного наклонной внутрь верхней частью (рис. 5: 2). Диаметр сосуда 27 см, толщина утолщенного венчика 1,8 см, поверхности светло-коричневые, тесто плотное, с примесью большого количества мелкотолченого талька. Второй сосуд (кв. 7Б) по сохранившейся верхней части реконструируется как круглодонный широкогорлый с раструбовидно отогнутой шейкой, внутренним ребром в месте перехода шейки в тулово и приостренным срезом. Толщина шейки в месте прохождения ребра составляет 1,2 см. Диаметр сосуда по венчику составляет 18 см, максимальный диаметр по тулову – 19–20 см. Верхняя часть тулова орнаментирована двумя бордюрами: верхний – из пояса коротких вертикальных рельефных каннелюр, подчеркнутая снизу хорошо выраженным уступом, нижний – из пояса наклонных резных линий. В средней части орнаментального поля сохра-

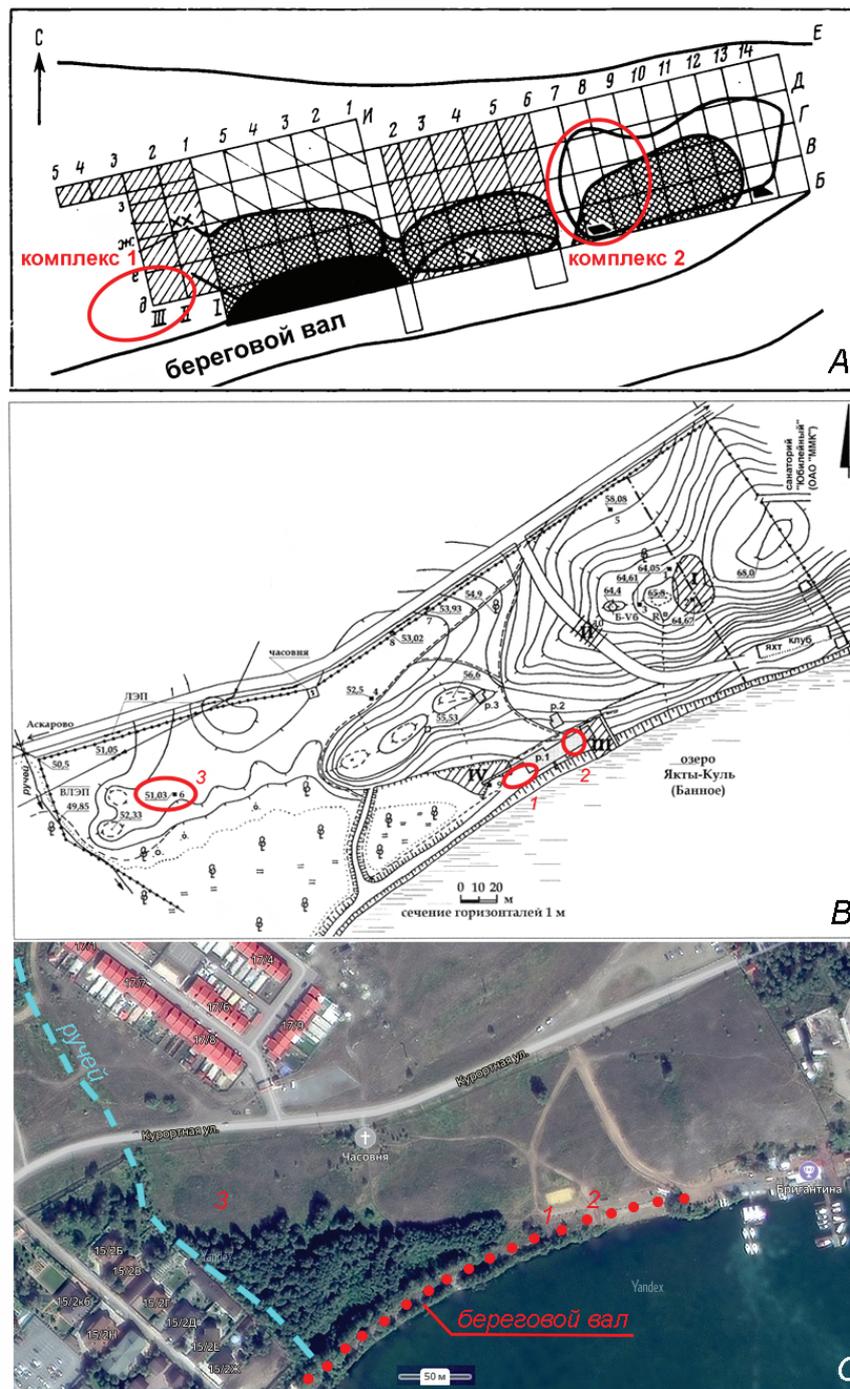

Рис. 3. Южный Урал. Восточные предгорья хребта Крыкты, озерная система Банное–Сабакты–Карабалыкты. Поселение Банное-5а (Березки). А – план раскопа 1972–1976 гг. (по: Матюшин, 1982. Рис. 14); В – settlement plan поселения (Н.С. Савельев, В.Г. Котов, 2004 г.); С – космоснимок площадки памятника (основа: <https://yandex.ru/maps>). 1–3 – места находок раннекочевнической керамики.

Fig. 3. The Southern Urals. The eastern foothills of the Krykty ridge, the Bannoye–Sabakty–Karabalykty lake system. Bannoye-5a (Berezki) settlement. А – 1972–1976 excavation plan (by Matyushin, 1982, fig. 14); В – settlement plan (N.S. Savelyev, V.G. Kotov, 2004); С – satellite image of the site (basis: <https://yandex.ru/maps>). 1–3 – sites of finds of early nomadic ceramics.

нилось круглое отверстие, сделанное по сухой глине. Поверхности сосуда светло-коричневые, внутренняя покрыта черным нагаром, тесто очень плотное, с примесью мелкотол-

ченого талька. От третьего сосуда (кв. 9Г) сохранился фрагмент массивного плоского дна диаметром 8 см с небольшой закраиной (рис. 5: 7). Судя по резкому отгибу стенок,

тулово сосуда было хорошо профилировано и имело большой диаметр. Поверхности фрагмента красно-коричневые, в тесте примесь мелко толченого талька и шамота.

Из верхнего горизонта раскопа 1972 г., т.е. немного западнее комплекса 2, происходит еще один фрагмент раннекочевнического сосуда, представленный массивным утолщенным венчиком (рис. 5: 3)⁵. Шейка вертикальная, толщиной 2,0–2,7 см, срез приостренный округлый, с внутренней стороны переход в утонченные стенки оформлен округлым ребром. Цвет поверхностей серый, в тесте примесь мелко толченого талька и шамота.

Несмотря на основное внимание к нижнему культурному слою, Г.Н. Матюшин вкратце охарактеризовал и верхнюю часть отложений, относящуюся к эпохе раннего железа. Так, им отмечено, что «...по всей площади раскопа 1 прослежены остатки неглубоких очагов с зольниками в центральной части, около которых встречались находки керамики абашевского типа (раннекочевнической – Н.С.) ...» и «контуры жилищ верхнего (абашевского?) слоя прослеживались нечетко, однако в каждом из них прослежены очаги, ... хотя керамики эпохи бронзы (раннекочевнической – Н.С.) было немного» (Матюшин, 1982, с. 57, 58).

Немного западнее раскопа 1972–1976 гг., т.е. ближе к краю заболоченной низины в 2004 г. на поверхности найден еще один фрагмент орнаментированной стенки, относящийся к эпохе ранних кочевников. Представлен верхней частью тулова крупного сосуда с толщиной стенок 1,1 см (рис. 5: 6). Поверхности его серые, тесто грубое, с примесью кварцевой дресвы и шамота. На фрагменте сохранилась часть орнамента, состоящего из пояса глубоких ногтевых вдавлений и приостренной лопасти от какой-то крупной прочерченной криволинейной фигуры.

Также в 2004 г. при определении западных и северных границ памятника была выявлена еще одна площадка, где встречена раннекочевническая керамика.

Комплекс 3. Выявлен в шурфе № 6, заложенном в ложбине между скальными выходами на краю мысовидного выступа, возвышающегося на 2 м над поймой ручья и заболоченной территорией (рис. 3: В, С), в 190 м к западу от западного края раскопа 1972–1976 гг. Мощность рыхлых отложений с культурным

слоем эпохи камня составляет 0,2 м, ниже – скальное основание. На горизонте 1 (0–0,1 м) найден фрагмент венчика раннекочевнического сосуда (рис. 5: 5) (Савельев, Яблонский, 2014, рис. 8: 7). Шейка сосуда вертикальная, высотой 3,5 см, толщиной 1,5–1,9 см, срез венчика горизонтальный, с внутренней стороны переход в утонченные стенки оформлен округлым ребром. Цвет поверхностей светло-коричневый, тесто комковатое, крошащееся, с примесью крупно толченого талька.

Таким образом, на поселении Банное-5а (Березки) найдены фрагменты семи раннекочевнических сосудов, шесть из которых происходит из прибрежной части памятника, один – с мыса над поймой ручья, на расстоянии 120 м от берега озера.

Поселение Теляшево-4

Выявлено экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН и исследовалось в 2020 и 2022 гг. Расположено в 7,5 км к северу от поселения Банное-5а (Березки) и в 3,7 км северо-западнее оз. Карабалыкты, на низкой надпойменной террасе левого берега р. Аналык, в основном под огородами д. Теляшево (рис. 4: А). Высота террасы над широкой частично заболоченной поймой р. Аналык – не более 1–1,5 м, общая высота над уровнем моря – 475 м, что на 120–200 м ниже окружающих возвышенностей, покрытых петрофитной степной растительностью. Вершины собственно хребта Крыкты находятся в 5–6 км западнее, наибольшая из них на данном участке достигает 1027,5 мБС, т.е. на 550 м выше места расположения памятника. Судя по сборам подъемного материала, размеры поселения составляют около 170–200×60–80 м, т.е., его площадь не менее 10000 м².

Заложенные три шурфа размерами по 1 м² показали, что пологом мысовидном всхолмлении в западной части памятника присутствует культурный слой эпохи энеолита (суртандинская культура) и, незначительно – эпохи бронзы и Нового времени, а в центральной и восточной частях – исключительно эпохи бронзы. В то же время, обращение к материалам сельского музея, собранных на огороде в районе заложения шурфа № 1, т.е. на самой возвышенной части памятника, показало, что среди сборов присутствует также и раннекочевническая керамика (рис. 5: 8–11)⁶. Всего найдены фрагменты от четырех сосудов, из них один происходит из сборов 2020 г. (рис. 5: 9), остальные хранятся в сельском

Рис. 4. Южный Урал. Восточные предгорья хребта Крыкты, озерная система Банное–Сабакты–Карабалыкты. А – поселение Теляшево-4, вид с юга. 1 – шурфы 2020 и 2022 гг.; 2 – место сборов раннекочевнической керамики; 3 – границы памятника (энеолит – эпоха бронзы). В – стоянка Сабакты-3/5, вид с северо-востока; показано место находки раннекочевнической керамики. Фото 2020 г.

Fig. 4. The Southern Urals. The eastern foothills of the Krykty ridge, the Bannoye–Sabakty–Karabalykty lake system. A – Telyashevo-4 settlement, view from the south. 1 – test pits in 2020, 2022; 2 – place of collecting early nomadic ceramics; 3 – borders of the site (Eneolithic – Bronze Age). B – Sabakty-3/5 campsite, view from the northeast; the site of the discovery of early nomadic ceramics is indicated. Photos 2020.

музее. Максимальный размер участка сборов этой керамики – не более 25×25 м.

Сосуд № 1 представлен фрагментом венчика с раструбовидной немного утолщенной шейкой и двумя хорошо выделенными ребрами с внутренней стороны (рис. 5: 10). Судя по отгибу нижней части, сосуд имел шаровидное

или близкое к этой форме тулово. От сосуда № 2 сохранился фрагмент массивного утолщенного венчика с двумя внутренними ребрами и плоским срезом (рис. 5: 8). Толщина венчика 1,3–2,4 см, толщина стенки – 0,8 см. Орнаментирован группами разнонаправленных насечек по срезу, наклонным заштрихованным

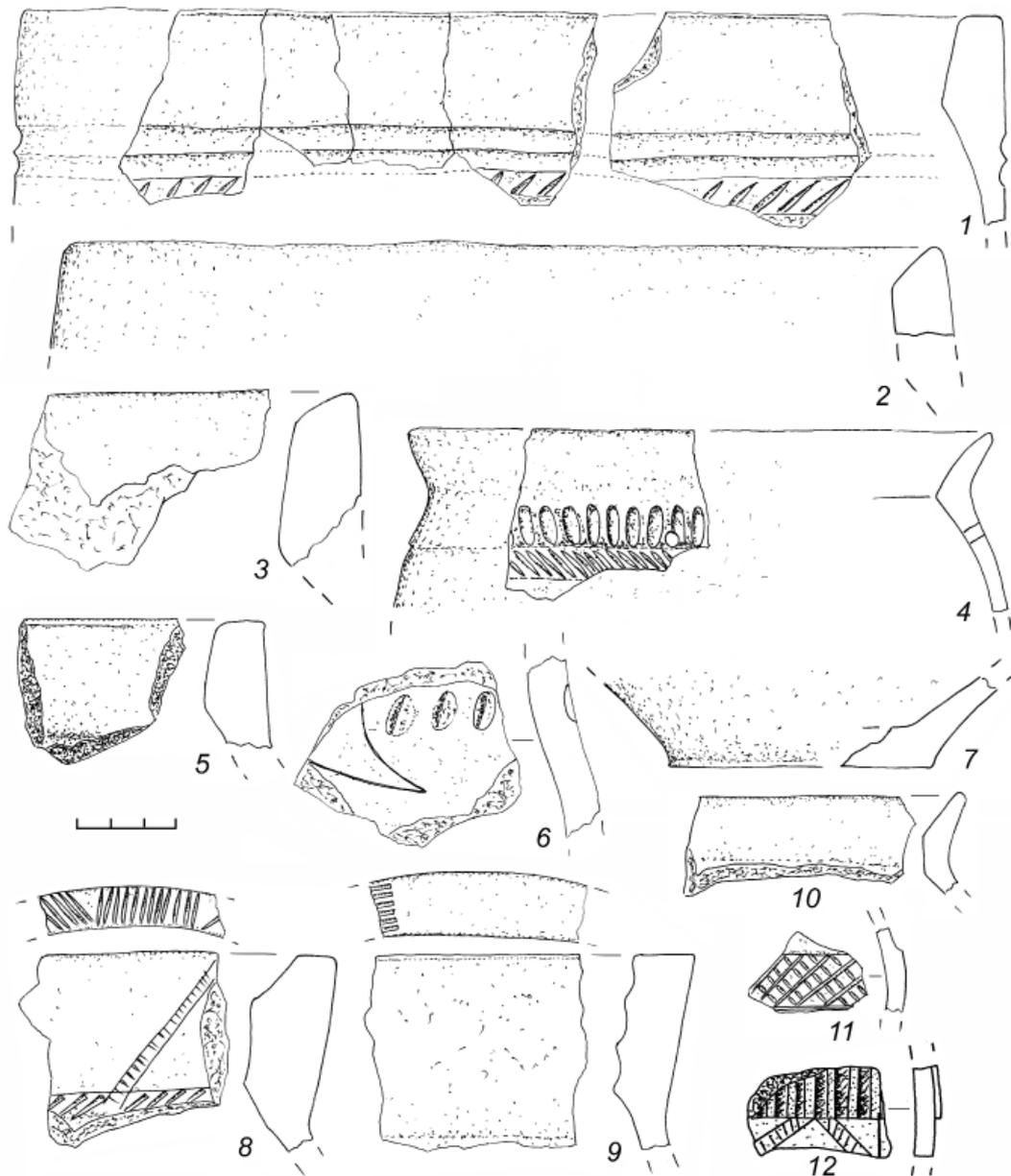

Рис. 5. Керамика со стоянок ранних кочевников восточных предгорий хребта Крыкты. 1–7 – поселение Банное-5а (Березки): 1–4, 7 – раскоп 1972–1976 гг. (1 – комплекс 1; 2, 4, 7 – комплекс 2; 3 – депаспортизирован, из раскопа 1972 г.); 5 – шурф 6 (2004 г.), 6 – подъемный материал (2004 г.); 8–11 – поселение Теляшево-4: 8, 10, 11 – сельский музей, 9 – подъемный материал (2020 г.); 12 – стоянка Сабакты-3/5, шурф 1 (2005 г.).

Fig. 5. Ceramics from the campsites of early nomads of the Krykty ridge eastern foothills. 1 – 7 – Bannoye-5a (Berezki) settlement: 1–4, 7 – 1972–1976 excavation (1 – complex 1; 2, 4, 7 – complex 2; 3 – depasportized, from the 1972 excavation); 5 – test pit 6 (2004), 6 – surface finds (2004); 8–11 – Telyashevo-4 settlement: 8, 10, 11 – rural museum, 9 – surface finds (2020); 12 – Sabakty-3/5 campsite, test pit 1 (2005).

полотенцем-«лесенкой» по шейке и горизонтальным пояском наклонных насечек у основания шейки. От сосуда № 3 также сохранился только фрагмент массивного венчика с местом перехода в тулово (рис. 5: 9). Срез венчика плоский, толщина шейки 1,6–1,8 см, толщина верхней части стенки 0,8 см. Внутренняя часть шейки оформлена тремя горизонталь-

ными каннелюрами и приостренным ребром в месте начала утоньшения стенок. Орнамент сохранился только на срезе венчика – он представлен группой параллельных друг другу прямоугольных вдавлений. Вероятно, группы таких вдавлений наносились на значительном расстоянии друг от друга. К сосуду № 4 относится только небольшой фрагмент верхней

части тулова (рис. 5: 11). Судя по ней, тулово сосуда было близко шаровидному. Переход от шейки к плечу оформлен небольшим дуго-видным уступом, ниже которого сохранился участок орнамента в виде бордюра наклонной решетки. Все фрагменты плотные, от светло-серого до коричневого цвета, с примесью толченого талька в тесте.

Стоянка Сабакты-3/5

Состоит из выявленных в 1961–1962 и 2005 гг. разновременных стоянок Сабакты-3, -4, -4а, -5а, местонахождения Сабакты-5, селища Сабакты-5б и одиночного кургана Сабакты-14, которые занимают площадку одного большого мыса на северном берегу оз. Сабакты и являются частями единого комплекса. Размеры мыса порядка 700×300 м, высота от уровня озера 2–15 м, расположен у южного подножья горы, на узком перешейке, разделяющим озера Сабакты и Карабалыкты. С запада и востока мыс ограничен заболоченными ложбинами с кочкарником. Поверхность мыса неровная, с многочисленными выходами скальных гряд и отдельными каменистыми возвышенностями высотой 3–5 м. Площадка памятника неоднократно шурфовалась, а на крайнем западном мысу (т.н. Сабакты-3) Г.Н. Матюшиным проводились масштабные раскопки, что позволило получить большую коллекцию эпохи неолита, а также гамаюнской культуры эпохи раннего железа (Савельев, 2017, с. 119, 120, рис. 3: 1–12). Культурный слой приурочен ко всем ложбинам, межгрядовым понижениям и низким площадкам, т.е. практически везде, где присутствуют рыхлые отложения. Общая оценочная площадь памятника – 9–9,5 га.

В 2005 г. в центре широкого слабо покато-го в сторону берега межгрядового понижения размером не более 30×30 м (по Г.Н. Матюшину – «стоянка Сабакты-4») был заложен шурф № 1. Глубина шурфа 0,7 м, выявлен культурный слой мощностью 0,5 м (0,1–0,6 м), вскрытие велось горизонтами по 0,1 м. Основной культурный слой относится к заключительным периодам эпохи камня (нео-энеолит), однако, в гумусе на глубине 0,2–0,3 см найден фрагмент стенки раннекочевнического сосуда. Представлен верхней частью тулова, цвет серо-коричневый, в тесте примесью мелко-толченого талька и крупной кварцевой дресвы (рис. 5: 12). Верх фрагмента орнаментирован

бордюром вертикального объемного рифления, нанесенного торцом щепы или шпателя. Ниже сохранилась часть узкой ленты резного горизонтального зигзага, заполненного короткими вертикальными нарезками. Через полосу зигзага, заходя на рифление, проходит глубокая вертикальная резная линия (вероятно – т.н. «вертикальный разделитель»). Нигде более на стоянке подобная керамика не была найдена, хотя шурфовка и внешний осмотр позволили зафиксировать пятна культурного слоя эпохи раннего средневековья (кара-якуповская культура) и Нового времени.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ

Публикуемая коллекция небольшая, но очень яркая, что позволяет ее надежно атрибутировать. Один из фрагментов относится к «савроматской» (при всей условности этого наименования) культуре (рис. 5: 6), все остальные вплоть до последнего времени, в том числе и автором, рассматривались как «раннесарматский тальковый комплекс» и относились к раннему или начальному этапу прохоровской культуры.

Отнесение первого сосуда к савроматскому времени (конец VI – середина IV вв. до н.э.) определяется его орнаментацией из ногтевых вдавлений и прочерченных криволинейных фигур (Верования..., 2022, с. 285, 286, рис. 189), в т.ч. и близких треугольному фестону, толстостенностью, а также примесью кварцевой дресвы и шамота в тесте. Савроматская керамика относительно редко встречается на зафиксированных кочевнических стоянках (Ново-Байрамгулово, Елимбетово-3, Старый Челаткан, Новокумакское II, Лаимберды-5 и др. – см. рис. 1). Значительно чаще на рассматриваемых поселенческих памятниках встречается немного более поздняя (конец V – конец IV вв. до н.э.) керамика, отличающаяся по всем своим характерным признакам от предшествующей «савроматской» (рис. 5: 1–5, 7–12). К ее отличительным чертам относятся примесь талька, шаровидные, колоколовидные и вертикально-эллиптические формы, утолщенный венчик, оформление его внутренней части сходящимися плоскостями или каннелюрами и пр., в орнаментации – широкое распространение каннелюр, горизонтальных резных елочек, косых сеток, рельефные бордюры, орнаментирование горизонтальных срезов венчиков

и т.д. (Савельев, 2000; Савельев, 2015б). Судя по современным данным, такая керамическая традиция является локальной зауральской особенностью, возникшей на основе иткульских и бархатовских форм и орнаментов, но при значительных изменениях, произошедших уже в кочевой среде. Местом формирования этой традиции являются восточные предгорья Южного Урала (в целом – от оз. Иртяш на севере до оз. Банное на юге), но механизм и конкретная территория ее сложения пока представляются нам только гипотетически. Вероятно, эта «лесостепная мода» сформировалась у кочевников северной окраины «кочевой степи» очень быстро, вследствие распространения брачных связей с более северным оседлым населением (Савельев, 2022).

Частичное распространение данной (условно – «талковой») керамики на более западные территории, в Южное Приуралье, может быть связано только с высокой степенью мобильности кочевников в пределах всего Уральского региона. Важно, что появление этой керамической традиции связано еще с поздними «савроматскими» памятниками – типа могильников Филипповка, Переволочан-1 и др. и ничего общего не имеет с памятниками классической прохоровской культуры (Савельев, 2023, с. 194).

СТОЯНКИ КОЧЕВНИКОВ КАК ТИП ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Публикуемые три памятника, судя по основной части керамики, могут рассматриваться как относительно одновременные и существовавшие в достаточно короткий временной промежуток. Несмотря на разную степень исследованности, можно достаточно уверенно говорить и о том, что они относятся к одному типу.

Так, на поселении Банное-5а (Березки) зафиксировано три пункта распространения раннекочевнической керамики, причем два из них, зафиксированные в раскопе 1972–1976 гг. (комплексы 1 и 2) имеют очень небольшую площадь. Для комплекса 2 это не более 4×6 м, а расстояние между комплексами 1 и 2 составляет более 20 м (рис. 3: А, В). Оба они занимают очень узкую полосу, ограниченную склоном возвышенности и береговым валом. Третий комплекс, выявленный шурфом № 6⁷, приурочен уже к низкому мысу над поймой ручья и закрыт от озера каменистой возвышенностью. На поселении Теля-

шево-4 весь комплекс находок эпохи ранних кочевников (фрагменты 4 сосудов) собран с многолетней распашки деревенского огорода на площади не более 25×25 м (рис. 4: А). Сама же эта площадка представляет собой пологий мыс, возвышающийся над широкой поймой р. Аналык. На стоянке Сабакты-3/5 фрагмент раннекочевнической керамики найден в центре межрядового понижения, имеющего размеры около 30×30 м (рис. 4: В). Также раскоп 1972–1976 гг. на поселении Банное-5а (Березки) показывает, что вся раннекочевническая керамика найдена только на горизонте 1, т.е. не глубже 20 см от современной поверхности.

Все это говорит о том, что «чистая» кочевническая стоянка в среднем может иметь размеры 5–10×5–10 м и будет характеризоваться очень разреженным культурным слоем. Наличие нескольких комплексов на поселении Банное-5а (Березки) и значительное расстояние между ними (20 и почти 200 м) говорит только о том, что данное место считалось удобным и использовалось неоднократно. Это подтверждается и находкой фрагмента «савроматского» сосуда. В целом, близки и местоположения публикуемых памятников – это невысокие мысы, межрядовые ложбины, близкое наличие воды.

Такая же ситуация была прослежена и ранее. Например, находки на стоянке Атиково-1, приуроченной к истоку ручья на высоком плато, распространены на площади 7×3 м (Савельев, 2015б, с. 63), а поселение Баишево-26 находится в укрытом со всех сторон сопками участке около небольшого степного колка, в котором бьет родник (Савельев, 1998). Количество таких примеров можно продолжать, т.к. и все остальные раннекочевнические стоянки по своим местоположениям и размерам каких-либо принципиальных отличий не имеют. Варианты расположения могут быть связаны только с различием ландшафтов – степных, горно-степных, горно-лесных, лесостепных и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление детально зафиксированной топографической, стратиграфической и планиграфической информации по раннекочевническим стоянкам на поселениях Банное-5а (Березки) и Теляшево-4, а также близость к ним всех характеристик стоянки Сабакты-3/5 показывает, что гиперкритический

взгляд на поселенческие памятники кочевников Южного Урала не соответствует уровню имеющейся научной информации. «Эфемерными» они могут быть только в сравнении с культурными слоями поселений эпохи бронзы или вследствие сложности их выявления, документирования и изучения. Также практика показывает, что системное выявление, вычленение и описание кочевнических поселенческих памятников (при всем их многообразии – кратковременные и промысловые

стоянки, базовые поселения и лагеря, металлургические комплексы и т.д.) возможно только при проведении детальных исследований на достаточно компактных территориях. Для Южного Урала такими «исследовательскими полигонами» стали южная оконечность хребта Ирэндик, горное течение р. Белая в районе Каповой пещеры и ниже по течению, а также озерная система Банное – Сабакты – Карабалыкты.

Примечания:

¹ Данные по позднему комплексу Г.Н. Матюшиним были опубликованы без какого-либо анализа и только в виде одной фототаблицы (Матюшин, 1982, табл. 48). В настоящее время археологами ИИЯЛ УФИЦ РАН ведется разборка коллекции поселения Банное-5а (Березки) из раскопок Г.Н. Матюшина и подготовка ее для сдачи на музейное хранение. Все приводимые далее детальные данные по местам и глубинам нахождения описываемой керамики взяты из коллекционной описи Г.Н. Матюшина, находящейся на обработке в ИИЯЛ УФИЦ РАН.

² Значительная часть остальной «поздней» керамики относится к иткульской и гамаюнской культурам, в т.ч. к смешанным формам (Матюшин, 1982, табл. 48: 1, 2, 6). Анализ коллекционных описей позволил установить, что в отличие от раннекочевнической, приуроченной к горизонту 1, иткульская и гамаюнская керамика приурочена к горизонту 2, также не совпадает их планиграфическое распределение.

³ Инв. №№ 203/1588, 203/2782, 203/1595, 203/1596, 203/1597, 203/2782 (дубль).

⁴ Кв. 9Г – инв. № 203/5504, кв. 8Г – инв. № 203/5442, кв. 7Б – инв. № 203/4381.

⁵ Инв. № 200/57...3.

⁶ Помимо раннекочевнической керамики, на этом же участке найдена и керамика гамаюнской культуры, что свидетельствует о том, что в эпоху раннего железа данная площадка осваивалась дважды – гамаюнским населением в VII–VI вв. до н.э. и ранними кочевниками, в V–IV вв. до н.э. Достаточно представительные материалы гамаюнской и иткульской культур района озерной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты уже частично отражены в статьях автора (Савельев, 2017, с. 117, 119, 120, рис. 3; Савельев, 2022).

⁷ В шурфе найден 1 фрагмент раннекочевнической керамики (рис. 5: 5). Учитывая данные по комплексам 1 и 2 на поселении Банное-5а (Березки), по поселению Теляшево-4, а также другим подобным памятникам (Атиково-1, Ташла Левобережная и пр.), факт находки даже одного фрагмента свидетельствует о том, что при раскопках большей площадью количество находок увеличится.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амуры»: научные исследования и Школьный лекторий / Отв. ред. и сост. А.В. Псянчин и Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.

Васильев В.Н. Каменные курганы Южного Урала, «ирендыкско-крыктынская группа кочевников» и «оседающие сако-сарматы» // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>

Овсянников В.В., Котов В.Г., Рафикова Я.В., Савельев Н.С., Гарустович Г.Н., Русласнов Е.В. Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала / АЭБ. Т. VI. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. 478 с.

Котов Е.П. Отчет о проведении археологического обследования территории, отводимой под реконструкцию технологической связи газопровода Оренбург–Заинск, газопровода-отвода к Нижнекамскому промузлу в Оренбургском, Сакмарском, Переволоцком, Александровском, Шарлыкском, Пономаревском, Красногвардейском, Матвеевском, Абдулинском, Бузулукском и Северном районах Оренбургской области. Воронеж, 2014 // Архив ИА РАН.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15 (4). С. 834–848. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-61-4-834-848>

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала: лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. 328 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Николаев С.Ю. Бишунгаровский курганный могильник в Южном Приуралье и его округа: результаты исследований 1960–90-х гг. и новые данные // УАВ. Т. 23. № 1. 2023. С. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.005>

Очир-Горяева М.А. Поселения степной зоны Евразии скифской эпохи // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 265–275.

Очир-Горяева М.А., Бросседер У. Поселения в степи: проблемы изучения и интерпретации // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 42–51.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.

Русланова Р.Р. Средневековые бусы кургана № 1 могильника Кусимово-3 в Южном Зауралье // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 240–252. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.240.252>

Савельев Н.С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 53–58.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 17–48.

Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Отв. ред. Н.Х. Спицына, Н.А. Лейбова (Суворова). СПб.: Алетей, 2011. С. 11–24.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 191–206.

Савельев Н.С. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015а. С. 246–254.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. Вып. 15. 2015б. С. 62–84.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Культовое место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // РА. 2022. № 1. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>

Савельев Н.С. О культурной атрибуции могильника Филипповка // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2023. С. 192–197.

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М. Исследования стоянки Первомайский-1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье // УАВ. 2020. Вып. 20. С. 141–154. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011>

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Федоров В.К. Керамические сосуды с ямочно-жемчужным орнаментом у ранних кочевников Южного Приуралья: происхождение, бытование, исчезновение // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 88–100. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-7>

Хурмаев А.А. Итоги археологического обследования верхнего течения р. Янгелька в горно-степной зоне Южного Зауралья // УАВ. Т. 22. № 2. С. 330–340. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.014>

Информация об авторе:

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

REFERENCES

- Psyanchin A. V., Savelyev N. S. (ed.). 2020. *Arkheologicheskaya ekspeditsiya Yakty-Kul' – Kusimovo «Severnnye amury»: nauchnye issledovaniya i Shkol'nyy lektoriy (The archaeological expedition of Yakty-Kul' – Kusimovo "Northern Cupids": scientific research and School Centre)* Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).
- Beisenov, A. Z. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11–38 (in Russian).
- Vasil'ev V. N. 2020. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2 (19), 129–152. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.7>. (in Russian).
- Ovsyannikov, V. V., Kotov, V. G., Rafikova, Ya. V., Savel'ev, N. S., Garustovich, G. N., Ruslanov, E. V. 2022. *Verovaniya i kul'ty drevnego i srednevekovogo naseleniya Yuzhnogo Urala (Beliefs and cults of the ancient and medieval population of the Southern Urals)*. Series: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* VI. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kitov, E. P. 2014. *Otchet o provedenii arkheologicheskogo obsledovaniya territorii, otvodimoy pod rekonstruktsiyu tekhnologicheskoy svyazi gazoprovoda Orenburg-Zainsk, gazoprovoda-otvoda k Nizhnekamskomu promyслу v Orenburgskom, Sakmarskom, Perevolotskom, Aleksandrovskom, Sharlykskom, Ponomarevskom, Krasnogvardeyskom, Matveevskom, Abdulinskom, Buzulukskom i Severnom rayonakh Orenburgskoy oblasti (Report on the archaeological survey of the territory, allocated for the reconstruction of the technological link of the Orenburg–Zainsk gas pipeline, the gas pipeline branch to the Nizhnekamsk industrial complex in the Orenburg, Sakmara, Perevolotsky, Alexandrovka, Sharlyk, Ponomaryovka, Krasnogvardeysky, Matveyevka, Abdulino, Buzuluk and Severnoye districts of the Orenburg region)* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kotov, V. G., Savel'ev, N. S. 2022. In *Oriental Studies*. 15 (4), 834–848. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-61-4-834-848> (in Russian).
- Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Chalcolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Moshkova, M. G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi (prokhorovskoi) kul'tury (Origins of the Early Sarmatian (Prohorovka) Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nikolaev S. Y. 2023. In *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 23 (1), 51–62 DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.005>. (in Russian).
- Ochir-Goryaeva, M. A. 2015. In Bazarov, B. V. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual issues of archaeology and ethnology of Central Asia)*. Irkutsk: "Ottisk" Publ., 265–275 (in Russian).
- Ochir-Goryaeva, M. A., Brossedewr, U. 2008. In *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya (Bulletin of the Caspian Region: archaeology, history, ethnology)* 1, 42–51 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1987. In Pshenichniuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala (Issues of ancient and medieval history of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–76 (in Russian).
- Ruslanova, R. R. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 240–252. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.240.252> (in Russian).
- Savelev, N. S. 1998. In Akbulatov, I. M. (ed.). *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 1. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 53–58 (in Russian).
- Savelev, N. S. 2000. In Akbulatov, I. M. (ed.). *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 2. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 17–48 (in Russian).
- Savelev, N. S. 2011. In Spitsyn, N. Kh., Leibova (Suvorova), N. A. (eds.). *Antropologiya bashkir (Anthropology of the Bashkirs)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 11–24 (in Russian).
- Savel'ev, N. S. 2014. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14, 191–206 (in Russian).
- Savel'ev, N. S. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoi Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 11–38 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 62–84 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 114–129 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 53–66 DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172> (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 192–197 (in Russian).

Savel'ev, N. S., Nikolaev, S. Y., Rumyantsev, M. M. 2020. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 20, 141–154. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011>. (in Russian).

Savel'ev N. S., Yablonsky, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

Fedorov V. K. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 1 (56), 88–100. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-56-1-7> (in Russian).

Khurmaev, A. A. 2022. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 22 (2), 330–340 (in Russian).

About the Author:

Savelev Nikita S. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.327.333>

ПРОБЛЕМЫ СОХРАННОСТИ ОРГАНИЧЕСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

©2023 г. А.К. Акжасарова

Условия сохранности музейных предметов и, в том числе, органических археологических материалов диктуются целым рядом аспектов музейной практики: организация охраны и сохранности в экспозиционных залах и фондохранилищах; система учета и хранения музейных ценностей; реставрация и консервация; экспозиционно-выставочная деятельность, часто сопряженная с транспортировкой экспонатов. Органические археологические материалы составляют почти четвертую часть археологической коллекции Национального музея РК с древнейшей эпохи до этнографической современности. Целью статьи является обобщение опыта работы и музейной практики Национального музея Республики Казахстан с органическими археологическими материалами: рассмотрены методические подходы по сохранению и способы их экспонирования.

Ключевые слова: археология, артефакты, органические археологические материалы, археологическая коллекция, музейная экспозиция, режим хранения и экспонирования, консервация, реставрация.

PROBLEMS OF PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL ORGANIC MATERIALS IN THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A.K. Akzhasarova

The conditions for the preservation of museum items, including organic archaeological materials, are dictated by a number of aspects of museum practice: the organization of protection and preservation in exhibition halls and museum depositories; the system of registration and storage of museum values; restoration and conservation; exposition and exhibition activities, often associated with the transportation of exhibits. Organic archaeological materials make up almost a quarter of the archaeological collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan from the ancient times to the ethnographic present. The purpose of the article is to summarize the experience and museum practice of the National Museum of the Republic of Kazakhstan with organic archaeological materials: methodological approaches to preservation and methods of their exhibiting are considered.

Keywords: archaeology, artefacts, organic archaeological materials, archaeological collection, exposition, storage and display regimes, conservation and restoration.

Археологические коллекции являются важнейшей составляющей фондов любого музея. Особый интерес представляют органические археологические материалы – кость, войлок (как археологический текстиль), дерево, кожа, которые сохраняются только в исключительных условиях: сухой климат, затопляемые и торфяные регионы, зоны вечной мерзлоты (Самашев, 2018).

На сегодняшний день археологическая коллекция Национального музея Республики Казахстан составляет более 40 тыс. единиц хранения. Фонд музея систематически пополняется новыми артефактами, обнаруженными

ми в процессе археологических раскопок на территории Казахстана. Музей располагает археологическими предметами из органических материалов. Среди них можно выделить уникальные артефакты из курганов Берель, Туйетас, Каракаба, Аян и др.

В 1998-1999 гг. под руководством известного археолога Зейноллы Самашева исследован Берельский курган №11, где было обнаружено погребение вождя и знатной женщины, с ними были погребены 13 коней в полном парадном убранстве. Благодаря «линзе вечной мерзлоты» в кургане отлично сохранились предметы быта и обихода представителей высшей знати

саков при их жизни – детали конского снаряжения и предметы из дерева, кожи и войлока (Самашев, 2018; Горбунов, 2005).

Детали конского снаряжения выполнены из дерева, покрыты золотой фольгой и оловом, выполнены в скифо-сакском зверином стиле. Среди образов животных, помещенных на предметах убранства коней, присутствуют кошачьи хищники, горные козлы и бараны, лоси, хищные птицы и грифоны; растительные мотивы. Излюбленными приемами построения композиций у древних берельцев были принципы зеркальной симметрии и геральдической развертки. Выполненные подобным образом сюжеты, часто встречаются на разделителях ремней, окончания которых оформлены в виде противопоставленных изображений животных; на подвесках, украшавших ремни (Самашев, Базарбаева, 2000).

В 2019 г. фонд Национального музея РК пополнился новыми археологическими органическими предметами из курганов Туйетас, Каракаба, Аян, Тасарык, Аулие-коль. Предметы являются памятниками Кимакского каганата, существовавшего в IX-XI вв. в Обь-Иртышском междуречье.

Особую ценность представляют детали конского снаряжения из могильника Туйетас: твердое высокое седло, железные стремяна, фрагмент плетеной камчи, нагрудник, украшенный бляхами из бронзы и позолоченного серебра, характерные для тюркского периода. Седло из дерева и бересты, по типологии относится к «жестким», с округлыми луками и так называемым составным (Омаров, Бесетаев, 2019. с.34-36). Между собой зафиксированы железными гвоздиками, дополнительно привязанные через проделанные отверстия кожаными шнурами. Считается, что седла с округлыми луками являются эффективными и маневренными при конной стрельбе из лука.

Уздечный набор и нагрудный ремень из кургана Туйетас украшены бляхами в виде подвесок и наконечников ремней. Все украшения отлиты в специальной литейной форме, выполнены из серебра, покрыты позолотой. Уздечный набор имеет округлый налобник, в центре изображен солярный знак в виде перекрестия. Богато украшенное конское снаряжение свидетельствует о высоком социальном уровне погребенного в кургане.

Уникальны предметы вооружения и конского снаряжения из некрополя Каракаба, датируемые VII–IX вв. Стационарные полевые исследования на некрополе были начаты в 2012 г. под руководством З. Самашева. Некрополь состоит из более ста древних погребальных сооружений. Все они принадлежат близкородственным представителям древнетюркского этноса. Своеобразен архитектурный облик погребальных сооружений: подбойная яма сбоку, заставка подбоя, сопроводительное захоронение коня в основной входной яме. В боковой яме кургана найдены останки человека, захороненного головой на восток. В исследованных курганах данного хронологического отрезка в 80 % присутствуют оружие и экипировка, также конское снаряжение. Кроме того, в могильниках Каракаба найдены три деревянные музыкальные инструменты. Один инструмент похож на кобыз, второй на домбру, третий музыкальный инструмент универсального назначения: он одновременно и струнный, и смычный (Самашев, 2016. с. 395). Музыкальные инструменты обнаружены впервые за всю историю археологической науки Казахстана, на некрополе Каракаба. После консервационно-реставрационной работы один из музыкальных инструментов из некрополя Каракаба – кобыз находится в экспозиции музея.

Консервация и реставрация памятников из вышеуказанных курганов выполнена лабораторией научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» под руководством известного реставратора К. Алынкеова. Наиболее надежным способом сохранения артефактов в полевых условиях для последующей транспортировки и хранения до консервации является извлечение их монолитным блоком вместе с окружающим грунтом (Алтынбеков, Железнякова, Алтынбекова, 2019. с. 102). Благодаря методу изъятия из раскопа блоками сохранены, изучены и реставрированы сотни уникальных артефактов. В процессе исследовательских работ Крым Алтынбековым разработан метод консервации деградированной археологической древесины (Ахметкалиев, Алтынбеков, 2010. с. 20).

Вышеуказанные археологические находки по завершении консервационно-реставрационных мероприятий переданы на хранение в Национальный музей Республики Казахстан. Все предметы имеют паспорта реставрации

с рекомендациями по условиям хранения в музее.

Хранение музейных фондов – деятельность, направленная на обеспечение физической сохранности музейных предметов. Максимальная сохранность музейных фондов, находящихся в фондохранилище и экспозиции музейной, обеспечивается системой безопасности, оптимально выбранным режимом (температурно-влажностный и световой режим, совокупность средств борьбы с загрязнением воздуха и т.д.) и системой хранения. Основные положения по организации хранения, зафиксированные в государственных нормативных документах, обязательны для всех музеев».

Вопросу хранения музейных предметов большое внимание уделяют международные музейные организации. Согласно Этическому кодексу ИКОМ музей должен осуществлять разработку и вести стратегии, направленные на то, чтобы его коллекции (как постоянные, так и временные) и связанные с ними информация и документация были доступны для актуального использования и были переданы будущим поколениям в наиболее полном и сохранном виде – насколько это позволяют сегодняшние знания и ресурсы. В обязанности музеев перед обществом входит хранение, обеспечение доступности и интерпретация первоисточников, которые имеются в их коллекциях. Хранение фондов осуществляется в фондохранилище, в экспозиции, во время различного рода перемещений предмета внутри музея и за его пределами (Юренева, 2003. с. 401).

Требования к учету и хранению музейных предметов для казахстанских музеев сформулированы в нормативных документах разного уровня. основополагающим документом является Инструкция по учету, хранению, использованию и списанию музейных предметов фонда Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 372. В Инструкции указано, что прием археологических экспедиционных материалов в музей производится на основе полевой или коллекционной описи, и в качестве одной из задач хранения является создание благоприятных условий для изучения музейных предметов. С внесением археологических предметов в музейное собрание основной задачей является их хранение и обеспечение безопасности.

Одним из существенных факторов, влияющих на условия хранения в музее является наличие специального здания со своей системой фондохранения. Строительство здания Национального музея РК было завершено в 2014 году, в нем оборудованы 54 фондохранилища. Из них 31 являются специализированными профессиональными, 23 полупрофессиональные. Это значит, что в 31 фондохранилищах климат-контроль обеспечивается специальным стационарным автоматическим оборудованием, в остальных хранилищах климат-контроль настраивается механически.

В фондохранении и экспозиции каждый вид музейных предметов имеет свои особенности хранения, определяемые музейными инструкциями и практикой их хранения. Фонды археологии Национального музея хранятся в 6-ти специально оборудованных хранилищах по материалам согласно комплексному принципу. К примеру, в одном из хранилищ по комплексному принципу размещена коллекция археологических находок Берельских курганов.

Предметы археологии хранятся в металлических шкафах и на мобильных стеллажах. Мобильные стеллажи позволяют эффективно использовать площадь фондохранилища, где размещается большое количество музейных ценностей. Археологические предметы в шкафах упакованы в отдельные коробки, мелкие из них хранятся в бумажных конвертах или маленьких картонных коробках. Ткани и вышивки из кургана Берель, Аулиеколь располагаются в горизонтальном положении в закрытых шкафах с выдвигаемыми ящиками. Керамические сосуды расположены на стеллажах. Материальную ответственность за культурные ценности кроме главного хранителя, руководителя отдела хранения несут четыре хранителя отдела хранения. Хранители ведут учет, обеспечивают физическую сохранность и учет движения музейных предметов на экспозиции и временных выставках, при необходимости их реставрации и консервации по акту передают реставраторам.

Для обеспечения сохранности музейных предметов одним из важнейших факторов является режим хранения, который включает: температурно-влажностный и световой режим, борьба с загрязнением воздуха и биологическими вредителями. Температурно-

влажностный режим влияет на процесс естественного старения в зависимости из состава материала, степени сохранности. Для археологических предметов изменение температурно-влажностного режима оказывает сильное влияние.

В Национальном музее Республики Казахстан установлена система кондиционирования для регулирования температурно-влажностного режима во всех экспозиционных залах. В экспозиции археологические предметы в основном представлены комплексно, и связи с этим поддерживается оптимальная температура +18 С, влажность 50-55 % (Инструкция по учету..., 2015). Для мониторинга температурно-влажностного режима в экспозиционных залах музея установлены термогигрометры-логгеры, которые ведут непрерывную запись данных в соответствии с заданными программой и интервалом.

Изменение температуры предмета и среды его нахождения взаимосвязано с уровнем влажности воздуха. На предметы археологии, в особенности из дерева и кожи, ткани сильно влияют и повышенная и пониженная влажность. Пониженная влажность воздуха высушивает материалы, повышая их хрупкость, и они могут даже рассыпаться в руках при соприкосновении с ними. Это часто происходит при раскопках, когда археологические при взаимодействии с воздушной атмосферой разрушаются, поэтому важно учесть и особенности среды, в которой находился предмет, до его извлечения. При повышенной влажности предметы набухают, предмет может деформироваться (Кузнецова, Романова, 2018. с. 127-128).

Температурно-влажностный режим в экспозиционных залах зависит от притока посетителей, его резкие суточные колебания повышают температуру и влажность воздуха экспозиционных залов. Возрастает количество и состав загрязнителей воздуха, например, повышается процент углекислого газа и пыли в составе воздушной среды музейного зала, негативно влияющие на сохранность экспонатов.

При резких перепадах температурно-влажностного режима археологические предметы подвергаются разрушению и деформации, это в свою очередь приводит к изменению их физико-химических свойств. Данная проблема в 2019 г. в Национальном музее Республи-

ки Казахстан решена в результате закупки витрин с климат контролем, обеспечивающие сохранность и безопасность музейных предметов. В настоящее время в витринах с климат контролем экспонированы археологические органические предметы из курганов Берел, Туйетас, Аян, Каракаба и др.

Световой режим регулирует степень воздействия световых и ультрафиолетовых лучей на музейные предметы, определяет допустимые нормы освещенности, препятствуя изменению состояния сохранности экспонатов (Кузнецова, Романова, 2018. С.138). Кроме того, для сохранности предметы освещаются рассеянным светом, так как точечное освещение экспонатов имеет негативное влияние на их сохранность.

Биологический режим также является важным фактором сохранности археологических предметов. В целях недопущения повреждения экспонатов специалистами проводятся дезинфекционные мероприятия. Для этой цели в музее есть специальные изоляторы для экспонатов и дезинфекционные камеры.

Следующим фактором, влияющим на разрушение экспонатов, являются сроки экспонирования: по истечении определенного времени органические предметы из постоянной экспозиции перемещаются в фондохранилище.

Оформление и монтаж экспонатов сопряжены с опасностью их механического и химического повреждения. В этой связи экспозиционеры и хранители при экспозиционно-выставочной деятельности должны проявлять аккуратность и внимательность: археологические предметы необходимо брать за прочные части, перевозить с фондохранилища в экспозиционный зал на тележках, и работать в специальных перчатках.

Кроме вышеуказанных режимов хранения и системы хранения в музее, большую роль в обеспечении сохранности культурных ценностей оказывают реставрационные и консервационные работы. Реставрационную деятельность в Национальном музее Республики Казахстан осуществляет Служба реставрации и консервации. Служба включает в себя лаборатории текстиля, живописи, керамики, металла, письменных документов, консервации и реставрации, оборудованные новейшими технологиями.

Лаборатория консервации и реставрации непосредственно занимается консервацией археологических предметов музея. Основной задачей лаборатории является сохранение музейных предметов превентивным способом с целью произвести как можно меньше реставрации!

Археологические предметы со времени поступления в фонд музея постоянно находятся под контролем реставраторов и проводится профилактическое обслуживание. Решение проблем сохранности экспонатов подобного рода начинается с визуального осмотра и проверки климат-контроля музейной витрины: при обнаружении каких либо разрушений археологических предметов производится микроскопический анализ на стереомикроскопическом микроскопе STEMI 2000 Zeiss. Берутся микропробы для тестовых лабораторных исследований. Археологические предметы представляют большую ценность и задача реставратора во время провести реставрационно-консервационную работу.

Вопрос о необходимости, средствах и методах консервации и реставрации решается на заседании Реставрационного совета, действующим с момента создания музея в 2014 г. Решение Реставрационного совета фиксируется в протоколе. Все этапы и результаты практической работы с предметом описываются в реставрационном специальном документе. Отметки о проведенной работе с краткой характеристикой вносятся в карточки научного описания, что отражается в задокументированной истории музейного предмета. Накапливаемая годами и десятилетиями, она позволяет точно определить средства и методы реставрации конкретных предметов, помогает совершенствовать методику. Все эти консервационно-реставрационные работы необходимы для достижения наименьшей скорости физико-механического старения экспонатов.

Еще одной из немаловажных проблем обеспечения сохранности археологического наследия является подготовка специалистов по реставрации и консервации, их своевременная стажировка и ротация.

Степень вероятности механических повреждений музейных предметов определяется также рядом факторов: материала, из которого сделан предмет, технологией изготовления материала и самого предмета,

сохранностью предмета, наличием или отсутствием пыли, размещением предметов, их упаковкой. Археологические предметы легко подвергаются механическому разрушению (Юренева, 2003. с. 402-409).

Поскольку в своей музейной практике Национальный музей Республики Казахстан занимается популяризацией историко-культурного наследия и на международных площадках, огромное значение имеют меры по сохранению и безопасности музейных экспонатов при транспортировке и монтаже выставок.

Процесс создания и реализации выставочного проекта имеет свои особенности и охватывает разные направления работ (подписание договора, составление концепций, отбор экспонатов, упаковка и транспортировка музейных предметов, их документальное оформление и другие). Важно уделять особое внимание составлению договора и всего пакета сопроводительных документов к нему, касающихся общих организационно-правовых, таможенных, страховых и других вопросов в соответствии с юридическими нормами и действующим законодательством. Необходимо детально оговаривать условия экспонирования, возможности и способы показа коллекции. Все условия хранения и использования музейных ценностей в период проведения выставки регламентируются соглашением сторон (музеев), где указываются цели и сроки временного хранения, температурно-влажностный и световой режимы, вопросы пожарной безопасности, технического оснащения и ряд других требований (Кузнецова, Романова, 2018. с. 124).

Приоритетной задачей при подготовке каждого этапа выставки (от идеи её создания до воплощения, осуществления собственно экспозиционно-выставочного проекта, монтажа-демонтажа, завершения всех видов работ с возвратом предметов в фондовые хранилища и т. д.) является обеспечение сохранности и безопасности музейных коллекций (Кузнецова, Романова, 2018. с. 55-57).

При подготовке к проведению любой выставки разрабатывается научная концепция выставки, тематико-экспозиционный план и технические требования (необходимая площадь, требования по безопасности и сохранности экспонатов, экспозиционное оборудование). Для вывоза экспонатов из

музея требуется решение реставрационного совета, утвержденное протоколом о возможности перевозки музейных предметов без повреждения на заявленный срок.

После подписания необходимых документов по организации выставки следующий этап является упаковка и транспортировка музейных предметов. В музейной практике имеет место, когда обращаются к услугам специализированных фирм, занятых в сфере музейных услуг. При этом обязательно присутствуют музейные сотрудники, несущие материальную ответственность за культурные ценности. Стоит отметить, что сохранность предметов зависит от выбора правильной упаковочной тары, от ее надежности. Она защищает предметы от механических повреждений, резких перепадов температуры и влажности, пыли, возможности утраты.

Примером подобного проекта является выездная выставка «Шествие Золотого человека по музеям мира» в 2018 году в Национальном музее Республики Корея в г. Сеул. Выставочный проект «Шествие Золотого человека по музеям мира» стартовал в 2017 г. в рамках реализации программы «Рухани жаңғыру» и «Семь граней». Выставка успешно прошла в таких городах как Москва

(Россия), Баку (Азербайджан), Гданьск (Польша), Анкара (Турция), Казань (Татарстан), Куала-Лумпур (Малайзия), Сянь (Китай) и др. Одной из приоритетных задач выставочного проекта «Шествие Золотого человека по музеям мира» стало ознакомление зарубежной аудитории с историей и культурой Казахстана. На выставке были представлены артефакты, полученные в ходе археологических раскопок из памятников ранне-железного века Казахстана: Иссык, Шиликты, Елеке Сазы, Таксай, Лебедевка, Жалаулинский клад и т.д. Предметы отражают мировоззрение и хозяйство древних племен, населявших территорию Казахстана в этот период.

Проведение международных выставок содействуют в повышении имиджа музея и страны в целом, дает большой опыт для музейев-участников в организационных и других вопросах.

В заключении отметим, что сохранение историко-культурного наследия основана на аксиоме подлинности археологических материалов, подлинники всегда несут в себе историческое послание последующим поколениям. Подлинники своим существованием вызывают подлинные чувства сопричастности к истории своего народа, своей земли, помогают осознавать свою идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
- Алтынбеков К., Железнякова В.Л., Алтынбекова Э.К.* Новый образец древнего искусства из Казахского Алтая // Поволжская археология. 2019. № 3 (29) С. 100–114
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К.* Диагностика процесса пропитки деградированной древесины // Поиск. 2010. № 4. С. 20–24.
- Воробьева С.Л.* Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. Уфа: НМ РБ, 2019. 160 с.
- Горбунов А.П., Самашев З., Северский Э.В.* Сокровища мёрзлых курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел). Алматы: ТОО «Иль-тех-кітап», 2005. 114 с.
- Инструкция по учету, хранению, использованию и списанию музейных предметов фонда Республики Казахстан от 7 декабря 2015г. № 372.* <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012822> (дата обращения: 6.10.2023).
- Кузнецова И.Г., Романова Н.М.* Обеспечение сохранности и безопасности музейных коллекций в выставочной практике. СПб.: Корвус, 2018. 280 с.
- Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б.* Средневековые кочевники Восточного Казахстана (по материалам могильников Туйетас и Аян) // Ұлы дала: тарих пен мәдениет. Көне түркілер әлемі. Көрме материалы. Т. III / Под ред. А. Онгарулы. Нұр-Сұлтан: ТОО «Ехronat», 2019. С. 34–41.
- Самашев З.С.* Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Берельских курганов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3(20). С. 10–22
- Самашев З.* Вечная мерзлота – хранилище древностей // Ұлы дала мұрасы: зергерлік өнер жауһарлары / Отв. ред. А. Онгарулы. Астана: ТОО «Ехronat», 2018. С. 58–64.

Самашев З. Памятники средневековых кочевников верховий реки Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379–409.

Самашев З.С., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Стерегиущие золото грифы» Геродота и археологическая культура древних номадов Казахского Алтая (по материалам Берельских курганов) // International Journal of Central Asian Studies. 2002. № 2. С. 119–129.

Юренева Т.Ю. Музееведение. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

Информация об авторе:

Акжасарова Айнур Конысбековна, магистр гуманитарных наук, научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан); ainur_7@mail.ru

REFERENCES

Akischev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk Barrow. Art of the Saka from Kazakhstan)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Altynbekov, K., Zheleznyakova, V. L., Altynbekova, E. K. 2019. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 100–114 (in Russian).

Akhmetkaliev, R. B., Altynbekov, K. 2010. In *Poisk (Search)* 4, 20–24 (in Russian).

Vorobieva, S. L. 2019. *Komplektovanie, uchet, khranenie i nauchnoe opisanie arkheologicheskikh kollektiy v muzeyakh: pravovye aspekty i prakticheskiy opyt (Acquisition, registration, storage and scientific description of archaeological collections in museums: legal aspects and practical experience)*. Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

Gorbunov, A. P., Samashev, Z., Seversky, E. V. 2005. *Sokrovishcha merzlykh kurganov Kazakhskogo Altaya (po materialam mogil'nika Berel) (Treasures of frozen barrows in the Kazakh Altai (based on the materials of the Berel burial ground))*. Almaty: "Il-tech-kitap" LLP (in Russian).

Instruktsiya po uchetu, khraneniuyu, ispol'zovaniyu i spisaniyu muzeynykh predmetov fonda Respubliki Kazakhstan ot 7 dekabrya 2015g. № 372. (Instructions on registration, storage, use and write-off of museum items of the funds of the Republic of Kazakhstan dated December 7, 2015. No. 372). Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012822> (accessed: 10.6.2023).

Kuznetsova, I. G., Romanova, N. M. 2018. *Obespechenie sokhrannosti i bezopasnosti muzeynykh kollektiy v vystavochnoy praktike (Ensuring preservation and safety of museum collections in exhibition practice)*. Saint Petersburg: "Korvus" Publ. (in Russian).

Omarov, G. K., Besetaev, B. B. 2019. In Onggaruly, A. (eds.). *Uly Dala: tarih pen madeniet. III-tom. Kone turkiler alemi. Korme katalogy (The Great Steppe: history and culture. Volume III. The world of ancient Turks. The exhibition catalogue)*. Nur-Sultan: "Service Press" Publ., 34–41 (in Russian).

Samashev, Z.S. 2017. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik (North-Eastern Humanitarian Bulletin)* 20 (3), 10–22 (in Russian).

Samashev, Z. 2018. In Onggaruly, A. (eds.). *Uly dalamurasy: zhergerlik onerzhauharlary. II-tom. Dasturler men innovacijalar. Korme katalogy (Heritage of the Great Steppe; masterpieces of jewelry art. Volume II. Tradition and innovation. The exhibition catalogue)*. Astana: "Exponat" LLP, 58–64 (in Russian).

Samashev, Z. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.) *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the Circle of Eurasian Antiquities)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 379–409 (in Russian).

Samashev, Z. S., Dzhumabekova, G. S., Bazarbaeva, G. A., 2002. In *International Journal of Central Asian Studies* 2, 119–129 (in Russian).

Yureneva, T. Yu. 2003. *Muzeevedenie (Museum studies)*. Moscow: "Akademicheskii proekt" Publ. (in Russian).

About the Author:

Akzhassarova Aynur K., Master of Arts, researcher at the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Tauelsizdik Avenue, 54, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan; ainur_7@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 572.71 572.781.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.334.346>

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОСТАНКОВ ВОИНА ИЗ ЭЛИТАРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ XIV В. БЛИЗ ГОРОДА КРЫМСК¹

© 2023 г. А.Н. Абрамова, И.А. Дружинина

В работе отражены результаты комплексного археологического и палеоантропологического анализа уникальных материалов, поступивших в начале XX в. в Кубанский войсковой музей (сегодня – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына), представленные фрагментами обшивки медного гроба, бронзовыми деталями ножен сабли, железными наконечниками стрел, деревянным гребнем, а также почти полным скелетом погребенного молодого мужчины 25-35 лет. Эта чудом уцелевшая коллекция происходит из грабительских раскопок подкурганного воинского захоронения близ современного города Крымск. Погребальный инвентарь, а также ближайшие аналогии находкам и особенностям погребального обряда свидетельствуют о несомненно элитарном характере погребения и позволяют датировать комплекс второй половиной XIV в. Проведенный анализ с применением метода главных компонент показал высокое сходство черепа погребенного с материалами, полученными из могильников Аушедз, Каррас и Глебовка, что указывает на его принадлежность оседлому населению Северо-Западного Кавказа – непосредственным предкам современных адыгов или абазин. Следы, оставленные наконечниками стрел на позвонках и внутренней стороне ребра, позволяют утверждать, что эти травмы и стали причиной смерти воина.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, краниметрия, эпоха Средневековья, медный гроб, элитарное погребение.

THE RESULTS OF PALEOANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF THE REMAINS OF A WARRIOR FROM AN ELITE BURIAL OF THE XIV CENTURY NEAR THE CITY OF KRYMSK²

A.N. Abramova, I.A. Druzhinina

The work contains the results of a comprehensive archaeological and paleoanthropological analysis of unique materials which were received at the beginning of the 20th century by the Kuban Museum (now the Krasnodar Territory Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn): fragments of the upholstery of a copper coffin, bronze parts of a saber sheath, iron arrowheads, a wooden comb, and an almost complete skeleton of a buried young man 25-35 years. This miraculously preserved collection comes from a predatory excavation of an underground military entombment next to the modern city of Krymsk. The grave goods, and the closest analogies to the finds and features of the burial rite, undoubtedly indicate the elite nature of the burial and allow us to date the complex to the second half of the 14th century. The analysis using the principal component method showed us a high similarity of the buried skull with materials which were found in the burials of the Aushedz, Karras and Glebovka entombments. This can indicate that the skull belonged to the sedentary population of the North-Western Caucasus – the direct ancestors of the modern Circassians or Abazas. The marks left by arrowheads on the vertebrae and the inside of the rib let us suggest that these injuries were the cause of the warrior's death.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, craniometry, Middle Ages, copper coffin, elite burial.

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>»

²"The paper was prepared as a part of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00108 "The North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron ages: people, horses, metal".

В фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына находится уникальная коллекция, которая включает остатки медного гроба, представленные фрагментами листового металла различного размера и формы, бронзовые детали ножен сабли и железные наконечники стрел, деревянный гребень, а также почти полный скелет погребенного молодого мужчины. В архивной документации сохранилась запись помощника заведующего Кубанским музеем, сделанная в период с 1907 по 1911 гг., в которой упоминаются «Останки воина /кости человека и ножны от сабли/ урало-чудскаго племени «Собиры» ... Гроб окрашен внутри зеленой краской найдень в кургань близъ станицы Крымской» (КМ 5215/401). Точную дату раскопок кургана и имя исследователя установить не удалось. По всей видимости, погребение было разрушено и разграблено в ходе несанкционированных раскопок, и в музей поступили находки, не замеченные грабителями или их не заинтересовавшие. Сохранившиеся археологические материалы¹ однозначно свидетельствуют об элитарном характере захоронения. Данный комплекс пополнил список известных погребений в медных гробах, выявленных на территории Северного Кавказа (Дружинина, 2014).

Сохранилось не менее 40 фрагментов обшивки гроба из листовой меди, скреплявшихся между собой множеством мелких заклепок. Толщина медных листов 2-3 мм. Дно гроба прямое, крышка – выпуклая. На нескольких фрагментах в виде медных окислов зафиксировались отпечатки тканей – шелка типа тафта и узорной парчи (определение с.н.с. ИА РАН, к.и.н. И.И. Елкиной).

Датировка комплекса устанавливается по сохранившимся предметам вооружения. От гарнитуры сабли сохранилось навершие рукояти в виде бронзового цилиндрического уплощенного колпачка: 3,0-3,2 см х 2,9-3,1 см, а также две бронзовые обоймы ножен. Каждая из обойм представляет собой три тонких обруча, насаженных на общую планку длиной 6,0–6,7 см. К центральному обручу крепится портупейное колечко внешним диаметром 2,0 см. Каждый обруч по центру украшен небольшой круглой бронзовой пластинкой. Аналогичные обоймы известны на ножнах сабли из погребения в медном гробу Белореченского кургана №1 (1897) середины – третьей четвер-

ти XIV в. (Горелик, Дружинина, 2011, с. 41-43, рис. 2-3), а также из собрания фонда Марджани (Дружинина, 2019, с. 113). Сабли с такими обоймами ножен изображены на тебризских миниатюрах «Шахнаме» 30-х гг. XIV в. (Горелик, 2002, с. 64, таб. 24, 12, 25; *The Legacy of Genghis Khan*, p. 166, fig. 194.). Общая хронология восьми наконечников стрел устанавливается широко, по меньшей мере с XI по XIV вв., при этом диагностирующими в колчанном наборе являются два срезня, позволяющие сузить его хронологические рамки до XIII–XIV вв. Однотипные наконечники стрел хорошо известны в материалах памятников Северо-Западного Кавказа золотоордынского времени (Горелик, 2008, с. 182, рис. 8).

Деревянный гребень (3,6х3,9х0,6 см) односторонний, с частыми мелкими зубцами длиной 2 см. С незначительными фрагментами кожи и отпечатками тканевого плетения на поверхности. На данный момент находка узкой даты не имеет.

В комплексе сохранившиеся предметы погребального набора позволяют датировать памятник XIV в. Ближайшей аналогией и погребальному обряду, и погребальному инвентарю является исследованное в 1897 г. Н.И. Веселовским погребение воина в медном гробу из Белореченского кургана №1, датированное серединой – третьей четвертью XIV в. (Горелик, Дружинина, 2011, с. 57).

Вторая половина XIV в. в истории племен, населявших Северо-Западный Кавказ, известных в источниках под именем черкесов, связано с возвышением статуса и роли местного нобилитета в международной торговле людьми в Северном Причерноморье, основными участниками (организаторами, заказчиками и бенефициарами) которой являлись итальянские фактории Крыма и Северо-Восточного Причерноморья, Золотая Орда и мамлюкский Египет. Для Каира особое значение имели поставки военных рабов, отправлявшихся из портов Крыма – Каффы, Сугдеи, и являвшихся одним из основных источников пополнения корпуса мамлюков. Вследствие разразившегося в Улусе Джучи династического кризиса 1359–1380 гг., известного в русских источниках как «Великая Замятня», а также эпидемии чумы 1346–1353 гг., во второй половине XIV в. изменился не только состав поставляемых в Каир и Дамаск военных рабов (вместо тюрок кочевников в Султанат стали преимуществен-

но ввозить выходцев с Кавказа, прежде всего предков современных адыгов и абазин), но также из Крыма (из Солхата) на Северо-Западный Кавказ переместился организационный центр поставок из Причерноморья военных рабов в Султанат. Именно в это время в Закубанье появляются элитарные Белореченские курганы, насыщенные ближневосточным и западноевропейским импортом (Дружинина, 2022, с. 204-215).

Погребение воина в медном гробу из Белореченского кургана №1 (1897) содержало помимо полного комплекта вооружения (сабля в серебряной оправе, колчан стрел, топор, боевой нож), золотые накладки поясного набора, два серебряных ременных набора, серебряную с позолотой посуду и другие предметы (Горелик, Дружинина, 2011, с. 41-59). Вероятно, в погребении воина в медном гробу, обнаруженном близ г. Крымск, также находились дорогие статусные вещи, которые были унесены грабителями. Однако главная ценность этого памятника – останки погребенного, к счастью, сохранились. Их палеоантропологический анализ и является основной задачей настоящей работы.

Краниометрическое исследование предполагает наличие большой выборки черепов для проведения их анализа. Однако в наших руках оказался единственный череп из воинского погребения близ города Крымск. Сохранились всего два скелета, происходящих из погребений с медными гробами, обнаруженными на территории Северного Кавказа: один из них хранится в фондах Государственного исторического музея, второй стал объектом нашего исследования. Очевидно, что все морфометрические исследования, выполненные для одного индивида, не позволяют нам провести принятый в российской палеоантропологии межгрупповой анализ с применением средних значений признаков. Поэтому нами была предпринята попытка проведения межгруппового анализа с помощью метода главных компонент с привлечением индивидуальных данных. В задачи входило проведение межгруппового анализа на индивидуальном уровне по данным краниометрии, а также обсуждение травматических повреждений, зафиксированных на костях скелета. Кроме того, учитывая уникальность рассматриваемого индивида, в статье приводится морфо-

метрическая характеристика костей посткраниального скелета.

Для определения возраста погребенного учитывалась как степень облитерации швов черепа, так и степень стертости коронок зубов. На посткраниальном скелете было отмечено отсутствие линий синостозирования эпифизарных частей длинных костей (Герасимов, 1955; Добряк, 1960; Никитюк, 1960; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968, с. 408-412; Пашкова, Резников, 1978; Ширококов и др., 2013; Методика..., 2020; Ubelaker, 1978). При этом отсутствие возрастных изменений суставных площадок, рельеф ушковой поверхности и лобкового симфиза безымянных костей позволили заключить, что данный индивид умер в возрасте 25-35 лет.

При краниометрическом и остеометрическом исследовании применялась классическая для отечественной палеоантропологии методика (Дебец 1935; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Пежемский, Харламова, 2013; Martin 1928).

При изучении травматических повреждений был произведен визуальный осмотр всех костей скелета с использованием лупы и бинокляров.

Индивидуальные данные по черепу воина из погребения в медном гробу близ города Крымск уже были опубликованы ранее (Абрамова, Дружинина, 2022), тем не менее, дадим ему более подробное описание (Табл. 1). Череп брахикранный со среднелинным и широким мозговым отделом. Высота его средняя как абсолютно, так и относительно поперечного диаметра. Основание черепа широкое, лобная кость средней ширины на обоих уровнях. Затылочная кость среднеширокая. Лицевой отдел средневысокий, средней ширины и средневыступающий. Нос узкий, средневысокий и средних пропорций, глазницы высокие и среднеширокие. Горизонтальная профилировка лица свидетельствует о принадлежности индивида к большой евразийской расе без каких-либо сдвигов в сторону монголоидности.

Поскольку для межгруппового сравнения были необходимы индивидуальные данные, крайне редко вводимые в научный оборот, нами был выбран ряд публикаций, содержащих необходимые сведения по черепам, происходящим из средневековых могиль-

Таблица 1. Морфометрическая характеристика черепа из бронзового гроба
 Table 1. Morphometric characteristics of the skull from the bronze coffin

Признак, № по Р. Мартину	
1. Продольный диаметр	178
8. Поперечный диаметр	147
8:1. Черепной указатель	82,6
17. Высотный диаметр	136
17:1. Высотно-продольный указатель	76,4
17:8. Высотно-поперечный указатель	92,5
20. Ушная высота	113,5
5. Длина основания черепа	104
9. Наименьшая ширина лба	95
10. Наибольшая ширина лба	117
9:8. Лобно-поперечный указатель	64,6
11. Ширина основания черепа	119
12. Ширина затылка	108
45. Скуловой диаметр	129
40. Длина основания лица	100
40:5. Указатель выступания лица	96,2
48. Верхняя высота лица	73
48:45. Верхний лицевой указатель	56,6
43. Верхняя ширина лица	105
46. Средняя ширина лица	96
51. Ширина орбиты	41,6
51а. Ширина орбиты до d	37,2
52. Высота орбиты	34
54. Ширина носа	24,4
55. Высота носа	53
52:51. Орбитальный указатель	81,7
54:55. Носовой указатель	46,0
SC. Симотическая ширина	10,0
SS. Симотическая высота	5,0
MC. Максиллофронтальная ширина	105
MS. Максиллофронтальная высота	21,4
DC. Дакриальная ширина	21
DS. Дакриальная высота	10,2
SS:SC. Симотический указатель	50,0
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	20,4
77. Назо-малярный угол	136,6
Зиго-максиллярный угол	120,1

ников Предкавказья (Алексеев, 1961; Батиева, Кашибадзе, 2020). Несмотря на наличие проблем с атрибуцией археологических комплексов, антропологический материал из которых использован в данной работе (см.: Дружинина, 2016, с. 212), эти северокавказские материалы XIII–XVI вв. создают необходимый сравнительный фон для того, чтобы уточнить место обсуждаемого индивида среди ранее опубликованных синхронных краниометрических данных.

Для анализа было выбрано 47 мужских черепов (включая исследуемый нами) и 19 краниометрических признаков (табл. 2). Первые две ГК описывают более 51% общей изменчивости сформированной выборки, вместе с третьей ГК – 61%, что недостаточно высоко.

По первой ГК основная нагрузка приходится на продольный диаметр черепа, длину его основания, наименьшую ширину лба, скуловой диаметр и ширину орбиты. Со второй ГК

Таблица 2. Нагрузки на признаки
Table 2. Loads on signs

Признак по Р. Мартину	ГК 1	ГК 2	ГК 3
1. Продольный диаметр черепа	-0,7477	-0,4220	0,0917
8. Поперечный диаметр черепа	-0,2656	0,6713	0,5264
8:1. Черепной указатель	0,4166	0,7611	0,2412
17. Высотный диаметр черепа	-0,4047	-0,2932	0,6708
20. Ушная высота	-0,4971	-0,1440	0,6990
5. Длина основания черепа	-0,8161	-0,3557	0,1714
9. Наименьшая ширина лба	-0,7665	0,0463	-0,0148
11. Ширина основания черепа	-0,3662	0,7578	0,1753
45. Скуловой диаметр	-0,7261	0,5406	0,0534
40. Длина основания лица	-0,6154	-0,2500	0,1321
48. Верхняя высота лица	-0,6304	0,0745	-0,1144
43. Верхняя ширина лица	-0,7625	0,2774	-0,2918
46. Средняя ширина лица	-0,6165	0,3015	-0,2806
55. Высота носа	-0,3314	0,0324	-0,5390
54. Ширина носа	-0,6045	-0,0775	-0,2684
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	-0,7449	0,1700	-0,1931
52. Высота орбиты	-0,3716	0,2077	-0,0912
77. Назомалярный угол	0,4911	0,5830	0,0831
Zm. Зигмаксиллярный угол	-0,0884	0,6488	-0,1448
Процент объясняемой изменчивости	33,07	17,82	10,40

* Полу жирным шрифтом выделены признаки, на которые приходится максимальная нагрузка

положительно связаны черепной указатель и ширина основания черепа. С третьей ГК положительно скоррелирована высотный диаметр и ушная высота.

На графике воин из погребения у г. Крымска оказался среди основной массы привлеченных к анализу индивидов (рис. 1). Наибольшее сходство исследуемый краниум проявляет с черепами из погребений могильников Глебовка, Аушедз и Каррас.

Археологические материалы могильника Глебовка (район Новороссийска, Краснодарский край) не изучены и не введены в научный оборот, поэтому предложенная в работе В.П. Алексеева их «адыгская атрибуция» пока остается гипотетичной и требует проверки и подтверждения. Археологические материалы могильника Аушедз (Северский район, Краснодарский край) (Белов, Раев, 2019) содержат предметы материальной культуры оседлого и кочевого населения эпохи Золотой Орды и свидетельствуют, скорее, о смешанном, поликультурном характере населения, оставившего могильник. Палеоантропологический анализ краниологической серии из погребений могильника Каррас (Пятигорье, Ставро-

польский край) второй половины XV–XVI вв. обнаружил их наибольшее сходство с шапсугами, одним из адыгских субэтносов (Дружинина, Пежемский, 2014, с. 36).

Важно подчеркнуть и ряд характерных отличий черепа из погребения близ г. Крымск от других привлеченных для анализа данных. Из всей выборки наибольшую гомогенность показали, пожалуй, материалы Ново-Кувинского могильника (за исключением черепа №12 на графике), которые шестьдесят лет назад были атрибутированы как принадлежащие «предкам адыгейцев» (Алексеев, 1961, с. 209). Новое исследование показало их значительное отличие от средневековых адыгских серий и близость сериям черепов современных ингушей (Ерзги, Лежг), лакцев (Кули), даргинцев, а также осетин-дигорцев и осетин-иронцев, что указывает на принадлежность Ново-Кувинского могильника аланскому населению (Дружинина, Пежемский, 2014, с. 36). Череп погребенного в медном гробу близ г. Крымск, в свою очередь, отличается от ново-кувинских черепов.

Оказавшийся в стороне череп под номером 17, происходящий из погребения могильника

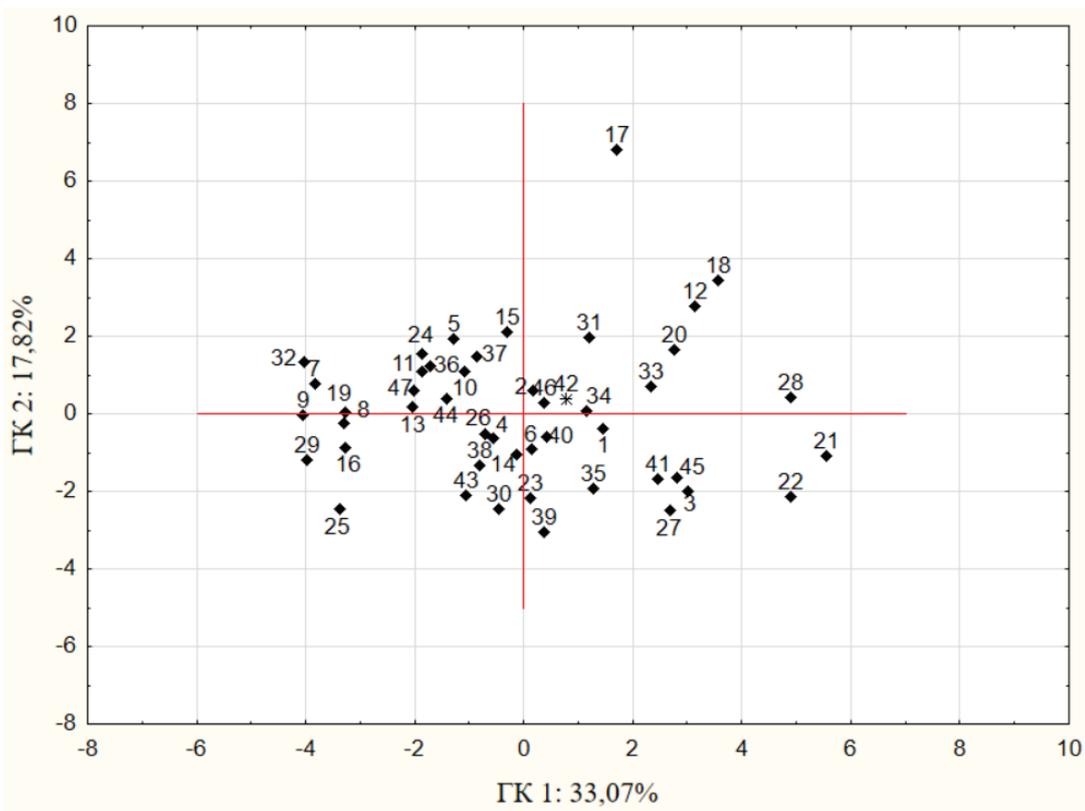

Рис. 1. Анализ главных компонент по индивидуальным данным серий из адыгейских могильников: 1–3 – Глебовка; 4 – Новороссийск; 5–7 – Жанэ; 8 – Новомихайловка; 9 – Ханская; 10–15 – Ново-Кувинский; 16–18 – Кубина; 19–20 – Жако; 21–29 – Горячеводская; 30–38 – Каррас; 39 – Николаевская; 40 – Лескен; 41 – Алтасте; 43–47 – Аушедз; 42 – череп из медного гроба (на графике отмечен *)

Fig. 1. Analysis of the main components according to individual data of the series from the Adyghe burial grounds: 1–3 – Glebovka; 4 – Novorossiysk; 5–7 – Zhane; 8 – Novomikhailovka; 9 – Khanskaya; 10–15 – Novo-Kuvinsk; 16–18 – Kubina; 19–20 – Zhako; 21–29 – Goryachevodskiy; 30–38 – Karras; 39 – Nikolaevka; 40 – Lesken; 41 – Altaste; 43–47 – Aushedz; 42 – a skull from a copper coffin (marked on the graph *)

Кубина отличается крайне высокой величиной назо-малярного угла, характерного скорее для монголоидных серий, что уже отмечалось ранее (Алексеев, 1961, с. 219; Дружинина, 2014, с. 198-199), от этого образца изучаемый нами краниум из воинского погребения близ г. Крымск также показательно далек.

Следующей задачей изучения останков воина из погребения у г. Крымск являлись травматические повреждения, зафиксированные на скелете. Чаще всего, при работе с палеоантропологическими коллекциями, установить причину смерти индивидов или вовсе невозможно, или же затруднительно. Тем более интересно, когда при исследовании скелета мы можем четко ответить на вопрос, что стало причиной смерти. Обсуждаемый нами индивид – тот самый редкий случай.

Несмотря на то, что музей, в фондах которого дольше столетия находились изучаемые

нами комплекс, за это время пережил различные перипетии, в том числе и эвакуацию в годы ВОВ, большая часть не крупных костей сохранилась. В первую очередь, это относится к позвонкам и ребрам. В предварительном сообщении, посвященном введению в научный оборот обнаруженного в фондах КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына комплекса, уже обсуждались травматические повреждения, зафиксированные нами на костях скелета (Абрамова, Дружинина, 2022, с. 14). Однако, краткость сообщения не позволила обсудить эти травмы более подробно. Первое ранение приходится в область поясничных позвонков. Судя по следам на поверхности кости, стрела прошла между третьим и четвертым поясничными позвонками с левой стороны (рис. 2). Пройдя по касательной, стрелой были срезаны небольшие фрагменты с поверхности остистых отростков обоих позвонков и тела

Рис. 2. Следы травмы на поясничных позвонках
Fig. 2. Injury traces on the lumbar vertebrae

четвертого поясничного позвонка. Судя по направлению, стрела прошла почти параллельно земле, однако, ее кончик был направлен вниз под небольшим углом. Сохранился наконечник стрелы, которой было нанесено ранение. Это наконечник с подромбическим вытянутым пером, линзовидным сечением, с асимметричными (вогнутым и выпуклым) плечиками, без упора. Тип 46, датировка широкая: с рубежа н.э. до кон. XIII в. (Медведев, 1966. С. 67-68). Тип А11, датируется XI–XIV вв. (Руденко, 2003. С. 78, 219. Таб. 41). Распространены в памятниках Центрального и Восточного Кавказа в домонгольское время

(Мамаев и др., 1983. С. 61, 64–67. Рис. 9, 21). Поверхность и черешок наконечника слегка изогнуты и полностью совпадают с поверхностью травмы.

След еще одного травматического поражения был зафиксирован на внутренней поверхности 7-го правого ребра (рис. 3). Повреждение находится почти в середине тела ребра и судя по форме следа, также было нанесено заостренным предметом, вероятнее всего, стрелой. Положение повреждения и его направленность заставляют нас думать, что оно было нанесено другой стрелой, вошедшей с левой стороны в мягкие ткани живота и застрявшей в ребре. Направление полета стрелы – снизу вверх.

Нет никаких сомнений, что обе травмы привели к смерти обсуждаемого нами индивида.

Последний сюжет требующий обсуждения – морфометрическая характеристика длинных костей скелета. Кости рук у мужчины из бронзового гроба средней длины, а кости ног характеризуются большими размерами (табл. 3). Плечевая кость достаточно массивная. Величина указателя массивности бедренной кости близко к среднему значению межгрупповой средней (Рогинский, Левин, 1978, с. 76). Для локтевой кости характерна платоления. Указатель уплощенности верхней части диафиза бедренной кости указывает на эуримерию. Форма верхней части диафиза большой берцовой кости на уровне питательного отверстия характеризуется мезокнемией.

Восстановление длины тела проведено с учетом продольных пропорций сегментов

Рис. 3. Травма на внутренней стороне ребра
Fig. 3. Injury on the inner side of the rib

Таблица 3. Морфологическая характеристика костей скелета из бронзового гроба
 Table 3. Morphological characteristics of the skeleton bones from the bronze coffin

Признак, № по Р. Мартину	Правая	Левая
Плечевая кость		
1. Наибольшая длина	-	333
2. Общая длина	-	330
3. Ширина верхнего эпифиза	-	50,5
4. Ширина нижнего эпифиза	-	60,5
5. Наибольший диаметр середины диафиза	-	22,4
6. Наименьший диаметр середины диафиза	-	20,2
7. Наименьшая окружность диафиза	-	67,5
7а. Окружность середины диафиза	-	68
9. Наименьшая ширина головки	-	-
10. Вертикальный диаметр головки	-	47
14. Ширина локтевой ямки	-	27,6
H7:H1. Указатель массивности	-	20,3
H6:H5. Указатель поперечного сечения диафиза	-	90,2
H7:H7а. Коэффициент сужения	-	99,3
Лучевая кость		
1. Наибольшая длина	-	250
2. Суставная длина	-	238
3. Наименьшая окружность диафиза	42	42
4. Поперечный диаметр диафиза	17	15,5
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12,5	13
5 (6). Ширина нижнего эпифиза	-	30,5
R3:R1. Указатель массивности	-	16,8
Локтевая кость		
1. Наибольшая длина	-	270
2. Суставная длина	-	240
11. Сагиттальный диаметр диафиза	11,2	12
12. Ширина диафиза	15	15,2
13. Верхняя ширина диафиза	20	19,8
14. Верхний сагиттальный диаметр	25,5	24,5
3. Наименьшая окружность диафиза	-	32
U3:U1. Указатель массивности	-	11,9
U13:U14. Указатель платолении	78,4	80,8
Ключица		
1. Наибольшая длина	152	156
2а. Высота изгиба диафиза	30	27
4. Вертикальный диаметр	11,8	13,1
5. Сагиттальный диаметр	16,3	13,6
6. Окружность середины диафиза	44	42
Лопатка		
1. Морфологическая высота	155	-
2. Морфологическая ширина	108	-
11. Наибольшая длина клювовидного отростка	44,5	-
12. Длина суставной впадины	37	-
13. Ширина суставной впадины	26	-
Указатель морфологической ширины	69,7	-
Крестец		
1. Длина передней поверхности	99	
2. Передняя высота	85	
5. Верхняя ширина	104	

Широтно-высотный указатель	122,4	
Таз		
2. Ширина таза	240	
9. Высота подвздошной кости	213	
Бедренная кость		
1. Наибольшая длина	486	484
2. Длина в естественном положении	483	481
21. Мышелковая ширина	81,5	82
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	30,7	29,2
7. Поперечн. диаметр середины диафиза	25,7	26,2
9. Верхняя ширина диафиза	28,5	29,8
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	27	26,5
8. Окружность середины диафиза	87	86
23. Набол. сагит. диам. наружного мышц.	63	62
15. Вертикальный диаметр шейки	33	33
19. Ширина головки	45,5	45,5
18. Вертикальный диаметр головки	46	46,5
14с. Длина шейки	56,5	51
F10:F9. Коэффициент платимерии	94,7	88,9
F8:F2. Указатель массивности	18,0	17,9
Большая берцовая кость		
1. Полная длина	386	389
1а. Наибольшая длина	393	393
2. Суставная длина	372	374
3. Наиб. ширина верхнего эпифиза	75	76
6. Наиб. ширина нижнего эпифиза	52	53
8. Сагит. диаметр середины диафиза	29,7	32,5
9. Поперечн. диам. середины диафиза	-	21,4
8а. Сагит. диаметр на уровне F. nutr.	35	35,5
9а. Поперечный диаметр у F. nutr.	23,3	22,4
10. Окружность середины диафиза	-	85
10b. Наименьшая окружность диафиза	72	72
7. Сагит. диаметр нижнего эпифиза	39,5	40
T10:T1. Указатель массивности	-	21,9
T9a:T8a. Указатель платикнемии	66,6	63,1
T10b:T10. Коэффициент сужения	-	84,7
Малая берцовая кость		
1. Наибольшая длина	379	383
2. Наиб. ширина середины диафиза	14,7	14,3
3. Наим. ширина середины диафиза	12,9	11,5
4. Окружность середины диафиза	45	42
f4:f1. Указатель массивности	11,9	11,0

нижней конечности и только по размерам костей ног (привлечены формулы Дюпертуйи-Хэддена, Брайтингера, Чёрного-Коменды). Реконструируемая длина тела составляет 176-178 см, что по рубрикации Р. Мартина попадает в категорию больших, а по рубрикации Д.В. Пежемского в категорию очень больших (Пежемский, 2011, с. 88).

Для черепа обсуждаемого индивида характерна брахикранный черепная коробка.

Лицевой отдел обладает в основном средними размерами, за исключением большого поперечного диаметра. Нос узкий и среднеширокий. Горизонтальная профилировка лица свидетельствует о принадлежности данного индивида к большой европеоидной расе, без примеси монголоидного компонента.

Реконструируемая длина тела по рубрикации Р. Мартина попадает в категорию боль-

ших. А травматические повреждения на посткраниальном скелете позволяют судить, что данный индивид погиб в результате, по крайней мере, двух ранений, нанесенных стрелами.

Проведенный анализ с применением метода главных компонент показал высокое сходство черепа мужчины из погребения близ г. Крымск с материалами, полученными в ходе раскопок могильников Аушедз, Каррас и Глебовка, что указывает на его принадлеж-

ность оседлому населению Северо-Западного Кавказа – непосредственным предкам современных адыгов или абазин. Вполне вероятно, что этот человек был одним из тех представителей высшей прослойки местной знати, в чьих руках оказался контроль над поставками в Мамлюкский султанат военных рабов. Его жизнь оборвалась незадолго до того, как в Каире к власти пришел первый султан новой, черкесской династии, принявший имя аз-Захир Баркук (1382-1389, 1390-1399).

Примечание:

¹ Результатам комплексного исследования археологических находок из погребения посвящена отдельная публикация. В данной работе представлена их краткая характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.Н., Дружинина И.А. Материалы элитарного воинского погребения XIV в. с территории Закубанья // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. Н. В. Гинькут, Ю.А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2022. С. 13–18.

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II / Ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. С. 208–220.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Батиева Е.Ф., Кашибадзе В.Ф. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Аушедз) // В поисках неслучайной изменчивости. Сборник статей в честь 90-летия Генриэтты Леонидовны Хить / Отв. ред. И.Г. Широбоков. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–115.

Белов М.А., Раев Б.А. Могильник Аушедз как источник по истории племен Северо-Западного Кавказа в эпоху Средневековья / Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. II Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2019. 82 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: современный и ископаемый человек / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 28. М.: АН СССР, 1955. 585 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. №15. С. 158–189.

Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. №1 (2). С. 39–63.

Дебец Г.Ф. К унификации краниологических исследований // Антропологический журнал. 1935. № 1. С. 118–124.

Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.

Дружинина И.А. О группе средневековых курганов бассейна Верхней Кубани // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 196–212.

Дружинина И.А. О группе погребений в «медных гробах» на территории Северо-Западного Кавказа // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (MMXIV) I / Отв. ред. Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. С. 263–276.

Дружинина И.А. К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения». Материалы международной конференции (Грозный, 18-21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 211–214.

Дружинина И.А. Сабля // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки / сост. М.Г. Крамаровский. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 113 (инв. № ИМ/М-87/1).

Дружинина И.А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. в свете материалов археологии // *Vyzantino Caucasică*. Вып. 2. / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М.: ИВ РАН, 2022. С. 201–232.

Дружинина И.А., Пежемский Д.В. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье 1881 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 34–37.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИНИИСФ, 1983. С. 44–80.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Методика полевых археологических исследований. Вып. 11 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. 112 с.

Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // ВА. 1960. Вып. 3. С. 118–129.

Пащикова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.

Пащикова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Саратов. ун-т, 1978. 320 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.

Пежемский Д.В., Харламова Н.В. Методический семинар по коннекции краниометрических программ // ВА. 2013. № 2 (24). С. 169–172.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Широбоков И.Г., Казарницкий А.А., Учанева Е.Н. Методическое пособие по предварительной экспертизе скелетных останков для участников поисковых отрядов. СПб.: Дом молодежи Санкт-Петербурга, 2013. 56 с.

The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York, 2003.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Bd. II. Krianiologie. Osteologie. Jena: Gustav Fisher, 1928. 754 s.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution. Chicago, 1978. 172 p.

Информация об авторах:

Абрамова Александра Николаевна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических фондов Государственного бюджетного учреждения культуры Краснодарского края “Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д.Фелицына” (г. Краснодар, Россия); abramovasacha0902@gmail.com

Дружинина Инга Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия); inga_druzh@mail.ru

REFERENCES

Abramova, A. N., Druzhinina, I. A. 2022 In Gin'kut, N. V., Pronina, Yu. A. (eds.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean*

Region and the Countries of the East). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 13–18 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1961. In Anfimov, N. V. (ed.). *Sbornik materialov po arkheologii Adygei (Collection of Materials on the Archaeology of Adygea)* vol. II. Maikop, 208–220 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Batieva, E. F., Kashibadze, V. F. 2020. In Shirobokov, I. G. (ed.). *V poiskakh nesluchaynoy izmenchivosti. Sbornik statey v chest' 90-letiya Genrietty Leonidovny Khit' (In search of non-random variability. Collection of papers in honor of the 90th anniversary of Genrietta Leonidovna Khit)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 96–115 (in Russian).

Belov, M. A., Raev, B. A. 2019. *Mogil'nik Aushedz kak istochnik po istorii plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v epokhu Srednevekov'ya (The Aushedz Cemetery as a Source for the History of the Northwest Caucasian Tribes in the Middle Ages)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii (Materials and Studies on Archaeology of South of Russia) II. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gerasimov, M. M. 1955. *Vosstanovlenie lica po cherepu: sovremennyy i iskopaemyy chelovek (Facial reconstruction from the skull: modern and fossil human)*. Series: Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series) 28. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: “Vostochniy gorizont” Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNC RAN (Bulletin of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research)* 15, 158–189 (in Russian).

Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. 2 (1), 39–63 (in Russian).

Debets, G. F. 1935. In *Antropologicheskii zhurnal (Anthropological Journal)* (1), 118–124 (in Russian).

Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 196–212 (in Russian).

Druzhinina I. A. 2014. In Tokareva, E. P., Lushin, V. G. (eds.). *Shtriki k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiya, istoriya, etnografiya (Traits to portraits of bygone eras. Archaeology, history, ethnography)* Book (MMXIV) I. Zimovniki: Zimovnikovsky Museum of Local Lore, 263–276 (in Russian).

Druzhinina I. A. 2016. In Mamaev, Kh. M. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo nasledia narodov Kavkaza. XXIX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (Study and preservation of archaeological heritage of the peoples of Caucasus. The XXIX-th Krupnov's reading. Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Grozny: Chechen State University, 211–214 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2019. In Kramarovskii, M. G. (ed.). *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid Empire. Exhibition catalog)*. Moscow: “Fond Mardzhani” Publ., 1113 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2022. In Chkhaidze, V. N. (ed.). *Byzantino Caucasica*, 2. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 201–232 (in Russian).

Druzhinina, I. A., Pezhemskii, D. V. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda v Kazani (Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* vol. III, Kazan: Otechestvo Publ., 34–37 (In Russian).

Zubov, A. A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Odontology. Anthropological Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mamaev, Kh. M., Chakhkiev, D. Yu., Dautova, R. A. 1983. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye arkeologicheskie materialy po srednevekovoi istorii Checheno-Ingushetii (Recent Archaeological Materials on the Medieval History of Chechen-Ingushetia)*. Grozny: TINEST, 44–80 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. (ed.). 2020. *Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh (Methods of working with paleoanthropological materials in the field)*. Series: Metodika polevykh arkeologicheskikh issledovaniy (Methodology of Field Archaeological Research). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nikityuk, B. A. 1960 In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (3), 118–129 (in Russian).

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditinskoi osteologii (Essays on Forensic Osteology)*. Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

Pashkova, V. I., Reznikov, B. D. 1978. *Sudebno-meditinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam (Forensic identification of a person by bone remains)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Pezhetskii, D. V. 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia (Variability of Longitudinal Dimensions of Human Tubular Bones and Possibilities for Reconstruction of the Constitution)*. Diss. of Candidate of Biological Sciences. Moscow (in Russian).

Pezhetskii, D. V., Kharlamova, N. V. 2013. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* 24 (2), 169–172 (in Russian).

Roginsky, Ya. Ya., Levin, M. G. 1978. *Antropologiya (Anthropology)*, Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Shirobokov, I. G., Kazarnitsky, A. A., Uchaneva, E. N. 2013. *Metodicheskoe posobie po predvaritel'noy ekspertize skeletnykh ostankov dlya uchastnikov poiskovykh otryadov (Methodological supplies for the preliminary examination of skeletal remains for members of search teams)*. Saint Petersburg: "Dom molodezhi Sankt-Peterburga" Publ. (in Russian).

2003. *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353*. New York.

Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie*. Jena: Gustav Fisher.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution*. Chicago.

About the Authors:

Abramova Alexandra N., Candidate of Historical Sciences, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D.Felitsyn. Gimnazicheskaya, str., 67, Krasnodar, 350000, Russian Federation; abramovasacha0902@gmail.com

Druzhinina Inga A., Candidate of Historical Sciences, I Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Rozhdestvenskaya, str., 12, Moscow, 107031, Russian Federation; inga_druzh@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.347.357>

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ТАРАЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Г.И.ПАЦЕВИЧА

©2023 г.Е.Б. Байтанаев

Статья посвящена деятельности советского археолога Пацевича Г.И. Ранняя трудовая биография ученого связана с Джамбульским археологическим пунктом, созданным в 1938 году управлением по делам заповедников и охраны памятников старины при СНК КазССР. Будучи одним единственным работником этого учреждения, Г.И. Пацевич внес значительный вклад в изучение памятников археологии современного города Тараза и его округа. За годы работы в пункте он совершил ряд археологических разведок и раскопок, вел учет и следил за состоянием объектов историко-культурного наследия. Г.И. Пацевич занимался активной популяризацией памятников прошлого среди местного населения и писал научные труды. Рассмотренные работы ученого о памятниках Тараза – лишь небольшая часть научных исследований Г.И. Пацевича в его большом творческом наследии. Прежде всего это городище Тараз и некрополь Тектурмас.

Ключевые слова: археология, Г.И. Пацевич, Джамбульский археологический пункт, АН КазССР, археология, история, Долосы, Тараз, Тектурмас оссуарий, хум.

TARAZ ARCHAEOLOGICAL SITES IN G.I. PATSEVICH'S STUDIES

E.B. Baitanayev

The article deals with the scientific activity of the Soviet archaeologist G.I. Patsevich. The scientist's early work biography is associated with the Dzhambul archaeological station, founded by the Department for conservancy areas and protection of ancient monuments under the Council of People's Commissars of the Kazakh SSR in 1938. Being the only employee of this organization, G.I. Patsevich made a significant contribution to the study of Taraz archaeological sites and its vicinity. Over the years of work at the station, he carried out a number of archaeological surveys and excavations. He kept records and monitored the condition of historical and cultural heritage sites. G.I. Patsevich actively popularized the monuments of the past among the local population and wrote scientific works. The considered works of the scientist about the Taraz sites are only a small part of G.I. Patsevich's scientific research in his great creative heritage. First of all, these are the Taraz settlement and the Tekturmas necropolis.

Keywords: archaeology, G.I. Patsevich, Dzhambul archaeological station, Academy of Sciences of the Kazakh SSR, archaeology, history, Dolosy, Taraz, Tekturmas ossuary, khum.

Труды советского археолога Геронима Иосифовича Пацевича хорошо известны в литературе по истории Центральной Азии. За годы своей жизни Г.И. Пацевич опубликовал большое количество работ посвященных историко-культурному наследию, внесших неоценимый вклад в развитие археологической науки Казахстана.

Родился ученый 23 февраля 1893 года в деревне Шатрово Сушковской волости Витебской губернии (ныне Верхнедвинский район, Витебской области Республики Беларусь). В 1914 году он окончил Смоленское отделение Московского археологического института. Сразу же начать заниматься археологией будущему исследователю не удалось. Волею

судьбы он оказался на полях сражений первой мировой войны, где был ранен, отравлен газом и контужен. После войны, идя по стопам отца, он посвящает себя работе на железной дороге.

В августе 1933 года в биографии Г.И. Пацевича происходит крутой поворот, он был направлен Народным комиссариатом Просвещения РСФСР в Алма-Ату, где приступил к работе управляющим Алма-Атинским областным архивным управлением. В ноябре 1934 года был переведен на работу в Центральный музей Казахстана на должность ученого секретаря музея.

В июне 1938 года постановлением Республиканского Управления заповедниками,

зоопарками и охраны памятников старины при СНК КазССР в Джамбуле был организован Джамбульский археологический пункт (Далее: ДАП). Г.И. Пацевич переезжает в Джамбул и приступает к работе в пункте в качестве научного сотрудника, а в 1940 году становится его директором. Именно с Джамбульским археологическим пунктом связано начало его изыскательной деятельности и становление как ученого-археолога.

Статус ДАП кардинально меняется в 1946 году, когда решением Совнаркома КазССР пункт переходит в ведение созданного Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Личный архивный фонд Г.И. Пацевича, Д. 8, Л. 1-5).

Согласно отчетам, основными сферами деятельности ДАП были: «Учет, охрана и изучение археологических памятников и памятников архитектуры южных, наиболее насыщенных археологическими памятниками областей Казахстана, а именно Джамбульской, Южно-Казахстанской и Кзыл-Ординской, и в частности охрана и изучение территории древнего города Тараза... Наблюдение за выполнением учреждениями и отдельными лицами постановлений правительства, а также указаний по вопросам учета, охраны, изучения и реставрации археологических и архитектурных памятников... Оказание содействия археологическим экспедициям и отдельным научным работникам путем предоставления в их распоряжение, для работы добытых археологическим пунктом материалов и т.д.» (Личный архивный фонд Г.И. Пацевича, Д. 17. Л. 1, 1 об., Д. 19 Л. 2-3).

С момента основания пункта, во многом благодаря Г.И. Пацевичу в Джамбуле оживилась деятельность по изучению края в историческом и археологическом плане. Работая в ДАП Г.И. Пацевич, вел учет и следил за охраной памятников, проводил раскопки. Он совершил большое количество пеших маршрутов для изучения караванных маршрутов и археологических памятников Таласской долины. Особенно он интересовался топографией, вопросами локализации, хронологии и устройства средневековых городищ и поселений. Проводил он и научно-просветительскую деятельность: читал лекции по истории Джамбула и Джамбульской области в эфире радио, а также для работников различных учреждений и предприятий. Консультировал по вопросам

археологии работников краеведческого музея и преподавателей истории местных школ. Он регулярно публиковал статьи о различных находках артефактов, предстоящих экспедициях и археологических памятниках края в газетах «Коммунист» и «Казахстанская правда» (Личный архивный фонд Г.И. Пацевича, Д.17, Л. 2 об; Д. 18, Л. 5).

Следует отметить, что археологические памятники Таласской долины, а также непосредственно само городище Тараз привлекали к себе внимание различных ученых с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1893 академик В.В. Бертольд совершил научную поездку в центральную Азию с целью исследования археологических памятников. Выпущенный им вскоре «Отчет» пробудил у исследователей интерес к археологическому изучению региона и не потерял своей актуальности и по сей день (Бертольд, 1897).

В дореволюционный период изучением памятников археологии занимались члены Туркестанского кружка любителей археологии (далее: ТКЛА): В.А. Каллаур, В. Панков, П. Аничков, В. Лаврентьев.

С момента установления советской власти изучение Тараза и его окрестностей принимает систематический характер. Немалый вклад в изучение внес М.Е. Массон, предпринявший ряд поездок в окрестности Тараза в 1920-30-е гг (Бернштам, 1949, с. 7-9).

В 1936 году САЭ под руководством А.Н. Бернштама на городище Тараз был впервые заложен раскоп, давший многочисленный и интересный материал. Результаты раскопок привлекли внимание ученых к исследованию территории Тараза и в 1938 году Институтом истории и материальной культуры АН СССР совместно с казахским филиалом АН СССР была организована новая экспедиция в Таласскую долину, главной целью которой были раскопки составных комплексов городища Тараз. Начало экспедиции совпало с учреждением археологического пункта в Джамбуле и Г.И. Пацевич, являвшийся одним единственным работником пункта принимал непосредственное участие в раскопках. Экспедицией в разных местах городища было заложено 5 раскопов и 6 шурфов. (Личный архивный фонд Г.И. Пацевича, Д. 19, Л. 3).

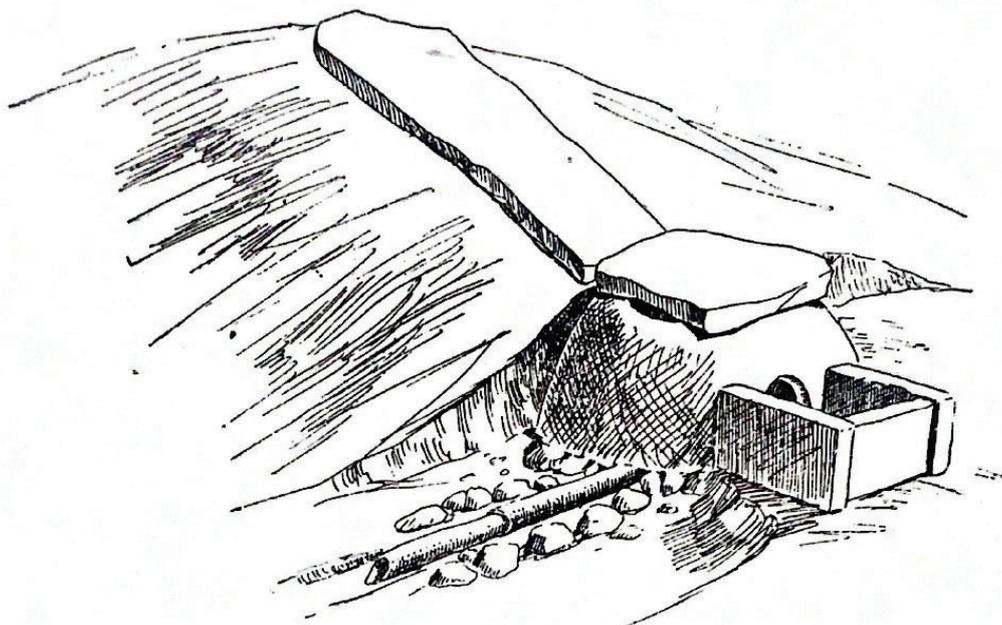

Рис. 1. Реконструкция керамической печи (Г.И. Пацевич).
Fig. 1. Reconstruction of ceramic kiln (G.I. Patsevich).

Раскопками были вскрыты жилые и общественные помещения, предвратные сооружения и стены города, водоснабжение и трубопроводы, частично была намечена топография города (расположение и характеры жилых помещений). Были исследованы культурные напластования в разные периоды жизни города. Большое внимание было уделено раскопкам городской бани. (Бернштам, 1940).

В 1940 году Г.И. Пацевичем были продолжены раскопки на городища при консультации А.Н. Бернштама. Было заложено два раскопа, причем один из них был устроен рядом с раскопом №1 1938 года, как бы являясь его продолжением. В целом, раскопки Г.И. Пацевича полностью подтвердили основные выводы о стратиграфии города, выявленной предыдущими раскопками и дали ряд новых материалов для изучения истории города и в частности керамического производства (Пацевич, 1956). Особый интерес у Г.И. Пацевича вызвали развалины небольшого сооружения – гончарной печи с двойными стенками и подведенной к основанию системой гончарных труб. Сама обжигательная камера – небольшого размера, судя по устройству печи, по мнению Г.И. Пацевича она служила для обжига небольших сосудов, требующих очень высокой температуры обжига (Пацевич, 1956, с. 76-79) (рис. 1, 2).

Предположения что современный город Тараз расположен на развалинах древнего города, известного по письменным источникам как Долосы или Яны-Талас, являвшегося центром историко-культурного района, выдвигались учеными неоднократно с момента начала археологического изучения края.

Позже, Г.И.Пацевич относительно этого вопроса в своей диссертации писал: «На территории современного города Джамбула в районе так. наз. зеленого базара, расположено городище, которое, как установлено в результате изучения исторических источников рядом исследователей - раскопок археологических экспедиций 1936,1938,1939 и 1940 г.г.- является остатками древнего города Тараз...» (Пацевич, 1954, 272-273). Ввиду этого, неудивителен факт системного выявления случайных находок жителями Джамбула, совершаемых, как правило, во время земляных работ и иной хозяйственной деятельности проводимой на территории города. Информацию об этом и сами находки Г.И. Пацевич тщательно собирал и документировал, при этом описывая обстоятельства обнаружения артефактов. Сообщения о находках он публиковал в газете «Коммунист», сопровождая свои статьи призывами к бережному отношению к артефактам: «Археологический пункт обращается ко всем гражданам области и города с прось-

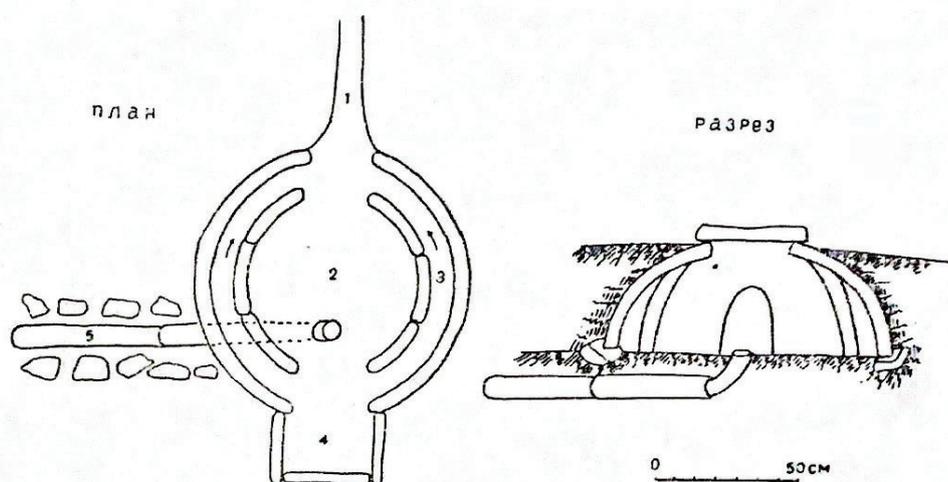

Рис. 2. План и разрез керамической печи (Г.И. Пацевич).

1 – дымоход; 2 – камера обжига; 3 – боковой ход; 4 – огневая камера; 5 – воздухоподводящая труба.

Fig. 2. Plan and section of ceramic kiln (G.I. Patsevich).

1 – chimney; 2 – firing chamber; 3 – side way; 4 – fire room; 5 – air supply pipe.

бой сдавать все находимые во время земляных работ древние предметы в музей археологического пункта, находящийся в городе Джамбуле...» (Пацевич, 1941б).

Сводка случайных находок Пацевича с городища Тараз, изобилует в газете «Коммунист» того времени. В 1940 году на территории Джамбульского свеклосовхоза был найден клад монет (более 150 штук) и обломки неполивных сосудов. По определению Г.И. Пацевича это диргеми – монеты из низкопробного серебра чеканки династии Караханидов, датируемые XI в. (Пацевич, 1949а). В 1941 г. одним из жителей Джамбула на Грозненской улице были найдены несколько лепных сосудов, сделанные путем наращивания отдельных полос с геометрическим, растительным, желобчатым орнаментом. Один из сосудов (чилиим) с носиком в форме головы животного, круглыми ушами и небольшими рогами. Здесь же обнаружены обломки других поливных и неполивных сосудов, изделия из бронзы и железа. Датируется керамика VIII – XII вв. (Пацевич, 1941б). В 1948 на стадионе «Динамо» при земляных работах обнаружили остатки древнего сооружения выложенного из крупного колотого камня. Здесь же найдено значительное количество различной керамики караханидского времени: чирагов, чаш и другой столовой посуды. (Пацевич, 1948, б) В том же году на территории химкомбината Каратау при прокладке дороги был найден

крупный глиняный сосуд, датированный Г.И. Пацевичем VIII-X вв. (Пацевич 1948 № 127). В 1949 году на территории кирпичного завода, недалеко от свеклосовхоза, рабочими был найден клад монет (идентичен описанному выше) и обломки хума. Монеты лежали в небольшом сосуде – кумгане (Пацевич, 1949а).

Особое внимание Г.И. Пацевичем было уделено культовым археологическим объектам края, в частности некрополям и их погребальным обрядам. Начиная с 1939 года он изучает зороастрийские обрядово-культовые традиции жителей древнего Тараза. Пацевича заинтересовал некрополь Тектурмас, расположенный на возвышенности у правого берега реки Талас. Его энтузиазму и неудержимому научному интересу проявленного во время изучения некрополя Тектурмас, свидетельствуют ряд публикации в газетах и научной изданиях. Первая публикация о результатах исследований была напечатана в газете «Коммунист» в 1941 году, затем последовали еще две статьи в этой же газете в 1949 и 1950 гг (Пацевич, 1941а; Пацевич, 1949б; Пацевич, 1950). В Трудах САЭ «Таласская долина» имеется раздел посвященный Тектурмасу за авторством Г.И. Пацевича (Пацевич 1949в, с. 140-147), в известиях АН Каз.ССР в 1948 году была опубликована еще одна статья ученого (Пацевич, 1948а, с. 98-104).

О находках костей в специальных керамических сосудах еще в дореволюционное время писал В.А. Каллаур – член ТКЛА. Так в 1894-1895 гг. при земляных работах между церковью и базарной площадью были найдены оссуарии с костями, причем один из них находился в кирпичной кладке из сырца. К сожалению, находки были разбиты рабочими и не сохранились. Несмотря на то, что сами сосуды ученый не видел, он сделал верное предположение что находки имеют отношение к зороастрийскому погребальному обряду (Протоколы заседаний..., с. 400-402).

В 1904 году В.А. Каллауру все же удалось задокументировать астодан (оссуарий). Тогда при планировке Базарной улицы, около «мучного базара» было вырыто несколько сосудов: оссуарий с выпуклой крышечкой с ручкой в виде петли и хумы с человеческими останками. По-видимому это первая исследованная находка оссуариев на территории Джамбула (Ремпель, 1957, с. 102; Пацевич 1949в, с. 141).

Работник «Средазкомстариса» М.Е. Массон, неоднократно посещавший Джамбул, в 1927 году произвел здесь раскопки, в результате чего был обнаружен непо потревоженный зороастрийский оссуарий. (Умняков, 1928, с. 268-269)

В 1931 году в прилегающей к «мучному базару» территории при земляных работах рабочими были найдены два хума и поливной чираг, внутри одного из сосудов находились кости. В 1939 году близ того же «мучного базара» были обнаружены еще три хума с человеческими костями и чаши (Пацевич, 1948а, с. 98-99).

В 1932-1933 на холме Тектурмас при разработке каменных карьеров местным Райводхозом были обнаружены 9 или 10 сосудов из обожженной глины. Сосуды были овальной формы с выпуклыми крышками и окрашены в белый цвет. Внутри находились кости, а рядом на земле – черепа (Пацевич, 1948а, с. 100).

Сами раскопки на холме Тектурмас проводились ДАП под руководством Г.И.Пацевича в разных частях памятника в 1939 и 1941 гг. Эти исследования носили незапланированный характер и были направлены на спасение разрушаемого памятника. Сигналом для начала раскопочных работ в 1939 году были начавшиеся работы по извлечению камней с холма Тектурмас для строительства. В результате

был обнаружен хум с костями, впоследствии разбитый рабочими. При визуальном осмотре места разработки камней Пацевич Г.И. обнаружил большое количество выброшенных вместе с землей фрагментов костей и сосудов. Получив многочисленные сведения о костяных находках с холма Тектурмас, было решено произвести раскопки силами ДАП с целью предотвращения дальнейшего уничтожения памятника. Раскопки были осуществлены с 25 по 28 августа 1939 года в северо-западной части основного карьера (Пацевич, 1948а, с.100-101).

Всего было заложено восемь раскопов, два из которых (3 и 6) не дали никакого материала. В остальных же было найдено большое количество человеческих костей, некоторые беспорядочно лежали в кучках, другие находились в сосудах (хумах и оссуариях). Всего удалось обнаружить останки примерно 20 человек. В раскопе 1 были найдены кости собранные в кучку и несколько фрагментов неорнаментированных хумов. В раскопах 4, 7, 8 были найдены сосуды с костями, причем в двух сосудах было два скелета. В раскопах 2, 5 обнаружилось два целых скелета, по предположению Г.И. Пацевича положенных для очистки от мяса и оставленных на месте (Пацевич 1948а, с. 101-103) (рис. 3).

Г.И. Пацевич считал, что кладбище использовалось последователями культа Мазды Зороастра (огнепоклонниками). «Согласно требований этого культа, трупы умерших выставлялись на определенное время на открытое, преимущественно возвышенное место, называвшееся «дахма», для объедания их птицами, хищными животными или специально для этой цели содержащимися собаками. Очищенные таким способом от мяса кости... должны быть положены в костехранилище, недоступное для собаки, лисицы, волка, для дождевых вод...» (Пацевич, 1941а).

Г.И. Пацевич выделил несколько видов костехранилищ на Тектурмасы: по его мнению кости более состоятельного населения хоронились в глиняных оссуариях с крышками, менее состоятельных – в хумах с соляным орнаментом, кости бедных слоев населения собирались в кучки и оставлялись на открытом воздухе (Пацевич, 1948а, с. 104).

Вызывает интерес данная Г.И. Пацевичем датировка этого кладбища. В газете «Коммунист» за 16 января 1949 года он дати-

Рис. 3. Хум с костями из раскопа № 4. Фото из архива Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Fig. 3. Khum with bones from excavation № 4. Photo from the archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan.

ровал захоронения VII–XII–XIII вв. В то же время, «Трудах САЭ, хронологические рамки несколько сужаются: VII–XI вв. (Пацевич 1949в, с. 144; Пацевич, 1949б).

Большая часть найденного при раскопках 1939 года остеологического материала была отправлена в 1941 г. в Ленинград в Музей антропологии и этнографии. Кости были изучены Е.В. Жировым. Однако начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы. Кратко результаты исследования были опубликованы лишь в 1949 г., черепа Е.В. Жировым были отнесены к европеоидному типу Среднеазиатского междуречья (Жиров, 1949, с. 266–272).

В мае 1941 года в связи с постройкой Таласской плотины на горе Тек-Турмас снова начались работы по выборке камня на вершине и северо-западном склоне горы. В ходе работ рабочими были затронуты конструкции

погребений выдолбленные в камне, внутри которых находились скелеты (так называемые каменные могилы). ДАП была организована экспедиция на Тектурмас с целью изучения уже обнаруженных могил и наблюдением за дальнейшей работой. Бригадам рабочих было установлено денежное вознаграждение за каждую найденную и ненарушенную могилу. Экспедиция заняла около полутора месяца (Пацевич, 1949в, с. 144).

Всего было вскрыто 43 могилы. Могильные ямы выдалбливались в каменном грунте на склонах возвышенности овальной или прямоугольной форм глубиной 0,25–0,45 м, длиной 0,60–2,50 м, шириной 0,30–0,60 м. Большинство могил сверху перекрывались плитами из известняка или песчаника. В пяти могилах скелеты находились в деревянных гробах. Двойное захоронение лишь одно – могила №15 с матерью и ребенком. Все

Рис. 4. Скелет из могилы № 12. Фото из архива Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Fig. 4. Skeleton from grave № 12. Photo from the archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan.

покойники лежали на спине головой на запад, юго-запад, и северо-запад. Ноги в большинстве случаев были вытянуты, в некоторых – изогнуты, либо положены крест-на-крест. Руки находились в районе живота либо таза. Погребальный инвентарь полностью отсутствовал, за исключением железных гвоздей в двух могилах (по-видимому использовавшихся для скрепления деревянных гробов) и небольшой бронзовой пластинки (Пацевич, 1949в, с. 144-145) (рис. 4).

Большинство найденных скелетов из 43 могил были также отправлены в Ленинград спустя 7 лет после окончания экспедиции - в 1948 году. По заключению В.В. Гинзбурга из 23 скелетов 12 оказались мужскими, 6 – женскими, пол остальных определить не удалось. На некоторых черепах отмечено уменьшение высоты задней его части темени, возможно, вследствие прижизненного давления. Затылки - средневыступающие, круглые, с развитым затылочным валиком, однако прямого уплощения затылка, характерного для современного населения Среднеазиатского междуречья, отмечено не было. В расовом отношении погребенные однородны, за исключением двух мужских черепов с более

гиперморфными чертами, являющиеся переходным типом от андроновского к типу среднеазиатского междуречья. В целом, расовый тип погребенных в каменных могилах сходен с типом из хумов, и также относится к европеоидному типу Среднеазиатского междуречья (Гинзбург, 1954, с. 388-391) (рис. 5).

По предположению Г.И. Пацевича захоронения в каменных плитах древнее чем захоронения в оссуариях на противоположном склоне горы, более точную датировку кладбища ему дать не удалось, ввиду отсутствия какого-либо погребального инвентаря. В свою очередь расположение могил в близости от зороастрийских погребений, без захода одних видов захоронений на территорию других дает основание предполагать о одновременном использовании захоронений жителями Тараза в период с VI по XII вв., либо о смене одних другими (Пацевич, 1949в, с. 146). Он также отмечает, что трупоположение головой на запад со сложенными на груди руками характерно для христианских захоронений Южного Казахстана VII-XII вв. В свою очередь А.Н. Бернштам датирует захоронения VI-VIII вв., а часть их считает буддийскими, по ориентировке трупов и положению правой

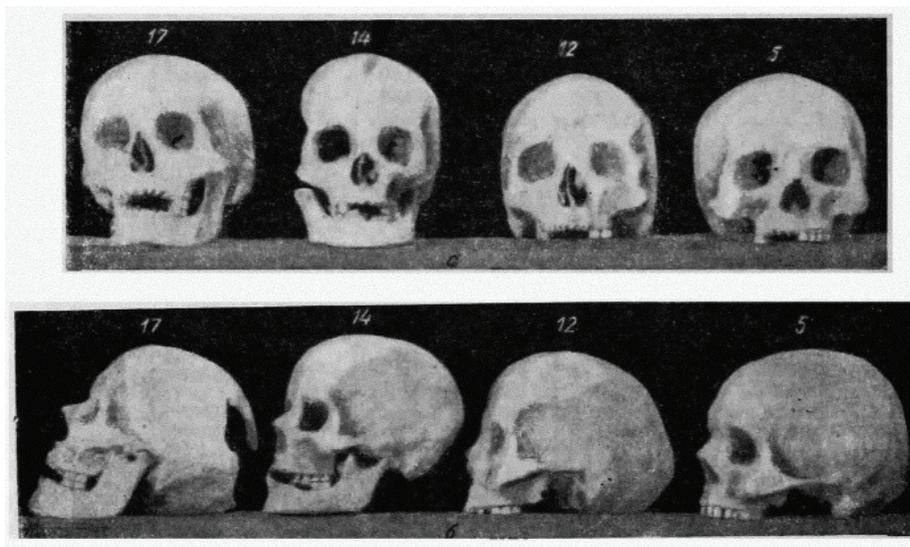

Рис. 5. Зарисовка черепов из каменных могил (В.В. Гинзбург).

Fig. 5. Drawing of skulls from stone graves (V.V. Ginzburg).

руки у горла в некоторых захоронениях (Пацевич, 1949в, с. 145-146).

В.В. Гинзбург обследовавший кости погребенных, подтверждает предположение Г.И. Пацевича о более раннем происхождении кладбища чем зороастрийских захоронений. По его мнению, способ погребения без вещей говорит о принадлежности захоронений к ранним последователям ислама, а данная им датировка кладбища VIII-IX вв. относится ко времени арабского завоевания и насаждения мусульманской религии (Гинзбург, 1954, с. 393).

Подобные Тектурмасу некрополи широко распространены на территории Средней Азии, Южного Казахстана и Жетысу. Наиболее близкий к Тектурмасу по характеру захоронений является некрополь городища Костобе. Городище расположено в 3 километрах на юго-восток от поселка Сарыкемер в Жамбылской области и отождествляется учеными с городом Джамукатом (Байпаков, 1998, с. 15).

В 1950 году очередные земляные работы затронули территорию «мучного базара», где сразу же в большом количестве стали встречаться хумы и оссуарии с костями. По причине отсутствия средств на планомерные раскопки в течение нескольких лет за находками вел наблюдение работники областного краеведческого музея, в частности Л.И. Ремпель (Ремпель, 1957, с. 102).

Наиболее многочисленные находки здесь пришлились на 1955 год, когда на хранение в музей поступило 9 целых оссуариев и два хума. Сосуды были украшены штампованными клеймами в виде пояса, иногда группами по три клейма. Мотивами клейм служи-

ли стилизованные изображения животных в геральдической позе, а в некоторых случаях радиальное изображение цветка или листьев. На некоторых оссуариях имелись крышки с наклепленными человеческими фигурками человеческих фигур (Ремпель, 1957, с. 103-107).

Кроме костехранилищ было вскрыто большое количество захоронений в склепиках и ящиках, служивших для хранения костей как в оссуариях и хумах. Конструкция таких сооружений была разнообразна. Наиболее простое – в вырытой ямке диаметром не более 0,8 м, кости складывались в кучку и засыпались галькой, иногда такие ямки закрывались сверху каменными плитами. Более сложные конструкции выполнены в виде небольшого ящика из жженого кирпича перекрытого сверху каменной плитой. Некоторые камеры перекрыты сводиками трапецевидной формы, которые выложены наклонными отрезками, а затем – рядом кирпичей плашмя. (Ремпель, 1957, с. 103) (рис. 6).

В статье освящена небольшая часть обширной археологической деятельности Г.И. Пацевича. Получив специальность ученого-археолога в Смоленском отделении Московского археологического Института и продолжив свою деятельность в Джамбульском археологическом пункте (где прошли его основные годы творчества), Г.И.Пацевич сформировался из простого провинциального исследователя, в крупного археолога – медиевиста. Его труды по городской культуре Казахстана, заложили основу для последующих исследователей средневековой археологии Центральной Азии

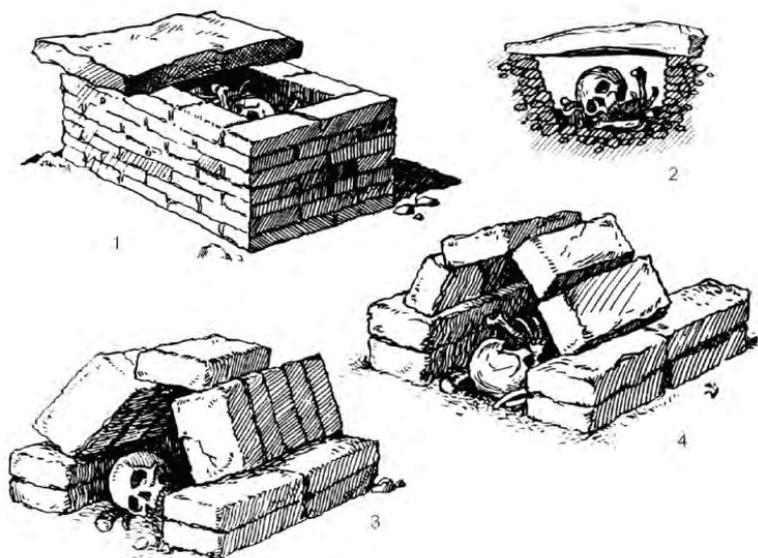

Рис. 6. Типы захоронений Таразского некрополя (Л.И. Ремпель). 1 – ямка под каменной плитой; 2 – камера из жженого кирпича; 3, 4 – склепки из сырцового кирпича.

Fig. 6. Types of Taraz necropolis burials (L.I. Rempel). 1 – pit under a stone slab; 2 – chamber, made of burned bricks; 3, 4 – crypts, made of mud brick.

и актуальны в настоящее время. Его основной научный труд – кандидатская диссертация «Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII-XV вв.», подготовленная и написанная в нелегкие предвоенные,

военные и послевоенные годы успешно была защищена в 1954 году и является основополагающим вкладом в фундамент формировавшейся академической археологической науки Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М.* Средневековые городища на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 235 с.
- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1897. 198 с.
- Бернштам А.Н.* Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. II / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: ГЭ, 1940. С. 177–183.
- Бернштам А.Н.* Общие данные о Таласе // Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. / Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Т. I / Под общ. ред. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: АН КазССР, 1949в. С. 7–16.
- Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана // СА. Вып. XXI / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 379–397.
- Жиров Е.В.* Черепа из зороастрийских погребений Средней Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. 10 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 266–272.
- Личный архивный фонд Г.И. Пацевича / Научный архив «Ғылым ордасы». Ф. 99. Оп. 1. Д. 8, 17–19.
- Пацевич Г.И.* Древнее кладбище на горе Тек-Турмас // Коммунист. 1941а. № 127.
- Пацевич Г.И.* Находка сосудов XII века // Коммунист. 1941б. № 139.
- Пацевич Г.И.* Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе (Отчет о рекогносцировке 1939 г.) // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 1 / Отв. ред. С.С. Черников. Алма-Ата: АН КазССР, 1948а. С. 98–104.
- Пацевич Г.И.* Археологическая находка на стадионе «Динамо» // Коммунист. 1948б. № 245.
- Пацевич Г.И.* Интересная находка // Коммунист. 1948в. №127.
- Пацевич Г.И.* Археологическая находка // Коммунист. 1949а. № 57.
- Пацевич Г.И.* Древний гуристан города // Коммунист. 1949б. № 11.
- Пацевич Г.И.* Древний гуристан Тараза на горе Тектурмас // Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. Т. I / Материалы и исследования по археологии Казахской ССР / Под общ. ред. А.Н. Бернштама. Алма-Ата: АН КазССР, 1949в. С. 140–146.
- Пацевич Г.И.* Древнее зороастрийское кладбище // Коммунист. 1950. № 67.

Пацевич Г.И. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 73–86.

Пацевич Г.И. Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII-XV вв. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1954. 410 с.

Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Ред. Г.Е. Абилдаева. Туркестан: Туран, 2011. 447 с.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1957. С. 102–115.

Умняков И.И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. 1928. Вып. 3. С. 265–276.

Информация об авторе:

Байтанаев Елнар Бауыржанович, докторант Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан); ebaitanaev@mail.ru

REFERENCES

Baipakov, K. M. 1998. *Srednevekovye gorodishcha na Velikom Shelkovom puti (Medieval fortified settlements on the Great Silk Road)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Bartold, V. V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu 1893-1894 gg. (Report on the visiting the Middle Asia with a research purpose in 1893-1894)*. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1940. In Yakubovsky, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Oriental Culture and Art of the State Hermitage)* 2. Leningrad: State Hermitage, 177–183 (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1949. In Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechye archaeological expedition. "Talas valley")*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhskoy SSR (Materials and studies on the archaeology of the Kazakh SSR). Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR, 7–16 (in Russian).

Ginzburg V.V. 1954. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 21. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 379–397 (in Russian).

Zhirov, E. V. 1949. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii (Anthropology and Ethnography Museum Collection of Papers)* X. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 266–272 (in Russian).

Lichniy arkhivniy fond G.I. Patsevicha (Personal Archive of G. I. Patsevich). Scientific archive "Gylym Ordasy". Fund. 99, inv. 1, dossier 8, 17–19 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1941a. In *Communist (Communist)* 127 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1941b. In *Communist (Communist)* 139 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1948. In Chernikov, S. S. (ed.). *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya arkheologicheskaya (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Archaeological series)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of Kazakh SSR Publ., 98–104 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1948b. In *Communist (Communist)* 245 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1948v In *Communist (Communist)* 127 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1949a. In *Communist (Communist)* 57 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1949b. In *Communist (Communist)* 11 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1949. In Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechye archaeological expedition. "Talas valley")*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhskoy SSR (Materials and studies on the archaeology of the Kazakh SSR). Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR, 7–16 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1950. In *Communist (Communist)* 67 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1956. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 73–86 (in Russian).

Patsevich, G. I. 1953. *Istoricheskaya topografiya gorodov i poseleniy yuga Kazakhstana VII-XV vv. (Historical topography of cities and settlements in the south of Kazakhstan in the VII–XV centuries)*. Diss. Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Abildaeva, G. E. (ed.). 2011. *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzha lyubiteley arkheologii. Istoriko-kul'turnye pamyatniki Kazakhstana (Protocols of meetings and messages of members of the Turkestan circle of amateur archaeologists. Historical and cultural sites of Kazakhstan)*. Turkestan: “Turan” Publ. (in Russian).

Rempel, L. I. 1957. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 69. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 102–115 (in Russian).

Umnyakov, I. I. 1928. In *Izvestiya Sredne-Aziatskogo komiteta po delam muzeev i okhrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody (Bulletin of the Central Asian Committee for museums and the protection of monuments of antiquity, art and nature)* 3, 265–276 (in Russian).

About the Author:

Baitanayev Elnar B., PhD student of Al-Farabi Kazakh National University. Al-Farabi Avenue 71, 050040, Almaty, Kazakhstan; ebaitanaev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 903.2 /094 «4/14»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.358.365>

К ВОПРОСУ О КЛЕЙМАХ НА ВИЗАНТИЙСКИХ АМФОРАХ (НА ОСНОВАНИИ НАХОДОК НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)¹

© 2023 г. А.Н. Масловский, С.Г. Бочаров

Статья посвящена изучению клейм на наиболее многочисленным в золотоордынском керамическом комплексе импортным византийским амфорам группы «Трапезунд», так же за ними закрепились описательные названия «амфоры с дуговидными ручками», реже – «грушевидные амфоры с дуговидными ручками». Амфоры этой группы составляют 99% всех находок импортной тарной керамики на территории Золотой Орды и поступали на протяжении всего периода существования в государстве оседлой жизни. Хотя клеймилось, вероятно, менее 1% амфор этой группы, общее число зафиксированных на различных памятниках клейм составляет уже несколько сотен. Более половины всех клейм на амфорах этой группы это эмблема в виде прямой сетки различных вариантов. Реже встречаются эпиграфические клейма с монограммами или полными формами имен или сложными лигатурами анаграмм. Византийские амфоры «трапезундской» группы с клеймами поступают на земли золотоордынского государства в первой половине XIV в.

Ключевые слова: археология, Византия, Золотая Орда, Северное Причерноморье, виноторговля, амфоры византийского производства, вопросы датирования амфорной тары, керамология, группа «Трапезунд», амфорные клейма.

ON THE ISSUE OF STAMPS ON BYZANTINE AMPHORAS (ON THE BASIS OF MATERIALS FROM THE TERRITORY OF THE GOLDEN HORDE)²

A.N. Maslovskiy, S.G. Bocharov

The article deals with the study of stamps on the most numerous imported Byzantine amphoras of the "Trebizond" group in the Golden Horde pottery assemblage. Amphoras of this group make 99% of all finds of imported container ceramics on the territory of the Golden Horde and came throughout the entire period of the existence of sedentary life in the state. More than half of all stamps on amphoras of this group are an emblem in the form of a straight grid of various variants. Less often there are epigraphic stamps with monograms or full forms of names or complicated ligatures of anagrams. Byzantine amphoras of the "Trebizond" group with stamps came to the Golden Horde in the first half of the XIV century.

Keywords: archaeology, Byzantium, Golden Horde, Northern Black Sea region, wine trade, amphoras of Byzantine production, chronology of amphoras, archaeology, ceramology, "Trebizond" ware, amphora stamps.

Время существования оседлых поселений на территории Золотой Орды во второй половине XIII - нач. XV вв. стало одновременно последним периодом бытования традиции производства греками транспортировочных амфор для вина и масла. В качестве торговой тары они уже на протяжении ряда столетий активно вытеснялись деревянными бочками. Одновременно с этим, уменьшалась территория Византии и государств, возникших в первой половине XIII в., после штурма кресто-

носцами Константинополя в 1204 г. Производство стандартной торговой тары предполагало наличие власти, которая бы контролировала это производство, и для которой его регламентация входила в число традиционных институтов. В это время, выпуск амфор был возможен только в регионах, где производство вина имело товарный характер, значительно превышающий местные потребности. Продажа вина была одним из основных стабильных источников дохода для элиты. Новый для

¹ Работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 4 «Археонет»).

² The article was prepared with the support of the Priority 2030 program of Sevastopol State University (strategic project No. 4 "Archeonet").

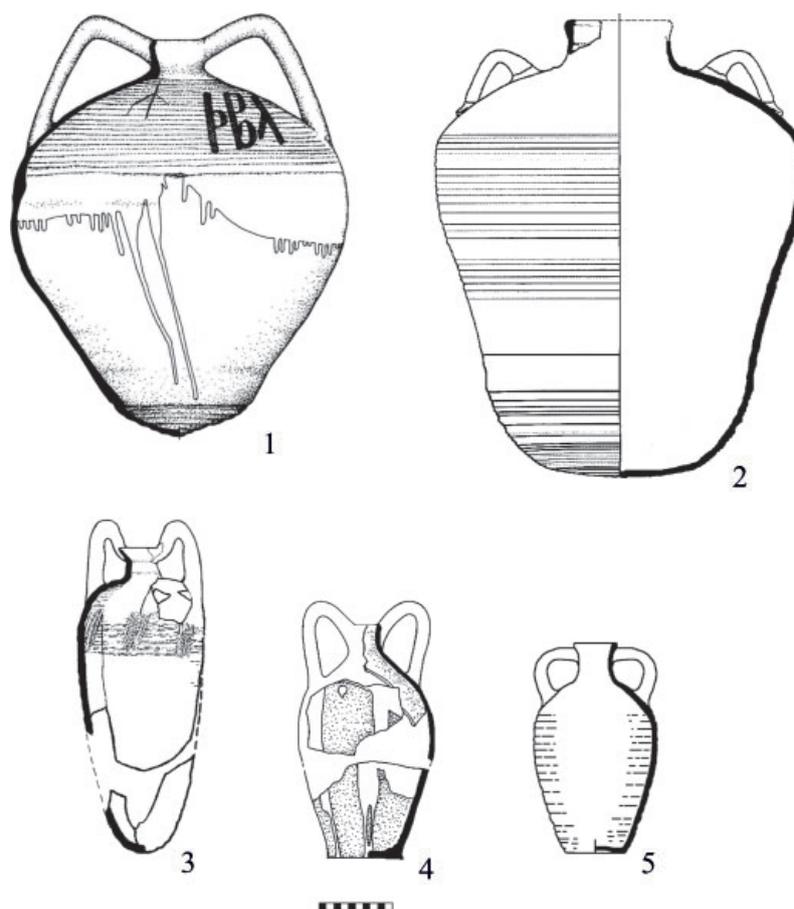

Рис. 1. Амфоры византийского круга на территории Золотой Орды: 1 – 1 группа (Трапезунд); 2 – 5 группа (светлоглиняные широкогорлые амфоры); 3 – 2 группа (Триллия); 4 – 3 группа (амфоры группы клейма SSS); 5 – 4 группа (желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом).

Fig. 1. Byzantine amphoras on the territory of the Golden Horde: 1 – 1 ware (“Trebizond”); 2 – 5 ware (white clay amphoras with wide neck); 3 – 2 ware (“Trillia”); 4 – 3 ware (amphoras of SSS stamp group); 5 – 4 ware (yellow clay amphoras with funnel-shaped neck).

Восточной Европы и ёмкий рынок - городов и селений Золотой Орды очень быстро становится ключевым для сбыта византийского вина. Благодаря чему византийское вино становится намного доступнее и для кочевников восточноевропейских степей.

Для Золотой Орды находки византийских амфор — это массовый материал. На настоящий момент можно выделить пять групп амфор (рис. 1), представленных на территории Золотой Орды. В группу объединяется продукция одного или нескольких расположенных поблизости производственных центров с общими технологическими традициями. По возможности, внутри группы выделяются изделия конкретных мастерских или центров со своими специфическими особенностями, которые объединяют в подгруппы. Подобная схема классификации конкретно для амфор

была разработана И.В. Волковым (Волков, 1989, с. 86-87; Волков, 1992, с. 143-144; Волков, 2005, с. 129-130, рис. 9).

Наиболее многочисленна в золотоордынском керамическом комплексе амфоры группы «Трапезунд» (рис. 1: 1). Она составляет 99% всех находок импортной тарной керамики на территории Золотой Орды и поступала на протяжении всего периода существования здесь оседлой жизни. Амфоры этой группы упоминаются в очень большом числе публикаций, как специализированных, посвященных изучению тарной керамики, так и информационных, посвященных обзору результатов полевых исследований. В литературе за ними закрепились описательные названия «амфоры с дуговидными ручками», реже - «грушевидные амфоры с дуговидными ручками».

И.В. Волковым был выстроен эволюционный ряд развития амфор этого производственного центра (Волков, 1993, с. 144-148; Волков, 1996, с. 91-93; Волков, 2005, рис. 9) на протяжении X-XIV вв. и обоснована его локализация (Волков, 1989, с. 91; Волков, 2001, с. 202-215). Обращение к письменным источникам подсказывает, что регионом, продукция которого могла бы так доминировать в винной торговле Причерноморья, наиболее вероятно выступал Трапезунд, как центр области Понт. Здесь существовало высокоразвитое виноградарство и именно для золотоордынского периода сохранилось много свидетельств вывоза вина из Трапезунда, Лимнии, Керасунта в Северное Причерноморье. В генуэзской Каффе, где можно было найти любое средиземноморское вино, вплоть до Южной Франции, тем не менее, вина из Трапезундской империи составляли 50% (Еманов, 1995, с. 120). В венецианской Тане эти вина продавались трапезундскими купцами беспошлинно (Карпов, 1981, с. 38). Вином оплачивались долги трапезундских императоров (Карпов, 1981, с. 31). Эти амфоры поступали в золотоордынский Азак не только до самого конца XIV, но и в начале XV вв. Объяснить их попадание в комплексы в качестве мусора, нельзя. Имеются полностью склеенные экземпляры конца XIV в. Для XV в. известны фрагментированные развалы (Зенюк, Масловский, 2018, с. 215). В их числе и самые крупные из известных амфор этой группы, которые в более ранний период просто не отмечены.

Это единственная группа поздневизантийских амфор, на которой, хоть и спорадически, осуществлялось клеймение. Хотя клеймилось, вероятно, менее 1% сосудов, общее число зафиксированных на различных памятниках клейм составляет уже несколько сотен, даже если брать находки только золотоордынского периода. Им посвящен ряд отдельных публикаций, а также разделы в более общих работах (Булгаков, 2000; Дюженко, 2001, с. 100-101; Тесленко, 2001, с. 123-129; Волков, 2001, с. 202-214; Чхайдзе, 2005, с. 96-117; Волков, 2019, с. 58-61; Масловский, 2006, с. 382-383). Клейма круглые в плане, диаметром около 2-3 см и оттиснуты всегда на основании ручки. Известно, что клеймились обе ручки (рис. 2) (Волков, 2001, с. 203). Иногда на основании одной ручки сделано два оттиска одного штампа (рис. 4: 18).

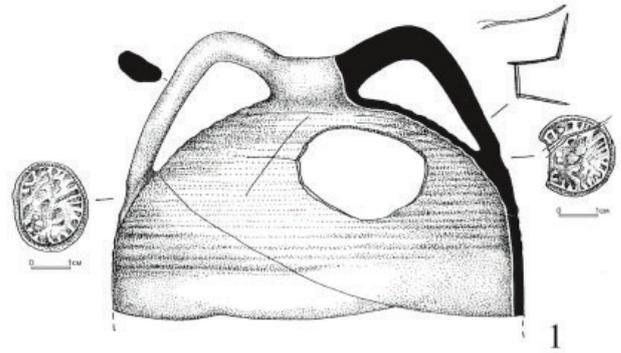

Рис. 2. 1 группа амфор (Трапезунд):
1 – Азак, ул. Чехова, 8, яма-14 (1991 г.).
Fig. 2. 1 ware (“Trebizond”):
1 – Azak, 8, Chekhova str., pit-14 (1991).

Относительно назначения клейм было высказано несколько точек зрения. Первая предполагает проставление клейм ремесленниками (Якобсон, 1951, с.336; Якобсон, 1979, с. 73-75). Здесь мысль несколько неточно сформулирована, поскольку имелось в виду, что их ставил производитель, а не заказчик. Это кажется достаточно очевидным, однако, неясно какова была цель этого маркирования.

Согласно второй концепции, предложенной В.В. Булгаковым, клеймение византийских амфор носило локальный характер и было связано с регулированием рынка Константинополя ведомством эпарха (Булгаков, 2001, с. 149-150). Именно наличие клейм на сосудах этой группы служит для исследователя решающим аргументом в пользу локализации их выпуска в Константинополе. Это предположение содержит ряд слабых мест. Например, оно не объясняет, почему в период XII-XIII вв. амфоры не клеймились, а в первой половине XIV в. неожиданно произошло возрождение. Вновь возросла роль ведомства эпарха? Но более существенно то, что виноградники и, соответственно, гончарные мастерские находились при любом варианте локализации за пределами городских земель и власть эпарха туда распространяться не могла.

По мнению Волкова И.В., клеймились амфоры, служившие эталоном для мелкооптовой торговли (Волков, 2001, с. 209-211, рис. 3). Веским доказательством в пользу этого предположения служит то, что именно на амфорах с клеймами засвидетельствован самый трудоёмкий из способов контроля стандартности сосудов с вырезанием отверстия. Эта версия

Рис. 3. 1 группа амфор (Трапезунд). Амфорные клейма: 1 – Азак, Петровский бул., 20, Р-ХVII, пл. 5 (2019 г.); 2 – Азак, ул. Толстого, 29 (2014 г.); 3 – Азак, Петровский бул., 20, Р-І, мост. 9 (2019 г.); 4 – Азак, ул. Ленина, 75Б, яма-8 (2009 г.); 5 – Азак, пер. Красноармейский, 34, яма-5 (2011 г.); 6 – Азак, Петровский бул., 46А, тр-я под элект. кабель (2017 г.); 7 – Азак, случайная находка; 8 – Азак, ул. Измайлова, 48 (2016 г.); 9 – Азак, ул. Толстого, 96Б, яма-20 (2013 г.); 10 – Азак, ул. Калинина, 65, газ. тр-я, яма-1 (2013 г.).

Fig.3. 1 ware (“Trebizond”). Stamps: 1 – Azak, 20, Petrovskiy blvd., tr.-XVII, pl. 5 (2019); 2 – Azak, 29, Tolstoy str., (2014); 3 – Azak, 20, Petrovskiy blvd. (2019); 4 – Azak, 75B, Lenin str., pit-8 (2009); 5 – Azak, 34, Krasnoarmeyskiy Per., pit-5 (2011); 6 – Azak, 46A, Petrovskiy blvd, (2017); 7 – Azak, chance find; 8 – Azak, 48, Izmailov str., (2016); 9 – Azak, 96B, Tolstoy str., pit-20 (2013); 10 - Azak, 65, Kalinin str., pit-1 (2013).

не объясняет, почему клеймение этой группы амфор в золотоордынский период было достаточно кратковременным. Аргумент о недостаточности находок других временных отрезков по прошествии десятилетий приходится, к сожалению, отбросить.

Согласно концепции, предложенной Е.А. Паршиной, клеймение амфор было монополией императорской власти, которая в особых случаях могла быть передана крупным земельным магнатам или монастырям (Паршина, 2001, с. 111-116). Поэтому большинство надписей должно содержать или

имена императоров или собственников эргастериев. Правда остаётся неясна цель такого маркирования, если принять во внимание его редкость.

Более половины всех клейм снабжены эмблемой в виде прямой сетки различных вариантов (рис. 3, 10; 4, 15-20). В случае определения источника этой эмблемы, проблема локализации этой группы амфор будет решена однозначно. Но пока такого решения, которое было бы убедительно, не предложено. По мнению И.В. Волкова, источником этой эмблемы являются изображения Голгофы в

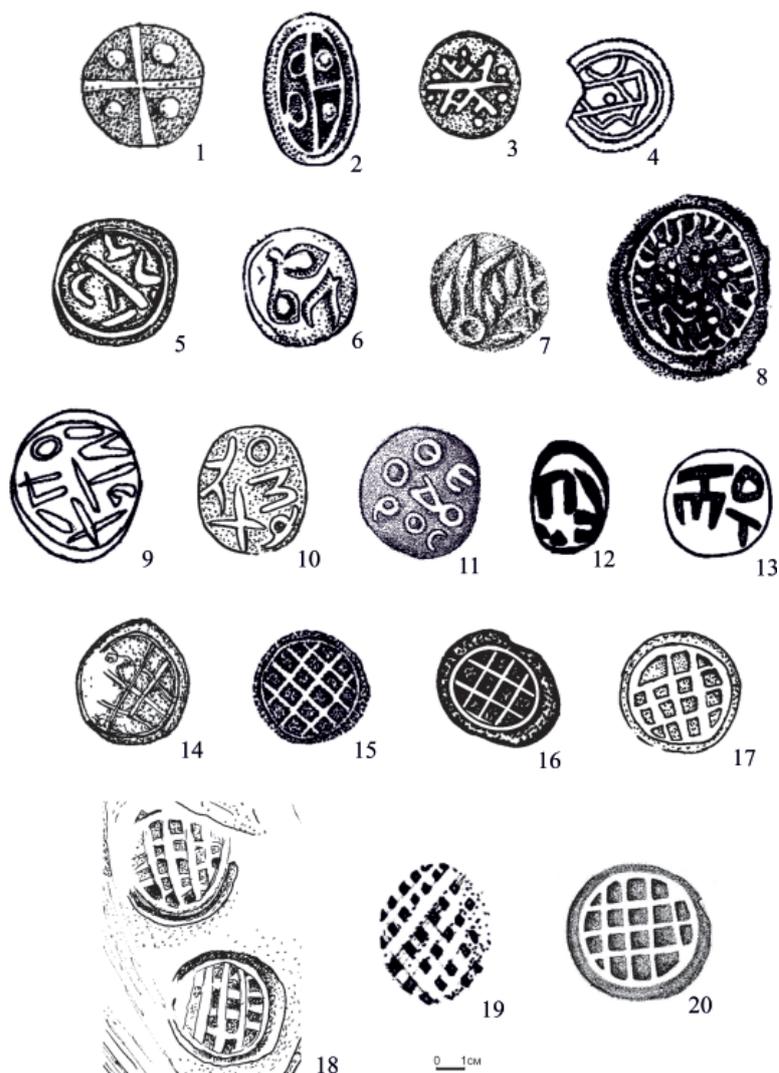

Рис. 4. 1 группа амфор (Трапезунд). Амфорные клейма: 1 – Азак, ул. Чехова, 8, яма-14 (1991 г.); 2 – Азак, ул. Толстого, 41, пл. 6 (2000 г.); 3 – Азак, ул. К. Либкнехта, 78, яма-9 (2007 г.); 4, 15 – Азак, ул. Мира, 45, яма-50 (2008 г.); 5 – Азак, ул. Толстого, 96Б, яма-20 (2013 г.); 6 – Азак, ул. Толстого, 41, жилище-50 (2003 г.); 7 – Азак, Петровский бул., 46, Р-II, яма-48 (2016 г.); 8 – Азак, ул. Московская 38/40, Р-V, яма-12 (1999 г.); 9 – Азак, ул. Ленина, 46, Р-II, яма-50 (2004 г.); 10, 17 – Азак, ул. Васильева, 81Г, яма-6, яма-8 (2010 г.); 11 – Азак, Петровский бул., 46А, тр-я под элект. кабель (2017 г.); 12 – Азак, ул. Комсомольская, случайная находка (1989 г.); 13 – Азак, Петровская пл., 12, ров 1 (2008 г.); 14 – Азак, ул. Васильева, 81В, Р-II, пл.3 (2014 г.); 16 – Азак, ул. Измайлова, 60, жил-4 (2010 г.); 18 – Азак, ул. Ленина, 53, мост. (2007 г.); 19 – Азак, ул. Толстого, 41, пл. 4 (2000 г.); 20 – Азак, ул. Измайлова, 48, жил-2 (2016 г.).

Fig. 4. 1 ware (“Trebizond”). Stamps: 1 – Azak, 8, Chekhov str., pit-14 (1991); 2 – Azak, 41, Tolstoy str., pl. 6 (2000); 3 – Azak, 78, K. Libknekht str., pit-9 (2007); 4, 15 – Azak, 45, Mira str., pit-50 (2008); 5 – Azak, 96B, Tolstoy str., pit-20 (2013); 6 – Azak, 41, Tolstoy str., con.- 50 (2003); 7 – Azak, 46, Petrovskiy blvd, tr.-II, pit-48 (2016); 8 – Azak, 38/40 Moskovskaya St., Tr.-V, pit-12 (1999); 9 – Azak, 46, Lenin str., Tr.-II, pit-50 (2004); 10, 17 – Azak, 81G, Vasilyev str., pit-6, pit-8 (2010); 11 – Azak, 46A, Petrovskiy blvd, (2017); 12 – Azak, Komsomolskaya str., chance find (1989); 13 – Azak, 12, Petrovskaya sq., con. 1 (2008); 14 – Azak, 81B, Vasilyev str., Tr.-II, pl.3 (2014); 16 – Azak, 60, Izmailov str., con.- 4 (2010); 18 – Azak, 54, Lenin str., (2007); 19 – Azak, 41, Tolstoy str., pl. 4 (2000); 20 – Azak, 48, Izmailov str., con.- 2 (2016).

виде сетчатого прямоугольника на трапезундских монетах (Волков, 2001, с. 210). Однако, неясно как эти изображения на редких монетах, более поздних по отношению к известным нам клеймам, стали для них прототипом.

Отмечен и ряд других эмблем, в том числе единичных (рис. 3, 1-3; 4, 1-4, 8). Среди последних особый интерес представляет клеймо с вариантом знака Палеологов (рис.4, 1) в виде креста с четырьмя дисками по углам.

Эта эмблема присутствует на монетах Андроника III (1328-1341 гг.) (Bendall, Donald, 1979, p. 147-175), что соответствует датировке находки из Азака. Казалось бы, это веский аргумент в пользу локализации производства «амфор с дуговидными ручками» в окрестностях Константинополя, и версия о месте производства подобных амфор в Трапезунде опровергнута. Как мог символ Палеологов попасть на трапезундское амфорное клеймо? Однако, в этом случае непонятно, почему столь простой и узнаваемый символ встречается так редко, а вместо него помещалась непонятная «сетка». Поэтому, на наш взгляд, редкость такой эмблемы как раз опровергает локализацию производства их на территории Византийской империи.

Есть более простое объяснение. Во время династической смуты в Трапезундской империи на короткое время в 1340-1341 гг. власть была узурпирована дочерью Андроника III – Ириной Палеологиней, которая могла использовать эмблему своего отца. Поэтому редкость клейма с крестом и четырьмя дисками по углам следует объяснять тем, что амфоры с подобными клеймами могли выпускаться очень короткий отрезок времени для розлива вина урожая 1340 г. При всей спекулятивности наших рассуждений, они не противоречат имеющимся фактам, включая датировку самой находки из Азака.

Несколько необычно появление на клейме греческой традиции гербового щита (рис. 3, 2), особенно если учесть, что размер и техника изображения не позволили поместить на щит эмблему.

Эпиграфические клейма встречаются реже. Среди них отмечены монограммы или реже полные формы имен. Но самым интригующими являются сложные лигатуры анаграммы (рис. 3, 5, 7-9; 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13), которые являются самыми настоящими ребусами и поэтому не могут быть в настоящий момент

однозначно истолкованы. При этом, именно эти клейма, как правило, оттиснуты недостаточно чётко. Некоторые из таких лигатур могут быть прочтены как обозначение рода трапезундских императоров - Великие Комнины и даже имеют аналогии на трапезундских монетах (Волков, 2019, с. 59-60, рис. 1, 7; 2).

Если считать, что большинство амфорных клейм должно содержать личные имена императоров, как полагают многие исследователи (Паршина 2001: 116), то, возможно, найдены клейма с монограммами не менее трех трапезундских императоров - Иоанна III (1342-1344 гг.) (рис. 3, 4), Ирины Палеолог (1340-1341 гг.) или Алексея II (1297-1330 гг.) / Алексея III (1349-1390 гг.) (Волков 1989: рис. 15, 9) и Василия (1332-1340 гг.) (рис. 4, 6). Причем, последнее клеймо по монетным находкам, сопровождающему керамическому материалу и стратиграфии, датируется концом 1330-1340 гг., т.е. совпадает со временем правления этого императора. Обоих же византийских императоров этого периода звали - Иоаннами - Иоанн V Палеолог (1341-1376 гг.) и Иоанн VI Кантакузин (1347-1354 гг.), а двух предыдущих Андроник – Андроник II (1282-1328 гг.) и Андроник III (1328-1341 гг.). Вместе с тем, найдены клейма с именами, не отмеченными среди императоров ни Византии, ни Трапезунда, как например, Феодорос (рис. 3, 6; 4, 11). Имя Георгиос встречено на амфоре, производство которой во время правления императора Трапезунда с таким именем хотя и возможно, но маловероятно.

В заключении отметим, что период клеймения амфор в золотоордынский период, вероятно, ограничен первой половиной XIV в., за исключением, может быть, единичных находок. Возможно, в дальнейшем его удастся сузить ещё больше. При приближении к изучаемой проблеме становится понятно, что анализ изображений на клеймах требует отдельной большой публикационной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков В.В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. 4(5). Доступно по URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm> (дата обращения 29.11.2023).

Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Сталос, 2001. С. 153–164.

Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье о взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. / Ред. Г.А Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1989. С. 85–102.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1992. С. 143—157.

Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 1996. С. 90—103.

Волков И.В. Трапезундские керамические клейма // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 202—215.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240-1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Т.1 / ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 122—159

Волков И.В. О возможной интерпретации некоторых клейм на амфорах «трапезундской» группы из Азака // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14—18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 58—61.

Дюженко Т.В. Средневековые граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 93—103.

Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 227 с.

Зенюк Д.И., Масловский А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 204—221

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XIV вв. М.: МГУ, 1981. 231 с.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308—473.

Паршина Е.А. Клейменная византийская амфора X в. из Ласпи // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 104—117

Тесленко И.Б. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морская торговля в северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 123-129.

Чаидзе В.Н. Византийские амфорные клейма из раскопок Таманского городища. // Боспорские исследования. Вып. 8/ Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2005. С. 95—117.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. Т. XV / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 325—344.

Bendall S., Donald P.J. The Later Paleologan Coinage (1282—1453). Bristol: Baldwin and Sons, 1979. 272 p.

Информация об авторах:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Азовского государственного историко-археологического и палеонтологического музея заповедника (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра «Археологические исследования», доцент кафедры Всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

REFERENCES

Bulgakov, V. V. 2000. In *Vostochnoevropejskij arheologičeskij žurnal (East European archaeological journal)* 4 (5) Available at: <http://archaeologu.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm> accessed 29.10.2023) (in Russian).

Bulgakov, V. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 153—164 (in Russian).

Volkov I.V. 1989. In Fedorov-Davydov G.A (ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e o vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII-XVI vv. (Northern Black Sea and the Volga regions on the relations between East and West in the XII—XVI centuries)*. Rostov-na-Donu: Rostov University, 85—102 (in Russian)

Volkov I. V. 1992. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)* 1. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 143–157 (in Russian).

Volkov I. V., 1996. In: Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istorii i arkhologii (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 12. Veliky Novgorod, 90–103 (in Russian).

Volkov, I. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaya trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 202–215 (in Russian).

Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sbornik nauchnykh trudov (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)* I. Kiev: «Stilos» Publ., 122–159 (in Russian).

Volkov, I. V. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 58–61 (in Russian).

Dyuzhenko, T. V. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaya trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 93–103 (in Russian).

Emanov, A. G. 1995. *Sever i Yug v istorii kommertsii: na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the history of commerce: on the materials of Kaffa of the XIII–XV centuries)*. Tyumen: "Rutra" Publ. (in Russian)

Zenyuk D.I., Maslovskij A.N. 2018. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 204–221 (in Russian)

Karpov, S. P. 1981. *Trapezundskaya imperiya i zapadnoevropejskie gosudarstva v XIII–XIV vv. (The Empire of Trebizond and Western European states in the XIII–XIV centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian)

Maslovskii, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473 (in Russian).

Parshina, E. A. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaya trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 104–117 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaya trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 123–129 (in Russian)

Chkhaidze, V. N. 2005. In Zinko, V. N. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* IX. Simferopol; Kerch, 95–117. (in Russian).

Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1951. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XV. Moscow; Leningrad: Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 325–344 (in Russian)

Bendall, S., Donald, P. J. 1979. *The Later Paleologan Coinage (1282–1453)*. Bristol.

About the Authors:

Maslovskiy Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archaeological excavations of Azov History, Archaeology and Paleoanthropology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, Rostov-on-Don Region, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences, Associated professor. Director of Archaeological Center; Associated professor, Department of World History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.366.376>

ИСЛАМСКИЕ ХАММАМЫ ЛЕВАНТА

© 2023 г. Р.Н. Осо, А.А. Хуснуллина

В статье представлены результаты археологических и историографических исследований исламских хаммамов в Леванте. Города Леванта славятся своими хаммамами, относящимися к разным эпохам. По своей архитектуре, украшениям и надписям они представляли собой шедевры исламского искусства. Хаммамы Леванта являются свидетельством высоких достижений левантских архитекторов. Их стены были выложены плиткой, а полы отделаны мрамором. Для отопления использовалась хитроумная инженерная система с горячей водой, а бассейны наполнялись холодной водой, которая вытекала из фонтанов красивой формы. Люди использовали хаммамы не только для купания, но и для того, чтобы провести время и излечиться от некоторых болезней, а также для проведения некоторых традиционных общественных мероприятий. Исламская цивилизация унаследовала общественные хаммамы как одно из достижений предыдущих цивилизаций. Хаммамы распространились в городах исламского мира как на востоке, так и на западе как социальные объекты, ранее считавшиеся чуждыми исламской архитектуре. Именно исламские архитекторы и градостроители сделали хаммамы популярными общественными объектами для удовлетворения жизненных потребностей местного населения. До прихода ислама арабы не были знакомы с обильным пользованием водой. Мечети, бимаристаны (больницы) и рынки играли важную роль в религиозной, социальной и художественной деятельности. Создание общественных хаммамов возросло в исламских городах из-за положений ислама о чистоте и гигиене и неспособности населения строить частные ванные комнаты в своих домах. Хаммамы стали одним из самых распространенных сооружений в Леванте, что было не только свидетельством цивилизации, роскоши или богатства, но и незаменимой социальной необходимостью. Статья вводит в научный оборот арабоязычные публикации по истории исламской архитектуры, которые ранее не упоминались в трудах российских археологов и архитекторов.

Ключевые слова: археология, Левант; исламская цивилизация; хаммам; баррани; вастани; джуани; айван; диван; исламская архитектура.

ISLAMIC HAMMAMS OF THE LEVANT

R.N. Oso, A.A. Khusnullina

The article presents the results of archaeological and historiographical studies of Islamic hammams in the Levant. The cities of the Levant were famous for their hammams belonging to different eras. In their architecture, decorations, and inscriptions, they were among the masterpieces of Islamic art. The hammams of the Levant were among the achievements of the architects of the Levant. Their walls were tiled and the floors were marble. An ingenious engineering system with hot water was used for heating, and the hammams were provided with cold water that flowed from beautifully shaped fountains. People used these hammams not only for bathing, but also for spending time and curing certain illnesses, as well as for some traditional social activities. Islamic civilization inherited public hammams as one of the achievements of previous civilizations. Hammams spread in the cities of the Islamic world, both east and west, as social facilities previously considered alien to Islamic architecture. It was Islamic architects and urban planners who made hammams popular public facilities to meet the vital needs of the local population. Early Muslim Arabs were not familiar with the use of abundant water before the advent of Islam. Mosques, bimaristans (hospitals) or markets played an important role in the religious, social and literary spheres. The establishment of public hammams increased in Islamic cities because of their connection with Islam's provisions for cleanliness and purification, and the inability of the population to build private bathrooms in their homes. Hammams became one of the most common constructions in the Levant, and it was not only a sign of civilization, luxury or wealth, but also an indispensable social necessity. This article is based on Arabic publications which weren't used by Russian scientists before.

Keywords: archaeology, Levant, Islamic civilization, hammam, al-Barrani, al-Wastani, al-Juani, iwan, diwan, Islamic architecture.

Введение

Сохранение культурного наследия реализуется различными стратегиями в зависимости от материальной сохранности самого объекта культурного наследия. В каких-то случаях возможна только консервация и экспозиция, в иных случаях рассматривается ревитализация.

С ростом урбанизации и индивидуального жилищного строительства становится неясной функция общественных бань, которые были обычным явлением еще в недавнее время. Необходимость поддержания общественной гигиены и отсутствие центрального водопровода и канализации вплоть до середины XX века делали работу бань потребностью простого городского жителя. Проведение водопровода в многоквартирные дома поставило вопрос об их необходимости в городской среде и при дальнейшей планировке. И массово такие бани трансформировались в салоны красоты, предлагающие спа-процедуры, городские бассейны или вовсе прекратили свое существование.

Подобные тенденции отмечают и исследователи хаммамов (Sibley, 2006) арабо-мусульманских стран, задаваясь вопросом о возможности сохранения не только архитектуры хаммамов как объектов культурного наследия, но и самих их социальных функций. В культуре России сегодня хаммамы, прежде всего, воспринимаются как спа-процедуры, причем доступные преимущественно состоятельным людям. Такое восприятие сложилось во многом под воздействием Сказок 1001 ночи и иных стереотипов о восточной (прежде всего, арабо-мусульманской) культуре. В то же время такая репрезентация находит свое подтверждение особенно в изобразительном искусстве Жана Огюста Доминика Энгра и рассказах о жизни в гареме времен Османской империи (Крутье, 2013, с. 93–94).

В истории Татарстана изучение феномена хаммамов на территории Поволжья, прежде всего, связано с археологическими исследованиями в Болгаре, Биляре и других памятниках периодов Волжской Болгарии и Золотой Орды. Исследователи часто связывают появление бань с распространением ислама на тех или иных территориях (например, Байтанаев, 2023, с. 126), на что указывает и строительство хаммамов рядом с мечетями (Зиливинская, 2020, с. 156). Факт, что некоторые бани

проектировались еще до строительства мечети, только подтверждает их особое значение и важность для населения (Кирилко, 2023, с. 196).

Раскопки бани в Болгаре Н.Ф. Калининым, А.П. Смирновым (Калинин, Смирнов, 1946; Смирнов, 1940) и О.С. Хованской (Хованская, 1953, 1954) в 30-40-е годы XX в. положили начало более пристальному изучению архитектуры и развития бань-хаммамов в контексте истории культуры Золотой Орды. Строительству подобных сооружений посвящены исследования В.С. Баранова (Баранов, 2001), Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2001, 2018, 2020, 2022), Ф.Ш. Хузина (Хузин, 2001), Р.Ф. Шарифуллина (Шарифуллин, 2001), С.С. Айдарова (Айдаров, 2001), Х.Г. Надыровой (Надырова, 2017) и др.

В.Л. Воронина в своих трудах (Воронина, 1983) говорит о типологии хаммамов и определяет их отличительные характеристики в зависимости от географических особенностей их распространения и культурных традиций. Исследователи находят параллели домостроительной культуры Северо-Восточного Прикаспия, Поволжья и Средней Азии (Сагидуллаев, 2022, с. 171). Работы упомянутых исследователей указывают на преемственность архитектуры, структуры и технологии бань на территории Поволжья от аналогичных строений Средней Азии, а последних в свою очередь – от хаммамов стран арабского Востока и, прежде всего, Леванта.

В этой связи актуальным является изучение архитектуры и планировки бань-хаммамов в этих странах. При этом необходимо отметить, что исследователи архитектуры хаммамов опираются в основном на работы западноевропейских ученых, в частности, Мишеля Ле Кёра и Клода Экошара. В то же время в их тени оказываются собственно арабские исследователи, чьи труды могут быть менее доступны для русскоязычного читателя. Поэтому целью данной публикации стало ознакомление с исследованиями Мунира Кайала, Ибн Шаддада, Аль-Абади и др.

Общий план хаммамов

Общий план хаммамов, как правило, един для всего исламского мира и обычно состоит из следующих секций:

Баррани – это место, предназначенное для приема посетителей, в котором они снимают и надевают свою одежду до и после купания.

В этой части женщины отмечают некоторые свои праздники, связанные со свадебными банными традициями. Баррани представляет собой прямоугольное помещение, в купольных потолках которого есть окна, которые обеспечивают освещение и необходимый свет для этой части хаммама (Кауал, 1986, р. 217);

Вастани – это вторая часть хаммама, в ней посетители отдыхают во время купания и после завершения душа, готовясь к выходу в баррани. Летом это место использовалось для купания вместо внутреннего помещения, потому что здесь было не так жарко (Кауал, 1986, р. 224);

Джуани – это третья и самая горячая часть хаммама, в ее центре находится печь, выполненная в виде массивной плиты с тоннелем, в верхней части которой есть отверстия для заправки печи топливом. Печь накалялась настолько, что от нее мгновенно исходил пар при контакте с водой. Температура воды для купания и интенсивность пара регулировались через данные отверстия в печи (Кауал, 1986, р. 225–227).

В Дамаске в одном из старейших районов, Сук Саруджа (рынок Саруджа), находятся важнейшие хаммамы города. В разные периоды времени этот район населяли семьи с высоким социальным уровнем. Это армейские командиры и высокопоставленные лица, поэтому его также называли «маленький Стамбул».

Хаммам аль-Вард расположен в районе Сук Саруджа на восточной стороне улицы Аль-Вард, к северу от мечети Аль-Вард и школы Шама Аль-Барани (Ibn Shaddad, 1978, р. 531).

Это один из хаммамов, расположившихся за стенами старого Дамаска, археологическая запись про который сохранилась в Главном управлении древностей и музеев под № S1 212 (Connell, 1966, р. 37).

Принц Алаа ад-Дин Али ибн Хасан ибн Субх ад-Димашки (создатель этого хаммама) в то время был правителем Дамаска вплоть до своей смерти в 1323 году (Mustafa, 1988, р. 52). Историк Ибн аль-Катхир в своих летописях упоминает, что строительство указанного хаммама, прилегающего к дому принца Алаа Аль-Дина бин Субха к северу от школы Шама Аль-Барани, было завершено в 1322 году (Al-Maqrizi, 1997, р. 538–555) (рис. 1).

Рис. 1. Изображение ворот Хаммам аль-Вард, одной из старейших сирийских бань, относящейся к мамлюкскому периоду.

Fig. 1. Image of the Hammam al-Ward gate, one of the oldest Syrian baths, dating back to the Mamluk period.

Архитектурное описание. Хаммам имеет один, главный, фасад, выходящий на **Харат Аль-Вард** с западной стороны. Над ним возвышается огромный круглый купол, расположенный над наружной частью, с круглой люстрой типа фанус на вершине.

Фасад имеет главный вход в хаммам, расположенный в его южной части, который ведет в зигзагообразный коридор, загораживающий обзор людям, проходящим мимо здания. Восточная дверь выполнена полукруглой аркой, которая так же ведет в коридор через три каменные ступени вниз, ниже уровня земли, на уровень зала баррани.

Баррани представляет собой прямоугольное помещение, которое венчает огромный купол, окруженный шестнадцатью окнами, в остроконечных арках которых использованы растительные мотивы, выполненные акварелью. Под куполом расположен гипсовый орнамент с растительными мотивами, в центре которого находится восьмиугольное отверстие, под которым расположена люстра фанус, верх которой сделан из дерева.

Зал окружен четырьмя айванами, выходящими в зал с остроконечной аркой. Противоположные айваны составляют аналогичные пары. Высота северного и южного айванов

составляет 2,25 м, а высота восточного и западного – 1 м. В верхней части северной стены северного айвана расположены три одинаковых окна. Три таких же окна сделаны в глубоком проеме и закрываются стеклянными ставнями. Потолок каждого айвана представляет собой плоское деревянное перекрытие.

В западной стене у стелы имеется вертикальное прямоугольное окно. В каждом айване есть каменная скамья мастаба, приподнятая над уровнем пола зала баррани. На нее садился посетитель, чтобы удобно подготовиться к купанию, оставить там тапочки и сабо.

Пол зала баррани вымощен прямоугольными плитами из камня черного и розового цветов. В середине зала находится большая восьмиугольная плита из мрамора, в центре которой установлен мраморный фонтан в виде трех чаш разного размера.

В коридор, который находится между залами баррани и джуани, ведет дверь с полукруглой аркой, расположенная в южном конце восточной стены зала баррани. Этот коридор имеет дверь в другой коридор с полукруглым цилиндрическим потолком, проложенный с востока на запад, пол которого вымощен прямоугольными каменными плитами.

Потолок этого коридора пронизан арками. Эта часть коридора заканчивалась на восточной стороне дверью с остроконечной аркой, ведущей в уборную, крытую овальным сводом, а в восточном конце северной стены этого коридора есть еще одна дверь, ведущая в другую соседнюю уборную.

В центре северной стены находится дверь с полукруглой аркой, которая ведет прямо в зал вастаны (рис. 2).

Первый зал вастаны (теплый зал) – это прямоугольный зал, вытянутый с востока на запад, пол которого вымощен каменными плитами черного и белого цветов, крытый овальным сводом, четыре угла которого поддерживаются полой апсидой в виде треугольной арки. Шлем свода пронизан круглым лунным ободом, переплетенным со стеклом в красивой декоративной форме. В северном конце западной стены зала открыта дверь с полукруглой аркой, которая ведет в небольшое помещение, используемое в качестве бассейна. За этой дверью с юга следует терраса с полукруглым потолком, занимающая половину восточного зала. Пол этой

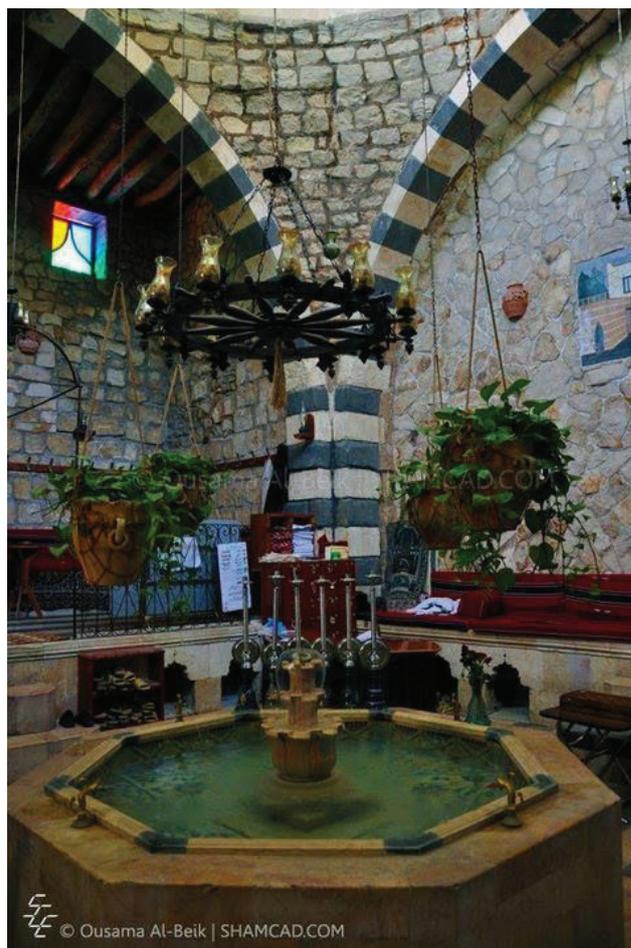

Рис. 2. Вид на внутренние помещения Розовой бани (Хаммама Аль-Вард), на котором видно разделение ванной комнаты изнутри, а также показаны украшающие его арки и фонтан, образующий общий знаменатель для всех исламских и арабских бань.

Fig. 2. Interior image of the Rose Bath, showing the division of the bathroom from the inside, as well as showing the arches that adorn it and the fountain that forms the common denominator for all Islamic and Arab baths.

террасы выполнен приподнятым над уровнем пола остального зала, а две ступеньки к нему сделаны из дерева (Kayal, 1986, p.142).

В северной части зала находится дверь с полукруглой аркой, ведущая в коридор, вытянутый с запада на восток, перекрытый овальным сводом, где в его северной стене открывается другая дверь, ведущая прямо в центральный зал (второй вастаны).

Второй вастаны – это зал с круглым настилом, стены которого перемежаются десятью похожими друг на друга входами, шесть из которых выполнены полукруглыми арками. Одна из этих дверей, северная, ведет в зал джуани. Южная дверь джуани (горячий зал) соединяет этот зал с первым залом вастаны.

Каждая из двух дверей с восточной и юго-восточной стороны ведет в два помещения, первое из которых – восточное, квадратной формы. Вторая дверь ведет в прямоугольную кабину, на дне которой находится круглая мраморная курна. Пол второго восточного зала был покрыт прямоугольными каменными плитами. Этот зал также был накрыт куполом с полукруглым сечением, украшенным цветным стеклом.

Нижнюю часть горячего зала (джуани) с остроконечной аркой занимает тепловая терраса, представляющая собой каменную скамью полукруглой формы, а в середине внутренней стены находится квадратное окно печи. В конце северной части зала западного дома есть еще одна дверь с остроконечной аркой, которая ведет в домик квадратной формы. Ее пол покрыт мраморной плиткой разных цветов, над которой возвышается полукруглый купол, несущий на себе ряд мукарн в форме михраба. В южной части зала находится аналогичная дверь так же, как и в его восточной и западной сторонах. Одна из них ведет в западную часть, к святилищу прямоугольной формы. Вторая дверь на восточной стороне также ведет к святилищу прямоугольной формы, которая с другой стороны ведет в кабинку квадратной формы. В этих обеих кабинках имеется овальный свод, по четырем углам которого проходят мукарны. Пол этих кабин покрыт разноцветными мраморными плитками и накрыт полукруглым куполом.

Хаммам Хирбат аль-Мафджар (Палестина) расположен к северо-западу от города Иерихон. Там находится дворец омейядского халифа Хишама ибн Абд аль-Малика. Посетителю не нужно выходить из зала во двор. В центре дворца находится личный хаммам халифа, в который он спускался по лестнице вниз, а в хаммаме есть очаг, таз с горячей водой и комната отдыха, имеющая форму полукруга.

Пол хаммама был вымощен мозаикой в восточном стиле, на которой изображено цитрусовое дерево, справа от него лев, охотящийся на оленя, а слева – два оленя, обгладывающие ветви. Это мозаичное панно обрамлено рамкой в виде ковра. При создании мозаики использовалось шестнадцать видов камней. Вода из трехметрового резервуара спускалась в хаммам, который забирает в себя воду из главного канала. А на крыше этого хаммама находился диван (зал для собраний), который

был покрыт красной черепицей (Al-Abadi, 1973, p. 51).

Горячая вода распределяется внутри керамических чанов, которые дают возможность для переливания воды в курны. Пар нагревает потолок и пространство вокруг, сохраняя тепло. Две скамьи позволяли людям отдыхать лежа и, расслабляясь, наблюдать за светом, который проникает из немногочисленных отверстий в потолке и дает людям успокоение нервов. Хаммамы, обнаруженные в Иерусалиме, похожи на те, что были найдены в Хирбат аль-Мафджар и Хирбат аль-Миния (Al-Abadi, 1973, p. 55–128).

Хаммам Кусайр Амра (Иордания) расположен к востоку от города Амман. Дворец с одноименным названием был обнаружен Алоисом Музилем в 1898 году. Дворец состоит из приемного зала, к которому пристроен хаммам, состоящий из трех помещений. Первое из них холодное, крытое песчаным сводом, второе – теплое, крытое крестовым сводом, а третье – горячее и крытое куполом. На это указывает то, что в конструкции ванной комнаты использована римская банная система (Al-Basha, 1990, p.166).

Дворец был построен из известняка, стены изнутри были покрыты толстым слоем раствора, а полы – известняковой плиткой, под которой находились трубы с горячим паром, как это было в римских банях Каракаллы. На внутренней стороне купола третьей камеры находится изображение, связанное с наукой / на научную тематику: изображенные на нем созвездия и солнечные группы – единственная в своем роде (Al-Basha, 1990, p.167).

Кроме росписей на куполе, изображениями женщин и детей были покрыты и стены (рис. 3).

Кусайр Амра был фактически домом для купания, то есть хаммамом, и не был домом для проживания, он был построен далеко от ближайших городов или деревень. Однако весной в нем распускались цветы пустыни и душистые растения, и в то же время он давал обильный корм для скота.

Возможно, Кусайр Амра был самым красивым и самым привлекательным из хаммамов, потому что он был построен рядом с рекой, известной как Вади Аль-Бутм (Al-Abadi, 1973, p. 209–211).

Хаммам аль-Джадид (Ливан) расположен в одноименном районе (улица Хаммам Саида), между кварталами Святого Николая и

Рис. 3. Внешний вид строения недолговечного хаммама в Иордании, показывающий качество материалов, использованных при строительстве, в дополнение к плану хаммама, который также отражает внутренние подразделения.

Fig. 3. An exterior view of the building of a short-lived hammam in Jordan, showing the quality of the materials used in construction, in addition to the plan of the hammam, which also reflects the interior divisions.

Еврейским кварталом в самом сердце исторического города Сидон. Он считается одним из немногих османских зданий, которое до сих пор сохранило свой старый стиль и характер. Хаммам был построен в XVIII веке. Его называют аль-Джадид, то есть новый, потому что

это самый последний по времени строительства хаммам, который был создан в Сидоне в тот период (рис. 4).

Хотя украшенные стены потускнели, а многие витражи в сводчатых поверхностях разбились, это место по-прежнему является

Рис. 4. Росписи интерьеров Хаммам Аль-Джадид в Ливане, которая показывает оригинальность османского искусства строительства бань в XVIII в.

Fig. 4. An interior painting of the Hammam Al-Jadid in Lebanon, which shows the originality of the Ottoman art of bath building in the 18th century AD.

Рис. 5. На картине показана эстетика геометрического искусства, украшений и надписей, нарисованных на стенах и кафельном полу, в которых был использован не существовавший до того времени вид отделки.

Fig. 5. The painting shows the aesthetics of geometric art, decorations and inscriptions painted on the walls and tiled floors, in which a type of decoration that did not exist until that time was used.

живым свидетельством красоты инженерного искусства, отличавшего городские здания, где османский структурный дизайн четко прослеживается в деталях и ни один уголок не лишен декора и прекрасных геометрических гравюр (рис. 5).

Хаммам был построен в 1720 году для марокканского купца Мустафы Хаммуда, если верить поэтическим стихам над входом, которые свидетельствуют о его важной социальной и экономической роли в регионе. Это здание представляло собой просторные помещения, состоящие из десяти комнат, включая несколько хаммамов, массажные кабинеты и сауны.

Каждая комната украшена уникальным мраморным полом, увенчана сводчатым потолком, комнаты соединены между собой узкими коридорами и залами ожидания. Все

помещения имеют купольные своды, усыпанные витражами, которые обеспечивают естественное освещение.

Хаммам состоит из приемного зала с мраморным фонтаном в центре, питаемым природными источниками, окруженного террасами для ожидания, которые, в свою очередь, ведут к душевым комнатам. Одна из этих комнат предназначалась для членов еврейской общины, где они мылись и совершали некоторые из своих религиозных обрядов (рис. 6).

Хаммам аль-Джадид – самый большой, самый красивый и самый современный в Сидоне, второй по величине в Ливане, самый украшенный и оформленный на уровне стен и полов. Благодаря своему расположению на главной дороге, он принимал людей из всех слоев общества, социальных классов и регионов. Он служил остановкой для торговцев и путешественников, которые часто пользовались услугами хаммама прежде, чем переехать в другие районы, что придало ему историческое значение и известность.

Хаммам был закрыт в 1948 году, когда водопровод стал проникать в частные дома, снижая спрос на общественные хаммамы. В течение короткого времени здание использовалось в качестве склада для хранения строительных материалов и оставалось таковым до гражданской войны в Ливане, когда оно получило некоторые повреждения. Во время израильского вторжения в Ливан в 1982 году купольные перекрытия были разбомблены и разрушены.

С тех пор хаммам перешел в стадию запустения и забвения и оставался закрытым более 40 лет, пока снова не вернулся к жизни, после того как был восстановлен и открыт для людей в качестве музея наследия с экспозицией об истории города. При этом здание сохраняет свою оригинальную, характерную форму. Одной из самых выдающихся экспозиций в музее стала Галерея возрождения, где представлены работы художника Тома Янга, рассказывающие историю хаммама и жителей Сидона.

Известно, что купальни строятся по берегам рек или на краю постоянно текущего водного потока. В пруд баррани вода поступала по специальной сети гончарных стоков, а снабжался он водой из рукавов рек (Kayaal, 1986, p.248).

Рис. 6. Главный зал, который, в свою очередь, ведет во внутренние залы, но что отличает его, так это то, что он был большим по размеру и имел беспрецедентно чарующие цвета.

Fig. 6. The main hall, which in turn leads to the inner halls, but what distinguishes it is that it was large in size and had unparalleled enchanting colours.

Хаммамы были общественными учреждениями чистоты и опрятности, благотворители строили их и давали на них пожертвования, чтобы оставалась возможность бесплатно пользоваться ими. Кроме того, посетитель бесплатно получал питание во время купания и иногда давал немного денег, когда заканчивал купание (Кауал, 1986, р.342).

Это учреждение социального обслуживания населения следовало очень точной и четкой административной системе. Власть взяла на себя надзор над ним и организовала в нем рабочие места, начиная с учителя и заканчивая мусорщиком. В более позднее время хаммамы будут местом отдыха для населения и источником прибыли для их владельцев. И в таком качестве они станут использоваться и в новых землях по мере распространения ислама.

ЛИТЕРАТУРА

Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 6–155.

Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А., Шяхметов А.Х. Хаммам из Ханкурмана // Поволжская Археология. 2023. № 2(44). С. 114–130.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 319–364.

Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследие. № 31. М.: Стройиздат, 1983. С. 133–167.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований / Ред. А.П. Смирнов. М., 2001. С. 174–226.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // Поволжская Археология. 2020. № 4(34). С. 145–158.

Зиливинская Э.Д. Благоустройство и санитария в золотоордынских городах // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 196–203.

Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в. (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. Вып. XIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 26–32.

Кирилко В.П. Разрезы кефенской Биюк Джами // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 196–210.

Крутые А.Л. Гарем. Мир под чадрой. М.: Астрель, 2013. 224 с.

Надырова, Х. Г. Общественные бани-хаммам в средневековых городах Волго-Камья: формирование традиции и особенности архитектуры // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 4(42). С. 41–51.

Сагидуллаев Д.З. Золотоордынские поселения Северо-Восточного Прикаспия: география, топография, домостроительство // Поволжская археология. 2022. № 2(40). С. 159–174.

Смирнов А.П. Баня XIV в. в Великих Болгарах // КСИИМК. Вып. VI. М., 1940. С. 82–88.

Хованская О.С. Водоснабжения и канализация болгарской бани (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 69–76.

Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1954. С. 392–423.

Хузин Ф.Ш. Болгарский город в начале X–XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 224–267.

Paradopoulos A. L'Islam et l'art musulman. Paris, Edition's d'art Lucien Mazenod. 1976. 611 p.

Sibley M. The Historic Hammāms of Damascus and Fez: Lessons of Sustainability and Future Developments. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/242180069_The_Historic_Hammams_of_Damascus_and_Fez_Lessons_of_Sustainability_and_Future_Developments?enrichId=rgreq-8aa2cdf-6667f3a57b8f33fc6bcbf433-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI0MjE4MDA2OTtBUzoyMTEyNzc1MTIyMjA2NzRAMTQyNzZM4Mzg5MjU4MQ%3D%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf (дата обращения: 13.12.2023).

Аль-Абади М. Исламские древности в Палестине и Иордании. Амман, 1973 (на араб. яз.).

العبادي، محمود، الآثار الإسلامية في فلسطين والأردن، عمان ٢٧٩١م.

Аль-Башиа Х. Введение в исламские древности. Изд-во Дар Ан-Нахда, 1990 (на араб. яз.).

الباشيا، حسن، مدخل إلى الآثار الإسلامية، دار النهضة، ١٩٩١.

Галиб А.Р. Энциклопедия исламской архитектуры. Изд. 1. Бейрут, 1988 (на араб. яз.).

عبد الرحيم غالب، موسوعة العمارة الإسلامية، الطبعة الأولى، بيروت، ١٩٨٩م.

Кайал М. Дамасские хаммамы. Тулькарм: Изд-во Ибн Халдун, 1986 (на араб. яз.).

منير كيال، الحمامات الدمشقية، مطبعة ابن خلدون، ٦٨٩١.

Коннел Э. Исламское искусство. Бейрут: Дар Садр, 1966.

كونل، أرنتست، الفن الإسلامي، ترجمة الدكتور أحمد موسى، دار صادر، بيروت 1966م.

Аль-Макризи Т.Д.А.А. Проповеди и размышления с упоминанием планов и результатов. Ч. 2. Каир: Изд-во Мадбули, 1997 (на араб. яз.).

المقريزي، تقي الدين أحمد بن علي، المواعظ والاعتبار بذكر الخطط والآثار، الجزء 2، تحقيق محمد زينهم، مديحة الشرقاوي، القاهرة، مطبعة مديبولي، الطبعة الأولى 1997م.

Махджуб Ф. Золотая энциклопедия исламских наук. Выпуск 14. Каир: Дар Аль-Гад Аль-Араби, 1984 (на араб. яз.).

فاطمة محجوب، الموسوعة الذهبية للعلوم الإسلامية، مجلد ٤١، دار الغد العربي، القاهرة ٤٨٩١م.

Шакир М. Города в исламе в доосманскую эпоху. Ч. 2. 1988.

مصطفى، شاكور، المدن في الإسلام حتى العصر العثماني، الجزء 2، الطبعة 1988م.

Ибн Шаддад И.М.А.И. Опасности упоминания принцев Леванта и Джазиры. Ч. 3. Раздел 2. Дамаск: Публикации Министерства культуры и национального управления, 1978 (на араб. яз.).

ابن شداد، عزدين محمد بن علي بن إبراهيم، الأغلاق الخطيرة في ذكر أمراء الشام والجزيرة، الجزء ٣،
القسم ٢، تحقيق يحيى عبارة، منشورات وزارة الثقافة والإرشاد القومي، دمشق ٨٧٩١م.

Информация об авторах:

Осо Роза Науаф, аспирант Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия); khusnullina.aliya@yandex.ru.

Хуснуллина Алия Азатовна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khusnullina.aliya@yandex.ru

REFERENCES

Aidarov, S. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 6–155 (in Russian).

Baitanaev, B. A., Ergeshbayev, A. A., Shayakhmetov, A. H. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 114–130 (in Russian).

Baranov, V. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 319–364 (in Russian).

Voronina, V. L. 1983. In *Arkhiturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 31. Moscow: "Stroiizdat" Publ., 133–167 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2001. In *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy (Practice and Theory of Archaeological Studies)*. Moscow: Pandora-1, 174–226 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitectura Zolotoy Ordi. Chast II. Grazdanskoye zodchestvo (The Golden Horde architecture. Part II. Civil monuments)*. Kazan: Otechestvo (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 145–158 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (3), 196–203 (in Russian).

Kalinin, N. F., Smirnov, A. P. 1946. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 13. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 26–32 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (5), 196–210 (in Russian).

Krutier, A. L. 2013. *Garem. Mir pod chadroy (Harem. The world under the veil)*. Moscow: Astrel (in Russian).

Nadyrova, Kh. G. 2017. In *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhiturno-stroitel'nogo universiteta (News Kazan State University of Architecture and Engineering)* 4(42), 41–51 (in Russian).

Sagidullaev, D. Z. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 159–174 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1940. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 6. Moscow, 82–88 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1953. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications on Papers and Field Research from the Institute for the History of Material Culture (KSIIMK))* 50, 69–76 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1954. In *Materialy I issledovaniya po arkheologii SSSR. Vol. 42. Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Vyp. 1 (Materials and research in the USSR archaeology. Vol. 42. Transactions of the Kuibyshev archaeological expedition)* 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 392–423 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bolgarskii gorod v nachale X–XIII vv. (Bolgar City at the Beginning of the 10th–13th cc.)*. Kazan: "Master Lain" Publ. (in Russian).

Sharifullin, R. F. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (City of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: Nauka, 224–267 (in Russian).

Papadopoulo, A. 1976. *L'Islam et l'art musulman*. Paris: Edition's d'art Lucien Mazenod.

Sibley, M. 2009. *The Historic Hammāms of Damascus and Fez: Lessons of Sustainability and Future Developments*. URL: https://www.researchgate.net/publication/242180069_The_Historic_Hammams_of_Damascus_and_Fez_Lessons_of_Sustainability_and_Future_Developments?enrichId=rgreq-8aa2cdf6667f3a57b8f33fcfb433-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI0MjE4MDA2OTtBUzoyMTEyNzc1MTIyMjA2NzRAMTQyNzM4Mzg5MjU4MQ%3D%3D&el=1_x_2&_esc=publicationCoverPdf (дата обращения: 13.12.2023).

Al-Abadi, Mahmoud. 1973. *Islamic Archeology in Palestine and Jordan*. Amman (in Arabic).

Al-Basha, Hassan. 1990. *An Introduction to Islamic Antiquities*. Dar Al-Nahda (in Arabic).

Abd al-Rahim, Ghaleb. 1988. *Encyclopedia of Islamic Architecture*, first edition. Beirut (in Arabic).

Kayal, Munir. 1986. *The Damascene Baths*. Ibn Khaldun Press (in Arabic).

Connell, Ernst, *Islamic Art*, translated by Dr. Ahmed Musa, Dar Sader, Beirut, 1966 (in Arabic).

Al-Maqrizi, Taqi al-Din Ahmed bin Ali. 1997. *Preaching and Consideration by Mentioning Plans*. Part 2. Investigation by Muhammad Zainhum, Madiha al-Sharqawi. Cairo, Madbouly Press, first edition (in Arabic).

Mahjoub, Fatima. 1984. *The Golden Encyclopedia of Islamic Sciences*. Vol. 14. Cairo: Dar Al-Ghad Al-Arabi (in Arabic).

Shaker, Mustafa. 1988. *Cities in Islam until the Ottoman era*. Part 2 (in Arabic).

Ibn Shaddad, Ezzdin Muhammad bin Ali bin Ibrahim. 1978. *The dangerous closures in mentioning the princes of the Levant and the Jazira*. Part 3, section 2. Investigation by Yahya Abbara. Damascus: Publications of the Ministry of Culture and National Guidance (in Arabic).

About the Authors:

Oso Rosa Nawaf PhD student, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420018, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rosaoso1994@gmail.com.

Khusnullina Aliya A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khusnullina.aliya@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Хроника

УДК 930

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.377.389>

ТРИ САБАЧАЙСКИХ НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКА

© 2023 г. Д.В. Мухетдинов

Данная статья посвящена описанию проекта надмогильного памятника выдающегося теолога-востоковеда и просветителя Хусаина Фаизханова (1823–1866), который был установлен на месте его захоронения в родном селе Сафаджай в Пильнинском районе Нижегородской области. Архивные документы и воспоминания старожилов-земляков Х. Фаизханова позволили установить, что надмогильный памятник, установленный после смерти ученого его женой Фатимой Фаизхановой, был вскоре уничтожен вандалами, а сама могила оказалась заброшенной. В 1982 г. имам-хатыб 1-й соборной мечети с. Сафаджай Абдулбари Аллямов сделал ограду вокруг могилы, а осенью 2000 г. выходец из с. Сафаджай Мансур Хакимов установил новый надмогильный памятник. 7 июля 2023 г. на месте захоронения Х. Фаизханова был установлен новый масштабный памятник, специально разработанный по инициативе Духовного управления мусульман Российской Федерации. В ходе разработки его конструктивных элементов, их стилистического исполнения и содержательного наполнения были учтены и отражены все стороны широкой деятельности Х. Фаизханова. Дополнительно в статье рассмотрен вопрос о датировке его смерти. Приобщены различные сведения, прямо или косвенно сообщаемые источниками, разобраны существующие в научной и справочной литературе точки зрения. Предлагаемые датировки имеют расхождения на один день. Внимательное обращение к текстологическим деталям в работах Ш. Марджани, позволяет утверждать, что его сведения следует признать точными. На основе них следует считать, что Х. Фаизханов умер в ночь с 28 на 29 августа по старому стилю (или с 9 на 10 сентября по новому стилю) 1866 г., в ночь с воскресенья григорианского на понедельник мусульманского летоисчисления. Эти же сведения позволяют считать, что время рождения Х. Фаизханова в 1823 г. приходится на время не позднее чем 23 марта.

Ключевые слова: эпиграфика, Хусаин Фаизханов, надмогильный памятник, хронология, реконструкция, датировка.

THREE SABACHAY GRAVESTONES

D.V. Mukhetdinov

The article deals with the project description of the gravestone of the outstanding theologian, orientalist and educator Khusain Faizkhanov (1823–1866), which was installed at the place of his burial in his native village of Safadjai, situated in the Pilna district of the Nizhny Novgorod region. Archival documents and memories of old residents of Kh. Faizkhanov's native village allowed to establish that the gravestone, installed after the scientist's death by his wife Fatima Faizkhanova, was soon destroyed by vandals and the grave itself was abandoned. In 1982, the imam-khatib of the 1st mosque in the village of Safadjai Abdulbari Allyamov made a fence around the grave, and in the autumn of 2000 Mansur Khakimov, a native of Safadjai, installed a new gravestone. On July 7, 2023, a new large monument, specially designed on the initiative of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation, was installed at the burial place of Kh. Faizkhanov. All aspects of Kh. Faizkhanov's activity were taken into account and reflected during working out of its structural elements and their stylistic content. Additionally, the article considers the dating issue of his death. Various data, directly or indirectly reported by sources, are added, the points of view existing in scientific and reference works are analyzed. The proposed dates have discrepancies by one day. Careful attention to textual details in the works of Sh. Marjani allows the author to assert that his information should be recognized as accurate. Based on them, it should be considered that Kh. Faizkhanov died on the night of August 28-29, old style (or September 9-10, new style) 1866, on the night from Sunday of the Gregorian calendar to Monday of the Muslim calendar. The same information allows to consider that the time of birth of Kh. Faizkhanov in 1823 falls on the period not later than March 23.

Keywords: epigraphy, Khusain Faizkhanov, gravestone, chronology, reconstruction, dating.

ВВЕДЕНИЕ

В этом году отмечается 200-летний юбилей Хусаина Фаизханова (1823–1866), выдающегося теолога, передового просветителя и крупного востоковеда, являвшегося выходцем из нижегородских татар. Мы продолжаем серию публикаций, посвященных рассмотрению различных сторон его жизни и деятельности (Мухетдинов, 2023; Мухетдинов, 2023а; Мухетдинов, в печати; Мухетдинов, в печати а). Название данной статьи является аллюзией на научный труд Х. Фаизханова «Три надгробных болгарских надписи» (Фейзханов, 1863), единственную работу, опубликованную при жизни автора. Данная статья посвящена исследованию истории надмогильных памятников, в разное время установленных на месте захоронения Х. Фаизханова в родном селе в родном селе Сафаджай (тат. мишар. Сабацай, рус. Собачий Остров, ныне Красная Горка) в Пильнинском районе Нижегородской области. Последний из них был установлен 7 июля текущего года (Мухетдинов, 2023б). Он был третьим по счету.

Цель данной статьи – реконструкция истории установки надмогильных памятников на месте захоронения Х. Фаизханова и характеристика особенностей нового недавно установленного памятника.

Следует добавить, что из-за скудности источников почти все подробности жизни Х. Фаизханова долгое время были лишены ясности, начиная с того, что даже даты рождения и смерти оставались не прояснены до конца. Так, в некоторых справочных изданиях (в том числе в сети Интернет) до сих пор можно встретить упоминание 1828 г. как даты рождения Х. Фаизханова. Этот вопрос был уточнен на основе ревизских сказок, которые однозначно указывают на 1823 г. (Сенюткина, 2006). В настоящее время мы можем еще более детализировать дату, о чем будет специально сказано ниже.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ Х. ФАИЗХАНОВА: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В недавнее время удалось установить некоторые обстоятельства смерти Х. Фаизханова и выявить подробности последующих событий.

Согласно имеющимся документам, летом 1866 г. Х. Фаизханов, здоровье которого уже ранее неоднократно давало знать о своем ухудшении (Усманов, 1980, с. 46, 97–98, 168),

от университетского начальства, которым было замечено сильное прогрессирующее заболевание в зимние месяцы, получил возможность уйти в отпуск, официально оформленный как командировка, почему ему даже была выделена некоторая сумма денег.

Риззатдин Фахретдин цитирует документ из канцелярии Санкт-Петербургского университета, составленный в декабре 1866 г.: «По приказу Министерства просвещения 1 апреля 1866 года был отправлен на 5 месяцев в киргизские степи для научных изысканий. Во время возвращения из этого путешествия скончался в Симбирской губернии 28 августа 1866 года» (цит. по: Мухетдинов, 2014, с. 268).

Сам Х. Фаизханов в одном из последних писем своему учителю и в последующие годы соратнику Шихабутдину Марджани от 20 марта 1866 г. из Москвы можно прочесть следующие мысли:

«...Мы поручились милости Всевидящего Бога, – состояние мое весьма тяжелое.

Университетское начальство проявило ко мне такое сочувствие и милосердие, о каком я и не мечтал. Кроме всего того, что почти всю зиму смотрели сквозь пальцы на мое постоянное отсутствие на работе, каким-то образом предоставили мне отпуск на пять месяцев – с первого апреля по первое сентября. Вдобавок подсобили еще тремястами [рублями].

Об этом я не только не подавал прошения, но даже не помню, чтобы я когда-либо и думал делать намеки на это!

Оказывается, неуверенность и сомнения, общая духовная подавленность сильнее любой болезни [выделено М. А. Усмановым]. Если бы не были усердия и утешения супруги моей, то думы извели бы меня полностью. Господи, на этом и на том свете отблагодари же ее! Она так ухаживала за мною в моем тяжелом состоянии, что редкая женщина может обладать подобным великодушием!

Бог даст, в начале апреля выеду из Петербурга. Видимо, сделаю по одной неделе остановки в Москве и Нижнем. Когда подсохнет земля, родственники мои встретят меня в Нижнем или в Лескове [Лыскове – Д. М.]. Из Ваших поручений я не смог выполнить ни одного – прошу великодушного прощения Вашего...» (цит. по: Усманов, 1980, с. 169–170; ориг. текст см. теперь: Нерасторжимая связь..., 2018, с. 79).

Рис. 1. Усадьба Дурасова, в которой Х. Фаизханов провел свои последние дни жизни. Фото 1986 года. Из книги «Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьентык»

Fig. 1. Durasov's estate, where Kh. Faizkhanov spent his last days of life. Photo 1986. From the book "Khusain Faizkhanov: historical-documentary collection"

М.А. Усманов интерпретирует это письмо в том духе, что Х. Фаизханова подкосили неудачи в реализации проектов просветительской деятельности, однако, он, «безнадежно больной человек», сохранял решительность и интерес к общественным делам (Усманов, 1980, с. 169, 170).

Последнее письмо, написанное Х. Фаизхановым Ш. Марджани, не содержащее даты, но, как видно из контекста, после 6 мая 1866 г., когда он уже прибыл из Москвы на родину, вероятно, не ранее второй половины мая:

«...После выражения искренней преданности и покорности осмеливаюсь сообщить о своем болезненном состоянии.

Выехав 7 апреля из Петербурга, находившись 24 дня в Москве, 6 мая благополучно прибыл я на свою родину.

Со дня приезда моего не было хорошего дня для меня – постоянно шли дожди. Ныне я еще более ослаб, чем был во время выезда из Петербурга; изнеможен совершенно. На днях поспеет кумыс мой. Надежда только на кумыс и хорошие дни, ибо чрезмерно ослаб. Лишился и голоса, хотя вкус к пище и аппетит имею.

Если Вы соизволите, то мы нашли целесообразным привезти сюда муллу Габдулгалляма, потому что некому за мною присматривать. Излагая о болезненном состоянии, надеясь на Ваши целебные пожелания, написана сия ничтожная записка...» (цит. по: Усманов, 1980, с. 171, 172; ориг. текст. см.: Нерасторжимая связь..., 2018, с. ٧١).

Таким образом, в этом письме Х. Фаизханов просит Ш. Марджани отпустить его брата к нему. В изложении М.А. Усманова печаль-

ный итог был таким: «При смерти рядом был шестнадцатилетний братишка Габдулгаллям, ученик медресе. Он не имел средств на похороны... Тело покойного предали земле на тихом кладбище родного аула, где веками хоронили государственных крестьян... Хусаин Фаизханов вернулся к своим...» (Усманов, 1980, с. 172).

О последних днях Х. Фаизханова известно немного, но ситуация была сложнее. Так, есть сообщение, что в родной деревне его появление было воспринято враждебно. Со слов нижегородского краеведа Саяра Сабирова (1924–2014) дана такая информация (2004 г.): «Фаизханова, когда он вернулся в деревню, его родственники не приняли; поскольку он работал в Петербургском университете и говорил, что необходимо изучать русский язык, его сочли “неверным” (“кяфер”). Поэтому Хусаин умер недалеко от Сафаджая в усадьбе помещика Дурасова» (Сабиров, 2006, б. 630, искәрмә 1; рис. 1).

Когда весть о смерти Х. Фаизханова дошла до его жены, Фатимы, находившейся в Санкт-Петербурге, она 16 сентября обратилась к университетскому руководству со следующей просьбой: «Муж мой, исполняя возложенные на него факультетом восточных языков поручения, умер 28-го августа сего года в Симбирской губернии, где и похоронен чужими людьми, которые в настоящее время требуют от меня издержанных ими на погребение его денег...» (цит. по: Усманов, 1980, с. 8, 172).

В этом сообщении любопытно то, что она как будто была в неведении о том, что версия о научной командировке была лишь официальным прикрытием, организованным универ-

Рис. 2. Могила Х. Фаизханова.
Фото 1986 года. Из архива М. А.
Усманова

Fig. 2. Kh. Faizkhanov's grave.
Photo 1986. From M.A. Usmanov's
archive

ситетским же руководством, в действительности направившим Х. Фаизханова именно на лечение. Судя по всему, настоящую причину отбытия Х. Фаизханова из столицы знал довольно узкий круг лиц, когда для остальных это было именно научная поездка. Как бы то ни было, руководство Восточного факультета в дальнейшем предпринимало большие усилия, чтобы на протяжении нескольких лет оказывать материальную помощь семье умершего коллеги (Усманов, 1980, с. 4–5, 172–176; Мухетдинов, 2014, с. 146–151).

В октябре 1866 г. Фатиме Фаизхановой было выдано пособие в 100 рублей на осуществления погребения мужа (ЦГИА, ф. 14, оп. 2, д. 514, л. 126). Известно, что она привезла и установила мраморный надмогильный памятник на могиле мужа. Согласно местной летописи «Сафажай дэфтэрлэре» («Сафаджайские тетради»), в 1875 г. памятник исчез. В 1994 г. С. Сабиров в публикации в сергачской газете «Туган як» сообщил, что в 1952 г. Абдулбяр Хабибуллин (1888–1976), сын Хабибуллы Альмухаммятова (известного как Хабибулла ишан (1832–1896), ученик Х. Фаизханова по казанскому периоду, о котором см.: Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В., 2007б) и некий двоюродный брат Фаизханова, Абдулла Даутов показали ему место погребения Х. Фаизханова. Могила была заброшена. Со слов Абдуллы Даутова, приводимых С. Сабировым, отец Х. Фаизханова был главой села и их семейное место погребения было огорожено большой оградой. Однако Х. Фаизханов был погребен вне пределов этой

ограды. Считалось, что «этот человек был безбожником» («Бу кеше дәһри иде»), поэтому был похоронен с другой стороны ограды. Его же надмогильный камень был разрушен фанатиками (Сабиров, 2006). По дополненному свидетельству С. Сабирова уже в 2004 г. «установленный его женой могильный камень после смерти Хабибуллы хазрата разбили» (Сабиров, 2006, б. 630, искәрмә 1). В 1982 г. Абдулбари Аллямов (1928–1996), имам-хатыб 1-й соборной мечети с. Сафаджай (с 1988 по 1996 гг.), собственными руками сделал металлическую ограду вокруг могилы Х. Фаизханова (Сабиров, 2006, б. 630; о нем см.: Сенюткина, Мухетдинов, 2007а; рис 2.).

Во время подготовительных работ по установке мемориального комплекса им. Х. Фаизханова, на месте его захоронения был обнаружен кусок камня (рис. 3).

Парадоксальная реальность: по достоинству оцененный лучшими научными деятелями столицы, поддерживавшими его до самого конца, искренне скорбевшими о тяжелой утрате и чтившими его память, великий человек сделался изгоем на родине, умер в почти полном одиночестве в чужом доме и даже после смерти подвергся кощунственному унижению.

Ш. Марджани, выражавший свою скорбь по утрате своего лучшего ученика и сподвижника, в письме Калимулле Аминову от 9 декабря 1866 г. писал:

«Это большая потеря для нас. Во истине лучшие люди долго не живут! Где же теперь

Рис. 3. Кусок камня, найденный на месте захоронения Х. Фаизханова. Фото 23 июня 2023 года

Fig. 3. Fragment of stone found at Kh. Faizkhanov's grave. Photo June 23, 2023

найти нам в научных деяниях, в прозорливости ума, мудрости и благочестии равного ему человека?! Если и найдется, то это будет чрезвычайно редко.

Также он был изумительно благородным человеком... В сущности, он был таким великодушным человеком, который совершенно не обращал внимания на ложные рассуждения предводителей толпы» (цит. по: Мухетдинов, 2014, с. 318),

Х. Фаизханов не был забыт в образованной мусульманской среде. Так, Р. Фахретдин, начиная публикацию в журнале «Шура» (1916. № 14) материалов о нем, пишет: «28 августа исполняется 50 лет с момента кончины Хусаина-эфенди Фаизхана. В связи с этим мы посчитали необходимым вспомнить о нем. Тем более, что некоторые молодые люди, а также наши студенты, обучающиеся в государственных школах, уже давно напоминали нам об этом» (Нерасторжимая связь..., 2018, с. 64 (татар. транскр.), 65 (рус. перевод), ^). Ранее Р. Фахретдин удостоил Х. Фаизханова вниманием в одном из выпусков своего сборника «Асәр» (1908). Надо отметить, что в дореволюционных источниках понятия *мектебе* и *медресе* иногда употреблялись непоследовательно в отношении мусульманских учебных заведений разных уровней. Р. Фахретдин, видимо, понимает под «государственными школами» финансируемые государством заведения, среди которых были русско-татарские школы и Казанская татарская учительская школа, остальные заведения существовали на народные средства (История татар, 2014, с. 791–816, 833–836). Стало быть, молодежь, знающая о Х. Фаизханове и интересовавшаяся им в начале XX в., была представлена людьми, достаточно интегрированными в светскую культуру.

Рис. 4. Могила Х. Фаизханова. Фото из книги «Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьентык»

Fig. 4. Kh. Faizkhanov's grave. Photo from the book "Khusain Faizkhanov: historical-documentary collection"

НАДМОГИЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК Х. ФАИЗХАНОВА

Итак, возвращаясь к непосредственно к теме места погребения Х. Фаизханова, следует обратиться к вопросу, что же представляла собой его могила до 11 июня 2023 г. Это расположенное в пределах металлической ограды еще советского стиля памятник с надписью на татарском языке «Хөсәен бине Фәезхан бине Фәйзулла», далее неверные даты жизни – «1828–1866» и слова: «Татар халкының күренекле тарихчысы, / тел галиме, мэгърифәтчесе», то есть «Известный историк, языковед просветитель [из] татарского народа» (рис. 4). Скромный памятник из розового гранита, который 4 сентября 2000 г. установил выходец из с. Сафаджай Мансур Хакимов (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьентык, 2006, б. 635). Таким образом, усилиями односельчан Х. Фаизханова была воздана память ученому.

Рис. 5. Макет арабской и татарской сторон надмогильного камня
Fig. 5. Model of the Arabic and Tatar sides of the gravestone

В год 200-летнего юбилея Х. Фаизханова, руководство Духовного управления мусульман Российской Федерации по благословению председателя муфтия шейха Равиля Гайнутдина приняло решение разработать проект нового надмогильного памятника Х. Фаизханову, чтобы достойно увековечить результаты его жизни и деятельности. Реализация проекта была поручена ректору МИИ (руководитель Д. В. Мухетдинов) и управляющему делами ДУМ РФ (руководитель Р. А. Фаттахетдинов).

В июне 2023 г. Фондом возрождения ритуальных традиций был специально спроектирован новый надмогильный памятник. Он представляет собой стелу с размерами 0,7×0,25×1,8 м, помещенную на основание прямоугольной формы 0,8×0,35×0,3 м. Оформление памятника включает ряд композиционных элементов (рис. 5).

1) Навершие лицевой стороны стелы венчает тугра (рис. 5). Текст тугры разработал Д. В. Мухетдинов, изображение выпол-

нил каллиграф-иллюстратор Сергей Сорочев. Стилистика и композиция соблюдена в рамках традиции тугры османских султанов и крымских ханов (Зайцев, 2022), источниковедением которых занимался Х. Фаизханов.

Стилизованная надпись на арабском гласит:

ملا الفاضل حسين فيضخان

Транскрипция:

Муллā ал-фāдил Хусайн Файдхāн

Перевод:

Досточтимый мулла Хусейн Фейзхан

Обратим внимание, что в данном случае имя **فيضخان** дано в слитном написании обоих компонентов **فيض** + **خان**. Сам Х. Фаизханов использовал оба варианта написания своей фамилии арабским письмом. В русскоязычной документации того времени фамилия Фаизханова (равно как и сам ученый) писалась через дефис («Фейз-ханов»), редко писалась слитно («Фейзханов»).

2) Ниже идут вертикально расположенные друг за другом шесть прямоугольных секто-

ров $0,37 \times 0,18$ м, содержащие текстовые фрагменты. С двух сторон стелы они даны соответственно на арабском и татарском языках.

2а) В первый сектор вписана *басмала* (рис. 5) В данном случае это точная копия текста, начертанного рукой самого Х. Фаизханова стилем *наسخ* из переписанного им списка рукописи анонимного сочинения, известного под условным названием «История Крыма» (о рукописи см.: Дмитриева, 2002, с. 49; об источнике и его изучении см.: Зайцев, 2009, с. 175–178; Абдужемилев, 2022).

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Транскрипция:

Бисмилляхи-р-Рахмāн-р-Рахīm

Перевод:

‘Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного’

2б) Надпись во втором секторе (рис. 5) на арабском языке гласит:

صاحب هذه المقبرة

المرحوم الفاضل العلامة

Транскрипция:

Сāхиб хāзихи ал-мақбара

Ал-мархūм ал-фāдил ал-‘аллāма

Перевод:

‘Хозяин этой могилы –

Покойный, досточтимый, научёнейший [человек]’

Текст на татарском:

Ошбу кабер сахибе

Фазыйлэтле мәрхүм

Перевод на русский язык:

Хозяин этой могилы –

Досточтимый, покойный’

Сама надпись следует традиционному мусульманскому стилю. Выражение *العلامة* (ал-‘аллāма) было использовано Ш. Марджани. Он наделил Х. Фаизханова наивысшей степенью учености в своем фундаментальном труде «Вафийят ал-’аслāф ва тахиййат ал-’ахлāф» («Верность предшественникам и приветствие потомкам»), где в его отношении применил именно термин *عَلَامَةٌ* (‘аллāма), характеризующий в высшей степени ученого человека, более значительного, чем просто *عَالِمٌ* (‘āлим ‘ученый’) (Марджани [б.г.], с. 492).

2в) Текст на арабском языке, содержащий слово «мулла», как уважительно именовали петербургские коллеги ученого, его имя и слова испрошения Божьей милости покойному (рис. 5):

ملاً حسين بن فيض خان

رحمه الله تعالى

Транскрипция:

Муллā Хусайн [и]бн Файд Хāн

Рахимаху Аллāх Та‘āлā

Перевод:

Мулла Хусаин сын Фаизхана

Да помилует его Всевышний Аллах!

Текст на татарском:

Мулла Хөсәен бине Фәезхан

Аллаһның рәхмәтендә булсын

Перевод на русский:

Мулла Хусаин сын Фаизхана

Да прибудет он в милости Аллаха!

Отметим, что в данном случае отдельное написание в составе второго элемента имени *خان فيض* соответствует также собственной практике Х. Фаизханова (ср. выше) и оно отражено в рукописи Ш.Марджани «Вафийят...» (Марджани [б.г.], с. 491).

2г) Сектор содержит даты жизни покойного, обозначенные по мусульманскому летоисчислению (хиджра), в татарской версии перевод дат осуществлен по григорианскому календарю и приводятся согласно старому стилю:

المولود ١٢٣٨ هـ

المتوفى ٩٢ ربيع الاخر ١٢٨٣ هـ

Транскрипция:

Ал-мавлūd

1238 х.

Ал-мутаваффā 29 рабī‘ ал-’āхир 1283 х.

Перевод на русский:

«Родился

1238 [г.] х.

Упокоился [в день] 29 [месяца] рабī‘ ал-’āхир 1283 [г.] х.»

Перевод на татарский:

Туды: 1823 елның

Вафат: 1866 елның 28 нче август

Перевод на русский:

Родился

1823 года

Умер 28 августа 1866 года

К обсуждению дат мы еще вернемся ниже.

2д-е) Заключительные надписи представляют собой авторскую разработку Д. В. Мухетдинова на основе фразы в рукописи в шестом томе сочинения Ш. Марджани (Марджани [б.г.], с. 491–492). Этот выбор обоснован сообщением, что Ш. Марджани лучше всех знал Х. Фаизханова, поэтому было принято решение следовать его стилю и оценке деятельности Х. Фаизханова.

Что касается татарской версии текстов, в исходном виде они также восходят к

Ш. Марджани и Р. Фахретдину, который выборочно переводит текст Ш. Марджани на татарский язык, повторяя его без каких-либо ссылок и выделения цитаты (Марджани, 1900, б. 272–273; Фәхреддин, 1908, б. 432–443). Нами было принято решение несколько скорректировать оригинальные тексты и превратить их в двустишия.

2д. Надпись в пятом секторе по-арабски (рис. 5):

حسن الخلق سليم القلب
ذو انصاف وديانة ووفاء

Транскрипция:

Хасан ал-хулуқ салім ал-қалб
Зу инсаф ва дийана ва вафа'

Перевод на русский:

Благонравный, чистосердечный,
Беспристрастный, набожный, верный

[долгу]

Текст на татарском:

Күркәм хольклы, саф куңелле,
Инсафлы, илтифатлы,

Перевод на русский:

Благонравный, чистосердечный,
Добродетельный, внимательный,

2е. Надпись в шестом секторе по-арабски (рис. 5):

دقيق النظر كثير الفكر
صحيح النقل صادق القول

Транскрипция:

Дақйқ ан-назар касйр ал-фикр
Сахйх ан-нақл садиқ ал-қавл

Перевод на русский:

Глубокий исследователь и мыслитель,
Точный в передаче (знаний) и правдивый в словах.

Текст на татарском:

Дөрес карашлы, тугры фикерле, /
Киң мәгълүматлы, ачык сүзле.

Перевод на русский:

Трезво мыслящий, прямолинейный,
Осведомленный, откровенный.

3) На боковой стороне стелы помещено изображение четверостишия одного из стихов Алишера Навои (1441–1501), начертание которого полностью дублирует собственное написание Х. Фаизханова (рис. 5). Х. Фаизханов занимался изучением творчества это литератора. Одной из ранних рукописей, переписанных Х. Фаизхановым по поручению Императорской Академии наук, является список «Дивана» со стихами Навои под сиглой С 788 (Уч. отд, II, 213+003 л.), скопированный в

1853 г. (Дмитриева, 2002, с. 284–285, № 1102). В ходе работы в архивных фондах Института восточных рукописей РАН нами были обнаружены переписанные рукою Х. Фаизханова почерком *насталик* фрагменты сочинения Навои.

Транслитерация:

Коркутма мани таму'дин, ай захид-и йах;
Джаннат манга олгуси, дуньяны урма
занах.

Ким дузах анинг йади биле джаннат ирур;
Джаннат йади сининг биле дурур дузах.

Перевод четверостишия на русский (выполнен Ю. А. Аверьяновым):

Не пугай меня адом, о старец застывший!

Рай для меня будто умер, к чему ты твердишь о парчовых одеждах (в раю)?

Ведь и ад при упоминании Его имени становится раем;

Между тем как твое поминание рая подобно аду.

Таким образом, данный проект намогильного камня представляет собой уникальную конструкцию, сочетающую в себе и воплощение авторских идей Х. Фаизханова, и отражение его каллиграфических талантов (владение почерками разных стилей арабского письма), и его увлечение творчеством Навои, а также его близость к Ш. Марджани, последователем которого, вновь поднявшим имя Х. Фаизханова, был Р. Фахретдин.

7 июля 2023 г. в торжественной обстановке на месте захоронения Хусаина Фаизханова состоялось открытие мемориального комплекса, включавшего в себя все три надмогильных камня: кусок камня, найденный на могиле, памятник 2000 г. и новая установленная стела. При поддержке и непосредственном участии жителей с. Сафаджай мемориальный комплекс их великого земляка, наконец, обрел достойный вид (рис. 6). Комплекс возвышается над кладбищем с. Сафаджай. Величественный облик могилы, последнего пристанища неумолимого ученого на родной земле, как бы символизирует наступившее, наконец, признание, после многих лет мытарств, отвержения и забвения.

УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ ДАТ ЖИЗНИ Х. ФАИЗХАНОВА

Что касается даты смерти Х. Фаизханова, как мы видели выше, со слов его жены вытекает датировка 28 августа 1866 г. Р. Фахретдин сообщает такую дату смерти: «Скончал-

Рис. 6. Мемориальный комплекс
Х. Фаизханова

Fig. 6. Kh. Faizkhanov memorial
complex

ся в деревне Сабачай Курмышского уезда в возрасте 45 лет 28 числа месяца раби ал-'ахир, август 1283/1866 года» (Фэхреддин, 1908, т. 4, с. 432; ср. перевод И.Ф. Гимадеева: Мухетдинов, 2014, с. 267, который неточен). Иные сведения дает Ш. Марджани в «Вафиййат...»: «Абу Мухаммад Хусаин сын Фаизхана ..., да помилует его Аллах, [скончался] в понедельник в конце месяца раби' ал-'ахир, похоронен на кладбище [деревни] Сабаджа ... в возрасте сорока пяти лет». Заупокойную молитву провел Абу ал-'Аббас Ашраф [и]бн ... [мулла Мифтāх ад-дйн]» (Марджани [б.г.], с. 491). В другом сочинении Ш. Марджани, «Мустафād ал-'ахбār фй ахвāl Қазāн ва Булғār» («Изучение известий о состоянии Казани и Булгара») приводятся следующие данные: «Мулла Хусаин ..., да помилует его Аллах, [скончался] в 1283 г. в понедельник в конце месяца раби' ал-'аввал ... в возрасте сорока пяти лет» (Марджани, 1900, б. 272). Р. Фахретдин в «Асар» приводит следующие данные: «Хусаин сын Фаизхана ... умер в возрасте сорока пяти лет в 1283/1866 г. 28 раби' ал-'ахир/августа» (Фэхреддин, 1908, б. 432). Ш. Шараф приводит следующие данные: «[Х. Фаизхан] умер 29 раби' ал-'аввал 1283 [г.] х. / 30 июля 1866 года в возрасте сорока пяти лет» (Шәрәф, 1333/1915, б. 114).

В вышеупомянутых источниках Ш. Марджани использует крайне редкое слово *غُلَس*, одно из значений которого «самый конец [месяца]». Таким образом, Ш. Марджани говорит о конце месяца. Перевод даты 28 августа по старому стилю или 9 сентября

по новому стилю 1866 г. на систему мусульманского календаря указывает на почти полное соответствие датировки, приводимой Ш. Марджани. В этом случае 28 августа / 9 сентября 1866 г. выпадает на 29 раби' ал-'ахир 1283 г. х., когда было воскресенье. Так как Ш. Марджани указывает на понедельник, то 29 августа / 10 сентября 1866 г. уже начинался следующий месяц джумādā ал-'улā. Поскольку в мусульманской традиции считается, что день завершается после захода солнца, откуда следовало бы, что фактически понедельник наступил уже вечером 28 августа. Значит, Х. Фаизханов умер в ночь с 28 на 29 августа 1866 г., то есть с воскресенья григорианского на понедельник мусульманского летоисчисления, что соответствует ночи с 9 на 10 сентября по новому стилю.

Более того, Ш. Марджани принципиально использовал только датировку по хиджре. Следовательно, возраст Х. Фаизханова в 45 лет следует рассчитывать исходя из этого. Тогда получается возможным уточнить и возможные месяцы рождения Х. Фаизханова.

Из-за разницы календарей ряд исследователей приводят 1821 г. как год рождения (Сәгъди, 1926, б. 62–65; Госманов, 1966, б. 124), банально механически вычитая из 1866 г. 45 лет. Во всех изданиях, начиная с изложения биографии Х. Фаизханова в справочных энциклопедических изданиях начала XX в. отмечается 1828-й как год его рождения (Залеман, 1901, с. 37; Веселовский, 1902, с. 428). Эту же дату транслируют авторы специальных работ о Х. Фаизханове (Сафи-

уллина, 1965, с. 408; Кононов, 1982, с. 115, 265 (первое издание – 1972 г.); Усманов, 1980, с. 20), в том числе она неоднократно встречается в примечаниях Р. Марданова к изданным им документам (Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыентык, 2006, б. 502, 510, 513, 532, 539). Сведения всех этих авторов восходят к формулярному списку о службе Х. Фаизханова (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 514. Л. 150–154). Факт рождения Х. Фаизханова в 1823 г. был установлен, наконец, О.Н. Сеньютиной на основе анализа ревизских сказок XIX в. (Сеньютина, 2006). Эта дата отражена в наших работах (см., напр.: Юзеев, Мухетдинов, 2007, с. 168) и принята в некоторых современных публикациях (Ахунов, 2016).

Указание на смерть Х. Фаизханова в месяц рабӣ‘ ал-’аҳир, 4-й месяц мусульманского календаря, в возрасте полных 45 лет, говорит о том, что, он был и рожден не ранее, чем в этот месяц. Иными словами, формально его рождение приходилось бы на дату в рамках четырех месяцев мусульманского календаря (рабӣ‘ ал-’аҳир, джумадә ал-’улә, джумадә ал- ал-’аҳира, раджаб). Если отсчитать 45 лет от 1283 г. х., то 1 января 1823 г. выпадает на 18 рабӣ‘ ал-’аҳир 1238 г. х. Отсчитывая с этой даты до 24 марта 1823 г. / 12 раджаб 1238 г. х. (самая ранняя фиксация возраста Х. Фаизханова в ревизской сказке 1834 г.) мы получаем искомые предполагаемые месяца рождения ученого. Возможно, более новые сведения помогут уточнить точный месяц рождения Х. Фаизханова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводимая в последние годы целенаправленная и планомерная работа по изучению

наследия Х. Фаизханова позволяет постепенно более детально очертить контуры его личности и полноценно представить истинные масштабы и значение его деятельности и во всех тех сферах жизни общества, в которых он так или иначе проявил себя. Достигнутые даже на сегодняшний день результаты сделали более твердым наше убеждение в том, что существующие оценки требуют кардинального пересмотра.

Намогильный памятник, установленный в год 200-летнего юбилея этого крупного деятеля по-настоящему, как минимум, общероссийского масштаба, символически венчает факт долгожданного признания, которое не нашло его при жизни. Поднятые в связи с подготовкой этого вопроса детали биографии Х. Фаизханова, детали последних дней его жизни и обстоятельств погребения производят удручающее впечатление. Земляки-единоверцы, мыслями о будущем которых он был постоянно проникнут, в итоге полностью отвергли его, оказавшись способными пойти даже на осквернение могилы, тогда как его коллеги из Университета, тесно проработавшие в течение многих лет, не оставляли его ни в трудные времена болезней и не предали забвению после смерти. Многие детали жизни Х. Фаизханова еще предстоит выяснить. Это касается также уточнения хронологии, которая в настоящее время ясна только в самых общих чертах. Этому может способствовать не только выявление новых источников, но и, как мы смогли убедиться, обращение к уже известным и, казалось, бы неоднократно исследованным. Значительным результатом сейчас можно считать выяснение точного времени смерти ученого.

ЛИТЕРАТУРА

Абдужемилев Р.Р. Сборник известий анонимного автора по истории Крыма и межгосударственных отношений Османской империи // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2022. № 13. С. 148–154.

Ахунов А. Хусаин Фаизханов // Татарский мир. 2016. № 11 (6394). С. 13.

[Веселовский Н.И.] Фейз-Ханов // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. XXXV (69) / Ред. И.Г. Андреевский, Ф.Ф. Петрушевский. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1902. С. 428–429.

Госманов М. Олы мирас (Хөсәен Фәезхановның тууына 145 ел) // Казан утлары / Огни Казани. 1966. № 9. Б. 124–132.

Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Вост. лит., 2002. 616 с.

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития. М.: Вост. лит-ра, 2009. 304 с.

Зайцев И.В. Тугра. Актуальная история. От османского прошлого к российскому настоящему. М.: Медина, 2022. 54 с.

[*Залеман К.Г.*] Фейз-Ханов // Русский биографический словарь Т. 21. / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Типогр. В. Безобразова и К°, 1901. С. 37.

История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. / Гл. ред.: Р. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 1172 с.

Исходатайствование утверждения г. Фейз-Ханова учителем каллиграфии по восточному факультету // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 514. 166 л.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.

[*Марджани Ш.*] Вафиййат ал-'аслаф ва тахиййат ал-'ахләф. Рукопись из Научной библиотеки им Н. И. Лобачевского. № 614 ar. Т. 6. 579 с. // Доступно по URL: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15567>

Марджани Ш. Ал-Қисм ал-'аввал мин китаб Мустафад ал-'ахбар фй ахвал Қазан ва Булгар. Казань: Типо-литогр. Имп. университета, 1900. [Ч. 2]. 368 б. (на старотатар. яз.)

Мухетдинов Д.В. Хусаин Фаизхан – классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Новгород: Медина, 2014. 340 с.

Мухетдинов Д.В. Х. Фаизханов и его взаимоотношения с А.К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 1. С. 27–46.

Мухетдинов Д.В. Историческое наследие Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023а. Т. 19. № 2. С. 24–46.

Мухетдинов Д.В. Три надмогильных камня // Туган як. 7 Июля. 2023б. № 27 (1688). С. 9.

Мухетдинов Д.В. Теологическая легитимация педагогического проекта Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023в. Т. 19. № 3 (в печати).

Мухетдинов Д.В. Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // Филология и культура. Philology and Culture. (в печати а).

Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / Ред.-сост. Д.В. Мухетдинов. 2-е изд. испр. и дополн. М.: Медина, 2018. 204, □□ с.

Сабиров С. [Фәезхановның кабере турында] // Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жьентык / төзүче автор: Р. Мәрданов. Казан: Жыен, 2006. Б. 629–630.

Сафиуллина Ф.С. Хусейн Фейзханов // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2 / Отв. ред. М.З. Закиев. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1965. С. 407–423

Сенюткина О.Н. Детство и юность Х. Фаизханова // Фаизхановские чтения. Сборник материалов третьей ежегодной научно-практической конференции «Фаизхановские чтения» / отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: Махинур, 2006. С. 18–24.

Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В. Аллямов, Абдулбари Хусейнович // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: Медина, 2007а. С. 16.

Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В. Альмухамматов, Хабибулла // Ислам на Нижегородчине / Сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: Медина, 2007б. С. 18.

Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: дәрәслек-кулланма. Казан: Татар. дәүләт нәшрияты, 1926. 300 б.

Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 223 с.

Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности / научн. ред., авт. вступит. статьи, коммент. Д.М. Усманова. [2-е изд.] М.: Медина, 2023. 352 с.: ил.

Фаизханов А. Краткая научная морфология татарского языка / Под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотат. Т. Х. Хабибуллина. М.: Медина, 2022. 240 с.

Фәхрәддин Р. Асар. Оренбург: Товарищество «Каримов, Хусаинов и Ко», 1908. 2 джилд. 14 дж. Б. 423–502.

Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия Императорского археологического общества. Т. IV. СПб., 1863. С. 396–404, табл. I–III (прилож.).

Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыентык / Төзүче автор: Р. Мәрданов. Казан: Жыен, 2006. 704 б.

Шәрәф Ш. Мәржанинең тәржемәи хәле // «Мәржани» жыентыгы. Казан: Мәгариф, 1333/1915. Б. 2–193.

Юзеев А.Н., Мухетдинов Д.В. Фаизханов, Хусаин // Ислам на Нижегородчине / Сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: Медина, 2007. С. 178–180.

Информация об авторе:

Мухетдинов Дамир Ваисович, доктор теологии, ректор, Московский исламский институт (г. Москва, Россия); профессор Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); dmukhetdinov@gmail.com

REFERENCES

Abduzhemilev, R. R. 2022. In *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury (Issues of Crimean Tatar philology, history and culture)* 13, 148–154 (in Russian).

Akhunov, A. 2016. *Tatarskiy mir (Tatar world)* 11 (6394), 13 (in Russian).

Veselovsky, N. I. 1902. In Andreevskii, I. E., Petrushevsky, F. F. (eds.). *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary)* 35 (69). Saint Petersburg: "Semenovskaia Tipo-Litografiia", Publ., 428–429 (in Russian).

Gosmanov, M. 1966. In *Kazan utlary / Ogni Kazani (Kazan Lights)* 9, 124–132 (in Tatar).

Dmitrieva, L. V. 2002. *Katalog tyurkskikh rukopisey Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk (Catalog of Turkic manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)* Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2009. *Krymskaia istoriograficheskaia traditsiia XV–XIX vekov: puti razvitiia (Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries: Development Trends)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2022. *Tugra. Aktual'naya istoriya. Ot osmanskogo proshlogo k rossiyskomu nastoyashchemu (Tughra. Actual history. From the Ottoman past to the Russian present)*. Moscow: "Medina" Publ. (in Russian).

Zaleman, K. G. 1901. In Polovtsov, A. A. (ed.). *Russkiy biograficheskiy slovar' (Russian biographical dictionary)*. Saint Petersburg: V. Bezobrazov i Co" Publ., 37 (in Russian).

Khakimov, P. (ed. in chief.). 2011 *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom VI. Formirovanie tatarskoy natsii. XIX – nachalo XX v. (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 6. The formation of the Tatar nation. XIX – early XX century)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Iskhodataystvovanie utverzheniya g. Feyz-Khanova uchitelem kalligrafii po vostochnomu fakul'tetu (Request for approval of Mr. Feiz-Khanov as a calligraphy teacher at the Oriental faculty.). The Central State Historical Archive of Saint Petersburg. Fund 14. Inv. 2, dossier 514 (in Russian).

Kononov, A. N. 1982. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skiy period (The history of the study of Turkic languages in Russia. Pre-October period)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mardzhani, Sh. *Vafiyat al-'aslāf va takhīyyat al-'akhlāf (Faithful ancestors and differences in greetings)*. No 614 ar, vol. 6. Available at: URL: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15567> (in Arabian).

Mardzhani, Sh. 1900. *Al-Ḳism al-'avval min kitāb Mustafād al-'akḥbār fī akḥvāl Ḳazān va Bulgār ("The first part of the book Information about the state of Kazan and Bulgar")*. Part 2. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Old Tatar language).

Mukhetdinov, D. V. 2014. *Khusain Faizkhan – klassik tatarskogo prosveshcheniya, istorii i pedagogiki (Khusain Faizkhan – classic of Tatar education, history and pedagogy)*. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. 2023. In *Islam v sovremennom mire (Islam in the modern world)* 19 (1), 27–46 (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. 2023a. In *Islam v sovremennom mire (Islam in the modern world)* 19 (2), 24–46 (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. 2023b. In *Tugan yak*. July 7th. No 27 (1688), 9 (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. 2023в. In *Islam v sovremennom mire (Islam in the modern world)* 19 (3) (in print) (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. (in print). *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (in Russian).

Mukhetdinov, D. V. (comp). 2018. *Nerastorzhimaya svyaz': pis'ma Khusaina Faizkhanova Shikhabutdinu Mardzhani (An indissoluble bond: the letters from Kusain Faizkhanov to Shigabutdin Marjani)*. Moscow: "Medina" Publ. (in Russian).

Sabirov, S. 2006. In Mardanov, R. (comp.). *Khusaen Feizkhanov: tarikhi-dokumental' жуентык (Khusain Faizkhanov: historical and documentary collection)*. Kazan: "Zhyen" Publ., 629–630 (in Tatar).

Safullina, F. S. 1965. In Zakiev, M. Z. (ed.). *Вопросы татарского языкознания (Issues on Tatar linguistics)* 2. Kazan: Kazan State University, 407–423 (in Russian).

Senyutkina, O. N. 2006. In Mukhetdinov, D. V. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* III. Moscow; Nizhny Novgorod: "Makhinur" Publ., 18–24 (in Russian).

Senyutkina, O. N., Mukhetdinov, D. V. 2007. In Mukhetdinov, D. V. (ed.). *Islam na Nizhegorodchine (Islam in Nizhny Novgorod region)*. Moscow: "Medina" Publ., 16 (in Russian).

Senyutkina, O. N., Mukhetdinov, D. V. 2007. In Mukhetdinov, D. V. (ed.). *Islam na Nizhegorodchine (Islam in Nizhny Novgorod region)*. Moscow: "Medina" Publ., 18 (in Russian).

Sagdi, G. 1926. *Tatar adabiyaty tarikhy: dāreslek-kullanma (The history of Tatar literature: a textbook)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Tatar).

Usmanov, M. A. 1980. *Zavetnaya mechta Khusaina Faizkhanova. Povest' o zhizni i deyatel'nosti (Khusain Faizkhanov's cherished dream. A story about the life and activity)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Usmanov, M. A. 2023. *Zavetnaya mechta Khusaina Faizkhanova. Povest' o zhizni i deyatel'nosti (Khusain Faizkhanov's cherished dream. A story about the life and activity)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Faizkhanov, A. 2022. *Kratkaya nauchnaya morfologiya tatarskogo yazyka (Brief scientific morphology of the Tatar language)*. Moscow: "Medina" Publ. (in Russian).

Fakhretdin, R. 1908. *Asar (Asar)*. Orenburg: "Karimov, Khusainov i Ko" Publ. (in Tatar).

Feizkhanov, Kh. 1863. In *Izvestiia Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society)* (4). Saint-Petersburg, 396–404 (in Russian).

Mardanov, R. (comp.) 2006. *Khusaen Feizkhanov: tarikhi-dokumental' жуентык (Khusain Faizkhanov: historical and documentary collection)*. Kazan: "Жуен" Publ. (in Tatar).

Sheref, Sh. 1333/1915. In «*Мәржәни*» жуентыгы («*Marjani*» collection). Kazan: "Magarif" Publ., 2–193 (in Tatar).

Yuzeev, A. N., Mukhetdinov, D. V. 2007. In Mukhetdinov, D. V. (ed.). *Islam na Nizhegorodchine (Islam in Nizhny Novgorod region)*. Moscow: "Medina" Publ., 178–180 (in Russian).

About the Author:

Mukhetdinov Damir V. Doctor of Theology, Moscow Islamic Institute. Kirov ave., 12, Moscow, 109382, Russian Federation; Professor, Saint Petersburg State University. Universitetskaya Embankment, 7-9, St Petersburg, 199034; Russian Federation; dmukhetdinov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.

УДК 9. 93/94

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.390.400>

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х.ХАЛИКОВА АН РТ С НАУЧНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ УЗБЕКИСТАНА В 2022-2023 ГГ.

© 2023 г. Р.Р. Валиев, Е.Е. Воробьева, М.К. Сарыбаев,
Р.Р. Саттаров, А.Г. Ситдиков

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с 2022 года ведет активное сотрудничество с научными центрами и вузами Республики Узбекистан. Одним из направлений сотрудничества является реализация научно-образовательного проекта «Болгарская международная археологическая школа». Поддержка Международного института центральноазиатских исследований (г. Самарканд, Узбекистан) и успешная реализация научно-образовательного проекта послужили началу более тесного и плодотворного сотрудничества. В марте 2023 года совместно с Термезским государственным университетом состоялось междисциплинарное изучение объекта археологического наследия «Дворец термезшахов», датируемого XI–XII вв. В мае-июне 2023 г. были проведены археологические исследования с Нукусским государственным педагогическим институтом им. Ажинияза на городище Хайван-кала VII–X вв. В рамках научно-образовательного сотрудничества в Термезском государственном университете специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ была реализована дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Геоинформационные технологии и неразрушающие методы».

Ключевые слова: археология, Россия, Узбекистан, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Международный институт центральноазиатских исследований, Нукусский педагогический институт, Термезский государственный университет, сотрудничество, раскопки, научно-образовательный проект, Школа, конференции.

EXPERIENCE OF THE INTERNATIONAL COOPERATION OF THE ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV TAs WITH SCIENTIFIC ORGANIZATIONS OF UZBEKISTAN IN 2022-2023

R.R. Valiev, E.E. Vorobeva, M.K. Sarybaev, R.R. Sattarov, A.G. Sitdikov

The Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences has been actively cooperating with scientific centres and universities of the Republic of Uzbekistan since 2022. One of the fields of cooperation is the implementation of the scientific and educational project "Bolgar International Archaeological School". The support of the International Institute for Central Asian Studies (Samarkand, Uzbekistan) and the successful implementation of the scientific and educational project served as the beginning of closer and fruitful cooperation. In March 2023, jointly with Termez State University, an interdisciplinary study of the archaeological heritage site "Palace of Termezshahs", dating from the XI–XII centuries, was carried out. In May-June 2023, archaeological studies were conducted together with the Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz on the Khaivan-Kala fortified settlement of the VII–X centuries. Within the scientific and educational cooperation at Termez State University, specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov RT implemented an additional professional training programme "Geoinformation technologies and non-destructive methods".

Keywords: archaeology, Russia, Uzbekistan, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, International Institute for Central Asian Studies, Nukus Pedagogical Institute, Termez State University, cooperation, excavations, scientific and educational project, School, conferences.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводит фундаментальные и прикладные историко-археологические исследования в широком территориальном и хронологическом диапазоне, концептуальной основой которых является синтез современных археологических, историко-антропологических и палеоэкологических исследований (Ситдиков

Рис. 1. Открытие второго этапа IX Международной археологической школы в Международном университете туризма и культурного наследия «Шелковый путь», г. Самарканд (Узбекистан), 12 сентября 2022 г.

Fig. 1. Starting the second stage of the IX International Archaeological School at the "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage, Samarkand (Uzbekistan), September 12, 2022.

и др. 2015; Ситдииков, Каримов, 2016; Ситдииков, Каримов, 2017; Ситдииков и др., 2018; Бочаров, Асылгараева, 2019; Бочаров и др., 2020; Ситдииков и др., 2021; Ситдииков и др., 2022; Ситдииков, Сагтаров, 2023).

Эффективное решение научных историко-археологических проблем возможно только на принципах междисциплинарности, межрегионального и международного сотрудничества. Одним из примеров такого сотрудничества является научное и образовательное взаимодействие с Республикой Узбекистаном, характеристика которой является целью настоящей работы.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с 2022 года ведет активное сотрудничество с научными центрами и вузами Узбекистана. Одним из направлений сотрудничества является реализация научно-образовательного проекта «Болгарская международная археологическая школа» на площадках вузов Узбекистана, который нацелен на внедрение в практику археологических исследований новейших научных методик, комплексную реализацию междисциплинарного подхода по изучению археологических памятников и сохранению культурного наследия.

Школа способствует обеспечению доступа обучающейся молодежи к актуальной научной информации и археологической научно-исследовательской деятельности; популяризации археологии, истории, реставрации и музейного дела; подготовке новых научных кадров (Ситдииков и др., 2014; Ситдииков и др., 2015; Айтуганова и др., 2016; Воробьева, Голубева, 2019а; Воробьева, Голубева, 2019б).

С 12 по 25 сентября 2022 г. на базе Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ), Международного университета туризма и культурного наследия «Шелковый путь» (г. Самарканд, Республика Узбекистан) и Бухарского государственного университета (г. Бухара, Республика Узбекистан) состоялась работа второго этапа IX Болгарской международной археологической школы (1 этап проходил в Болгаре, с 14 по 27 августа) (рис. 1). Участниками II этапа Школы стали более 50 человек из России, Узбекистана, Казахстана, Беларусь, Турция, Сирия (рис. 2). Молодые исследователи в течение двух недель познакомились с современными междисциплинарными подходами в изучении и сохранении историко-культурного наследия в рамках таких научных направлений как:

Рис 2. Участники второго этапа IX Международной археологической школы в Международном университете туризма «Шелковый путь».

Fig. 2. Participants of the second stage of the IX International Archaeological School at the "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage.

Древняя керамика как массовый материал; Научная и лабораторная реставрация; Геоархеология.

По итогам работы археологической школы участникам были предоставлены сертификаты и возможность публикации в очередном номере рецензируемого журнала «Археология Евразийских степей».

С 2022 г. проект «Болгарская международная археологическая школа» включен в перечень мероприятий Международного института центрально-азиатских исследований (МИЦАИ) и будет реализовываться ежегодно при его поддержке в Центральной Азии.

Особое место в сотрудничестве с Республикой Узбекистан занимает деятельность совместной археологической экспедиции, которая осуществляла археологические исследования на двух объектах археологии благодаря соглашению о научном сотрудничестве Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Казанского федерального университета с Термезским государственным университетом и Нукусским государственным педагогическим институтом им. Ажинияза (рис. 3).

В марте 2023 года в рамках научного сотрудничества с Термезским государственным университетом (г. Термез, Узбекистан) состоялось совместное междисциплинарное изучение объекта археологического наследия «Дворец термезшахов», датируемого XI–XII вв. (северо-восточный район Старого Термеза), и представляет собой руины комплекса зданий, сохранившихся в виде трех холмов. Рекогносцировочное исследование памятника, обозначенного как «Здание №1», осуществлено в 1927 г. экспедицией Московского музея восточных культур в Среднюю Азию под руководством Б.П. Денике (Денике, 1928а; Засыпкин Б.Н., 1928. С. 24–28). В результате работ был установлен общий план здания, высказан дворцовый характер его функционирования и предложена датировка памятника – XI–XII вв. (Денике, 1928б; 1939, с. 46–54).

Центральный холм, предварительно обозначенный как «Здание №2», исследовался в 1936–1937 гг. под руководством М.Е. Массона. Тогда были раскопаны богато орнаментированные тронный зал, двор с айваном и бассейном по центру и прочие архитектурные объекты. Сооружения были сложены из сырцового кирпича (иногда с частичным

Рис. 3. Карта Республики Узбекистан с указанием мест исследований 2023 г.
Fig. 3. Map of the Republic of Uzbekistan, indicating survey sites in 2023.

применением обожженного кирпича) и декоративно облицованные обожженными кирпичами, алебастровой штукатуркой и резным панно, цветной росписью и т.д. Исследователям удалось проследить несколько строительных горизонтов, связанных со строительством и ремонтом зданий, отразившихся в применении облицовочного материала. По мнению М.Е. Массона, комплекс сооружений «Здания №2» прекратило свое существование после монгольского нашествия, и с XIII в. обожженный кирпич зданий начал разбираться на строительный материал жителями средневекового Термеза (Массон, 1941, с. 40–50; Жуков, 1941, с. 169–196; 1945).

Работы 2023 г. были сконцентрированы на восточном холме, который на генеральном плане городища Старый Термез обозначен как «Здание №1», которое, предшествующими исследователями условно отнесено к категории памятников «сасанидского» типа (Массон, 1941, с. 40). На вершине данного холма и на площадке к западу от его подошвы проведены геофизические изыскания, которые выявили ряд геомагнитных аномалий

(рис. 4). Кроме того, на вершине в северной части холма, где предполагалось обнаружение северной стены сооружения, заложен рекогносцировочный раскоп площадью 16 кв. м. На всей площади раскопа под незначительными наслоениями светло-коричневого суглинка, представляющими собой аморфную массу размытого сырца, выявилась сплошная сырцовая выкладка. Разведочной шурфовкой в южной части раскопа прослежено 20 рядов (слоев) выкладки, каждая толщиной 4–12 см, продолжающейся ниже. Дальнейшее изучение продолжится на следующий полевой сезон.

В мае-июне 2023 г. были проведены совместные археологические исследования с Нукусским государственным педагогическим институтом им. Ажинияза на городище Хайван-кала в Нукусском районе Республики Каракалпакстан.

Памятник расположен в 5 км к северо-западу от н.п. Кердер и 36,7 км к северо-западу от г. Нукус, в дельте р. Амударья на левой стороне старого притока Шортанбай. Городище прямоугольной формы размерами около 430

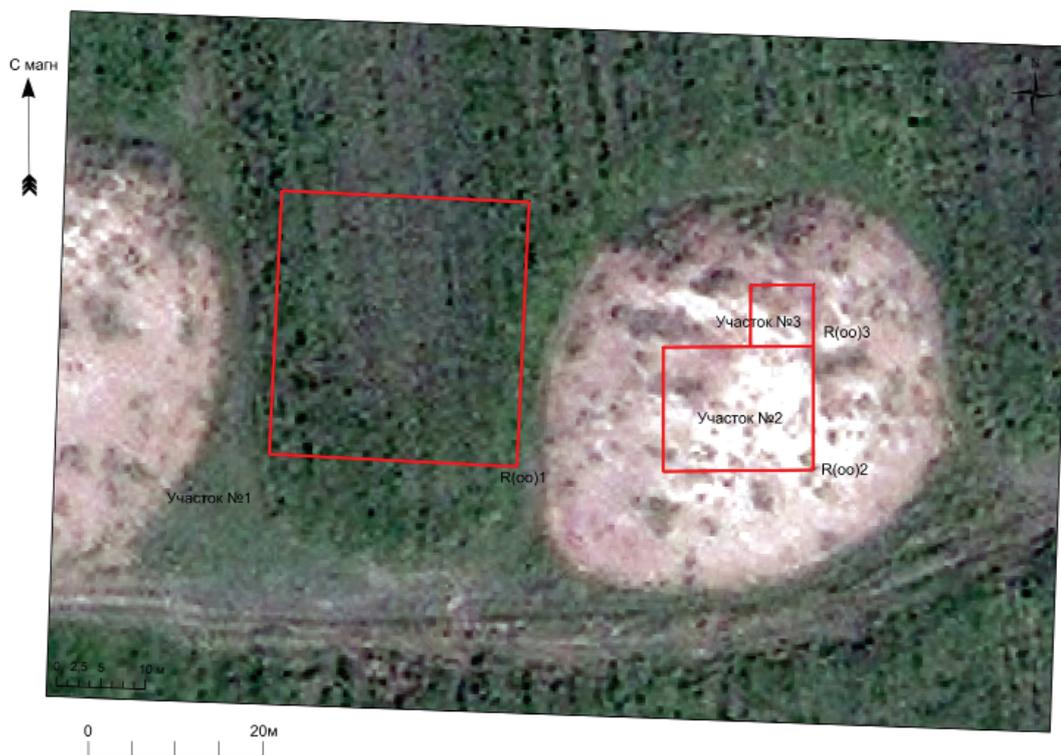

Рис. 4. Космоснимок восточной части ОКН «Дворец термезшахов» с указанием участков геофизических и археологических исследований (дата обращения: 20.03.2023 г.).

Fig. 4. Satellite image of the eastern part of the archaeological heritage site "Palace of Termezshahs" with an indication of the areas of the geophysical and archaeological studies (date of reference: 03/20/2023).

х 400 м по периметру имеет укрепления в виде оплывшего земляного вала. Территория городища имела плотную застройку домами-массивами, образующими кварталы, отделенные улицами. По центру городища по оси север-юг проходила центральная улица.

Городище Хайван-кала впервые было обследовано в 1947 г. каракалпакским этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Толстов, 1948, с. 190; Вактурская, Воробьева, 1952, с. 637–638). Собранные подъемные материалы позволили датировать памятник VII–X вв. и локализовать на его месте известный по средневековой арабо-персидской исторической и географической литературе город Кердер (Толстов, 1948, с. 190; Ягодин, 1963; 1981). В последующие годы городище неоднократно обследовалось Институтом истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук УзССР (ныне – Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан) и археологическим отрядом Нукусского государственного педа-

гогического института (Ягодин, 1981, с. 78; Мамбетуллаев и др., 2001; Мамбетуллаев, 2006). В ходе исследований выделено четыре относительно-хронологических периода, соответствующих такому же числу строительных горизонтов, на которые удалось расчленить культурные напластования городища (Ягодин, 1981, с. 81–83). Однако для установления абсолютных дат для каждого из этих периодов пока нет достаточных оснований.

Раскоп 2023 г. площадью 180 кв. м был заложен в центральной части городища, и с юга вплотную примыкал к западине, оставшейся от присыпанного раскопа (рис. 5). Судя по имеющимся архивным и опубликованным материалам, на данном участке располагался раскоп V, разбитый в 2014–2015 гг. археологическим отрядом Нукусского государственного педагогического института. Раскопом тех лет были вскрыты остатки сооружения с базами колонн, сложенных из жженного кирпича. Сооружение было интерпретировано как мечеть. Раскоп 2023 г. заложен с целью продолжения изучения данного объекта.

Рис. 5. Космоснимок городища Хайван-кала с указанием раскопа 2023 г.

Fig. 5. Satellite image of the Khaivan-Kala fortified settlement with an indication of the excavation in 2023.

В процессе работ были вскрыты напластования мощностью до 1,6–1,7 м. Обнаружено здание с тремя помещениями 4-го строительного горизонта, который по археологическим материалам может быть датирован IX–XI вв. Стена здания шириной до 1,5 м у основания продолжается в восточную стенку раскопа. От нее перпендикулярно отходят перегородки шириной 50–74 см, образующие внутренние помещения размером 2,7x5,4, 4,0x4,4 и 3,8x3,4 м, соответственно. Стены здания представляют собой пахсу, частично сложенную из сырцовых кирпичей (рис. 6). Было обнаружено около 2000 предметов массового археологического материала, преимущественно керамики. Кроме того, обнаружены 186 индивидуальных предметов: медные монеты, фрагменты стеклянных сосудов, изделия из черного металла и кости. Все выявленные

объекты были законсервированы. Раскопки будут продолжены в 2024 г.

В рамках научно-образовательного сотрудничества в Термезском государственном университете специалистами Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ была организована и реализована дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Геоинформационные технологии и неразрушающие методы» объемом 144 ак. Часа. Сотрудники Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ провели методические и практические обучающие занятия по применению ГИС-систем, новейших технологий и естественнонаучных методов в археологии, а также были представлены новейшие результаты исследований средневековых памятников, проводимых Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (рис. 7).

Рис. 6. Процесс исследования культурного слоя городища Хайван-кала.

Fig. 6. Studies of the cultural layer of the Khaivan-Kala fortified settlement.

Рис. 7. Лекция зав. отделом геоинформационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, к.т.н., доцента Г.М. Сайфутдиновой «Опыт применения геоинформационных технологий в археологии»

Fig. 7. Speech by G.M. Saifutdinova, head of the Department of Geoinformation Technology of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov TAS, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor on the topic "Experience in the application of geoinformation technologies in archaeology".

Рис. 8. Вручение сертификатов по окончании курса повышения квалификации «Геоинформационные технологии и неразрушающие методы археологии».

Fig. 8. Presentation of advanced training course certificates "Geoinformation technologies and non-destructive methods of archaeology".

Участники программы получили сертификаты по окончании курса повышения квалификации (рис. 8).

Институт археологии также ведет сотрудничество в направлении подготовки научных кадров. В 2023 году в аспирантуру АН РТ по направлению 5.6.3 – Археология поступил сотрудник Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) (г. Самарканд) А.Л. Фейзуллаев.

Таким образом, поддержка МИЦАИ и успешная реализация научно-образовательного проекта Болгарская международная археологическая школа в 2022 году послужили началом более тесного и плодотворного сотруд-

ничества между Республикой Татарстан и Республикой Узбекистан. С 2023 года Институт археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан совместно с Казанским федеральным университетом в договора о сотрудничестве ведет активное взаимодействие с научными и образовательными организациями Узбекистана, в частности, с Термезским государственным университетом и Нукусским государственным педагогическим институтом им. Ажинияза.

Результаты археологических исследований объектов археологического наследия найдут отражение в совместных научных публикациях, издание которых планируется в 2024 году.

ЛИТЕРАТУРА

Айтуганова Н.Л., Ситдилов А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе III Международной археологической школы // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 334–339.

Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2018 году // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 208–228.

Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 196–216.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника работ Хорезмийской экспедиции Академии наук СССР // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 гг. / ТХАЭЭ. Т. 1 / Ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1952. С. 611–643.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. Международная археологическая школа и ее место в патриотическом воспитании студенческой молодежи // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) / Ред. О.Н. Широков, О.Г. Вязова, Н.А. Петров, М.И. Федулов. Чебоксары: Среда, 2019а. С. 95–99.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. О работе VI Международной археологической школы // Археология Евразийских степей. 2019б. № 5. С. 99–112.

Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: Всесоюзная Академия архитектуры, 1939. 230 с.

Денике Б.П. Резная штукатурная декорация в Термезе // Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания. Вып. III. М.: РАНИОН, 1928б. С. 61–65.

Денике Б.П. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. II. М.: Издание Музея восточных культур, 1928а. С. 3–16.

Жуков В.Д. Археологическое обследование в 1937 г. дворца Термезских правителей // ТАКЭ. Т. 2 / Ред. И.К. Додонов, М.Е. Массон. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1945. С. 133–162.

Жуков В.Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза // Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Вып. 2 / Ред. Л.В. Баженов. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1940. С. 169–196.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры Термезского района // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур. II. М.: Издание Музея восточных культур, 1928. С. 17–40.

Мамбетуллаев М.М. Раскопки на городище Хайван-кала // Археологические исследования в Узбекистане. 2004–2005 гг. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Ташкент: Фан, 2006. С. 141–143.

Мамбетуллаев М.М., Турманов Ж., Базарбаев А. Раскопки в Кердере // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: ИА АН РУз, 2001. С. 98–100.

Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Вып. 2 / Ред. Л.В. Баженов. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1940. С. 5–122.

Ситдилов А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18-31 августа 2014г.) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 294–303.

Ситдилов А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе II Международной полевой Археологической школы // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 264–267.

Ситдилов А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. // Поволжская археология. 2016. № 1 (16). С. 276–290.

Ситдилов А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 330–343.

Ситдилов А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 342–354.

Ситдилов А.Г., Саттаров Р.Р. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2022 году // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 358–377.

Ситдилов А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2020 году // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 119–129.

Ситдилов А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 году // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 237–255.

Ситдилов А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 241–259.

Толстов С.П. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. V. № 2. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 182–192.

Ягодин В.Н. Городище Хайван-кала – раннесредневековый Кердер // Археологические исследования в Каракалпакии / Отв. ред. И.К. Косымбетов, В.Н. Ягодин. Ташкент: Фан, 1981. С. 78–102.

Ягодин В.Н. К вопросу о локализации Кердера // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1963. № 2 (12). С. 67–75.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент информационно-редакционного отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); veer47@mail.ru

Сарыбаев Маман Ктайбекович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории. Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза (г. Нукус, Республика Узбекистан); nkspi_info@edu.uz.

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), заместитель директора по научной работе, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Ситдилов Айрат Габитович, академик Академии наук РТ, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Aituganova, N. L., Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 334–339 (in Russian).

- Bocharov, S. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 208–228 (in Russian).
- Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 196–216 (in Russian).
- Vakturskaya, N. N., Vorob'eva, M. G. 1958. . In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1945–1948 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1945–1948)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 611–643 (in Russian).
- Vorobeva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In Shirokov, O. N., Vyazova, O. G., Petrova, N. A., Fedulov, M. I. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii: (k 30-letiiu osnovaniia kafedry arkheologii, etnografii i regional'noi istorii) (Current Issues of Archaeology, Ethnography and History: (Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Archaeology, Ethnography and Regional History))*. Cheboksary: “Sreda” Publ., 95–99 (in Russian).
- Vorobeva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 99–112 (in Russian).
- Denike, B. P. 1939. *Arkhitekturnyy ornament Sredney Azii (Architectural ornament of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: “Vsesoyuznaya Akademia Arkhitektury” Publ. (in Russian).
- Denike, B. P. 1928. In *Trudy sektsii iskusstvoznaniya Instituta arkheologii i iskusstvoznaniya (Proceedings of the Art History Section of the Institute of Archaeology and Art History)* 3. Moscow: “RANION” Publ., 61–65 (in Russian).
- Denike, B. P. 1928. In *Kul'tura Vostoka. Sbornik Muzeya vostochnykh kul'tur (Culture of the East. Collection of the Museum of Oriental Art)* 2. Moscow: “Muzei vostochnykh kul'tur” Publ., 3–16 (in Russian).
- Zhukov, V. D. 1945. In Dodonov, I. K., Masson, M. E. (eds.). *Termezskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya (TAKE) Tom 2 (Termez Archaeological Complex Expedition. Vol. 2)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 133–162 (in Russian).
- Zhukov, V. D. 1940. In Bazhenov, L.V. (ed.). *Termezskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya (TAKE) (Termez Archaeological Complex Expedition)* 2. Tashkent: “UzFAN” Publ., 169–196 (in Russian).
- Zasyupkin, B. N. 1928. In *Kul'tura Vostoka. Sbornik Muzeya vostochnykh kul'tur (Culture of the East. Collection of the Museum of Oriental Art)* 2. Moscow: “Muzei vostochnykh kul'tur” Publ., 17–40 (in Russian).
- Mambetullaev, M. M. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane. 2004–2005 gg. (Archeological researches in Uzbekistan. 2004–2005)* 5. Tashkent: “Fan” Publ., 141–143 (in Russian).
- Mambetullaev, M. M., Turmanov, Zh., Bazarbaev, A. 2001. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2000 god (Archaeological Researches in Uzbekistan. Season 2001)*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 98–100 (in Russian).
- Masson, M. E. 1940. In Bazhenov, L.V. (ed.). *Termezskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya (TAKE) (Termez Archaeological Complex Expedition)* 2. Tashkent: “UzFAN” Publ., 5–122 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 294–303 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–267 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (1), 276–290 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 330–343 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Karimov, I. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 342–354 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 358–377 (in Russian).
- Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 119–129 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 237–255 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G., Karimov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 241–259 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya istorii i filosofii (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Series of History and Philosophy)* vol. V, no 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 182–192 (in Russian).

Yagodin, V. N. 1981. In Kosymbetov, I. K., Yagodin, V. N. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Karakalpakii (Archaeological research in Karakalpakstan)*. Tashkent: “Fan” Publ., 78–102 (in Russian).

Yagodin, V. N. 1963. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN Uzbekskoy SSR (Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR)* 2 (12), 67–75 (in Russian).

Abot the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Vorobeva Elena E., Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; veer47@mail.ru

Sarybaev Maman K. Doctor of Historical Sciences, Professor. Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz. A. Dustnazarov ko‘chasi, 104-uy. Nukus, Republic of Uzbekistan; nkspi_info@edu.uz

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭ – Камская археологическая экспедиция ПГУ и ИИМК АН СССР
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАД – Материалы по археологии Дагестана.
МА РТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
НМ РК – Национальный музей Республики Казахстан
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ
ПГУ – Пермский государственный университет
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СЭ – Советская этнография.
ТКЛА – Туркестанский кружок любителей археологии
УАВ – Уфимский археологический вестник
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ ПГУ – Ученые записки ПГУ
ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 22.12.2023

Дата выхода в свет 26.12.2023

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 46,85

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

